

19¹⁶/₁₃₂

СПАИ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ Д О М)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XXIV

ЛИТЕРАТУРА
И ОБЩЕСТВЕННАЯ
МЫСЛЬ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

*К 80-летию со дня рождения
члена-корреспондента АН СССР
В. П. Адриановой-Перетц*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 6 9

Редакционная коллегия:

О. А. Белоброва, Н. Ф. Дробленкова,
Д. С. Лихачев (ответственный редактор),
М. А. Салмина, О. В. Творогов.

225293

7-2-2
209-69 (I пол.)

Варвара Павловна Адрианова-Перетц

ОТ УЧАСТНИКОВ ТОМА —
ВАРВАРЕ ПАВЛОВНЕ
АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ

Мы посвящаем этот том «Трудов Отдела древнерусской литературы» Варваре Павловне Адриановой-Перетц — к шестидесятилетию ее научной деятельности. Мы делаем это с радостью и любовью, и мы надеемся, что чтение этого тома доставит дорогой Варваре Павловне хотя бы некоторое удовлетворение. Ведь то, что сделано ею самой в науке, не пропало — живет в работах ее учеников и младших товарищей, прямо и косвенно отражается и в статьях этого тома.

Современное изучение древней русской литературы многим обязано Варваре Павловне. Она обогащает изучение древнерусской литературы лучшими традициями русской академической науки и вместе с тем вводит в науку и новые темы, и новые подходы к их разрешению. С именем Варвары Павловны Адриановой-Перетц навсегда останутся связаны такие темы, как древние русско-украинские литературные отношения, русская демократическая литература XVII в., театральные обиход конца XVII — начала XVIII в., историзм литературы древней Руси, старообрядческая литература XVIII в. и многое другое. Изучение этих тем было введено в науку именно Варварой Павловной. И вместе с тем Варвара Павловна ввела в науку новый подход к изучению взаимосвязей древнерусской литературы и фольклора, по-новому показала значение в историко-литературном процессе древней Руси исторической литературы, и в частности летописи. Много нового открыто ею в изучении связей «Слова о полку Игореве» с современной ему древнерусской литературой, в изучении метафор и символов древней Руси, в исследовании русской и украинской паломнической литературы и т. д. Варваре Павловне принадлежит руководящая роль во всех главных обобщающих коллективных работах советского периода по древнерусской литературе. Под ее руководством в 40—50-х годах созданы три коллективные истории русской литературы и все главные библиографии по древнерусской литературе и «Слову о полку Игореве».

Чувство нового никогда не покидает Варвару Павловну, и именно оно, это чувство нового, позволяет ей активно поддерживать все свежее и интересное в науке. Именно это чувство нового заставляет Варвару Павловну неустанно помогать молодежи, вести огромную консультационную

работу, направлять исследователей к поискам новых тем и методов исследования. Вся творческая и консультационная работа Варвары Павловны социальна в высшем смысле этого слова. Ей свойственны научное товарищество и терпимость, благожелательность и дружественная требовательность, искренняя заинтересованность в успехах других и стремление к справедливой оценке трудов ученых.

За все это мы горячо благодарим дорогую нам Варвару Павловну и просим ее снисходительности к нижепомещаемым статьям.

Авторский коллектив
«Трудов Отдела древнерусской литературы».

Д. С. ЛИХАЧЕВ

История древней русской литературы в трудах • В. П. Адриановой-Перетц

Все, кому выпало счастье консультироваться с Варварой Павловной по научным вопросам, знают ее удивительную черту: быстро и глубоко вникать в самое существо вопроса, обобщать и связывать явления в единую целостную картину. Интерес к новым идеям, к новым фактам и новым памятникам сочетается у В. П. с умной способностью развивать с их помощью собственные представления об историко-литературном процессе древней Руси. В. П. — прирожденный руководитель больших коллективных трудов. Она дает этим трудам строго научное направление, не связывая научной инициативы участников, а, напротив, поддерживая эту инициативу и вводя ее в единое русло стройных обобщений. Свои научные работы В. П. всегда строит в связи с общими задачами науки. Наметив те или иные проблемы, подлежащие изучению в общем плане, В. П. всегда приступает к их конкретному изучению.

В 1937 г., работая в Издательстве Академии наук СССР, я получил для литературной и технической вычитки рукопись покойного А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.». Работа А. А. Шахматова увлекала своей сложностью и стройностью, она без всяких пышных фраз убеждала читателя в высоте культуры древней Руси, богатстве ее историософских концепций. Я решил тогда заниматься летописанием и отправился для консультации к В. П. Ознакомившись с моими интересами (в то время я интересовался еще и Новгородом, новгородским искусством), В. П. быстро нашла для меня тему — «Новгородские летописные своды XII века» — и, обрисовав ее историко-литературное значение, сумела внушить к ней такой интерес, что я ушел от В. П. убежденный, что иной лучшей темы для меня на первых порах и не найти. Через три года я защитил по ней кандидатскую диссертацию.

Для многих и многих начинающих научных работников эффект научных консультаций В. П. такой же, если не больший. Секрет этого умения найти тему и заинтересовать ею молодого ученого, я думаю, состоит в том, что для В. П. не существует тем «в себе». Каждая тема мыслится ею в широкой историко-литературной перспективе, она нужна для целого и не имеет только частного значения. Если тема что-то объясняет в историко-литературном процессе, открывает перспективы дальнейших исследований, приносит историко-литературную пользу, — она нужна. Двери, которые открывает В. П. перед молодым исследователем в науку, — это двери целой дворцовой анфилады. История литературы для В. П. — это захватывающий своей красотой дворец, в котором каждый зал создан

в своем стиле — стиле своей эпохи, связан со своими историческими припоминаниями, своими историческими обитателями.

Исследователь литературы может быть литературоведом, но может быть и историком литературы. В. П. — историк литературы по преимуществу. Это в значительной степени обусловлено не только ее способностями к широкому обобщению, но и ее глубокими и разносторонними знаниями в области истории и искусства древней Руси.

Уже первые работы В. П. были своеобразными «пробами пера» в этом направлении. Она обращается к древнеукраинской литературе, совсем в те времена еще не изученной.

В небольшой статье 1908 г. «Евангелие Фомы в старинной украинской литературе» В. П. показывает, как в XVIII в. этот памятник становится типичной «народной книгой», как в него включаются народные легенды и как он сам становится материалом для народных сказаний. Конкретные связи фольклора и литературы будут В. П. интересовать и в дальнейшем, на всем пути ее научных исследований.

Ряд ее статей, посвященных литературной истории Толковой палеи, также показывают этот памятник в развитии, в его связях с историко-литературным процессом и в его типичных для каждой эпохи изменениях. Особенно интересна судьба этого памятника (созданного еще в XIII в.) во второй половине XVIII в. на Украине, когда там усиленно ходили слухи о появлении некоего Саббатаи Цви, объявившего себя Мессией.

Тем же интересом к литературной судьбе произведения отмечено и ее исследование 1911 г. — «К истории текста „Аристотелевых врат“». Исследование объясняло, между прочим, причины популярности этого памятника в XVI, XVII и XVIII вв., а также показывало изменения, происходившие в нем, постепенный рост в его составе народных элементов и исчезновение непонятных читателям — иноязычных.

Последующие работы В. П., посвященные отдельным украинским спискам сборников слов и поучений, «Аристотелевых врат», «хождениям» в святую землю игумена Даниила, Варлаама Леницкого, Ипполита Вишенского, Василия Гагары, Данила Корсунского, началу стихотворства, началу русского театра, истории цен на книги, носят в той или иной мере отпечаток историко-литературных интересов автора. Переписчики, читатели, зрители театральных представлений и постановщики, хранители рукописей, покупатели книг, носители легенд, «ученые» паломники — вот главные герои исследований В. П., которую в первую очередь во всех ее работах интересуют взаимоотношения литературы и народа, роль народа в историко-литературном процессе.

Этот аспект изучения старинной украинской и русской литературы был не только нов для своего времени, — он позволял взглянуть на историю литературы с точки зрения истории изменения читательских вкусов, истории ее взаимоотношений с фольклором. Он позволял в литературной судьбе каждого памятника увидеть отражение в миниатюре всего историко-литературного процесса.

С этой последней точки зрения исключительный интерес представляет большое исследование В. П. — «Житие Алексея Человека божия в древней русской литературе и народной словесности» (Пгр., 1917). До появления этой книги ни одна литературная история памятников не подвергалась еще такому подробному и глубокому исследованию. Судьба памятника исследовалась В. П. по всем спискам, начиная от древнейших и кончая самыми поздними. В. П. изучала отражение памятника в разнообразных фольклорных произведениях — древнерусских и украинских, в школьной драме, в стихотворстве, в церковном красноречии. Она установила международ-

ные связи памятника, его переводы с других языков и на другие языки.

Исследование текста «Жития Алексея Человека божия», его литературной истории до сих пор является образцовым, несмотря на то что со времени издания книги прошло уже более полувека. Работе этой подражают у нас и за рубежом историки средневековых литератур в своих исследованиях отдельных памятников. И опять-таки следует подчеркнуть: и в исследовании этого памятника, как и многих предшествующих, его история для В. П. — только часть истории литературы. Читая книгу В. П., мы следим за сменой литературных вкусов и приемов переработки текста, за историей идей и сложным развитием взаимоотношения литературы и фольклора. Мы узнаем из книги В. П., как перерабатывался памятник для театра, как взаимодействовали отдельные жанры фольклора и литературы, как соотносились украинская, русская и польская литература.

Литературная история «Жития Алексея Человека божия», реконструированная В. П., может быть названа историей древне-восточнославянских литератур в миниатюре.

Широкий историко-литературный подход к изучению литературной судьбы отдельных памятников явился только одним из подступов к полному пересмотру концепции историко-литературного процесса русского и украинского средневековья, существовавшей в старой академической науке. Надлежало пересмотреть также и самый репертуар памятников, который традиционно привлекался для построения историко-литературных обзоров старинной нашей литературы.

Впоследствии в статье «Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 гг.» В. П. писала: «Новая точка зрения на этот репертуар и пополнение его новыми находками и включением в кругозор литературоведа произведений, ранее остававшихся вне его поля зрения, радикально изменили наше представление о самом происхождении древнерусской литературы и о преобладающем ее характере».¹ Работы В. П. в этом направлении касаются прежде всего XVII в. Эта эпоха была совершенно не понята в старом академическом литературоведении. Не понят был переходный характер литературы XVII в., от древней к новой. На этот счет существовали разные точки зрения, каждая из которых была слабо обоснована и не столько осмысляла материал изнутри, сколько «накладывалась» на него сверху. Не понята была классовый характер древнерусской литературы этого периода и разнообразие сосуществовавших в ней стилей.

Неясности с XVII веком были настолько велики, что один из первых литературоведов, попытавшихся создать историю древней русской литературы как стилистическую характеристику различных эпох, акад. А. С. Орлов, вовсе отказался в первом издании своих лекций по древнерусской литературе от задачи исследования XVII в. Курс А. С. Орлова кончался на XVI в. Только во втором издании А. С. Орлов включил все же небольшую главу о XVII в., дав в ней чисто внешнюю и крайне беглую характеристику отдельных памятников XVII в., но не самой эпохи.

В. П. обратила внимание на неполноту самих наших представлений о XVII в., создававшихся на основе тех немногих памятников XVII в., которые обычно рассматривались в различных курсах истории древнерусской литературы. Она занялась изучением и изданием памятников демократической сатиры.

¹ ТОДРЛ, т. VI, М — Л, 1948, стр. 5—6.

Демократическая сатира была центральным звеном в длинной цепи сложных явлений XVII в. Она свидетельствовала прежде всего о наличии значительного классового расслоения в литературе, о проникновении в литературу фольклора и о критическом отношении к действительности большинства народа. Сатира отражала действительность «бунташного века» с точки зрения эксплуатируемых слоев народа, говорила о появлении критического направления в русской литературе и сама по себе была очень национальна по духу, языку и стилю.

Многочисленные публикации и исследования этой демократической литературы, начатые В. П. еще в 20-е годы и завершившиеся обобщающей книгой 1954 г. «Русская демократическая сатира XVII века», совершенно изменили наши представления о XVII в. Важнейшее звено в истории русской литературы переходного периода было извлечено из забвения и подвергнуто изучению. Нельзя сказать, что до В. П. памятники демократической сатиры не были известны вовсе. Большинство было известно, но им не придавалось значения; они казались памятниками «низшего» рода, мало интересными и грубыми, не художественными. Изданы они были неряшливо, по случайным спискам. Не были установлены их происхождение, их взаимосвязи, их идейное значение, как выразителей дум и настроений посадского населения городов и грамотной части деревни.

Очень важно и интересно предположение В. П., что создателей демократической сатиры XVII в. выдвинула профессиональная среда «площадных подъячих», плебейской части духовенства, мелких приказных служащих, мелких посадских и сельских грамотеев.²

В. П. отмечает: «В XVII в. процесс создания сатиры как особого вида художественной литературы идет рядом с энергичным развитием народной сатиры — спутницы антифеодальных движений этого времени».³

Обращая внимание на громадную роль демократической литературы в историко-литературном процессе XVII в., В. П. пишет: «Появление в литературе демократических слоев посада антифеодальной в своем основном направлении сатиры именно в XVII в. было закономерным следствием активного участия этой части посадского населения в классовой борьбе, особенно обострившейся уже с конца XVI в.»⁴

Благодаря открытию значения сатирической литературы все стало на свое место в историко-литературном процессе XVII в. Обращение к украинскому барокко в литературе верхов феодального общества уравновесилось обращением к фольклору в его эксплуатируемом большинстве. Торжественно-парадный и высокий стиль официальной литературы оказался только одной из сторон той системы стилей, на противоположном конце которой находился резко сниженный и фольклорный стиль демократической сатиры. Век контрастов действительности оказался веком контрастов и в литературе. Классовая борьба не только отражалась в литературе, но и имела в ней свое продолжение. Важно было и то, что сатирическое направление в литературе получило свое мощное развитие в XVIII в. Мост между литературой XVII в. и литературой XVIII в. был переброшен.

Редко на долю исследователя литературы выпадает такой громадный научный успех, какой выпал на долю В. П. в результате ее систематических и упорных занятий демократической литературой. Новая концепция литературы XVII в. была создана не в результате «комбинации» и

² В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 160

³ Там же, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 159.

осмысления старых, уже циркулировавших в науке материалов, а на основе большого слоя вновь введенных в кругозор исследователей памятников, — памятников, которые сами по себе открывали целую новую область явлений литературы, необычайно перспективную.

Все работы В. П. — от ее самых первых и до написанных за последний год — так или иначе связаны с идеей глубокой роли народа в историко-литературном процессе. Демократическая литература подтвердила эту мысль, обычно только риторическую у многих других литературоведов, вполне «материально».

— — .

Стремление выяснить роль народа в историко-литературном процессе обусловило постоянный интерес В. П. к проблеме взаимоотношения фольклора и литературы. Это взаимоотношение исследовалось В. П. в частных исследованиях еще дореволюционного периода. Интерес к этой проблеме был доминирующим в публикациях и работах, посвященных ею демократической литературе, и он же лег в основу ряда обобщающих статей послевоенного периода: «Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы)» (ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 5—16), «„Слово о полку Игореве“ и русская народная поэзия» (ИЮЛЯ, т. 9, 1950, вып. 6, стр. 409—419), «Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия» (ТОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 95—137), «Исторические повести XVII века и устное народное творчество» (ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 67—96) и ряд глав коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество» (т. I, М.—Л., 1953).

Во всех этих работах на основе большого опыта ряда собственных конкретных исследований В. П. выступает против ограничения изучения взаимоотношения фольклора и литературы формальными, механистическими сопоставлениями отдельных элементов (метафоры, эпитеты, отрицательные сравнения, образы и пр.). Она требует объяснения проникновения фольклора в литературу и литературных мотивов в фольклор и предлагает искать эти объяснения в явлениях идеологии и мировоззрения, в условиях существования литературного и фольклорного произведения и пр.

Приведу ряд выдержек из работ В. П. для пояснения позиций, занимаемых ею в этом вопросе.

В статье «Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия» В. П. пишет: «Дореволюционное и советское литературоведение накопили довольно много фактов, свидетельствующих о прямых отражениях устнопоэтических сюжетов или мотивов в памятниках древнерусской литературы. Однако многие из этих фактов еще не до конца исследованы. Уточнения в ряде случаев требует прежде всего самый материал, подлежащий сопоставлению: рукописный текст литературного памятника и его предполагаемый фольклорный источник. На основе детально разработанной истории текста литературного произведения необходимо точно установить, в какой момент своей жизни оно подверглось воздействию фольклора, — при возникновении или в одной из позднейших редакций, другими словами, в какой исторической обстановке, в силу каких причин произошло сближение устной и письменной литературы, какова связь этого сближения с классовой направленностью всего литературного произведения в целом».⁵ Дальше В. П. утверждает: «Задача исследователя заклю-

⁵ ТОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 98.

чается в том, чтобы в каждом отдельном случае определить идейный смысл того устного источника, которым воспользовался писатель».⁶

«Советское литературоведение, — заявляет В. П., — не может ограничиться указанием отдельных случаев отражения фольклора в литературных жанрах. Опровергая господствовавшее в дореволюционной науке представление об оторванности в средние века книжности от устной поэзии, исследователи за последние десятилетия доказали непрекращавшееся общение этих двух областей словесного творчества, наметили периоды, когда это общение становилось особенно оживленным, и поставили вопрос об исторической обусловленности процесса взаимодействия литературы и фольклора. Впереди большая работа над изучением того, как протекал этот процесс в каждую эпоху, в каждом литературном жанре, какую функцию выполняли элементы фольклора в формировании идейно-художественного своеобразия литературы, в чем их качественное отличие от специфически книжных».⁷

«Проблема взаимоотношения в древней Руси литературы и фольклора — это проблема соотнесения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости» — с этого принципиального положения начинается первая из серии статей В. П. о взаимоотношении литературы и фольклора — «Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы)».⁸ Далее В. П. пишет: «Свойственное писателю и народному поэту отношение к исторической действительности, оценка ими событий и лиц, задачи художественного отражения жизни в слове и методы, которыми эти задачи осуществляются, — вот что составляет основной предмет сравнительного изучения исследователя, поставившего перед собой проблему взаимоотношения древнерусской литературы и фольклора».⁹

Книжность и фольклор выступают для В. П. как два враждебных мировоззрения и их взаимоотношения есть прежде всего взаимоотношения борьбы: «Показать борьбу в литературе и отчасти в фольклоре этих двух враждебных друг другу мировоззрений — значит приблизиться к определению сущности проблемы взаимоотношения писателя и народного поэта древней Руси».¹⁰

«Родство подлинно-народных памятников древнерусской литературы с творчеством трудового народа возникает тогда, когда писатель и народный поэт сходятся в своем отношении к исторической действительности».¹¹ Отсюда главная задача: «Литературоведение должно представить характер, границы и причины сближения тех или других приемов отражения действительности в творчестве древнерусского писателя и народного поэта и в то же время определить качественные отличия между функцией каждого из этих совпадающих приемов в каждом отдельном конкретном случае».¹²

Вместе с тем В. П. указывает, что «фольклора вообще, с единой целеустремленностью, с единым отношением к действительности не было даже в пределах каждого отдельного исторического момента».¹³ В связи

⁶ Там же

⁷ ТОДРА, т. VI, стр. 9.

⁸ ТОДРА, т. VII, М. -Л., 1949, стр. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 6.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 9.

¹³ Там же, стр. 10.

с этим В. П. ставит задачу, которая до сих пор мало привлекает к себе внимание исследователей, но исключительно важна: «... четкая классовая характеристика всего этого устнопоэтического наследия древней Руси — первоочередная, неотложная задача, чтобы в каждом отдельном случае исследователь мог с определенностью показать, фольклором какого класса воспользовался писатель, сохранил или изменил он самую суть использованного устного материала, и чем вызвано его отношение к этой сущности. Следует также иметь в виду, что не каждый период средневековья отразил в литературе классовую неоднородность фольклора».¹⁴

Я останавливаюсь так подробно на высказываемых В. П. взглядах на взаимоотношение литературы и фольклора потому, что эти взгляды, выросшие на основе ее многочисленных конкретных исследований, имеют принципиальное значение для совершенно новой постановки этой проблемы, предлагаемой В. П.; кроме того, эти взгляды очень важны с точки зрения историко-литературной. Они позволяют по-новому рассмотреть и понять взаимоотношение с фольклором книжных исторических жанров.

Идя по пути исследования взаимоотношения исторического повествования с народной поэзией, В. П. установила любопытную закономерность. Летописание XI—начала XII в., объединенное в «Повести временных лет», по своей идеологической устремленности представляло благодарную почву для установления тесных связей с творчеством трудового народа, особенно с его историческим эпосом. Последний использовался и как исторический источник, и как идейная опора повествования летописца. Однако в дальнейшем мировоззрение летописцев подвергается все большему воздействию феодального общественного строя. Связи летописания с фольклором слабеют. Новые политические задачи летописания все больше отчуждают летописцев от устной истории народа.

Вместе с тем В. П. отмечает существенные особенности отбора фольклорных сюжетов летописцев. «Насколько охотно включал в свой рассказ летописец проникнутые горячим патриотизмом предания о героическом прошлом, о борьбе Руси с внешними врагами, о героях, выделявшихся в этой борьбе, настолько планомерно он замалчивал несомненно существовавшие рассказы или песни о борьбе трудового народа с эксплуатацией, нараставшей по мере углубления феодализации. Феодальная идеология летописца не допустила его стать на сторону народа в этой борьбе, поэтому он, такой внимательный в других случаях к „неписаной истории“, совершенно обошел фольклор, отражавший классовый протест „смердов“ и городских ремесленников против нажима феодальных верхов».¹⁵

Новая постановка вопроса о взаимоотношении литературы и фольклора позволила В. П. иначе, чем это было принято в исследовательской литературе до того, осмыслить и фольклоризм «Слова о полку Игореве». Цель своей статьи «„Слово о полку Игореве“ и устная народная поэзия» В. П. определяет так: «Наша задача состоит в том, чтобы и некоторые стороны художественного метода отражения действительности, свойственные автору „Слова“, представить в их отношении к своеобразному мировоззрению устной поэзии, в частности народного, героического и сказочного эпоса».¹⁶ Связь «Слова» с народной поэзией предстает перед исследовательницей как связь прежде всего идейная, за которой следует и связь внешняя: перенос в «Слово» отдельных образов, мотивов, приемов, символов, метафор, сравнений и пр.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ТОДРА, т. VIII, стр. 107

¹⁶ Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М—Л, 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 293—294.

Специалисты по древней русской литературе хорошо знают, что именно В. П. является главным организатором и вдохновителем всех наиболее крупных коллективных историй древней русской литературы, созданных в 40—50-х годах в Институте русской литературы АН СССР, а также единственной в своем роде попытки 1953 г. создать историю русского фольклора XI—XVII вв. Я имею в виду первый том трехтомной (последний том не вышел) «Истории русской литературы» под главной редакцией В. А. Десницкого, первые два тома (второй том в двух частях) десятитомной «Истории русской литературы» Института русской литературы АН СССР, первую часть первого тома трехтомной «Истории русской литературы» под редакцией Д. Д. Благого, а также первый том коллективного труда — «Русское народное поэтическое творчество» в издании Института русской литературы АН СССР.

Во всех этих изданиях под руководством именно В. П. создавалась общая концепция историко-литературного и историко-фольклорного процесса X—XVII вв., вводилась своя периодизация, решались все «сквозные» проблемы, которые должны были охватывать отдельные главы и определять общий характер изложения и трактовки материала.

Все три истории древней русской литературы имеют во многом общие принципы построения и развивают единую концепцию.

Прежде всего, отметим детальную периодизацию историко-литературного процесса, основанную в значительной мере на периодизации общесоциологической. Во-вторых, все три истории русской литературы в своем построении в основном выдвигают на первое место исторические жанры, и в частности летопись. Именно исторические жанры дают четкие границы смен идей и стилей и позволяют более точно датировать связанные с ними другие памятники литературы. В-третьих, во всех трех историях древней русской литературы В. П. придает очень большое значение полноте охвата материала, включению новых произведений, пересмотру традиционно сложившегося репертуара памятников, обычно включавшихся в общие курсы в XIX в. и в начале XX в. В-четвертых, историко-литературный процесс увязан в историях древней русской литературы с историей русской культуры в целом. В первые две истории литературы, помимо общеисторических введений, включены специальные разделы по истории древнерусского искусства, позволяющие рассматривать движение литературы синхронно с движением других искусств. Но самое главное — в общей концепции истории литературы уделено очень большое внимание роли народа и роли народного творчества в создании памятников литературы.

Как бы ни были велики эти концепционные достижения, сделанное в историях литературы В. П. считает недостаточным. Так, по поводу изображения роли фольклора в десятитомной «Истории русской литературы» В. П. пишет: «Значительно, как видим, расширив выводы о роли фольклора в процессе становления и дальнейшего развития древнерусской литературы, и этот итоговый обзор не придал должной глубины как постановке самой проблемы соотношения литературы и фольклора в древней Руси, так и конкретной разработке этой проблемы. В большинстве случаев авторы статей об отдельных памятниках дают лишь перечень примеров прямого соприкосновения литературы и устной поэзии, не касаясь вопросов сравнительного изучения их мировоззрения и художественного метода».¹⁷

Только временной и вынужденной считает В. П. и принятую ею историческую периодизацию. Она так характеризует перестройку периодиза-

¹⁷ ТОДРА, т. VIII, стр. 37.

ции истории древней русской литературы: «Общая перестройка науки об искусстве, вытекающая из принципов марксистско-ленинской методологии, и расширение репертуара древнерусской литературы поставили заново перед литературоведами проблему периодизации литературного развития XI—XVII вв. Заранее следует оговориться, что неразработанность исторической поэтики русского средневековья вынуждает пока основывать периодизацию главным образом на исторической схеме. Попытки такого рода периодизации, учитывающей смену исторических эпох, делались и в дореволюционных обзорах. Однако принципиальное отличие от них советских «историй древнерусской литературы» заключается в том, что коренным образом изменилось, в итоге перестройки советской исторической науки, само наше представление о ходе общественно-экономического и политического развития древней Руси. Неизбежно по-новому поэтому представлялась и смена литературных направлений, определявшихся этим развитием».¹⁸

Дальнейшие исследования должны, по мысли В. П., охватить и изучение художественной формы отдельных произведений. Сознвая, что созданные истории древней русской литературы требуют дальнейшего совершенствования, В. П. писала: «Развитие литературы с точки зрения ее художественного выражения показано в этих обзорах далеко не достаточно: для полноты картины этого развития недостает специальных исследований художественного стиля древней Руси».¹⁹ Отвечая этой потребности, В. П. пишет «Очерки поэтического стиля древней Руси» (М.—Л., 1947), в которых подвергает тщательному анализу традиционные метафоры и символы древнерусской литературы опять-таки в их связях с фольклором.

Большое значение придает В. П. изучению взаимоотношения русской литературы со славянскими литературами. Причем от исследования эпизодических заимствований В. П. уже в 1947 г. предлагает перейти к изучению славянской культурной общности. В. П. пишет: «Особое внимание привлекает проблема русско-славянских культурных взаимоотношений. Уже отмечен ряд фактов, свидетельствующих об усвоении южными и западными славянами памятников древнерусской литературы (и искусства). Однако советское литературоведение стремится расширить вопрос и, не ограничиваясь указаниями на заимствования одними славянскими народами у других, поставить проблему общности культуры славянских народов в средние века. Эта именно общность служила и служит подлинной причиной интенсивного сближения культур русских и славянских на разных этапах их истории».²⁰ Вместе с тем в статье «Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности» (ТОДРЛ, т. XIX, М.—Л., 1963) В. П. дала наиболее полный свод всех отдельных проципований древнерусских произведений к болгарам и сербам. Написание истории древней русской литературы в связи с историями других славянских литератур признается ею одной из наиболее важных очередных задач.

Первый том коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество» — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков» — явился как бы реализацией многих теоретических положений, высказанных В. П. в ее статьях по взаимоотношению литературы и фольклора предшествующих лет. Ведь фольклор

¹⁸ ТОДРЛ, т. VI, стр. 7--8.

¹⁹ Там же, стр. 8.

²⁰ Там же, стр. 11.

древнейшего периода сохранился главным образом в литературе и мог быть извлечен оттуда только благодаря новой методике, выработанной для этого В. П. Но и этот том В. П. считает далеким от совершенства, подвергая постоянному пересмотру отдельные свои точки зрения, хотя и сохраняя неизменным свой подход к взаимоотношению фольклора и литературы как к явлению идеологической борьбы и единства.

Таким образом, В. П. не успокаивается на достигнутых результатах. Она ищет новых путей построения истории древней литературы. Эти поиски она направляет главным образом в сторону изучения и публикации новых памятников, изучения связей литературы с фольклором и искусством, с общен историческим процессом.

Сделанное В. П. огромно. Как организатор науки крупного масштаба, она вывела изучение древней русской литературы из профессиональной замкнутости, энергично привлекает историков, лингвистов, искусствоведов.

В. П. — незаменимый консультант, редактор, научный руководитель, советчик. Она не только консультирует научную молодежь — она ее пестует, заботливо воспитывает и тренирует. Она проверяет работу своих младших помощников на всех этапах: установление истории текстов и их подготовку, подведение разночтений, реконструкцию текстов, их интерпретацию и исследование.

Требую от молодых научных работников смелых обобщений и самостоятельных построений, она вместе с тем выступает энергичной противницей обобщений необоснованных, выводов скороспелых, претенциозных, рассчитанных на сенсацию.

В. П. не только обучает, но и воспитывает. Наука и принципиальность, порядочность поведения в отношении своих товарищей — для нее неотделимы. Она нетерпима к научному карьеризму и к эгоцентрической сосредоточенности только на своей работе. Умение работать рука об руку с товарищем по специальности — не только ее личная характеристическая черта, но и первое принципиальное требование, которое она предъявляет к своим младшим помощникам.

Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц за 1957—1968 гг.¹

(Продолжение)²

1957

- З історії сатирично-гумористичної, рукописної української літератури XVII—XVIII вв. — Радянське літературознавство, Київ, 1957, № 4, стр. 81—83.
- Из истории текста антиклерикальных сатир. («Сказание о бражнике» и «Сказание о поше Савсе»). — В кн.: ТОДРА, т. XIII. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1957, стр. 497—500 (ИРЛИ).
- Изучение древнерусской литературы. (Совещание в Институте русской литературы). — Вестник АН СССР, М., 1957, № 7, стр. 110—117.
- Пословицы и поговорки. — В кн.: Избранные пословицы и поговорки русского народа. Составители: Н. П. Колпакова, М. Я. Мельц, Г. Г. Шаповалова. Ред. А. А. Прокофьев. М., Гослитиздат, 1957, стр. 5—23 (ИРЛИ).
- Б. В. Томашевский. — Литературная газета, М., 1957, № 103, 27 августа, стр. 4. (Совместно с В. В. Виноградовым, С. Г. Бархударовым и др.).

Некролог.

Ред.: 'Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII века. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1957, 347 стр. (ГБЛ, ИРЛИ).

1958

- Афанасий Никитин — путешественник-писатель. — В кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Изд. 2-е, доп. и перераб. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 93—125 («Литературные памятники»).
- История русской литературы в трех томах, т. I (Литература X—XVIII веков). Редакция: В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, В. Д. Кузьмина, К. В. Пигарев, А. Н. Робинсон. Гл. ред. Д. Д. Благой. М.—Л., АН СССР, 1958, 730 стр. (ИМЛИ, ИРЛИ).
- То же на болг. яз.: София, «Наука и искусство», 1960, 704 стр. Перевел от руски Бл. Блажев, Г. Германов, Евд. Метева, С. Людсканов.

Статьи (нумерация страниц дана по изданию 1958 г.): Литература 1490—1580-х годов. Расцвет древнерусской публицистики (глава 6, стр. 211—256) (совместно с Г. Н. Моисеевой); Литература 1580—1610-х годов. Возникновение и расцвет историко-публицистической повести (глава 7, стр. 257—279); Литература 1620—1640-х годов. Зарождение демократической литературы. Первые опыты биографической повести (глава 8, стр. 280—315, разделы об оригинальной русской литературе);

¹ Составитель библиографии Н. Ф. Дробленкова.

² Библиографию трудов В. П. Адриановой-Перетц за 50 лет научной деятельности (1907—1957 гг.) см.: ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 7—20. Дополнительно приводим ранее не включенную в перечень работ статью В. П. Адриановой-Перетц: Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок. — В кн.: Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. XLV. Сборник статей. М.—Л., АН СССР, 1935, стр. 497—505.

Литература 1640-х—начала 1690-х годов. Развитие демократической сатиры и бытовой повести. Предшественники русского классицизма (глава 9, стр. 316—368, раздел о сатирических повестях).

- К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV ввков. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX ввков. Сборник посвящается Н. К. Пиксанову. Отв. ред. Б. П. Городецкий. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 15—24 (ИРЛИ).
- Об основах художественного метода древнерусской литературы. — РЛ, Л., 1958, № 4, стр. 61—70.
- Проблемы поэтики среднесковских славянских литератур. Проблема № 5 (Б). — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., АН СССР, 1958, стр. 282—284 (Советский комитет славистов. IV Международный съезд славистов).
- Ред.: А. И. Копанев, В. А. Петров, М. И. Мурзанова, В. Ф. Покровская, Е. И. Боброва, Е. Э. Гранстрем, М. В. Кукушкина. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. XIX—XX века. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1958, 400 стр. (БАН).
- Ред.: В. Н. Перетц. Кисво-Печерский патерик в польском и украинском переводе. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, III. М., АН СССР, 1958, стр. 174—210 (IV Международный съезд славистов АН СССР. Советский комитет славистов).

Статья написана В. Н. Перетцем в 1933 г. Извлечена из неопубликованной третьей части труда В. Н. Перетца «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVII ввков» и подготовлена к печати В. П. Адриановой-Перетц.

- Ред.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1958, 186 стр. (ИРЛИ).
- Ред.: История русской литературы в трех томах, т. I (Литература X—XVIII ввков). Редколлегия: В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, В. Д. Кузьмина, К. В. Пигарев, А. Н. Робинсон. Гл. ред. Д. Д. Благой. М.—Л., АН СССР, 1958, 730 стр. (ИМЛИ, ИРЛИ).
- Ред.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Изд. 2-е, доп. и перераб. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1958, 284 стр. («Литературные памятники»).

1959

- «Слово о полку Игоревім» і російська народна поезія. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. I. Давня українська література доба феодалізму—до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 178—187.

Перисланине статьи, опубликованной на русском языке в 1950 г. (ИЮЛЯ, М., 1950 (т. IX), вып. 6, стр. 409—418).

- Фольклорные сюжеты стихотворных жарт XVIII века. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX ввков. Светлой памяти Василия Алексеевича Десницкого. Отв. ред. С. В. Касторский. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 44—51 (ИРЛИ).
- Ред.: В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII в. Отв. ред. Ю. А. Дмитриев. М., АН СССР, 1958, 206 стр. — ИЮЛЯ, М., 1959 (т. XVIII), вып. 1, стр. 82—85.
- Ред.: Книга «О людях вольных Дону славного». (Г. И. Мирошниченко. Азов. Исторический роман, М., Гослитиздат, 1957, 551 стр.). — Нева, Л., 1959, № 4, стр. 212—213.
- Ред.: Новые издания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Труды ГПБ, т. I (4), Л., 1957, 303 стр. и т. V (8), Л., 1958, 234 стр.). — История СССР, М., 1959, № 2, стр. 200—202.

1960

- О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — В кн.: ТОДРА, т. XVI. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1960, стр. 5—35 (ИРЛИ).

Озвья:

Азбслев С. Н. Четвертое всесоюзное совещание по древнерусской литературе. — ИЮЛЯ, М., 1959 (т. XVIII), вып. 6, стр. 549—550.

По поводу доклада «Реалистические тенденции в древнерусской литературе», прочитанного на IV Всесоюзном совещании в мае 1959 г.

- Рец.*: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., АН СССР, 1959, 502 стр. («Литературные памятники»). — ИЮЛЯ, М., 1960 (т. XIX), вып. 2, стр. 156—160.
- Ред.*: В. П. Перетц. Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету (ч. 1). — В кн.: Археографический ежегодник за 1959 г. Под ред. М. П. Тихомирова. М., АН СССР, 1960, стр. 361—466 (Приложение).
- Рец.*: Народно-поэтическая сатира. Сборник. Статьи, подготовка текста и примечания Д. М. Молдавского. Ред. В. П. Адрианова-Перетц. Л., «Советский писатель», 1960, 469 стр. («Библиотека поэта». Большая серия. Изд. 2-е).
- Ред.*: Н. Ф. Дробленкова. «Новая повесть о преславном Русийском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1960, 240 стр. (ИРЛИ).

1961

Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. (Украинские переводы «Хожения» игумена Даниила и «Сказания Афродитиана»). — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Отв. ред. В. Д. Кузьмина. М., АН СССР, 1961, стр. 245—299 и илл. (ИМЛИ).

Рец.:

Пашев Г. Ст. — Духовна культура, София, 1962, кн. 2, стр. 31—32.

- Картотка Н. К. Никольского. — Вопросы языкознания, М., 1961, № 1, стр. 121—125.
- Предисловие.* — В кн.: Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. Составила Н. Ф. Дробленкова. Ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1961, стр. 3—25 (ИРЛИ).
- Рец.*: Памятники древней культуры Печорского края. (В. И. Малышев. Усть-Цильмские рукописные сборники XVI—XX веков. Отв. ред. Н. В. Устигов. Сыктывкар, 1960, 216 стр.). — Красное знамя, Сыктывкар, 1961, № 184, 5 августа.
- Рец.*: По поводу сообщения В. Малышева «Старинные переплеты и рукописные находки» (РЛ, 1960, № 4). — РЛ, 1961, № 2, стр. 207—209. (Совместно с Д. С. Лихачевым, В. С. Любимским, Н. Н. Розовым).
- Рец.*: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI вв. М., АН СССР, 1960, 532 стр. — ИЮЛЯ, М., 1961 (т. XX), вып. 3, стр. 237—241.
- Ред.*: Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 г. Составила Н. Ф. Дробленкова. Ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1961, 434 стр. (ИРЛИ).

1962

В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1962, 255 стр. (АН СССР. ОЛЯ. Комиссия по истории филологических наук).

Статьи: Владимир Николаевич Перетц (1870—1935) (стр. 206—233); Список печатных трудов академика В. Н. Перетца (стр. 234—253); Предисловие (стр. 3—7).

Демократическая поэзия XVII века. Вступительная статья В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. Подготовка текста и примечания В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., «Советский писатель», 1962, 184 стр. («Библиотека поэта». Большая серия. Изд. 2-е).

«Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Сборник статей. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1962, стр. 131—168 (ИРЛИ).

Ред.: В. П. Перетц. Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету, ч. 2. — В кн.: Археографический ежегодник за 1960 год. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1962, стр. 395—491 (Приложение).

- Ред.*: Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1962, 605 стр. (ИРЛИ).
Ред.: Русский лубок XVII—XIX вв. Авторы — составители альбома Вл. Бахтин и Дм. Молдавский. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изогиз, 1962.

1963

- Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности. — В кн.: ТОДРА, т. XIX. Отв. ред. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. М.—Л., 1963, стр. 5—27 (ИРЛИ).
 Из истории русской повести XVII века. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию М. Н. Тихомирова, Ред. коллегия: Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, Б. Г. Гафуров, В. И. Шунков, А. А. Зимин, Ю. А. Тихонов, И. А. Хренов, В. И. Мальшев. М., Изд. восточной литературы, 1963, стр. 199—202 (АН СССР. Отделение исторических наук).
 О связи между древним и новым периодами в истории славянских литератур. — В кн.: ТОДРА, т. XIX. Отв. ред. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. М.—Л., 1963, стр. 427—447 (ИРЛИ).
 Ученый, исследователь, педагог. — Ленинградский университет, 1963, № 49, 22 октября, стр. 3.

Памяти И. П. Еремина.

- Ред.*: Н. П. Колпакова. Русская народная бытовая песня. Отв. ред. А. М. Астахова. М.—Л., АН СССР, 1962, 284 стр. — ИЮЛЯ, М., 1963 (т. XXII), вып. 1, стр. 63—67.
Ред.: А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1963, 348 стр.

1964

- ✓ *Задачи изучения «агиографического стиля» древней Руси.* — В кн.: ТОДРА, т. XX. Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII ввек. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 41—71 (ИРЛИ).
 Материалы к вопросу о русско-украинских связях XV—XVII вв. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию С. Н. Валка. Ред. коллегия: С. С. Волк, Л. С. Гапоненко, В. В. Мавродин, Н. Е. Носов и А. Л. Шапиро. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 57—62 (Труды ЛОИИ, вып. 7).
 Об эпитете «тресветлый» в «Слове о полку Игореве». — РЛ, 1964, № 1, стр. 86—87.
 Памяти Игоря Петровича Еремина. — РЛ, 1964, № 1, стр. 239—240.
Ред.: Рыцарский роман на Руси. (В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., «Наука», 1964, 355 стр. (ИМЛИ)). — ВЛ, М., 1964, № 10, стр. 230—232.
Ред.: Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., «Наука», 1964, 104 стр. (ИРЛИ).

1965

- ✓ Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV века. — РЛ, 1965, № 2, стр. 149—153.
 ✓ Из истории русской афористической речи. — В кн.: Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. Ред. коллегия: М. Б. Храпченко (гл. ред.), В. И. Борковский, В. Д. Левин, Д. С. Лихачев, И. Ф. Протченко, А. Н. Робинсон. М., «Наука», 1965, стр. 301—303 (ОЛЯ АН СССР).
 Предисловие. — В кн.: Господин леший, господин барин и мы с мужиком. Записки о сказочниках Дм. Молдавского и сказки, собранные Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., «Наука», 1965, стр. 3—6 (АН СССР. Научно-популярная серия).
 С. А. Щеглова. (Некролог). — В кн.: ТОДРА, т. XXI. Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. Отв. ред. В. И. Мальшев. М.—Л., «Наука», 1965, стр. 394—396 (ИРЛИ).
Ред.: Леонид Махновець Сатира и гумор української прози XVI—XVIII ст. Від. ред. М. К. Гудзій. Київ, «Наукова думка», 1964, 480 стр. (АН УРСР. Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка). — ИЮЛЯ, 1965 (т. XXIV), вып. 5, стр. 437—441.

Ред.: Господиң леший, господиң барин и мы с мужиком. Записки о сказочниках Дм. Молдавского и сказки, собранные Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., «Наука», 1965, 205 стр. (АН СССР. Научно-популярная серия).

Ред.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., «Наука», 1965, 230 стр. (ИРЛИ).

1966

• Западноевропейская городская новелла в русской рукописной литературе XVIII в. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения М. П. Алексеева. Ред. коллегия: П. Н. Берков и др. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 13—18 (ИРЛИ).

• Стихотворные жарты XVIII в. и традиции древнерусской литературы. — В кн.: XVIII век. Сборник 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. Ред. коллегия: Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, И. З. Серман. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 36—42 (ИРЛИ).

• Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». Ред. Д. С. Лихачев и Л. Л. Дмитриев. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 13—126 (ИРЛИ).

Дмитрий Сергеевич Лихачев (к 60-летию со дня рождения). — РЛ, 1966, № 3, стр. 233—240. (Совместно с Л. А. Дмитриевым и Я. С. Лурье).

Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности. — В кн.: Дмитрий Сергеевич Лихачев. М., «Наука», 1966, стр. 6—27. (Материалы к био-библиографии ученых СССР. АН СССР. Серия литературы и языка, вып. 7).

Павел Наумович Берков. (К 70-летию со дня рождения). — ИЮЛЯ, М., 1966 (т. XXV), вып. 6, стр. 539—545.

Памяти Николая Калалниковича Гудзия (1887—1965). — В кн.: ТОДРА, т. XXII. Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в древней Руси. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 469—471 (ИРЛИ).

1967

Заметки к лексике «Слова о полку Игореве». — В кн.: To Honour Roman Jakobson, vol. I. The Hague, Mouton and Co, 1967, pp. 15—17.

Из истории переводной литературы Киевской Руси. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятилетию академика Н. И. Конрада. Ред. коллегия: М. Б. Храпченко, В. И. Борковский и др. М., «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1967, стр. 225—229 (АН СССР, ОЛЯ).

К истории русского текста «Великого Зерцала». — В кн.: Festschrift für Margarete Woltnr zum 70. Geburtstag. Heidelberg, Carl Winter — Universitätsverlag, 1967, стр. 9—12.

Рец.: Жемчужинки народной поэзии (Частушка. Составил В. С. Бахтин. Предисловие В. С. Бокова. Л., «Советский писатель», 1966, 607 стр. («Библиотека поэта». Большая серия)). — Вечерний Ленинград, 1967, № 80, 5 апреля.

Рец.: О. А. Державина. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., АН СССР, 1962, 190 стр.; О. А. Державина. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., «Наука», 1965, 438 стр. — ИЮЛЯ, 1967 (т. XXVI), вып. 1, стр. 75—79.

Ред.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., «Наука», 1967, 372 стр. (ИРЛИ).

1968

Начало пути в Киевском семинаре В. Н. Перетца. — В кн.: Сборник памяти Н. К. Гудзия. М., МГУ, 1968, стр. 9—15.

«Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., «Наука», 1968, 204 стр. (ИРЛИ).

Рец.:

Лихачев Д., Дмитриев Л. Труд, побеждающий скептиков. — Правда, М., 1969, № 248, 5 сентября, стр. 3.

Творогов О. Слово о «Слове». — Книжное обозрение, М., 1968, № 46, 16 ноября, стр. 11.

Фоняков И. Мог ли князь Игорь «мыслию поля мерить»? — Литературная газета, М., 1968, № 42, 16 октября, стр. 3.

Ред.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. Отв. ред. О. А. Державина. М., «Наука», 1967, 392 стр. (ИМЛИ). — ИЮЛЯ, 1968 (т. XXVII), вып. 1, стр. 63—69.

Литература о научной деятельности В. П. Адриановой-Перетц за 1958—1967 гг.

- Лихачев Д. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц. (К 70-летию со дня рождения). — ИЮЛЯ, М., 1958 (т. XVII), вып. 3, стр. 263—266.
- Ермин И. П. Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — В кн.: ТОДРА, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., 1958, стр. 21—32 (ИРЛИ).
- Дробленкова Н. Ф. Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — В кн.: ТОДРА, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., 1958, стр. 7—20 (ИРЛИ).
- Приветствие члену-корреспонденту АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — В кн.: ТОДРА, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 5—6.
- ТОДРА, т. XIV, посвященный Варваре Павловне Адриановой-Перетц. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, 675 стр. (ИРЛИ).
- Астахова А. М. и Путилов Б. Н. К семидесятилетию Варвары Павловны Адриановой-Перетц. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. III. Ред. коллегия: А. М. Астахова, В. Г. Базанов, В. Е. Гусев, Б. Н. Путилов, П. В. Новиков. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 369—374 (ИРЛИ).
- Дмитриев Л. А. Адрианова-Перетц Варвара Павловна. — В кн.: Краткая литературная энциклопедия, т. I. М., «Советская энциклопедия», 1962, столб. 88.
- Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Вступительная статья Д. С. Лихачева. Библиография составлена Р. И. Горячевой. М., АН СССР, 1963, 59 стр. (Материалы к библиографии ученых СССР. Серия литературы и языка, вып. 4).
- Гудзий Н. К. К семидесятипятилетию со дня рождения Варвары Павловны Адриановой-Перетц. — РЛ, 1963, № 2, стр. 264—266.
- Дробленкова Н. К 75-летию В. П. Адриановой-Перетц. — ИЮЛЯ, М., 1963 (т. XXII), вып. 2, стр. 153—155.
- Берков П. Исследователь литературы древней Руси. — Ленинградская правда, 1963, № 113, 15 мая.
- Лихачев Д., Мейлах Б. Выдающийся ученый-литературовед. — Литературная газета, М., 1963, № 60, 21 мая, стр. 3.
- ~~В. Адрианова-Перетц. Ученый исследователь, педагог — Ленинградский университет. 1963, № 49 (1366), 22 октября, стр. 31~~
- Лихачев Д. С. Изучение русской литературы X—XVII всков за 50 лет. — РЛ, 1967, № 3, стр. 88—101.
- Ершов Л. Ф. Историк, лингвист, литературовед. — Ленинградская правда, Л., 1968, 12 мая, стр. 4.
- Лихачев Д. С. Обращаясь к истокам. — Литературная газета, М., 1968, № 28, 10 июля, стр. 5.
- Кузьмина В. Д. Варвара Павловна Адрианова-Перетц. К 80-летию со дня рождения. — ИЮЛЯ, М., 1968 (т. XXVII), вып. 2, стр. 174—176.

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

Выражение «копѣ приломити» в «Слове о полку Игореве» как отражение дружинной идеологии и как фразеологизм древнерусской лексики

Выражение «копѣ приломити» в тексте «Слова о полку Игореве» показалось подозрительным в отношении своей русскости еще ранним скептикам, увидевшим в нем почему-то галлицизм.¹ Спустя почти полстолетие галлицизмом упорно продолжал считать его и скептик новейшего времени проф. А. Мазон.²

Значение выражения «изломити копье», как типичного фразеологизма дружинной символики русского средневековья, очень хорошо объяснено в статьях Д. С. Лихачева³ и Д. Чижевского⁴ и не нуждается в дополнительном истолковании. Что касается лексико-грамматической стороны этого словосочетания в «Слове о полку Игореве», то она в общем осталась обойденной вниманием комментаторов. Это обстоятельство и остановило на ней наше внимание.

Сейчас стало совершенно очевидно, что выражение «копѣ приломити» в «Слове о полку Игореве», совершенно неоправданно смутившее скептиков, отнюдь не представляется изолированным во фразеологической системе древнерусского языка и ни в коем случае не может считаться заимствованным из средневековой французской романтики или выдуманным предполагаемым фальсификатором. Впечатление некоторой необычности может произвести лишь словесное оформление его второго компонента — глагола «приломити» с префиксом *при-*, не покрываемым приставкой *из-* глагола «изломити» в аналогичном словосочетании «изломи копье» в языке летописей. Например, в Лаврентьевской летописи: «Въеха Изяслав один в полку ратных и копье свое *изломи*» (1147 г.); Андрей Боголюбский «въехав прежде всех в противныя . . . и *изломи* копье свое в супротивье своем» (1149 г.); в Ипатьевской летописи: «Андрей же Дюргевичъ възмя копье и еха наперед . . . и *изломи* копье» (1151 г.);⁵ см. также в других местах летописи.⁶

¹ Ср.: Ф. М. Головенченко. Слово о полку Игореве. — Ученые записки Московск. пед. инст. им. В. И. Ленина, т. LXXXII, вып. 6, М., 1955, стр. 74.

² А. Мазон. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 57. Ср. возражения, сделанные проф. А. Мазону проф. Н. К. Гудзием в статье «Ревизия подлинности „Слова о полку Игореве“ в исследовании проф. А. Мазона» (Ученые записки Московск. гос. унив., вып. 110, Труды кафедры русской литературы, кн. 1, М., 1946, стр. 176).

³ Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М.—Л., 1950, стр. 74—75.

⁴ D. Čiževskij. 1) Lexikalisches, I. — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XXII, H. 2, Heidelberg, 1954, стр. 339—343; 2) Der magische Speerwurf. Aus zwei Welten. S. Gravenhage, 1956, стр. 17—28.

⁵ Д. С. Лихачев. Устные истоки . . . , стр. 74.

⁶ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники оусской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, стр. 73. Ср. также: В. Н. Перетц.

«Поскольку копье было оружием первой стычки и почти всегда ломалось в ней, нам становится понятным и обычный в летописи термин — „изломить копье“, употреблявшийся для обозначения того, что воин первым принял участие в битве», — говорит Д. Лихачев.⁷ «Иногда выражение „изломить копье“ употреблялось только для обозначения первой боевой схватки князя, его личного участия в единоборстве перед общей битвой», — читаем далее. Итак, «„изломить копье“ — это символ вступления в единоборство, символ личного участия князя в битве», — заключает Д. С. Лихачев.⁸ Это его заключение как нельзя лучше перекликается с тем, что мы видим в тексте «Слова», со словами, вложенными в уста князя Игоря: «Хошу бо, рече, копје приломити конецъ поля Половецкаго с вами Русици, хошу главу свою приложити» (стр. 6).⁹ Следовательно, историческая достоверность бытования этого воинского обычая в боевой практике древнерусских дружинников, и в особенности князей, и его самобытность не вызывают сомнений. А отсюда естественный вывод, что он не мог не найти выражения в системе изобразительных средств древнерусской лексики. Словосочетание «копье изломити» превратилось во фразеологическую модель, укоренившуюся в определенном стиле литературного языка древней Руси.

Однако факт наличия в древней русской письменности выражения «копье изломити» еще не абсолютное доказательство существования в ней и словосочетания «копье приломити» (подчеркиваем, «приломити», а не «изломити»). Ведь именно это неполное покрытие обоих слов — «изломити» и «приломити» (с *из-* и *при-*) дало основание дошедшему до крайности в своем скептицизме проф. А. Мазону причислить выражение «копје приломити» «Слова» к воображаемым галлицизмам.¹⁰ Посмотрим, насколько оправдано это сомнение в свете показаний старинных русских памятников и фольклорных записей и не пришло ли время окончательно вывести его из состава улик, направленных против подлинности «Слова».

Обращаясь к анализу морфемного состава глагола «приломити» в разбираемом выражении в «Слове», не можем не сослаться на то, что повергающая в смущение скептиков приставка *при-* в «приломити» (не «изломити» или «сълломити» и т. д.) обычна для целого ряда глаголов в нем. За исключением глагола «приломити» (стр. 6) и «приламатися» (стр. 12) глаголы с префиксом *при-* (с различными смысловыми оттенками, разумеется) встречаются в «Слове» еще в 14 случаях (всего в нем 9 различных глаголов с *при-* в 14 фразах). Это глаголы в разных формах: прикрыти (стр. 5, 12, 19), приложити (стр. 6), привести (стр. 16), прихаждати (стр. 19), притоптати (стр. 21), притрепати (стр. 33, 34), притрепетати (стр. 21; исправляют на «притрепати»), припѣшати (стр. 24), приодѣти (стр. 34), пригвоздити (стр. 37). В их окружении глаголы «приломити» (стр. 6) и «приламатися» (стр. 12) совсем не выглядят

«Слово о полку Игоревім», пам'ятка феодалної України-Русі XII віку. У Київі, 1926, стр. 167; D. Čiževskij. Lexikalisches, I, стр. 340; T. Čiževska. Glossary of the Igor' Tale. The Hague, 1966, стр. 276.

⁷ Д. С. Лихачев. Устные истоки. . . , стр. 75.

⁸ Там же.

⁹ Здесь и далее в скобках в тексте указываются страницы по первому изданию «Слова»: Ироническая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.

¹⁰ А. Мазон считает, что «изломити копье» и «приломити копье» отнюдь не одно и то же, и сблизает и отождествляет «изломити» с французским *briser*, а «приломити» с *rompre*. См.: A. Mazon. Le Slovo d'Igor, стр. 57, прим. 2.

из ряда вон выходящими словообразовательными моделями, противоречащими нормам русского языка того времени. К сказанному надо прибавить, что, за исключением глаголов «приломити» и «приламат(ся)» в сочетании со словом «копье» (с поправкой, которая будет сделана ниже) и «притрепати» и «притоптати», все остальные глаголы с *при-* в тексте «Слова» найдены и во многих известных в настоящее время памятниках языка древней Руси.¹¹ Само собой очевидно, что глаголы с приставкой *при-* «Слова о полку Игореве» нельзя выстроить в один ряд по признаку их выразительности и оттенкам значения приставки *при-*, а также — что весьма существенно — по возможностям ее замены другими приставками. Едва ли также можно безоговорочно включать в их среду глаголов «приломити» (в выражении «копие приломити») лишь на основании наличия в нем формального признака — префикса *при-*. Тем не менее по основным компонентам своей морфологической структуры и по семантике он совершенно правдоподобен, и рядом с перечисленными выше приставочными глаголами «Слова» возможность его наличия в русском языке старшей поры очевидна. Еще очевидней становится она на фоне сопоставления глагола «приложить» с префиксальными глаголами с *при-* (с оттенком полноты и исчерпанности действия!) в тех же «Материалах» И. И. Срезневского. Ограничимся несколькими из них (в том числе и встречающимися в «Слове»): прикрыти 'покрыть' (целиком); приложить 'сложить' (голову); примучити 'подчинить'; приобидѣти 'обидеть'; приплакати 'оплакати'; приразити 'ударить', 'поразить'; приодѣти 'изукрасить', и др.¹²

В ходе наших рассуждений не может быть обойден вопрос: а что могла дать «Слову о полку Игореве» в этом направлении «Задонщина», — этот его гипотетический «прототип», на который с таким упорством делают ставку скептики? Итоги разысканий приводят к не требующим специальных толкований результатам. Так, во всех текстах «Задонщины» обнаружены всего два глагола с приставкой *при-*, употребленных и «Словом о полку Игореве», причем оба они совершенно обычны как лексемы и нейтральны стилистически. Это глаголы «привести» и «приходити» в формах прошедшего времени: «пришел», «привел», «привели», «придоша», «приведе» в «Задонщине»¹³ и «приведе» и «прихождаху» в «Слове» (стр. 16 и 19). Вряд ли нужно доказывать, что для их введения в текст «Слова» была необходимость использования какого-либо литературного образца. Ведь они были самыми обыкновенными словами каждодневной речи. Что касается глаголов (притом наиболее типичных для «Слова») «прикрыти» (стр. 5, 12, 19), «приложить» (стр. 6), «притрепати» (стр. 21, 33, 34), «притоптати» (стр. 21), «припѣшати» (стр. 24), «приодѣти» (стр. 34), «пригвоздити» (стр. 37), то их вообще нет в «Задонщине». Вот почему в этом плане языковая ткань ее не могла подсказать воображаемому фальсификатору идеи введения в язык «Слова» приставочной глагольной модели с необычным *при-*, вообще редкой, а в отдельных случаях уникальной (ср. «притрепати» и «притоптати» в «Слове»).

¹¹ Ср. примеры, приведенные у И. И. Срезневского: прикрыти (Сбор. 1076 г.), приложить (Лука Жид., XI в., по списку XVI в.), приодѣти (Мин., 1096 г., сентябрь) и др. (Срезневский. Материалы, т. II, стр. 1417, 1425 и 1422). Найдеными могут оказаться и остальные глаголы «Слова» с приставкой *при-*, сейчас почти уникальные. Недавно, например, в тексте сборника «Пчела» XIII—XIV вв. был обнаружен считавшийся долгое время нарах *legomena* глагол «припѣшати» (ср.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1967, стр. 500).

¹² Срезневский. Материалы, т. II, стр. 1417, 1425, 1432, 1439, 1444, 1451, 1442 и др.

¹³ См. тексты «Задонщины» в кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, стр. 535, 537, 542, 552; 537, 542, 552; 538, 554; 537, 542, 549; 549.

Не можем пройти мимо некоторых частных, но показательных примеров использования приставочных глаголов в «Задонщине», резко разнящихся от их употребления в «Слове». Это глагол «положить» в словосочетаниях «главы своя *положиша*» (список Ундольского),¹⁴ «головы своя *положить*» (список Ундольского),¹⁵ «главы свои *положити*» (Синодальный список)¹⁶ и др., которому в «Слове» соответствует более редкий, но известный и другим древнерусским памятникам глагол «приложить». Приставочному глаголу «притопташа» в «Задонщине» отвечает не к месту употребленный глагол «протоптати» (ср. «*протопташа* холми» в Ундольском списке, «*протопташа* холми и лугы» в списке ГИМ, № 2060). Очень последовательно употреблен во всех списках «Задонщины» и глагол «покрыти» вместо характерного «прикрыти» в «Слове». Ср. «*покрыша* главы своя» (список Ундольского),¹⁷ «Поганыи *покрыша* руками» (список ГИМ, № 2060),¹⁸ и др. Не оправдана и форма глагола «прирыла» («*прирыла* еси горы каменные» в списке ГИМ, № 2060) с неподходящим префиксом *при-* (вместо *про-*рыла), неправильно понятым. Видим и случаи обратной замены. Так, вместо *пре-* в глаголе «преклонилось» в «Слове» встречаем *при-* в двух списках «Задонщины» (в списке Ундольского и Синодальном): «а древеса туюго к земли *приклонишася*» и т. д. Все эти случаи недвусмысленно говорят о неумении составителей редакций и списков «Задонщины» разобраться в правильном употреблении приставок *при-*, *пре-* и *про-*. В глаголе «приломити» ревностных критиков смущает наличие префикса *при-*, употребленного как будто не к месту. Но это только кажущаяся несообразность, так как аналогичная модель найдена в ряде древнерусских текстов с оттенком полноты действия (см. приведенные выше глаголы из «Материалов» И. И. Срезневского). К этому наблюдению надо прибавить и еще одно. Оказывается, что в древнерусском языке были в обращении дублетные приставочные глаголы с *при-* и *пре-*, одинаково выражавшие исчерпанность действия. Ср. «прильстити» (вместо «прѣльстити»), «припитати» (вместо «прѣпитати» 'в изобилии напитать'), «приставитися» (вместо «прѣставитися»)¹⁹ и др. Эта констатация — еще один аргумент в защиту реальности глагола «приломити» в «Слове». Смысловым содержанием указанных глаголов с *при-* (со значением полноты действия) определяются семантика и перевод глагола «приломити» в «Слове». Впрочем, его смысл обуславливается коррелятивным глаголом «приложить», вторым и заключительным словарным компонентом смыслового двучлена: «*Хошу ... копе приломити, ... хошу главу свою приложити, а любо...*», с не вызывающей сомнения семантикой. Во фразе-двучлене он — опорная смысловая точка.

Старинное значение глагола «приломити» донесено до нашего времени диалектными формами, бытующими в языке фольклора, в которых В. И. Даль так ревностно отыскивал остатки архаики. Приводим здесь главные. Ср.: «Все кирки о камень *приломилися*»; «По обух лезья *приломилися*»;²⁰ «Питья на столах да проливаются, альни стол в щепья да *приломастся*»;²¹ «Тут дубова эта мачта *приломилась*»;²² «Всю

¹⁴ Там же, стр. 535.

¹⁵ Там же, стр. 537.

¹⁶ Там же, стр. 553.

¹⁷ Там же, стр. 539.

¹⁸ Там же, стр. 544.

¹⁹ Срезневский И. И. Материалы, т. II, стр. 1428, 1440, 1444, 1457.

²⁰ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., 1955, стр. 422.

²¹ Н. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 130.

²² Е. Барсов. Причитания Северного края, ч. I. М., 1872, стр. 253.

капусту приломал», «Приломали алы розовы цветы» (т. е. 'изломали')²³ и т. д.

Однако всем этим вопрос о достоверности глагола «приломити» в «Слове» не исчерпывается до конца. Придирчивые скептики в ответ могут предъявить возражение в том смысле, что глагол «приломить» в сочетании со словом «копье» до сих пор не обнаружен ни в памятниках древней русской письменности, ни в записях устной народной традиции. На такое предполагаемое возражение мы, однако, в состоянии сейчас же ответить, что словосочетание, полностью покрываемое выражением «ту ся копѣм приламати» в «Слове» (стр. 12), было недавно найдено нами в «Архангельских былинах» А. Д. Григорьева (оставаясь долгое время незамеченным). Ср.: «Съехались с нахвальщицком По дальню цисту полю На копыа на железные, -- у них копыа-то железные да приломалисс. Друг друга как не ранили» (курсив мой, — Н. Д.).²⁴ А от него — один шаг до выражения «копѣе приломити». Разумеется, что бытование словосочетания «копыа-то железные да приломалисе» в былинном языке еще не может служить стопроцентным доказательством того, что оно было ровесником времени создания «Слова о полку Игореве». Но вопреки этому его присутствие во фразеологии былинного языка весьма многозначительно, в особенности принимая во внимание то, что сложение древнерусского исторического эпоса (былинного цикла) восходит к эпохе образования Киевской Руси. К этому же периоду ведут и истоки языка «Слова», донесшего до наших дней реликты большой давности. Вот почему возникновение модели «копыа приломалисе» со значительной долей вероятности можно отнести к ранней поре истории русского языка, к годам русского средневековья. Это априорное предположение находит подтверждение в существовании аналогичного словосочетания «копия своя приломиша» во фразе «И ударишася копием вместе, и копия своя приломиша и спадошася оба с коней своих на землю, и тако скончашася оба» в Забелинском списке «Сказания о Мамаевом побоище» (ГИМ, собр. Забелина, № 261).²⁵ Тождественность обоих выражений настолько очевидна, что не нуждается в рассуждениях. Наличие этого общего выражения — фразеологической модели в «Слове», «Сказании» и в языке былинного эпоса является результатом его более широкого бытования в языке русской древности. Вот почему совсем не обязательно, что в «Слове» оно должно было или могло попасть из «Сказания», как этого хотелось бы скептикам. Типичных примеров употребления приставочных глаголов с *при-* в «Слове» мы видим в достаточном количестве, и в их окружении «приломити» не кажется инородным телом, попавшим в его текст непременно извне. Параллель, обнаруженная в «Сказании», подкрепленная языком былин, выводит бесповоротно выражение «копѣе приломити» из состава улик скептиков, свидетельствует о его принадлежности русскому языку (и другим славянским языкам)²⁶ и подтверждает аутентичность не только его самого, но и всего широкого языкового контекста, в котором оно нашло свое место.

²³ Н. И. Андреева-Васина. Значения глагольной приставки *при-* в русских народных говорах и произведениях устного народного творчества. — В кн.: Лексика русских народных говоров. (Опыт исследования). М.—Л., 1966, стр. 95.

²⁴ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I, ч. 1. Поморье. М., 1904, № 8, стр. 44.

²⁵ Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 195.

²⁶ Любопытные параллели к выражению «копѣе приломити» «Слова» в сербских юнацких песнях, доказывающие бытование его в славянском фольклоре вообще, приведены в интересной статье Ф. Я. Приимы «Южнославянские параллели к „Слову о полку Игореве“» (в сб.: Исторические связи в славянском фольклоре. Русский фольклор, XI, М.—Л., 1968, стр. 231—232).

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

Несколько замечаний к истории и употреблению в русском литературном языке слов «рокотать» и «трепетать»

Глаголы «рокотать» и «трепетать» известны в русской письменности с древнейших памятников. Они принадлежат к тем лексико-семантическим группам словарного состава русского языка, которые характеризуются не только древностью своего сложения, но и устойчивостью своих значений и смысловой структуры.

«Рокотать» относится к группе слов (глаголов и существительных), обозначающих звучание (гром—греметь, грохот—грохотать, скрежет—скрежетать, скрип—скрипеть, звон—звенеть, звонить; щебет—щебетать, клеткот—клеткотать, трескотать и т. д. и т. п.), а «трепетать» — к группе слов, обозначающих физическое состояние (дрожать, содрогаться, трястись, колебаться и т. д. и т. п.).¹ Сопоставление смыслового содержания этих слов в словарях древнерусского и словарях современного литературного языка дает почти полное совпадение.² Однако при отчетливости выражаемого значения и сохранении смысловой структуры реальная история и употребление в литературном языке каждого из них имеют свои особенности.

Рокотать

Л. А. Булаховский в своих наблюдениях над лексикой «Слова о полку Игореве» обратил внимание на то, что слово «рокотать», представленное в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского единственной цитатой из «Слова», не обнаружено в других памятниках, ни в русских, ни в церковнославянских, и что «в русском литературном языке позднейшего времени „рокотать“, по-видимому, тоже не было обычным».³ Это последнее соображение опирается на то, что слова «рокотать», «рокот» отсутствуют в словарях XVIII в., в том числе и в «Словаре

¹ См. эти глаголы, а также существительные (имена действия) с той же основой в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. I, СПб., 1893; т. II, СПб., 1902; т. III, СПб., 1912).

² «Рокотать» употребляется для характеристики перекатывающихся или раскатистых звуков речи, пения, голоса, музыкальных инструментов; дробных раскатистых звуков грома, волн, потоков и т. д. «Трепетать» — быть охваченным дрожью, содрогаться; неровно и сильно колебаться, трястись.

³ Л. А. Булаховский. К лексике «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 33.

Академии Российской», и появляются лишь в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. с пометой «стар.» (старинное) и с той же цитатой из «Слова»,⁴ а в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова они имеют двойную помету: «книжн., поэт.» (книжное, поэтическое).⁵ «Все это создает впечатление исторической уединенности данной этимологической группы», — пишет Л. А. Булаховский⁶ и обращается в своих поисках к диалектным материалам и к материалам других славянских языков (он привлекает словарь В. И. Даля, украинско-русский словарь под ред. Гринченко, обращается к Картотеке Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР). Материалы эти чрезвычайно скупы и редко дают употребление слова «рокотать», причем в значениях, которые не совпадают с «поэтическим» значением этого слова. Однако Л. А. Булаховский считает очень важным наличие слова «рокотать» в диалектах и замечает, что для звукоподражательных слов характерны различия в их применении в разных условиях. Самым существенным нам представляется его замечание, что «такое значение (какое имеет «рокотать» в «Слове о полку Игореве», — А. Е.) не могло достаточно часто заявлять о себе (разрядка наша, — А. Е.) в подавляющем большинстве дошедших до нас текстов».⁷

Памятники письменности не дают и не могут дать полного представления о лексическом составе языка прошлых веков не только потому, что до нас дошли лишь немногие из них, но также и потому, что самое содержание памятников, отдельные стороны действительности, находившие отражение в письменности, не охватывают многообразия того, из чего складывалась жизнь наших предков, что составляло их физический и духовный мир, а следовательно, находило свое выражение в языке, в его лексике. Характер письменности, ее место и роль в жизни общества имели немаловажное значение в отборе и фиксации явлений окружающего мира.

«Слово о полку Игореве» занимает особое место среди памятников прошлого: это художественное произведение, в котором органически слились устнопоэтическая и книжная стихи древнерусского мира, и именно поэтому оно свидетельствует о том, какой богатой была лексика древнерусского языка, не входившая в деловую, официальную и историческую письменность.

Приведем несколько фактов употребления слова «рокотать» и сделаем несколько замечаний в дополнение к имеющимся наблюдениям исследователей «Слова о полку Игореве».

Диалектные записи для Атласа русских народных говоров, а также для Псковского областного словаря, которые ведутся с 1945 г. на территории Псковской области, содержат ряд употреблений слова «рокотать», представляющих несомненный интерес для его истории. Приведем некоторые из них, сделанные в разное время, разными лицами и в разных районах Псковской области:

1) јесъ такѡ барахлѡ: ракѡче, ракѡче, а слухать јавѡ нихтѡ ни хѡче (говорит быстро, пустословит) (дер. Гридино, Ново-Ржевский р-н, 1959 г.).⁸

2) мы сьвилѡся фсѡ вмесѡт, фсе рокѡчут по-своѡјему (дер. Марьинское, Лядский р-н, 1959 г.).⁹

⁴ Словарь церковнославянского и русского языка, т. IV, СПб., 1847, стр. 70.

⁵ Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. III, М., 1939, столб. 1380.

⁶ Л. А. Булаховский. К лексике «Слова о полку Игореве», стр. 33.

⁷ Там же, стр. 34.

⁸ Картотека Словарного кабинета АГУ.

⁹ Там же.

3) никём никаво́, то́ка рúчей рако́че (дер. Луневщина, Гдовский р-н, 1946 г.)¹⁰

4) рако́чют — песни поют (дер. Заозерье, Порховский р-н, 1945—1946 г.)¹¹

Записи из разных районов, часто весьма удаленных друг от друга, свидетельствуют о том, что глагол «рокотать» представляет собой органический элемент лексико-семантической системы псковских говоров и, шире, русского языка в целом, так как слово фиксируется в разных местах, в разных условиях и всегда с живым, конкретным значением. В говорах Псковской области «рокотать» обозначает «издавать перекаты-нающиеся или раскатистые дробные звуки речи, пения, текущей с бульканьем воды и т. д.» и подчеркивает при этом самый характер и особенности издаваемых звуков.

В северных говорах русского языка, как уже отметил Л. А. Булаховский (со ссылкой на словарь В. И. Даля), «рокотать» означает «кипеть», «бить ключом». Приведем пример из записей последнего времени:

5) рокота́ла каша? — не рокочот (дер. Кеврюла, Пинежский р-н, Архангельская область, 1961 г.)¹²

Здесь слово обозначает «бурлить, кипеть, издавая равномерные, хлюпающие звуки». Таким образом, и здесь мы имеем обозначение действия по характеру сопровождающих его звуков.

Иногда слово «рокотать» встречается в устных произведениях, например:

Как за горницею, за повалушею,
То не гусли ли рокочут, не свирель ли говорит,
А то чибышек-воробушек по улице скакал,
Он и девушек, молодухек на игрище скликал...¹³

(Уфимская губ., Мензелинский у.)

Употребление слова «рокотать» в различных, удаленных друг от друга и не связанных между собой непосредственно говорах (псковских и севернорусских), фиксируемое на протяжении почти полутора столетий (от записей В. И. Даля до записей, сделанных в наши дни), свидетельствует об исконности слова «рокотать» в русском языке и о древности его происхождения, а также о живой, не прекращающейся в языке его жизни.

Что касается судьбы слова «рокотать» в русской письменности, то она оказалась несколько своеобразной. От времени написания «Слова о полку Игореве» до начала 20-х годов XIX столетия это слово не встречается ни в памятниках древней письменности, ни в языке художественной литературы. Об этом свидетельствует его отсутствие в карточках исторических словарей русского языка XI—XIV и XV—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР, Москва), а также в картотеке «Словаря русского языка XVIII в.» (Словарный сектор Института русского языка АН СССР, Ленинград).

Нельзя пройти мимо такого факта, как отсутствие слов «рокотать» и «рокот» в «Словаре языка Пушкина» (т. III, М., 1959). А. С. Пушкин, хорошо знавший и высоко ценивший «Слово о полку Игореве», высоко

¹⁰ Записи автора статьи.

¹¹ М. Д. Мальцев. О некоторых говорах Дновского и Порховского районов Псковской области. — Ученые записки Ленингр. гос. пед. инст. им. Герцена, т. 69, Л., 1948, стр. 230.

¹² Карточка Словаря народных говоров Института русского языка АН СССР.

¹³ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. II. СПб., 1896, стр. 522, № 617. Ср. варианты: «Как за горницею / Да за повалушею, / Там не в гуслицы играют, / Не в свирель говорят» (там же, стр. 518, № 615; Пермская губ., Красноуфимский у.)

ценивший выразительность народной речи, не употребил этих слов в своих произведениях, хотя у его современников мы их встречаем с начала 20-х годов XIX в.

Несомненно, открытие «Слова о полку Игореве» произвело сильное впечатление на русских писателей и на русское общество в целом. Появляется целый ряд произведений на мотивы «Слова о полку Игореве», используются его образы, и прежде всего образ певца-поэта и музыканта. В этих произведениях мы находим слова «рокотать» и «рокот».¹⁴

В стихотворном «Переложении Слова о полку Игореве», сделанном В. А. Жуковским около 1817 г., мы находим слово «рокотали», включенное автором в текст «Переложения» без перевода, без замены каким-либо словом литературного языка. Однако В. А. Жуковский сделал в скобках примечание к нему: «звучали».¹⁵ Текст своего «Переложения» В. А. Жуковский передал (в копии) А. С. Пушкину, который работал над ним, внося отдельные поправки.

А. Н. Майков, а также и все последующие «перелагатели», переводчики «Слова о полку Игореве» сохраняли в своих текстах «рокотали» без замены на какое-либо другое слово.

С двадцатых годов XIX в. слова «рокотать» и «рокот» как обозначение раскатыстого, переличатого звучания струн, птичьего пения, человеческих голосов, шума волн, леса и т. п. мы встречаем у Языкова, Бенедиктова, Вяземского, Полежаева, Полонского, А. К. Толстого и многих других. В. К. Кюхельбекер в стихотворении «19 октября 1836 года» говорит о Пушкине такими словами: «Чи резче всех рисуются черты / Пред взорами мои? как перуны / Сибирских гроз, его золотые струны / Роко-чут... Пушкин, Пушкин! это ты! / Твой образ — свет мне в море темноты!».¹⁶

В середине XIX в. «рокот» и «рокотать» употребляются очень широко не только в поэзии, но и в прозе (Григорович, Станюкович, Левитов, Эртель, Некрасов, Помяловский, Крестовский и др.),¹⁷ а со второй половины XIX в. эти слова встречаются во всех жанрах речи, наиболее часто в очень конкретных «прозаических» описаниях, даваемых самыми различными авторами (Короленко, Чехов, М. Горький, Скиталец, Миклухо-Маклай, Н. Морозов, Ляшко, Gladков, Казакевич и др.).

В Картотеке Словарного сектора Института русского языка АН СССР (Ленинград), содержащей цитаты из произведений русских писателей от конца XVIII в. до наших дней, находится большое количество цитат со словами «рокот», «рокотать» начиная с 20-х годов XIX в. Трудно перечислить авторов, употреблявших и употребляющих их.

¹⁴ Например: «И персты вщие, по золотым струнам / Астая, славу рокотали» (К. Ф. Рылев в. Боян. — В кн.: Декабристы. М.—Л., 1951, стр. 9). Н. И. Гнедич в «идиллии» «Рыбаки» (1821 г.) изображает «захожего слепца», который «наигрывал песни на струнах про старые войны»: «И заванный дедом, под нашу хатой уселся. / Он долго сперва по струнам рокотал молчаливо» (Н. И. Гнедич. Стихотворения. Л., 1956 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 197); ср. там же: «Под теремом тем, ты слышал ли, как в летние ночи / И струны рокочут и вщие носятся гласы?» (стр. 198).

¹⁵ См. «Примечания к „Переложению Слова о полку Игореве“ В. А. Жуковского» в кн.: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 372.

¹⁶ Декабристы. М.—Л., 1951, стр. 116.

¹⁷ Например: «Вместе с ним дрожит, казалось ему, и вся комната; а графин и стакан, поставленные на столике, рядом, издают жалобные непрерывные звуки; ширмы, оклеенные бумагой, выгибаются и рокочут, беспрестанно угрожая обрушиться на продрогшего Каютина» (Н. Некрасов. Три страны света. — В кн.: Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1930, стр. 31).

Легкость, с которой эти слова вошли в литературный язык и быстро получили широкое распространение в нем, может быть объяснена тем, что как сами слова, так и их значение были хорошо известны и ранее, но находились за пределами литературного языка, потому что принадлежали областным говорам, народной речи.

Трепетать

Судьба слов «трепетать», «трепет» в русском литературном языке была несколько иной, чем слов «рокотать», «рокот». Начиная с первых памятников различного жанра и характера они проходят через всю письменность и поэтому представлены во всех словарях, во всех картотеках, причем на протяжении своего многовекового употребления они сохраняют почти без малейших изменений свою смысловую структуру, свои значения. Глагол «трепетать» в современном языке, как и в языке далекого прошлого, имеет несколько значений (одни словари различают 3, другие — 4 значения), причем вторичные значения («страшиться, бояться»; «быть охваченным внутренним, глубоким волнением») не потеряли связи с основным значением: «быть охваченным дрожью; содрогаться, нервно и сильно дрожать».

В «Слове о полку Игореве» глагол «трепетать» входит во фразу: «Черньныя тучя съ моря идуць, хотять прикрыть 4 солнца, въ нихъ трепешутъ синии мълнии. Быти грому великому. Идти дождю стрѣлами съ Дону великаго».

Картину, заключенную в этой фразе, обычно рассматривают как символическое изображение наступающих полчищ кочевников, движущихся с моря. Однако едва ли это так: слишком реально переданы детали происходящего в природе, чтобы понять их как символы.

Исследователи многократно указывали на то, что автор «Слова» очень точен в описании явлений природы, что он изображает действительность в живых и ярких ее чертах. Очень точен автор и в данном случае, но картина, нарисованная им, отличается от описаний грозы, которые не так уж редки в летописях и других произведениях древней письменности и которые тоже реалистичны.¹⁸ Возможно, именно это обстоятельство, а также и неразрывная слитность явлений природы с происходящей битвой послужили основанием для того, чтобы рассматривать описание приближающейся грозы как символическое изображение наступающих кочевников.

Однако здесь, как и в других местах «Слова», природа — не только реальная обстановка, в которой разворачивается действие, но вместе с этим сама является неотъемлемой частью действия, описываемых событий. В таком отношении автора к изображению природных явлений проявляется художественное мировоззрение, характерное для произведений устной поэзии и рассмотренное А. Н. Веселовским в работе «Психологической параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля».¹⁹

Автор «Слова» очень точно описывает состояние природы перед грозой, описывает признаки, свидетельствующие о ее приближении. Признаки приближающейся грозы в данном случае не совсем обычные, как необычно и состояние природы с самого начала похода Игоря (солнечное затмение, грозовая ночь после затмения: «Солнце ему тьмою путь заступаше; ноць

¹⁸ Ср., например, в ПВЛ под 1024 г.: «И бысть съча силна, яко посвѣтъше мольня, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и съча силна и страшна» (В кн.: Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 100).

¹⁹ А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 125—200.

стонуши ему грозою...»). Второй битве также предшествует необычное и мрачное знамение: гроза надвигается на рассвете, еще в утренних сумерках. Автор находит нужным подчеркнуть это: «Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, черная тучя съ моря идуть...». Далее он точными и скупыми словами передает все, что происходит в это время в самой природе и войсках Игоря, которые стоят в степи, где горизонт и небо ничем не закрыты от взоров, а на открытом пространстве надвигающаяся гроза всегда представляет величественное и грозное зрелище.

Нельзя учесть все имеющиеся в литературе XIX—XX вв. описания грозы и ее приближения. Они очень разнообразны, поэтому приведем самые краткие, обычные, типические фразы, которыми передаются такие же, как в «Слове о полку Игореве», или сходные явления: «С востока надвигалась гроза. Почти непрерывно вспыхивали зарницы» (А. Степанов. Порт-Артур); «Над полями вспыхивали зарницы, обнимая половину небес» (М. Горький. Мои университеты); «Зарева далеких пожаров трепетали над горизонтом» (Ф. Гладков. Лихая година). У Ф. И. Тютчева есть стихотворение, в котором изображено состояние природы перед надвигающейся грозой, очень близкое описанию в «Слове». Вот оно:

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землєю
Небо, полное грозою,
Все в зарницах трепетало.²⁰

На рассвете войска Игоря видят обложенный тучами горизонт, и, хотя гроза еще далеко под горизонтом (со стороны моря), ее отблески в виде непрерывно вспыхивающих зарниц освещают «черные тучи», все небо и говорят о ее приближении. «Быти грому великому», — пишет автор. Каким более точным словом, чем «трепетать», можно передать непрерывные вспышки зарниц на грозном небе? Но вот налетел и зашумел сильный ветер, а вместе с грозой и ветром идут полки кочевников. Вихрь и движение войск вздымают над степью пыль, ветер взмущает воду в реке, треплет стяги, а под ногами кочевников гудит («тутнет») земля.

В описании надвигающейся грозы, данном автором «Слова», все реалистично; слова, а в том числе и глагол «трепетать», употреблены очень точно, в своих основных типических значениях.

²⁰ Ф. И. Тютчев. Стихотворения, т. II. М.—Л., 1934, стр. 60. При первой публикации оно имело заглавие «Ночь в дороге», а при перепечатке в «Современнике» — «14 июля, в ночь» (см. комментарий в названной книге, стр. 322).

Композиция и космология плача Ярославны

Рассказ о Ярославне в «Слове о полку Игореве»¹ слагается из вступления и троекратного плача. В первой, вступительной части три моторно-слуховых глагола, представленных формами третьего лица единственного числа и возвецающих монолог героини (168 *ся слышитъ—кычеть* — 169 *рече*), сплетаются с тремя глаголами действия, отнесенными к первому лицу единственного числа, — тройным заговорным зачином (169 *полечю* — 170 *омочю* — 171 *утру*), образуя симметричный ряд: 3, 3, 1, 3, 1, 1. Каждый из трех разделов второй, основной части вводится почти одинаковым предложением: 172, 177, 181 *Ярославна рано плачеть . . . аркучи*, т. е. снова, как и в первой части, моторно-слуховой глагол в форме третьего лица единственного числа оповещает о заклинательном причитании княгини. Вслед за каждым из трех оповещений выступает обращение из трех ударных слов: 173 *О вѣтрѣ, вѣтрило!* — 178 *О Днепре Словугицю!* — 182 *Свѣтлое и тресвѣтлое слънцу!* Когда зачин, обращенный к неведомому слушателю (168 *земли незнаемѣ*) смеяется четко названным адресатом, первое лицо уступает место второму. Каждое из трех воззваний содержит по три конкретных глагола во втором лице единственного числа, а внутри каждого воззвания все три предложения с этими сказуемыми связаны между собою грамматическим параллелизмом:

1) 173 *чему . . . вѣши?* — 174 *чему мычещи . . . ?* — *чему . . . развѣ?*

2) 178 *ты пробиль еси* — 179 *ты лелвиль еси* — 180 *възлелвй* (причем за каждым глаголом следует сперва прямое дополнение, затем предложная конструкция).

3) 183 *простре — съпряже — затче* (все три глагола принадлежат вопросительным предложениям, как в первом воззвании, лишь с той разницей, что адвербиализованное местоимение *чему* здесь опущено в последних двух вопросах; все три предложения содержат по прямому и косвенному дополнению, а в обоих эллиптических вопросах параллелизм, сверх того, подчеркнут формами инструментала, схожими морфологически и синтаксически: «жаждею имь лучи съпряже, тугою имь туди затче»).

Композиционное сродство всех трех воззваний, двух крайних, вопросительных, и среднего, восклицательно-императивного, достигается тождественным обращением 173, 176, 180, 183 *господине* и одинаковым обозначением Игоря в сходном словесном обрамлении: 174 *на своєю нструд-*

¹ В основу цитат и их нумерации положено наше критическое издание «Слова о полку Игореве»: R. Jakobson. Selected Writings, vol. IV. Hague—Paris, 1966, стр. 146 и сл. (цифры означают «стихи» — абзацы текста «Слова»).

ною крильцю... на моя лады вои — 180 мою ладу—183 свою лучю на ладѣ вои.

Принцип троичности, на котором построен плач Ярославны, находит свое характерное выражение в ступенчатом эпитете 182 *свѣтлос и тресвѣтлос*, включенном в тройственный ряд паронимов: 173 *О вѣтре, вѣтрило! чсму, господине*—182 *Свѣилое и тресвѣтлос слънце!*—183 *Чему, господине, простре...*

Три адресата заклинательных зовов Ярославны явственно принадлежат трем ярусам мироздания, «the three phenomenal divisions of the tripartite universe», запечатленным в космологической традиции индоевропейских народов и обследованным на индоиранском и греко-римском материале в целом ряде основоположных трудов: J. Gonda. *Loka-World and Heaven in the Veda*. Amsterdam, 1966; H. S. Nyberg. *Die Religionen des alten Iran*. Leipzig, 1938; G. Dumézil. *Jupiter, Mars, Quirinus*. Paris, 1941; E. Benveniste. *Symbolisme social dans les cultes gréco-italiques*. *Revue de l'Histoire des Religions*, vol. CXXIX (1945). Высшая область — небо, низшая — земля, средняя — промежуточный мир между небом и землей. Низшая сфера обретается либо на уровне земли, либо ниже ее уровня, в этом случае нередко на водном уровне, и тогда понятие средней сферы может быть распространено и на земную поверхность. Б. В. Сапунов справедливо усматривает в плаче Ярославны явственные пережитки дохристианской культовой символики.² *Numina caelestia, media et terrestria* представлены здесь Господином Тресветлым Солнцем, Господином Ветром Ветрилом и Господином Днепром Словоутичем. Магической мощью наделен зов зегзицы к трем стихиям; поэтому воды, ветры и солнце сопутствуют спасительному бегству Игоря. Плач Ярославны — последний в «Слове» из трех образов трехъярусной вселенной, а два первых образа в свою очередь сочетаются с темой волшебства. В первом зачине «Слова» вещий Боян *з* «растѣкашется мыслию по древу (дерево наряду с ветром — традиционный символ промежуточной сферы между землей и небом, — Р. Я.), стѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы». Второй зачин вызывает к вешнему Бояну, Велесову внуку: 14 «абы ты сѧ плъкы ущеко-таль, скача, славю, по мыслену древу, летая умомъ подѣ облакы... риша въ тропу Трояню чресъ поля на горы».

Все три названных образа трехъярусного мира характеризуются двумя общими чертами: обе крайние сферы выступают в непосредственной смежности (высшая вслед за низшей в первом зачине и в плаче и, наоборот, низшая вслед за высшей во втором зачине); промежуточная сфера во всех трех случаях фигурирует на первом месте (дерево в обоих зачинах, ветер в плаче). Быть может, вступление к плачу подготавливает ряд — Ветер, Днепр, Солнце — обратным, зеркальным порядком мотивов: 169 *Полечю ... зегзицсю* (ср. орлиный полет в первом, соловьиный во втором приступе), 170 *Омочю ... въ Каялъ рѣцѣ*, 171 *Утру князю ... раны* (взойдя на берег).

Как уже было указано выше, призыв к каждой из трех стихийных сил содержит по три конкретных глагола во втором лице единственного числа, причем все три предложения с этими сказуемыми связаны между собой грамматическим параллелизмом. Следует отметить, что каждое из трех воззваний заключает, помимо трех вышеотмеченных параллельных предложений, еще по одному предложению с финитной глагольной формой, совер-

² Б. В. Сапунов. *Ярославна и древнерусское язычество*. — В кн.: *Слово о полку Игореве* — памятник XII века. М—Л., 1962, стр. 321—329. О мифологических элементах в «Слове» см. также: R. Jakobson. *Selected Writings*, vol. IV, стр. 288—294, 301—357, 701—702.

шенно отличной по своему грамматическому строю от всех девяти глаголов, составляющих основу трех зовов Ярославны. Так, в вопросах, обращенных к Ветру, единственная в плаче бессубъектная конструкция 175 *Мало ли ти бяшесть* отличается, кроме того, имперфектом и третьим лицом от всех остальных сказуемых в монологе Ярославны.

В призыве к Днепру форма 180 *абыхъ не слала* отличается и лицом, и наклоном от всех прочих глаголов в трех зовах княгини и служит единственным во всем тексте сказуемым придаточного предложения.

Единственное повествовательное предложение в речи к Солнцу — 182 *всѣмъ тепло и красно еси* — отличается участием глагольной связки от прочих предложений плача, за исключением вышеприведенной конструкции 175 *Мало ли ти бяшесть*, и служит на весь текст одиноким примером сочетания однородных членов: *тепло и красно*, тогда как симметричные предложения характеризуются не внутренней, а взаимной однородностью.

Таким образом, каждый из трех призывов Ярославны состоит из трех симметричных и одного асимметричного предложения, причем весьма показательное распределение всех трех асимметричных предложений. В призыве к господину низшей сферы, Днепру Словутичу, асимметричный придаток следует за последним из трех симметричных предложений (180 *Възлежь, господине, мою ладу къ мне, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано!*). В призыве к господину высшей сферы, тресветлому Солнцу, асимметричный придаток предшествует первому из трех симметричных предложений (182 *всѣмъ тепло и красно еси*; 183 *Чему, господине, простре горячую свою лущю на ладъ вои*). В призыве же к господину средней сферы, Ветру Ветрилу, асимметричный придаток, вставной полемический вопрос, предшествует последнему из трех симметричных предложений (175 *Мало ли ти бяшесть горѣ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?* 176 *Чему, господине, мое веселе по ковылю развѣя?*) Иными словами, асимметричное предложение служит заключительным отступом речи, обращенной вниз, начальным приступом к симметричным предложениям, адресованным ввысь, внутренним отягощением трехчленной речи к серединной, промежуточной стихии; при этом где бы ни находился асимметричный придаток, к нему всегда непосредственно примыкает предложение с почетным вокативом *господине*. Этим истовым титулом Ярославна величает господина высшей сферы в начальном из трех симметричных предложений, господина низшей сферы в конечном, а господина средней сферы и в начальном и в конечном из трех симметричных предложений. Соответственно говорят о *ладе*, герое молебны, первое симметричное предложение в речи к Солнцу, третье, последнее, в речи к Днепру и второе, т. е. среднее, в речи к Ветру, властителю средней сферы

Е. И. БОБРОВА

К новому истолкованию плача Ярославны

Так озаглавлена статья итальянского исследователя Эридано Бадзарелли, напечатанная в римском журнале «Сочьета» в июне 1957 г.¹ Поскольку Бадзарелли в настоящее время известен у нас как автор единственной вышедшей в Италии монографии об Иннокентии Анпенском,² а статья о плаче Ярославны прошла как будто бы не замеченной нашими специалистами, мы решили вкратце познакомить с ней русских ученых.

Журнал «Сочьета», возникший в 1945 г. как трехмесячный, а с 1954 г. ставший двухмесячным, затрагивает на своих страницах многие социально-политические проблемы в международном масштабе, уделяет довольно большое внимание рабочему движению; поэтому появление там небольшой работы Бадзарелли на очень узкую тему по древнерусской литературе является несколько неожиданным.

Бадзарелли не цитирует русский подлинник, а все ссылки делает на последний итальянский перевод «Слова о полку Игореве», выполненный Ренато Поджиоли, где текст аннотирован Романом Якобсоном. Это издание считается вполне научно обоснованным.³ Как это будет видно из дальнейшего, не весь плач Ярославны служит темой данного исследования, а лишь самое его начало. Бадзарелли пишет: «Так называемый „Плач Ярославны“ запечатлевает, может быть, вершину лиризма „Слова о полку Игореве“». С эпизодом Ярославны связаны очень многие проблемы, как, впрочем, и со всем произведением. Но здесь, мне кажется, полезно высказать некоторые суждения, по крайней мере относительно строки, которую Поджиоли переводит: «Слышится мне голос Ярославны...». Жалоба Ярославны предшествует непосредственно рассказу о бегстве Игоря из половецкого стана, где его держали пленником, и следует за сожалением о временах Владимира. Надо иметь в виду эти два эпизода, так как они помогают нам понять глубокое лирическое побуждение, приведшее автора «Слова» к тому, чтобы заставить нас услышать как раз в этот момент голос Ярославны. Мои суждения исходят от того истолкования «Плача Ярославны», какое дает советский ученый Иван Новиков. В 1938 г. «Слово» появилось в переводе Новикова на современный русский язык, сопровождаемое рядом замечаний, где была изложена гипотеза по поводу автора этого сочинения.

¹ Eridano Bazzarelli. Per una nuova interpretazione del «Pianto di Jaroslavna». Società. Rivista bimestrale, Roma, 1957, № 3, Giugno, стр. 617—622.

² Eridano Bazzarelli. La poesia di Innokentij Annenskij. Milano, 1965 (Civiltà letteraria del novecento. Sezione russa, 1), 177 стр.

³ Cantare della gesta di Igor. Introduzione, traduzione e commento di Renato Poggioli. Testo critico annotato di Roman Jacobson. Einaudi ed. [Torino], 1954 (Nuova collana di poeti tradotti con testo a fronte, 4), 237 стр.

Эта гипотеза (я рассматриваю ее как подсобный материал для работы) позволяет нам лучше понять сущность и поэтический смысл многих иго-рианских эпизодов».

Далее Бадзарелли излагает толкование Новикова как по изданию 1938 г.,⁴ так и по его книге 1956 г.,⁵ правда, не затрудняя себя точными ссылками на текст этих работ. Бадзарелли главным образом интересуется мнением Новикова, что автор «Слова» принимал участие в походе и пережил поэтому все превратности в судьбе русских. «Эту мысль, — пишет Бадзарелли, — естественно, оспаривали многие (напр., Гудзий), мы также можем спорить об участии физическом и поэтико-сентиментальном автора „Слова“ в игоревой эпопее. Но примем эту мысль как гипотезу, воздержавшись до другого раза от ее углубления: она пока помогает нам уточнить поэтическое содержание „Плача Ярославны“».

К сожалению, в дальнейшем изложении текста Новикова у Бадзарелли вкралась крупная опечатка: вместо 1184 г. женитьбы Игоря указан 1084 г.

Для Бадзарелли наиболее важный вопрос как в комментариях Новикова, так и у других исследователей — «Кто слышит плач Ярославны?». Он принимает «палеографически обоснованное» толкование Е. В. Барсова:⁶ «Я слышу» (слышится мне), а относительно Новикова говорит: «Я считаю приемлемой главную мысль комментария: плач Ярославны лишь объективизированный отзвук многих чувств русских пленников, приписанный Ярославне. Он, возникая в их душе и „особенно в душе Игоря“ и поэта, переносится в Путивль. Скорбь пленников, их тоска по родине совпадают со скорбью и с тоской княгини: не исключено поэтому, что в то же самое время, или в другой раз, Ярославна „действительно“ плакала в Путивле, или в Новгороде, но этот реальный плач не интересует поэта. Проблема теперь в том, чтобы установить, нужно ли отнести „Плач Ярославны“, символ и объективацию тоски пленников, ко всем русским пленникам, или к поэту, который считается их товарищем, или к князю Игорю. То есть проблема в том, чтобы установить, к кому относится глагол „слышит“. Мои соображения имеют в виду как раз этот момент и расходятся с мнением Новикова, считающего предметом этого глагола поэта, и с мнением многих других комментаторов, предпочитающих рефлексивную форму, относящуюся к русским (к русским вообще или к пленникам). Я же хотел бы доказать значение догадки, выдвинутой в его переводе поэтом Аполлоном Николаевичем Майковым еще с 1872 года: „предметом является князь Игорь“».⁷

Далее Бадзарелли рассматривает текст данного отрывка «Слова» в первом издании 1800 г. и в «Екатерининской копии», ссылаясь главным образом на Д. С. Лихачева,⁸ на Р. Якобсона и на И. Новикова, противопоставляя мнению последнего толкование А. Н. Майкова. Основываясь также на палеографических «догадках», Бадзарелли приходит к выводу, что «грамматическим подлежащим» может быть Игорь, и он пишет: «Но если мы приписываем наибольшую интенсивность [чувства] князю Игорю, определяя его как субъект воздействия слышимого, нам не только

⁴ Слово о полку Игореве. Перевод, предисловие и пояснения Ивана Новикова. Общая редакция и вступит. статья проф. Н. К. Гудзия. М., 1938.

⁵ Иван Новиков. «Слово о полку Игореве» и его автор. В кн.: Иван Новиков. Писатель и его творчество. М., 1956, стр. 13—115.

⁶ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Исследование. Части 1—3. М., 1885, 1887, 1890.

⁷ А. Н. Майков. Стихотворения, ч. 3. Изд. 3-е. СПб., 1872, стр. 248.

⁸ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. Изд. 2-е, доп. М.—Л., 1955

не нужно строить догадки по поводу текста, но этим мы подчеркиваем иной поэтический смысл автора „Слова“ ... и углубляем лирический диапазон выразительности ... Через плач Ярославны Игорь (имеется в виду Игорь в поэтическом преображении автора «Слова») выражает свою мучительную и томительную любовь к молодой жене. Но Игорь посредством плача Ярославны выражает не только это чувство. Он проявляет „также“ вновь ощущаемую скорбь о несчастном исходе похода и о погибших на поле сражения... Но как может Ярославна, находясь в Путивле, знать, что ее муж не погиб, а ранен? ... Факт тот, что Игорь, реальный субъект эпизода, передает Ярославне, мысленно им вызванной, также и свои собственные чувства. Тут концентрированное наслоение страстей и образов очень сильной лиричности. Плач Ярославны выстрадан Игорем этап за этапом, он „воображает“ жену, когда она плачет, он вспоминает жену на укреплениях Путивля, он „вызывает“ в памяти волнующие моменты битвы, он „испытывает“ мучительным образом желание почувствовать легкую руку супруги, обтирающую его кровотокающие раны... В то же время Игорь через свое страдание, которое становится песнью воспоминания, выражает также тоску поэта и остальных своих товарищей по плену.

Ясно поэтому, что эпизод Ярославны прочно связывается со всем произведением, что это не своего рода отступление, пусть даже лирическое, вставленное туда, чтобы прервать объективный ход событий. События происходят в сознании Игоря, а потом осуществляются в его поступке».

Указывая, что плач Ярославны следует за сожалением о временах Владимира, Бадзарелли пишет: «От скорбного воспоминания о счастливом времени Владимира Игорь, естественно, переходит к мучительному воспоминанию о своей супруге. И это двойное воспоминание делает более острым в сердце Игоря стремление к бегству. Оно имеет не только эгоистичное побуждение (возвращение к Ярославне), но и политическое объяснение: возможность или восстановления сил христиан после поражения, или примирения с половцами». Бадзарелли говорит, что дал достаточное доказательство вероятности такого прочтения текста 1800 г. и объяснения, почему Игорь является подлежащим к глаголу «слышит», к чему поэт А. Н. Майков пришел через свою художественную интуицию.

Статья заканчивается рассмотрением значения слова «зегзица», которое Бадзарелли склонен перевести как «чайка», основываясь на работе Н. В. Шарлеманя,⁹ так как чайка считается символом плача. К такому мнению Бадзарелли склоняется еще и потому, что этот же смысл дал термину в своем переводе «Слова» Т. Г. Шевченко.¹⁰

⁹ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 111—124.

¹⁰ Каким изданием перевода Т. Г. Шевченко пользовался Бадзарелли — не указано; он вообще не делает точных ссылок.

И. БАДАЛИЧ

О югославских переводах «Слова о полку Игореве» (по случаю 125-летия первого югославского перевода «Слова»)¹

Интерес югославских переводчиков к известному древнерусскому произведению «Слово о полку Игореве» насчитывает ровно 125 лет: с 1842 г., когда Йован Хаджич под псевдонимом Милош Светич печатает свой свободный перевод этого произведения с русского текста (перевода) Михаила Максимовича (Киев, 1837 г.) десятисложным стихом югославской народной песни, и до нашего десятилетия, когда и современные македонцы начинают переводить «Слово» свободным стихом (Т. Димитровски, Скопле, 1960 г.). За этот период в 125 лет появился десяток югославских переводчиков (сербских, хорватских, словенских, македонских), пробовавших свое поэтическое и переводческое искусство в разных прозаических и стихотворных формах: от народного десятисложного стиха (Й. Хаджич, П. Петрович-Негош) и хореического восьмисложного (Д. Медич, И. С. Шайкович) до свободного ритмического стиха (М. Панич-Суреп, Т. Димитровски), от нормативной до стилизованной и ритмичной прозы (О. Утешенович-Острожинский, М. Плетершник, Р. Нахтигал, Й. Бадалич).

Остановимся вкратце на переводах «Слова», и только с точки зрения их формально-поэтических особенностей.

Первый югославский перевод «Слова», осуществленный в 1842 г., опубликован в Собрании сочинений сербского поэта того времени Йована Хаджича (1799—1869), который писал тогда под псевдонимом Милош Светич.² Его перевод «Слова» в стиле югославской народной песни, с употреблением народного десяти- и двенадцатисложного стиха, является очень свободным. К такому переводу, изобилующему поэтическими вольностями, югославского переводчика в немалой степени побудили русские переводы «Слова», в большинстве своем созданные в народном стиле. Причиной этого явилось убеждение, что «Слово» — народное поэтическое произведение и поэтому для его адекватной передачи на иной язык лучше всего использовать народный стих. Такого мнения придерживались и некоторые ранние югославские переводчики: прежде всего упомянутый Йован Хаджич (Милош Светич), а позднее переводчик небольших отдельных глав «Слова», известный черногорский поэт Петр Петрович-Негош.³ Поэтическое содержание «Слова», как народного литературного произведения,

¹ Перевод с сербохорватского О. И. Трофимкиной. (Ред.).

² Писма о полку Игоревом. С рускога или старога државно библијскога превода Светић. — В кн.: Голубица са цветом књижевства србскога, IV. Београд, 1842, стр. 148—178. В новом, исправленном издании см.: Дѣла Јована Хаджића, кн. II. Ср. Карловици, 1858, стр. 212—246.

³ Целокупна дела Петра Петровића Негоша, кн. II. Београд, 1953.

могло в таком классическом эпическом выражении, как считали, лучше всего сохранить свою исконную фактуру, свои фольклорные и повествовательные элементы.

Чтобы наглядно показать — хотя и очень кратко — формально-технический подход отдельных югославских переводчиков «Слова» в течение прошедших 125 лет, мы приведем начальные строки плача Ярославны в переводах самых ранних югославских переводчиков — Й. Хаджича и П. Петровича-Негоша (размером народных песен — десяти- и двенадцатисложным).

Вот как переводит эти строки первый югославский переводчик Йован Хаджич:

Ярославна плаче у Путивлю,
Рано плаче, бедемом нариче:
«О вѣтре, вѣтрило, зашто силно вѣшь?»
Зашто носиш стрѣле ты оне Хиновскс,
На твоём лагом крылцу на мог драгог войску?
Зарь е мало горе под облаке вѣяти,
Люляюћи ладе на синсму мору?
Зашто мое вселѣ по ковилю развѣя?».⁴

Это место приблизительно в то же время переводит и известный черногорский поэт П. Петрович-Негош (1813—1851), причем также десятисложным народным размером:

Ярославна:

Опет рано цвилу у Путивљу,
на високом окну без билоура,
встар зове и нему се моли:
«Нашто душеш, нашто љутс стрѣле
од крѣника на крилма своим
носиш против господара мога?
Зар ти мало да облаке крећеш
и високе врхове савијаш?
Зар ти мало што море узбуниш
и по њсму кораб лаки бачаш,
већ ми душу ковиљем развијаш?».⁵

Однако эти первые югославские переводы, в духе устаревшей славяно-сербской традиции, мало кого могли удовлетворить. Для лучшего знакомства со «Словом» нужен был точный прозаический перевод памятника, который соответствовал бы уровню развития поэтического языка, пережившего исторический подъем в результате деятельности В. Караджича. И действительно, эту потребность относительно быстро удовлетворили два югославских переводчика: на хорватско-сербской почве «иллирийский» писатель Огнеслав Утешенович-Острожинский и на словенской — известный лексикограф Макс Плетершник. Новым югославским прозаическим переводам пришлось встретиться со многими трудностями вследствие недостаточной разработанности тогдашнего литературного и особенно поэтического языка; однако прозаическая форма все-таки позволила более точно передать текст памятника. Вот как перевел Утешенович прозой цитированное выше место:

О вјетре, вјетрило! Чему, господине, насильно вијеш? Чему гониш хунске стріјеле на својем нетрудном крилцу на мојега драгога войска? Мало ли ти бијаше горе под облаци вијати, лелилајући корабе по сињем мору? Чему, господине, моје весеље на ковиљу развијаш?⁶

⁴ Дѣла Јована Хаджића, кн. II, стр. 233.

⁵ Целокупна дела Петра Петровића Његоша, кн. II, стр. 379.

⁶ Слово о пуку Игореву, Игоря сына Светославова, унука Ольгова. Превео Огнеслав Утешеновић-Острожински. Vila Ostrožinska, Већ, 1871, стр. 216—231. Как ра-

Прозаический перевод «Слова», сделанный Утешеновичем, был благоприятно воспринят литературной критикой своего времени, потому что еще сто лет назад в хорватской науке и литературе перевод в прозе был оценен как предпосылка верного перевода «Слова».

Почти одновременно с прозаическим переводом Утешеновича выходит и стихотворное переложение Медича. И это обстоятельство использует Йосип Мишкатович — критик «Виенца» и плодовитый переводчик с русского языка на хорватский, — чтобы изложить свое краткое, но принципиальное мнение о возможности точного перевода «Слова» прозой.⁷ По его словам, Утешенович стремится быть в переводе как можно более точным, поэтому и переводит поэму прозой, сохраняя, где только может, те же слова и тот же порядок слов. У Медича были перед глазами версифицированные русские переводы, поэтому и сам он выбрал Гундуличевскую строфу, чтобы в этой форме представить нам «Слово».

В эти же годы известным словенским лексикографом Максом Плетершником (1840—1923) подготовлен и первый словенский перевод памятник. Этот прозаический перевод, сделанный целых сто лет назад, остается вплоть до перевода Нахтигала единственным словенским переводом. Отдельные шероховатости в переводе Плетершника обусловлены в большой мере тогдашней текстологической неисследованностью самого «Слова». Вот как переводил Плетершник цитированное место:

Jaroslavna rano žaluje v Putivli na obzidji, rekoč: «O veter, vetrič moj! Zakaj, gospod, silno veješ? Zakaj nosiš hinovske puščice na svojih lahkih perotah nad vojsko mojega moža? Ni ti li bilo dosti, gori pod oblaki veti in zibati ladije na sinjem morju? Zakaj si, gospod, razpihal moje veselje po kovilju?..».⁸

Другой словенский перевод «Слова», сделанный Нахтигалем, во многом опирается на перевод его земляка М. Плетершника, как это можно заметить и по краткой цитате из Нахтигалевого перевода того же отрывка «Слова»:

Jaroslavna rano plače v Putivlju na obzidju, rekoč: «O veter, vetrič! Čemu, gospod, nasilno veješ? Čemu siplješ hinovske strelice na svojih lahkih perutih na mojega moža vojlike? Ali ti je bilo malo gori pod oblaki veti, libajoč ladje na sinjem morju? Čemu, gospod, si moje veselje po kovilju razpihal?».⁹

Все же ни только что цитировавшиеся прозаические югославские переводы Утешеновича и Плетершника, ни более ранние стихотворные (Хаджича и Негоша) не могли убедить сербских переводчиков в преимуществах прозаического перевода «Слова». Отсюда и дальнейшие попытки сербских переводчиков в течение XIX и XX вв. обогатить свою литературу новыми переводами «Слова» размером (метром) югославской народной песни — восьми-, десяти- и двенадцатисложным стихом. Появляются известные переводы хорейским восьмисложным стихом; это прежде всего уже

ботал Утешенович-Острожинский над своим переводом «Слова», видно из воспоминаний его современника, хорватского писателя Ивана Перковца: «Перевод „Слова о полку Игореве“ обсуждался тремя литераторами — П. Прерадовичем, О. Утешеновичем и мною. Первый из нас имел перед собой хорватский перевод, второй — русский текст, третий — чешский перевод, так что мы слово за словом сравнивали и поправляли» (I. Perkovac. *Crnice iz bojnog odsjeka*. Zagreb, 1869).

⁷ J. (Йосип Мишкатович). *Slovo o polku Iгореvom, ili pjesma o Iгореvoj*; četi prev. i objasnio Danilo Medić. U Petrogradu, 1870. Ср.: *Vijenac*, III, № 6, Zagreb, 1871, стр. 96.

⁸ M. Pletersnik. *Slovo o polku Igorjeve*. Iz staroruskega poslovenil i razložil M. Pletersnik. V Celovcu, 1866, стр. 21.

⁹ Staroruski ep Slovo o polku Iгореve. Izd. Slov. Akademja. Prev. Rajko Nahtigal Ljubljana, 1954, стр. 55.

упоминавшийся перевод, или, точнее, переложение («*prerjev*»), Данила Медича (1844—1879)¹⁰ и подобное же переложение Ивана С. Шайковича.¹¹

Восьмисложный стих Медича звучит так:

— Još s istoka rujna zora
Ne pokaza svoje lice,
A zaplaka Jaroslavna
Poput sinje kukavice.¹²

Подобно Медичу, Иван С. Шайкович в своем переводе также использует хорейческий восьмисложный стих. Нельзя отрицать поэтичности переложения Шайковича (в 1082 стихах), как и более раннего перевода Медича (840 стихов), но именно это их неумеренное поэтическое вдохновение, родственное по своему эмоциональному характеру свободному выражению и певучести югославской народной поэзии, увело их переводы далеко от оригинала и лишило критичности, из-за чего их поэтические опыты можно рассматривать лишь как переложения («*prerjev*»).

Вот как плачет Ярославна в восьмисложных хорейческих стихах Шайковича:

Ярославна плаче, тужи
Од расвитка дана бела
У Путивљу на стенама,
Наричући, изричући:
«Ветре, ветре, господару,
Зашто тако силно дуваш?
Зашто твоја лака крила
Подбацују панске стреле
На витезе војна мога?
Зар је теби мало, ветре,
Што крилима силним машеш
У висини подблагно
И што њима подбацујеш
По сињему мору лађе?
Зашто, зашто, господару,
Моју радост ти расеја
По ковиљу на све стране?»¹³

Последним этапом в работе югославов над переводом «Слова» является новейший перевод, в котором отразились научные результаты ритмологических исследований памятника. На основе концепций, оформившихся в советской науке нашего времени, выполнены два перевода, в которых по русско-советскому образцу сделана попытка передать ритмическую фактуру «Слова». Здесь прежде всего следует назвать сербский перевод М. Панича-Сурепа,¹⁴ а затем македонский перевод Тодора Димитровского.¹⁵

М. Панич-Суреп переводит начало плача Ярославны свободным ритмическим стихом:

Ветре, ветре!
Зашто ветре, господине, супрот вејеш?
Што наносиш хинске стреле
крилма лаким
на мог милог војна војску?

¹⁰ Слово о полку Игоревом или пјесма о Игоревој чети. Прев. Данило Медић. СПб., 1870.

¹¹ Песма о војевању Игорову. Прев. Иван С. Шайковић. Нови Сад, 1930.

¹² Слово о полку Игоревом... Прев. Данило Медић, стр. 28.

¹³ Песма о војевању Игорову. Прев. Иван С. Шайковић, стр. 45.

¹⁴ Слово о полку Игорову. Прев. М. Панић-Суреп. Београд, 1957.

¹⁵ Слово на походот Игорев. Перев. Тодор Димитровски. Скопје, 1960.

Зар ти мало беше, вестре, вејат горе, облацима,
и лулати лађе морем?
Зашто, вестре, господине, радост моју
по ковиљу ти развеја?¹⁶

В метрическом отношении, как видно из этого фрагмента, преобладает хорей как метрико-ритмическая единица, и он поэтому формирует и ритмическую линию — как отдельных «ритмических единиц» текста, так и всего «Слова» как художественного целого. Этот размер (трохейский восьмисложный стих, т. е. четырехстопный хорей) лежит в основе нашего, югославского литературного фольклора, он использован и в приведенных восьмисложных переводах (соответственно — переложениях) «Слова» (Медич, Шайкович); понятно, что этот хорей не кажется нам неестественным при переводе «Слова» на наш язык.

Ритмика оригинала и перевода, естественно, не всегда совпадает: структурно-акцентологические различия языка оригинала и языка перевода довольно часто препятствуют тому, чтобы при сохранении лексического тождества в переводе сохранялась и эвфоническая эквивалентность оригиналу. Так, например, Панич-Суреп сжимает в своем переводе плач Ярославны с шести слогов:

О вѣтре, вѣтрило!

до двух хорейских стоп (четыре слога):

Ветре, ветре!

меняя этим количественное содержание «ритмической единицы». Однако такой поступок не только понятен, но часто и неизбежен в подобных сложных переводах с «музыкально-ритмическим аккомпанементом». В этом отношении мне кажется более тщательным, а потому и ритмически более верным македонский перевод Тодора Димитровского, который переводит, например, то же самое место плача Ярославны следующими «ритмическими единицами»:

Јарославна рано плаче
на бедемот по Путивљ и си тажи:
— О вестре, вестре ле!
Зашто, вестре, господине, спротив веш?
Чуму носиш хински стрели
на крилца свои леки
спроти воините од мојот мил?
Малку ли ти беше под облаци горе да веш,
на сино море кораби да лулаш?
Зашто, вестре, господине, радост моја
по ковилаје ти развеја?¹⁷

В конце статьи упомяну о своем переводе, который является первым хорватским переводом «Слова».¹⁸ Зная потребность хорватской славистики в точном переводе «Слова» на хорватский язык, я решился на прозаический перевод памятника, чтобы и текстологически остаться как можно ближе к оригиналу. Для того чтобы в какой-то мере нашли свое выражение и определенные внутренние (скрытые) поэтические красоты «Слова», содержащиеся в существующей или предполагаемой ритмической фактуре поэтической речи «Слова», я стремился передать их с помощью стилизованного и несколько архаизированного слога (с употреблением лексиче-

¹⁶ Слово о полку Игореву. Прев. М. Панич-Суреп, стр. 77.

¹⁷ Слово на походот Игорев. Прев. Тодор Димитровски, стр. 38—39.

¹⁸ Spjev o vojevnanju Igorovu, Igora, sina Svjatoslavova, unuka Olegova. Preveo Josip Badalič. Ljubljana, 1957 (Slavistička revija, let. 10), стр. 217—229.

ских и синтаксических архаизмов и поэтическим воскрешением аориста и имперфекта). См., например:

Jaroslavna rano plače u Putivlju na bedemu, govoreći: «Oj vjetre, vjetrinol Ćemu, gospodaru, nemilosrdno pušeš? Zašto sipaš, lakokrilče, hinovske strjelice na mojega vojna čete? Malo li ti bijaše gore pod oblacima zavijati, ljuljajući ladje po sinjemu moru? Ćemu, gospodaru, moju radost po kovilju razasu?».

В заключение еще несколько слов о графическо-технической передаче оригинального и переводного текста «Слова». Если учесть, что первоначальная, оригинальная форма «Слова» прозаическая, невзирая на его ритмический склад, то аутентичный перевод его также должен быть прозаическим. Последовательность, неразрывность письменной речи в ее естественном и связном потоке также говорит против раздробления связанных фраз на части, расщепленные версификацией.

Вот что получилось, например, в результате версификаторского раздробления фразы в самом начале плача Ярославны, когда из связной и цельной формы:

Jaroslavna zorom plače u Putivlju na bedemu, tužeći se...

переводчик сделал так называемое свободное двустишие:

Jaroslavna zorom plače
u Putivlju na bedemu, tužeći se...

Неуместное расчленение на стихи нарушает связное чтение и художественное осмысление прозаического целого. А такие нарушения в подобных «хирургических» вмешательствах практически неизбежны. Насколько же более чутким оказалось в этом вопросе хорватское литературоведение, когда уже сто лет назад (ср. упоминавшуюся выше статью Мишкатовича в «Виенце» за 1871 г.) предпочло прозаический точный перевод «Слова»!

Это обстоятельство и побудило нас к осуществлению первого хорватского перевода «Слова» прозой.

Е. НАКАМУРА

«Слово о полку Игореве» в Японии

Еще в начале XIX в. русская литература была известна лишь немногим японцам. В 1813 г. русский капитан В. М. Головин, находившийся в плену в Мацумаэ (Хоккайдо), перед своим возвращением на родину составил для японских переводчиков русскую грамматику, где, в частности, процитировал стихотворные произведения М. В. Ломоносова («Ода, выбранная из Иова...»), Г. Р. Державина («На взятие Измаила»), а также Н. А. Львова, которые, вероятно, он знал наизусть. Грамматика и приведенные в ней стихи русских поэтов были вскоре переведены на японский язык. Это, несомненно, один из первых фактов проникновения европейской литературы в Японию. Но, к сожалению, эти стихотворения не стали известны широкому кругу читателей, потому что первый перевод русской грамматики остался лишь в рукописи.

По существу, японские читатели впервые познакомились с русской литературой в 1883 г., когда появился японский перевод романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (под названием «Рококу кибун, касин тэси року», т. е. «Удивительная история России, роман о влюбленных красавице и молодце»). Вслед за этим, в 1888 г., С. Футабатэй перевел на японский язык рассказы И. С. Тургенева — «Свидание» (из «Записок охотника») и «Три встречи». Общеизвестно, что С. Футабатэй — один из создателей новой японской литературы, превосходный переводчик русских писателей и автор ряда произведений, написанных под непосредственным влиянием русской литературы.

Сейчас русская и советская литература — одна из популярнейших иностранных литератур у японцев.¹

Несмотря на большой интерес японцев к русской литературе, «Слово о полку Игореве» начало привлекать внимание сравнительно поздно.² Это весьма естественно, так как древние произведения труднее понимать и переводить, чем шедевры литературы нового времени. «Слово о полку Игореве» было недоступным для японских читателей до тех пор, пока в 1947 г. не появился его первый перевод на японский язык.

Это не значит, однако, что «Слово» до того времени было совершенно неизвестно: многочисленные работы по истории русской литературы, вы-

¹ Например, крупное японское издательство «Тюокоронся», выпуская «Собрание мировой литературы» в 1963—1967 гг., отвело для произведений русских и советских писателей 11 томов из 54

² Ср: С. Кимура и Е. Накамура Изучение древнерусской литературы в Японии. — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 582—586, Е. Накамура Изучение древнерусской литературы в Японии — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 463—466.

шедшие в Японии после 20-х годов XX в., в большинстве своем упоминали этот памятник. Первой среди них была «История русской литературы» К. Оидзуми (А. С. Кокского), изданная в 1922 г. Автор этой книги уделял большое внимание фольклору и литературе древнего периода, посвящает «Слову» более четырех страниц.³ К сожалению, в характеристике «Слова», как и в книге в целом, содержится немало грубых ошибок, так как автор не являлся специалистом-литературоведом. Второй книгой, где упоминалось «Слово», был труд Н. Катаками «Изучение русской литературы», вышедший из печати в 1928 г. Н. Катаками, профессор университета Васэда, изучал русскую литературу в 1915—1918 гг. под руководством проф. П. Н. Сакулина. Его книга была первой серьезной работой на японском языке по русской и советской литературе. Хотя в центре внимания автора была русская литература второй половины XIX в. и современная ему советская литература (20-х годов), он коснулся и «Слова о полку Игореве», высоко оценив художественные достоинства этого памятника древнерусской литературы, отметив, в частности, сочувствие сил природы к героям повествования. По его мнению, прелесть «Слова о полку Игореве» состоит в богатстве поэтического воображения автора, опирающегося на традиции устного народного творчества.⁴

Интересно отметить, что отрывок «Слова» помещен в сборнике статей «Изучение русской культуры», посвященном шестидесятилетию проф. С. Ясуги. Сам С. Ясуги, в своих «Очерках истории русского литературного языка», помещенных в названном сборнике, цитирует в качестве образца русского литературного языка Киевской Руси отрывок из «Слова»: «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предь зорями? ... сваты попища, а сами полегоша, за землю Русьскую».⁵ С. Ясуги изучал русский язык в Петербурге в 1901—1904 гг., посещая лекции проф. А. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Вернувшись в Японию, он много лет преподавал в Токийском институте иностранных языков. В 1965 г. Ленинградский университет присвоил ему звание заслуженного профессора за его долголетнее преподавание русского языка в Японии.

За последнюю четверть века в Японии было издано свыше десяти разных курсов истории русской литературы. Здесь нет необходимости подробно разбирать, что говорится о «Слове» в каждой из этих работ; можно сказать лишь, что анализ этого памятника становится все более точным и подробным. Это объясняется тем, что после войны японские исследователи стали обращать больше внимания на древнерусскую литературу; в 1947 г., как уже говорилось выше, появился первый перевод «Слова», а затем и ряд специальных работ о нем, чему немало способствовало знакомство японских исследователей с книгами и статьями В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия, Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и др. В начале 60-х годов в Киото образовался даже кружок исследователей древнерусской литературы и истории — «Древнерусское общество в Японии», организатором которого был С. Уэно.

Первая специальная статья о «Слове» — «Введение в изучение „Слова о полку Игореве“» — была написана Д. Кубо, профессором Кобэского института иностранных языков. Автор впервые знакомит японского читателя с историей изучения произведения, историческими фактами и летописными записями о походе князя Игоря, основываясь главным образом на «Исто-

³ К. Оидзуми. *Россия бунгаку си*. Токио, Тайсекан, 1922, стр. 125—129.

⁴ Н. Катаками. *Россия бунгаку кэнкю*. Токио, Дайитисебо, 1928, стр. 94—95.

⁵ С. Ясуги. *Россия бунго си гайсэцу*. — В кн.: *Россия бунка но кэнкю*. Токио, Иванами сетэн, 1939, стр. 14—15.

рии древнерусской литературы» Н. К. Гудзия и японском переводе «Слова», сделанном М. Ёнакава.⁶

Почти одновременно с этим вышла из печати большая работа профессора университета Васэда — М. Ёнакава, первого переводчика памятника.⁷ Ее содержание следующее: 1. Открытие текста «Слова» и его подлинность; 2. Поход Игоря; 3. Когда было написано «Слово»; 4—5. Кем оно было написано, 6. Его содержание; 7. Поэтическая композиция и стиль; 8. Отношение к народному творчеству; 9—10. Влияние книжной литературы на «Слово»; 11. Произведения, подражавшие «Слову»; 12. Перевод на современный русский язык.

Статья основывается в значительной степени на «Истории» Н. К. Гудзия и переводе и комментариях «Слова», принадлежащих А. К. Югову. Эта работа имеет большое значение, так как в ней впервые японскому читателю показана вся сложность и глубина проблематики «Слова о полку Игореве», ибо автор ее — один из крупнейших после С. Футабатаэ знатоков и переводчиков русской литературы.

Несколько лет спустя, в 1955 г., появился труд С. Уэно, молодого лектора Киотского университета, — «Древний русский эпос».⁸ Это пока единственная в Японии монография о «Слове». Она состоит из шести глав: 1. Открытие, собиране и изучение устного народного эпоса; 2. Открытие и изучение «Слова о полку Игореве»; 3. Основа и окружение «Слова»; 4. Материалы «Слова» и характер той эпохи; 5. «Слово о полку Игореве» (его автор, содержание и т. д.); 6. Перевод «Слова» на японский язык.

Книга использует текст и комментарии к «Слову о полку Игореве» в серии «Библиотеки поэта» (1952 г.). Автора особенно интересует вопрос об отношении «Слова» к былинам.

Что видят японцы в «Слове о полку Игореве»? Нет никаких разногласий среди исследователей в оценке «Слова» как самого выдающегося памятника литературы древней Руси. Одни видят его достоинства в близости к замечательному устному творчеству русского народа (С. Уэно в вышеназванной книге, Р. Ясуй в «Словаре мировой литературы»⁹), другие придают большее значение влиянию на «Слово» со стороны византийской литературы (М. Ёнакава в вышеназванной статье, С. Кимура в своей «Истории русской литературы»¹⁰), третьи дорожат идентичностью «Слова» (Т. Курода в своей «Истории русской литературы»,¹¹ Ю. Канэко в своем «Вадемекуме русской литературы»¹²). Между этими мнениями нет непреодолимых противоречий, разница в точках зрения исследователей. Приведем примеры. По поводу удивительного мастерства «Слова о полку Игореве» С. Кимура, профессор Токийского университета, пишет: «Оно имеет сложный характер, включая в себя элементы эпоса, лирики и публицистики... Мастерство автора, который свободно владеет высокохудожественными символическими выражениями, заставляет нас видеть в нем

⁶ Д. Кубо «Игори энсэй моногатари» кэнкю дзесэцу — Кобэ гайдай ронсю Кобэ, т. II, вып. 2, 1951, стр. 21—41.

⁷ М. Ёнакава «Игори гунтан» кэнкю — Сого сэкай бунгэй, т. III, Токио, 1951, стр. 157—182; т. IV, 1952, стр. 122—157.

⁸ С. Уэно, Кодай росия дзедзиси — «Игори энсэй моногатари» то соно сюхэн Токио, Юсиндо, 1955, стр. 263.

⁹ Т. Курода (ред.) Сэкай бунгаку кансе дзигэн Росия-совэто хэн Токио, Токподо, 1962, стр. 23.

¹⁰ С. Кимура (ред.) Росия-собиэто бунгаку Токио, Майнити симбунся, 1961, стр. 13.

¹¹ Т. Курода Росия бунгаку си Изд. 2-е Токио, Согэйся, 1950, стр. 47—48.

¹² Ю. Канэко Росия бунгаку ашпай Токио, Иванами сетэн, 1961, стр. 51.

скорее поэта современных событий».¹³ Об идейном содержании «Слова» Ю. Канэко, профессор университета Хитоцубаси, пишет так: «Основная идея произведения — прекращение распрей между князьями, политическое и культурное объединение русского народа, защита мирного труда народных масс ... она в свою очередь придает произведению лиризм, какого почти не встречается в средневековом эпосе других народов мира».¹⁴ Высказывания этих двух ученых весьма типичны для характеристики понимания и оценки «Слова о полку Игоре» в Японии.

В японской литературе средних веков нет произведения, подобного «Слову о полку Игоре». Существенно различны литературные традиции и исторические условия обоих народов. Но это несколько не мешает японскому читателю понимать и любить «жемчужину древнерусской поэзии».

Две задачи стоят перед японскими исследователями «Слова о полку Игоре». Во-первых, передать соотечественникам красоту и значение «Слова» в возможно более совершенной форме; во-вторых, попытаться осмыслить красоту и значение «Слова» с точки зрения специфики японских историко-культурных традиций. Возможно, японская наука и культура внесут свой скромный вклад в изучение «Слова о полку Игоре» в частности и древнерусской литературы вообще.

— — —

¹³ С. Кимурэ. Россия-советы бунгаку си. Токио. Тюокоронся, 1958, стр. 14

¹⁴ Ю. Канэко. Россия бунгаку аншан, стр. 51—52

Э. Г. ЗЫКОВ

Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источник

В начальной части Повести временных лет содержится семь записей, относящихся к болгарской истории второй половины IX—начала X в.: о крещении Болгарии, о войнах Симеона (893—927) и его смерти. Считается бесспорным, что все они, кроме статьи 6377 г., извлечены непосредственно из Хроники Георгия Амартола с продолжением. Однако это утверждение, на наш взгляд, может быть поставлено под сомнение.

Действительно, болгарские записи обнаруживают заметную текстуальную связь с соответствующими местами хроники. Но текст в ПВЛ тщательно отредактирован, причем складывается впечатление, что правка носит явный болгарофильский характер: все, в какой-то мере унижающее достоинство болгар, или вообще изымается, или же существенно смягчается. Так, о походе Михаила III на болгар у продолжателя Амартола говорится в таких выражениях: «Михаил же царь купно с кесаром Вардою на князь Болгарский иде с вои своими бегом и морем, гладом гыблющу Болгарску языку Михаил уведевь. Българе же, таку весть приемше, страхом одержими многым бяху, прежде труда и брани и победы недоумеваяхуся и христианом быти просишяся и покарятися Греком. Царь же, князя их крестив и от святого крещения приат, . . . еще и велможа его введ в Костянтинь град, вся крести и мир створи».¹ В ПВЛ под 6366 г. читаем: «Михаил царь изиде с вои бегом и морем на болгары. Болгаре же увидевше, яко не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися греком. Царь же крести князя их и боляры вся, и мир створи с болгары».² Другой, не менее яркий пример. Рассказывая о походе Симеона на хорватов и о его смерти, греческий хронист не скрывает своей неприязни к болгарскому правителю, доставившему немало бед и неприятностей Византии: «Маиа месяца в 27 [день] индикта 15 Семен, князь Болгарский, на Хорваты подвиже воину. И съступу бывшу, побежден быв, и сущая под нимь вся иссече. Темь неисцелное болезнию по сердце ят, погыбе, безаконновав в суе. Петра, сына своего, постави князем».³ В ПВЛ эта запись попадает в очищенном от оскорбительных выпадов по адресу Симеона виде: «Семеон иде на храваты, и побежен бысть храваты, и умре, оставив Петра князя, сына своего, болгаром».⁴

¹ В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха, Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Пгр., 1920, стр. 508.

² Повесть временных лет, т. 1. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 17—18.

³ В. М. Истрин. Книги временныя и образныя . . . т. 1, стр. 560.

⁴ Повесть временных лет, т. 1, стр. 33.

Трудно поверить, что эта правка выполнена русским редактором, ибо в свою очередь известия Амартола, касающиеся русско-византийских отношений, переносятся в ПВЛ почти дословно. Повествуя, например, о походах Аскольда и Дира (6374 г.) и Игоря (6449 г.) на Царьград, летописец добросовестно цитирует источник, хотя его соотечественники изображаются там в самом неприглядном виде.⁵ Объяснять указанное обстоятельство ссылками на наивную веру древних наших книжников, исходивших якобы «из монашеской установки, что только после принятия христианства русские перестали быть кровожадными насильниками»,⁶ вряд ли правильно. Ведь «язычество» первых русских князей не помешало Илариону возвеличить их в «Слове о законе и благодати», а летописцу нарисовать обаятельный образ Святослава. Так что дело тут скорее всего в исключительно бережном отношении создателей летописи к материалам, бывшим в их распоряжении, нежели в чем-либо ином. С другой стороны, русские летописцы не испытывали каких-либо особых симпатий и к Болгарии, что подтверждает тот уже факт, что в ПВЛ нет ни слова о связях с ней Киевской Руси, которые были достаточно прочны и многообразны и о которых не могли не знать если не Нестор, то его предшественники.

Отсюда напрашивается вывод, что сведения по болгарской истории, соотносящиеся с текстом продолжателя Амартола, русская летопись получила уже в переделанном виде и автором переделки был болгарский книжник.

Это предположение подкрепляет как будто и анализ хронологии болгарских записей. Известно, что сопровождающие их даты не соответствуют подлинным. Так, сообщение о походе Михаила III на болгар и их крещении помещено под 6366 г., который при переводе на современное летосчисление по обычной византийской системе дает 857/8 г. В действительности же официальное принятие Болгарией христианства приходится на 865/6 г.,⁷ т. е. разница в 8 лет. Начало первой войны Симеона с Византией отнесено к 6410 г., с ошибкой в 16 лет. О походе Симеона на хорватов и о его смерти летописец рассказывает под 6450 г., ошибаясь на 23—24 года, — в сущности на 24, так как дата 6450 г. относится, видимо, к походу (926 г.), но не к смерти Симеона и вступлению на престол его сына Петра.

Попытка объяснения этой хронологической путаницы в русской летописи была предпринята А. А. Шахматовым. Рассматривая даты 6423 и 6437 гг., Шахматов заключает, что они вычислены на основании ошибочных указаний индиктов в Хронике Амартола. 6450 г., как год смерти Симеона, появился в результате неверно понятой ссылки хрониста на 15-й индикт, который приходился и на 6435 (927) г., когда действительно умер Симеон, и на 6450-й, указанный в летописи.⁸ Что же касается указаний на 6366 г., как год крещения Болгарии, и на 6410 г., как год похода греков

⁵ В. М. Истрин. Книги временныя и образныя..., т. 1, стр. 511, 567; Повесть временных лет, т. 1, стр. 19, 33.

⁶ В. М. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 139.

⁷ Точная дата события устанавливается из так называемой надписи князя Бориса из с. Балши (южная Лабания). В ней сказано: «... [крестился от бога властитель Болгарии] Борис, переименованный в Михаила, с данным ему от бога народом [в] лето 6374», т. е. 865/6 г. (6374—5508 = 866; 6374—5509 = 865) (Ив. Дуйчев. Из старата българска книжнина, т. 1. София, 1934, стр. 7). См. также: И. Снегаров. В коя година се покръстил българският княз Борис. — Исторически преглед, София, 1966, № 5, стр. 92—99.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРА, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 53—54, 57, 61.

в союзе с уграми против болгар, то они, признается Шахматов, остаются для него неясными.⁹ Однако далее Шахматов высказывает предположение, что эти данные ПВЛ восходят к болгарскому переводу 2-й редакции «Летописца вскоре» патриарха Никифора, к которому «могли быть сделаны некоторые добавления из болгарской истории»¹⁰ Установив, что «разность между 6410 и 6366 гг равна 44», Шахматов затем допускает, что она могла означать промежуток времени от начала Борисова княжения до вокняжения Симеона По мнению Шахматова, Борис вступил на престол в 848 г, причем в болгарском переводе Никифорова летописца с добавлениями начало правления Бориса могло быть обозначено 6-м годом правления Михаила III. Михаил же, по ошибочному определению составителя ПВЛ, занял трон в 6360 г. Итак, $6360 + 6 = 6366$ г. и $6366 + 44 = 6410$ г.¹¹

Гипотезу А. А. Шахматова нельзя принять по ряду соображений. Во-первых, хотя Летописец Никифора был переведен в Болгарии, вероятно уже в Симеонову эпоху, предположение, что перевод был дополнен болгарскими известиями, произвольно и недоказуемо. Во-вторых, Борис начал княжить в 852 г, а Симеон — в 893 г Следовательно, от вокняжения Бориса до вокняжения Симеона прошло не 44 года, но лишь 41 В-третьих, из ПВЛ явствует, что в статьях 6366 и 6410 гг речь идет не о начале правления Бориса или же Симеона, а о совершенно иных событиях

Не более убедительное толкование интересующих нас хронологических ошибок ПВЛ предложил болгарский профессор В. Н. Златарский¹² Исходя из убеждения, что один из источников летописи, установленный Шахматовым, — «Сказание о преложении книг» — был древнеболгарским,¹³ Златарский утверждает, что «Сказание» содержало указания на все болгарские события, отразившиеся в ПВЛ, и что датированы они были в нем по особой, отличной от обычных в старославянской письменности, системе, которую он именует «болгарским летосчислением»¹⁴

Однако расчеты Златарского основаны на многих натяжках и маловероятных допущениях и поэтому неприемлемы В частности, объясняя причину появления в ПВЛ 6450 г вместо 6435 г, Златарский рассуждает так: 927 год ($6435 - 5508 = 927$) соответствует 6440-му «болгарскому» году, который дает только 5-й индикт. Чтобы получить 15-й индикт, указанный продолжателем Амартола, русский летописец прибавил к нему, т е к 6440 г, 10 единиц. Такие произвольные «поправки» годов на основании индиктов летописец, по мнению Златарского, делает и в отношении других дат Но нужно все же помнить, что в южнославянской и русской хронологической практике индикты не играли той роли, которая им отводилась в Византии. Славяно-русский книжник ошибался чаще в определении индиктов, чем годов¹⁵ Поэтому совершенно прав Ив. Дуйчев, заме-

⁹ Там же, стр 61

¹⁰ Там же, стр 67

¹¹ Там же, стр 68—69

¹² В. Н. Златарский Болгарский историко-литературный элемент в русской летописи — Труды V съезда русских академических организаций за границей, ч 1, София, 1932, стр 337—352.

¹³ На самом деле, как это сейчас твердо установлено, «Сказание» западнославянского происхождения (О Кралек Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле — ТОДРА, т XIX, М—Л, 1963, стр 177—207)

¹⁴ Подробно о «болгарском летосчислении» см В. Н. Златарски История на Българската държава през средните векове, т 1, ч 1 София, 1938, стр 353—378

¹⁵ Л. В. Черепнин Русская хронология М, 1944, стр 37 Примечательно, что составитель ПВЛ, делая извлечения из Амартола, везде отбрасывает указания на индикты Слово «индикт» встречается в летописи один раз — в статье 6360 г

чающий, что при вычислении дат, не соответствующих индиктам, «за основу следует брать прежде всего указания годов и по ним проверять индикты, а не наоборот».¹⁶ Следовательно, допустив, согласно Златарскому, болгарское происхождение источника ПВЛ, логичнее думать, что летописец должен был бы более доверять не туманным хронологическим показаниям Хроники Амартола, а четким датировкам в годах от «сотворения мира», которые он, если верить Златарскому, нашел в «Сказании».

Подрывает позицию В. Н. Златарского и статья 6377 г., сообщающая о крещении «всей земли Болгарской». Эту дату ученый опять-таки рассматривает как выведенную по «болгарскому летосчислению» и после некоторых вычислений в итоге получает 866 г. по современной эре. Таким образом, по Златарскому, летописец дважды пишет об одном и том же событии, только сначала дата приведена по александрийской (6366 г.), затем — по «болгарской» эре (6377 г.).¹⁷

Но если считаться с ПВЛ, то речь в этих двух записях идет о разных вещах: «в лето 6366 ... царь крести князя их (болгар, — Э. З.) и боляры вся», а «в лето 6377 крещена бысть вся земля Болгарская», т. е. христианизацию Болгарии летописец воспринимает не как одновременный акт, а как более или менее длительный процесс.¹⁸

Недавно к хронологии болгарских известий русской летописи обратился акад. Б. А. Рыбаков. Б. А. Рыбаков предполагает, что «в числе тех источников, которыми мог пользоваться составитель свода 996—997 гг.,¹⁹ были краткие записи о событиях болгарской истории, сделанные первоначально в александрийском летосчислении и неоднократно перемодифицированные (с ошибками) потом на русский счет».²⁰

Предположение, что в основе датировок болгарских известий лежит не византийская, а александрийская (иначе — аннианская) эра, насчитывавшая от «сотворения мира рождества Христова» вместо 5508 лет 5500, заслуживает всяческой поддержки. По-видимому, это единственно верный способ разгадать причины появления хронологических несуразностей, сопровождающих болгарские сведения в ПВЛ.

И тем не менее выводы Б. А. Рыбакова нуждаются в уточнении. Прежде всего нельзя согласиться с утверждением исследователя, что в статье 6423 г. рассказывается не о событиях 914—917 гг., а о взятии Адрианополя в 923 г. Статья 6423 г. обнаруживает тесную зависимость от сообщения Хроники Амартола о походе греков в союзе с печенегами на болгар, о споре греческих воевод и последовавшем затем уходе от «ромеев» их союзников.²¹ Все это произошло, как известно, именно в указан-

При этом индикционная система была летописцу или же последующему переписчику не вполне ясной, посему к выражению «индикта 15» добавлено слово «день» (Повесть временных лет, т. 1, стр. 17).

¹⁶ Ив. Дуйчев. Из старата българска книжнина, т. 1, стр. 215.

¹⁷ Год 6366, по мысли Златарского, заимствован из «Летописца вскоре» Никифора: «или же составитель летописи знал, что событие относится к 14 индикциону (так!) и сам вычислил год» (В. Н. Златарский. Болгарский историко-литературный элемент..., стр. 342).

¹⁸ Дата 6377 г., как год крещения Болгарии, читается во многих древних памятниках и, несомненно, имеет какую-то реальную основу.

¹⁹ Б. А. Рыбаков разделяет точку зрения Л. В. Черепнина, считающего, что первый летописный свод на Руси возник еще в конце X в.

²⁰ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 176. Автор не уточняет, где велись эти записи, но на стр. 188 своего труда мимоходом «напоминает» о «выписках из болгарских хроник, сделанных по александрийскому летосчислению», имея, очевидно, в виду все те же записи 6366—6450 гг.

²¹ Ср.: В. М. Истрин. Книги временныя и образныя..., т. 1, стр. 545 и сл.; Повесть временных лет, т. 1, стр. 31—32.

ный выше промежуток времени. Но датирована статья по году первого захвата болгарами Адрианополя. Адрианополь же пал в сентябре 914 г., который приходился на 3-й индикт, упоминаемый продолжателем Амартола (6423 — 5509 = 914 г.). Дата первого похода Симеона на Царьград (6422 г. по ПВЛ) получена простым вычитанием единицы из только что названной (6423 г.), ибо составитель статьи знал, что этот поход был предпринят годом раньше падения Адрианополя.

Относительно статьи 6437 г. мы присоединяемся к мнению Б. А. Рыбакова (к сожалению, им самим никак не аргументированному), что речь в ней идет о событиях более ранних (921 г.?), а не о имевших место в 923 г., когда произошла встреча Романа Лакапина с Симеоном. Продолжатель Амартола ни в коем случае не мог быть здесь источником ПВЛ, так как, во-первых, в хронике прямо указано, что переговоры Романа и Симеона оказались безрезультатными;²² в ПВЛ же говорится, что Симеон «створи мир»²³ и нет и намека на эту знаменитую встречу. Между тем события, развернувшиеся в 921 г., вполне могут быть сближены с рассматриваемым пассажем ПВЛ.²⁴

Итак, внося некоторые поправки и уточнения в выводы Б. А. Рыбакова, мы принимаем их как наиболее удачную попытку объяснения ошибочных датировок болгарских известий ПВЛ: датированные первоначально по александрийской системе, они затем подвергались неоднократному исправлению. Именно позднейшим редакторам ПВЛ обязана накоплением хронологических ошибок, кратных 8-ми. Для наглядности помещаем ниже следующую сводку:

6366 г. Официальное принятие Борисом христианства — по нашей эре год 865/866 (6366 — 5500; 6366 — 5501).

6410 г. Начало первой войны Симеона с Византией — 894/896 г. (6410 — 5500 = 910; 910 — 894 = 16; 16 = 8 + 8).

6423 г. Падение Адрианополя — 914 г. (6423 — 5501 = 922; 922 — 914 = 8).

6437 г. Военные действия Симеона — 921 г. (?) (6437 — 5500 = 937; 937 — 921 = 16; 16 = 8 + 8).

6450 г. Война Симеона с хорватами — 926 г. (6450 — 5500 = 950; 950 — 926 = 24; 24 = 8 + 8 + 8).

Основываясь на вводной части Никоновской летописи, Б. А. Рыбаков полагает, что александрийское летосчисление применялось в IX в. и на Руси. Им пользовался автор кратких записей, условно именуемых исследователем «летописью Осколда» и частью вошедших в ПВЛ. Однако сведения вводной части Никоновской летописи настолько спорны, что едва ли могут быть серьезным основанием для столь ответственного вывода. Впрочем, это положение Б. А. Рыбакова никоим образом не подрывает убеждения, что ПВЛ во всех случаях, исключая записи о болгарских событиях и, по-видимому, дату 6360 г., пользуется все-таки византийской летосчислительной системой, что видно как из датировок, поддающихся проверке, так и из хронологических выкладок в статье 6360 г.

Сопоставление болгарских записей ПВЛ с соответствующими статьями Хроники Георгия Амартола с продолжением и анализ их хронологии позволяют, как нам кажется, прийти к заключению, что среди источников летописи было утраченное впоследствии болгарское историческое сочинение, в котором события были датированы по александрийской эре, употре-

²² В. М. Истрин. Книги временныя и образныя... т. 1, стр. 559.

²³ Повесть временных лет, т. 1, стр. 32.

²⁴ В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове т. 1, ч. 2. София, 1927, стр. 419 и сл.

бительной в Болгарии,²⁵ а не по византийской, привычной для русского летописца. Возможно, что это был компилятивный труд, составленный на основе византийских хроник, в первую очередь Хроники Амартола, с добавлением чисто местного материала.

Допустив наличие у летописца такого источника, мы легко объясним многое, пока загадочное в ПВЛ. Становится ясным происхождение сообщения о крещении всей земли Болгарской в 6377 г., «интерес» летописи к истории Болгарии, когда ее как политической единицы не существовало, отсутствие каких-либо пояснений при имени Симеон²⁶ и т. д.

Быть может, первоначально русская летопись содержала большее число сведений по истории соседней славянской державы, но они были частично выброшены последующими редакторами и переписчиками. На эту мысль наводит отрывочность болгарских записей, их явно слабая связь со всем изложением ПВЛ.

---

²⁵ Новейшую сводку данных по этому вопросу см. К. Куйев. Към въпроса за началото на славянската писменост — Годишник на Софийския университет, Филологически факултет, т. IV, 1, София, 1960, стр. 1—107.

²⁶ Имя Симеона упомянуто в ПВЛ семь раз, но лишь однажды он назван «Симеоном Болгарским», без пояснения, кто он такой, тогда как в Хронике Амартола это имя сопровождается титулом «князь (царь) болгарский». Правда, в статье 6450 г. сказано «Симеон . . . умре, оставив Петра князя, сына своего, болгаром» (ПВЛ, т. 1, стр. 33). Но в Ипатьевской летописи последнее слово опущено (ПСРЛ, т. II, вып. 1. Изд. 3-е. Пгр., 1923, стлб. 35). Возможно, Ипатьевская летопись сохранила первичное чтение. Невероятно, чтобы русскому книжнику XI—начала XII в. имя Симеона представлялось настолько общеизвестным, что он не счел нужным давать какие-либо разъяснения на сей счет.

К чтению одного места в Повести временных лет

Исследование происхождения и состава летописной статьи 6551 (1043) г., содержащей рассказ о походе Руси на Константинополь, привело А. А. Шахматова, а за ним и других исследователей к выводу, что этот рассказ в редакции, представленной в ПВЛ, обнаруживает следы работы двух авторов. Как одно из доказательств этого положения указывалось на явную неувязку во фразе: «и възвратися в Русь въ сѣ да вѣ ше ся в корабль своѣ». Из предшествующего повествования летописи и из приведенной фразы явствует, что воины, ранее попавшие на берег с затопленных бурей русских кораблей, после того как Владимир Ярославич разбил направленный в погоню греческий флот, смогли сесть в уцелевшие корабли и вернуться на Русь. Все это противоречит последующему рассказу летописи о взятии в плен выброшенных на берег воинов Владимира. Такое противоречие, по мнению А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева, может быть объяснено вставкой в первоначальный текст, в котором говорилось о том, что буря потопила русский флот и часть дружины была выброшена на берег и что оставшиеся русские ладьи разбили греческие корабли, направленные в погоню. «Логическим следствием морской победы было бы, — заключает А. А. Шахматов, — спасение выброшенных на берег», и потому упоминание о взятии их в плен неожиданно и должно быть признано позднейшей вставкой.¹

Эти наблюдения и выводы продиктовали А. А. Шахматову необходимость предложить конъектуру текста. Исправив чтение Лаврентьевского списка по Радзивилловскому («Володимер же . . . възспятивъся изби оляди Гречьскыя и възвратися в Русь въ сѣ да вѣ ше ся в корабль своѣ»),² он так восстанавливает первоначальный текст: «Володимер же възспятивъся, изби олядия Грьчьскыя, и възвратиша ся Русь, въ сѣ да вѣ ше ся в корабль своѣ».³

Выделенные разрядкой места дают ясное представление о степени исправления А. А. Шахматовым летописного текста.

Прежде всего заметим, что такая версия хода событий, по которой «изверженные на брег» были подобраны уцелевшими русскими кораблями,

¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 441—444. См. также: Д. С. Лихачев. Комментарии. — В кн.: Повесть временных лет, ч. 2. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 379.

² А. А. Шахматов. Разыскания . . . , стр. 442. Ср.: ПСРА, т. I, М., 1962, стлб. 154.

³ А. А. Шахматов. Разыскания . . . , стр. 584. Ср.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. 1. Пгр., 1916, стр. 196.

противоречит сообщению Скилицы в передаче Кедрина о взятии в плен потерпевших крушение русских воинов, которые за недостатком судов направились на Русь сухопутным путем.⁴ Это показание византийского источника переключается с теми сообщениями летописи, которые А. Шахматов признал вставками позднейшего редактора.

Возникает, однако, вопрос: действительно ли мы имеем дело в ПВЛ с противоречивым летописным текстом слившихся двух источников?

«Все повествование о походе, — писал В. М. Истрин, — настолько ясно и естественно, что нет никакой надобности видеть в нем какие-либо вставки». Однако он сам ослабил это наблюдение, предположив, что два слова — «отцю Яневу», — поясняющие, кем был Вышата, добавлены позже. Определение этого пояснения как вставки было В. М. Истрину необходимо, так как он считал летописную статью 1043 г. составленной позднее этой даты и входившей в летописный свод, возникший, по его мнению, вскоре после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. Не соглашаясь с А. А. Шахматовым, В. М. Истрин не уделил, однако, достаточного внимания отмеченной в летописном тексте неувязке, заметив вскользь: «Нельзя придавать значения фразе „въсѣдъше (и варианты) в корабль своѣ“, которую летописец, может быть, написал, не давая себе ясного отчета о ней».⁵

Летописец несомненно отдавал себе отчет в том, что и как писал. Правда, ошибиться мог и переписчик, но и с этим выводом не следует спешить преждевременно. В данном случае конъектура А. А. Шахматова может также оказаться лишней, если только станем иначе читать текст.

Основой полемики должен быть, конечно, сам первоисточник. Здесь спор касается в основном чтения слова «въсѣдавъшеся». Запись этого слова не взята из источника, но, как пишет сам А. А. Шахматов, реконструирована «на основании варианта Радзивилловского» списка, где находим „въсѣдъше“, между тем как в Лаврентьевской — „сѣдавшеся“, в Ипатьевской — „сѣдавшися“; впрочем, чтение „сѣдавшеся“, в виду последующего „въ корабль своѣ“, едва ли может иметь другой смысл, чем чтение „въсѣдъше“.⁶

Постараемся доказать, что такой другой смысл здесь имеется. Разночтения в написании одного слова при совпадении ближайшего контекста в разных списках диктуют прежде всего поиски чтения, грамматически обусловленного и удовлетворяющего смыслу. Таковое чтение мы находим в Ипатьевском и Хлебниковском списках; ему близок также Лаврентьевский список; таким образом, надо следовать основным для рукописной традиции ПВЛ спискам, с той только оговоркой, что не следует читать «сѣдавшися» (Ипатьевский и Хлебниковский списки), «сѣдавшеся» (Лаврентьевский список), как предлагают доселе издатели, но «съ сѣдавшися, с сѣдавшеся». Предлог съ, с (выступающий тут с творительным

⁴ Georgius Cedrenus Joannis Scylitzae ope ab J. Bekkero suppletus et emendatus, t. II, Вonnae, 1839, стр. 554—555.

⁵ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. (По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи). — ИОРЯС, т. XXVII (1922), Л., 1924, стр. 209.

⁶ А. А. Шахматов. 1) Разыскания..., стр. 442; 2) Повесть временных лет, т. 1, стр. 196. Д. С. Лихачев в своем издании ПВЛ по Лаврентьевскому списку отдал предпочтение разночтению Радзивилловского и Академического списков, причём «въсѣдъше», как это видно из перевода («Владимир ... сел на корабли свои»; ср.: Повесть временных лет, ч. 1, стр. 104, 304), признано не причастием множественного числа, а имперфектом единственного числа.

падежом для обозначения совместности) по правилу писался с ъ, но уже в XIV в. писцы часто пропускали ъ; нередко встречается также мена ъ на ѵ.⁷

Первенство следует признать за записью в Ипатьевском и Хлебниковском списках, так как произведенное от глагола «сѣдати»⁸ с возвратным местоимением ся именное действительное причастие прошедшего времени выступает здесь в падеже, согласованном со словосочетанием фразы, т. е. в творительном социативном падеже множественного числа мужского рода — «сѣдавши|ся», тогда как в Лаврентьевском списке в именительном падеже множественного числа — «сѣдавшѣ|ся». Возврат к именительному падежу в Лаврентьевской рукописи XIV в. связан с наблюдающимся уже в древнейших памятниках процессом утраты склонения именными действительными причастиями и превращением их в деепричастия.⁹ Знаменательно, что составители сводов, содержащих пространную редакцию летописного рассказа о походе 1043 г., встречаясь с искаженной записью (ср. Радзивиловский и Академический списки: «всѣдше»), пытались исправлять текст (Н4Л, Никоновская летопись), либо пропускали сомнительное место (С1Л, Воскресенская летопись).¹⁰

Итак, вместо исправлений и восстановлений мы предлагаем оставить текст таким, каким он записан в Ипатьевской летописи.¹¹ Следует тут же подчеркнуть, что именно в Ипатьевской летописи рассказ о походе 1043 г. сохранил в более исправном виде, с меньшим, нежели в Лаврентьевской, количеством изменений.¹²

Для наглядного обоснования предложенного выше чтения приводим содержание и ближайший контекст соответствующего фрагмента летописной статьи 1043 г., предлагая и перевод спорного предложения.

После бури, которая потопила часть русского флота, шеститысячная дружина, спасаясь на берег с потерпевших крушение кораблей, под командованием Вышаты направилась на Русь, «и бысть вѣсть Грѣком, яко изблю море Русь и послав цесарь именемъ Мономах по Руси оладыи 14». И далее:

⁷ В той же летописной статье 1043 г. по Ипатьевской летописи ъ неоднократно заменен ѵ, например: Володимеръ, къ, съ изверженными, вспятився, възвратися. См.: ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 142. В Лаврентьевском списке предлог с (также к, в и др.) выступает преимущественно без ъ; например, в статье 1043 г.: с ними, с дружиною, в корабль (ПСРЛ, т. I, стб. 154).

⁸ У И. И. Срезневского (Материалы, т. III, стб. 887—888) отмечен в значении: садиться, сидеть, ютиться, помещаться, находиться.

⁹ Ср.: В. И. Борковский и П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, стр. 318.

¹⁰ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, Пгр., 1915, стр. 115; т. IX, СПб., 1862, стр. 82: «всѣдше (всѣдавшѣ) коиждо в корабли свои». Ср.: ПСРЛ, т. V, вып. 1, Л., 1925, стр. 129; т. VII, СПб., 1856, стр. 331. Об исправлениях древнерусскими писцами непонятого текста см.: Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М., 1962, стр. 73 и сл.

¹¹ Таким он был не только в протографе обоих списков, Ипатьевского и Хлебниковского, но, судя по Лаврентьевскому списку (где именительный падеж причастия несомненно вторичен), также и в их архетипе, т. е., по сути, в авторском тексте ПВА.

¹² Эти более правильные чтения учел также А. А. Шахматов в своей реконструкции текстов Древнейшего киевского свода и ПВА. См.: А. А. Шахматов. 1) Разыскания..., стр. 584; 2) Повесть временных лет, т. 1, стр. 195—196. Ипатьевский список сохраняет также чаще древнерусские грамматические формы, присущие оригиналу ПВА. Так, например, в Ипатьевском и Лаврентьевском списках винительный падеж множественного числа: «кораблѣ своѣ», в Радзивиловском и Академическом списках уже старославянская форма: «корабли своя». В Ипатьевском списке древнерусская форма причастия: «хотяче», в Лаврентьевском списке уже старославянская форма: «хотяще» (ср.: ПСРЛ, т. I, стб. 154; т. II, стб. 142).

Текст

Володимер же [с дружиною] видивъ, яко идуць по них, вспятывся изби оляднии Грѣчкыи и възвратися в Русь съ сѣдавшиися в корабльъ своѣ. Вышату же яша съ изверженными на брег и приве-доша я Цесарюграду.¹³

Перевод

Владимир же с дружиною, увидя, что за ними идут, повернув вспять, разбил греческие корабли и вернулся на Русь с вместившимися в свои корабли [или: помещавшимися, находившимися на своих кораблях]... и т. д.

Как видно, текст не дает основания говорить об отсутствии грамматической и смысловой согласованности между отдельными членами предложения. Применение действительного причастия прошедшего времени — «сѣдавшиися» имеет в виду действие, предшествовавшее выраженным в аористе действиям Владимира (изби, възвратися). Становится понятным и обоснованным грамматически появление рядом с единственным множественного числа, так как употребленного с предлогом творительный падеж (съ сѣдавшиися) в конструкции предложения обозначает предмет (воев), который сопровождает предмет (Владимира), выраженный подлежащим.¹⁴ Смысл очевидный: вернулись только находившиеся (вместившиеся, усевшиеся) после бури на уцелевших кораблях. Разобранная фраза не только не противоречит, но органически связана и предельно понятна именно в контексте предшествующего и последующего рассказа о походе.

Отказ от предложенной А. А. Шахматовым конъектуры в пользу переданного рукописной традицией чтения, осмысленного путем отличной от предложенной издателями ПВЛ разбивки на слова, лишает предположение о двух авторах летописного рассказа о походе 1043 г. в ПВЛ существенного аргумента. Это содействует также пересмотру совокупности вопросов о первоначальном составе, редакциях, времени, обстоятельствах составления и авторстве летописного повествования о походе на Царьград в 1043 г.¹⁵

Высказываясь в данном случае против конъектуры, автор отнюдь не восстает против поисков осмысления и исправления испорченного текста.¹⁶ Но прежде чем исправлять, следует испытать возможности, которые сулит чтение сохранившихся списков. Результат такой попытки автор и предлагает на суд читателя.

¹³ ПСРЛ, т. II, стлб. 142; «с дружиною» взято из Хлебниковского списка, пропущено в Ипатьевском, но есть в Лаврентьевском, Радзивилловском и Академическом списках. Ср.: ПСРЛ, т. I, стлб. 154.

¹⁴ Однако следует подчеркнуть, что эта архаичная грамматическая форма в текстах пока не обнаружена.

¹⁵ Круг этих вопросов рассмотрен в статье: А. Порре. *Opowieść latopisarska o wyprawie «na Greków» w 1043 r. Jej redakcje i okoliczności powstania.* — *Slavia Orientalis*, R. XVI, 1967, № 4, стр. 349—362.

¹⁶ Ср. интересные наблюдения о конъектурах: Д. С. Лихачев. *Текстология*, стр. 148—155.

Б. А. РЫБАКОВ

Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г.

Рассказ Ипатьевской летописи о событиях 1185 г. должен быть рассмотрен не только как сумма сведений о походе Игоря Святославича, но и как отдельное историко-литературное произведение, самостоятельность которого определена еще К. Н. Бестужевым-Рюминым (1868 г.).

В составе Киевского свода конца XII в. Повесть о походе 1185 г. помещена на грани двух разделов: в первом (1179—1186 гг.) преобладает рука летописца Святослава Всеволодича, а во втором (1187—1196 гг.) — летописца его соправителя, Рюрика Ростиславича, использовавшего галицкие записи.

Эти летописцы отличаются друг от друга. Первый из них широко применяет церковную фразеологию и несколько наивно выгораживает своего князя. Торков Поросья он называет берендеями и мало уделяет им внимания. Отношение к Игорю у этого летописца отражает позицию самого Святослава — оно сдержанно-недоброжелательное. Летописец Рюрика — знаток военного дела, прекрасный стилист, объективно преподносящий факты. Церковных выражений у него почти нет. Торки именуются черными клобуками, и судьба их живо интересует этого автора. Отношение к Игорю у него доброжелательное. У каждого из летописцев есть своя формула написания имен князей-дуумвиров.

Повесть о походе 1185 г. не является произведением, написанным одним автором. В ней есть стилистические различия, противоречия и вставки, разрывающие первоначальный текст. В некоторых случаях сохранились явные следы пользования двумя разными источниками.¹ Сравним два отрывка:

Володимер же слашеть ко Святославу и ко Рюрикови и ко Давыдови и рече им. «Се половъци у мене, а помозите ми...» (стлб. 647) (далее следует подробный рассказ о задержке наступления князей из-за измены Давыда и о взятии Римова половцами).

Володимер же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая их к собе, да быша ему помогле... (стлб. 648) (далее следует краткий рассказ о том, что князь «оповдишася сжидающе Давыда», и о взятии Римова половцами).

Левый отрывок, судя по именованию князей без отчеств, принадлежит летописцу Рюрика, а правый, с отчествами, — летописцу Святослава. Так как левый отрывок помещен первым, то мы можем думать, что сводчик положил в основу летопись Рюрика и пополнил ее данными летописи Святослава (в этом случае допустив дублирование).

¹ Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II, М., 1962 (в дальнейшем в тексте указаны столбцы по этому изданию).

Рассмотрение всего текста Повести подтверждает эту мысль. Вся первая половина ее, посвященная военной стороне похода Игоря, написана со всеми характерными особенностями летописца Рюрика: перечень полководцев, маршрут, темп марша, донесения разведки, точнейшая дислокация полков, ход битвы, имена воевод и половецких ханов. К этому нужно добавить явную симпатию к Игорю и аристократическое тяготение к боярству («не бяхуть бо добре смялися с ковуи, но мало от простых», — стлб. 642).

Вторая часть Повести описывает действия Святослава Киевского по отражению похода Кончака на Среднее Поднепровье. Летописец, очень почтительный к Святославу, раскрывает события лишь по мере того, как о них узнает Святослав, как бы заставляя читателя сопутствовать великому князю в его поездке по домену, по городам своих вассалов и театру военных действий. Последний раздел (о плене и побеге) содержит резкие противоречия в тексте, плохо сглаженные редакторской рукой: так, мысль о побеге Игоря из плена названа то «благой», то «высокой» (т. е. горделивой, самонадеянной), то даже «высокой и неугодной господу». Следует вспомнить, что побег Игоря ухудшил положение всех оставшихся в плену: «... а они вси держими бяху твердо и стрегоми и потвержаеми многими железы и казньми».²

Фрагменты текста, осуждающего задуманный побег, могут принадлежать только одному из предшественников автора Повести, так как противоречат всему ее духу (в ее окончательном виде). Из двух выявленных нами летописцев они могли принадлежать только летописцу Святослава.

Устами Святослава летописец уже выразил порицание Игорю за то, что он и его брат, «не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю». Упоминание «юности» применительно к тридцатипятилетнему князю, ставшему год спустя дедом, звучит, пожалуй, иронически. Остатками этого же сдержанно-недоброжелательного текста следует считать рассказ о привольной жизни Игоря в плену, резко контрастирующий как с описанием «лютой туги» в Северной земле, когда «мнозе печаловаться и проливахуть же слезы за него» (т. е. за Игоря), так и с описанием положения других русских пленников, подвергавшихся истязаниям.

Итак, первый, самый обширный раздел Повести о походе 1185 г. следует связать с летописцем Рюрика, а второй (действия Святослава) и третий (побег) разделы — в значительной степени с летописцем Святослава.

Кем и когда были объединены эти разноречивые в своих оценках первичные летописные материалы? Редакторские вставки, иногда дополняющие, а иногда разрывающие основной текст, обнаруживаются во всех трех разделах. Все редакторские дополнения сделаны в пользу Игоря; иногда они нейтрализуют недоброжелательный тон используемых исходных материалов, порой усиливают рыцарственный и благочестивый характер речей Игоря, а кое-где парируют осуждения Игоря современниками за прошлые неблагоприятные действия, даже не упомянутые в сохранившихся летописях, как например разгром городка Глебова.

В некоторых случаях редактор проявлял излишнее усердие в своем стремлении оградить князя Игоря от возможных упреков. Такова знаменитая фраза о «черных людях», которым будто бы угрожало предательство князей и бояр. Поводом для написания редактором этой фразы послужило, очевидно, неправильное понимание одного места в использованном им тексте Рюрикова летописца: «Се же видихом полки половецьки, оже мнози

² Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I, вып. 2, л., 1927, стлб. 400.

суть. Ту же ци вся суть совокупили? Ныне же поедемы черес ночь. А кто поедеть заутра по нас, то ци вси поедуть, но лучшии коньници переберуться, а самими — как ны бог дасть!» (стлб. 640).

В этой речи на военном совете Игорь говорит об изменении обстановки за последние полсуток и о необходимости ночного отступления. Преимущества отступления в том, что половцы утром не смогут преследовать русских всеми многочисленными полками, так как ехать вдогон смогут только лучшие половецкие всадники, от которых Игорь надеялся отбиться. Редактор (а вслед за ним и многие исследователи) неправильно понял «лучших конников» как русскую знать и в своем дополнении придумал благородную речь о «черных людях», которых грешно предавать.

По форме редакторские вставки очень риторичны и насыщены церковной фразеологией, чем четко отличаются от основного текста Рюрикова летописца.

Возникает соблазн приписать редактирование Повести самому составителю свода — историку-вители, выдубицкому игумену Моисею. Однако это предположение встречает непреодолимое препятствие в своеобразной лексике редакторских вставок, не находящей аналогии на всем протяжении Киевского свода. В качестве примера можно указать употребление слова «победа» в обратном смысле, как обозначение поражения. Так, по поводу поражения половцев в пятницу (в первой части повести) сказано: «Се бог силою своею возложил на врагы наша победу, а на нас — честь и слава» (стлб. 640). В уста плененного Игоря вкладываются слова: «Аз по достоянью моему восприях победу от повеления твоего, владыко, господи, а не поганьская дерзость обломи силу раб твоих» (стлб. 649). Приведенные примеры, во-первых, показывают лексическое единство вставок в разных частях Повести, а во-вторых, противопоставляют редакторские вставки тексту всех трех летописцев, принимавших участие в написании статей свода за 1180-е и 1190-е годы (игумен Моисей под 1180 г., Святославов летописец под 1184 г., Рюриков — под 1193 г. употребляли слово «победа» в обычном, прямом смысле).

Употребление слова «победа» в смысле «поражение» известно только в галицкой летописи: поражение на Калке описано как «победа на вси князи Рускыя»; об убитых в 1268 г. сыновьях тысяцкого сказано, что они «прияста победный конец».

Редактор, очевидно, был галичанином; в его вставках встречаются и другие галицкие особенности: «уноты» вместо «уныи» и «днина» вместо «день».

В Киевском своде за 1187—1189 гг. помещено много статей, рассказывающих о галицких делах. За исключением одной статьи, попавшей, очевидно, из более позднего летописания Романа Мстиславича, все галицкие статьи благожелательны к Владимиру Галицкому, брату Ярославны, шурину Игоря. Написаны они, по всей вероятности, в Киеве, человеком, знавшим галицкие дела и интересовавшимся Галичем («тогда бо глаголахуть тму бывшую в Галичи, яко и звезды видити середе дни, солнцю померькшую. В Киевской стороне никто же не види в ть час» (о затмении солнца 15 сентября 1187 г., — стлб. 655)).

Некоторые статьи написаны спустя несколько лет после самого события. Таков рассказ о злключениях Владимира Ярославича Галицкого, нашедшего около 1184 г. приют у Игоря; он написан не ранее 1188 г., так как Святослав Игоревич назван там зятем Рюрика.

Редакторские вставки в Повесть о походе 1185 г. тоже сделаны несколько позднее самих событий: раны Владимира Переяславского названы «язвами смертными», что определено только 18 апреля 1187 г.,

когда Владимир умер. Вполне возможно, что редактирование Повести о походе Игоря в 1185 г. производилось тем же галичанином-церковником, которым внесены в летопись Рюрика статьи о галицких делах, касавшихся главным образом шурина Игоря.

Причиной составления специальной повести, благожелательной к Игорю и полностью оправдывающей князя, открывшего ворота Полю, следует считать крутой поворот в политике Рюрика Ростиславича, происшедший в 1188 г., когда обострились его отношения со Святославом Всеволодичем и Ярославом Черниговским, уклонявшимся от борьбы с половцами. Назревал конфликт и с Романом Волынским, которому Рюрик впоследствии противопоставил своего союзника Владимира Галицкого.

В 1188 г. Рюрик заключает союз со Всеволодом Большое Гнездо и привлекает на свою сторону Игоря, раскалывая тем самым федерацию Ольговичей. Об этих союзах свидетельствуют браки малолетних детей: сын Рюрика торжественно обвенчан с восьмилетней (sic!) Верхуславой Всеволодовной, а дочь Рюрика выдана за двенадцатилетнего Игоревича. Таким образом, Игорь и Владимир Галицкий (а временно и Всеволод) оказались важнейшими союзниками Рюрика Ростиславича.

Если одна из киевских летописей, ведшаяся при дворе Святослава, осуждала действия Игоря, а мысли его считала неугодными богу, то при охлаждении отношений со Святославом и одновременном союзе с Игорем двор Рюрика должен был противопоставить такой обрисовке Игоря свою, более благожелательную. С этой целью и была составлена для летописного свода Рюрика специальная повесть о походе Игоря, опиравшаяся как на летопись Рюрика, так и на летопись Святослава; последнее можно было сделать Рюрикову хронисту до тех пор, пока холодные, но лояльные отношения между князьями-соправителями не перешли в открытое «нелюбье», т. е. до 1192 г.

Составитель повести не только отредактировал летописный материал, но и сделал ряд самостоятельных дополнений, выгораживающих Игоря. Важнейшим из них является «речь» Игоря на поле боя, разрезающая первоначальный текст.

Тема этой «речи» была выбрана автором очень обдуманно. Среди русских князей единственной жертвой полководческой неосмотрительности Игоря оказался молодой, двадцативосьмилетний Владимир Глебович, отважно оборонявший летом 1185 г. свой Переяславль от Кончака и получивший во время дерзкой вылазки смертельные ранения. К моменту составления Повести князь, пользовавшийся всеобщей любовью, скончался. А между тем всем было известно, что за год до злосчастного похода Игоря князья поссорились и из-за ссоры даже прервали совместный поход на половцев. Владимир, «оттоле идя, иде на Северьские городы и взя в них много добыток» (стлб. 629). Игорь, очевидно в ответ, «много убийство, кровопролитье створих . . . не пощадех хрестьян, но взях на щит город Глебов у Переяславля» (стлб. 643). Враги не успели примириться.

Надо думать, что симпатии феодальных кругов Южной Руси были на стороне Владимира («Рюрик [и] инии вси [улюбиша], зане бе мужь бодр и дерзок и крепок на рати, всегда бо тосняся на добра дела», стлб. 652).

Когда же возникла необходимость в оправдании Игоря, летописец Рюрика постарался показать своего героя в роли кающегося грешника. И каялся Игорь именно в том, что он круто обошелся с родовым замком Владимира Глебовича. Выбор этой темы для риторической «речи» Игоря нужно считать удачным. По форме это дополнение составителя Повести блестяще и местами поднимается почти до уровня «Слова о полку Игореве»; лишь перегрузка церковной фразеологией несколько отяжеляет

его. Автор Повести заставляет Игоря произнести речь-молитву, в которой князь рассматривает свое поражение как справедливое возмездие за один определенный грех: «И тако в день святого воскресения наведе на ны господь гнев свой, в радости место наведе на ны плачь и во веселье место — желю на реце Каялы» (стлб. 642—643).

Вспоминая о взятии города Глебова, Игорь говорит: «... не мало зло подьяша безвиннии хрестьяни ... все смятено пленом и скорбью тогда бывшую, живии мертвым завидять ... И та вся створив аз ... недостойно ми бяшетъ жити. И се ныне вижду отместье от господа бога моего! Где ныне возлюбленны мои брат? Где ныне брата моего сын? Где чадо рождения моего? Где бояре думающеи, где мужи храборьствующеи, где ряд польчнии, где кони и оружья многоценьная?» (стлб. 643).

Обширной риторической вставкой автор отвлек внимание читателя от печальной картины поражения северских войск и показал виновника неудачи в наиболее выгодной роли жертвы господнего правосудия.

Последний стоящий перед нами вопрос — о точках соприкосновения Повести и «Слова о полку Игореве», имеющихя только в редакционных дополнениях составителя Повести. Их три. Во-первых, название князя по деду:

«Слово»

Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова.³

Летопись

В то же время Святославичь Игорь, внук Ольгов, поеха из Новгорода (стлб. 637).

Во всем Киевском своде есть 11 обозначений князя по деду. Семь из них применены в некрологах, когда князь назван по имени, отчеству и дедному имени для придания большей торжественности записи. В трех случаях имя деда понадобилось для определения мелких князьков, недостаточно известных читателям; их называли только по имени, без отчества: Мстислав, Гюргев внук (1162 г.), Роман, Вячеславль внук (1165 г.), Ярополк, Юрьев внук (1173 г.).

Таким образом, упоминание имени деда рядом с именем Игоря Святославича в Повести, написанной после 1188 г., является уникальным во всем киевском летописании XII в. и может быть поставлено в связь только с заголовком «Слова».

Во-вторых, обращает на себя внимание близость слов, вложенных авторами в уста Святославу Киевскому в связи с получением вестей о разгроме. Сравним:

«Слово»

Тогда великий Святъслав изрони злато слово слезами смешено и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити» (стр. 51).

Летопись

Святослав же, то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече. «О любя моя братья и сынове и муже земле Руское! Дал ми бяше бог притомити поганяя. Но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю» (стлб. 645).

В-третьих, точкой соприкосновения является упоминание реки Каялы:

«Слово»

... и жля поскочи по Руской земли (стр. 49).

На реце на Каяле тьма свет поккрыла (стр. 51).

Летопись

В радости место наведе на ны плачь и во веселье место — желю на реце Каялы (стлб. 643).

³ Слово о полку Игореве, Л., 1967 (Библиотека поэта, Большая серия), стр. 43 (в дальнейшем в тексте указываются страницы по этому изданию).

Внимательный к географическим деталям, летописец Рюрика точно обозначает место битвы — на берегу реки Сюрлий; он трижды называет эту реку, ни слова не говоря о Каяле. Река Каяла, река плача и печали,⁴ появляется только в более позднем дополнении автора Повести, написанном тогда, когда «Слово о полку Игореве» уже существовало.

Итак, летописную повесть о походе Игоря в 1185 г. следует считать особым литературным произведением, созданным в кругах, близких к Рюрику Ростиславичу, между 1188—1192 гг., с использованием двух одновременных киевских великокняжеских летописей. Автором ее был церковник, галичанин по происхождению.

Созданная в условиях союза Рюрика и Игоря, повесть должна была хотя бы частично нейтрализовать неблагоприятное отношение к Игорю, существовавшее издавна в кругах Святослава Всеволодича и отраженное в его летописи. В этом смысле повесть галичанина близка по своим целям к «Слову о полку Игореве», с которым он, по всей вероятности, был знаком. Повесть была включена в летописный свод Рюрика Ростиславича в процессе его подготовки (до 1192 г.), еще до того, как свод (в 1197 г.) перешел в руки игумена Моисея.

Возможно, что Повесть о походе 1185 г. — не единственное произведение этого автора: к ней очень близка Повесть о Липицкой битве 1216 г., написанная летописцем князя Мстислава Удалого, племянника Рюрика Ростиславича.

Во время княжения Мстислава в Галиче упоминается его духовник Тимофей, обличавший бояр библейскими текстами. Несколько ранее, когда в Галиче княжили сыновья Игоря, летопись упоминает их сторонника — «премудрого книжника Тимофея», родом из Киева, тоже выступавшего с церковными по форме обличениями. Быть может, в этом направлении и следует вести поиски автора Повести о походе Игоря в 1185 г.

⁴ Ср.: Е. В. Барсов, «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. Лексикология «Слова». — ЧОИДР, 1889, кн. 2, стр. 354—356; Л. А. Дмитриев, Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве». — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 36.

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

«Слово о Лазаревом воскресении» (характеристика редакций)

Апокрифическое «Слово о Лазаревом воскресении» тесно связано с древнерусской литературой киевского периода. Ив. Франко обратил внимание на стилистическую близость названного памятника «Слову о полку Игореве» и отметил высокие художественные достоинства этого произведения: «Переконуемо ся, що маємо тут перед собою не прозу, не шумну риторіку, а поему...».¹ И. П. Еремин называл «Слово о Лазаревом воскресении» одним из «замечательнейших памятников эпидейктического красноречия Киевской Руси, отдельными деталями своей поэтической фразеологии близко напоминающим „Слово о полку Игореве“».²

«Слово о Лазаревом воскресении» изучали И. Я. Порфирьев,³ Ив. Франко и И. П. Еремин. И. Я. Порфирьев установил некоторые апокрифические источники текста — «Слово о погребении тела господина нашего Иисуса Христа» Епифания Кипрского и «Слово в святую и великую пятницу» Евсевия Александрийского. Ив. Франко изучил язык памятника и сделал реконструкцию «Слова о Лазаревом воскресении» на основе текста известных ему трех списков. И. П. Еремина интересовала художественная структура «Слова», как одного из памятников торжественного красноречия.

Но несмотря на эти работы исследователей, «Слово о Лазаревом воскресении» остается до сих пор не до конца изученным. Не известны время возникновения «Слова» и все его источники, не выяснена и литературная история текста. Настоящая заметка представляет собой попытку кратко охарактеризовать редакции памятника.⁴

«Слово» было известно по трем спискам в изданиях А. Н. Пыпина (из неизвестной рукописи Златоуста XVI в.; далее: список *Пып*).⁵

¹ Ив. Франко. Слово о Лазаревом воскресении. Староруська поема на апокрифічні теми. — Записки Наукового товариства ім. Шевченка, тт. XXXV—XXXVI, Киев, 1900, стр. 2.

² И. П. Еремин. Жанровая природа «Слова о полку Игореве». — В кн.: Литература древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 154—155.

³ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. — СОРЯС, т. LII, № 4, СПб., 1890, стр. 36—49.

⁴ Предварительные наблюдения над редакциями «Слова» см. в тезисах доклада: М. В. Рождественская. К литературной истории текста «Слова о Лазаревом воскресении» (Пинежские списки «Слова» 1533 г.). — В кн.: Тезисы докладов на совещании молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия в советских собраниях (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.)». Л., 1967, стр. 11—13.

⁵ Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевым-Безбородко, вып. III. СПб., 1862, стр. 11—12.

И. Я. Порфирьева (ГПБ, собр. Соловецкое, № 848, XVI в., лл. 326—332; далее: список С)⁶ и Ив. Франко (из рукописного собрания Киевской духовной академии; далее: список К).⁷

И. Я. Порфирьев, зная лишь два списка памятника — *Пып* и *С*, относящиеся, как он предполагал, к разным редакциям, считал, что оба списка восходят к общему источнику — особому апокрифическому слову. Ив. Франко, исследовавший найденный им список — список *К*, обнаружил его близость к списку *Пып* и считал *К* наиболее близким к оригиналу (по языку, по художественной структуре, по особому «виршевому» построению фраз). Ив. Франко рассматривал список *С* как последовательную обработку древнейшего текста, представленного списком *К*. В отличие от И. Я. Порфирьева, Ив. Франко не ставил вопроса о двух редакциях памятника. Однако во взглядах Ив. Франко обнаруживается некоторая непоследовательность, так как именно сюжет списка *С* он брал за основу своей реконструкции второй части «Слова».

В настоящее время мы располагаем значительно большим материалом, необходимым для анализа текста памятника. И. П. Еремину, предполагавшему, по-видимому, посвятить «Слову» специальное монографическое исследование, известны были три новых списка:

1. ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 2, д. 1857, начало XVI в., лл. 143 об.—147 (далее: *Ар*).

2. ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, № 575, начало XVI в., лл. 91 об.—94 (далее: *У₁*).

3. БАН, 32.2.22, XVIII в., л. 151 об. — отрывок из «Слова» (далее: *Ак*).⁸

Мне известны еще три новых списка «Слова о Лазаревом воскресении»:

1. ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, № 574, середина XVI в., лл. 316—318 об. (далее: *У₂*).

2. ИРЛИ, Пинежское собр., № 280, 1533 г., лл. 142—148 (далее: *П₁*).

3. ИРЛИ, Пинежское собр., № 280, 1533 г., лл. 19 об.—25 (далее: *П₂*).⁹

Анализ текстов всех девяти списков «Слова» подтверждает мнение И. Я. Порфирьева о существовании двух редакций памятника. Назовем их кратко, *А* (списки *К*, *Пып*, *У₁*, *У₂*, *Ак*), и пространной, *Б* (списки *С*, *Ар*, *П₁*, *П₂*). Различие между редакциями формально выражается и в заглавии к «Слову». Списки редакции *Б*, за исключением *П₂*, названы «Словом на воскресение друга божия Лазаря», *П₂* имеет свое оригинальное название — «О выведении праведных из ада» — и приурочен не к 6-й неделе поста, как другие списки обеих редакций, а к 25 декабря, к празднику рождества. Название списков редакции *Б* связано не только с праздником — Лазаревой субботой, к которому «Слово» приурочено, но соответствует и сюжету редакции: здесь в «Слове» пересказывается евангельский текст о воскресении Лазаря (Евангелие от Иоанна, XI). В названиях же списков редакции *А* упоминание о Лазаревом воскресении читаем только в списках *У₂* и *К*. В остальных списках редакции добавлена фраза: «иже от Адама во аде к Лазарю». Действительно, текст этой редакции ограничивается лишь монологом Адама, который, узнав, что Лазарь вернется

⁶ И. Я. Порфирьев, Апокрифические сказания..., стр. 228—231.

⁷ Ив. Франко, Слово о Лазаревом воскресении, стр. 50—56. Мне известен только печатный текст этого списка.

⁸ И. П. Еремин, Лекции по древней русской литературе. Изд. ЛГУ, 1968, стр. 94.

⁹ Краткую характеристику пинежских списков см.: М. В. Рождественская, К литературной истории текста..., стр. 12.

на землю, просит его рассказать Христу о своих страданиях и о муках других праведников, заключенных в аду.

Списки пространной редакции (Б) содержат вступление, которое отсутствует в А, — слова пророка Исаяи — обращение к небу и земле с просьбой прислушаться, что говорит господь: «Но пушу слово мое на землю, да спасу люди моя от лести сотонины» (Ар). Царь Давид возвещает скорое спасение, и, услышав призыв Давида к пророкам, Адам «вопяше бьющи в перси своя и в лице руками» (Ар) и обращается с речью-плачем к Лазарю. Редакция Б сохранила и логическое завершение сюжета: Лазарь передает Христу просьбу Адама, Христос спускается в ад и освобождает пленников. Этого нет в редакции А. Если в редакции А Адам называет среди томящихся в аду Авраама, Моисея, Ноя, Давида, Иоанна Предтечу, то в списках редакции Б речь Адама дополнена перечнем деяний других праведников — Исаяи, Даниила, Иеремии, Соломона. В редакции Б распространены и сами похвальные слова праведникам, которые произносит Адам.

Однако между редакциями, кроме разницы в полноте текста, существует различие в степени выражения идеи произведения.¹⁰ В основе «Слова о Лазаревом воскресении» лежит идея несоизмерности действия и наказания за него, мысль о несправедливости бога, в чем и заключается апокрифическая сущность памятника. В списках редакции А эта тема подробно развивается в словах Адама, обращенных к богу. Сопоставим отрывок из плача Адама в обеих редакциях х:

Редакция А

У₁

Се бо на земли сей толке в мал час видихом добра, и се уже в муки сен многа лета во обиде есмь; в мал час аз царь бых всем тварям божним, а се уже солнца твоего не вижду пресветлаго на многа лета, ни буря ветреных не слышу, господи. Аще, господи, аз согреших паче всех человек, то по делом моим воздал ми муку сию. Не жалуя ся, господи, но сего ради... ми, господи, аз бо, господи, по твоему образу сотворен, а ныне дьявол ругает ми ся и мучит мя зле, и нудит мя, господи. Аз бо в породе живях, а твою божественную заповед претступих...

Редакция Б

Ар

На се ли мя еси, господи, создал на кратко мне в свете твоём жити. Да сего ли ти ради, господи, землю наплодих человекы, да мене жаль ли ти, господи, или не жаль, аз бо, господи, согреших в делех своих, но того, господи, жаль, иже твоим созданием ад посмеяется и поругается.

Можно последовательно проследить, как редакция Б снимает тему страдания человека, тему сомнения — сокращает жалобу Адама, убирает в дальнейшем тексте фразу об Илье и Енохе, чьей счастливой участи желают для себя пророки. Такие фразы, как «а се и мя осуди в аде многа лета мучитися» (Пып), «а ныне дьявол ругает ми ся» (Пып), «дьявол мучит мя зле» (У₂), исчезают в списках редакции Б.

Ив. Франко прав в том, что список С и, по-видимому, вся редакция Б в целом обработаны в духе памятников церковной литературы в большей степени, чем списки редакции А. Редакция А, по наблюдениям Ив. Франко, доносит более древний текст. Однако списки редакции Б сохраняют ряд таких чтений «Слова» в общих для обеих редакций местах, которые связаны с архетипом памятника.

¹⁰ Характеризуя пинежские списки «Слова» в тезисах доклада, я, вслед за И. Я. Порфирьевым и Ив. Франко, не обнаружила идейной разницы между редакциями (М. В. Рождественская. К литературной истории текста..., стр. 13). Но дальнейшее исследование текста показало, что это не так.

В списках редакции *Б* обращение к пророкам и праведникам в аду принадлежит Давиду: «Но придете, пророки, и придете, праведници» (*С*). В списках редакции *А* слова эти произносит Адам, хотя по смыслу их должен произносить Давид, так как вся сцена дается от его имени. Список *У₂* помогает восстановить архетипный текст в данном отрывке, который, кстати, правильно был понят редакцией *Б*, потерявшей, однако, упоминание об Адаме: «Глагола [Давид] к Адаму и сущим с ним в аде: придете, пророци вси и праведници, послем весть ко владыце...» (*У₂*). Выше уже упоминалось, что редакция *Б* обладает более логичным концом по сравнению с редакцией *А* — описанием прихода Христа в ад и освобождения пленников. Но намек на подобное развитие темы находим именно в списках редакции *А*. Давид, пророчествуя о рождении Христа, слышит, как «пастыри свиряють у вертепа, а глас их проходит адова врата». И потому, возвещая о дне спасения, Давид имеет в виду и скорое спасение Христом всех, томящихся в аду вместе с Давидом.

Текст редакции *Б* — единый по художественной структуре. Он начинается песней славы Христу, которую произносит царь Давид, перебирая струны гуслей: «Давид в преисподнем аде седя, накладая очитыя персты на живыя струны, и воспоим песни тихи и веселыя, друзи мои, днесь положим плач и скорбь...» (*Ар*). Кончается же текст редакции *Б* такими словами:

<i>Ар</i>	<i>П₁</i>	<i>П₂</i>
Слава творящему дивная чюдеса, господу нашему Иусу Христу, ему же подобает всяка слава, честь и поклоняние и ныне и присно и в веки веком. Аминь.	И яко тому подобает слава и ныне и присно.	Богу слава. 10 пророчество Исаино. Чтение тако глаголеть господь.

Такой конец «Слова о Лазаревом воскресении» напоминает о жанре дружинных песен-слав, и прежде всего об окончании «Слова о полку Игореве»: «Князем слава а дружинѣ. Аминь».¹¹ Такое завершение текста, прославляющего событие или героя, было присуще и торжественной ораторской прозе. (В списке *С* это значение «славы» в смысле похвальной песни утеряно: «А сам господь вознесся на небеса и седе одесную отца, и по всей земли слава его о Христе Иусе, господе нашем»).

Таким образом, различие обеих редакций «Слова о Лазаревом воскресении» выступает довольно четко, но, по-видимому, ни одну из них нельзя возвести непосредственно к архетипу памятника. Каждая из редакций в большей или меньшей степени сохраняет архетипные черты. Прав был И. Я. Порфирьев, утверждавший существование общего источника для списков *Пып* (редакция *А*) и *С* (редакция *Б*).

¹¹ «Слово о полку Игореве». Вступительная статья Д. С. Лихачева. Составление и подготовка текстов Л. Л. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Изд. 2-е. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 56.

О. П. ЛИХАЧЕВА

К изучению «Слова о твари и о дни, рекомем неделя»

В Собрании финляндских отрывков БАН СССР¹ хранится фрагмент рукописи (Ф. О. 38), содержащий отрывки трех произведений древнерусской литературы. Рукопись представляет собой два листа пергамента, бывшие, по-видимому, первым и последним листами тетради, входившей в состав рукописной книги. По палеографическим данным рукопись нами датируется концом XIII в. Эта рукопись известна в науке главным образом благодаря находящемуся в ней отрывку из «Слова о законе и благодати», опубликованному Ф. И. Покровским в 1906 г.² Кроме того, в состав рукописи входят начало «Слова о твари и о дни, рекомем неделя» и конец «Слова о воскресении».³

Что касается «Слова о законе и благодати», то его текстологическое исследование, с учетом Финляндского отрывка, проделано уже Н. Н. Розовым.⁴ Нам представляется интересным высказать некоторые соображения и относительно второго памятника, входящего в состав сборника, сопоставив с другими списками памятника самый старый из них — Финляндский отрывок.⁵

«Слово о твари и о дни, рекомем неделя» известно, кроме данного отрывка, еще в двух списках — в Паисиевском сборнике XIV—XV вв. (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 4/1081) и Румянцевском сборнике XV—XVI вв. (ГБЛ, Румянцевское собр., № 358). Паисиевский список был несколько раз напечатан: сперва отрывок из него Ф. И. Буслаевым в 1861 г.,⁶ а затем полностью текст И. И. Срезневским в 1863 г.⁷ и

¹ Собрание финляндских отрывков описано в кн.: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. 2. СПб., 1879, стр. 1—38.

² Ф. И. Покровский. Отрывок «Слова митр. Илариона о законе и благодати» XII—XIII вв. — ИОРЯС, т. II, 1906, кн. 3, стр. 412—417.

³ Текст «Слова о воскресении» до сих пор не был установлен. Кл. Константинова указала нам подобный текст в сборнике XV в. из Собрания Общества любителей древней письменности (ГПБ, ОЛДП, № 215). Нач.: «Зело ми ныне ум дрѣжат господьскаго въскресения чудеса...». Это «Слово» в рукописи приписывается Иоанну Златоусту. Оно встречается в сборниках типа Торжественника и Златоуста, например: Собрание А. С. Уварова, № 1772, начало XV в.; Собрание Московской духовной академии, № 17 (48), XV в.; Собрание Почаевской лавры, № 9 (103), XVI в.

⁴ Н. Н. Розов. 1) Рукописная традиция «Слова о законе и благодати». — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1961, стр. 43—53; 2) Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI века. — Slavia, № 32, Praha, 1963, стр. 141—175.

⁵ Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Н. Б. Тихомирову за помощь в работе и многочисленные консультации.

⁶ Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 530.

⁷ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. СПб., 1863, стр. 262.

Н. М. Гальковским в 1913 г.⁸ Финляндский отрывок издан И. И. Срезневским в «Сведениях и заметках».⁹ Оба этих текста были потом исследованы А. Н. Пыпиным¹⁰ и Е. В. Аничковым¹¹ в работах, посвященных антиязыческой полемике древней Руси. Третий текст — Румянцевский — не привлечен к этим исследованиям, хотя А. Н. Пыпин в своей работе на него указывает.

«Слово о твари и о дни, рекомею неделя» (полное заглавие: «Слово истолковано от святых апостол и пророк и отец о твари и о дни, рекомею неделя, яко не подобает крестьяном кланятися недели, ни целовати ея, зане тварь есть») — это антиязыческое компилятивное сочинение, занимающее не последнее место в числе многих проповедей, обличительных слов и поучений, сложенных и переведенных в первые века русского христианства, когда древние языческие обычаи и верования существовали в народе одновременно с христианством. Распространенность этих обычаев подтверждается тем большим количеством обличительных произведений, которые до нас дошли; они направлены против верований в идолов, в зверей, в русалок, против обожествления светил, дней недели, против игр и плясаний и т. п. Эти произведения, анонимные или приписанные известным авторам, достаточно многочисленны. В книге Н. М. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси» издано 35 таких «слов». Изданию каждого текста предпослано предисловие с обзором рукописных текстов и литературы. Обзор этих памятников дается и в статье А. Н. Пыпина «Для обзора ложных книг и преданий», посвященной исследованию легенд, связанных с почитанием недели, т. е. воскресенья. «Епистолия о неделе» — апокриф, запрещенный еще в очень старое время, — это один из памятников такого рода. Почитание дней — воскресенья и пятницы (иногда персонифицированных в св. Анастасию и св. Пятницу), — по мнению А. Н. Пыпина, объясняется близостью христианства первых веков к иудаизму, под влиянием которого и возникло суеверное запрещение работать в воскресенье (т. е. празднование в воскресенье еврейской субботы). Христианские проповедники не раз указывали, что священное писание не содержит подобных запретов и те, кто вводит их, «яве жидовствуют». Чтобы отвлечь евреев от идолов, бог дал им субботу; потом им был дан новый, лучший закон, но они его не поняли и не приняли. Но для тех, кто принял этот закон, т. е. для христиан, недопустимо возвращаться к обычаю прошлого. Христос «разрушил смерть» крестом, а не неделей. Следует не кланяться неделе, а праздновать ее отречением от «игр бесовских» и добрыми делами. Так толкует содержание «Слова о твари» А. Н. Пыпин. Однако оно посвящено не только поклонению неделе, но и другим языческим обычаям, притом совершенно не свойственным иудаизму.

Три известных списка памятника содержат три различные версии текста. Сравнение этих трех текстов весьма интересно. В рукописи Ф. О. 38 сохранилось около восьмой части текста памятника, если считать Паисиевский текст полным. В Румянцевском сборнике — краткая

⁸ Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. 2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М., 1913 (Записки имп. Московского археологического института, т. XVIII), стр. 78—83.

⁹ И. И. Срезневский. Сведения и заметки..., т. 2, стр. 31—32.

¹⁰ А. Н. Пыпин. Для обзора ложных книг и преданий. Неделя и «Епистолия о неделе». — ЛЗАК, вып. 2, отд. 1, Исследования, СПб., 1862, стр. 1—13.

¹¹ Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914. — Записки историко-филологического факультета Санктпетербургского университета, ч. CXVII, 1914, стр. 97—100.

(раза в три сокращенная) редакция. Сопоставление этих трех текстов показывает, что самый лучший текст — Финляндский. В нем сохранились некоторые чтения, утраченные или искаженные в Паисиевском списке. Разночтения с Паисиевским сборником Финляндского и Румянцевского текстов, как показано ниже, совпадают:

Финляндский и Румянцевский
списки

Написавше свет в болван и кланяются твари.

Вернии же людие бегают того, и тако творяще, не тварь хулят, но Творцю кланяются.

Тако бо и мудрый рече: Господь створи зоря (в Румянцевском: заря) и солнце.

Яко неиспытаны судьбы его и неисследовани путие его.

Болван бо есть съпрятан, выдолбен, написан (в Румянцевском: вырезан).

Паисиевский список

Написавше свет болваном и кланяются ему.

Вернии же людие бегают того.

Господь рече: Сотворим заря и солнце.

Яко неиспытанный суд бысть его.

Болван во идол написан...

Из этих примеров видно, что Паисиевский текст (хотя это и наиболее полный список) содержит ряд явных искажений, проявившихся в сравнении со старшими, неполными текстами. Однако именно Паисиевский текст лег в основу исследований памятника.

Е. В. Аничков уделяет несколько страниц своей книги «Язычество и древняя Русь» анализу этого памятника в ряду других антиязыческих сочинений. Он справедливо подчеркивает компилятивность «Слова», его бессистемность, «говорение одновременно о разных вещах» (о неделе, о свете и светилах, об иудаизме, о плясках, о трапезе роженицам и т.д.), приблизительность цитирования. Все это, по его мнению, свидетельствует о том, что составитель цитировал свои источники по памяти. С этим, по-видимому, связано отсутствие в Паисиевской редакции (в отличие от Румянцевской и Финляндской) указаний на источники и авторов. Воссоединяя куски текста по смыслу, Е. В. Аничков пытается вывести представление о протографе памятника. Основанием для такого рода умозаключений являются случаи не совсем удачных изменений первоначального текста для новых целей, например в следующем отрывке: «Тако бо мудрый рече: господь створи зоря и солнце, и свет пролияся и освети всю вселенную, а не рече о болване. Болван бо есть съпрятан, выдолбен, написан, осяжен, а не пролияся, яко свет на всю вселенную и есть свет неосяжен». Из данного контекста не ясно, какая связь между болваном и светом. Очевидно, в протографе осуждалось олицетворение и почитание света и светил. В других случаях цитирования также наблюдается несоответствие цитат контексту, свидетельствующее о том, что составитель использовал другое полемическое компилятивное сочинение, более общее по содержанию; несообразность некоторых цитат объясняется сужением темы проповеди от общего обличения двоеверия, «поклонения твари паче творца», до обличения конкретной его формы, например олицетворения недели, света и т.д. Это характерно и для других проповедей «вторичной формации», таких как «Слово о играх и плясании», «О жалеющих» (т.е. о заплачках), «О поставляющих трапезы роду и роженицам» и т.д. Таким образом, нахождение протографа — оригинального или переводного — представляется очень затруднительным, ибо мы имеем дело с использованием произведения общего характера в нескольких более частных проповедях. При этом такая обработка текста производилась не одновременно.

Гальковский усматривает в Паисиевской редакции, так же как и в другом памятнике такого типа — «Слове некоего христолюбца», указание на ересь стригольников, которое могло появиться лишь в XIV в., когда эта ересь стала известной.¹² Впрочем, мнение Гальковского недостаточно убедительно. Такими упоминаниями он считает в «Слове некоего христолюбца» слова о «веселящихся о идолах своих», которые «не хужьши суть еретиков, ни жидов» (однако ни евреи, ни жидовствующие, ни еретики «о идолах не веселидись»), а в «Слове о твари» — слова «жидове и еретицы многи книги почитавше, а разума добра не имеша и тем не яша веры и погибоша...», предполагая, что этого места не было в раннем тексте. Последнее обстоятельство невозможно установить, так как в Финляндском отрывке это место утрачено. Однако мысль Гальковского представляется интересной.

Интересные результаты дает также сравнение Паисиевской редакции с Румянцевской. Характерно, что в Румянцевской редакции вообще ничего не сказано о неделе. Там говорится только о твари и творце. Пыпин отмечает это обстоятельство, но считает упоминание о неделе в Паисиевском сборнике славянской вставкой в греческий первоисточник, «выразительным свидетельством об этом народном суеверии». Действительно, сильно сокращенная по сравнению с Паисиевской, Румянцевская редакция сохраняет текст целенаправленно измененный, обращенный только против идолопоклонничества. Текст значительно распространен по сравнению с Паисиевским (в той части, которая сохранена). Сравним несколько мест:

Румянцевский список

Хотя их бог на лучший разум привести, рече: Дал есмь имь заповеди, в них же не имать жити, ни ярма добра, но во уады место дано им было, хотя отучити того.

А принесете ми Ливан, то мерзость ми есть. Ливан же гора есть, жертвище идолское пребывше, ныне же жилище святых.

Паисиевский список

Хотя их бог на лучший разум привести, хотя отучити того.

А принесети ми Ливан, то мерзость ми есть. Треб ваших ненавижу.

Румянцевская редакция — своеобразная попытка изменить рыхлый и бессистемный текст, улучшить композицию, говорить только об одном предмете, а не одновременно о многих.

Таким образом, мы видим, что все три сохранившихся списка «Слова о твари» представляют собой существенно отличающиеся друг от друга варианты, свидетельствующие о распространенности и неоднократных переделках памятника. Что же касается протографа или первоисточника — по-видимому, общего для ряда памятников, — то его необходимо искать при параллельном изучении всех памятников этого цикла.

¹² Н. М. Гальковский. Борьба христианства... стр. 77.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

Греческий оригинал отреченной книги «Путник»

В некоторых списках отреченных книг древней Руси среди книг, содержащих описание различных примет (Громник, Лунник, Молянный, Трепетник и др.), встречается книга под названием «Путник — книга, в ней же писано о стречах коби всякие еретические, слепца стретит».¹

Судя по названию и примечанию («слепца стретит»), эта книга заключала в себе гадания по встречам в пути, широко распространенные в средние века;² отголоски этих верований сохраняются вплоть до наших дней. Например, встреча со священником толковалась как худое предзнаменование и русским народом, и средневековыми греками (возницы, отправлявшиеся на состязания на ипподроме, опасались встретить поутру духовное лицо). Беду предсказывали также встречи с людьми увечными (хромым, слепым, глухим и т. д.) и с некоторыми животными (зайцем, свиньей). Напротив того, встреча с человеком, несущим хлеб, обещала удачу.

У русского народа существовало поверье и об особом нечистом духе, которого можно встретить на пути: «встречный, или стрешный, — род нечистого, как леший, полевой и пр., который шалит по дорогам и перекресткам, сбивает проезжих и портит лошадей, почему называется также повстрел, пострел».³

Тексты некоторых отреченных книг не сохранились ни в греческом, ни в древнерусском или южнославянском вариантах; известны только названия этих книг. Такова судьба и книги «Путник», греческое название которой отыскалось в сочинении византийского императора Константина VII Багрянородного (912—959) «О церемониях византийского двора». В одном из разделов этого сочинения Константин перечисляет книги, которые императору надлежит брать с собой, отправляясь в поход, а именно: ⁴ Βιβλία ἡ ἀκολούθια τῆς ἐκκλησίας, βιβλία στρατηγικά, βιβλία μηχανικά,

¹ А. Н. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах. — ЛЗАК, вып. 1, СПб., 1862, стр. 43, 53; Н. С. Тихонравов. 1) Памятники отреченной русской литературы, II. СПб., 1863, стр. IX, 361—381; 2) Отреченные книги древней России, I. СПб., 1898, стр. 127—255, примечания, стр. 30 (см.: Сочинения, т. I).

² О приметах и гаданиях греческого народа в средние века существует обширная литература. См.: Ph. Koukouliès. Vie et civilisation Byzantines, I, fasc. 1. Athènes, 1948 (Collection de l'Institut Français d'Athènes, 10), стр. 213—218. Об отреченных книгах см. также: K. Krumbach. Geschichte der Byzantinischen Literatur. 2. Aufl. München, 1897, стр. 629—631.

³ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, стр. 276.

⁴ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De caerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Ed. Jo. Jac. Reiskii. Vol. I. Bonnae, 1829, стр. 467; также см.: G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. II. 2. Aufl. Berlin, 1958, стр. 361.

ἐλεπόλεις ἔχοντα καὶ βελοποιικὰ καὶ ἕτερα ἀρμόδια τῇ ὑποθέσει, ἤγουν πρὸς πολέμους καὶ καστρομαχίας· βιβλία ἱστορικά, ἐξαιρέτως δὲ τὸν Πολύαινον καὶ τὸν Συριανόν· βιβλίον τὸν ὀνειροκρίτην· βιβλίον συναντηματικόν· βιβλίον τὸ περιέχον περὶ εὐδίας καὶ χειμῶνος καὶ ζάλης, ὅτεοῦ τε καὶ ἀστραπῶν καὶ βροντῶν καὶ ἀνέμων ἐπιφορᾶς. Πρὸς τοῦτοις βροντολόγιον καὶ σεισμολόγιον, καὶ ἕτερα, ὅσα παρατηροῦνται οἱ πλευστικοί. Ἰστέον δέ, ὅτι τοιοῦτον βιβλίον ἐφιλοπονήθη καὶ ἐκ πολλῶν βιβλίων ἡρανίσθη παρ' ἐμοῦ Κωνσταντίνου ἐν Χριστῷ βασιλεῖ αἰωνίῳ βασιλέως Ῥωμαίων (Книги: последование церковное, книги стратегические; книги о машинах, содержащие сведения об осадных машинах и о метательных орудиях и другие, подходящие к случаю, то есть о войнах и об осаде крепостей; книги исторические, особенно Полиэна⁵ и Сириана;⁶ книгу снотолкователь; книгу о встречах; книгу, содержащую [сведения] о хорошей и о ненастной погоде и об урагане, о дожде и молниях, о громах и о направлении ветров. К тем же [книгам] громник и метание (σεισμολόγιον — книга о землетрясениях) и другие, которыми пользуются моряки. Следует знать, что такая книга прилежно составлена и из многих книг собрана мною, Константином, во Христе предвечном царе, императором Ромеев).

Упоминание книги «Путник» — Βιβλίον συναντηματικόν в византийской письменности встречается значительно реже, чем упоминания других астрологических текстов (Громник — Βροντολόγιον, Снотолкователь — Ὀνειροκρίτης и др.).⁷ Видимо, она не была широко распространена как самостоятельный сборник, а некоторые содержащиеся в ней приметы вошли в состав других астрологических сборников.

Н. С. Тихонравов, а за ним и М. Н. Сперанский предполагали другое название книги «Путник» — не Βιβλίον συναντηματικόν, а Ἐνόδιον, основываясь на следующем тексте из Хроники Георгия Амартола:⁸ Ἐνόδιον δέ, ὅταν ἐξηγήσεται τις τὰ ἐν τῇ ὁδῷ ὑπαντῶντα λέγων· ἐάν σοι ὑπαντήσῃ τοιοῦτός τις ἄνθρωπος ἢ τότε βασιλεύω, τότε σοι συμβήσεται (Поутное же, егда некий исповесть соущая на пути пред всеми, глаголя: аще ты усрящет таков человек ли се нося, се ти хошет быти). Однако в этом отрывке речь идет не о книге, а об отдельных приметах, о гаданиях по встречам в пути.

Русское название книги («Путник») дополняет название, зарегистрированное у Константина Багрянородного; очевидно, эта книга в греческой письменности называлась Ἐνόδιον βιβλίον или Βιβλίον συναντηματικόν (Книга Путник, или Книга о встречах).⁹

Хотя книга Βιβλίον συναντηματικόν и не сохранилась, в свое время она пользовалась большим авторитетом, поскольку перечислена среди необхо-

⁵ Полиэн (Πολύαινος) — ритор и адвокат (II в. н. э.), написал трактат «Военные хитрости» (Stratagemata).

⁶ Сириан (Συριανός) — александрийский софист и ритор (V в. н. э.).

⁷ Описания греческих астрологических рукописей собраны в издании: Catalogus codicum astrologorum graecorum, t. I—XII. Bruxelles, 1898—1936; сюда включены также и гадательные книги. Упоминание о гадании по встречам см., например, в томе XII этого издания (Codices Rossicos descr. M. Sangin. Bruxelles, 1936, стр. 119, 177, 179, 180).

⁸ Н. С. Тихонравов. Отреченные книги древней России, I, примечания, стр. 30; М. Н. Сперанский. Из истории отреченной литературы, II. Трепетники. СПб., 1899, стр. 23; В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст. Пгр., 1920, стр. 70. Греческий текст см.: Georgii Monachi Chronicon. Ed. C. de Voog. Vol. I. Lipsiae, 1907, стр. 75.

⁹ У Григория Назианзина есть молитва под названием ἐνόδια, которую читали, отправляясь в путь. См.: J.-P. Migne. Patrologia Graeca, t. XXXVII. Paris, 1857, стлб. 518А.

димых императору в походе книг. Предсказания несчастья и удачи считались в средние века достоверными, на них основывались, принимая те или иные решения. Взгляд императора Константина VII на книгу «Путник» как на одну из самых важных книг подтверждает высказанное А. Н. Пыпиным мнение о двойственном положении отреченных книг — они не были полностью запрещены, их читали и переписывали, к ним обращались за указаниями и разъяснениями в трудных жизненных обстоятельствах.¹⁰

---

¹⁰ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I. Древняя письменность. СПб., 1898, стр. 420; о книге «Путник» см. стр. 462.

Г. К. ВАГНЕР

Литература, апокрифы и фольклор в творчестве мастеров Всеволода III

В истории древней Руси конец XII в. представляется периодом, когда хаос феодальных усобиц как будто исчерпал себя до дна, когда снова стали зреть идеи новой политической консолидации. В условиях вражды различных княжеских линий это принимало формы и своеобразного киевского дуумвирата, и проекта выборности великого киевского князя шестью крупнейшими князьями, и сюзеренитета киевского князя над Черниговской и Северной землями, а черниговского князя над Рязанью. Идея княжения Владимирского и Великого Новгорода, а также объединение Галицкого и Волынского княжеств относятся к тому же кругу явлений. Именно в двух княжествах-королевствах — Владимиро-Суздальском и Галицко-Волынском — общественная жизнь, литература и искусство полнее всего отразили ведущие тенденции эпохи: усиление роли горожан и служилой дворянской прослойки, рост светских начал в культуре, интерес к новеллистическо-повествовательной стороне литературы, увлечение нецерковными образами в изобразительном искусстве. Особенно последовательно и ярко эти новые светские тенденции в конце XII в. проявились в культуре Владимиро-Суздальской Руси.

В то время как Ярослав Осмомыслу Галицкому пришлось сидеть в темнице и даже отдать боярам на костер свою любовницу,¹ Всеволод III действительно стал «великим», как назвал его автор «Слова о полку Игореве», и от имени его «трепетаху вся страны».²

После раскрытия заговора 1174 г. владимирское боярство было приведено в полное подчинение. «Мизинные» люди, не только владимирские, но переяславльские и суздальские, поддерживали Всеволода. Опорой Всеволода был и служилый, военный слой, выросший в значительную силу. На такой социальной основе Всеволод мог придать своей деятельности общерусский размах. Он влиял на политику Новгорода, вмешивался в южнорусские дела, не говоря уже о полной гегемонии над Рязанью. Все это подготавливало Владимиро-Суздальское княжество к тому, чтобы стать действительно центром Руси. Большой интерес в связи с этим приобретает все то новое, что появилось во владимирской культуре.

Общерусская направленность владимирского летописания, отражающаяся в сводах 1175, 1193 и, наконец, 1212 гг., хорошо известна. Первоначально летописание времени Всеволода III продолжало сохранять цер-

---

¹ Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964, стр. 215.

² ПСРЛ, т. I, вып. 2, Л., 1927, стлб. 436.

ковный характер, что как будто противоречит общему направлению владимирской культуры, насыщенной светским содержанием. Но в своде 1212 г. этот церковный характер заметно ослаблен и — вероятно, по указанию самого князя — лексика свода очищена от излишних церковнославянизмов.³ Кроме того, свод был украшен множеством миниатюр. Очевидно, именно последнее десятилетие XII в. (точнее, время после 1193 г.) было периодом полного торжества светского начала во владимирской культуре.

В 1194 г. Всеволод приступил к постройке своего дворцового Дмитриевского собора, собрав для этого большую артель мастеров, среди которых были выходцы из Балкан.⁴ Перед ними была поставлена грандиозная задача: выразить в пластических образах фасадной скульптуры идею величия Владимирской земли и самого Всеволода III. И это было сделано.

Скульптура Дмитриевского собора, помимо своих исключительных художественных качеств, очень ценна тем, что позволяет составить представление о широком круге литературных, апокрифических и фольклорных источников, питавших творчество мастеров и характеризующих направление общественной мысли того времени.

В определении общей композиции богатого скульптурного убранства Дмитриевского собора его мастера, очевидно, руководствовались пластикой храма Покрова на Нерли. Там олицетворением идеи покровительства Владимирской земле явился пророк богоматери царь Давид. Здесь во главу угла был поставлен сын Давида царь Соломон.⁵ К выбору образа Соломона, как центрального в скульптурном замысле, подводила вся историческая обстановка. Уже Андрей Боголюбский вдохновлялся в своем строительстве блеском Соломонова двора.⁶ В летописи он и назван «вторым мудрым Соломоном».⁷ Великому Всеволоду III сравнение с Соломоном должно было импонировать еще больше. Есть все основания считать, что материалом для выбора образа Соломона в качестве своеобразного «синонима» самого Всеволода III послужила та средневековая «Соломонова сага», которая образовалась от сложного переплетения и взаимопроникновения Библии, Хроники Георгия Амартола, Сказания о Соломоне и Китоврасе, сказок и былин о Соломоне (Соломане, Василии Окульевиче), сказаний об Акире Премудром и Александре Македонском и, может быть, даже Голубиной книги.

Уже одного перечисления возможных источников творчества Всеволодовых мастеров достаточно, чтобы почувствовать, сколь широка была его литературно-фольклорная подоснова. Летописи — это только небольшой кусочек владимирской словесно-художественной культуры, для реконструкции которой, как теперь выясняется, скульптура Дмитриевского собора дает интереснейший материал.

Знакомство владимирских мастеров с Хроникой Георгия Амартола доказано Н. Н. Ворониным.⁸ Но та часть Хроники, которая повествует о строительстве Соломоном иерусалимского храма, могла быть известна

³ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 279.

⁴ Подробное исследование этого вопроса произведено мною в книге «Скульптура древней Руси», находящейся в печати.

⁵ Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964, стр. 144.

⁶ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. I. М., 1961, стр. 338—339.

⁷ ПСРА, т. I, вып. 2, стлб. 368.

⁸ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. I, стр. 338.

и по Библии, в частности по Книге Паралипоменон. Что именно библейская часть «Соломоновой саги» занимала важное место в замысле скульптуры Дмитриевского собора, вытекает из того простого рассуждения, что только таким путем скульптура, включающая множество неканонических мотивов, могла быть допущена на фасад собора. Как бы ни был полновластен Всеволод III, но в условиях того времени не считаться с религиозной санкцией он не мог. Библия полностью оправдывала тему премудрого царя, каким считался Соломон. И она же давала богатейший материал для ее фантастической разработки. Достаточно вспомнить Книгу Премудрости Соломона, сочинение, по существу, апокрифическое,⁹ но вместе с тем входящее в Книги Ветхого Завета.¹⁰ Такие изречения Книги Премудрости, как «Множество мудрых — спасение миру, и царь разумный — благосостояние народа» (VI, 26) или «Сам он даровал мне неложное познание существующего, чтобы познать устройство мира и действие стихий... природу животных и свойства зверей, различных растений и силы корней» (VII, 17, 20), по существу могут объяснить не только замысел скульптуры Дмитриевского собора, но и форму его осуществления. Таким образом, полностью устраняются сомнения некоторых исследователей о возможности допуска апокрифов в декор собора.

Подсказанная Библией тема премудрости Соломона как губка впитывала в себя все, что содержала «Соломонова сага». На первом месте здесь стоит известное «Сказание о Соломоне и Китоврасе», переведенное на славянский язык еще до XIII в.¹¹ Знакомство мастеров Всеволода с этим сказанием подтверждается наличием в скульптуре Дмитриевского собора рельефов двух кентавров весьма любопытной иконографии. Головы кентавров увенчаны короной, у одного в руке заяц, другой схватил себя за хвост и размахивает мечом.¹² Такие образы, правда, известны в византийском искусстве малых форм,¹³ но ведь именно отсюда они и проникли в болгарские апокрифы, в частности в «Сказание о Соломоне».¹⁴ В западноевропейских вариантах сказания соперником Соломона выступает Морольф, смекалка которого испытывается зайцами. В славянских сказаниях появляется кентавр-Китоврас, меч становится его необходимым атрибутом.

XII век был веком перехода апокрифов в народную среду, в поэзию, возможно уже в духовные стихи, распространителями которых были калики перехожие.¹⁵ Занести болгарские апокрифы во Владимир могли те балканские мастера, которые участвовали в строительстве Дмитриевского собора.

«Сказание о Соломоне» было известно владимирским мастерам не только в славянской, но и в западноевропейской редакции. Об этом говорит фигурка зайца в руке одного из Китоврасов. Но еще лучше это видно по двум рельефам человекодракона, человеческий торс которого соединен с туловищем коня и хвостом змея.¹⁶ Нам не удалось найти аналогии этому

⁹ См.: Библия. Изд. 2-е, Русского библейского общества. Вашингтон, 1952, стр. 51 и сл.

¹⁰ См.: Библия. М., 1904, стр. 396 и сл.

¹¹ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 75—76.

¹² А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1. М., 1916, табл. 10, рис. 1, 2.

¹³ A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen, Bd. I. Berlin, 1930, Taf. XV, 30f; LXX, 121.

¹⁴ А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872, стр. 8.

¹⁵ Там же, стр. 161, 188.

¹⁶ А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1, табл. 9 и 10, рис. 2.

странному образу в средневековой скульптуре. Скорее всего это Морольф, выступающий в западноевропейских сказаниях нередко в образе дракона.¹⁷

Апокрифические мотивы в скульптуре Дмитриевского собора не ограничиваются образами Китовраса-Морольфа. На северном фасаде есть рельеф, изображающий сидящего на троне человека, перед которым вздыбился барс.¹⁸ Голова персонажа отбита, и сейчас трудно сказать, кто это. Может быть, это Спас-Еммануил; тогда рассматриваемый мотив идет от апокрифического «Сказания о Христе», в котором Еммануилу приписываются такие слова: «Я совершенный муж и надлежит всем диким зверям делаться ручными предо мною».¹⁹ Мы узнаем здесь ту же тему премудрости Соломона, знавшего язык всех зверей. А может быть, это и есть Соломон, о чем позволяет думать свиток в левой руке персонажа.

На западном фасаде собора видим рельеф, ближайшим образом напоминающий апокрифическое «Сказание о Крестном древе»: древо произрастает из головы человека (Адама?), на которую положили свои передние лапы два зверя.²⁰

Как уже говорилось, с «Соломоновой сагой» связаны и такие произведения, как сказания об Александре Македонском, об Акире Премудром и т. п. «В Александрии манила тайна высшего человеческого могущества и величия, бессильных перед смертью, в Соломоне — божественная, всепредвидящая мудрость...».²¹ Любопытно, что в средневековых сказаниях Соломон нередко замещается Александром Македонским, а сам вытесняет в свою очередь Акира Премудрого. Расположение на южном фасаде Дмитриевского собора по соседству с Соломоном Александра Македонского наилучшим образом подтверждает сказанное об интересе Всеволодовых мастеров к «Соломоновой саге».

Труднее доказать их знакомство со стихом о Голубиной книге. Может быть, правильнее говорить не о Голубиной книге, а о тех апокрифах, из которых она сложилась, т. е. о «Вопросах апостола Иоанна к Спасителю на горе Фаворской» и пр. Такие мотивы скульптуры Дмитриевского собора, как заяц в когтях птицы, борьба двух юношей, птица на дереве, бык и т. д., чрезвычайно характерны для апокрифов, вошедших в стих о Голубиной книге. Напомним, что «Сказание о Крестном древе» тоже вошло в Голубиную книгу; участвует в ней и Соломон. Так или иначе, но в основе скульптуры собора и стиха о Голубиной книге лежат родственные литературно-фольклорные источники.

Следует, однако, отметить, что скульптура Дмитриевского собора «фольклорна» не столько своими мотивами, сколько общей интерпретацией темы. Она является прекрасным подтверждением глубокой мысли В. П. Адриановой-Перетц, что «родство подлинно народных памятников древнерусской литературы с творчеством трудового народа возникает тогда, когда писатель и народный поэт сходятся в своем отношении к исторической действительности, в оценке событий и лиц».²² Иначе говоря, как «Слово о полку Игореве» или «Повесть о разорении Рязани Батыем»

¹⁷ А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе... стр. 142.

¹⁸ А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1, табл. 17, рис. 3.

¹⁹ Вега. Апокрифические сказания о Христе, т. II. СПб., 1912, стр. 103.

²⁰ А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1, табл. 9.

²¹ См. рецензию А. Н. Веселовского на книгу В. Истрина «Александрия русских хронографов» (6. м., 6. г.): Византийский временник, т. 4, вып. 2—3, СПб., 1897, стр. 537.

²² В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор. — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 6.

«фольклорны» прежде всего по духу, а не потому, что в них использованы средства устной поэтики, так и скульптура Дмитриевского собора «фольклорна» в силу внутреннего родства ее содержания с народным представлением о мудром устройстве жизни и красоте вселенной. Такого рода совпадение передового изобразительного искусства эпохи Всеволода III с фольклором стало возможным потому, что оно происходило на фоне общественно-политических событий, «в которых заинтересованы широкие массы трудового народа».²³

Широкий интерес мастеров Всеволода III к литературе, и особенно к апокрифам, при общей «фольклорной настроенности» их творчества знаменовал важный этап в развитии гражданских начал искусства древней Руси, подготавливая почву для формирования национальной художественной культуры.

---

²³ Там же.

М. В. АЛПАТОВ

О мозаиках Михайловского монастыря

Мозаики Михайловского монастыря уже давно привлекали к себе внимание историков русского искусства. Однако Н. П. Кондаков и Ф. И. Шмит их явно недооценили.¹ Д. В. Айналов первым обратил внимание на художественные достоинства этих мозаик.² Он справедливо отметил их близость к константинопольской школе и указал на возможность их создания греческими мастерами «второго призыва». Исследователь обратил также внимание на тонкую характеристику отдельных фигур апостолов, на их стройные пропорции, на богатство и совершенство колорита и, наконец, на участие в исполнении мозаик нескольких мастеров.

В своей обстоятельной и богато иллюстрированной монографии о михайловских мозаиках В. Н. Лазарев восполнил выводы Д. В. Айналова тщательным и подробным описанием мозаик, особенно красок, техники исполнения и сохранности.³ Однако, поскольку автор сосредоточил внимание на описании отдельных фигур, от него ускользнуло значение мозаик как художественного целого. Немаловажную роль играли при этом также общие воззрения автора на природу средневекового, в частности византийского, искусства. Следуя за византинистами прошлого века, он считает, что каждое произведение византийской живописи складывается из двух элементов: иконографии и выполнения. «Византийские теологи, — утверждает В. Н. Лазарев, — разработали тщательно продуманную композиционную схему, не оставлявшую места ни для каких кривотолков».⁴ Таким образом, на долю художников выпадала, по его мнению, лишь роль исполнителей.

Казалось бы, подобное понимание византийского искусства подкрепляется известным постановлением Никейского собора. Однако памятники византийской живописи различного времени противоречат этому. Теологи, конечно, оказывали большое влияние на тематику росписей храмов и на иконографию отдельных сюжетов (как это убедительно выявлено в трудах по иконографии Н. П. Кондакова, Г. Милле и др.), но они не могли полностью устранить творческую свободу художников.

Композиционные схемы, точнее, решения их, создавались не теологами, а самими художниками. Иконографические типы при всей их устойчивости

---

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV. СПб., 1891; Ф. Шмит. Искусство древней Руси Украины. Харьков, 1919.

² D. Ainaloff. Die Mosaiken des Michaeloklosters in Kiew. Belvedere, 1926, Н. 9—10, стр. 201—216.

³ В. Н. Лазарев. Михайловские мозаики. М., 1966.

⁴ Там же, стр. 41.

и каноничности постоянно изменялись, так как византийское искусство, как и всякое иное искусство, было подвержено закону исторического развития. Но самое главное — это то, что сущность византийского искусства никак нельзя свести к иконографическим схемам и к средствам выражения. Как и во всяком ином искусстве, наиболее ценное в нем — художественный образ, складывающийся из живого взаимодействия между иконографией и средствами выражения.

В этой краткой заметке речь будет идти лишь о главной мозаике Михайловского монастыря — Причащении. При всей ее иконографической близости к более ранней мозаике на ту же тему в Софийском соборе их сравнительное рассмотрение говорит о том, что различие между ними нельзя сводить только к характеру их исполнения. Главное, чему следует уделить внимание, это характеру художественных образов.

Композиционное различие между софийской и михайловской мозаиками отмечалось всеми, кто говорил об обоих памятниках. В. Н. Лазарев видит в софийской мозаике «строгий и статический вариант композиции», в михайловской — «живописную группировку фигур». Различие между двумя композициями можно более точно определить при помощи алгебраической формулы. В софийской мозаике группы апостолов образуют ряд: *абабаб*. В михайловской мозаике расположение фигур апостолов может быть выражено такой формулой: *абабаа*. Еще более точно можно передать решение композиции в обеих мозаиках при помощи графической схемы. Несомненно, что ритмическая основа обеих мозаик и сама по себе имеет большое значение. Но для того чтобы оценить ее художественную роль, необходимо вникнуть в тот новый смысл, который при помощи нового ритма внесли в традиционную композицию причащения михайловские мастера.

В системе росписей византийских храмов XI—XIII вв. тема причащения занимает почетное место. Благовещение, находящееся на триумфальной арке в Софийском соборе, всего лишь напоминает об евангельском событии, которое, по христианскому вероучению, имело решающее значение для судеб человечества. Причащение в отличие от Тайной вечери, которая рассматривалась лишь как одно из евангельских событий, имело еще большее значение: оно было непосредственно связано с главным таинством, происходившим во время литургии в стенах христианского храма.⁵

В Софийском соборе мозаика Причащения представляет собой как бы вечный прообраз того, что едва ли не каждодневно происходило в храме перед алтарем. Фигуры в софийской мозаике пребывают вне времени и пространства, они как бы парят на золотом фоне, под ногами их нет почвы, позама, и, хотя по лицам можно узнать каждого из апостолов, в их повторяющихся позах и жестах заключено нечто общее — вечное и неизменное почтение к благодати, к которой они общаются. По словам Д. В. Айналова и Е. К. Редина, «отсутствие глубины в тенях ... и преобладание контуров делают фигуры апостолов лишь схемами человеческих фигур».⁶

Создатели михайловской мозаики (подчеркиваю: «создатели», а не «исполнители») в основном не отступали ни от богословских догматов, ни от иконографического канона. Но они внесли в общепринятое представление о причащении нечто существенно новое. Хотя в Византии после ико-

⁵ K. Wessel. *Abendmahl und Apostel Kommunion*. Recklinghausen, 1964.

⁶ Д. Айналов и Е. Редина. Киевско-Софийский собор. — Записки Русского археологического общества, новая серия, 1890, IV, стр. 294.

ноборчества и отшумели горячие споры по основным богословским вопросам, но не нужно себе представлять православный Восток полностью погруженным в оцепенение. Отголоски когда-то существовавших разногласий дают о себе знать и в искусстве.

В михайловском Причащении сохраняется традиционный торжественный характер сцены, ее символический смысл, подчеркивается важность обряда; Христос является здесь в облике первосвященника, ангелы — как диаконы. И вместе с тем благодаря изменению композиции в эту торжественную сцену входит больше человечности. Участники священнодействия ведут себя каждый соответственно своему характеру. Один только Павел благоговейно изогнулся перед Христом, другие апостолы более сдержанны, некоторые решаются вопросительно обернуться к стоящему рядом и вступить с ним в беседу. Это люди, которые размышляют о происходящем, стараются каждый по-своему его осмыслить, глубоко переживают соприкосновение с величайшим таинством.

В противоположность софийскому Причащению в михайловской мозаике передан вполне определенный момент, фигуры обретают свое место не только в пространстве мозаики, отгороженном алтарной преградой, но и в пространстве храма, в его алтарной части.

Для того чтобы оценить историческое значение расхождений между софийской и михайловской мозаиками, можно привести аналогии к этому из далекого прошлого. В основе софийской мозаики лежит восточный принцип рельефов Персепольского дворца с их бесконечными вереницами выстроенных в ряд обезличенных фигур царских данников и подданных. В михайловской мозаике побеждает гуманистический принцип, свойственный фризу Парфенона, с его более свободным ритмом, допускающим остановки, повороты фигур, цезуры между ними.

Можно также найти аналогию к софийской мозаике и к михайловской и в более поздней русской живописи. Фигуры апостолов в софийской мозаике — это не вполне живые фигуры, а скорее отвлеченные знаки; и в этом отношении мозаика в известной степени подобна псковской иконе «Троица», в которой ангелы как три лица божества поставлены один рядом с другим как три равнозначных знака.⁷ Наоборот, беседа между апостолами в михайловской мозаике, взаимодействие между ними, склонение голов как бы предвосхищают «Троицу» Рублева. Ангелы у Рублева не только присутствуют, не только высятся один рядом с другим, но и вступают в немую беседу друг с другом, что усиливает человеческое начало в изображении божественной трапезы. Что касается михайловской мозаики, то в ее стоящих и погруженных в беседу и размышление апостолах можно видеть нечто общее с «*sacra conversazione*» (священными беседами), которые впоследствии так любили мастера итальянского Возрождения.

Прибегая к сравнениям софийской и михайловской мозаики с античными или более поздними памятниками, мы не имеем в виду непосредственной связи между ними. Этими аналогиями только намечаются исторические координаты, позволяющие оценить принципиальное значение расхождений между двумя киевскими памятниками.

Большинству современных зрителей, конечно, больше по душе мастерство михайловских мастеров, чем софийских. Но если отвлечься от своих пристрастий, то нужно будет признать, что живописный язык софийской мозаики соответствует тому пониманию темы, которое руководило ее со-

⁷ В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации, т. 1. М., 1963, стр. 198.

здателями. Лица апостолов, с подчеркнута большими глазами, обведенными резкими контурами бровей, похожи на ритуальные маски; это изображения людей в состоянии религиозного экстаза. В апостолах михайловской мозаики больше портретности, больше разнообразия и характерности, не так назойливо подчеркиваются глаза, возбужденный взгляд. Михайловские мастера обнаруживают большее внимание к передаче внутреннего мира человека. Многие расхождения между обеими мозаиками в понимании лепки, контуров, цвета вытекают из расхождений в понимании художественного образа.

Все писавшие о мозаиках Михайловского монастыря соглашаются в том, что они входят одновременно в историю как византийского, так и древнерусского искусства. Догадки по поводу того, кто был создателем мозаик — русские или греческие мастера, — вряд ли помогут внести большую ясность в это общее определение. Ведь в искусстве решающее значение имеет не национальность творца, а характер того, что он творит, — место, которое произведение занимает в искусстве различных стран и народов.

Стремясь обнаружить в михайловских мозаиках черты, позволяющие их связать с Русью, В. Н. Лазарев ограничивается самыми общими определениями или же частными и случайными признаками. По его мнению, «это искусство свежее и полнокровное»; ему присущи меньший ригоризм, чем чисто византийским произведениям, более свободная фактура, смелый цвет, в частности ведущая роль в колорите изумрудно-зеленого цвета. Между тем вряд ли можно считать все эти признаки определяющими характер русской школы. Еще менее убедительна попытка усмотреть в михайловских мозаиках «линейную трактовку форм» и «плоскостную трактовку фигур», свойственную русской монументальной живописи XII в. Было бы натяжкой утверждать, что михайловские мозаики занимают в истории древнерусского искусства место где-то между софийскими мозаиками и фресками Старой Ладogi и Нередицы.

К более плодотворным выводам можно прийти, если поставить вопрос: не находят ли различия между софийским Причащением и михайловским аналогии в общем ходе развития русской культуры XI—XII вв.?

Нельзя утверждать, что приводимые мной далее литературные примеры дают ключ к объяснению изобразительного искусства. Но тема причащения очень важна для уяснения мировоззрения эпохи, и потому естественно сравнить обе мозаики на эту тему с произведениями древнерусской литературы, наиболее ясно отражающими отношение современников к основоположным вопросам мировоззрения. Такими произведениями являются в первую очередь русские проповеди XI—XII вв.

Мозаики киевской Софии поучительно сравнить с проповедями митрополита Илариона, и не потому лишь, что в них проповедник упоминает библейские и евангельские события, которые изображались на стенах киевского собора.⁸ Более существенно то, что главный пафос проповедей Илариона и его литературный стиль имеют много общего с мозаиками Софии. В проповедях Илариона преобладает радостное ликование по поводу того, что в его время на Руси восторжествовало православие.⁹ Приемы византийской риторики, параллелизмы и противопоставления, ссылки на библейские и евангельские события — все это служит лишь средством убеждения слушателей, что с принятием новой веры на русской

⁸ В. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1950.

⁹ Д. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.—Л., 1945, стр. 26.

земле воцарились благодать и истина. Иларион не стремится при помощи пересказа священных легенд глубже проникнуть в их смысл, он всего лишь ссылается на них, как на доказательство своего основного тезиса. И вместе с тем путем повторений одного и того же положения или слова он стремится убедить своих слушателей. «Виждь чадо свое Георгия, — говорит он, обращаясь к князю Владимиру, — виждь утробу свою, виждь милого своего, виждь, его же господь извел из чресла твоих, виждь красящаго стол земли твоей». Это настойчивое повторение призыва «виждь» напоминает повторность поз и жестов софийских апостолов.

Хотя проповеди Кирилла Туровского и относятся к более позднему времени, в них встречаются сходные риторические приемы, что и у Илариона.¹⁰ Но в основе своей они имеют иной характер, так как ведутся не от имени человека, который заботится лишь о распространении нового вероучения, а от имени такого человека, который в рамках этого учения много изведal, пережил и готов поделиться этими переживаниями со своими слушателями. Опираясь на свое воображение, он стремится перенести своих слушателей в положение тех героев легенды, о которых ведет речь. Следуя примеру Иоанна Златоуста, он превращает евангельские тексты в драматические сцены. «Взыдем и мы, братие, в Сионскую горницу, — говорит он в проповеди на Фомину неделю, — яко тамо апостоли собираюся и сам господь Исус». И вслед за этим он воссоздает воображаемую беседу Христа с учениками, особенно с Фомой, который желал стать «самовидцем», рассказывает, как Христос предлагает сомневающемуся коснуться его ран и как Фома, преодолев сомнения, наконец отвечает ему: «Вижу».

Читая эти строки, невольно вспоминаешь михайловское Причащение, в котором торжественное священнодействие превращено в живую сцену со свидетелями, глубоко переживающими чудо, свершающееся перед их глазами.

---

¹⁰ А. И. Пономарев. Кирилл, епископ Туровский и его поучения. — В кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 1. СПб., 1894, стр. 120.

Н. Г. ПОРФИРИДОВ

О некоторых новых фактах параллелизма словесных и изобразительных памятников

Факты параллелизма искусств не без основания все чаще привлекают к себе внимание исследователей. Во многих случаях они помогают глубже проникнуть в некоторые явления культуры или дают им новое освещение.

Разумеется, каждый вид искусства в первую очередь исследуется по своим законам. Однако формалистический принцип «спецификума искусств» не должен мешать опытам их эстетического синтеза.

Новаторский почин В. В. Стасова, который в замечательной статье «Перов и Мусоргский» сблизил представителей двух, казалось бы, совершенно разных искусств, раскрыл и утвердил идейное и эстетическое родство русской живописи и музыки второй половины XIX в.,¹ долгое время оставался без продолжения. Значительно позднее взятая И. Э. Грабарем за основу идея параллелизма архитектурного и живописного искусства помогла ему при помощи остроумно построенного «уравнения» с тремя известными членами предугадать четвертый неизвестный — тип владимирской живописи.²

Появившийся за последние годы многочисленный ряд штудий подверг исследованию и установил связи древнерусской литературы с современной ей живописью. Их разнообразные и многосторонние соответствия прослежены не только в плане сюжетной зависимости, прямого иллюстрирования произведений литературы и использования их текстов мастерами изобразительного искусства, но и более глубоко — в плане соответствия идейного содержания и принципов разработки художественных образов.³

При исследовании проблем взаимоотношения литературы и искусства внимание исследователей, естественно, в первую очередь сосредоточивалось на живописи, как основном виде изобразительного искусства. В меньшей степени в сферу исследования вовлекались другие его виды, в частности художественное медное литье.

Давно собираемые музеями и частными любителями, памятники литья до сих пор остаются почти исключительно объектом изучения археологов. Среди существующей литературы о литых изделиях, кроме

---

¹ В. В. Стасов, *Избранные сочинения* в трех томах, т. II, М., 1952, стр. 153.

² Игорь Грабарь о древнерусском искусстве. М., 1966, стр. 160.

³ Многочисленные работы по этому вопросу не поддаются перечислению в статье. Укажем лишь на XXII том ТОДРЛ (М.—Л., 1966), целиком посвященный вопросам взаимодействия литературы и изобразительного искусства в древней Руси, и на первую главу в книге Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» (Л., 1967).

каталогов, можно найти работы по вопросам их материала, технологии, датировки, отчасти иконографии. Как явление искусства, особый вид художественного творчества русского человека, литье еще не получило полного признания. В истории русского искусства оно — как, впрочем, вся область мелкой пластики — не нашло прочного места и занимает неустойчивое положение на границе декоративно-прикладного искусства и ремесла.

Отмечая отсутствие надлежащего интереса к памятникам медного литья, академик В. Н. Перетц называл их предметами, пока «молчащими о прошлом».⁴ Между тем равнодушие к ним искусствоведов мало оправдано хотя бы уже по одному тому, что это самый массовый вид художественных произведений. Количество его памятников не может идти ни в какое сравнение с количеством памятников любого другого вида — живописи, книжной графики, шитья. Кроме того, этот вид изобразительного искусства был особенно близок народу в древней Руси и отчасти еще в XVIII и XIX вв.

Употребление меднолитых художественных изделий в народном быту имеет глубочайшие исторические традиции.

В дохристианских археологических древностях бронзовые и медные литые подвески составляют, наряду с керамикой, самый массовый материал. Круглые и ромбовидные, сплошные и решетчатые бляшки, серповидные лунницы, плоские и объемные фигурки птиц и зверей — уточек, петухов, барабчиков, коньков, зайцев, волков — составляют постоянный инвентарь славянских погребений. Семантика этого вида художественных изделий уже не всегда ясна. Религиозное значение, связанное с почитанием светил, животных, растений и с представлениями об охранительных свойствах их символических или реалистических изображений, давно изжито народом, но их эстетические образы дожили до нашего времени в разных видах народного декоративного искусства — вышивках, резьбе по дереву и других — и в народной песенной поэзии. Поэтика устнопоэтического творчества, а по родству с ним и древнерусской книжной литературы полна теми же образами «красного солнышка», «ясного месяца», «уточки», «серого волка».⁵

Христианизация страны не была рубежом, с которым была бы связана единовременная или даже быстрая смена народно-бытовой эстетики. Судя по инвентарю курганных погребений, языческие образы в предметах крестьянского изобразительного и декоративного искусства продолжали долгую жизнь, параллельно с языческими же образами в крестьянской обрядовой и иной поэзии.

Однако наряду с ними и на смену им все шире входили в употребление художественные предметы христианского обихода — кресты, образки, исполненные в той же, давно освоенной народом, технике медного литья.⁶ В течение ряда столетий им суждено было стать одним из главных средств удовлетворения художественных потребностей крестьянских масс. По свидетельству этнографов, в дореволюционном крестьянском быту этого рода меднолитые предметы сопровождали человека буквально от рождения до смерти, и даже после нее: их носили под одеждой и поверх нее, ставили на божницы, прибывали над дверями изб и хозяйственных построек — гумен, житниц, амбаров, на деревянных крестах среди

⁴ В. Н. Перетц. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. — Известия Гос. академии Института материальной культуры, вып. 73, Л., 1933, стр. 3.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947.

⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 143, 245 и др.

поля, наконец, на могильных крестах и голбиках на кладбищах. Изобразительный элемент в них богаче и разнообразнее, чем в подвесках. Место символов в них заступили изображения людей (святых) и сложные, многофигурные композиции.

Литые кресты и образки в еще большей степени, чем языческие подвески, — памятники культовые, с такими же охранительными функциями. Формальным содержанием их со стороны изобразительной является обычный круг христианских религиозных сюжетов, общий с произведениями живописи, иконами. Связанные, как все христианское изобразительное искусство, в своей основе с литературой, они в силу указанных особенностей их бытового употребления восприняли во многом традиционные связи с фольклором. И если нельзя чрезмерно сблизать медное литье с фольклором, включать его в сферу последнего, то нельзя и пренебрегать обоюдными выгодами от их сопоставительного изучения.

Совершенно понятно, что в произведениях христианской меднолитой пластики невозможно ожидать светских (эпических, сказочных или былинных) сюжетов и персонажей. Но если сюжеты литых образков подвергнуть обработке массово-статистическим методом (чего еще не производилось и для чего с каждым годом становится меньше возможностей, ибо быстро уменьшается число сохранившихся памятников), несомненно была бы установлена среди них большая распространенность героев, которые из христианской мифологии перешли в фольклор. Егорий, Никола, Илья, столь часто встречаемые на образках, как известно, были действующими лицами и многих произведений устнофольклорных жанров — сказок, легенд, народных поверий, духовных стихов.

Еще важнее сходная в фольклоре и мелкой пластике разработка художественных образов и характеристик. В литых образках нет Георгия — пешего воина, патриция и мученика; здесь он всегда на коне, поражающий змея. Мотивы коня и змея искони были близки народному искусству и повторяются тысячи раз в народной резьбе, росписях, вышивках. Мало того, некоторые литые образки Георгия характеризуются особо яркими чертами народности. На таких образках, имеющих в ряде музейных собраний, «Егорий храбрый представлен не столько христианским святым, сколько языческим солнечным богом: его огромный круглый лик смотрит прямо на зрителя (хоть конь скачет вправо), лучи, окружающие лицо, дополняют сходство с традиционным средневековым изображением человекоподобного солнца».⁷ К тому же наряду с фольклорной трактовкой образа его стилистическое выражение носит также следы явного воздействия народной деревянной резьбы.⁸

К сопоставлению памятников художественного литья с памятниками фольклора приводят и сходные черты их воспроизведения. Как устно-поэтические произведения, раз сложенные, жили века, передавались от исполнителя к исполнителю, из поколения в поколение, так и раз созданный образок получал затем в разное время не поддающееся учету число реплик путем повторных отливок.⁹ Существенно то, что новые и новые

⁷ Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство великокняжеской Москвы. — В кн.: История русского искусства, т. III, М., 1955, стр. 218.

⁸ Ср.: Гос. Русский музей, № М-951. См.: Н. Г. Порфиридов. Георгий в древнерусской мелкой пластике. — Сообщения Гос. Русского музея, т. VIII, Л., 1964, стр. 123, рис. 10.

⁹ Вопросы технологии и техники медного литья исследуются в фундаментальной работе В. М. Тетеряникова «К вопросу о датировке древнерусской меднолитой пластики». Работа, сделанная на основе изучения нескольких тысяч памятников, еще не напечатана, но известна специалистам по докладу автора в Институте истории искусств.

реплики любого сюжета далеко не всегда были механическими копиями оригинала. Подобно тому как в области устнопоэтического творчества былина, сказ, оставаясь теми же по сюжету, в устах нового исполнителя изменялись в подробностях фабулы или в акцентировке эпизодов, так и в области лирия при повторении старых сюжетов в них вносились подчас значительные изменения. Простая и в то же время гибкая техника отливок позволяла раздроблять сложную композицию, использовать отдельные ее части или, наоборот, объединять и контаминировать отдельно созданные изображения, не говоря уже о возможности изменения обрамлений, орнаментации, надписей.

ИВ. ДУИЧЕВ

Эпизод из Киево-Печерского патерика

Среди многочисленных и интересных по своему содержанию текстов, включенных в состав Киево-Печерского патерика, находится и «Слово о святемь Григории Чудотворце».

Главные иноческие подвиги Григория заключались в борьбе против воров (татей). В патерике рассказывается: «Имеяше же сей блаженный мал оградаць, иде же зелье сеаша, и древа плодовита. И на се паку приидоша татие. И егда взяша [бремена своя], хотящеи отъити, и не възмогша. И стоаша два дъни не подвижими и угнетаеми бремены. И пача въпити: „Господине Григорие! Пусти ны! Уже покаемся грехов своих и к тому не сътворим сицевыи вещи“. Слышавше же черноризици и пришедше, яша их, и не могаше съвести их от места того. И вопросиша их: „Когда семо приидоста?“. Татие же реша: „Два дъни и две ноци стоим зде“. Мниси же реша: „Мы, всегда выходяще, не видехом вас зде“. Татие же реша: „Аще быхом видели вас, то убо молилися бы вам с слезами, дабы нас пустил. Се, уже изнемогше, начахом въпити. Ныне же молитесь старьца, да пустить нас“. Григорий же, пришед, глагола им: „Понеже праздни пребываше весь живот свой, крадушаа чюжаа труды, а сами не хотяще тружатися, ныне же стойте ту праздни прочаа лета, до кончины живота своего“. Они же с слезами моляху старьца к тому не съворити им таковаа съгрешения. Старецъ же умнился о них и рече: „То аще хочете деланте, и от труда своего инех питати, то уже пушу вы“. Татие же с клятвою реша: „Никако же преслушаемся тебе“. Григорий же рече: „Благословен бог! Отселе будете работающе на святую братию, и от своего труда на потребу их приносите“. И тако отпусти их...».¹

В опубликованном недавно обстоятельном и глубоком исследовании о задачах изучения «агиографического стиля» в литературе древней Руси советская исследовательница В. П. Адрианова-Перетц² остановилась, между прочим, и на этом месте Киево-Печерского патерика: «Правдивыми картинками монастырского быта, расцвеченными наивным „вымыслом“ чудес, интересен рассказ о Григории Чудотворце... Главное содержание рассказа составляет описание столкновений Григория с ворами, дважды пытавшимися его обокрасть».³ Здесь вкратце изложен и эпизод

¹ Патерик Киевскаго Печерскаго монастыря. СПб., 1911 (Памятники славяно-русской письменности, изданные имп. Археографическою комиссиею), стр. 97.

² В. П. Адрианова-Перетц. Задачи изучения «агиографического стиля» древней Руси. — ТОДРА, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 41—71.

³ Там же, стр. 54.

с похитителями овощей в огороде инока Григория. В другом месте своего исследования В. П. Адрианова-Перетц снова возвращается к этому эпизоду. «Любопытные аналогии, — пишет она, — дают переводные патерики к рассказу о Григории Чудотворце. Выше мы показали ... что главное содержание печерского предания составляет описание столкновений Григория с ворами, которых он то усыплял, то делал неподвижными и отпускал лишь с условием, что они станут трудиться, притом не только на себя, но и на других».⁴ В качестве параллели к этому рассказу исследовательница приводит два текста из патеричной литературы. Прежде всего она указывает на одно место «Луга духовного» греческого писателя Иоанна Мосха, жившего в VI—начале VII в.⁵

«Параллель к этим эпизодам, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — дает рассказ из Луга духовного, переданный сарацином язычником: на горе Антония он увидел инока, читавшего книгу, и задумал ограбить, „а может быть, и убить“ его. Когда сарацин приблизился к иноку, тот „простер“ руку и сказал „стой“. Двое суток стоял сарацин и взмолился: „Ради бога, которого ты чтить, отпусти меня“. Инок сказал: „Ступай с миром“. Как видим, — продолжает В. П. Адрианова-Перетц, — один и тот же мотив — вор наказан неподвижностью — разработан по-разному. В Киево-Печерском монастыре он вошел в целые бытовые рассказы из жизни монастыря, наказание ведет к раскаянию воров».⁶ Вторая параллель извлечена из сочинения еленопольского епископа Палладия (умер около 431 г.) «Лавсаик». Авва Феон подвергся нападению разбойников, надеявшихся найти у него золото. «Святой помолился, и они до утра остались недвижимы у дверей его. Утром собрался народ и хотел сжечь разбойников, но Феон попросил отпустить их невредимыми ... Отпущенные разбойники раскаялись и переменили жизнь свою».⁷ По мнению советской исследовательницы, «фантастика — одни воры уснули на пять дней, другие стояли неподвижно два дня — вплелась в бытовой рассказ о том, как монастырь привлекал к себе работников, хотя бы в прошлом они были ворами».⁸

В обоих патериковых рассказах, приведенных в качестве аналогий, как было уже показано в опубликованной много лет назад статье,⁹ содержится широко распространенный в агиографической литературе мотив. Основой для него послужил известный эпизод из Библии (III Книга Царств, XIII, 1—6), о еврейском царе Иеровоаме: «И се человек божий прииде от Иуды по словеси господню в Вефил, и Иеровоам стояше на олтари своем жрети хотя. И воззва ко олтарю словом господним и рече: „Олтарю, олтарю, сице глаголет господь: се сын раждается дому Давидову, Иосиа имя ему, и пожрет на тебе жрецы, иже на высоких жрущия на тебе, и кости человеческия сожжет на тебе. И даст в день той чудо, глаголя: Сей глагол,

⁴ Там же, стр. 66.

⁵ Текст приводится в русском переводе: Луг духовный Творение блаж. Иоанна Мосха. Перевод с греч. М. И. Хитрово. Св. Троицкая Сергиевская лавра, 1896, стр. 160—161.

⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Задачи изучения... стр. 66.

⁷ Приводится по русскому переводу: Палладия епископа Еленопольского Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. СПб., 1850, стр. 151. В. П. Адрианова-Перетц (Задачи изучения... стр. 66, прим. 40) указывает также на рассказ об отшельнике Моисее эфиоплянине и нападении на него разбойников из того же «Лавсаика» (там же, стр. 75—76).

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Задачи изучения... стр. 66.

⁹ Ив. Дуйчев. Легендарный мотив у Григория Цамблака. — Slavia, Praha, roč. XXI, 1953, seš. 2—3, стр. 345—349.

его же рече господь, глаголя: се олтарь разсядется, и излиется тук иже на нем". И бысть егда услыша царь Иеровоам словеса человека божия, воззавшаго ко олтарю, иже на Вефили, и простре царь руку свою от олтаря, глаголя: „Имите его“. И се усше рука его, юже простре на нь, и не можаше возвратити ю к себе. И олтарь разседеся, и излияся тук от олтаря, по чудеси, еже даде человек божий словом господним. И рече царь Иеровоам человеку божю: „Помолися ныне пред лицом господа бога твоего, дабы возвратилася рука моя ко мне“. И помолися человек божий пред лицом господним, и возвратися рука царя к нему, и бысть якоже прежде...». Этот мотив — преступник не может двинуться с места, у него отнимается рука, ноги и т. д., а затем молитва приносит ему исцеление — нашел самый широкий отклик в средневековой византийской и славянской литературах. Не повторяя уже сказанного, следует напомнить об известных свидетельствах. Так, в византийской «Пасхальной хронике», составленной в первой половине VII в., повторен библейский рассказ о чуде с царем Иеровоамом.¹⁰

В греческой¹¹ и латинской¹² версиях жития епископа Амвросия Миланского (около 340—397) рассказывается, что когда один из врагов известного церковника поднял руку, чтобы убить его, то рука неподвижно застыла в воздухе и только после раскаяния замышлявшего убийство обрела нормальное состояние. Ранневизантийский писатель Созомен¹³ рассказывает, что один гунн пытался убить епископа города Томи (ныне — Кюстенджа) и Малой Скифии (ныне — Добруджа) Феотима, но рука убийцы одеревянела, и он не мог бросить аркан; епископ совершил молитву, и все кончилось благополучно. В указанном уже сочинении Иоанна Мосха говорится также о том, как евреи напали на отшельника Конона, извлекли мечи свои и хотели его убить, однако руки их оставались неподвижными до тех пор, пока он не совершил молитвы и не исцелил их.¹⁴ Подобный эпизод рассказан и в «Лавсаике» епископа Палладия Еленопольского о палестинском старце Гаддане: рука напавшего отнялась, когда он извлек оружие, и меч упал на землю.¹⁵ В синаксаре царьградской церкви рассказывается, как некий сарацин попытался убить калабрийского монаха Симона, однако рука его окоченела; подобное чудо повторилось и с другим «варваром», и нападавшие обвинили отшельника в чародействе. Но он совершил молитву и исцелил покушавшихся на него.¹⁶ Палач мученика Афинодора поднял меч, чтобы нанести своей жертве последний удар, однако рука его опустилась и сам он упал на землю.¹⁷ Мощи Иоанна Полилотского проявили такую же чудотворную силу и таким способом были спасены от покушения арабов во времена императора Льва V (813—820).¹⁸ Подобные эпизоды описаны в житиях и еще некоторых святых — мученика

¹⁰ Chronicon Paschale, vol. I. Bonnae, 1832, стр. 172, 8 и сл.

¹¹ 'Α. Παπαδόπουλος - Κεραμεύς. 'Ανάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς ἀτακρολογίας, I. Σν Πετρούπολεϊ, 1891, стр. 48—50.

¹² J.-P. Migne. Patrologia graeca, t. XIV, столб. 36 BC (далее: Migne, PG).

¹³ Hermiae Sozomeni Ecclesiastica Historia. — Migne, PG, t. LXVII, столб. 1500 BC.

¹⁴ Johannes Moschus. Pratum spirituale. — Migne, PG, t. LXXXVII, 3, столб. 2861; ср. столб. 2920—2921. Ср. также: И. П. Еремин. Патерики. — В кн.: История русской литературы, т. 1. М.—Л., 1941, стр. 108.

¹⁵ Palladius. Histoire Lausiace. Vies d'ascètes et de pères du désert. Texte grec, introduction et traduction française par A. Lucot. Paris, 1912, стр. 334—335, § 50.

¹⁶ H. Delehaye. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxelles, 1902, столб. 237—238.

¹⁷ Там же, столб. 285.

¹⁸ Там же, столб. 280; ср. столб. 279—280.

Харлампия,¹⁹ мученика Акепсима,²⁰ святого Фалалея.²¹ Из агиографических памятников древней славянской литературы надо прежде всего упомянуть о подобном эпизоде в древнем церковнославянском тексте «Мучений святого Вита».²² Болгарский писатель второй половины XIV—начала XV в. Григорий Цамблак, рассказывая о времени завоевания турками Тырнова (1393 г.) и последних дней патриаршества Евфимия, включает тот же мотив.²³ Примечательно, что этот чисто агиографический мотив проникает также и в литературные произведения историографического характера. Так, виднейший византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский рассказывает, очевидно на основе какого-то жития, о случае с отшельником Яковом, который во времена императора Анастасия (491—518) жил около города Амида и чудотворным способом отвел от себя нападение группы гуннов-евталитов.²⁴

К этим византийским и славянским агиографическим текстам теперь можно прибавить еще несколько важных свидетельств, которые говорят о распространении рассматриваемого мотива. К ним относится текст «Мучений св. Вита, Модеста и Кресценции», известный в греческом оригинале²⁵ и в древнем латинском переводе:²⁶ отнялись руки палачей, а затем и рука епарха, который приказал мучать святых. Такое же чудо произошло, согласно первоевангелию от Иакова,²⁷ с неверующей Саломеей. Наконец, этот же агиографический мотив был включен и в мученичество Саввы Стратилата.²⁸

Принимая во внимание эту чрезвычайно распространенную агиографическую схему, заимствованную из III Книги Царств, необходимо сделать два вывода. Как и во всех указанных средневековых текстах, так и в печерском «Слове о чудотворце Григории», эпизод этот, очевидно, не имеет никакой исторической ценности. Он представляет собой лишь так называемое «общее место», на основе которого вряд ли можно строить заключение о быте данной эпохи. Трудно, однако, установить, заимствовал ли этот мотив Киево-Печерский патерик непосредственно из Библии или почерпнул его из какого-либо агиографического произведения.

¹⁹ Там же, стлб. 455—456.

²⁰ Там же, стлб. 463; ср. стлб. 463—464.

²¹ Там же, стлб. 697—698. Ср.: H. Delehaye. *Le leggende agiografiche con appendice di W. Mayer*. Firenze, 1906, стр. 131—132.

²² А. И. Соболевский. Мучение св. Вита в древнем церковнославянском переводе. — ИОРЯС, т. VIII, кн. 1, 1903, стр. 285; Ив. Дуйчев. *Легендарный мотив...*, стр. 349. О свидетельствах агиографического характера см. также: Труды В. Г. Васильевского, т. III. Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Пгр., 1915, стр. 65—68.

²³ E. Kałużniacki. *Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven*. Wein, 1901, стр. 54—55. О подробностях см.: Ив. Дуйчев. *Легендарный мотив...*, стр. 245 и сл.

²⁴ Procopii Caesariensis *Opera omnia*, rec. J. Haury, vol. I. Lipsiae, 1905, стр. 31—32.

²⁵ Cod. Ottobon. gr. 1, f. 283 rv.; Cod. Vatic. gr. 866, f. 357 v. Ср.: Fr. Halkin. *Bibliotheca hagiographica graeca*, II. Bruxelles, 1957, стр. 315—316, №№ 1876a, 1876b.

²⁶ O. Caietanus. *Vitae sanctorum Siculorum*, I. Panormi, 1657, стр. 91—94 («Martyrium ss. Viti, Modesti et Crescentiae ex MS graeco cod. monasteri S. Salvatoris»).

²⁷ E. Amann. *Le protévangile de Jacques et ses remaniements latins*. Paris, 1910, стр. 254—257.

²⁸ E. Follieri. *Saba Goto e Saba Stratelata*. — *Analecta Bollandiana*, vol. LXXX, 1962, стр. 271. См. также: Gy. Moravcsik. *Byzantine Christianity and the Magyars in the Period of their Migration*. — *The American Slavic and East European Review*, V (1946), стр. 44.

Древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу

Рукопись Новгородской Софийской библиотеки № 1365 (578), ныне хранящаяся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, является сборником, который состоит из двух пергаменных рукописей, соединенных в один конволют не позже второй половины XV в.¹ Первая рукопись (лл. 1—135 об.) написана в два столбца уставом исхода XIV в. и содержит один из самых древних полных списков Жития Варлаама и Иоасафа, или «Индийского патерика».² Вторая (лл. 136—255 об.) написана в сплошную строку беглым и местами небрежным уставом первой половины XV в. (скорее всего начала второй четверти) и содержит самый старый из известных списков так называемой Феодосиевской редакции Киево-Печерского патерика (лл. 136—198),³ слова и поучения разных отцов церкви, преимущественно греческих (лл. 198—231), «Повѣсть Аммона мниха о убиенных святыхъ о(те)ць въ Синаи и Раифу» (лл. 231—244) и Житие преподобного Мартиниана (лл. 244—255 об.).

Правописание сборника в целом русское, «обильное идиотизмами», особенно в патерике.⁴ В самом деле, в языке этого списка Киево-Печерского

¹ На обороте листа 140 «чернового» описания сборников Кирилло-Белозерского монастыря, которое находится в рукописи конца XV в. бывшей Кирилло-Белозерской библиотеки (№ 101/1178), есть указание на наш сборник: «(А)сафъ с киевскимъ патериком в нем приписи». См.: Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897, стр. XXIV, 6, 180, 314. О рукописи Соф. № 1365 см.: ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. XVI—XVII; И. К. Куприянов. Обзорение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки, II. Рукописи XIV—XVI вв. — ИпоРЯС, т. VI, СПб., 1857, вып. 4, стлб. 309—313; П. С. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, стр. 376; Д. И. Абрамович. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. Вып. III. Сборники. СПб., 1910, стр. 51—54; Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдовахийские, сербские. Л., 1953.

² См.: В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, вып. 1. М.—Л., 1940, стр. 52; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, стр. 63—64.

³ Этот список является вторым по древности списком патерика, самым древним списком его Феодосиевской редакции и первым по времени списком, содержащим название памятника (см. л. 136: «Начало Киевского патерика»; л. 151: «Слово отъ патерика Печерского о томъ, яко нельзя богу ругатися»). Тот факт, что самый древний список Киево-Печерского патерика (ГПБ, Q.п.1.31, 1406 г., Арсениевская редакция) не содержит этого названия, позволяет думать, что оно, возможно, возникло только в первой четверти XV в. Подробное описание лл. 138—198 списка Соф. № 1365, содержащих Феодосиевскую редакцию Киево-Печерского патерика, см.: Макарий, епископ Винницкий. Обзор редакций Киево-Печерского патерика, преимущественно древних. — ИпоРЯС, т. V, СПб., 1856, вып. 3, стлб. 137—144.

⁴ И. К. Куприянов. Обзорение пергаменных рукописей. . . , стлб. 309.

патерика нет следов второго южнославянского влияния и много восточнославянских черт (см. ниже). С этой точки зрения данный список Феодосиевской редакции Печерского патерика близок к старейшему списку Киево-Печерского патерика, 1406 г., — Арсениевской редакции (ГПБ, Q. п. I. 31), с которым его сближает целый ряд общих чтений, не находящихся в списках других редакций.

Поскольку язык списка Феодосиевской редакции старый и докассиановский,⁵ этот список, очевидно, очень важен для любой реконструкции языка Симона и Поликарпа (составителей патерика) и для установления литературной истории памятника. Например, сопоставление языка этого списка с языком списков Кассиановских редакций показывает, что значительное количество чтений, находящихся в Кассиановских редакциях, но не представленных в Арсениевской редакции, обнаруживается также и в Феодосиевской редакции и поэтому не может быть приписано руке редактора 1460 г. Естественнее отнести их к деятельности редактора, работавшего над текстом в начале XV в., точнее, между 1406 г. и началом второй четверти XV в.⁶ Язык Феодосиевской редакции представляет собой переходный этап между языком Арсениевской и первой Кассиановской редакций.

Из-за древности языка списка и его ценности для установления литературной истории памятника несомненно заслуживает опубликования его полный текст. Хотя Д. И. Абрамович и дал варианты по этому списку в своих двух изданиях Киево-Печерского патерика,⁷ эти варианты отражают лишь пропуски и наиболее существенные лексические различия. Этих различий, конечно, недостаточно для основательного лингвистического и текстологического изучения Печерского патерика. Кроме того, Д. И. Абрамович совсем не заметил, что в рукописи Соф. № 1365 помещены отрывок из Послания Симона к Поликарпу и два отрывка из Симоновых рассказов о киево-печерских монахах, причем не в обычном для них месте, а в самом конце произведения (лл. 195 об. — 198).⁸

⁵ Первая Кассиановская редакция возникла только в 1460 г.

⁶ Может быть, именно Феодосиевская редакция впервые получила название Киево-Печерского патерика (см. прим. 3).

⁷ Д. И. Абрамович. 1) Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911 (Памятники славяно-русской письменности, II, изд. Археографической комиссии), 2) Киево-Печерский патерик. Киев, 1930 (Памятки мови та письменства давньої України, т. IV).

⁸ При описании рукописи Соф. № 1365 Д. И. Абрамович не дает полного состава текстов, читаемых на лл. 136—192 и лл. 195 об.—198, а ссылается на другое свое исследование, где, однако, также не содержится описания лл. 195 об.—198. См.: Д. И. Абрамович. 1) Описание рукописей..., стр. 51; 2) Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, стр. 59—66. Видимо, в ранний период своей работы Д. И. Абрамович полагал, что текст Киево-Печерского патерика кончается на л. 192, тем более что на лл. 192—195 об. находится статья, совсем не связанная с данным памятником, а именно «Слово новосвятого мученику Михаила, князя Русскаго, и Феодора воеводы первого въ княжении его. Сложено въкратцѣ на похвалу святыма отцемъ Андреемъ». На лл. 195 об.—198, однако, находятся три отрывка из произведений Симона: 1) «Слово о конюѣ сухомъ» (из рассказа о Евстратии Постнике), лл. 195 об.—196; 2) «А се о конюѣ» (из рассказа о Никоне Черноризе), лл. 196—197; 3) «Поучение Семсона еп(и)с(ко)па к некоему червнцю печерскому» (из Послания Симона к Поликарпу), лл. 197—198. В издании 1911 г., в «Вариантах из Феодосиевской редакции Печерского патерика» Д. И. Абрамович (Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 252—271) отмечает отсутствие Послания Симона к Поликарпу, слова «О блаженном Евстратии Постнике» и слова «О Никоне Черноризе» (там же, стр. 256). В издании 1930 г. Д. И. Абрамович также не приводит вариантов из Соф. № 1365 к этим трем местам и замечает: «В редакц. Арсениевській та Теодосієвській строго-епістолярну частину твору Симона, персональні відозви до Поликарпа проминено» (см.: Д. И. Абрамович. Киево-Печерский патерик, стр. 219; см. также стр. 99—101, 106—110). Странно,

Издаваемый далее отрывок из Послания Симона к Поликарпу представляет особый интерес, как самый старший список этого памятника.⁹ Он содержит далеко не все послание, а лишь около четверти его текста, притом в сокращении. Для подведения вариантов к издаваемому ниже тексту отрывка мы пользовались следующими списками: 1) ГПБ, Соф. № 1364 (лл. 127 об.—131), XVI в., — первая Кассиановская редакция (далее: К₁);¹⁰ 2) Киево-Печерской лавры, № 157, 1553—1554 гг. (по изданию Д. И. Абрамовича: Киево-Печерский патерик, стр. 99—101), — вторая Кассиановская редакция (далее: К₂); 3) ГПБ, Q. I. 322 (лл. 152 об.—157 об.), 1529 г., — так называемая «основная» редакция (далее: О).¹¹

* * *

Как мы говорили выше, язык рассматриваемого списка Феодосиевской редакции Киево-Печерского патерика отличается многими восточнославянскими чертами. Язык нашего отрывка типичен для всего списка и

что Д. И. Абрамович не знал об этих отрывках, уже упоминавшихся до него в научной литературе, см.: ПСРА, т. I, СПб., 1846, стр. XVII; Макарий. Обзор редакций Киево-Печерского патерика..., табл. 143.

⁹ Послание к Поликарпу пропущено в Арсениевской редакции и поэтому отсутствует в списке 1406 г. (ГПБ, Q. п. 131).

¹⁰ Этот текст Киево-Печерского патерика первой Кассиановской редакции мы сравнили с текстом списка той же самой редакции, который находится в рукописи Государственного архива Ярославской области № 415 (44), и, хотя и не нашли значительных различий в этой части Послания Симона к Поликарпу, заметили, что в остальном тексте патерика в рукописи № 415 (44) находится ряд незначительных ошибок в правописании и мелких пропусков, отсутствующих в других списках первой Кассиановской редакции. Поэтому нам кажется, что В. В. Лукьянов ошибается, говоря, что рукопись № 415 (44) представляет собой список 1462 г., протограф ряда списков первой Кассиановской редакции, списанный в Москве для княгини Евпраксии «рукою многогрешных дву дячишков Григория и Ермолая» (см.: В. В. Лукьянов в. 1) Рукописные собрания Ярославского архива и Ярославского педагогического института им. К. А. Ушинского. (Краткий обзор). — ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1953, стр. 464; 2) Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков, Ярославль, 1957, стр. 5, 77—78). Более того, запись о 1462 г., по которой судил В. В. Лукьянов, часто переписывалась с текстом этой подредакции первой Кассиановской редакции (см.: Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике..., стр. 78—87); фиангрань рукописи — «большая широкая тиара с крестом» (В. В. Лукьянов. Описание коллекции рукописей..., стр. 77), — судя по Н. П. Лихачеву (Лихачев, Вод. зн., т. II, стр. 374—377), не могла быть ранее 1495 г., и скорее всего она относится к первой четверти XVI в.; почерк рукописи (полуустав, а не скоропись), судя по снимкам половины рукописи, принадлежащим Пушкинскому дому, также относится к первой половине XVI в.

¹¹ Эта редакция, которую А. А. Шахматов и Д. И. Абрамович считают и называют «основной», на самом деле вряд ли может быть датирована временем раньше последней трети XV в. Хотя она происходит от той же самой докассиановской семьи, как Арсениевская и Феодосиевская редакции, все списки «основной» редакции включают огромное количество общих чтений, заимствованных из Кассиановской редакции (см.: А. А. Шахматов. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. — ИОРЯС, т. II, СПб., 1897, кн. 3, стр. 800—801), а также небольшое количество уникальных чтений, весьма показательных для истории текста, но не находящихся во всех других редакциях (например, см. ниже: «мнишеский» вместо «чернец(ь)ски», см. текст, прим. I, 31; «велик(ь) студь» вместо «велика(ь) срамота», см. текст, прим. I, 32—33; «полуниши» вместо «можеши» в Феодосиевской редакции и «узриши» в К₁ и К₂, см. текст, прим. II, 17). Следует, кроме того, отметить, что у нас нет ни одного списка этой редакции старше начала XVI в. (противоположные нашему взгляды высказывали А. А. Шахматов и Д. И. Абрамович; см.: А. А. Шахматов. Киево-Печерский патерик..., стр. 795—844; Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике..., стр. 1—66). Вероятно, после середины XVI в. данный список «основной» редакции (ГПБ, Q. I. 322) подвергался существенному исправлению по первой Кассиановской редакции. В вариантах мы игнорировали эти исправления, появившиеся позднее.

показывает ряд чтений, отражающих восточнославянские языковые нормы: оболкъся (ср. церковнославянское (далее: *цс*) облъкъся); вѣжь (ср. *цс.* вѣждь K_1, O); досажение (ср. *цс.* досаждение K_1, O); одержит (ср. *цс.* одръжит); сквернаго (ср. *цс.* скврѣнаго); терпи (ср. *цс.* трѣпи); гороху (ср. *цс.* граху O). Такие восточнославянские формы, как «мыслью» (ср. *цс.* мыслию) и «братью» (ср. *цс.* братию K_1, K_2), могли бы отражать обрусевшее произношение Симона, давно жившего в северной Руси, но естественнее их приписать руке севернорусского писца списка Феодосиевской редакции. Среди самых типичных восточнославянизмов в нашем отрывке отмечаем «собѣ» (два раза; ср. *цс.* себѣ K_1, K_2) и «тобе» (три раза; ср. *цс.* тебе (тебѣ) K_1, K_2, O) — формы, типичные не только для всей Феодосиевской редакции, но также и для списка 1406 г. в целом. Отмечаем также восточнославянское окончание родительного падежа — «единой крупници» (ср. *цс.* единыя крупица K_1, K_2), хотя, как известно, это окончание не старое, но более позднего происхождения. Среди лексических явлений отметим замену слов «царство» и «боярин», читающихся в нашем тексте, типичными церковнославянизмами «царствие» и «болярин» в K_1, K_2 и O . О слове «бояринъ» Ф. Миклошич пишет «russis saepissime»,¹² а И. И. Срезневский отмечает: «Выговор этого слова с л есть южнославянский, употреблявшийся на Руси в списках нерусских произведений и в слоге высоком».¹³

Поскольку язык всего патерика Феодосиевской редакции обнаруживает эту восточнославянскую тенденцию и поскольку язык Арсениевской редакции в списке 1406 г. выявляет те же стилистические черты, естественно приписать эти особенности языка и стиля какому-то старшему виду Киево-Печерского патерика, тем более что Феодосиевская редакция не происходит от Арсениевской редакции, но представляет собой самостоятельную текстологическую линию.¹⁴ Немыслимо было бы приписать эту тенденцию редактору, работавшему в конце XIV в. или в самом начале XV в. (до 1406 г.). Это был бы уникальный пример, когда редактор, в кульминационный период второго южнославянского влияния систематически перерабатывал бы целое произведение (притом агиографического характера), заменяя церковнославянские формы восточнославянскими. В связи с тем что, насколько нам известно, над патериком не было никакой редакторской работы между второй половиной XIII и первой половиной XIV в., мы вынуждены полагать, что язык нашего отрывка с его восточнославянскими особенностями отражает язык, близкий к протографу Симона, писавшего в первой трети XIII в., незадолго до татарского нашествия.¹⁵

В пользу тезиса, что восточнославянский слой языка нашего отрывка (и Феодосиевской и Арсениевской редакций вообще) принадлежит к первой трети XIII в., свидетельствует общий архаический тип его языка, сохраняющего устарелые слова и обороты, которые, как восточнославянизмы,

¹² Fr. Miklosich. *Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum*. Vindobonae, 1862, стр. 40.

¹³ Срезневский. *Материалы*, т. I, столб. 160.

¹⁴ Феодосиевская редакция включает много пассажей, не встречающихся в Арсениевской редакции, которая, как известно, представляет собой значительное сокращение произведений Симона и Поликарпа, принадлежащих составу патерика. Феодосиевская редакция, как уже говорилось, происходит, очевидно, от редакции начала XV в. между 1406 и 1425 гг.

¹⁵ Вопрос, до какой степени эти восточнославянизмы являются результатом плохого владения церковнославянским языком (знание которого вообще стояло на сравнительно низком уровне уже в XIII в.) или результатом влияния устных источников, стоит вне области настоящей статьи.

почти все были устранены редакторами Кассиановских редакций 1460 и 1462 гг. Правписание многих слов типично для периода после падения ѣ и њ, но не отражает еще процесса восстановления их на письме во время второго южнославянского влияния, например: сѣри (ср. ус. съѣри К₁, К₂, О); зѣора (ср. ус. съѣора К₁, К₂, О); взѣиѣмъ (ср. ус. возѣиѣмъ К₁, К₂, О); поѣцѣиѣ (ср. ус. поѣцѣиѣ К₁, К₂, О), и т. д. Среди обычных архаизмов отмечаем: ны (ср. нас К₁, К₂; см. текст, прим. I, 38); ти (ср. тии К₁, К₂; овии О; см. текст, прим. I, 42); формы без вторичных окончаний в именительном падеже типичны для языка списка 1406 г., но они почти все заменены младшими формами редакторами 1460 и 1462 гг.); быхъ (ср. бы К₂; см. текст, прим. I, 82); взненавидѣ (аорист заменен перфектом К₁, О; см. текст, прим. I, 24). Старый постпозитивный предлог «дѣля» заменен в К₁, К₂, О предлогом «ради» (см. текст, прим. I, 35—36), который уже в XV в. стал церковнославянским штампом. Интересно заметить, что предлогу «дѣля», особенно характерному для языка списка 1406 г., систематически соответствует предлог «ради» на протяжении всего текста патерика 1460 и 1462 гг., с редкими исключениями. Глагол «варити» в значении «предварять», как в нашем отрывке (см. текст, прим. I, 39), считался, кажется, архаическим в XV в., и в Кассиановских редакциях мы находим вместо него «предваряти». И. И. Срезневский приводит примеры «варити» в этом значении только из трех русских произведений XI и XII вв.: из Сказания о Борисе и Глебе, Повести временных лет (988, 1096) и одного из Слов Кирилла Туровского.¹⁶ Старое наречие с окончанием на ѣ — «утрѣ» со значением «завтра» (ср. утро К₁, К₂, О; см. текст, прим. I, 89) сохраняется один раз в нашем отрывке. «Мотыла» в старой форме женского рода представлена в отрывке два раза, и в обоих случаях в К₂ мы находим форму слова среднего рода множественного числа — «мотыло» и в О форму среднего рода единственного числа — «мотыло» (см. текст, прим. I, 94, II, 2). Судя по словарю Садника и Айцетмюллера,¹⁷ это слово в форме среднего рода не представлено старославянскими источниками; характерно, что в Лексиконе словенороссийском Памвы Берынды (Киев, 1627) мы найдем только форму среднего рода во множественном числе (как она представлена в К₂), что также свидетельствует о ее вторичности. Возможно, что редакторы 1460 и 1462 гг. даже не поняли форму местного падежа без предлога «нощи» (см. текст, прим. II, 15), потому что они заменили его словами «нишь и», хотя из контекста («нощи беспа пребывая») ясно, что наш отрывок сохраняет первоначальное чтение. В нашем отрывке читаем «стваряеться», а в К₁, К₂, О читается форма несовершенного вида вторичного происхождения с корнем «твор» — «сѣтворяеться» (см. текст, прим. I, 75).¹⁸

¹⁶ Срезневский. Материалы, т. I, столб. 228.

¹⁷ L. Sadnik und R. Aitzelmüller. Handwörterbuch zu den Altkirchenslavischen Texten. S.-Gravenhage, Mouton and Co, 1955 (Slavistic, Printings and Reprintings, VI).

¹⁸ «Избавя» (см. текст, прим. I, 14) является любопытным примером глагола третьего лица множественного числа без обычного окончания -тъ. Так как такие формы без окончания, насколько мы заметили, не находятся в списке 1406 г., эта форма вероятнее всего представляет здесь не архаизм, принадлежащий древнейшему слою языка патерика, но скорее диалектизм более позднего времени. Во всяком случае она, видимо, находилась в редакции первой четверти XV в.: редакторы К₁, К₂ и О (которые использовали не Арсениевскую или Фсодосиевскую редакции патерика, а список полного патерика, без сокращений этих двух редакций), кажется, встретили именно эту форму. Киевские редакторы списков К₁, К₂ «поправили» ее на «избавить», по требованиям грамматики, а редактор списка О замесил ее на «избавить», очевидно считая «избавя» формой третьего лица единственного числа. В самом деле, такие формы без окончания существуют и в настоящее время в известных юго-восточных великорусских

Как мы видели, язык Киево-Печерского патерика, представленного нашим отрывком (так же как и язык целого списка и списка 1406 г.), уже во второй половине XV в. считался очень устарелым, слишком простым и в конце концов не соответствующим стилю агиографического памятника. В 1460 и 1462 гг. этот язык подвергся существенному «исправлению», с устранением восточнославянизмов и модернизацией архаизмов, а также со стилистическими заменами, вызванными требованиями «украшенного» высокого слога. Как примеры последнего см.: «о убогий иноче» в K_2 вместо «человече», см. текст, прим. I, 8; добавление слов «господа ради» в K_2 , см. текст, прим. I, 10; «твориши» в K_1 , K_2 , O вместо «дѣлаеши», см. текст, прим. I, 12; «причастился» в K_1 , K_2 вместо «присягль», см. текст, прим. I, 82—83; «укруха хлѣба и сочиву» в K_1 , K_2 вместо «четвертии гороху» (редактор или писец O , тоже «шокированный», заменил «гороху» на «граху»), см. текст, прим. I, 84—85; «досаждение» в K_1 , K_2 вместо «досады», см. текст, прим. II, 16; «узриши» в K_1 , K_2 вместо «можеши», см. текст, прим. II, 17.

Язык этого отрывка интересен не только потому, что он докассиановский, но и в связи с тем, что он сохраняет в известной мере старый вид, давая нам известное представление о языке памятника агиографического характера XIII в. Поскольку язык отрывка типичен для целого списка, важность этого списка, особенно мест, не представленных списком Арсениевской редакции 1406 г.,¹⁹ для изучения литературного языка патерика и языка позднего киевского периода вообще очевидна.

ТЕКСТ

а. 197 ^{а.1.1} Поучение Семеона еп(и)с(ко)па к некоему чернѣцю печерскому²

Брате⁶! сѣдя³ въ безмолвии, сбири⁴ си⁵ умъ⁶ и рци к собѣ:⁷ «Ч(е)-л(о)в(ѣ)ч(е) нѣси ли миръ⁹ оставилъ и по плоти родителъ?»¹⁰ Аще же¹¹ сдѣ⁸ пришедь на сп(а)с(е)ние а не д(у)х(о)вная дѣлаеши,¹² что рад(и) в чернечское имя обоклься еси?». А¹³ не избавя¹⁴ тебе¹⁵ муки черныя ризы. Се же вѣжь,¹⁶ яко бл(а)жимъ еси сдѣ¹⁷ отъ бояръ и отъ князь¹⁸ и отъ всѣхъ¹⁹ другъ твоихъ,²⁰ гл(аголю)ть бо: «Бл(а)ж(е)нъ естъ яко взненавидѣ²¹ миръ²² и славу²³ его,²⁴ уже²⁵ не пекиися²⁶ ничимже²⁷ зем-

говорах (ср. пословицу, записанную в Пономаревском районе Оренбургской области в 1946 г.: *jes't' d'ajá, a sámi n'a jémšy l'ajá*). Возможно, что дальнейшее исследование диалектизмов языка Феодосиевской редакции, следы которых отражаются в поздних редакциях, обнаружило бы место возникновения редакции первой четверти XV в.

¹⁹ Жаль, что составители Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. не включили этот список Феодосиевской редакции Киево-Печерского патерика в источники словаря наряду с находящимся в нем списком 1406 г. Стоило бы включить его, так же как они включили Ипатьевскую астопись, как известно, тоже датированную около 1425 г. (см.: Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи. М., 1966, стр. 15—16, 132—133, 156—157).

^{а-6} *Заглавие и буква б в слове брате написаны киноварью.* ^в *Над строкой подчерком, современным ркл., л есть.*

I, 1-2 Послание смиренного епископа Симона Владимирскаго и Суждальскаго к Поликарпу черноризцу печерскому K_1 , K_2 ; Поучение иноком святыхъ отецъ Антониа и Феодосиа O . ³ сѣд K_1 , K_2 , O . ⁴ сьбири K_1 , K_2 ; сьбѣри O . ⁵ Нет K_1 , O . ⁶ Доб. свои K_1 , K_2 , O . ⁷ себѣ K_1 , K_2 . ⁸ O убогыи иноче K_2 . ⁹ мира K_1 , K_2 , O . ¹⁰ Доб. господа ради K_2 . ¹¹ Доб. и K_1 , K_2 , O . ¹² твориши и K_1 , K_2 , O . ¹³ и K_1 , K_2 . ¹⁴ избавять K_1 , K_2 ; избавить O . ¹⁵ тебе K_1 , K_2 ; тебѣ O . ¹⁶ вѣждь K_1 ; вѣждь O . ¹⁷⁻¹⁸ отъ князь и отъ бояръ K_1 , K_2 , O . ¹⁹⁻²⁰ друговъ своихъ K_2 . ²¹ возненавидѣлъ естъ K_1 ; возненаведель естъ O . ²² мира K_1 , K_2 , O ; доб. сего K_2 . ²³ славы K_1 , K_2 , O . ²⁴ сея K_2 . ²⁵ Доб. и K_1 ; доб. и к тому K_2 . ²⁶ печеться K_1 , K_2 , O . ²⁷ Нет K_1 , K_2 .

ным,²⁸ но²⁹ н(е)б(е)сныхъ желая». ³⁰ Ты же не чернечски ³¹ живеши. ³² Велика срамота ³³ одержит ³⁴ мя ³⁵ тебе деля. ³⁶ || Аще же бл(а)жа- л. 197 об. ³⁷ щей ³⁸ ны ³⁹ варят ⁴⁰ ны въ ц(а)рство н(е)б(е)сное ⁴¹ и ти ⁴² в покои обрѣщаша, мы же горко мучими взопиемъ: ⁴³ «Кто помилуетъ тя самому себе ⁴⁴ погубившо? ⁴⁵ Ухъ, ухъ моего жития сквернаго». ⁴⁶ Въспрани, брате, и пощися ⁴⁷ мыслью ⁴⁸ о сп(а)с(е)нии д(у)ша своя, ⁴⁹ работаи г(о)с(по)деви со страхом и со всякою смиреною мудростию, ⁵⁰ не ⁵¹ дн(е)сь кро- токъ, а ⁵² утро яръ и золь в малъ молчанин, ⁵³ и паки роптание на своего ⁵⁴ игумена и на того служебники. ⁵⁵ Не буди лживъ виною телес- ною. ⁵⁶ Не лишаися збора ц(е)рк(о)внаго: ⁵⁷ яко же бо дождь растить сѣмена, ⁵⁸ тако и ц(е)рк(в)и влечеть д(у)шу на добродѣтели. ⁵⁹ Все бо елико твориши в келии ⁶⁰ ни во что же ⁶¹ суть. Аще пс(а)лт(ы)рь чтеши или оба на 10 пс(а)лма ⁶² поеши, ⁶³ ни единому «г(о)с(под)и помилуй» упо- добиться. ⁶⁴ «Идеже бо», реч(е), «2 или 3-е собрани во имя мое, ту есмь посреде ⁶⁵ ихъ». ⁶⁶ Реч(е) г(о)с(под)ь ⁶⁷ то: ⁶⁸ аще ⁶⁹ толикъ сборъ ⁷⁰ 100 или боле ⁷¹ сбереться, ⁷² въруи, яко ту есть Х(ри)с(тос)ъ. ⁷³ Отъ ⁷⁴ того ⁷⁵ бо ц(е)рк(о)внаго ⁷⁶ б(о)ж(е)ств(е)наго огня тѣхъ обѣдъ ства- ряется, ⁷⁷ его же азъ желаю единой ⁷⁸ крупичи ⁷⁹ паче всего сушаго ⁸⁰ у мене. ⁸¹ Свидѣтель ⁸² ми есть ⁸³ г(о)с(под)ь, яко ничему же быхъ ⁸⁴ при- сягъ ко иному ⁸⁵ брашну развѣ ⁸⁶ четверти гороху ⁸⁷ устроенаго на с(вя)- тую ⁸⁸ братью. ⁸⁹ Ты же, брате, не ⁹⁰ дн(е)сь похваление ⁹¹ лежащих на трапезѣ и утрѣ ⁹² на варящаго ⁹³ брата ропщеша, ⁹⁴ симъ старшинѣ ⁹⁵ пакость творя, ⁹⁶ и обрѣщешися мотылу ⁹⁷ яды, ⁹⁸ но ⁹⁹ егда яси или пиеша, хвали ¹⁰⁰ б(о)га, ибо ¹⁰¹ видѣ ¹⁰² старецъ ¹⁰³ хулящих ¹⁰⁴ II, ¹⁰⁵ мотылу ¹⁰⁶ я||душа, ¹⁰⁷ л. 198

[†] В ркп. блж под титлом и добавлена буква щ другой рукой. [‡] В ркп. слу- жебники испр. на службу. [§] В ркп. пси и с над строкой под титлом. ^{*} В ркп. не исправлено на ныѣ.

²⁸ земными К₁, К₂. ²⁹ Нет О. ³⁰ желаетъ К₁, К₂. ³¹ чернечскими К₂; мни- шескими О. ³²⁻³³ Великъ студъ О. ³⁴ обдержитъ К₁, К₂; обдржить О. ³⁵⁻³⁶ тебе ради К₁, К₂; тебѣ ради О. ³⁷ Испр. по К₁, К₂, О. ³⁸ нас К₁, К₂. ³⁹ предваряют К₁, К₂; варяют О. ⁴⁰⁻⁴¹ царствии небеснѣм К₁, К₂. ⁴² тии К₁, К₂; себе К₁, К₂; себѣ О. ⁴³⁻⁴⁶ Нет К₁, К₂, овии О. ⁴⁷ возопиетъ К₁, К₂, О. ⁴⁸ мыслено К₁, К₂, О. ⁴⁹ О своем души К₁, К₂, О. ⁵⁰ Доб. да К₁, К₂, О. ⁵¹ Нет К₂. ⁵² и К₁, К₂. ⁵³ молчание К₁, К₂, О. ⁵⁴ Нет К₁, К₂. ⁵⁵ службу О. ⁵⁶⁻⁵⁷ събора церковнаго не отлучаися К₁, К₂, О. ⁵⁸ сѣмя К₁, К₂; семья О. ⁵⁹ добрыя дѣтели К₁, К₂, О. ⁶⁰⁻⁶¹ нич- тоже К₂. ⁶² Доб. то К₁, К₂. ⁶³ Доб. съборному и отрывок со слов О семь, брате, до слов наречеться (см.: Д. И. Абрамович. Кievo-Псчерский патерик, стр. 99, строки 18—25) К₁, К₂, О. ⁶⁴⁻⁶⁵ посреди К₁; посрѣди К₂; посредь О. ⁶⁶ Нет К₁, К₂. ⁶⁷ Доб. ли К₁, К₂. ⁶⁸ съборъ К₁, К₂, О. ⁶⁹⁻⁷⁰ боле ста братии К₁, К₂; болъ 100 О. ⁷¹ Бог наш К₁, К₂, О; доб. и К₁, К₂. ⁷² Нет К₂. ⁷³⁻⁷⁴ Нет К₁, К₂, О. ⁷⁵ сътворяется К₁, К₂; сотворяется О. ⁷⁶ единая К₁, К₂; единая О. ⁷⁷ крупича К₁, К₂. ⁷⁸⁻⁷⁹ иже предо мною обѣда К₁, К₂; иже предо мною О. ⁸⁰ свѣдѣтель К₁; свидѣтель К₂. ⁸¹ Доб. о том К₁, К₂. ⁸² бы К₂. ⁸³⁻⁸⁴ причастился иному К₁, К₂. ⁸⁵ развѣ К₁; развѣ О. ⁸⁴⁻⁸⁵ укруха хлѣба и сочиву К₁, К₂. ⁸⁶ граху О. ⁸⁷ Доб. ту К₁, К₂. ⁸⁸ братью К₁, К₂. ⁸⁹ похваляя К₁; похваляя О. ⁹⁰ Доб. и на служащаго К₁, К₂, О. ⁹¹ Доб. и К₁, К₂, О. ⁹² стареишинѣ К₁; старѣишинѣ К₂; стареишине О. ⁹³ твориши К₁, К₂. ⁹⁴ мотыла К₂; мотыло О. ⁹⁵ Доб. яко же в патерицѣ писано К₁, О; доб. яко же в отечницѣ писано К₂. ⁹⁶⁻¹⁰¹ Егда бо видѣ онъ старецъ хулящих брашно мотыла ядуших, а хвалящих мед ядуши, яко же бо провидѣ тѣжде старецъ различнаа брашном. Ты же, егда яси или пиеша, благохвали бога, ибо изчезновения собѣ творить хуляи, по апостолу: «аще убо ясте или пиете, все въ славу божию творите» К₂. ⁹⁶ Нет К₁, О. ⁹⁷ благохвали К₁; благопохвали О. ⁹⁸ егда бо К₁. ⁹⁹ Доб. онъ К₁. ¹⁰⁰ старѣчь О.

II, ¹ Доб. брашна К₁. ² мотыло О. ³ ядуше К₁; ядуши О.

а хвалящихъ медь.⁴ И не хули келаря: не ропщиа бо ищезновение бѣсомъ творить.⁵ Терпи же, брате,⁶ досаждение:⁷ претерпѣвыи бо до конца⁸ сп(а)с(е)тсья.⁹ Прашаю¹⁰ тебе,¹¹ чимъ хощещи сп(а)стися? Аще¹² постникъ еси и¹³ трезвитель о всемъ,¹⁴ нощи¹⁵ бе-сна пребывая, а до-сады¹⁶ не терпя, не можещи¹⁷ сп(а)стися.^{3, 18}

(ГПБ, Соф. № 1365, лл. 197—198)

³ В ркп. последние три четверти текста послания отсутствуют (см.: Д. И. Абрамович. Кievo-Печерский патерик, стр. 101, строка 15 — стр. 103).

⁴⁻⁵ ядуша, яко же бо провидѣтъ же старецъ различна брашномъ ибо ищезновение себѣ творить хуляи и не хули келаря: «аще убо ясте или пнете, все въ славу божию творите» К₁; ядуша яко же видѣтъ тѣ старецъ различна брашномъ, а не хули келаря ибо ищезновение себѣ творить: «аще бо ясте или пнете, все въ славу божию творите» О.
⁶ Доб. и К₁, К₂, О. ⁷ досаждение К₁, О. ⁸ Доб. тѣн К₂. ⁹ Доб. текст от слов таковой бо до слов душу свою (см.: Д. И. Абрамович. Кievo-Печерский патерик, стр. 100, строка 9—стр. 101, строка 13) К₁, К₂, О. ¹⁰ въпрашаю же К₁, К₂; вопрошаю О. ¹¹ тя К₁, К₂; тебе О. ¹² Доб. и К₁, К₂. ¹³ или К₁, К₂, О. ¹⁴ Доб. и К₁, К₂, О. ¹⁵ нищѣ и К₁, К₂, О. ¹⁶ досаждения К₁; досаждения К₂. ¹⁷ узриши К₁, К₂; получиши О. ¹⁸ спасенна К₁, К₂; спасения О.

А. Н. ЕГУНОВ

Erotici scriptores в древнерусской «Пчеле»

Среди внешних, т. е. еллинских, еще языческих, философов встречается в «Пчеле» имя Левкиппий,¹ которое наш современный читатель склонен будет отнести к атомисту Левкиппу, тем более что сподвижник Левкиппа Демокрит не раз цитируется «Пчелой». Имя другого философа — Хариклий — приводится там грамматически сбивчиво, иногда словно в родительном падеже.² Стоит, однако, заглянуть в греческий текст, как становится ясно, что это имена женские — Левкиппа и Хариклея.³ Переводчик «Пчелы» переделал их, очевидно смущенный тем, что в числе мудрецов могли оказаться женщины.

На самом же деле то были своеобразные ссылки на позднеантичные авантюрно-любовные романы: их названия — «Ахилла Татия александрийского повестей о Левкиппе и Клитофонте восемь книг» или «Гелиодора эфиопийских повестей десять книг» — слишком длинные, и у византийцев вошло в обыкновение при ссылках ограничиваться именем героини романа.⁴

Для доказательства, что изречения, атрибутированные в «Пчеле» Левкиппию и Хариклию, действительно взяты из Ахилла Татия и Гелиодора, требуется найти эти сентенции в тексте их романов. Расположив цитаты по ходу действия романа, мы возвращаем каждую сентенцию в ее кон-

¹ Левкиппий (стр. 254), Леукиппий (стр. 296), Львккй (стр. 335), Левкый (стр. 347), Левкиппидй (стр. 376), Львккпий (стр. 417). Здесь и далее в скобках указаны страницы по изданию: Виктор Семенов. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893 (Сб. ОРЯС, т. LIV, № 4). Переписчик «Пчелы», видимо, отождествлял Левкиппия с мучеником Левкием: 17 августа был день мучеников Фирса, Левкия, Короната и дружины их (см.: Полный месяцеслов Востока, т. II, М., 1876).

² Хариклий рече (стр. 39), Хариклия (стр. 85), Хариклий (стр. 153), Хариклий (стр. 253), Хариклий рече (стр. 283), Хориклия (sic! стр. 371), Харикл (стр. 357, не дописано).

³ Между тем сам издатель «Пчелы», В. Семенов, несмотря на сводный греческий текст, который он дает en regard с русским, пишет в своем введении (стр. IV): «на л. 93 об. против слов Левкиппия (sic!)...». В латинском переводе сборника Максима Исповедника (J.-P. Migne. Patrologia graeca, t. XCI, Paris, 1860) наряду с генитивом «Charicleae» встречается также и генитив «Chariclei» (passim).

⁴ См. у Антония, составителя Мелиссы (J.-P. Migne. Patrologia graeca, t. CXXXVI, столб. 1200), у Филиппа Философа в «Толковании Эфиопики» (Heliiodori Aethiopica, rec. A. Colonna. Romae, 1938, стр. 365, 370, 372), у Иоанна Фоки (J.-P. Migne. Patrologia graeca, t. CXXXIII, столб. 932), у Фомы Магистра (Thomae Magistri sive Theoduli monachi ecloga vocum Atticarum ex rec. Frid. Ritschellii. Halis, 1832, стр. 35).

текст и, чтобы не выписывать по-гречески (гаеса non leguntur), даем ее в нашем переводе,⁵ а рядом — в том виде, какой она имеет в «Пчеле».⁶

В начале романа Ахилла Татия герой его, Клитофонт, видит нескромный и зловеющий сон:

Любит же божество (τὸ θεῖον) часто возвещать людям их будущее, не для того чтобы они убереглись от страданий — ведь не могут они одолеть судьбу (ἐπιαρμένῃ), но чтобы легче переносили страдания (I, 3).

Обычай есть богомъ многажды ночными сныи проявляти челоуѣкомъ яже хотять быти, да не ублюдуться страсти, суда бо не можеть никтоже утечи, но лъжае сътерпять напасти (стр. 376).

Эта сентенция дается под конец раздела «О сне», начинающегося в качестве евангельского текста словами жены Пилата: «не имей дела с тем праведником, ведь я много пострадала сегодня во сне из-за него» (Евангелие от Матфея, XXVII, 19). Содержание ее сновидения не сообщается, но, поскольку она римлянка, ее представления о роковом могли не выходить из круга понятий греческого романиста, и, таким образом, весь раздел «Пчелы», заключенный между этими двумя цитатами, приобретает еллинский оттенок.

Чуть только Клитофонт увидел Левкиппу, так тотчас же и погиб:

Красота ведь ранит острее стрелы и через глаза проникает в душу (I, 4).

Личная красота острѣ стрѣлы уязвляеть и очима къ сердцю и души въсходить (стр. 296).

Левкиппа и Клитофонт попадают в плен к разбойникам. Он горюет, но не в состоянии плакать:

Ведь такова особенность очей в великой беде, при умеренных же несчастьях обильно текут слезы (III, 11).

Се бо есть очима изряденъ даръ еже при велицей бѣдѣ не выпустити слезы, а при смѣренѣ напасти безъ зависти прослезити (стр. 253).⁷

Эта сентенция, свидетельствующая о наблюдательности романиста, крайне формально соотнесена с текстом «блаженны плачущие», где речь идет, конечно, не о физиологическом явлении слез.

Мелитта, добиваясь любви Клитофонта, возлагает свои надежды на приворотное зелье:

Ведь все приятное, даже когда оно еще и не наступило, тешит надеждами (V, 22).

Сладкая, аще и не предъ очима суть, но обаче веселять упованиемъ (стр. 417).

Чтобы отвести подозрения своего мужа Ферсандра, Мелитта прибегает ко лжи, но он ей не верит:

Ведь ревность, раз уж запала в душу, с трудом изгоняется (VI, 11).

Зависть одиною вълъзъше въ душу едва можеть вълъсти (стр. 335).

Слуга Ферсандра советует Левкиппе уступить домогательствам влюбившегося в нее Ферсандра:

Доброта, встречая благорасположение, еще более увеличивается, а если ею помыкают, гневом раздражается (VI, 13).

Благость улучающа благодать больма ростеть, поношена же бывше възвратиться (стр. 374).

⁵ Перевод сделан по изданию: *Erotici scriptores, rec. Hirschig, Paris, 1856* (римская цифра означает книгу романа, арабская — главу). Цитаты, приводимые в византийских сборниках, иногда имеют незначительные разночтения сравнительно с указанным печатным текстом романов.

⁶ В скобках указаны страницы «Пчелы» по изданию В. Семенова.

⁷ На стр. 253—254 «Пчелы» эта цитата ошибочно атрибутирована Хариклию, а следующая за ней, взятая из романа Геллиодора (II, 6), ошибочно приписана Левкиппию. У Максима Исповедника атрибуция правильна.

Ферсандр, обвиняя на суде Левкиппу и Клитопонта, говорит:

Спеша к тому, о чем еще не было сказано, моя речь нарушает цельность уже сказанного (VIII, 8).

Тщание словесное, аще и не скончается, но обаче силу показати разумному (стр. 153).⁸

Переводчик «Пчелы», не зная контекста романа, не понял этой фразы и взял глагол *παραιρείται* в другом его значении: не «уничтожить», а «завладевать» («силу показывает»).

Всего приведено в «Пчеле» семь цитат из романа Ахилла Татия, причем две из них ошибочно атрибутированы Хариклию.

Из Гелиодора в «Пчеле» имеется пять сентенций⁹ (одна из них ошибочно приписана Левкиппию).

Предводитель разбойников сажает своих пленников — Феагена и Хариклею — на коней, а сам идет пешком:

Ведь благородная внешность и зрелище красоты способны подчинить даже разбойничий нрав и победить самых грубых людей (I, 4).

Благородства явление и личная красота может покрыти разбойничьский образ и нравы и над жестьтокими владѣти (стр. 371—372).

Хариклея объясняет Феагену, что она лишь притворно дала согласие на брак с предводителем разбойников:

Ведь прекрасна иногда и ложь, когда она полезна высказывающим ее и ничуть не вредит слушающим (I, 26).

Добро иногда лжа, егда ползуешь глаголющи, а душѣ не пакостить (стр. 283).

В «Толковании» романа Гелиодора Филипп Философ оправдывает эту шекотливую мысль: «как к лекарству — можно прибегать и к обману», ведь героиня романа спасает этим и себя и Феагена.

Хариклея, разлученная с Феагеном, и Феаген, считавший ее убитой, неожиданно встретив друг друга, падают в обморок:

Ведь избыток радости часто переходит в страдание, а чрезмерное наслаждение породило связанную с ним скорбь (II, 6).

Многажды радость велика въ печаль предлагается, и сладость безмѣрная лицемѣрную печаль породи (стр. 234).¹⁰

Жрец Каласирид говорит по поводу любовных переживаний Хариклеи:

Когда влюбленные видят друг друга, это становится напоминанием об охватившей их страсти, и такое зрелище распаляет помышления, становясь как бы топливом для огня (IV, 4).

Видѣння похотная въспоминанья страждущему бывають и ражигаютъ ума лѣпту, яко трость огонь (стр. 39).¹¹

Хариклея совстует Феагену во избежание преследований прикинуться нищим:

Ведь на чужой стороне незнакомцам редко что продают, зато милостивей жалостливые люди щедро одевают (VI, 10).

По чужимъ землямъ купленное поскуду есть невѣдущимъ, а просимое дасться милующимъ (стр. 85).

⁸ В «Пчеле» эта сентенция ошибочно атрибутирована Хариклию.

⁹ Цитату с неполным надписанием «Харикл.» (стр. 357) мы не берем в счет, так как она не обнаружена в тексте Гелиодора.

¹⁰ В «Пчеле» эта сентенция ошибочно атрибутирована Левкиппию.

¹¹ Болгарская «Пчела» дает эту сентенцию в другом переводе, с правильной формой женского имени в родительном падеже: «Хариклеи. Ибо рачительныхъ възрѣнїе въспомѣновенїе страждущему бываетъ, и въздизаетъ съмысль видѣнїе, якоже вещь огнемъ бывши погорѣнїе бо похоти, слово рачительно» (см.: М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904, Приложение, стр. 129).

Исторгнутые из своего контекста и вставленные в ряд выдержек морализирующего характера, возглавляемых текстом из священного писания, сентенции позднеантичных любовных романов служили назидательным целям византийских мелисс. Этому способствовало и аллегорическое истолкование романов: в понимании Филиппа Философа Хариклея из влюбленной девушки обращается в символ души и разума. Такого рода цитация была у византийцев явлением того же порядка, что и простодушный перенос мотивов и сюжетных ходов из повестей о любовных страстотерпцах в благочестивые жития святых.¹² Древнерусский читатель «Пчелы», переведенной не позже 1220-х годов, усваивал, сам того не ведая, несколько афоризмов из романов, которые полностью появились на русском языке лишь лет пятьсот-семьсот спустя: роман Гелиодора в 1769—1779 г., а Ахилла Татия в 1925 г.

---

¹² См. новейшие статьи: В. П. Адрианова-Перетц. Из истории переводной литературы Киевской Руси. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967; Е. Рабинович. Связь византийской агиографии с античной беллетристикой. — В кн.: Тартуский государственный университет. Материалы XXII научной студенческой конференции. Тарту, 1967, стр. 14—21.

Ю. К. БЕГУНОВ

Кирилло-белозерские отрывки Жития Александра Невского

В одном из сборников ГПБ, из собрания Кирилло-Белозерского монастыря, № 109/366, конца XVI в.,¹ форматом в 4-ку, Д. Н. Альшицем были найдены отрывки другой рукописи — второй половины XVII в., форматом в 8-ку, с фрагментами текста, озаглавленного «Житие святого благовернаго князя Александра Ярославича, внука Всеволожа, о возрасте его и о мужествѣ и о велицей его побѣде».² Обрывки листков имеют следы сгиба и, вероятно, применялись в качестве закладок кирилловского сборника в XVIII и XIX вв. Читающийся в отрывках текст представляет собой неизвестную редакцию Жития Александра Невского. К сожалению, весь текст не сохранился: имеются лишь первый лист, верхняя половина второго и нижняя половина третьего; последний, четвертый, лист с текстом Жития утрачен. Однако и по сохранившимся отрывкам можно судить о том, что составитель этой редакции хорошо знал тексты первой редакции и второго вида второй редакции Жития Александра Невского (в Софийской 1-й летописи). Из последнего он заимствовал только сравнение Александра Невского с Александром Македонским. В основном составитель новой редакции следует за текстом первого вида первой редакции Жития Александра Невского, значительно его сокращая и перерабатывая. Так, были опущены предисловие «о господѣ нашем», рассказы о посольстве Андрияше, о приходе свейского короля, о видении Пелгусия, о Невском сражении, об освобождении Пскова от немцев, о Ледовом побоище, о распространении славы Александра, о его походе против Литвы, о походе князя Дмитрия Александровича на Юрьев. Составителя новой редакции не интересовало подробное изложение событий; из всего обильного материала Жития первой редакции он сохраняет (в переработанном виде) введение и характеристику князя Александра, рассказы о походе на Немецкую землю, о поездке в Орду, о Неврюеве пленении, о папских послахах, о последней поездке в Орду и, вероятно, о болезни и смерти князя Александра.

В новой редакции характеристика внешних достоинств князя Александра сравнительно с первой редакцией³ дана пространнее; голос князя

¹ Филигранны: гербовый щит, увенчанный розеткой; в щите три геральдические лилии и книга — герб Парижского университета; под щитом на ленте имя фабриканта «S. Nievelle» (ср.: Лихачев. *Вод. зн.*, № 4095, 1581 г.).

² Благодарю главного библиотекаря Государственной Публичной библиотеки Д. Н. Альшица, указавшего мне эту рукопись. Сборник содержит Псалтырь, Часослов и Канонник.

³ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, стр. 158—180.

Александра сравнивается не с трубой, а с органом,⁴ его храбрость — с храбростью не Веспасиана, а Александра Македонского; родители князя Александра наделены эпитетами «благочестивая», «благоверный», «смиранный»; имя матери князя Александра — Феодосия искажено на Феодотия.

После небольшого введения, заимствованного из первой редакции Жития, автор переходит к рассказу о достоинствах князя Александра как воина: «Нача же благоверный и великий князь Александръ собирати воинство свое», заимствуя отдельные фразы то из рассказа первой редакции Жития о походе князя Дмитрия Александровича на Юрьев в 1262 г. («шесть князь Александръ и взя градъ той», «прииде восвояси», «с великою победою»), то из рассказа о встрече князя Александра псковичами в 1242 г. после Ледового побоища («и срѣтоша его граждана с великою радостию»), то из рассказа об осаде Веспасианом Итататы и его подвиге перед воротами города («и побеждени быша полки его. И остана единъ...», «и возвратиса к сидѣ своей» и т. д.). В результате возникает новый рассказ, не встречающийся больше ни в одной из редакций Жития Александра Невского: князь Александр пленил землю Немецкую, потом пошел в поход на другие города и потерпел неудачу, его полки отошли, а он остался один, снова собрал вокруг себя войска, вторично штурмовал город и взял его, затем вернулся восвояси, и горожане его встречали с великою радостю. Распространение повествования имеется и в рассказе о первой поездке князя Александра в Орду: царь Батый отпускает его «з дары великими и с любовию и з братомъ своимъ со княземъ Андрѣемъ во свою ихъ землю». Источником этого добавления могло быть летописное известие, в котором рассказывается о том, что в 1251 г. князь Александр был у Батыя не один, а вместе со своим братом Андреем.⁵ Окончания новой редакции Жития, к сожалению, не сохранилось; поэтому мы не знаем, находился ли в ней подробный рассказ о погребении князя Александра и посмертном «чуде» с духовной грамотой. Судя по сохранившемуся тексту, составителя новой редакции очень мало интересовали данные биографии князя Александра. На первом плане — впечатление от деятельности князя Александра как замечательного полководца и защитника Русской земли от немецкого вторжения, притязаний папы, домогательства татар.

Новая редакция по своему светскому характеру и по способу составления похожа на третью, новгородскую редакцию Жития Александра Невского середины XV в. В нашем распоряжении не имеется достаточно данных о месте и времени составления новой редакции Жития Александра Невского. Во всяком случае она была написана не позднее второй половины XVII в. Если допустить, что время создания этой редакции — XVII век, то тогда надо признать, что в лице новонайденного текста мы имеем интересный случай «светской» переработки текста первой редакции Жития Александра Невского в то время, когда господствующими произведениями об Александре Невском являются подробные «церковные» жития

⁴ Слово «арган» было, несомненно, известно еще в Киевской Руси. Древнее изображение пневматического органа, играющего в сопровождении духовых и струнных инструментов, имеется в левой части фрески «Скоморохи» в Киевской Софии (см.: С. А. Высоккий, И. Ф. Тоцкая. Новое о фреске «Скоморохи» в Софии Киевской. — В кн.: Культура и искусство древней Руси. Сб. статей в честь проф. М. К. Каргера. Л., 1967, стр. 50—57). Слово «аргань» в значении музыкального инструмента употреблено в «Слове Даниила Заточника» (XII в.): «...начнемъ бити в сребренныя арганы». В значении «громкий, звучный голос» слово «арган» встречается в известии Новгородской 4-й летописи о кончине епископа тверского Арсения (под 1409 г.: «...къ полунощи же случися словесному аргану угаснути и затворитися гласу»).

⁵ ПСРА, т. I, СПб., 1846, стр. 201; т. VII, СПб., 1856, стр. 156.

в редакциях Ионы Думина, Тита, Викентия, Миней-Четых, Германа Тулупова и Иоанна Милютина.

Текст новой редакции Жития Александра Невского издается по рукописи ГПБ, из собрания Кирилло-Белозерского монастыря, № 109/366, лл. 398—400 об., с сохранением ъ, ь и ѳ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Житие святого благовѣрнаго князя Александра Ярославича, внука Все- л. 398
воложа, о возрасте его и о мужествѣ и о велицей его побѣде.

Сей убо бѣ князь Александръ родися от отца благовѣрна и милостива, паче же кроткаго и милостиваго и смиренна и великаго князя Ярослава Всеволодича, и от благочестивыя матери Феодотии. Яко же рече по пророчествѣ Исаиимъ пророкомъ: «Тако глаголетъ господь: царя или князя аз поставляю, священни убо». И воистину священни суть: без божия повелѣния не бысть княжения. Сей убо князь Александръ Ярославичъ таковъ бѣ возрастомъ великъ, паче иныхъ человекъ. А глас его, аки арганъ в народѣ, || л. 398 об. и во всѣхъ человекѣхъ слышашеся, и образъ лица его уподобися Иосифу Прекрасному, а сила его — аки Самсона Храброго, премудростию же Соллану царю подобенъ, а храбростию Александру, царю Макидонскому, по всему подобенъ. Нача же благовѣрный и великий князь Александръ собирати воинство свое. И шедъ, плени землю Немецкую, и ко инымъ ополчися градомъ, и побеждени быша полъки его. И остана единъ, и паки собра войско свое, и возвратися к силѣ своей. И паки шедъ князь Александръ, и взя градъ той с великою побѣдою, одолѣ имъ и прииде восвоися и срѣтоша его граждана с великою радостію || ... (оборвано пол-листа; в утер- л. 399
рянномъ тексте речъ, видимо, шла о поездке князя Александра в Орду) ... ми сказаща, яко нѣ[сть сему] подобна князя, и почтивъ много и чесно, и отпусти его з дары великими и з любовію и з братомъ своимъ со княземъ Андрѣемъ во свою ихъ землю. И по сѣмъ же разгнѣвася царь Батый на брата Александрова меньшаго, на князя Андрѣя, и посла царь Батый воеводу своего именемъ Неврюя с великою силою и, шед, повоева землю Суждальскую. О таковыхъ бо || ... (оборвано пол-листа; в утерянномъ тексте л. 99 об.
речъ, видимо, шла о добродетеляхъ князя Александра) ... милость свою [человѣко]мъ. Распространи же богъ землю Александрову богатствомъ и славою и многимъ обилиемъ и умножи господи лѣтъ живота его и долготу дний его.

Нѣкогда же приидоша к нему послы от папы римского два кардинала ^а хитра Галда и Гемонта, да послушаетъ закона божия. «И рече к тебѣ нашъ папа, тако плачетъ: „Слышахъ тя князя честна и славна, и земля твоя велика, сего ради послахъ || к тебѣ, да послушаеши учения от закона“». л. 400
Князь же Александръ, здумавъ с мудрецы своими, списавъ посла к нему, глаголя, и рече: «От Адама до потопа, от потопа до разделения языкъ, от разделения языкъ до начала Аврамля и от Аврамля до исхода Моисѣова и прощевствія сыновъ Израилевъ сквозѣ Чермное море. А от исхода Израилева до умертвїя || ...» (оборвано пол-листа; в утерянномъ тексте, л. 400 об.
видимо, было окончание ответа папскимъ посламъ)... и умножи господь богъ житие князя Александра Ярославича в велице славе и чести, бѣ бо чинъ священнический любя и мнихолубецъ и нищелубецъ. Митрополита же и епископы велми чтыше и послушая их, яко самого Христа. Бысть же тогда нужна велика христианомъ от иноплеменникъ гоняху людие и томяху погани... обѣ вели... (оборвано пол-листа; в утерянномъ тексте, видимо, рассказывалось о последней поездке князя Александра в Орду, его болезни и смерти).

^а Испр.; в ркп карнадила.

М. И. МУЛИЧ

Отражение «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в древней сербской литературе

В одной из своих работ, посвященных вопросам византийско-южнославянско-русских литературных связей, М. Н. Сперанский в числе других памятников древнерусской литературы, послуживших оригиналами для некоторых южнославянских текстов, упоминает также русский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.¹ Сравнительно недавно к вопросу о проникновении произведения Флавия к южным славянам обратился и болгарский ученый Боню Ст. Ангелов.² Он показал, что на Балканах интересовались «Историей Иудейской войны» и переписывали ее вплоть до середины XVIII в.³

В записи на древнейшем сербском списке «Истории» Иосифа Флавия, хранящемся в библиотеке Хиландарского монастыря, переписчик — священноинок Григорий, «в схиме преименованъ Василие», — оставил нам не только дату, но и некоторые иные, чрезвычайно важные данные, относящиеся к списку — оригиналу «Истории»: «В лето 7093 преписах сию книгу Иосипа премудраго, иже от евреи удръжавшаго преискрънаго любомудрие Маттафия от рускаго извода, понеже не обретах се сия книга Иосип нашимъ сръбскимъ езыхомъ ни в Светей Горе в сръбскихъ монастырех, ни в сръбскеи земли, понеже много исках и испитовах, не вемъ аще где ес[ть] в бльгарскихъ землях, нь не узнах, понеже и тамо питах, нь принесена быс[ть] от рускые земли. Велми тежка быс[ть]нашему сръбскому езыху на чтение, яко мноземъ не знати что чтуть, рускыхъ речи не разумеюще».⁴ Таким образом, поскольку перевод «Истории Иудейской войны» у южных славян появился лишь в конце XVI в. (1585 г.), следы этого произведения в сочинениях южнославянских авторов предшествующего времени найти нелегко. Однако текст «Истории» Иосифа Флавия отразился в одном произведении XIV в. — в Житии архиепископа Даниила II, написанном его же учеником.

Рассказывая о злоключениях жителей Афона во время нашествия в 1307—1309 гг. («безбожьнымъ езыхомъ, еже фругы и туркы, яси же и татари, моговари же и каталани и прочии многоименовании езыхи пришь-

¹ М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 179.

² Боню Ст. Ангелов. Иосиф Флавий в южнославянских литературах. — ТОДРА, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 255—261.

³ Там же, стр. 258—259 (перечень южнославянских списков).

⁴ Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књига I. Београд, 1902, стр. 233.

дше тогда на Светую Гору»), автор Жития сопоставляет их с бедствиями, описанными Иосифом Флавием: «Мьнить бо ми се, възлюблени, яко суштее рати и страхования подобна суть оному страданию иерусалимскому, еже приеть от Тита кесара римскааго».⁵

Имел ли наш автор в своих руках «Историю» Иосифа Флавия или он свои сведения об осаде Иерусалима Титом получил косвенным путем, например из Хроники Георгия Амартола, использовавшего, как известно, в своей III книге VI книгу «Истории» Флавия? Таким образом, возможными источниками остаются сербская и русская редакции славянского перевода Хроники Амартола и русский перевод «Истории Иудейской войны».

Согласно мнению М. Вейнгарта, южнославянская редакция перевода Хроники Амартола («Летовник») возникла не раньше третьей четверти XIV в. в Болгарии, откуда перешла в Сербию;⁶ древнейший сербский список — рукопись Московской Синодальной библиотеки № 148 — датирован 1386 г. Но сейчас известны более древние списки «Летовника»: среди рукописей Цетиньского монастыря оказалась Хроника Амартола 1350—1360-х годов.⁷ Принимая во внимание, что в сборнике ЖКиАС жизнеописание Стефана Душана не доведено до конца правления этого сербского государя (1355 г.), что озаглавлено оно «Стефань краль сынь третияго Уроша» (ни в одном из списков ЖКиАС, которые использовал Даничиц для своего издания, не упоминается царский титул Душана⁸) и что только это жизнеописание особенностями своего стиля и обширностью повествования сродни житиям Стефана Дечанского и архиепископа Даниила II, можно принять утверждение Л. Стояновича, что их автором был ученик Даниила.⁹ По-видимому, этот автор не пережил Душана. Поэтому считается, что Житие Даниила написано было не позднее 50-х годов XIV в.

Естественно возникает вопрос: мог ли южнославянский перевод «Летовника» послужить автору Жития Даниила для иллюстрации при описании ужасов осады Хиандара? Ответ на этот вопрос мы получим отчасти при сопоставлении интересующих нас текстов из Жития, «Летовника», русской редакции перевода Хроники Амартола и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (разрядка во всех цитатах наша):

1) Житие Даниила II

2) «Летовник»

3) «Книги временья и образья Георгия мниха»

4) «История Иудейской войны» Иосифа Флавия

Тому (Титу) бо пришьдъшу на Иерусалим, всака душа града бе падаюшти въ острии мьча и прочее зьло-	Друзии же ска- редиимъ прикасааху се имже ни сквернейшии от бесловесныхъ прикасаты се, коньчце еже,	Инии же срамах прикасахуся, от нихъ же ни скверну скотиньную отметаваху, после же поясы жваху и са-	И вся обретаема в зубы впошаше нужда, яже не потребна быша сквернымъ безсловеснымъ животинам, то
---	---	---	--

⁵ Животи кралева и архиепископа српских, написао архиепископ Данило и други, на свијет издао Даничић, Загреб, 1866, стр. 341 (далее: ЖКиАС).

⁶ Miloš Weingart. Byzantské kroniky v literatuře církevně-slovanské, část II, oddíl 2 Bratislava, 1923, стр. 462, 465.

⁷ Д. Вуксан. Рукописи Цетиньског манастира. — Сборник за историју Јужне Србије и суседних области, Скопље, 1936, стр. 220, № 83 (с датировкой XV в.); В. Мошин. Тирилски рукописи Цетиньског манастира. — Ljetopis Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, 2, knj. 61, 1956, № 83. Водяные знаки см.: В. Мошин et S. Traljić. Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka, tt. I—II, Zagreb, 1957, №№ 4348 4352.

⁸ ЖКиАС, стр. V и 215.

⁹ Л. Стоянович. Житија кралева и архиепископа српских, од архиепископа Данила и других. — Глас Српске Краљевске Академије, № 106, 1923, стр. 97, 104.

бы бедно сказуемы. Чловеци бо поясы свое жвааху и сапогы, а друзии же ихъ и скаредьпейшиимъ прикасааху се.¹⁰

поясы свое жвааху и сапогы, и усмы от щитовъ изедааху отдирающе.¹¹

погы и коже щитные ядыху възирающе.¹²

сами выбирающе ради ядыху. И на конци ни пояс, ни сапог не гушахуся, ни кож щитных, но раздирающе, ядь ради, ядыху. Аще же согнившее сено и соломѹ обретаще, то бяше имъ пища, аки со благоуханными зелии устроена.¹³

Создается впечатление, что отрывок из Жития Даниила ближе всего к тексту «Летовника». И в том, и в другом имеются лексические, а также синтаксические сходства: 1) встречается слово «скарედьнейшии—скарэди» (кстати сказать, почти не встречаемое в сербских рукописях, в русских же хорошо знакомое);¹⁴ в русском тексте Амартола вместо этого находим «срам»; 2) и в Житии, и в «Летовнике» читаем: «поясы свое . . . и сапогы», в русской же редакции Амартола, как и в греческом подлиннике¹⁵ и в русском переводе «Истории» Иосифа Флавия, определение «свое» отсутствует. Эти факты нельзя не учитывать. Если ученик Даниила II действительно заимствовал данное место из сербского «Летовника», тогда необходимо отодвинуть возникновение сербской редакции «Летовника» ко второй четверти XIV в. Необходимо учесть, что в «Летовнике» и в Житии порядок фраз не один и тот же. Отрывок Жития «Тому (Титу) бо пришьдъшу . . . бедно сказуемы» по содержанию соответствует более пространному тексту из VI книги «Истории» Иосифа Флавия.¹⁶ Другой отрывок Жития — «А друзии же . . . прикасааху се» — по смыслу близок к приведенному выше тексту из «Истории» Иосифа Флавия, начинающемуся словами: «и вся обретаема» и т. д. Автор Жития не буквально переносил текст своего источника, а свободно переносил в свой рассказ то, что ему подходило. Заключительный отрывок приведенного текста из Флавия нашел также свое соответствие в более уточненном варианте, только уже в другом месте Жития: «. . . яко сему блаженному и елико сущтиихъ съ нимъ не имети имъ чесо въкусити, тъкмо люскы сочивьныи въ праху избираюште и ты грызеаху».¹⁷

Автор Жития был человек образованный и весьма начитанный, что явствует из его произведений. Нужные сведения о пленении Иерусалима он мог почерпнуть из греческих рукописей; впрочем, ему были доступны также и русские переводы этих произведений. Его учитель поддерживал дружеские связи с русскими монахами Афона, а игумен монастыря св. Пантелеймона был даже духовником Даниила II. Культурные связи между

¹⁰ ЖКиАС, стр. 341.

¹¹ ГБЛ, Синодальный список, № 148, л. 165 об.

¹² В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст. Пгр., 1920, стр. 266.

¹³ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 412.

¹⁴ См.: Срезневский. Материалы, т. III, столб. 366—367.

¹⁵ J.-P. Migne. Patrologia graeca, t. CX. Paris, 1863, столб. 453. Ср. также в «Истории церкви» Евсевия Кесарийского, текст которого более близок к подлиннику Иосифа Флавия; у Евсевия также нет определения «свое»; см.: J.-P. Migne. Patrologia graeca, t. XX. Paris, 1857, столб. 229, В—С.

¹⁶ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. . . , стр. 410—412.

¹⁷ ЖКиАС, стр. 343.

Хиландаром и русским монастырем должны были быть особенно живыми и деятельными в то время, когда последний испытал на себе «от Русие въсеконьчно оставление» — как об этом сказано в хрисовуле царя Душана, принявшего на себя звание ктитора монастыря св. Пантелеймона (1349 г.).¹⁸ В те годы и перевод «Истории» Иосифа Флавия мог попасть в хиландарскую библиотеку. Ведь в послесловии священноинока Григория к сербскому переводу «Истории» Флавия отнюдь не сказано, что книги, которую он так тщательно искал на сербском языке, не было на Афоне на русском языке. Там сказано только, что книга привезена была из Русской земли. Когда и при каких обстоятельствах это произошло, не говорится. Зато в записи указано, что книга эта была очень трудной «нашему сръбскому езыку на чтение» и многие не знали, что читают, ибо не понимали по-русски. Это не удивительно, поскольку прошло уже более двухсот лет со времени жизни Даниила и его ученика. За это время Хиландар перестал быть тем культурным сербским центром, каким он являлся в XIII—XIV вв., когда в нем подвизались Доментиан, Даниил и старец Исая. Кроме того, язык русского перевода труда Иосифа Флавия, понятный Доментиану и Даниилу, сделался труднопонимаемым для полуобразованных сербских монахов XVI в. Поэтому можно предположить, что русский перевод «Истории» Флавия уже задолго до XVI в. находился на Афоне (быть может, и в самой хиландарской библиотеке), почти никем не читаемый. И только инок Григорий, после того как он в первый раз побывал на Руси и там «привык немного русского языка», обнаружив это произведение, заинтересовался им. Не владея еще в совершенстве русским языком, он начал поиски, надеясь где-нибудь отыскать «сербский извод» «Истории» Флавия. Лишь после долгих и тщетных поисков, вернувшись из второй поездки в Россию, он стал списывать книгу «сербскими речми».

Возможно, что ученик Даниила II мог использовать в качестве источника и русский перевод «Истории Иудейской войны». Совпадения же в тексте Жития и «Летовника», при наличии более древнего списка последнего (нежели список Московской Синодальной библиотеки № 148), говорят о том, что сербская редакция «Летовника» могла возникнуть во время деятельности ученика Даниила II и даже могла принадлежать ему же.

Более тщательный стилистический и языковой анализ Жития архиепископа Даниила, цетиньского списка «Летовника» и «Истории Иудейской войны» в русском переводе могут подтвердить либо опровергнуть результаты наших наблюдений.

¹⁸ Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888, стр. 63.

Т. Н. КОПРЕЕВА

Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа (опыт реконструкции)

Одной из ведущих черт средневековой Руси была своеобразная этикетность, отражавшая явления, характерные для эпохи феодализма. Исследователи отмечают, что «взаимоотношения людей между собой и их отношения к богу подчинялись этикету, традиции, обычаю, церемониалу, до такой степени развитым и деспотичным, что они пронизывали собой и в известной мере овладевали мировоззрением и мышлением человека».¹ С наибольшей силой эта этикетность мышления распространялась на изображение средневекового человека, которое подгонялось под нормативный идеал христианина.² Это обстоятельство должно быть принято во внимание при любой попытке проникнуть во внутренний мир человека данной эпохи, какую бы цель при этом не преследовал исследователь.

Подлинный мир древнерусского человека оставался и остается скрытым от глаз читателя и поддается прочтению в значительной мере только по косвенным данным. Однако живая жизнь всегда и везде нарушает и в конечном счете разрушает любые каноны, трафареты и шаблоны, как бы устойчивы они ни были.³ Древнерусская литература оставила нам некоторое число произведений, стоящих особняком в этом общем литературном процессе. Для изучения подлинного, а не идеализированного человека феодальной эпохи, его внутреннего мира особенно большое значение несомненно имеют произведения, созданные на автобиографической основе, начиная с гениального «Поучения Владимира Мономаха» и вплоть до Жития протопопа Аввакума. В их ряду стоит и Киево-Печерский патерик, обе части которого объединяются вокруг имени инока Поликарпа. В первой части Поликарп является тем лицом, в адрес которого написаны обличительные послания епископа владимирского и суздальского Симона. Во второй части инок Поликарп сам обращается с посланиями к печерскому игумену Акиндину. Нет сомнения, что все три лица — не вымышленные литературные герои, а живые люди, действовавшие в начале XIII в. Епископ Симон, сам в прошлом инок Печерского монастыря, был одно время игуменом Владимирского монастыря Рождества богородицы; он умер 22 мая 1226 г. Письма Поликарпу им написаны незадолго до смерти.⁴

¹ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 84.

² Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 64—66.

³ Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII вв. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 30—31, 42.

⁴ Д. И. Лбрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, стр. XXVIII.

Послания наполнены реалиями из биографии как Симона, так и Поликарпа. Особенно ценны сведения, дающие возможность воссоздать внутренний мир обоих, черты характера, жизненные принципы, отношения к окружающей среде и самим себе. Симона мы видим односторонне — только из его слов, зато о Поликарпе можем судить не только со слов Симона, но и из его собственных высказываний о себе, что делает его образ как бы объемным и не статичным, а находящимся в движении.

Мы застаем его в момент перелома жизненной ситуации, подпавшим под суровое обличение и фактическую опалу, смиряемым и гонимым. Церковь ломала и смиряла и более крупные характеры, чем Поликарп. Однако сломился ли он, как это кажется на первый взгляд? Обратимся к самому патерику. Из слов епископа Симона, обличающего недостатки Поликарпа, перед нами встает человек хотя и в монашеской рясе, но полный мирских помыслов, «впадший» в «глубину житейскую»⁵ и потому неугодный церкви. Вместо того чтобы служить богу со страхом и смирением, Поликарп проявляет строптивость по отношению к монастырским властям (ропщет на игумена и его служителей, на повара и прислужников), на поношение отвечает не смирением, а бранью, осмеливается даже без разрешения церковных властей уйти из монастыря, чтобы добыть игуменство. Симон замечает: «Разумех бо тя санолюбца и славы ищещи от человек, а не от бога».⁶

По мнению Симона, у Поликарпа нет оснований чувствовать свою исключительность и «мудрствовать о высококом»: «Что таковое ты съдеа? Богатство ли остави? — но не име его; славу ли? — но не постиже еа».⁷ «Вчера пришел еси в чернечество, и уже обещаваешися, и прежде навывновения епископъству хощеши, и законодавецъ крепок показуешися; и прежде своего покорения всех смирити хощеши; мудрствуещи високаа, с гръдынею повелеваа, съпротивно отвещеваа. Сиа вся навывкох от уст твоих, — яже помышляеши о земных, а не о небесных; о плотъских, а не о духовных; о похотех, а не о въздержании; о богатестве, а не о нищете».⁸ Даже в слабости зрения Поликарпа видит Симон знак, что не «угодно богу» его «старейшнство».⁹

«Что от человек сану ищещи, а не от бога?», — спрашивает он Поликарпа. «Сущим же от бога не хощеши повинутися и мыслиши високаа? Иже древле таковии с небес съвржени быша... Аз бо, рече, несм ли достоин уверитися таковому начинанию сана? Или хуждыши есмь иконома сего, или его брата спешаго».¹⁰ Это самоощущение Поликарпа, сознание им своей человеческой ценности представляется Симону наущением дьявола. Он продолжает: «И аще мене преслушаешися, каковен любо власти въскощеши, — или епископъству, или игуменьству повинешися, — буди клятва, а не благословение! ... Постыдевся, покаяйся и изволи си тихое и безмятежное житие, к нему же господь призвал тя естъ»;¹¹ «Съвет же ти даю: благочестием утвердися в святем том монастыре Печерьском, не въскощеши власти — ни игуменъства, ни епископства; и доваает ти к спасению, иже коньчати жизнь свою в немь».¹²

Поликарп отступает в этой борьбе. Он подчиняется и остается в монастыре до конца жизни. В письме к игумену Акиндину он покорно по-

⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 25.

⁶ Там же, стр. 75.

⁷ Там же, стр. 86.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 75.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 76.

¹² Там же, стр. 82.

вторяет: «Без святого бо духа ничто же человеку дается на земли, аще не будет дано ему свыше».¹³ Однако это самоуничижение кажущееся. Личность Поликарпа подавлена, но не уничтожена. Самоутверждение она находит если и не в практической церковной деятельности, то в писательском труде.

Поликарп подходит к своему труду вполне осознанно: «Но паче прежде реченнии черноризци ясно реку, а не в тайне, яко же и прежде: аще бо аз премолчу, от мене забвена будутъ, и к тому не помянутся имена их, яко же и было до сего дъни. Се же речеся в 15 лето твоего игуменства, еже не бысть помяновения 100 и 60 лет, ныне же, твоеа ради любве, утаенная слышана быша и память любящим бога присно чтома и хвалима: яко тому угодъшеи от него венчашася. Мне же таковыми краситися — велие есть, и сим мнюся покрыти студа моего дела».¹⁴

В этой оценке общественной значимости своего писательского труда нет столь характерного для писателя средневековья самоуничижения. Поликарп вполне осознает свое преимущество — знание предмета, о котором он пишет. Его труд понимается им как долг писателя перед потомками: «да и сущи по нас черноризци уведять благодать божию».¹⁵

Знания, полученные им от Симона, позволяют ему чувствовать себя не простым регистратором происходивших до него за сто с лишком лет событий, но как бы творцом их: «еже токмо воспомяну слышанная — и творю, и мню, яко от мене изыскану быти чудотворию тех».¹⁶

Последняя фраза — явление, совершенно необычное для «житийных» формулировок и трафаретов, в которых писатель всегда выступает не как творец, а как орудие, избранное богом совершенно произвольно, в ряде случаев из числа самых недостойных, «грубых разумом», «невежих» и т. п. Эта произвольность «божьего выбора» лишала писателей возможности открыто оценить свой талант, свое призвание, найти свое место в творчестве.

Этот отличный от литературного стереотипа той эпохи подход писателя к своей деятельности, на наш взгляд, является наиболее веским доказательством автобиографичности посланий Поликарпа Акиндину, что не исключает признания за ними «литературного характера», так как Поликарп адресует свой рассказ не игумену лично, а широкому читателю.

Когда-то, в рассказе о смиренном и многотерпеливом иноке Никоне, написанном для назидания Поликарпу, епископ Симон писал: «Многа же и паче сих слышал еси от мене грешнаго епископа Симона и худъшаго в епископех, недостойна суща тех святых черноризецъ подножию. Им же, мню, не весь мир достоин, ни тому же самому списателю, исписати могущу тех чудес».¹⁷

Литературный труд Поликарпа был как бы ответом на это утверждение. Poleмика двух антагонистов продолжалась и после смерти одного из них. Тот самый Поликарп, которого епископ Симон снисходительно наставляет и смиряет примерами из жизни отшельников, сам берется за перо, чтобы их прославить.

В первом послании игумену Акиндину Поликарп откровенно говорит о том, что он сам принял решение взяться за перо, так как его устные пересказы игумену были сбивчивы и путаны: «Въспросил мя еси некогда, веля ми сказати от тех черноризецъ съдеанная, соведый мою грубость и

¹³ Там же, стр. 96

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 90.

¹⁶ Там же, стр. 96.

¹⁷ Там же, стр. 81.

неизящное нрава: иже всегда с страхом в всякой повести беседую пред тобою, то како могу ясно изрещи сътвореннаа ми знамениа и чудеса преславнаа? И мало нечто сказах ти от тех преславных чудес, а множайшаа забых от страха, стыдяся твоего благочестиа, неразумно исповедах. Понудихся писаниемъ известити тебе еже от святых и блаженных отецъ Печерских, да и сущи по нас черноризци уведять благодать божию, бывшу в святемъ сем месте. . .».¹⁸

Однако принятое Поликарпом решение, по-видимому, показалось окружающим его инокам неслыханной дерзостью и кощунством. Об этом мы узнаем из автобиографической ремарки к рассказу о блаженном Агапите: «Но, яко же рече господь, никоторый же пророк приятен есть в отечествии своемъ. . . Другим убо неприятна мнятся быти глаголемаа, величества ради дел, вина же есть неверованию — мене грешнаго суща съведя Поликарпа».¹⁹

Из этого горького признания очевидно, что окружающие считали Поликарпа недостойным взяться за литературный труд, а следовательно, «греховность» его, осужденная Симоном, носила отнюдь не обобщенно-символический характер, была не литературным приемом, а реально воспринимаемым церковными ортодоксами фактом.

В этой — очевидно, недоброжелательной писателю — обстановке Поликарп прибегает к излюбленному средневековыми писателями приему, добавлявшему их от упреков в «славолюбии» и «величании» и создает новую версию того, что побудило его самого стать писателем. Он говорит, что пишет не по своей инициативе, а побуждаемый к этому авторитетным лицом, в данном случае игуменом монастыря: «Но аще повелить твое преподобство написати, их же ми ум постигнуть и память принесть; аще ти и непотребно будетъ, да сущим по нас пользы ради оставим . . . тем же и аз, грешный Поликарп, твоей воли работаю, дръжавный Акиндине, и сиа ти написах».²⁰

Это обстоятельство, очевидно, утишило страсти, что позволило Поликарпу (или другому редактору патерика) сохранить обе версии. И снова сквозь облик смирившегося инока, лишённого инициативы и самостоятельности, проступает страстный и волевой человек, знакомый нам по письмам Симона. Смирение его — только оболочка, маска, чтобы сохранить самого себя.

Поликарп неоднократно возвращается к самому себе в ходе повествования в своеобразных автобиографических ремарках. Эта привычка к самонаблюдению позволяет ему увидеть себя остраненно и обобщенно. Он подмечает в себе то, что угадывалось в нем и по письмам Симона, — страстность своей природы. Это дает ему повод в предисловии к рассказу о многотерпеливом Иоанне-затворнике прийти к такому обобщению: «Подобнообразиа и равнострастие имети рожденным на земли пръваго человека. Ибо, видев красоту овоща, не удржашеся и бога ослушася, и страстно житие приат. Ибо егда създан бысть, и не име порока на себе, яко божие создание есть: господь бо бог нашъ, пръсть въсприм от земля рукама пречистыма и непорочныма, создав человека блага и удобрена. Но он, аки кал земнаа любя, ко сластем попользеся, и сласти ему приложишася. И обладан бысть отголе род человекъ страстию. И во ины сласти уклонися, и боримы есмь всегда. И от тех един аз побежаюся им же и работаю. Смушаемъ помыслы душа мояа, и страстне темь касаеся, и не ослабно

¹⁸ Там же, стр. 90.

¹⁹ Там же, стр. 95—96.

²⁰ Там же

хотение имый к сътворению греха, и темь, иже несть мне на земли всех, за многаа съгрешения моа, в них же и до сего часа пребываю». ²¹

Объяснение первородного греха и происхождения страстей в человеке, даваемое Поликарпом, несколько отличается от принятого церковью. Человек свободно избирает запрещенный плод за его красоту и земные радости (но вместе с ними и страсти), а не по наущению дьявола или движимый соблазном. Поликарп признает греховность страстей через свою греховность (в этом Поликарп искретен, но не оригинален), однако здесь обращает на себя внимание отсутствие привычного мотива покаяния, хотя в идущем вслед за этим признанием рассказе и решается в традиционных формулах мотив борьбы с «плотолюбием». ²²

Итак, подведем итоги. Образ инока Киево-Печерского монастыря Поликарпа предстает перед нами в движении, в своей противоречивой сущности, как в посланиях к нему епископа владимирского и суздальского Симона, так и в посланиях самого Поликарпа к брату Симона — архимандриту Киево-Печерского монастыря Акиндину.

Несмотря на литературную обработку посланий, они полны реалий и несомненно отражают подлинные факты биографии человека, принявшего монашество в знаменитом монастыре, однако с трудом отказывавшегося от мирских привычек и страстей. ²³

Редактор Киево-Печерского патерика не уловил эту двойственность образа Поликарпа, особенно отчетливо выступающую благодаря соединению писем Симона и Поликарпа в единое произведение. Цель была назидательная — показать победу христианского идеала над живым, полным земных страстей человеком. Однако перед читателями встает другой образ: образ человека, отстаивавшего свое право на творчество, на самостоятельность и самобытность вопреки идеологическому давлению церковных властей, образ писателя, вышедшего за рамки литературного трафарета своей эпохи и приоткрывшего для читателя внутренний мир своего современника.

²¹ Там же, стр. 99.

²² Там же, стр. 99—101.

²³ Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике... стр. XXVIII.

К. М. КУЕВ

Судьба сборника Ивана Александра 1348 г.¹

Сборник Ивана Александра 1348 г. — замечательный литературный памятник болгарского средневековья. Как видно из приписки на л. 214,² сборник был переписан иноком Лаврентием в 1348 г. для болгарского царя Ивана Александра (1331—1371) и предназначался не для нужд церкви, а для домашнего чтения в царской семье.

Впервые сообщил об этом сборнике К. Ф. Калайдович в 1824 г.³ Публикуя свой труд об Иоанне Экзархе, Калайдович дал очень краткие сведения о сборнике,⁴ а также привел сказание Храбра по имеющемуся в нем тексту.⁵ Краткие сведения об этом памятнике имеются у И. И. Срезневского,⁶ В. И. Ягича,⁷ П. А. Лаврова,⁸ К. Ф. Радченко,⁹ П. Сырку,¹⁰

¹ Перевод с болгарского Г. И. Сафронова. (Ред.).

² Эта приписка была опубликована много раз, см.: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, № XXXVI. СПб., 1867, стр. 44; П. А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893, Приложение, стр. 13; Б. Ангелов и М. Генев. Стара българска литература. София, 1922, стр. 454—455 (с новоболгарским переводом); Ив. Дуйчев. Из старата българска книжнина, т. II. София, 1944, стр. 134—135 (с новоболгарским переводом); П. Динев, К. Кувев, Д. Петканова. Христоматия по старобългарска литература. София, 1961, стр. 271 (с переводом на новоболгарский И. Дуйчева); П. Динев. Старобългарски страници. Антология. София, 1966, стр. 394 (с переводом на новоболгарский И. Дуйчева).

³ Г. Виноградов. Первый русский болгарист. — В кн.: Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му. София, 1933, стр. 591—621.

⁴ К. Ф. Калайдович. Иоанн, экзарх болгарский. М., 1824, стр. 87—88. Калайдович сообщает, что сборник находится в Синодальной библиотеке (№ 145) и что принесен он был с Афона.

⁵ Там же, стр. 189—192.

⁶ И. И. Срезневский (Сведения и заметки... № XXXVI, стр. 43—52) публикует три фрагмента из сборника: «Слово Златоуста от шестого псалма», «Написание о правдой вере» и приписку.

⁷ В. И. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — В кн.: Исследования по русскому языку, т. I. СПб., 1895, стр. 297—300.

⁸ П. А. Лавров. 1) Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка, стр. 8 (в приложении — стр. 10—13 — напечатан текст л. 25—30 об.); 2) Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пгр., 1914, стр. 153—157.

⁹ К. Ф. Радченко. Отчет магистранта К. Ф. Радченко о занятиях рукописями в библиотеках и других учебных заведениях Москвы и С.-Петербурга в течение сентября и октября 1896 года. — Университетские известия, Киев, 1898, год XXXVIII, № 9, стр. 91—97. Сведения Радченко относятся к содержанию и дополняют данные Срезневского.

¹⁰ П. А. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке, т. I, вып. 1. СПб., 1899, стр. 430—432. Даются общие сведения и указана предшествующая литература о сборнике.

Б. М. Ляпунова,¹¹ К. Мирчева¹² и др. Все эти более или менее краткие сведения носят информационный характер и касаются палеографических особенностей, содержания и языка памятника. Таким образом, сборник сравнительно хорошо известен в науке.

Иное дело вопрос о судьбе памятника: мы не знаем, до каких пор он находился в царской библиотеке в Тырнове, кто и когда увез его оттуда, в каких хранилищах он побывал прежде, чем поступил в Государственную Публичную библиотеку в Ленинграде.

В нашей рецензии на работу М. В. Щепкиной «Болгарская миниатюра XIV века» (1963) были уже изложены соображения о судьбе этого памятника болгарского средневековья.¹³ Попытаемся теперь развить дальше эти соображения и подкрепить их новыми данными.

Как уже говорилось, сборник был предназначен для домашнего чтения Ивана Александра и его семьи. Следовательно, он долгое время был собственностью царской библиотеки в Тырнове, где оставался и после смерти Ивана Александра (1371 г.). Надо полагать, что сборник продолжал храниться в Тырнове и в первые двадцать лет царствования Ивана Шишмана (1371—1393). Однако позднее, в связи с усилением турецкой опасности, болгары начали покидать родные места и вывозить из страны культурные ценности для спасения их от гибели.¹⁴ Так, в 1392 г. монахи Софроний, Пимен и Силван бежали на другой берег Дуная, поселились в северной Молдавии и там основали Немецкий монастырь.¹⁵ В том же году был унесен в Молдавию — вероятно, этими же монахами — так называемый Ловчанский сборник, переписанный до 1331 г.¹⁶ в городе Ловеч, во время

¹¹ Б. М. Ляпунов, Несколько замечаний о языке и в особенности о словаре болгарского сборника 1348 года. — В кн.: Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му. София, 1933, стр. 95—107.

¹² К. Мирчев, Историческа граматика на български език. София, 1958, стр. 20.

¹³ К. М. Куев, Съветско изследване върху ценен среднобългарски паметник. — Отечествен фронт, София, 1964, 21 октябрия, № 6261; то же (в сокращении) см. в кн.: К. М. Куев, Черноризец Храбър, 1967, стр. 187—188.

¹⁴ Бегство из Болгарии в земли, расположенные севернее Дуная, было вполне естественным и понятным, так как эти земли еще не были объектом нападений турок. См.: П. Русев, А. Давидов, Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература, София, 1966, стр. 15—20. Кроме того, надо принять во внимание, что в XIV в. связи между Болгарией, Валахией и Молдавией были очень развиты; при Феодосии Тырновском валашские монахи («оунгры» и «влахи») приходили в Болгарию для того, чтобы учиться. Евфимий Тырновский писал канонические послания валашскому иеромонаху Никодиму Тисманскому и угро-валашскому митрополиту Анфиму; Иван Срацимир был женат на Анне, дочери валашского воеводы Александра Басараба; Иван Срацимир дал грамоту трансильванским румынам о свободной торговле в 80-е годы XIV в. в Видине, и т. п.; см.: А. И. Яцимирский, Григорий Цамблак, СПб., 1904, стр. 340—341. Когда же молдавский владетель Александр Добрый (1401—1432) основал монастыри Быстрица и Молдавица, он позвал болгарских книжников, чтобы они способствовали распространению литературных произведений на славянском языке в его владениях; см.: Ф. Успенский, О некоторых славянских и по-славянски написанных рукописях, хранящихся в Лондоне и Оксфорде. — ЖМНП, ч. 200, 1878, стр. 91—92.

¹⁵ Ф. Успенский, О некоторых славянских и по-славянски написанных рукописях..., стр. 93; А. И. Яцимирский, 1) Из славянских рукописей. Тексты и заметки. М., 1898, стр. 145; 2) Григорий Цамблак, стр. 113—114; 3) Славянские и русские рукописи румьнских библиотек, СПб., 1905, стр. 587; Ю. Трифонов, Деспот Иван-Александър и положението на България след Велбуждската битва. — Списание на Българска академия на науките, кн. XLIII, София, 1930, стр. 68; П. Мутафчиев, История на българския народ, т. II, София, 1943, стр. 301; И. Дуйчев, 1) Из старата българска книжнина, т. II, стр. 358; 2) Миниатюрите на Манасиевата летопис, София, 1962, стр. 134.

¹⁶ Приписка к сборнику гласит: «Сиа книга написа же с(я) рукою многогръшнѣго монаха Пахомиа въ богоспасаемаго Ловчѣ града при архиепископѣ кир Семеонѣ(ѣ), при благочестивѣм деспотѣ Алесандра и при сынѣ его Михаилѣ(ѣ) Асѣнѣ(ѣ) и приведена бысть

правления деспота Ивана Александра. В науке уже установлено, что именно в связи с турецким нашествием из Тырновской царской библиотеки было унесено известное Четвероевангелие 1356 г. Ивана Александра и оставлено где-то в молдавских землях.¹⁷ Ту же судьбу разделили Хроника Константина Манассии, переведенная в 1345 г. по поручению Ивана Александра,¹⁸ и Псалтырь Томича.¹⁹ После падения Второго Болгарского царства болгарские книги были перенесены главным образом в Румынию и оттуда в Россию, где и стали одним из факторов так называемого второго южнославянского влияния в XIV—XV вв.²⁰

Принимая во внимание вышеизложенное, нетрудно убедиться, что и сборник Ивана Александра был взят из царской библиотеки в связи с турецким нашествием на Тырново и унесен за Дунай. Иначе говоря, турецкое нашествие определило судьбу сборника Ивана Александра, как и многих других рукописей царской библиотеки.

Известно также, что эти рукописи не остались в пределах валахо-молдавских, а были перенесены на Афон. Так, в первой четверти XVII в. из валахо-молдавских земель в афонский монастырь св. Павла было перенесено Четвероевангелие Ивана Александра (так называемое «Лондонское»);²¹ в том же монастыре, как видно из приписки на л. 3046, оказалась и Томичева псалтырь;²² из приписки на внутренней стороне обложки видно, что сюда попал и сборник Ивана Александра 1348 г. («сна книга святого Павла царские обители Иоаннь милостив»). Перенос этих рукописей в монастырь св. Павла из валахо-молдавских земель нетрудно объяснить, если принять во внимание некоторые исторические обстоятельства.

Молдавия и Валахия, как известно, в XVI—XVIII вв. находились в очень тесных связях с Афоном и особенно с монастырем св. Павла.²³ Долгое время монастырь имел преимущественно румынский облик; монахи в основном были румынскими, а валахские и молдавские владетели — ктиторами монастыря. Из Валахии и Молдавии сюда шли на поклонение, посылали различные дары и т. д. В результате даже возникло предание, будто монастырь был основан валахским воеводой Константином Бранко-

---

зде в лето 6900 и понови Павел, быв епископъ романски въ монастир(и) Немецкии. В лето 7143 лек(абря), а при архиепископи Пахом(ъ)». Упоминаются даты — 1392 и 1634 гг. В 1883 г. сборник все еще был собственностью Немецкого монастыря. Когда же в 1895 г. А. И. Яцимирский посетил этот монастырь, то не нашел его. В 1896 г. Яцимирский обнаружил сборник в с. Вилков (устье Дуная) у рыбака-старообрядца, который получил его от старообрядца из города Галац (Румыния). См.: А. И. Яцимирский. Из славянских рукописей, стр. 151. Теперь рукопись находится в БАН (Ленинграде), в собрании А. И. Яцимирского.

¹⁷ Б. Филов. 1) Лондонското евангелие на Иван Александр и неговите миниатюри. — Списание на Българска академия на науките, кн. XXXVIII, София, 1927, стр. 11—12; 2) Миниатюрите на Лондонското евангелие на цар Иван Александр. София, 1934.

¹⁸ Б. Филов. Миниатюрите на Манасиевата хроника в Ватиканската библиотека. София, 1927, стр. 6, 10; И. Дуйчев. Миниатюрите на Манасиевата летопис.

¹⁹ М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV века. М., 1963, стр. 31.

²⁰ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958. П. Сырку считает, что именно русско-болгарские литературные связи осуществлялись через посредничество румын, см.: П. Сырку. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV—XVII веках. СПб., 1901, стр. СХХII.

²¹ Б. Филов. Лондонското евангелие...; М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV века, стр. 85—86.

²² М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV века, стр. 30—31.

²³ Б. Филов. Миниатюрите на Манасиевата хроника..., стр. 12. Об этих связях свидетельствует и обратный процесс — поздние рукописи переносились из монастыря св. Павла в Молдавию. См.: А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак, стр. 337, 357, 360.

вано (1688—1714).²⁴ Для Валахии и Молдавии монастырь св. Павла одно время был тем же, что Зографский монастырь — для болгар, Хиландарский — для сербов, а Пантелеймоновский — для русских.

Указанные факты приводят нас к заключению, что подобно тому как Четвероевангелие Ивана Александра и Псалтырь Томича были перенесены из валахо-молдавских земель в монастырь св. Павла в Афон, так же был перенесен на Афон и сборник Ивана Александра 1348 г. Иначе и невозможно объяснить, каким образом три книги из царской Тырновской библиотеки попали в один и тот же монастырь на Афоне, причем в монастырь с румынским укладом. То обстоятельство, что сборник был оставлен в ските Ивана Милостивого, объясняется наличием в нем славянского текста Жития Ивана Милостивого.

Однако на вопрос о том, кто именно и когда перенес сборник в монастырь св. Павла, ответить невозможно, так как нет никаких данных. Здесь можно оперировать лишь предположениями. Можно утверждать только то, что сборник находился в монастыре св. Павла до середины XVII в.

Когда же, при каких обстоятельствах и кем был найден сборник в афонском монастыре св. Павла?

В 1654—1655 гг. Арсений Суханов, монах Троице-Сергиевой лавры, во время своего последнего путешествия на христианский Восток для сбора старых греческих и славянских рукописей²⁵ посетил монастырь св. Павла и там в ските Ивана Милостивого обнаружил сборник Ивана Александра. Об этом свидетельствует вторая приписка в сборнике, сделанная уже рукою Суханова: «163-го взята изъ кельи государя патриарха». Здесь «163-го» следует читать как 7163 г., т. е. 1655 г. Значит, Арсений Суханов нашел сборник в ските Ивана Милостивого в 1655 г. и взял его. Затем вместе с другими рукописями сборник был привезен в Москву и передан в Синодальную (тогда Патриаршую) библиотеку, где и хранился целых двести лет — до середины XIX в. Поэтому иногда сборник называется «Синодальным».²⁶

Следует, однако, отметить, что внимание ученых сборник привлек только в первой половине XIX в. Кроме К. Ф. Калайдовича, сборник в первой половине XIX в. находился в руках херсонского архиепископа в Одессе Иннокентия (1800—1857), что видно из одной рукописной заметки в «Указателе для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки» архимандрита Саввы (экземпляр ГИМ). Интерес Иннокентия к сборнику не был случайным и находился в связи с его научными занятиями. Как ученый, Иннокентий применял исторический и историко-сравнительный метод и в русской богословской науке и интересовался историческим развитием догматов и вероучения православной церкви на протяжении всего ее существования. Поэтому он и искал первоисточники. А сборник Ивана Александра в этом отношении является весьма ценным памятником. В первой половине XIX в. под руководством Иннокентия был составлен «Догматический сборник Восточной церкви»,²⁷ в котором на лл. 1—6 помещено сказание Храбра «О письме-

²⁴ Ф. Успенский. О некоторых славянских и по-славянски писанных рукописях, хранящихся в Лондоне и Оксфорде. — ЖМНП, ч. 199, 1878, стр. 13; Б. Цонев. История на българския език. София, 1919, стр. 237—238.

²⁵ С. Белокуров. Арсений Суханов, т. I, М., 1891.

²⁶ Например, у П. И. Шафарика в издании сочинения Храбра в 1851 г.

²⁷ Описание рукописей, хранящихся в Архиве святейшего правительствующего Синода, т. III, вып. 2. СПб., 1910, стр. 92—93. В настоящее время сборник находится в ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 3, № 2080.

нех» по тексту из сборника Ивана Александра.²⁸ В 1841 г. на русском языке было опубликовано сочинение Кирилла Философа «Написание ѡ правѣи вѣрѣ», опять-таки же по тексту из сборника Ивана Александра.²⁹

Далее наши поиски ведут к собранию И. П. Сахарова, но как сборник попал в это собрание, неизвестно.³⁰ Очень возможно, что Сахаров получил его после смерти Иннокентия вместе с другими рукописями. Когда умер И. П. Сахаров (1863 г.), часть его рукописей попала в собрание графа А. С. Уварова, а другая — в рукописный отдел Публичной библиотеки в Петербурге (Ленинграде), где и хранится до сих пор под шифром F.1.376.

---

²⁸ В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии. — Университетские известия, т. II, № 7, Киев, 1912, стр. 84; К. М. Куев. Черноризец Храбр, стр. 395—397.

²⁹ Воскресное чтение, Киев, 1841, № 45, стр. 407—412. Журнал был основан и направляем именно Иннокентием, как ректором Киевской духовной академии.

³⁰ В своем письме к О. Бодянскому от 28 декабря 1854 г. Иннокентий сообщает, что ранее сборник находился у него, но он его возвратил. Кроме того, он пишет, что читал много раз сказание Храбра. См.: Записки имп. Одесского общества истории и древностей, т. XIII, Одесса, 1883, стр. 271.

Н. А. БАКЛАНОВА

**Описание русской природы в Хождении митрополита Пимена
в Царьград в 1389 г. и отображение этого описания
в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в.**

Одни из самых ярких древнерусских путевых заметок содержатся в Хождении Игнатия Смольнянинова, находившегося в числе спутников митрополита Пимена, который отправился в 1389 г. из Москвы в Константинополь для своего утверждения на митрополичьей кафедре царьградским патриархом; последнему в то время подчинялась русская церковь. Это Хождение, помимо ряда содержащихся в нем разнообразных сведений, представляет интерес как первое описание Донского пути из Москвы в Константинополь, ставшего после татарского нашествия главным средством сообщения между будущей русской столицей и Византией.

Отправляясь в путешествие, Пимен поручил своим спутникам, «аще кто похощет писати сего пути шествование все, како поидоша, и где что случися, или хто возвратится, или не возвратится вспять; мы же сия вся писахом».¹ Путешествие было описано Игнатием, прозванным Смольнянином, сопровождавшим смоленского епископа Михаила, состоявшего в свите Пимена. Биографических сведений об Игнатии очень мало. Его прозвище, некоторые юго-западные обороты слов, его расположение к Смоленску дают основание видеть в нем смоленского жителя, а подробное и яркое описание военных сооружений, виденных им в Константинополе, заставляет предполагать, что в прошлом, до пострижения в монахи, он был служилым человеком. Им и было составлено «Хождение Пиминово в Царьград». После смерти Пимена, умершего в Царьграде, не дождавшись своего утверждения на митрополичьей кафедре, Игнатий оставался там до 1393 г., ездил оттуда в Иерусалим, а с 1396 г. поселился на Афоне, где и умер в 1405 г. Его Хождение, видимо, долгое время составляло увлекательное чтение для русских людей; оно дошло до нас в 16 списках, древнейшие из которых относятся к XV в., а позднейший — к XIX в. Кроме того, оно было внесено в летопись. Это свидетельствует, что оно в течение ряда веков было очень популярно среди читателей. Это вполне понятно: в нем простым, ясным и образным языком ведется рассказ, изобилующий бытовыми подробностями, о путешествии с его начала до прибытия в Царьград и о тех приключениях, которые пришлось пережить путникам. Для исследователей Хождение, составленное Игнатием, ценно как новый

¹ Патриаршая, или Никоновская, летопись. ПСРЛ, т. XI—XII, М., 1965. Все цитаты, приводимые в данной статье из «Хождения Пиминова в Царьград», взяты из данного издания, стр. 95—97

тип этого жанра, освобожденный от влияния церковной идеологии, связанный с политическими событиями своего времени и показывающий незаурядный художественный талант автора.

Путешественники отправились из Москвы 13 апреля. Плыли они по Москве-реке и Оке, а от Рязани до Дона передвигались сухим путем; три струга для дальнейшего путешествия везли за ними на колесах. За Рязанью начались пустынные места, и им дали провожатых до Дона — «с великим опасением, разбоя деля». Видимо, еще памятна была Куликовская битва. Добравшись до Дона, перебрались на струги. Началось плавание «на Низ», удручавшее автора и остальных спутников: «Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бе видети тамо ничтоже: ни града, ни села». Встречавшиеся по дороге древние города были пусты: «нигде бо видети человека, точию пустыни велии». Это были следы разорения, причиненного татарами. Зато окрестности реки изобиловали дикими зверями и птицами. Им встречались козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медведи, бобры. Около воды и на прибрежных утесах видны были птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и др. Пустыня, т. е. ненаселенные места, была велика. Автор называет реки и города, мимо которых лежал путь, и указывает, сколько дней они плыли от одного места до другого. Через неделю добрались до устья Воронежа, а затем до реки Тихой Сосны. Там Игнатий был поражен, увидев меловые горы, подступавшие к берегам Дона: «...видехом столпы камены белы, дивно же и красно стоят рядом, яко стози малы, белы же и светли зело, над рекою над Сосною». Игумен Даниил, побывавший в Палестине в начале XII в. и увидавший гору Фавор, также сравнивал ее со стогом: «Фаворская же гора чудно и дивно уродилася ... посреди поля того красного, яко же стог круголь».² Русским людям, незнакомым с горным ландшафтом, при виде его приходили на память хорошо известные им стога сена, стоявшие рядами на лугах их родины.

Еще через несколько дней путники миновали «горы каменные красные», а на другой день «Терклию град минухом пловущи, не град же бе, но точию городище». Название «Терклия» в других списках Хождения читается «Серклия». Это хазарская крепость Саркел, взятая Святославом в 965 г. Определение ее местоположения было предметом изысканий многих исследователей. Лишь последние раскопки советских археологов смогли установить его точно. Остатки кирпичного городища Саркела были обнаружены много ниже по течению Дона, чем указано Игнатием, — на левом берегу старицы реки вблизи старой станицы Цимлянкой. Это — так называемое Левобережное Цимлянское городище,³ с огромным количеством древнего кирпича.

Далее путники проплывали мимо Перевоза. Здесь они впервые встретились с татарами, их было «множество зело, якоже лист и якоже песок». Отсюда начинались татарские улусы. Огромное количество стад рогатого скота, верблюдов и лошадей, пасущихся по берегам Дона, поразило Игна-

² Житие и хоженье Даниила, русьския зсми игумена 1106—1107 гг. Под ред. М. А. Веневитинова. — Православный Палестинский сборник, т. III, вып. 3, СПб., 1885, стр. 110.

³ М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону. — Известия Государственной академии истории материальной культуры, вып. 131, Л., 1935; 2) Саркел—Белая Вежа. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 62, М.—Л., 1958 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I), стр. 7—84; 3) История хазар. Л., 1962. Ср. также: С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 142, М., 1967.

тия: их было «только множество, якоже ум превосходящ». Попад «в землю татарскую», путешественники сначала испытывали страх: «нача нас страх обдержати». Но жители встретили их дружелюбно, расспросили, откуда они, и напоили их молоком (вероятно, кумысом): «И сиде с миром в тишине плавахом».

Достигнув Азова, путники пересели на корабль и двинулись морем к Царьграду. После ряда неприятностей, причиненных им в дороге итальянцами, они добрались до своей конечной цели. На этом заканчивается первая часть записей Игнатия.

Прошло около двух столетий со времени описанного путешествия. В Москве было задумано грандиозное предприятие: составление Лицевого летописного свода. Наряду с краткими летописными сведениями в него вошла и отдельные повести. Среди них и «Хождение Пиминово в Царьград». Оно было снабжено миниатюрами. Выбор тем для них характеризует художника. Он остановился на том, что привлекло особенное внимание Игнатия при описании пути: природа донских степей.

На одной из миниатюр (рис. 1) мы видим три струга, спускающихся по реке. Струги изображены довольно верно, на носовых частях их помещены даже «казенки», т. е. каюты. Отступлением от истины является лишь измененная форма судов: приподнятые носовые и кормовые части, отсутствие палуб. Получается впечатление, что люди сидят прямо на дне судна и тесно прижаты друг к другу. Впрочем, некоторые из этих погрешностей могут быть отнесены за счет недостатка места, с которым должен был считаться иллюстратор. Среди путников видим митрополита Пимена (в белом клобуке), рядом с ним помещена фигура пожилого человека, указывающего ему на берег, вероятно обращающего его внимание на находящиеся там зверей. Кого изобразил художник, установить трудно. Судя по шапке с околышем, это не может быть монах Игнатий. Правильно изображено наклонное положение реки, указывающее на направление ее течения.

Самым интересным является изображение фауны побережья Дона, так подробно описанной Игнатием. Слева мы видим медведя и волков, несколько лошадей (упоминаемых Игнатием не в этом перечне, а при перечислении состава татарских стад). Вероятно, художник сам не видел лосей; изображенные им животные с ветвистыми рогами скорее похожи на благородных оленей, чем на огромных, с массивными головами лосей. Много внимания уделено также птицам. В верхней части миниатюры на вершинах гор помещаются хищные птицы — очевидно, это орлы, о которых упоминает Игнатий. В нижней части рисунка весь берег усеян многочисленными птицами, здесь мы видим и лебедей, и гусей, и журавлей. Из вод реки сзади стругов выглядывают две звериные головы. Кому они должны принадлежать, неясно; из текста Хождения этого не видно. Может быть, это изображения выдры и бобра — водяных животных, упоминаемых в перечне Игнатия. Изображения прибрежных скал и одностипных островерхих деревьев носят условный, лишенный конкретности характер.

На другой миниатюре (рис. 2), изображающей часть среднего течения Дона, в том месте, где в него впадает Тихая Сосна, мы видим тот же пейзаж с деревьями и скалами, те же три струга с сидящими в них спутниками. Центральную часть рисунка занимают пять высоких и узких белых зданий с купольными покрытиями и с дверями; в одном имеется еще и окно. Эти изображения вызывают у нас недоумение: до такой степени они не вяжутся с теми «столпами каменными белыми», т. е. меловыми горами, о которых пишет Игнатий. Очевидно, художник никогда не бывал в этих местах и не мог ничего знать об окружающих Дон меловых образованиях, кое-где подступающих к самой реке. Его изображения больше

протпогы и протподы и кони и сци
 и ницы и и поцы и слоуги пакъ зше псх
 ды и поплыхомъ рекою до по на пи зто :

Рыже и поутное шесте печало по
 Пылино . елше к поутына зк
 до псдоу . не к поидыти тмони
 утже ни града ни селл аще к и быша

Рис. 1. Животные и птицы на берегах Дона. Миниатюра Лицевого свода XVI в.
 (БАН, 31.7.30, т. II).

Штоудоуже припыхомъ истихон со
 ене . и шндтъ хомъ сполты камены
 келы . днпоже и красностойрдо .
 тко ештош малы . бѣлыже и штъ
 танстѣаш . на рекю
 на соно

10

Рис. 2. Меловые горы на берегу Дона. Миниатюра Лицевого свода XVI в. (БАН. 31.7.30, т. II).

Рѣцѣ пѣторни кѣже те рѣкли то гра ми ноу хѣ
В п л о с к о у щ е . н е г р а ж е о у к ѡ к о т о ч и т о
г о р о д и щ е . т а к о ж е
н п е р е ш о з ѣ
м и н о у
х о м ѣ

Рис. 3. Городище Саркел. Миниатюра Лицевого свода XVI в.
(БАН, 31.7.30, т. II).

всего напоминают терема, совершенно не отвечающие тому сравнению со стогами, которое приводит Игнатий.

Третья миниатюра (рис. 3) в верхней части изображает городище Саркел. Все остальное мало отличается от описанных выше миниатюр: те же три струга на реке, те же скалы и деревья. Изображение Саркела несколько не напоминает развалины хазарской кирпичной крепости; оно скорее похоже на встречающиеся в Своде схематические изображения кремля.

Эти три миниатюры дают основание заключить, что художник правильно понял свою задачу: запечатлеть на рисунках разнообразие природы, описанной Игнатием на пути по Дону, и тем привлечь к ней внимание читателей. В тех случаях, когда автор *Хождения* касается сюжетов, хорошо знакомых миниатюристу, как изображения людей, а также животных, известных ему, он давал возможно более реалистические изображения, но когда речь шла о предметах, ему неизвестных, как меловые горы или развалины старинной крепости, он должен был прибегать к фантазии, которая не всегда его выручала.

Но, во всяком случае, эти миниатюры интересны и дороги тем, что показывают, как человек второй половины XVI в. представлял себе то, что происходило в родной ему стране в далеком для него прошлом.

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне»

Исследуя соотношение между собой жанров в древнерусской литературе, Д. С. Лихачев пишет: «Соединение нескольких жанровых определений в названиях произведений указывает не только на колебания книжника — какое определение выбрать, но является иногда результатом того, что древнерусские произведения действительно соединяли в себе несколько жанров».¹ В заглавии древнейшего списка первоначальной редакции «Слова о Вавилоне» также дается двойное «жанровое» определение: «Слово о Вавилоне о трех отрок. Послание от Леукия царя, а во крещеньи нареченаго Василея, еже посла в Вавилон испытати зднамения у святых трех отрок Онаньи, Озарьи, Мисаила».² В данном случае жанровая природа памятника не представляет собой механического соединения, сочленения двух различных жанров.

Настоящая заметка посвящена анализу сложной жанровой структуры произведения, в котором различные жанры представляют органическое слияние.

Итак, в заглавии «Слово о Вавилоне» определяется, с одной стороны, как «слово», с другой стороны — как «послание». Однако ни то, ни другое определение не дает действительного представления о жанре памятника. Оба термина — и «слово», и «послание» — многозначны. Значение термина «слово» в древнерусской литературе было значительно шире, чем термин *λόγος* византийской литературы, распространенной и органически усвоенной на Руси с XI в. Возможно, что одним из значений его и в XIV—XV вв. продолжало оставаться то, которое имело место в литературе Киевской Руси XI—XII вв. и о котором писал И. П. Еремин («термином „слово“ обозначали именно речи торжественно эпидейктического типа»)³. Однако чаще всего, как указывает Д. С. Лихачев, под одним этим назва-

¹ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, стр. 44.

² ГИМ, Музейное собр., № 2952. Цитаты приводятся главным образом по этому списку. Случай двойного определения жанра указаны в работах: Д. С. Лихачев. 1) Система литературных жанров древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 49; 2) Поэтика древнерусской литературы, стр. 43—44.

³ И. П. Еремин. Жанровая природа «Слова о полку Игореве». — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси. (Этюды и характеристики). М.—Л., 1966, стр. 150—151. О. В. Творогов в последнем комментарии к «Слову о полку Игореве» делает попытку дать сводное определение понятия «слово» в древнерусской литературе: «Слово — широко распространенный в древнерусской литературе термин, обозначающий ораторское, церковно-учительное произведение, текст, воспроизводящий или имитирующий обращение к кому-либо» (Слово о полку Игореве. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 466).

нием могли находиться совершенно различные произведения (см., например, «Слово о полку Игореве», «Слово на антипасху» Кирилла Туровского и «Слово похвальное» инока Фомы).⁴

Н. А. Мещерский расширяет толкование термина «слово» (примерами из языка XI и XV вв.), полагая, что «слово» может означать «устное предание», «легенда».⁵

Уместно напомнить, что содержанием «Слова о Вавилоне» также является легенда, и, по-видимому, термин «слово» в его заглавии ближе всего к значению «устное предание-сказание», «легенда».

У нас нет оснований решительно сближать «Слово о Вавилоне» с памятниками политического красноречия, искать в нем приемов ораторской речи. Не следует считать признаками ораторской прозы и те черты в памятнике, которые усматривал в нем М. О. Скрипиль. М. О. Скрипиль отмечал в нем наличие трехчастной, строго продуманной и последовательно выдержанной композиции — со вступлением, «чисто повествовательной» частью и «логическим» заключением (хотя сам же отмечал, что фабуле «Слова» свойственны и «второстепенные ответвления») — и подчеркивал логическую завершенность изложения в «Слове»⁶ (в начале произведения греческий царь обещает стать поборником веры христианской, если его посланцы возьмут в Вавилоне «знамение»; в конце произведения специально введена реплика царя Давида, напоминающего греческому царю о своем обещании, — реплика, которая должна логически завершить изложенную в начале мысль).

Как увидим ниже, композиция «Слова о Вавилоне» значительно сложнее трехчастной: это композиция повествовательного произведения, в котором последовательно рассказывается о ходе посольства в Вавилон.

В «Слове о Вавилоне» отсутствуют также и характерные для ораторских речей прямые обращения к читателю или слушателю во вступлении и заключении.

Логическая продуманность изложения в памятнике (а она в нем очевидна) зависит от того, что это произведение публицистическое. Основная цель его (как отметил М. О. Скрипиль) — доказать равенство трех христианских стран: Руси, страны «Обеж» («Без») и Византии.⁷ С публицистической его направленностью связан и тот факт, что сюжетообразующую роль в «Слове о Вавилоне» играет фраза-надпись, составленная из трех частей, якобы написанных на трех языках для посланцев трех стран; в надписи этой указывается, как найти дорогу к венцам царя Навуходоносора. Эта фраза является «кульминационным пунктом» произведения (определение М. О. Скрипиля), в ней заложен логически последовательный порядок будущего развития действия. Надпись эта — образец ювелирной работы книжника. Она представляет собой единое, нерасчлененное предложение, первая часть которого написана для посланца-грека — «по-гречески» («Котораго человека бог принесет к лестнице»), вторая — «по-обезки» («Да лезет чрес змея без боязни»), третья — «по-русски» («Да идет с лестнице чрес псалаты до часовнице»). Каждая часть фразы не может быть понята без двух других. Представитель каждой из трех хри-

⁴ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 43.

⁵ Н. А. Мещерский. 1) К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Ленингр. гос. ун-в., № 193, серия филологических наук, вып. 24, Л., 1956, стр. 4; 2) К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 43.

⁶ М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне граде. — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 130, 132.

⁷ Там же, стр. 133—142.

стианских стран может прочесть лишь часть надписи, на своем языке; каждому из посланцев уготована своя миссия, определяемая политическими симпатиями автора.

Как видим, автор мастерски пользуется стилистическими приемами книжной речи.

Имена героев «Слова о Вавилоне» — еще не имена исторических лиц (как, например, в легендарной генеалогии «Сказания о князях Владимирских»), но каждое из этих имен выбрано не случайно, имеет определенный смысл, помогающий автору раскрыть политическую идею своей легенды — идею равенства трех христианских стран.

Имя «греческого» царя — «Ливуй, а во святом крещении Василий» — символ византийского царя вообще: Василий (βασιλεύς) в переводе с греческого языка означает «царь», «государь». Имя Левуй (Ливуй, Леукий, Алелуй) навеяно одним из популярнейших имен византийских императоров — Лев. И. Н. Жданов считал, что за этим именем стоит царь Лев VI Премудрый (Философ).⁸

Автор рассчитывал, что смысловое значение имен трех посланцев также будет понятно избранным читателям. Имя «русина» — Лавер, Лавр, и в соответствии с именем русский венчает дело, читает последнюю, третью часть надписи, которая указывает посланцам, где хранятся царские регалии. Имя «обежанина» — Яков — в переводе (с еврейского языка) означает «последняя (последующая) страна» или «следующий по пятам», что также соответствует роли, которая отведена в памятнике стране «Обеж»: именно «обежанин», возвращаясь из Вавилона, спотыкается и падает на змея, пробуждая его. Имя «гричина» — Гугрий, т. е. Георгий, Юрий. Ко времени создания «Слова о Вавилоне» (по мнению М. О. Скрипиля, оно было написано в первой половине XV в.)⁹ легенда о св. Георгии на Руси получила широкое распространение. Культ Георгия как покровителя земледельцев (γεωργός — в переводе «земледелец, землепашец») в конце XII—конце XV в. был широко распространен.¹⁰ Изображение Георгия на коне покоряющим змея (символ врагов христианства) стало гербом Московского государства (см. также гербовые печати великих московских князей). Имя Гугрий—Юрий, вероятно, навеяно этой популярной на Руси легендой о византийском св. Георгии.

Сюжет и главные герои «Слова о Вавилоне» — плод авторского вымысла; и хотя «Слово» претендует на историческую достоверность, совершенно очевидно, что это сочинение псевдоисторическое.

Создавая свою легенду, автор знал и использовал целый ряд легендарных источников: византийские легенды (в том числе и распространявшиеся, по-видимому, изустно), легенду о св. Георгии, легендарный сюжет апокрифического «Слова о Макарии Римском» и, наконец, мотивы русских народных сказок о мертвом городе и былин.

Отголоски одной из византийских легенд, отразившейся в «Слове о Вавилоне», как установил И. Н. Жданов, были известны на Руси с начала XIII в. из Хождения Антония Новгородского.¹¹ В ней рассказывалось о том, как для византийского царя «Кор-Лея» (Льва VI Премудрого)¹² в Вавилоне была взята грамота, предрекавшая будущих правителей Царь-

⁸ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 37.

⁹ М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне граде, стр. 142.

¹⁰ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. — Византийский временник, т. VI, М., 1953, стр. 222.

¹¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 37.

¹² Там же, стр. 55.

града. Текст вавилонской грамоты в «Слове о Вавилоне» также содержит предсказание, что «греческий» царь Ливуй со своей царицей должен унаследовать знаки царской власти от царя Навуходоносора, который в христианской литературе был символом первой на земле неограниченной царской власти.¹³ Таким образом, по содержанию своему «Слово о Вавилоне» — легенда.¹⁴

Удается проследить текстологическую зависимость «Слова о Вавилоне» от апокрифического «Слова о Макарии Римском»: в апокрифе три монаха отправляются в поход из Месопотамского монастыря, из земли «сурьстей»; в «Слове о Вавилоне» первым намерением «греческого» царя было отправить в Вавилон 3 человек ... роду сурьска» («Слово о Макарии Римском» было распространено на Руси с середины XIV в.).¹⁵ Автор «Слова о Вавилоне» как бы отталкивается от сюжетной канвы «Слова о Макарии Римском» (его первой части). В апокрифе повествуется о путешествии трех монахов в поисках рая, в «Слове о Вавилоне» — о походе трех «мужей» в поисках царских регалий. В «Слове о Вавилоне», так же как и в апокрифе, каждый из трех путешественников поименован (в апокрифе это Феофил, Сергей и Угинови), а пройденное ими расстояние измеряется днями.

Слагая новую легенду, автор «Слова о Вавилоне» свободно пользуется приемами русского народно-поэтического творчества. Повествование в «Слове» начинается в духе сказочных зачинов, загадочным отказом посланцев идти в Вавилон в том составе, в котором царь намеревался их послать. Побуждаемые неизвестными еще читателям соображениями, три человека сирийского «роду» просят послать в Вавилон непременно трех человек, владеющих тремя разными языками: «Они же рекоша: „Неподобно нам тамо ити, но пошли из Грек гричина, из Без обяжанина, из Руси русина“. И посла, яко хотяхут». Загадка с отказом находит объяснение лишь после того, как три путешественника оказываются перед лестницей, ведущей в Вавилон-град, на которой они должны прочесть надпись соответственно на трех языках: «по-греческы», «по-обезкы» и «порускы».

Последовательное развитие фабулы «Слова о Вавилоне» (еще полностью совпадающей с сюжетом) иногда задерживается введением второстепенных, додуманных автором ситуаций, написанных им по мотивам народных сказок и былин. Таков эпизод с описанием возвращения трех «мужей» из Вавилона. Спускающийся с лестницы «обежанин» запинается за 15-ю (!) ступень и падает на спящего, обвившегося вокруг города змея. Змей медленно пробуждается: «И вѣсташа на змеи чешуя акы волны морьскыя». Когда, пробравшись сквозь «былие», заросли и гадов, три «мужа» садятся на коней, раздается страшный свист змея, от которого они «быша акы мертвы». Змеинный свист долетает до стана царя Василия, расположенного за «15 днии» пути, и повергает замертво наземь, ослепляет все царское войско (ср. падение ниц от свиста Соловья-разбойника Владимира Красна Солнышка и его бояр). От свиста сказочно-былинного змея погибает бас-

¹³ Там же.

¹⁴ О том, что легенда — жанр и как жанр возникает из апокрифа, М. О. Скрипиль пишет в своей работе «Легендарно-политические сказания древней Руси» (Доклады и сообщения Филологического института Ленингр. гос. унив., вып. 2, Л., 1950, стр. 52), но это вопрос особый.

¹⁵ Этот апокриф внесен в индекс молитвенника митр. Киприана, см.: А. И. Никифоров. Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славяно-русской письменности. — Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанск. унив., т. XXXII, Казань, 1922, вып. 2, стр. 166—167, 171; П. С. Тихонравов, Сочинения, т. I, М., 1898, прим. 73 на стр. 35.

нословное число царских «стад» — «яко до 3000». С помощью гиперболы, по мотивам сказок о мертвом городе воссоздана и картина опустевшего Вавилона, «полат» которого путники не видят сквозь дремучие заросли («И приидоша тамо и не видиша града: обросл бо бяше былием, яко не видити полаты»). Сказочная, единственная, еле заметная тропинка, протопанная эверем («путьц малаго звери хождение»), ведет к мертвому Вавилону-граду.

В «Слове о Вавилоне» органически сплетаются в изложении книжные приемы повествования с фольклорным приемом тричности: три «мужа», напоминающие в сцене возвращения трех богатырей, идут к трем вавилонским отрокам; три «слова» (на трех языках) в надписи на лестнице; трижды повторяется «глас свыше»; посланцы достигают Вавилона ровно через три недели, они испивают «по три чаши», а царь вознаграждает их дарами «по три перепера злата».

Как видим, по своему содержанию, стилю и приемам повествования «Слово о Вавилоне» ближе всего к легенде, легендарным сказаниям. Однако это еще не определяет полностью жанровой природы памятника.

Вторая часть заглавия памятника — «Послание от Леукия царя...» — связана с сюжетной схемой памятника и тоже не является его единственным жанровым определением. Из содержания памятника ясно, что «послание» не адекватно термину «послание-эпистола» и означает «посылание», «посылку», «посольство»: ¹⁶ «греческий» царь Василий отправляет посланцев за царскими регалиями («посла в Вавилон испытати зднамения...»).

Композиционная схема «Слова» полностью воспроизводит последовательность посольского церемониала. Повествование начинается обсуждением состава «посольства» между византийским царем и первоначально намеченными им к отправке тремя «человеки» христианского роду и «сурьскаго»; царь уступает встречному предложению послать представителей трех стран — Греции, «Обеж» и Руси. Некоторую часть пути царь сопровождает своих посланцев, подчеркивая тем самым важность, трудность и торжественность возложенной на них миссии. Он останавливается с войском, не доезжая до Вавилона, за 15 дней пути до него, и только здесь поверяет послам сокровенную, главную цель задуманного им «посольства» (следует традиционная речь-наказ послам): «Рече им царь Василий: „Аще будет зднамение святых zde, да не отлучюся от Ерусалима, но буду подобник вере хрестьяньстей и поборник на врагы иноверныя за род хрестьяньский“». Посланцы исполняют свою миссию, разгадывают, в чем состоит «знамение» трех вавилонских отроков, и захватывают вместе с венцами царя Навуходоносора и его царицы грамоту, предрекающую порядок наследования византийскими царями власти первых царей вселенной (текст грамоты приводится: «они же ... видиша грамоту, написано греческим языком: „Си венци створене бысть, егда Навходоносор царь створи тело златос и постави на поле Дирелмсте. И бяху бо венци те от камня самфира, измарагды и жемчюга великаго и злата аравита. Си венци створены бысть доселе, а ныни положена бысть и на царе богохранимом Василеи и царице блаженнии Александре молитвами святых трех отрок“»). «Послы» благополучно возвращаются и приветствуют царя Василия по всем правилам посольской церемонии: «... и пришедше, поклонися цареви. И рад бысть царь и вси вои его. И сказавше ему по единому»

¹⁶ Такого значения слова «послание» «Словарь» Срезневского не дает, однако в том же значении (посланье—посольство) оно употребляется, например, в «статейном списке» посла Ф. А. Писемского (XVI в.): «... вы пришли ... от великаго государя в посланье» (Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 107).

(т. е. каждый посол поочередно). В торжественном приеме «послов» участвует патриарх; он читает привезенную «послами» грамоту и возлагает венцы Навуходоносора и его царицы на царя Ливуя — Василия и царицу Александру. «Послание» в Вавилон завершается описанием принятого в посольском обычае щедрого одаривания «послов» золотом и серебром, камением драгим и жемчугом; в связи с удачным завершением «посольства», «на радостях», царь посылает дары иерусалимскому патриарху. Отпуская своих посланцев в родные земли, царь обращается к ним с прощальной речью: «И рече им: „Поидета с миром, где суть отци ваши и матери и прославите бога и 3 отроки и царя Улевуя, а во крещеньи нареченнаго Василея“». Перед нами фактически рассказ о царском посольстве.

Однако посланцы царя нигде «послами» не называются, автор именует их «человеки», «мужи», царицы «дети». Цель их «посольства» первоначально больше напоминает миссию калик перехожих: они посланы «испытати зднаменния» у гробов святых трех вавилонских отроков и руководствуются в своих поступках не дипломатическими соображениями, а указаниями «гласа свыше».

В повествование об этом «посольстве-хождении» вплетается стилистическая струя, восходящая к жанру «хождений», путешествий «ко святым местам». К XIV—XV вв. эти жанры (переводные и оригинальные «хождения», «путешествия», «странники», «путники», «проскинитарии», известные на Руси с XII в.) приобретают столь большую популярность, что в описании странствований начинает вырабатываться трафарет.¹⁷ «Слову о Вавилоне» присущ целый ряд таких трафаретов.

Пройденный путь в «Слове» постоянно исчисляется днями («ехали три неделе до Вавилона», «баше близ Вавилона за 15 дней», «греческий» царь «подошел бо баше за 15 дней. И отступиша от того места за 16 днии», «и настигоша царя за 16 днии»).

Для создания впечатления о реальности путешествия указываются число ступеней вавилонской лестницы («Бяшет бо лествица та 18 степеней, така бяшет толстота змея того») и число «великих» камней (20), которые посланцы выбирают для царя; называется ступень (15-я), о которую запнулся «обязанин».

Реальную картину древнего, покинутого жителями города создает упоминание об истлевших и рассыпающихся в прах при первом прикосновении одеждах («памфирах» — порфирах и «запонах») первых вавилонских царей, которые посланцы находят в «царевых полатах».

Зависимость от стиля «хождений» становится еще более очевидной в «Слове» при описании убранства христианской церкви и гробов трех вавилонских отроков. Именно здесь автор, начав повествование в третьем лице множественного числа, сбивается (вслед за трафаретом) на рассказ от лица очевидца: «Мы же вземше ис кубка того, быхом веселе. И воставше от сна мыслихом взяти кубок с вином и нести ко царю. И бысть нам глас от гроба в девятый час дни...». И тут же вновь переходит к изложению в третьем лице: «Они же ужасни быша велми. И бысть им глас второе».

«Слово о Вавилоне», как «послание» (в смысле «посольство») — его второе жанровое определение в заглавии, — хранит, кроме особенностей, присущих легендам, черты жанра «хождений» и будущих посольских «статейных списков». В нем можно проследить все основные части, все обязательные компоненты схемы изложения «посольских сказок», посоль-

¹⁷ В. В. Данилов. О жанровых особенностях древнерусских хождений. — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 24.

ских «статейных списков» и дневников, известных нам по более поздним материалам XVI—XVII вв.¹⁸ В «Слове» есть и тексты грамот, и речи послов к царю и царя к послам, и описание самого путешествия послов с обязательным повествованием от имени очевидцев (в 1-м лице), с описанием посольских церемоний и вручения им под конец даров.

Однако в изложении автор «Слова о Вавилоне» использует главным образом не стиль деловых памятников (хотя и стремится иногда к документальной точности рассказа и для убедительности приводит цифры), а стилистические приемы устного народно-поэтического творчества, легенд и жанра «хождений». В этом отношении «Слову о Вавилоне» близко другое произведение — «Сказание об Индийском царстве», вторая русская редакция которого была создана примерно в то же время, что и «Слово» (в конце XIV—начале XV в.).¹⁹ «Сказание об Индийском царстве», эпистола-«послание» индийского царя, оформлено в виде ответной посольской грамоты и является письменной частью дипломатического обмена послами между греческим и индийским царями. Однако автор его также почти не прибегает к документальному стилю посольских грамот. Этим оба памятника отличаются от памятников XVII в. — «Повести о двух посольствах», «Новой повести о преславном Российском царстве» и др., авторы которых используют не только формы деловой письменности (схемы построения деловых документов), но и ее документальный стиль.

Вымышленный легендарный сюжет (точнее, сюжет вымышленного легендарного посольства) создан в «Слове о Вавилоне» на основе схемы, по которой позднее будут строиться посольские «статейные списки».

Как видим, определенности в представлении о жанре памятника у автора «Слова о Вавилоне»²⁰ не было (см. двоякое название памятника в заглавии); да и сама жанровая природа произведения была сложной и не вполне определенной, совмещала в себе черты легендарного (псевдоисторического) публицистического «сказания»,²¹ с одной стороны, и «посольской сказки» («статейного списка»), «хождения» — с другой. Соответственно этой сложной жанровой природе памятника в повествовании его органически сочетаются и различные стили: книжно-риторический, фольклорный и стиль жанра «хождений».

¹⁸ По материалам XVII в. посольские «статейные списки» исследованы в статье: М. Д. Каган. Повесть о двух посольствах — легендарно-политическое произведение начала XVII в. — ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 222—226.

¹⁹ В. М. Истрин. Сказание об Индийском царстве. Исследование с тремя приложениями и фотографической таблицей. М., 1893, стр. 63.

²⁰ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 44.

²¹ В середине XVI в. при включении «Слова о Вавилоне» в состав Великих Четых Минеи Макария определение его как «слова» заменяется определением «сказание».

О. Ф. КОНОВАЛОВА

Принцип отбора фактических сведений в «Житии Стефана Пермского»

Довольно долго в научной литературе существовало мнение, что Епифаний Премудрый пренебрегал реальными фактами, увлекаясь только чистой риторикой, «плетением словес». Исследователи отмечали излишнюю изощренность языка писателя, обвиняли Епифания в стремлении затемнить реальный смысл событий. Мнение В. О. Ключевского,¹ что исторические сведения у Епифания Премудрого тонут в потоке авторского витийства, что фактические данные, использованные писателем, не соответствуют тем источникам, какими он, по-видимому, располагал, оказало решающее влияние на отношение к творчеству Епифания последующих исследователей.² Тем не менее несмотря на критическое отношение к достоверности фактических сведений, содержащихся в «Житии Стефана Пермского», многие историки, краеведы, географы, историки русской церкви широко пользовались в своих работах разнообразными данными, почерпнутыми из этого жития.³

Такая двойственная оценка труда Епифания находит объяснение в его неодинаковом отношении к историческим и фактическим сведениям.

Повествуя о своем герое, Епифаний не заботится об историзме и документальной точности изложения. Это приводит к тому, что над реальными фактами из жизни Стефана Пермского доминирует общая традиционная схема жизнеописания святого, что особенно заметно в разделе жития, посвященном детству и юности героя. Писатель включил в биографию Стефана лишь те факты его жизни, которые соответствовали основ-

---

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 78—112.

² И. Яхонтов. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882, стр. 8; А. Кадлубовский. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, стр. 165; В. Яблонский. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908, стр. 198—217; Е. В. Петухов. Русская литература. Юрьев, 1911, стр. 199—202; М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1921, стр. 104; А. С. Орлов. Лекции по древней русской литературе. М.—Л., 1939, стр. 90, 240; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1959, стр. 235—242, и др.

³ Е. Болховитинов. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, т. 1. М., 1827; А. Михайлов. Сказания о житии и трудах Стефана Пермского. — Вологодские губернские ведомости, 1850, № 9; Макарий, архиепископ. История русской церкви, т. IV. СПб., 1866; А. Дмитриев. Историко-археологический очерк Чердынского края. — В кн.: Календарь Пермской губернии. Пермь, 1883; Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889.

ному авторскому замыслу — доказать величие подвига святого. Безудержный поток восхищения перед деянием святого затмевает биографические сведения о герое. Так, говоря о родителях Стефана, Елифаній Премудрый не сообщает даты рождения святого. Отсутствие этих сведений привело к расхождению во мнениях исследователей по этому вопросу.⁴

Не подлежит сомнению, что Елифаній был хорошо осведомлен о многих обстоятельствах жизни Стефана, но в житии эти знания не были использованы, так как это противоречило замыслу писателя рассказать лишь о деяниях пермского епископа.

В предисловии к житию, в похвальном слове, Елифаній Премудрый указывает на источники сведений о Стефане. Он основывается на конкретных, хорошо известных ему фактах: «Сия же убо списках и zde и онде собрав, предположих, я ж о житии его ова слухом услышах, ова ж от ученик его уведах, я ж о учительстве, управлении. Есть же другое, яко и своима очима видех, иное ж и самем беседах многажды и от того навыхох и прочая».⁵ Обращаясь к самому Стефану, Елифаній произносит: «Аз же отче господине епископе, аще уже и умершу ти, хошу принести ти хвалу или сердцем, или языком, или умом, иже иногда живу сущу ти, бых ти досадител, ныне же похвалитель и некогда с тобою спирахся о неких о приключившихся или о слове етере, или о коемждо стисе, или о строц».⁶ В тексте жития заметны отголоски бесед Елифанія Премудрого с пермским епископом. Так, например, рассказ о борьбе Стефана с волхвом заканчивается словами епископа, которые Елифаній якобы запомнил из его рассказа: «...преподобный же рече: прение наше еже с волхвом, в нем же мала не скончася над нами одно слово, глаголющее: проидохом сквозе огонь и воду и изведе не в покои, но обаче отшедшу влхву обретохом покой».⁷ В. О. Ключевский отмечает, что в рассказе о проповеди святого в Перми «есть живые черты, схваченные прямо со слов Стефана и его сотрудников и оставленные автором в нетропутом риторикой виде».⁸

Совершенно очевидно, что Елифаній Премудрый был лично знаком со Стефаном. Он мог встречаться с ним в монастыре Сергия. Их сближало многое: высокая по тому времени образованность, склонность к рассуждениям и спорам на богословские темы и т. д. Таким образом, у Елифанія было достаточно возможностей подробно узнать жизнь Стефана Пермского. Однако, как уже было сказано выше, своей задачей писатель считал воспевание подвига Стефана, его деяний во славу христианства. Житейские подробности в таком рассказе неуместны, они даже могут принизить героя. Не менее важна еще одна теоретическая посылка писателя: житие нерукотворно, и в соответствии с представлением, что автор жития — лишь орудие в божьих руках, он сознательно избегает подробных биографических сведений о герое своего произведения. Поэтому так неопределенны сообщения жития о детстве Стефана, о его деятельности до появления в Перми, ничего не говорится о том, знал ли Стефан язык зырян (пермян) с детства, нет сведений об охранных грамотах, которые Стефан мог получить в Москве, ничего не сообщается о монастырях, созданных Стефаном, и т. д.

⁴ В. О. Ключевский предположил, что Стефан родился в 1332 г. (см.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 96); митрополит Макарий считал датой рождения Стефана 1330 г. (А. М. Сказание о жизни и трудах св. Стефана, спасителя Перми. СПб., 1856, стр. 3); Г. С. Лыткин называл 1335—1340 гг. (Г. С. Лыткин. Зырянский край..., стр. 4).

⁵ Житие святого Стефана епископа Пермского. СПб., 1897, стр. 2.

⁶ Там же, стр. 100.

⁷ Там же, стр. 58.

⁸ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 95.

Но совсем по-иному относится Епифаний к фактическим сведениям, не касающимся непосредственно личности подвижника. Большой интерес представляют описания религиозных обычаев язычников, рассказ о кумирах пермян, об их главном кумире «золотой бабе», сведения о местных промыслах, об охоте пермян.⁹ Ученые рассуждения Епифания о языках и азбуках, об азбуке пермского языка и образцы букв, имеющиеся в житии, послужили толчком для лингвистических изысканий в этой области.¹⁰ Епифаний описывает политическую ситуацию тех лет, рассказывает о взаимоотношениях Перми и Москвы, об отношении московской церкви к миссионерству Стефана.¹¹ Точны географические сведения Епифания, реальны описания быта и нравов пермян. Характерно, что именно Епифаний Премудрый дал названия племенам, населявшим Пермский край. Более того, само слово «пермяне» в письменности впервые было употреблено Епифанием.¹²

Не менее интересно отношение Епифаниевского жития к летописным данным о просветителе Пермской земли. Все сведения жития о Стефане, географическое описание Пермского края, справки этнографического и исторического характера встречаются и в летописях.¹³ Исследование и сопоставление летописей и «Жития Стефана Пермского» позволяют сделать вывод, что до появления жития, написанного Епифанием, о Стефане Пермском почти ничего не было известно и что те летописные статьи, которые повествуют о деятельности Стефана или сообщают какие-либо сведения о Пермской земле, восходят к житию.¹⁴

Итак, мы видим, что писатель отбирает факты и использует их в зависимости от назначения той или иной части жития. В произведении Епифания немало разнообразных фактических данных и только биография подвижника лишь намечена.

Почему же так долго живет мнение о том, что Епифаний Премудрый пренебрегал реальными фактами, создавая свое житие? Видимо, вольно или невольно, у читателей и исследователей произведения, в центре которого находится Стефан Пермский, все внимание сосредоточивалось на его личности и весь памятник воспринимался прежде всего как биография пермского епископа, а из-за этого оставались без внимания те действительно важные и конкретные сведения, которые содержались в житии, но не касались биографии Стефана.

⁹ А. Дмитриев. Историко-археологический очерк Чердынского края, стр. 27—32; Е. Попов. Великопермская и Пермская епархия. Пермь, 1879.

¹⁰ П. Савваитов. Грамматика зырянского языка. СПб., 1850; Г. С. Лыткин. Зырянский край. . ., стр. I—IV, 1—220 и др.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, стр. 128, 135, 209; А. Н. Клибанов. Реформационные движения в России. М., 1960, стр. 159.

¹² А. Дмитриев. Пермская старина. Пермь, 1889, стр. 3, 50, 121—134.

¹³ ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 249—250; т. VI, СПб., 1853, стр. 129; т. VIII, СПб., 1859, стр. 69—70; т. XI, М., 1965, стр. 164—165; т. XXIII, СПб., 1910, стр. 135; т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 262, 337; т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 226—227.

¹⁴ Более подробно соотношение реалей и вымысла в житии, летописные параллели, принципы, которыми руководствовался Епифаний при отборе фактов, будут рассмотрены в отдельной работе.

Н. А. КАЗАКОВА

О загадочном слове «итолок» новгородских и псковских летописей

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и в «Материалах для терминологического словаря древней Руси» Г. Е. Кочина имеется слово «итолок». У И. И. Срезневского оно приведено без пояснения значения и с одним иллюстративным текстом из Псковской I летописи под 6971 г.: «Присла князь мesterъ Ризскіи своихъ пословъ, честные люди Ивана князча Сивалданского, итолка своего Индрика и иныхъ Нѣмецъ добрыхъ».¹ У Г. Е. Кочина слово «итолок» приводится также без пояснения его значения, с тем же иллюстративным текстом, что и у И. И. Срезневского, и, кроме того, с ссылкой на грамоту новгородского посадника в Ригу 1418—1420 гг., изданную А. И. Соболевским и С. А. Пташицким в «Палеографических снимках с русских грамот» (СПб., 1903, № 41).² Но попытка осмысления этого слова у Г. Е. Кочина все же имется: в указателе тематическом, приложенном к словарю, «итолок» помещен в разделе XIV — «Политический строй, структура и деятельность органов власти», в рубрике 4 — «Должностные лица».³ Таким образом, слово «итолок» Г. Е. Кочин понимает как термин, обозначающий должностное лицо.

Иное осмысление дано в изданиях новгородских летописей. Во всех изданиях I и IV новгородских летописей при описании начала войны между Новгородом и Ливонией в 40-х годах XV в. следующим образом передается мотивировка этой войны немецкой стороной: «Мы вас не воюемъ, — заявили ливонские послы Новгороду, — а воюеть васъ князь Григори из заморья Клевьскыи про своего проводника Итолка Ругодивца».⁴ В этом тексте слово «итолок» осмыслено издателями как имя собственное, имя проводника герцога Клевского.

Понять значение этого неясного слова помогает привлечение ливонских документов, в которых речь идет о тех же событиях, что и в приведенном выше отрывке новгородских летописей. В конце 1443 г. между Ливонией и Новгородом началась война. Причина ее заключалась в стремлении руководства Ливонского ордена посредством войны с «схизмати-

¹ Срезневский. Материалы, т. I, столб. 1168.

² Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, стр. 137.

³ Там же, стр. 452.

⁴ ПСРА, т. IV, СПб., 1848, стр. 123; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888, стр. 423; ПСРА, т. IV, вып. 2, Л., 1925, стр. 439; Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 423—424 (цитата в тексте дана по последнему изданию).

ками-русскими» укрепить пошатнувшееся положение Ордена внутри Ливонии и в то же время поднять его авторитет в глазах западноевропейского католического мира.⁵ В качестве повода для начала военных действий Орден использовал убийство русскими в 1438 г. переводчика путешествовавшего по Ливонии и России брата герцога Клевского, Гергарда фон Клеве. Убийство произошло при следующих обстоятельствах. В 1438 г. Гергард фон Клеве решил посетить святые места. Путь он избрал дальний — через Ливонию и русские земли. Перед тем как поехать через новгородские владения, Гергард фон Клеве заручился грамотой новгородских властей, гарантирующей беспрепятственный проезд и безопасность ему и сопровождавшим его лицам. Из Новгорода по каким-то причинам Гергард фон Клеве повернул обратно. Находясь уже в Ревеле, он узнал, что его переводчик Герман Кокен, житель Нарвы, возвращавшийся домой, в Ямгороде (Ниеншлоте) был заключен русскими в темницу и затем убит. В связи с убийством Германа Кокена между Гергардом фон Клеве, ливонскими властями и Новгородом возникла длительная переписка, в ходе которой ливонские власти требовали от Новгорода удовлетворения за убийство переводчика Гергарда фон Клеве.⁶ Однако когда в конце 1443 г. начались военные действия и орденское войско вторглось на территорию Новгородской земли, то ливонский магистр, желая снять с себя ответственность за агрессию, отправил к великому магистру Тевтонского ордена посла с поручением сообщить, что войско, созванное магистром на случай нападения со стороны русских, без ведома и приказа магистра и высших должностных лиц Ордена совершило нападение на русских, так как они причинили обиду Гергарду фон Клеве.⁷ Примерно такое же объяснение руководство Ордена дало и Новгороду: «Мы вас не воюемъ, а воюеть васъ князь Григорий из заморья Клевьскый про своего проводника Итолка Ругодивца» (см. стр. 139).

Сопоставление известий русских летописей и ливонских документов показывает, что «Итолок Ругодивец»,⁸ проводник «князя Григория из заморья Клевьскаго», прочно бытующий в изданиях новгородских летописей, это переводчик Гергарда фон Клеве, брата герцога Клевского, житель Нарвы по имени Герман Кокен, и что, следовательно, слово «итолок» нельзя рассматривать как имя собственное. Нельзя рассматривать его и как термин, обозначающий какое-то должностное лицо с неясными для нас функциями. Герман Кокен был переводчиком. Для обозначения переводчика в древнерусском языке, помимо термина «толмач», употреблялся термин «толк».⁹ И именно этим термином пользовался летописец, сообщая о возникновении войны из-за убийства служившего у брата герцога Клевского «проводника и толка ругодивца». При издании же летописи слова «и толка» были произвольно соединены, а при составлении слова-

⁵ Н. А. Казакова. Борьба Руси с агрессией Ливонского ордена в первой половине XV в. — Ученые записки Ленингр. гос. унив., № 270, серия исторических наук, вып. 32, Л., 1959, стр. 21—23.

⁶ Liv-Est- und Kurländisches Urkundenbuch, Bd. IX. Riga—Moskau, 1889, №№ 389, 394, 395, 409, 425, 445, 446, 455, 577, 608, 620, 653, 1016.

⁷ «Nw hat semlich volk, das meyn herre und seine gebietiger alzo geruffen hatten, sunder wissen, willen und volbort meyns herren und seyner gebietiger, idoch nicht in meynes herren und seyner gebietiger, sunder in des hochgebornen junckeren Gerardes von Cleve namen um senliche smahet, an em begangen, vor dissen ncestgeledenen wintter dieselben Rewssen angegriffen, beschediget, gerobet und gebrantt etc.» (Инструкция послу ливонского магистра к великому магистру от 8 мая 1444 г.: Liv-Est- und Kurländisches Urkundenbuch, Bd. X, Riga—Moskau, 1896, № 43, стр. 31—32).

⁸ В летописном тексте эти слова даются в форме родительного падежа — «Итолка Ругодивца».

⁹ Срезневский. Материалы, т. III, столб. 1046.

рей для слова, созданного в результате неправильного прочтения и в древнерусском языке никогда не существовавшего, была придумана форма именительного падежа — «итолок» (в текстах эта форма нигде не встречается). Таково происхождение «загадочного» слова «итолок».

Ливонские документы, привлеченные для объяснения «загадочного» слова, позволяют установить еще одно любопытное обстоятельство, для иллюстрации которого приведем цитату из переписки Гергарда фон Клеве. В одном из писем, сообщая об убийстве своего переводчика, Гергард фон Клеве писал, что «они (русские, — Н. К.) убили нашего переводчика в темнице» («... sy Herman ther Koecken unsen tolck in dem gefenckpnusse gedodet hebi»).¹⁰ Цитата показывает, что в ливонских документах «переводчик» обозначался термином «tolck». В Ливонии были в употреблении оба средневековых немецких языка — и средненижнемецкой, и средневерхнемецкой. И в обоих языках имелось слово «tolck», означавшее «переводчик»¹¹ и полностью совпадавшее по написанию и значению с древнерусским словом «толк» — «переводчик».

Такое удивительное совпадение интересующих нас древнерусского и средневекового немецкого слов могло быть обусловлено либо происхождением их от общего индоевропейского корня, либо заимствованием в результате существовавших между Русью и Ливонией оживленных торговых, дипломатических и культурных сношений. М. Фасмер в своем «Русском этимологическом словаре» указывает, что слово «толк» в значении «переводчик» из русского языка перешло в литовский (*tulkas*), латышский (*tolks*), эстонский (*tulk*), средненижнемецкой (*tolck*).¹² Таким образом, перед нами яркий пример лексического влияния древнерусского языка на языки соседних народов. Проводником этого влияния был древний Новгород.

¹⁰ Письмо Гергарда фон Клеве Ревелю от 30 ноября 1438 г.: Liv-Est- und Kurländisches Urkundenbuch, Bd. IX, № 395.

¹¹ В обоих языках имелся и глагол «tolcken» — «переводить». См.: A. Lübben. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Norden und Leipzig, 1888, стр. 409; M. Lexer. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch, Bd. II. Leipzig, 1872, стр. 1459—1460.

¹² M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, 17. Lieferung (Bogen 36—40). Heidelberg, 1955, стр. 115.

Я. С. ЛУРЬЕ

К проблеме свода 1448 г.

В наследии, оставленном нашей науке А. А. Шахматовым, особое значение имеет произведенная им колоссальная работа по сравнительно-историческому изучению памятников летописания. Сопоставление обширных сводов между собой и установление их сходства на большом протяжении дает возможность с несомненностью заключить о наличии у них общих источников — сводов-протографов.

Менее бесспорны попытки определения этих сводов-протографов, которые в ряде случаев предлагал А. А. Шахматов. По справедливому замечанию М. Д. Приселкова, при таком определении «А. А. Шахматову приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, которыми пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста. Этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные, что вызывало неодобрение тех исследователей, которые привыкли и умели оперировать только над простым и легко читаемым текстом. Несомненно, что дальнейшее изучение внесет в добытые Шахматовым результаты немало поправок и уточнений, подобных тем, которые вносил сам исследователь, но это дальнейшее изучение непременно будет исходить из того метода изучения летописных текстов, который указал Шахматов».¹

Одним из «узлов» летописания, предположительно намеченных А. А. Шахматовым, был свод, названный в его основных работах «сводом 1448 г.». Свод 1448 г. А. А. Шахматов считал протографом значительной части (едва ли не большинства) известных нам летописей. Речь идет об источнике двух больших летописных семей — Новгородской IV и Софийской I летописей; от Софийской летописи зависят основные московские летописные своды — Никаноровская летопись, Московский свод конца XV в. и многие другие. Общий текст Софийской и Новгородской IV летописей, представляющий собой своеобразную комбинацию общерусского (митрополичьего) и новгородского летописания, доходит до 1418 г.; дальше в Софийских летописях следуют преимущественно московские, в Новгородских — преимущественно новгородские известия. Но источник обеих летописных семей вовсе не должен был доходить только до 1418 г.: одна из двух групп могла почему-либо просто прервать использование этого источника на этом годе. А. А. Шахматов обратил внимание на любопытное известие, читающееся во всех этих летописях перед известием

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 13.

о Куликовской битве. Здесь говорится, что в 1380 г. праздник благовещения совпал с пасхой, «а перво сего бысть за 80 лет и за 4 лета (т. е. за 84 года до 1380 г., следовательно в 1296 г., когда, как можно установить по соответствующим пасхальным таблицам, благовещение тоже совпало с пасхой, — Я. Л.), а потом будет за 80 лет без лета (т. е. через 79 лет после 1380 г. — в 1459 г., что тоже нетрудно было вычислить по таблицам, — Я. Л.), а потом [будет] за 11 лет». Что означают последние слова? Через 11 лет после 1459 г. благовещение не должно было совпадать с пасхой (очередное совпадение предстояло только в 1532 г.). А. А. Шахматов пришел к выводу, что, говоря о совпадении пасхи и благовещения, которое «потом [будет] за 11 лет», летописец имел в виду то же самое совпадение в 1459 г. и указывал, что это совпадение произойдет «потом за 11 лет», т. е. через 11 лет после момента, когда он, летописец, писал эти слова. Следовательно, текст общего источника Новгородской IV и Софийской летописей был составлен за 11 лет до 1459 г. — в 1448 г. Отсюда и определение, данное А. А. Шахматовым этому источнику, — «свод 1448 г.».²

Представление о своде 1448 г. как об источнике ряда летописей Москвы и Новгорода было принято и М. Д. Приселковым. Он расходился с А. А. Шахматовым только в определении характера этого свода. А. А. Шахматов считал, что свод 1448 г. был новгородской летописью, из которой протограф Софийских летописей изъясил известия после 1418 г., заменив их общерусскими. М. Д. Приселков полагал, напротив, что это был митрополичий свод, использовавший новгородский источник, и что он более последовательно передал Софийскими летописями и менее последовательно (с исключением известий после 1418 г.) — Новгородскими.³

В своей книге «Русские летописи» Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что термин «свод 1448 г.», употреблявшийся в большинстве работ А. А. Шахматова, был им заменен в последних работах на «Новгородско-Софийский свод 1430-х годов».⁴ Обратившись к архиву А. А. Шахматова, Д. С. Лихачев убедился в том, что эта перемена не была случайной. А. А. Шахматов отказался от понятия «свод 1448 г.» под влиянием письма к нему А. В. Маркова, предложившего свою конъектуру к упомянутому известию 1380 г. о совпадении благовещения и пасхи. По мнению А. В. Маркова, последние слова этого известия «а потом за 11 лет» должны быть переставлены из конца фразы в середину и весь текст будет читаться так: «а перво сего бысть за 80 лет и за 4 лета, а потом за 11 лет, а потом будет за 80 лет без лета»; слова «а потом за 11 лет» надо понимать в смысле «а перед этим было за 11 лет», т. е. за 11 лет до 1296 г., а именно в 1285 г., когда пасха и благовещение действительно совпали.⁵ Если такая поправка верна, то в этом известии ничего не говорится

² А. А. Шахматов. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, стр. 98, 104; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 151—160. А. А. Шахматов цитировал текст по Софийской I летописи (ПСРА, т. V, СПб., 1851, стр. 238); в Новгородской IV летописи (ПСРА, т. IV, ч. I, Пгр., 1915, стр. 311) слова «будет» в последней фразе нет.

³ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 149—161.

⁴ А. А. Шахматов. Летописи. (Статья из «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона, т. XXV). — В кн.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 366. Ср.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916 (ЛЗАК, вып. 29), стр. XLIX.

⁵ Письмо А. В. Маркова А. А. Шахматову от 15 декабря 1911 г.: Архив АН СССР (Ленинград), ф. 134, оп. 3, ед. хр. 918, лл. 38—39 об.; А. А. Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 г. — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. М.—Л., 1947, стр. 135. Ср.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 447—449.

о 1448 г., и дата эта, таким образом, отпадает. Следуя последним работам А. А. Шахматова, Д. С. Лихачев и другие авторы отказались от понятия «свод 1448 г.» и считают общим источником Новгородской IV и Софийской летописей «Новгородско-Софийский свод 30-х годов».⁶

Однако вопрос этот едва ли можно считать окончательно разрешенным. Несомненно, что в основе Новгородской IV и Софийской летописей лежат два источника — новгородский свод и общерусская летопись двух первых десятилетий XV в. Когда же эти две летописи были соединены между собой и стали основой последующих сводов? Дата «30-е годы XV в.» весьма неопределенна — она основывается только на окончании текста старшей редакции Новгородской IV летописи;⁷ между тем вовсе не доказано, что эта редакция отражает протограф всей семьи Софийской и Новгородской IV летописей.

Но в какой степени конъектуру А. В. Маркова можно считать обоснованной? Предполагая, что слова «а потом за 11 лет» были поставлены не на месте в одной из летописных редакций, А. В. Марков видел причину предположенного им искажения в том, что первоначальная запись была сделана в Москве, где год был сентябрьский, а исказили ее в Новгороде, где был мартовский год. Непонятно, однако, почему различие в этих двух отсчетах должно было вызвать такую перестановку. Впрочем, от такого объяснения перестановки текста потом отказался и сам А. В. Марков, отметив, что «март мартовского года равен марту сентябрьского года; следовательно, нельзя определить, какой год имел в виду летописец — мартовский или сентябрьский».⁸

Конъектура А. В. Маркова не оправдывается и какими-либо недостатками текста — в своем первоначальном виде он достаточно ясен и грамматически правилен. А между тем даже и после перестановки текста его толкование, предложенное А. В. Марковым, представляется весьма сомнительным. Можно ли слова «потом за 11 лет» понимать в смысле «перед этим было за 11 лет», «за 11 лет до этого»? Словари не дают нам примеров такого «ретроспективного» осмысления слова «потом».⁹ Первоначальное шахматовское толкование этого места представляется поэтому более убедительным, чем толкование А. В. Маркова.

Вопрос о времени создания и о происхождении летописного свода, отразившегося в многочисленных изводах и списках Новгородской IV и Софийской летописей, может быть, очевидно, решен только на основании анализа совпадающего текста этих летописей в целом. Как известно, текст этот весьма сложен и пестр по своему составу: наряду с множеством новгородских известий общий источник Новгородской IV и Софийской I ле-

⁶ Д. С. Лихачев. Русские летописи. ., стр. 312—317; М. Н. Тихомиров. Летописи. — В кн.: Советская историческая энциклопедия, т. 9. М., 1965, столб. 600.

⁷ А. А. Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 г., стр. 136—137. В выборке известий из новгородской летописи, помещенной в Карамзинском списке (ГПБ, F.IV.603; ср.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 189—195), а также в младшей редакции Новгородской IV летописи текст доведен до 1446—1447 гг.; в связи с этим А. А. Шахматов, даже после того как он принял конъектуру А. В. Маркова, считал «соблазнительной» мысль о том, что общий источник Софийской II и Новгородской IV летописей был составлен около 1448 г. (А. А. Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 г., стр. 135).

⁸ Письмо А. В. Маркова А. А. Шахматову от 27 декабря 1911 г.: Архив АН СССР (Ленинград), ф. 134, оп. 3, сл. хр. 918, л. 41 об.

⁹ Ср.: Срезневский. Материалы, т. III, столб. 1070—1071. Заметим, кстати, что А. А. Шахматов, перевода слова «потом будет за» как «потом будет через», привел целый ряд примеров того, что «за» означало в древних памятниках «через» (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 154, прим. 2).

тописей содержит также ряд больших общерусских повестей, относящихся к истории XIV в. и неизвестных нам по более ранним летописям. Какого происхождения эти повести? А. А. Шахматов считал, что они впервые появились в Полихроне XV в. — митрополитчем своде 1423 г. (по М. Д. Приселкову — 1418 г.), а уже из него попали в свод 1448 г.¹⁰ Однако решение этого вопроса затрудняется из-за недостатка летописных текстов, которые можно было бы возвести непосредственно к митрополичьей летописи 1418—1423 гг., а не к общему источнику Новгородской IV и Софийской I летописей. А. А. Шахматов считал такими непосредственными отражениями Полихрона летописный текст Хронографа и Ермолинскую летопись.¹¹ Однако уже М. Д. Приселков обратил внимание на то, что летописный текст Хронографа начиная с 1408 г. (а частью даже с 1393 г.) вставлен в него задним числом и отражает не Полихрон 1418 г., а значительно более позднее летописание.¹² Это наблюдение может быть распространено и на летописный текст Хронографа за более ранние годы: текст этот совпадает с Сокращенными летописными сводами конца XV в. (изданными теперь в ПСРЛ, т. XXVII) и восходит, очевидно, не к Полихрону 1418—1423 гг., а к летописанию более позднего периода (позже свода 1448 г.). То же можно сказать и об Ермолинской летописи: наблюдения А. Н. Насонова неопровержимо доказали, что в основе ее лежит не непосредственная обработка Полихрона, а летописный свод середины XV в., отразившийся и в Московском своде 1479 г.¹³

Если же искать следы митрополичьего летописания за период между 1408 г., когда был составлен известный исследователям свод митрополита Киприана (Троицкая летопись), и серединой XV в., то для этого, очевидно, следует обратиться к двум летописным сводам — к Московско-Академическому списку Суздальской летописи и к общерусскому (митрополичьему) своду 1446 г., сохранившемуся в составе Западнорусской (Белорусской) летописи. Заключительная часть Московско-Академического списка (1237—1418 гг.) представляет собой ростовскую летопись, восходящую в свою очередь к общерусскому (митрополичьему) своду, доведенному во всяком случае до 1417 г. (смерть старшего сына Василия Дмитриевича). Свод этот был близок к своду 1408 г. (Троицкой летописи), но отражал уже иной этап митрополичьего летописания: здесь рассказывается о вступлении на престол следующего за Киприаном митрополита всяя Руси — Фотия (1410 г.) и события времени Киприана излагаются в такой форме, какая была невозможна при этом митрополите (сообщалось, например, о том, что в 1383 г. Дмитрий Донской «выгна Киприана митрополита, и бысть оттоле мятеж в митрополии»).¹⁴ Перед нами, очевидно, как раз отражение митрополичьего летописания времени Фотия. А между тем никаких следов больших летописных повестей, содержащихся в Софийской I и Новгородской IV летописях, мы здесь не находим; в частности, рассказ о Куликовской битве восходит в Московско-Академическом списке к ран-

¹⁰ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 157.

¹¹ Там же, стр. 133—150 (главы VIII и IX).

¹² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 148—149.

¹³ А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 218—222.

¹⁴ Суздальская летопись по Академическому списку, принадлежащему библиотеке Московской духовной академии. — В кн.: Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 509—512. В Троицкой летописи говорилось, что Киприан «съеха с Москвы в Киев» (М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 425).

нему рассказу, читающемуся в Троицкой (Симеоновской) летописи.¹⁵ Не сохранилось следов таких повестей и в Западнорусских летописях. И здесь первоначальный текст Троицкой летописи (свода 1408 г.) дополнен более поздним материалом; о Киприане, например, сказано, что в 1383 г. Дмитрий «выслал» его из Москвы (из-за чего «бис мятежь в митрополии»);¹⁶ общерусские известия доходят до 1446 г. Но рассказ о Куликовской битве и здесь соответствует тексту Троицкой летописи.¹⁷

Анализ отдельных рассказов, читающихся в общем источнике Софийской I и Новгородской IV летописей, подтверждает мнение об их относительно позднем происхождении. М. А. Салмина, специально исследовавшая «Летописную повесть» о Куликовской битве, показала, что уже первоначальный текст этой повести в Софийской I и Новгородской IV летописях связан с исторической обстановкой 40-х годов XV в. и имеет анахронистические черты;¹⁸ отзвуки династической борьбы 30—40-х годов (Василий II и галицкие князья) исследовательница обнаружила и в другой большой летописной повести того же свода — «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича».¹⁹

Таким образом, и отдельные предварительные наблюдения над текстом свода, отразившегося в Софийской I и Новгородской IV летописях (наблюдения эти, конечно, должны быть еще продолжены), ведут нас к тем же выводам, что и расчет годов, помещенный под 1380 г. (как мы знаем, этот расчет непосредственно предшествует в летописях рассказу о Куликовской битве). Не был ли этот свод действительно создан «за 11 лет» до 1459 г., т. е. в 1448 г.?²⁰ И не следует ли поэтому восстановить в правах понятие «свод 1448 г.»?

¹⁵ Суздальская летопись по Академическому списку, стр. 508; М. Д. При-
селков. Троицкая летопись, стр. 419—421. Ср.: М. А. Салмина. «Летописная
повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: Слово о полку Игореве и па-
мятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 355—364.

¹⁶ ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907, столб. 43. Текст Западнорусских летописей за
1310—1384 гг. (за исключением приведенного известия о Киприане) близок к Троиц-
кой летописи. После 1384 г. следует известие 1388 г. о смерти Дмитрия Донского,
совпадающее с Московско-Академическим списком, а затем текст за 1384—1446 гг.,
близкий к первоначальной редакции Софийской I летописи. Ср.: М. Д. При-
селков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 155—158.

¹⁷ ПСРЛ, т. XVII, столб. 41—42.

¹⁸ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задон-
щина», стр. 364—376 (в числе лиц, погибших в Куликовской битве, назван Федор Та-
русский, убитый в действительности под Белевом в 1437 г.).

¹⁹ М. А. Салмина. «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича» в ле-
тописании (печатается в ТОДРА, т. XXV).

²⁰ Некоторые основания для датировки свода, отразившегося в Софийской I и
Новгородской IV летописях (*terminus ante quem*), могут дать обнаруженные
А. А. Шахматовым заимствования из этого свода в Новгородской I летописи млад-
шего извода (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—
XVI вв., стр. 162—165), старший список которой (Комиссионный) писан на бумаге
с водяными знаками 40-х годов XV в. (Новгородская I летопись старшего и млад-
шего изводов. М.—Л., 1950, стр. 7—8). Однако текст в этом списке доведен до
1446—1447 гг., и А. А. Шахматов определял время его составления 1453—1462 гг.
(А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв.,
стр. 171).

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

У истоков московских историко-политических идей XV в.

В России идеи об особой исторической миссии государства более всего были в ходу в конце XV—XVII в. Однако корни их уходили в более далекие времена и до сих пор еще недостаточно прослежены.

Известен афоризм В. О. Ключевского, что чувства народа в момент образования национального великорусского государства «выразили тогдашние органы московской публицистики — летопись и юридивый».¹ Конечно, эта формула неполна, и арсенал средств русской публицистики был куда шире. Но столь же несомненно, что именно на страницах летописи в наиболее четком виде кристаллизовались нарождавшиеся и получавшие распространение историко-политические идеи своего времени. Поэтому представляется полезным рассмотреть ход формирования этих идей на материале московского летописания XV в.

Характерной чертой московских сводов было включение в их состав многочисленных исторических сказаний и повестей. В отборе этих повестей, в характере и степени их использования отчетливо проявлялись собственные позиции составителей сводов, их идейно-политическое кредо. И как раз при посредстве этих повестей проникли в летопись новые взгляды о месте Московского княжества в ряду русских земель и об исторической роли великокняжеской столицы — Москвы.

Повесть о нашествии Едигея на Русь, включенная в митрополичий свод 1409 г., рассказывала о том, как Едигей потерпел неудачу у стен Москвы «в день, в оный же празднуют память преставления Петра митрополита, новаго чудотворца рускаго». Автор повести писал: «Мню бо, яко и того молитва еже к господу богу избави люди и град от толикаа нужи и беды, належащаа на них; еже бо в животе своем превозлюби град свой паче всех град». И далее: «Сему граду и людем, сущим в нем, дасть бог сицевого святителя заступати и спасати могоуща от всех злых, находящих на нас».²

Так на глазах у современников, только что переживших нашествие Едигея, создавалась легенда о покровительстве национального святого городу Москве. И недаром «Повесть о Едигее» прочно вошла в тот круг литературных произведений, которые на протяжении XV—XVI вв. переходили из одного летописного свода в другой.³

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 2. М., 1937, стр. 120.

² М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 470.

³ ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 97; т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 239; т. XXVI, М.—Л., 1959, стр. 177; т. VIII, СПб., 1859, стр. 85; т. XI, М., 1965, стр. 209.

«Владимирский полихрон», созданный при митрополичьем дворе в конце первой четверти XV в., включил, наряду с «Повестью о Едигее», другие исторические повести, сложенные незадолго до этого.⁴ В повести о побойше на Дону,⁵ в «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича»⁶ отчетливо ощущаются ноты общерусского патриотизма и вместе с тем выделена роль московского князя, личность которого окружена священным ореолом.⁷

Особо следует сказать о вошедшей в «Полихрон» «Повести о московском взятии от царя Тохтамышша», созданной в конце XIV в.⁸ Используемый в «Полихроне» вариант этой повести содержит восторженное славословие в честь великокняжеской столицы: «град велик, град чуден, град многочеловечен, в нем же множество людий, в нем же множество огосподства».⁹

И все же, при всей промосковской направленности митрополичьих сводов первой половины XV в., они еще не шли дальше простого восхваления Москвы, ее князей и «святых покровителей». Содержание этих сводов не подтверждает распространенное в дореволюционной и современной зарубежной литературе мнение о том, что главным толчком к возникновению официальной идеологии Московского царства явилось фактическое установление автокефалии русской церкви после Флорентийской унии и падения Византийской империи.¹⁰ Летопись тех лет отозвалась на эти события лишь весьма краткими известиями. А тот комплекс историко-политических идей, который открыл собой новую фазу в формировании идеологии русского централизованного государства, появился в летописных сводах не в сороковых годах (после Флорентийской унии) и не в пятидесятых (после взятия Царьграда турками), а лишь в семидесятых годах XV в.

Этот сдвиг в идейном содержании летописей был связан прежде всего с крупными переменами во внутренней жизни России: ведь оба новых великокняжеских свода семидесятых годов (1472 и 1479 гг.) появились по свежим следам новгородских походов Ивана III, сразу же после окончательного присоединения Новгорода к Московскому государству. И именно в рассказах об этих походах впервые с полной силой прозвучала мысль о единстве исторического процесса на территории Руси — с киевской поры до современной автору эпохи.¹¹

В соответствии с духом того времени мысль эта приняла форму утверждений о единстве правящей династии. Летопись передает мнение Ивана III о том, что новгородцы (так же как и остальные жители Руси) «от Володимера даже и до сего дни его род знали един и правилися всем

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 157.

⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, стр. 311—322; т. XXVII, стр. 71—76.

⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 351—366; т. XXVII, стр. 82—87.

⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьскаго. — ТОДРА, т. V, М.—Л., 1947, стр. 91; А. В. Соловьев. Епифаний как автор «Слова о житии Дмитрия Ивановича». — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 102.

⁸ М. И. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — ИА, т. 7, М., 1951, стр. 211.

⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 336; т. XXVII, стр. 79; т. XVI, СПб., 1889, стр. 127; т. XXVI, стр. 150.

¹⁰ М. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1899, стр. 60; H. Schaefer. Moskau das Dritte Rom. Hamburg, 1929, стр. 15; С. Goumanoff. Moscow the third Rome. — The Catholic historical review, 1955, vol. 40, № 4, стр. 435.

¹¹ Вне летописной традиции эта тема развивалась и ранее. См.: Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.—Л., 1962, стр. 11.

великим князем о всем, прежде Киевским, потом же Володимирским». ¹² Это утверждение, трижды повторенное в своде 1472 г., ¹³ развивается еще подробнее в своде 1479 г., рассматривающем как единое целое весь отрезок русской истории — «от начала, как и земля их стала, и как великии князи учали быть от Рюрика на Кieve и на Володимере и до сего великого князя Ивана Васильевича». ¹⁴ Таким образом, линия исторического развития государства на Руси представлялась прямой и непрерывной, ¹⁵ что в глазах тогдашних людей свидетельствовало о значительности государства и являлось надежным залогом его будущих успехов.

Русская земля объявлялась — в духе норм феодального государственного права — «вотчиной» великого князя, и присоединение Новгорода рассматривалось как возвращение в состав «вотчины» одной из ее составных частей: великий князь «отчину свою Великий Новгород привел на всю свою волю и учинился на нем государем, как и на Москве». ¹⁶

По мнению Я. С. Лурье, в подобной трактовке присоединения Новгорода «сказался консерватизм официальной московской идеологии», поскольку это присоединение «нигде не трактуется в великокняжеских сводах как принципиально новый шаг в московской политике». ¹⁷ Пожалуй, говорить о «консерватизме» в данном случае вряд ли уместно: скорее следует сказать об умелом и понятном для современников идеологическом обосновании важного политического шага. На этом примере особенно ясно видно, как «теория киевского наследства становилась все более совершенным оружием в руках русского правительства». ¹⁸

Московские власти вынуждены были заботиться не только об оправдании своего централизаторского курса, но и о том, чтобы противостоять растущей политической силе Литвы. О серьезности ситуации свидетельствовала попытка новгородского боярства пойти «под руку» литовского князя. Еще свежа была память о пролитовских настроениях в правящих кругах бывшего Тверского княжества. Росту авторитета Литвы способствовало и то, что в 1470 г. константинопольский патриарх утвердил литовского митрополита в сане «митрополита всея Руси», поставив тем самым под сомнение правомочия московского церковного владыки.

Правительству Ивана III важно было придать Москве такую притягательную силу, которая перевесила бы любое стремление уйти из-под ее власти. И вот в русле московской официальной идеологии начинают развиваться идеи, появившиеся до сих пор лишь в неофициальных памятниках церковного происхождения.

В великокняжеский свод 1479 г. вошла статья «О Сидоре митрополите», использовавшая русские сочинения 1440—1460-х годов о Флорентийском соборе. В этой статье отчетливо выражена мысль о том, что Царьград утратил свое бывшее благочестие ¹⁹ и центр мирового православия переместился в Россию. ²⁰ Еще более четко проводится эта идея в своде

¹² ПСРЛ, т. XXVII, стр. 131.

¹³ Там же, стр. 130, 132.

¹⁴ ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 253; т. XXV, стр. 309; т. XXVI, стр. 256.

¹⁵ А. В. Черепнин. Русская историография до XIX в. М., 1957, стр. 89.

¹⁶ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 265; т. XXV, стр. 322.

¹⁷ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 322.

¹⁸ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. М., 1946, стр. 40.

¹⁹ См.: «Царь же и патриарх православия в прелести Латынских ересей впадошася, в сети злата для увязнувшие, погыбоша... Бога отлучишася и с Латиною съединишася» (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 184; т. XXV, стр. 257).

²⁰ См.: «Въсточнии земли суть Русьстии болшее православие и вышшее христианство Белье Руси» (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 178; т. XXV, стр. 254).

1493—1494 гг.,²¹ именовавшем Василия II титулом «в благочестии цветущего царя всея Руси».²²

Придавая Московской Руси черты избранной богом державы, составитель свода 1493—1494 гг. вводит дополнительные детали, призванные усилить авторитет Москвы как великокняжеской столицы. Он старается изобразить дело так, будто Москва не только теперь, но и с давних пор (по крайней мере с прошлого столетия) является могущественнейшим городом Руси, и по-новому редактирует уже цитированную выше фразу из «Повести о Тохтамыше»: «преже бе велик и чуден град и многое множество людей бяше в нем, кыпя же богатством и славою, превзыды же вся грады в Русстех земли честию многою».²³

Таким образом, летописные своды конца XV в. включают целый ряд новых идей о ходе русского исторического процесса, о роли в этом процессе великокняжеской столицы — Москвы и, наконец, о месте России в «православном мире». В дальнейшем круг этих идей значительно расширился, причем по мере развития и углубления московской официальной идеологии стало очевидным известное расхождение тех ее линий, которые поначалу находились в тесной связи друг с другом.

Линия, начавшаяся с пропаганды идеи «киевского наследства», будет продолжена далее в глубь веков и включит в себя легенду о происхождении русских князей от императора Августа и о непосредственной связи России с предшествовавшими великими монархиями — Римом и Византией. Именно эти идеи будут подхвачены московскими правительственными кругами и найдут широкое применение во внутривластической и дипломатической практике.

Другая линия, развивающая мысль о перенесении в Россию центра мирового православия, достигнет своего апогея в идее «Москва — третий Рим» и будет взята на вооружение главным образом духовными иерархами, не оказав заметного воздействия на политическую жизнь русского общества.

Но все это произойдет спустя несколько десятилетий. А в 1470-х годах сделаны были только первые попытки насыщения летописных сводов вновь возникшими историко-политическими идеями, и это положило начало усилившемуся с годами превращению летописи в «чтение для политического воспитания подданных».²⁴

²¹ Датировку свода см.: А. Г. Кравченко. Московский летописный свод 1493—1494 гг. по Беляевскому списку. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 381.

²² ПСРЛ, т. XXV, стр. 260.

²³ Там же, стр. 209.

²⁴ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XIV вв. Л., 1940, стр. 10.

А. В. ЧЕРЕПНИН

К вопросу о русской публицистике конца XV в.

Среди памятников общественно-политической мысли времени образования Русского централизованного государства большой интерес представляет «Повесть о новгородском белом клобуке».¹ Подробно обследовавший ее Н. Н. Розов рассмотрел свыше 250 списков памятника, разбил их на четыре редакции и отнес древнейшую редакцию (так называемую пространныю) к 90-м годам XV в., ко времени деятельности в Новгороде архиепископа Геннадия.²

Выводы Розова вызвали скептическое отношение со стороны Я. С. Лурье, приведшего ряд соображений (частично высказывавшихся и прежде) против отнесения «Повести» ко времени ранее середины XVI в. Впрочем, и Лурье допускает, что в основе дошедшей до нас «Повести» лежит легенда (устная или записанная), сложившаяся в кругах, близких к Геннадию. Однако использование ее в качестве источника, отражающего непосредственно идеологию обличителей новгородской ереси, к числу которых принадлежал архиепископ Геннадий, исследователю представляется рискованным.³

Не поднимая сложного вопроса о происхождении «Повести о новгородском белом клобуке» в целом, мне все же хотелось бы привести некоторые соображения, позволяющие говорить о ее связи с Геннадиевским кружком и относить ее к обличительной, противоеретической литературе.

А. И. Клибанов выдвинул правильную мысль, что в конце XV в. «классово-идеологический конфликт между церковью и еретическим движением осложнялся политическим конфликтом между церковью и великокняжеской властью».⁴ В «Повести о новгородском белом клобуке» исследователи обращали внимание на идеи, отражающие второе направление политической борьбы, — утверждение о превосходстве церковной власти над светской (святительский клобук «честнее» царского венца, «понеже

¹ См.: Памятники старинной русской литературы, т. I. СПб., 1860, стр. 287—300.

² Н. Н. Розов. 1) Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики. — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 178—219; 2) «Повесть о новгородском белом клобуке» (идейное содержание, время и место составления). — Ученые записки Ленингр. гос. унив. им. А. А. Жданова, № 173, Серия филолог. наук, вып. 20, 1954, стр. 307—327.

³ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 229—234.

⁴ А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 194.

архангельского чина царский венец есть и духовного суть») ⁵ и подчеркивание значения Новгорода в качестве церковного центра (куда прибыл белый клобук).

Труднее найти в «Повести» нотки, созвучные обличительной литературе Геннадиевского толка, ибо, как правильно заметил Я. С. Лурье, публицистические моменты в ней носят не прямой, а косвенный характер. ⁶ Но такие нотки, думается, есть.

Это прежде всего идея о незыблемости авторитета церкви и духовной иерархии, о силе церковной традиции, об обязательности поклонения святыням, которые еретики хулили, как вещи, «сотворенные от рук человеческих». ⁷ В «Повести» рассказывается, как белый клобук — эмблема высшей духовной власти — подвергался преследованиям в Риме; папа его возненавидел, хотел сжечь, а затем отправил в дальние страны, чтобы там подвергнуть поруганию и истребить. Дальнейшая история белого клобука, его изгнания из Рима и возвращения туда опять, его нового путешествия — сначала в Византию, затем в Русь, рассказы о его чудесном избавлении от опасностей и о божьей каре, постигавшей его преследователей, — все это проникнуто стремлением доказать твердость церковных устоев и догм ортодоксального православия. За выпадами против католической «ереси» и папства могла скрываться защита авторитета церкви, олицетворенного в белом клобуке, от ее местных хулителей.

Вторая идея, пронизывающая «Повесть», — это представление о силе и святости божественной благодати, отмечающей тех, кто достоин священного сана. Богом было предопределено, что белый клобук носил на своей главе новгородский архиепископ Василий, и поэтому тщетными оказались попытки удержать его как в Риме, так и в Константинополе. Рассказ о судьбе белого клобука мог быть рассчитан на «поучение» тех, кто (как стригольники) отрицал, что духовные лица через таинство священства становятся носителями божественной благодати. ⁸

Наконец, следует отметить, что «Повесть о белом клобуке» представляет собой апологию чудесного. Она вся соткана из чудес, которые автор, очевидно, рассматривал не просто как материал для занимательного чтения, а как нечто, долженствующее убедить в бессилии человеческого разума постигнуть то, что является плодом воли божьей и доступно лишь вере. Нельзя ли видеть в таком характере «Повести» стремление ее автора противопоставить ортодоксальное понимание веры и дара чудотворения, как проявления божественной благодати, представлениям еретиков, нашедшим выражение в «Лаодикийском послании» Федора Курицына и в «Написании о грамоте», — о «самовластии души» и о «самовластии ума»? Раскрывая характер мировоззрения Ф. Курицына, Клибанов указывает, что хотя по его учению «самовластие души» не должно выходить за ограду религии, однако законодателем веры является человек; что же касается силы чудотворения, то она заключается не в самом чуде, не в благодати, а в той мудрости, которая в нем проявляется. ⁹

Я не хочу, конечно, сказать, что «Повесть о белом клобуке», направлена непосредственно против Ф. Курицына. Я считаю лишь возможным, что, вводя читателей в сферу чудесного, ее автор хотел предостеречь их от во-

⁵ Н. Н. Розов. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики, стр. 203.

⁶ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 229.

⁷ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 121.

⁸ Там же, стр. 46.

⁹ А. И. Клибанов. Реформационные движения в России..., стр. 342.

сприятия тех вредных, с точки зрения церкви, взглядов, которые были близки, безусловно, не одному Курицыну.

Если идея «самовластия души» «Повесть о белом клобуке» противопоставляла необходимость веры, то против тезиса о «самовластии ума» она выдвигала силу церковного авторитета и предания. «Повесть» осуждала как «путь сатанин» «гнилое буйство», противное богу.

Таким образом, идейная направленность «Повести о белом клобуке» заключалась не только в обосновании мысли о том, что власть церковная выше гражданской, не только в стремлении поднять «новгородское православиe» над московским,¹⁰ но и в наступлении на еретиков (пусть, употребляя терминологию Лурье, не прямо, а косвенно).

Известен ритуал позорной казни, которой подверг в 1490 г. архиепископ Геннадий новгородских еретиков. Их облачили в особый шутовской наряд, посадили на коней «в седла ючные», лицом к конским хвостам, чтобы они смотрели на запад «в уготованный им огонь», на головы им надели берестяные остроконечные шлемы с соломенными венцами, с надписями: «Се есть сатанино воинство». В таком виде еретиков провели по городу, надругаясь над ними как «врагами божьими» и «хулителями христианскими», а затем сожгли у них на головах шлемы.¹¹

Известно, сам изобрел или откуда-то позаимствовал Геннадий изложенный церемониал. Может быть, его воодушевил пример «шпанского короля», который, по словам архиепископа, «свою очистил землю» от еретиков.¹² Нас интересует сейчас другое — антитеза белого клобука как символа верховного духовного сана, освященного божественной благодатью, и бесовских шлемов, водруженных на главы тех, кто входил в состав «сатанинского воинства». Огонь истребил эти шлемы, в то время как белый клобук, чудесно спасшийся от всех козней, навечно утвердился в качестве головного убора новгородских архиепископов. Если связывать создание «Повести о белом клобуке» с инициативой Геннадия, то подобная антитеза покажется не надуманной, а действительно отвечающей идейному замыслу ее автора или авторов.

Выше говорилось о наличии антикатолических тенденций в тексте «Повести». Это как будто противоречит настроениям геннадиевского окружения, поддерживавшего связи с католиками. К Геннадию были близки греки-униаты — братья Дмитрий и Юрий Траханиоты, игравшие значительную роль в распространении католического влияния на Руси.¹³ При дворе Геннадия жил монах-доминиканец Вениамин.¹⁴ До нас дошла запись рассказа императорского посла Георга фон Турна Геннадию об испанской инквизиции. В этой записи с одобрением говорится о том, что «слава деи и хвала того шпанского короля пошла по всем землям по латинской вере, что на лихих крепко стоит, да уже деи в его землях лихих мало чюти».¹⁵

¹⁰ В 1489 г. архиепископ Геннадий писал бывшему архиепископу ростовскому Иоасафу: «... как бы вам мнится, Новгород с Москвою не едино православие» (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Источники, стр. 317).

¹¹ Н. А. Казакова и С. Я. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Источники, стр. 472.

¹² Там же, стр. 378; ср. мнение Я. С. Лурье: там же, стр. 130.

¹³ А. Д. Седелъников. Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в.— Доклады Академии наук СССР, М.—Л., 1929, серия В, № 1, стр. 16.

¹⁴ А. Д. Седелъников. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина.— ИОРЯС (1925), т. XXX, Л., 1926, стр. 205—225.

¹⁵ А. Д. Седелъников. Рассказ 1490 г. об инквизиции.— В кн.: Труды Комиссии по древнерусской литературе. М.—Л., 1932, стр. 33—57.

Но приверженность новгородского архиепископа к «латинству» вызывала неодобрение московского правительства.¹⁶ И поэтому Геннадий, прибегая к содействию «латинян» в борьбе с новгородскими еретиками, используя пример того, что творилось в землях «латинской веры», стремился в то же время подчеркнуть свою ревность к православию и тем самым поднять свой авторитет в глазах представителей верховной государственной власти и высшей церковной иерархии. Эта тенденция проявилась и в «Повести о белом клобуке», автором которой был, по-видимому, побывавший в Риме грек-униат Дмитрий Траханиот и в которой говорилось о «прелести скверных латын».

И, наконец, последнее, что хочется сказать. Один из основных тезисов «Повести» таков: Москва — политический центр, Новгород — центр церковный, центр русского и мирового православия. Это итог всемирно-исторического процесса: изволением земного царя Константина царский венец дан русскому царю, изволением небесного царя Христа белый клобук дан будет архиепископу Великого Новгорода. Если сопоставить этот тезис с посланиями Геннадия, то можно сделать вывод, что он претендовал на первенствующее место в церковной жизни, подчеркивая большие задачи в борьбе с ересью во славу православия. Он упрекал собор 1490 г. в мягкой политике по отношению к еретикам и писал ему: «А толко ныне о тех еретицех конца не учините, ино то уже явьственно вере нашей поправне». Геннадий выдвигал свою программу искоренения ереси, предлагая «казнити — жечи да вешати» ее носителей. «Да не плошится: станьте крепко . . . Однолично бы ныне и казнены и прокляты», — так заканчивал свое послание собору новгородский архиепископ.¹⁷ Методы инквизиции ему нужны были для укрепления позиций православной ортодоксии. А историческая справка о судьбах белого клобука, проделавшего длинный путь (отражавший путь, пройденный христианской церковью), понадобилась Геннадию для обоснования ведущей роли «новгородского православия», как воинствующей силы, защищающей церковные устои от всех проявлений вольнодумия и свободомыслия.

¹⁶ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба . . . стр. 137—138.

¹⁷ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения . . ., Источники, стр. 381—382.

А. В. ФЛОРОВСКИЙ

Франциск Скорина и Москва

При изучении биографии Фр. Скорины до недавнего времени оставался вне внимания исследователей вопрос о том, учитывал ли Скорина при своей исключительной для того времени книгоиздательской деятельности возможности налаживания контактов с Москвой, с московским культурным и книжным миром, имел ли он в виду возможности использования и московского спроса на библейские книги. Между тем для положительного ответа на этот вопрос уже более ста лет назад был опубликован один очень показательный акт. Его напечатал еще в 1862 г. известный венский архивист И. Фидлер. С именем Скорины документ этот связал (правда, предположительно и без детального разбора акта) еще И. Первольф в 1888 г.¹ А затем пишущий эти строки снова извлек его из мрака забвения.² Однако в общий научный оборот эти данные до сих пор введены недостаточно.³ Это делает особенно интересным новейший опыт белорусского исследователя Сымона Браги.⁴ Его попытка извлечь из документа максимум положительных данных о связях Скорины с Москвой привлекает к себе особое внимание, хотя и требует некоторых оговорок.

Интересующий нас источник короток и ясен. Король польский и великий князь литовский Сигизмунд-Август в инструкции своему послу в Риме в конце 1552 г. — для иллюстрации общего своего утверждения о явной и постоянной вражде московского князя к Риму и католицизму — приводит один, очевидно хорошо ему известный и, по его мнению, вполне показательный факт. Еще при отце короля, т. е. при Сигизмунде I (1506—1548), один из его подданных — «во исполнение благого желания» — издал по-русски книги священного писания и затем направился к «мосхам». В Москве он, однако, натолкнулся на резкую вражду, его книги по приказу князя были сожжены, так как были изданы лицами, преданными римской церкви, и напечатаны в землях, находившихся в то

¹ И. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 596—597, прим. 1.

² А. Florovsky. Skoryna et son activité parmi les slaves. — Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orientale, Varsovie, IX, 1—2, 1939, стр. 9—10; А. В. Флоровский. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности. Прага, 1946, стр. 210.

³ Ср.: М. А. Алексютович. Скарына, яго дзейнасць і светапогляд. Мінск, 1958, стр. 49—50; С. Майхровіч. Георгій Скарына. Мінск, 1966, стр. 73 и сл.; Е. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, стр. 64—65.

⁴ Сымон Браго. Доктор Скарына ў Маскве. New York—München, 1963.

время под юрисдикцией Рима.⁵ Вполне естественно отнести это свидетельство к Фр. Скорине, ибо до 1552 г. в пределах польско-литовского государства русские книги издавал, как известно, только Скорина. В достоверности свидетельства этого документа нет особых оснований сомневаться, что С. Брага вполне основательно доказывает. И таким образом, открывается возможность положительно говорить о связи Скорины с Москвой, на которую, очевидно, он обратил внимание в интересах своего издательского дела.

Свидетельство грамоты 1552 г. нужно, конечно, несколько уточнить. И прежде всего в отношении хронологии. Если в ней имелся в виду Скорина, то самый факт установления контакта с Москвой надо было бы отнести скорее всего к концу двадцатых годов XVI в., во всяком случае ко времени после 1525 г., когда Скорина осуществил в Вильне издание Апостола и, вероятно, Малой подорожной книжицы. Поскольку речь идет об издании книг *in locis*, т. е. не в одном, а в нескольких местах (на это особо обращает внимание С. Брага) и при этом и в пределах польско-литовского государства, надо иметь в виду как пражские, так и виленские издания. Принимая во внимание, что уже в 1535 г. Скорина вторично появляется в Праге, из расчета надо было бы исключить последние 15 лет жизни короля Сигизмунда. С. Брага высказывается за отнесение связи Скорины с Москвой к 1525—1533 гг. Полагаем, что срок этот можно было бы сократить. Как известно, в 1530 г. Скорина был связан какими-то служебными отношениями с герцогом Альбрехтом Прусским. Далее, в 1532 г. Скорина состоял врачом и секретарем при виленском епископе и тогда же был как-то запутан в наследственные споры после смерти своего брата Ивана, что привело его на некоторое время в познанскую тюрьму. В 1532 г. он был взят под особое покровительство короля. Ввиду этого было бы трудно отнести попытку установить связь с Москвой к началу тридцатых годов; всего правдоподобнее было бы датировать ее 1525—1530 гг. Напомним, что именно в 1529 г. в пользу жены Скорины был решен затянувшийся спор о наследственных правах на дом в Вильне. Очевидно, в 1529 г. и следующих годах у Скорины было немало иных забот и занятий и едва ли оставалось время для московского предприятия. А как раз в 1525 г. Скорина закончил издание Апостола в Вильне и мог задуматься над тем, чтобы обеспечить сбыт и этой новой своей книги в Москве.

Как же именно надо себе представлять эту попытку? Из акта 1552 г. можно положительно заключить, что Скорина попытался распространить свои издания в Москве. Это было встречено весьма враждебно, и книги Скорины были преданы огню. Данный конфликт заслуживает полного внимания и учета в рамках истории отношений московского книжного мира к западноевропейским культурным веяниям и достижениям. Едва ли, однако, можно согласиться с С. Брагой, который представляет себе поездку Скорины как весьма громоздкую экспедицию со значительным запасом изданных им книг, с набором шрифтов, едва ли не со всем техническим оборудованием типографии и т. д. Иначе говоря, С. Брага допускает, что Скорина готов был организовать в Москве издательство и перенести туда свое типографско-издательское дело. Именно происшедшей в Москве катастрофой С. Брага склонен объяснять утрату всего

⁵ Для удобства читателя приводим здесь латинский текст этого известия: «...cum Divo parente nostro regnante quidam de subditis eius pio studio ductus sacram Scripturam lingua Russica imprimi et in lucem aedi currasset, et ad Moschos venisset, publice eos libros iussu Principis concrematos esse, propterea quod a Romanae ecclesiae addicto et in locis eiusdem auctoritati subjectis editi essent».

тиража книг Скорины и их сравнительную редкость, печальную судьбу его шрифтов и т. д. Но надо ли говорить, что все это лишь смелые допущения, для которых акт 1552 г. едва ли дает достаточно оснований.

Трудно было бы последовать за С. Брагой и в его соображениях о судьбе самого Скорины. Акт 1552 г. все же не приводит имени похавшего в Москву издателя. Нужно ли непременно предполагать, что это был сам Фр. Скорина? Нельзя ли допустить, что по его поручению в Москву ездил — может быть, и для предварительных переговоров — кто-либо из его сотрудников или сотоварищей по издательству? Необходимо напомнить, что во второй половине 20-х годов в Москве был виленский обыватель Борис Онков, финансировавший в 1517 г. и позднее пражские издания Скорины. Онков вел финансовые дела с некоторыми московскими боярами и князьями. Не мог ли он одновременно налаживать в Москве и какие-либо отношения в связи со своим участием в издательском деле Скорины? И не мог ли он быть тем польско-литовским гражданином, которого имел в виду в своем акте Сигизмунд-Август? Во всяком случае для категорического утверждения о личной поездке Скорины в Москву в 1525 и следующих годах наш акт все же надежным основанием быть не может. Не называя в акте имени Скорины, автор его мог иметь в виду поездку в Москву не лично доктора Скорины, но вообще представителя его издательского дела.

В связи с этим нужно сказать, что С. Брага вносит едва ли не слишком много динамичности и даже драматичности в эту историю столкновения Скорины с Москвой. Он допускает, что Скорину охранило от жестокой расправы с ним лично лишь то, что на него мог быть распространен подписанный в 1523 г. между Литвой и Москвой договор о перемирии — с оговоркой о взаимной охране свободы приезда и отъезда купцов. Но ведь поездка Скорины — в понимании самого С. Браги — далеко выходила за рамки торговых сделок и касалась совершенно иных обстоятельств, весьма остро затрагивавших не торговые отношения, но область веры и идеологии. При этом, безусловно, Скорина или его представители действительно столкнулись в Москве с резкой и острой враждой и сопротивлением. Это положение в общей конструкции С. Браги несомненно заслуживает полного учета и внимания, хотя нам и представляется, что он несколько излишне идеализирует якобы привычную для Скорины обстановку культурно-национального равновесия и веротерпимости в Литве. Думается, что С. Брага едва ли прав и в утверждении, что Скорина неожиданно для себя столкнулся в Москве с совершенно иной обстановкой, полной догматизма, вероисповедного недоверия и т. д. На Литве, конечно, хорошо тогда знали, как в Москве относились ко всем проявлениям западноевропейских культурных веяний, осложненных, с точки зрения московского правоверия, латинством и вольномыслием.

Надо положительно оценить, однако, те общие наблюдения С. Браги, которые касаются этого конфликта Скорины в Москве. Он правильно связывает этот эпизод и с историей преследования Максима Грека (как раз в 1529 г. и позднее), и с реакционной деятельностью митрополита Даниила и т. д. Для Москвы в книгах Скорины бросались в глаза и языковые особенности текстов, а как раз в это время особенно придирчиво относились к каждому исправлению традиционного чтения священных книг. Для Москвы могло быть чуждым и неприемлемым — до поры до времени — и самое оформление библейских книг в издании Скорины — с иллюстрациями необычного для московских читателей характера.

При всем том было бы ошибочно утверждать, что книги Скорины были в Москве неизвестны или не использованы. К сожалению, мы не имеем

до сих пор достаточных данных о том, как и через чьи руки попали в московские книжные собрания книги Скорины, ныне на Руси сохраняющиеся. Для этого надо было бы обследовать все известные экземпляры книг Скорины и изучить все пометы на них о бывших их собственниках. Увы, в известных мне экземплярах Государственной библиотеки в Минске нет вообще форзацев и вклеек, они были утрачены при разных обстоятельствах. Нет помет владельцев и на ряде экземпляров в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. Таким образом, в отношении XVI столетия нам остается ссылаться лишь на Андрея Курбского, который не одобрял книги Скорины, как отравленные неким «жидовством».

Мы вообще далеко не богаты сведениями о жизни и деятельности Скорины и должны ограничиваться лишь весьма отрывочными сведениями о нем. Поэтому вполне оправдана попытка извлечь возможный максимум данных из доступных нам источников. Вполне оправданы и усилия дополнить скудные сведения источников рядом допущений и догадок. В отношении вопроса о связях Скорины с Москвой мы все же должны ограничиться констатированием лишь некоторых фактов. Нет сомнения, что Скорина попытался использовать и Москву для распространения своих изданий. Для этой цели он организовал посещение Москвы кем-либо из своих сотрудников и помощников, а может быть, съездил в Москву и сам. Было это осуществлено скорее всего в 1525—1530 гг. Но попытка Скорины как раз совпала с моментом, когда московский правоверный мир и руководители церковной его жизни вели широкую борьбу с внесением в московскую духовную жизнь каких бы то ни было новых элементов, что непосредственно касалось и традиционных текстов священного писания. Если при этом так тяжело пострадал Максим Грек, то репрессиям мог подвергнуться и Скорина, т. е. его книжное дело, как только сделана была попытка ознакомления с ним в московской среде. Таким образом, история отношений Скорины с Москвой входит в сферу борьбы московских охранителей правоверия с европейскими новшествами в области книги и церкви и должна быть определено учтена и в истории московской духовной жизни.

И. А. КОЧЕТКОВ

Слово и изображение в житийной иконе

В собрании Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева находится икона, которая представляет особенно интересный объект для исследования связи между текстом жития и изображениями в клеймах. Это икона Параскевы Пятницы с 15 клеймами жития.¹

Особенность этой иконы — чрезвычайно пространные надписи в каждом клейме. Надписи составляют как бы второй, сокращенный вариант текста жития, составленный самим художником. Это дает дополнительные возможности для анализа: между текстом и его иллюстрацией в клеймах всегда стоит понимание текста живописцем, которое обычно бывает недоступно для исследования.

Надписи на иконе явно восходят к тому варианту жития Параскевы Пятницы, который вошел в Великие Четьи-Минеи митрополита Макария.² Сопоставление текста жития с надписями на иконе показывает, что художник не только сократил текст-основу, но и внес некоторые изменения.

В одних случаях эти изменения вызваны тем, что художник не понял отдельных мест жития. Так, в надписях вместо «игемона» действует царь. Греческое слово «игемон» художник, по-видимому, принял за имя царя. Об этом говорит такая фраза в последнем клейме: «... изыде законопреступник гемон на ловитву ... и расьпашеся вся кости гемановы», хотя речь явно идет о царе.

В тексте жития святая жена, исцеляющая Параскеву, обращается к ней со словами: «Встань, тезоименитая!». Следовательно, святую тоже зовут Параскева, или Пятница. По-видимому, она является олицетворением Пятницы — дня страстей Христа. Об этом говорят орудия мучений Христовых, которые она держит в руках: терновый венец, копие, губа и трость.³ Византийское олицетворение Пятницы не было известно на Руси в XVI в. Вот почему иконописец не понял этого места жития: обращение «тезоименитая» опущено, а святая жена, согласно надписи, держит в руках светило, губу и трость. Символика губы и трости вряд ли понятна без тернового венца и копия, особенно рядом со светильником. Не случайно

¹ Инв. № 435. Размер иконы 73,5×53,5 см, размер средника 43×32 см, размер клейма 14×10,5 см. Доска липовая. Паволока, левкас, яичная темпера. Икона вывезена в 1965 г. экспедицией Музея им. А. Рублева из церкви с. Поречье Бежецкого р-на Калининской области. Реставрирована в 1966 г. художником-реставратором А. В. Кириковым. В процессе реставрации со средника снят слой записи XIX в. На основании стилистических признаков икона датируется первой половиной XVI в.

² Кроме этого варианта, был распространен более краткий вариант, который содержится в пергаменном Прологе XIV в. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ГБЛ, ф. 304, № 33).

³ Об олицетворении Пятницы см. в работе А. Вессловского «Опыты по истории развития христианской легенды» (ЖМНП, 1876, ч. 184, стр. 341—363; ч. 185, стр. 326—367; 1877, ч. 189, стр. 186—252).

художник не изобразил этих атрибутов в клейме: там святая жена держит только крест. Таким образом, святая, олицетворяющая Страстную Пятницу, превращается у художника в некую безымянную святую жену, которую он, по всей вероятности, принимает за богородицу (об этом говорит темно-вишневый цвет ее мафория). Древнерусский художник не понимает и потому упрощает сложную византийскую символику, связанную с культом Параскевы. Эта склонность к упрощению постоянно обнаруживается при сопоставлении надписей и текста жития. Согласно житию, Параскева «все имение свое требующим даяше». В надписи она действует решительнее: «раздаша имение свое нищим». Вот как описана в житии реакция людей на проповедь Параскевы: «Ови же слышавше вероваху в Иисуса Христа и мнози же негодующе раны ей приношаху». Согласно надписи, проповедь мученицы имеет безусловный успех, она «научиша народ веровати во Христа». Для художника Параскева — святая, и только, без каких-либо черт конкретной личности, связанной с исторической обстановкой. Сточки зрения художника, христианская святая не может не идти до конца в своем рвении, так же как не может испытывать неудачи в своей деятельности.

Характеристика игемона в житии сравнительно сложна. Он язычник и законопреступник, но не злодей. Пораженный красотой девицы, он пытается вести с ней разговор, убеждает отречься от Христа и стать его женой. Несмотря на отказ Параскевы, он хочет ее помиловать. Только после оскорбительных слов Параскевы игемон подвергает ее наказанию. Для художника же царь — безусловный злодей уже потому, что язычник; поэтому нет необходимости объяснять его злодеяния. В надписи изменена последовательность событий: царь без всяких разговоров приказывает бить Параскеву жилами говяжьими и лишь потом предлагает ей поклониться языческим богам и стать его женой. Не может быть сомнения, что все эти изменения сделаны художником сознательно, ведь в большинстве случаев он дословно заимствует фразы из жития. Изменяя текст, художник стремится более четко разграничить добро и зло. Такая определенность характеристики вообще свойственна фольклору.

Надписи в клеймах исследуемой иконы образуют вполне связный текст. Связь отдельных надписей между собой подчеркнута тем, что многие из них начинаются соединительным союзом «и» или наречием времени. Надписи вполне независимы от изображений, понятны и без них. Изображения же иногда непонятны без сопровождающих их надписей. Таковы 4 почти одинаковых по композиции клейма, изображающие Параскеву перед царем. Следовательно, надписи не только входят в замысел художника как вполне самостоятельный элемент, но именно они несут основную смысловую нагрузку, а изображения подчинены им. В этом нельзя не видеть влияния лицевых рукописей.

Однако художник пытается и в цикле изображений в клеймах построить не менее законченное и замкнутое само в себе повествование. Именно для этого он вводит сцену рождества Параскевы, которой нет ни в тексте, ни в других житийных иконах этой святой. Тем самым он простейшим способом достигает замкнутости времени внутри цикла изображений. Теперь живописное повествование имеет свое начало — рождение героини, развитие действия — мучения Параскевы и ее столкновения с царем, свою кульминацию — сокрушение языческого храма, и, наконец, завершение — смерть обоих героев. Замкнутость времени для житийных икон так же характерна, как и для житийного жанра древнерусской литературы.⁴

⁴ О замкнутости художественного времени в различных жанрах фольклора и древнерусской литературы см. в работе Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» (Л., 1967).

В своем стремлении дать в цикле живописных изображений не менее связанное повествование, чем в литературном тексте жития, художник сталкивается с ограниченностью живописи как рода искусства. В отличие от литературы средствами живописи нельзя передать развитие действия во времени. Тогда на помощь художнику приходит надпись. Надпись не только поясняет, что изображено в клейме, но и рассказывает о событиях, предшествующих изображенному моменту.

Но у древнерусского художника были и другие, чисто композиционные способы преодолеть привязанность живописного изображения к одному моменту бытия. Один из самых распространенных — совмещение в рамках одной сцены двух последовательных моментов действия. В сцене гибели царя изображено даже не два, а три таких момента. Вот конь царя взвился в воздух, справа тот же конь «вержеся в дебрь», а слева спокойно едет на коне один из приближенных царя, не замечая происходящего, потому что находится в предшествующем моменте времени. Здесь одна композиция как бы распадается на несколько самостоятельных сцен. Но древнерусский художник мог средствами живописи изобразить временную протяженность действия и в пределах одной композиции. В сценах предстояния Параскевы перед царем три фигуры: царь сидит на троне, перед ним спокойно стоит Параскева, ее рука в жесте беседы, а слева изображен слуга, который ведет мученицу, положив руку ей на плечо; изображен он при этом в энергичном движении: левая нога выдвинута вперед, так что вздернулась вверх пола его длинной рубахи. Слуга и Параскева явно изображены в различных временных точках. Еще более выразительный пример в третьем клейме. Здесь слуга изображен все в той же позе, а Параскева, которую он все так же держит за плечо, уже сидит в темнице, спиной к слуге, держа руку в жесте беседы перед собой и повернув голову назад. Если внимательно приглядеться к клеймам иконы, то увидим, что почти нигде художник не мирится с ограниченностью времени в живописном изображении одним моментом. Собеседование персонажей обычно изображается с помощью ораторских жестов рук, причем такие жесты замечаем у обоих персонажей. Таким образом живописец изображает протяженный во времени диалог. В сцене усекновения главы изображены действие мгновенное — взмах руки палача и действие длительное — обращенная к богу молитва Параскевы. Рядом помещен длинный текст этой молитвы. Как видим, живописные изображения под кистью древнерусского художника приобретают свойственную литературе временную протяженность.

Для древнерусского художника не существует противоречия в одновременном показе равноновременных событий. Противопоставление настоящего и прошедшего не имеет для него столь абсолютного характера, как для современного человека. Помимо реального смысла событий, для средневекового человека существует их идеальный смысл, где настоящее, прошедшее и будущее сливаются во вневременном бытии. Это общая закономерность мышления, которая находит свое отражение во всех видах средневекового искусства. Поэтому противопоставление литературы, как искусства временного, живописи, как искусству пространственному, теряет свою остроту. Отсюда органичность сплава клейма иконы с сопровождающей его надписью или миниатюры с текстом.

При всей близости изображений в клеймах иконы с их литературной основой их содержание не сводится к иллюстрации какого-либо эпизода жития. Средствами живописи художник не только восполняет недостаток наглядности литературного источника. В ряде случаев с помощью живописи он расширяет и углубляет содержание жития. Эту тенденцию можно заметить в ряде клейм. В одной из сцен мучений Параскева пристально

смотрит в глаза своему мучителю. Этого, конечно, нет в житии. Когда мы читаем в приведенной здесь надписи, что сами воины просят царя прекратить пытку, чтобы девица не умерла, то невольно думается, что мучители не выдержали гневного взгляда Параскевы. Художник, для которого все язычники — злодеи, дает свое объяснение проявленной ими жалости, чего нет в тексте жития. В сцене пытки огнем один из воинов отвернулся, не выдержав палящего жара свечи. Снова художник дополняет содержание жития, сильнее подчеркивая стойкость мученицы. В трех сценах, изображающих разговор Параскевы с царем, на первый взгляд, нет никакой разницы. Действительно, средствами живописи нельзя передать содержание разговора. Но художник все же пытается это сделать чисто живописными средствами — через характеристику героини. В первом клейме перед царем стоит юная и прекрасная девушка; ее лицо повернуто в три четверти, голова скромно склонена, глаза опущены. Совсем другой мы видим Параскеву в следующем клейме: ее фигура придвинута к царю, лицо изображено в профиль, отчего исчезает спокойный мягкий овал, который так хорошо характеризовал юность и душевную гармонию девушки. Выпрямившись и вскинув голову, Параскева смотрит царю в глаза. Именно в этом эпизоде в ответ на предложение царя стать его женой она плюет ему в лицо. Обманув царя, Параскева сокрушает языческих идолов. И вот ее снова приводят к царю. Царь сидит все в той же позе, только царский жезл в его руках превратился в трезубец. В фигуре Параскевы поражает застылость; строго вертикальны линии ее фигуры, прямо поставлена голова. Она смотрит вверх головы царя. Жизненный подвиг мученицы свершен. Впереди последние мучения и смерть.

Как уже упоминалось выше, сцены рождества Параскевы нет вообще в ее житии. Тем не менее художник сделал из этой сцены целый рассказ. На первый взгляд, здесь все строго традиционно: сидящая на ложе мать, служанка с младенцем на руках, купель. Но расположены эти элементы не вполне обычно. В сценах рождества служанка обычно сидит у подножия ложа, так что она не связана действием с матерью. Здесь же сидение служанки расположено на одном уровне с ложем матери. Благодаря такому, казалось бы незначительному, изменению композиции меняется весь смысл сцены. Мать сидит на ложе и смотрит на свою дочь в руках служанки. Мать подперла щеку левой рукой, как это делают русские женщины в минуту скорби. Скорбь ощущается во всей ее застылой фигуре, в правой руке, неподвижно лежащей на колене. Словно прочитав свою судьбу во взгляде матери, младенец как будто в страхе прижался к груди служанки. Его тельце обращено спиной к матери, а голова неестественно повернута назад, он смотрит на мать. От позы служанки, от ее подчеркнута крепких форм и сильных обнаженных рук веет спокойствием. Спокойный жест ее правой руки и взгляд показывают, что она обращается к матери с какими-то словами. В этом первом клейме, открывающем цикл, можно видеть предчувствие всех дальнейших событий. Мать знает о трагической судьбе дочери и скорбит о ней. Дочь боится смерти и ищет поддержки в объятиях служанки. Служанка как будто утешает мать, напоминая ей о будущей славе христовой мученицы.

Во всех сценах, о которых мы говорили, художник, строго следуя сюжету жития, расширяет, однако, средствами живописи рассказ о жизни Параскевы, выявляет свое отношение к происходящим событиям. Ограничимся здесь только повествовательным моментом живописного изображения, не касаясь таких способов выявления художественного содержания в живописи, как рисунок, линия, цвет.

С. О. ШМИДТ

О Послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса)

Послание 1573 г. давно уже признано выдающимся памятником публицистики и литературного языка. Сочинение это включили в академическое издание «Посланий Ивана Грозного», вышедшее под редакцией В. П. Адриановой-Перетц.¹ Д. С. Лихачев, подготовивший к печати Послание,² составил и археографический обзор его списков. Таким образом, исследователи получили возможность всестороннего его изучения.

В плане общественно-политической истории обычно подчеркивали противобоярскую направленность Послания. Возможно, это объясняется тем обстоятельством, что Послание более привлекало внимание литературоведов и филологов, нежели историков. Вполне естественно, что специалистов в области истории литературы и языка прежде всего интересовал авторский текст Грозного, а именно обличительные выпады против постриженников-бояр признавались характерными образцами литературного стиля Грозного-писателя. Для историка же при изучении Послания не меньшее значение, чем текст самого Грозного, имеют цитаты из сочинений других авторов, приводимые царем в обоснование своих взглядов и призванные подчеркнуть основную тенденцию Послания. Исследование текста Послания в целом позволяет изучать его и как свидетельство борьбы царя с монастырскими правами и привилегиями, и как памятник церковно-религиозных представлений Грозного. Обратить внимание на это и является задачей сообщения.

Вопросы монастырского общежития всегда волновали Грозного. Острый наблюдатель, он хорошо запоминал бытовые приметы образа жизни того или иного монастыря. Это отражено и в Послании, где переданы впечатления о различных монастырях, о том, как принимали там царя и его свиту, каков был монашеский обиход. Задумывался Грозный над этим, конечно, и тогда, когда пытался организовать свою опричнину наподобие некоего монашеского ордена (что, впрочем, не помешало опричнине быть в какой-то степени и предтечей петровского «Всешутейшаго собора») и когда ставил перед собой вопрос о возможности пострижения.

Понятно, что в своей критике монастырских обычаев и в формулировках советов монахам Грозный более сдержан, чем в обличении бояр. Более того, он предпочитает использовать с этой целью сочинения церковных

¹ Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 162—193 (в дальнейшем все цитаты из Послания приводятся по этому изданию; страницы указываются в тексте в скобках).

² В том же году Послание опубликовано Д. С. Лихачевым и в VIII томе ТОДРА (М.—Л., 1951, стр. 247—286).

писателей, причем такие, которые близки ему не только основной своей направленностью, но и стилистически. Потому-то Послание, столь обильно насыщенное цитатами, воспринимается все-таки как стилистически единое литературное произведение.

Пытаясь представить идеал монашеской жизни, далекой от мирских интересов, Грозный ищет поддержки церковных авторитетов. И не случайно, конечно, Послание изобилует цитатами именно из сочинений Илариона — теоретика раннесредневекового аскетизма. Страстные филиппики Илариона обличают отступления монастырей от строгих правил иночества, стремление монахов походить на «мирских домодержцев» (стр. 183), участвовать в активной политической деятельности: «Мирскому бо подобает мирская строити, а иноку иноческий путь правити . . . Хульно же и проклято, еже видети мниха, сан в мире приемлюща и мирская строящу, и богатство беруща . . . А ныне видим вы, и старыя и младыя, яко кождо вас власти от царя и от вельможь ищите, от бояр же имения, от убогих же чести и поклонения» (стр. 185). Взглядам Грозного соответствовали и наблюдения Илариона над отношением современных ему монахов к апостольским заветам: «Имяны их любим зватися, жития же их не подражаем» (стр. 188).

Едва ли не знакомство с сочинением Илариона укрепило Грозного в мысли обратиться с учительным посланием в монастырь, основатель которого, по преданию, тоже склонен был к аскетизму. Первоначально Грозный собирался по традиции опереться на сочинение Василия, но, «разгнув книгу, обретох» послание Илариона, увидел, что оно «зело к нынешнему времени ключаемо», и счел это за «божие некое повеление . . . и сего ради дерзнух писати» (стр. 166).³ Цитатничество (если дозволено применительно к писателю далекого прошлого употреблять это современное слово) вообще характерно для средневекового мышления, это типичный прием доказательства в сочинениях той эпохи.

Грозный отнюдь не склонен, однако, ограничиться давними примерами раннехристианского благочестия. Напротив, он настойчиво старается показать, что подлинное благочестие присуще было и русским монастырям: «Ведь по всем монастырем сперва начальники устави крепкое житие, да опосле их разорили любострастием»⁴ (стр. 173). Попытки «постническое житие искоренити» (стр. 176) он рассматривает как «чюдотворцеву преданию преступление» (стр. 172), прибегает даже к такому сильному сравнению: «Христос распинаем — чюдотворцево предание преобидимо» (стр. 168) — и напоминает о прославленных основателях монастырей, которые «не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распространялися» (стр. 180).

Повинны в «любострастии» прежде всего бояре-постриженники, внесшие мирские обычаи в монастырь и дух неравенства в обиход монахов. В таких монастырях остались «точию одеянием иноцы, а мирская все совершается» (стр. 173). «Шереметева устав» противопоставляется «Кирилову уставу»: «да помалу, помалу весь обиход монастырской крепостной испразднитися и будут все обычаи мирския» (стр. 172).

³ Грозный ссылается, однако, и на сочинение Василия (стр. 180), отождествляя, видимо, Василия Амасийского с Василием Великим. Любопытно, что и Курбский особенно высоко ценит «Постническую книгу» Василия. Курбский беседовал о ней с еретиком Артемием, прославлял Феодорита за то, что тот, став архимандритом, монахов «уздает и востязает страхом Божиим, наказующе по великому Василиеву уставу жителствовати» (РИБ, т. XXXI, 1914, стлб. 334, 415—418).

⁴ И Курбский упомянул о «жестоком и святом жительстве» кирилловских «святых мужей» (РИБ, т. XXXI, стлб. 325) Он же писал и о «любоствательном мнишеском роде» (там же, стлб. 338).

Основой монастырского общежития должно быть равенство: «Ведь коли ровно, ино то и братство, а коли не ровно, которому братству быти? — ино то иноческаго жития нет» (стр. 180).⁵ При этом, вспоминая годы своей юности, Грозный ссылается на обычаи монастырей, где «равенство и по се время держалося — холопом и бояром и мужиком торговым» (стр. 179). Неравенство перед богом, так же как и неравенство в среде монахов, по словам Грозного, чуждо христианству — «то Махметова прелесть... Ино то по тому же быти в царствии небесном: кто здесе богат и велик, тот и там богат и велик будет? ... Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет? Да како апостолово слово: „несть еллин и скиф, раб и свобод: вси едино есте о Христе“? Да како едино, коли боярин по старому боярин, а холоп по старому холоп? А Павел како Анисима Филимону братом нарече, его существеннаго раба?» (стр. 179). Указывает Грозный и на то, что на страшном суде судьями царей окажутся праведники — рыболовы и поселяне (стр. 180).

Конкретная и очень узкая социально-политическая направленность этих сентенций ясна. В то же время они восходят к общему комплексу христианских представлений, что допускает возможность сближения позиции Грозного с так называемой еретической литературой. Это могло бы послужить предостережением для исследователей, склонных на основании подобного типа цитат делать подчас ответственные выводы о реформационных взглядах русских мыслителей XVI в. В высказываниях этих заметно и воздействие нестяжательской мысли (возможно, даже и обсуждения вопросов церковной жизни в пору подготовки Стоглавого собора), что лишний раз свидетельствует об условности резких разграничительных линий между нестяжательством и иосифлянством в воззрениях и в политической практике государственных деятелей.

Грозный подчеркивает, что писал Послание «иноческаго для жития» (стр. 192), «монастырьскаго для безчиния» (стр. 178), «монастырьскаго для чину и слабости» (стр. 177). Нарочитое старание отвести мысль, будто гнев на бояр-постриженников был поводом к составлению Послания (см. стр. 177, 178, 179, 190), кажется, конечно, подозрительным, тем более что хорошо известны факты преследования Грозным придворных и после того, как они приняли монашеское обличье. Да и из Послания видно, что царь опасался, как бы монастырь не стал местом боярского заговора (не случайно он настаивал, чтобы богатый постриженник «только бы ел один, а сходов бы да пиров не было», — стр. 191).

Послание действительно «в значительной степени, — как полагает Я. С. Лурье, — направлено против превращения монастырей в боярских вассалов или в замаскированные боярские вотчины» (стр. 480). Но политическая тенденция Послания отнюдь не сводилась только к этому. Грозный опасался и своеволия церковников, и их слишком действенного участия в политической жизни. Мысль о всевластии Сильвестра не покидала царя: он писал об этом и в середине 1560-х годов (первое послание Курбскому), и в последние годы жизни (второе послание Курбскому, приписки к лицевым летописям⁶). Встречаем имя Сильвестра и в рассматриваемом

⁵ Интересен в этой связи пример буквальности мышления Грозного, что вообще свойственно было людям средневековья. Он полагал, что большой вклад в монастырь, более пышное поминовение обеспечат большее благополучие и на том свете (см. замечание о церкви, поставленной Воротынскому, — стр. 173), и не желал, чтоб бояре оказались там в более благоприятном положении.

⁶ С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного. — Советские архивы, 1966, № 1 и 2.

Послании: «Другой на вас Селивестр наскочил, а однако его семьи» (стр. 173). (Не следует забывать, что опального Сильвестра сослали именно в Кириллове монастырь).

Исследователями (в недавнее время С. М. Каштановым и В. И. Ко-рецким) выявлено немало фактов противомонастырской политики правительства сразу же после отмены опричнины. Указом 9 октября 1572 г. были запрещены земельные вклады в крупные монастыри. В 1572 г. и особенно в 1573 г. резко уменьшилось число земельных приобретений монастырей.⁷ В Кириллове монастыре с конца 1572 г. резко уменьшилась и сумма денежных вкладов.⁸ Характерно, что в 1572—1574 гг. несомненны прежде всего признаки опалы монастырей, бывших основными духовными вотчинниками опричнины, куда опричники особенно охотно давали вклады. Это как раз те монастыри, о которых с таким негодованием написано в Послании, — Троице-Сергиев, Симонов, Чудов. Именно этим монастырям (так же как и Кирилло-Белозерскому), по наблюдениям С. М. Каштанова, прекратилась выдача иммунитетных грамот. В 1573 г. (по некоторым сведениям) казнили чудовского архимандрита. Еще ранее стал опальным бывший архимандрит Левкий, сыгравший зловещую роль при учреждении опричнины.⁹ Примерно в это время завели и судебные дела против симоновского архимандрита, а также и против Иосифо-Волоколамского монастыря, причем главным действующим лицом выступал такой царский приближенный, как А. Щелкалов.¹⁰ Согласно сообщению Горсея, подтверждаемому и русскими источниками, в середине 1570-х годов царь предложил монастырям представить ему «вернейший и точный инвентарь всех сокровищ и годового дохода»,¹¹ с чем можно связать последовавшие затем казни и преследования церковных деятелей.

Все это позволяет рассматривать Послание и в связи с системой репрессий, последовавших за отменой опричнины, и как свидетельство возобновившейся борьбы Ивана Грозного с монастырскими правами и привилегиями, завершившейся постановлениями соборов начала 1580-х годов.

⁷ С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. — ИЗ, т. 10, М., 1941, диаграмма на стр. 101.

⁸ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до II четверти XVII века, т. I, вып. II. СПб., 1910, стр. 198.

⁹ О Левкии см.: В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.). — Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 25, М., 1962, стр. 301. Фраза Послания о Левкии (Послания Ивана Грозного, стр. 173) переведена неточно (там же, стр. 357) и соответственно неправильно интерпретирована В. Б. Кобриным (Две жалованные грамоты... стр. 299—300): слово «остася», замененное в издании словом «отстоя» (Послания Ивана Грозного, стр. 581), можно понимать как «осталось» («мало что осталось»).

¹⁰ В Архиве эти документы находились в одном ящике с документами об опале новгородского архиепископа Пимена (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950, стр. 483).

¹¹ Дж. Горсей. Записки о Московии XVI века. СПб., 1909, стр. 36.

В. Ф. ПОКРОВСКАЯ

Как читал древнерусский книжник миниатюры лицевых исторических рукописей

Лицевые рукописи исторического содержания давно и постоянно привлекают к себе внимание историков древнерусской литературы и искусствоведов, изучающих эти замечательные памятники нашей письменной культуры.¹ Поэтому каждый новый факт, относящийся к этой области, должен стать общеизвестным, так как он может оказаться интересным для специалистов и пригодиться при дальнейшем рассмотрении лицевых рукописей.

Недавно нам удалось проследить, как обычный список «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия при перенесении этой повести в Лицевой летописный свод второй половины XVI в. начал превращаться в часть создаваемой наново лицевой рукописи.²

В настоящее время у нас в руках столь же конкретный материал о том, как воспринимался читателями текст исторического повествования, прочтенный по рукописи с миниатюрами.

Данные эти находятся в одной из рукописей, написанной в 1730-х годах и содержащей первую половину Хронографа редакции 1512 г. (шифр: БАН 21.6.5).³ Миниатюр в этом списке нет, но он повторяет более раннюю лицевую рукопись и индивидуальная особенность его состоит в том, что непосредственно в текст Хронографа включены описания многочисленных миниатюр, которые переписчики рукописи видели в оригинале, лежавшем перед ними.

Судя по чередованию почерков, надписанием рукописи БАН потрудились пять или шесть писцов. За неимением средств художественного воспроизведения все они последовательно дополнили словесное изложение своим прочтением относящихся к нему миниатюр. Этот единственно возможный в данном случае способ должен заменить зрительное восприятие рисунков самими читателями, и надо полагать, что «видение» миниатюр глазами писцов в значительной мере было сходно с процессом чтения подлинной лицевой рукописи их современниками.

Прежде всего, все вставки в рукопись сделаны только после соответствующих отрывков (то очень кратких, по несколько на странице, то более

¹ О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. В книге обобщены итоги предыдущих работ и содержатся результаты собственных исследований автора.

² В. Ф. Покровская. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.—Л., 1966, стр. 5—19.

³ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 1. М.—Л., 1959, стр. 108—115.

длинных, занимающих 1—2, иногда 3—4, а в единичных случаях даже 7—9 страниц). Писец всматривался в миниатюру лишь после того, как написал текст, к которому она относится. Таким образом, изображение служит реальным подтверждением сказанного на словах, своего рода наглядной документацией изложенных событий. Перед читателем воочию «царствует царь», происходит «рождество», празднуются «женитвы», проходят «шествия», «глаголют» друг другу библейские и исторические личности, «приходят послы» с речами и грамотами; полки «стоят под градом» и «побивают» врагов.

В описаниях миниатюр ретроспективный рассказ о давно минувшем почти всегда переведен писцами рукописи БАН в настоящее время, и тем самым создается впечатление присутствия при самом событии, а исторические фигуры («лица») как бы оживают, приходят в действие, выражают свои чувства и переживания.

Например, библейский рассказ о грехопадении Адама и Евы «выглядит» по миниатюрам так: 1-я миниатюра — «Божия заповедь Адаму и Еве; они же убоишесь и живишесь в раю, яко ангелы. Сотона завидит, зубы скрегчет, пены точит, яко дикий козел»; 2-я миниатюра — «Сотона змию наушает, змия прельщает Еву. Ева вкушает сама, потом Адаму даст; преступиша заповедь в раю»; 3-я миниатюра — «Адам и Ева в раю, скрышася под дресева, швивают листья, крыюще наготу; под кровом Адам и Ева молятся»; 4-я миниатюра — «Глаголет бог укоризны Адаму и Еве, и облече их в ризы кожныя и изгна их из рая; херувим с пламенным оружием у врат. Болезни на Еву; земля изнесе терние». История о соблазнении Иосифа женою Петефрия прочтена по изображениям следующим образом: 1-я миниатюра, к рассказу о красоте Иосифа, — «Иосиф стояше»; 2-я миниатюра — «Жена Петефрина глаголет со Иосифом»; 3-я миниатюра — «Жена Петефрина по вся дни нудит Иосифа быти с нею; Иосиф никакже»; 4-я миниатюра — «Жена Петефрина Иосифа за ризы влечет; Иосиф оставя ризы и избежав»; 5-я миниатюра — «Петефрий пришел в дом от царя, жена его клеветет ему на Иосифа»; 6-я миниатюра — «Петефрий повеле Иосифа всадити в темницу».

Прочтены и рассказаны такие сложные по композиции, «многокадровые» миниатюры, как принесение в жертву Исаака: «Рабы со ослытем; Исааку дрова на плечах. Авраам огнь и нож взем, пришел созда олтарь; запен (связав, — В. П.) Исаака, возлож верху дров, ножом его закалат. Глагол ангелов; овен в саду. Авраам закла овен во Исаака место. Жертва к богу, благословение господне Аврааму и семени его».

Значительно короче раскрыты миниатюры, на которых не было сложных действий, а были показаны одно или два события с малым количеством участников или изображалась деятельность одного лица на протяжении времени как перечень его дел: «Царство Валака царя; смерть Валака царя»; «Исаак жнет с рабы; Исаак молотит с рабы». Совсем краткое определение получили у писцов рукописи БАН однотипные изображения, подтверждающие такие, часто повторяющиеся в Хронографе факты, как пиры, свадьбы, рождения, смерти, переселения и т. п. Вероятно, в лицевой рукописи здесь были общие сцены, исполненные по твердо установленной схеме, без заметной индивидуализации.

В описаниях миниатюр есть явные следы того, что переписчикам рукописи были знакомы и понятны условные изобразительные приемы художников-миниатюристов: язык жестов для обозначения смысла произносимых речей; позы печали, радости, гнева и негодования, согласия и отрицания; атрибуты царской власти и пророческого дара; повторяющиеся изображения божественных повелений; обстановка свадебных пиров и

ригуал погребений; одинаковость архитектурных деталей в изображениях осад и битв на городской стене; условные подробности военных сражений. Писцы увидели в лицевой рукописи и сообщили своим читателям: «страх и ужас» Авраама, «глагол божий» к Аврааму, Иакову, Моисею и к другим библейским лицам, «клевету и гнев» сынов Лавана на Иакова, «любление» Ревекки к Иакову; они написали также, что на миниатюрах «Иаков злобится», «Иосиф глаголет претительно, отовращшеся», братья «стояще пред Иосифом раскаяшася», Иосиф и отец его Иаков «плакаша мирно» (при встрече после многолетней разлуки) и т. д.

Словесная передача миниатюр книжниками в XVIII в. показала нам, насколько тесным было взаимоотношение между текстом и изображениями в той лицевой рукописи, которую они копировали. Решив воспроизвести и то и другое как одну неделимую общность, писцы нашей рукописи ни разу не вышли за рамки текста. Все увиденные подробности изображений они раскрыли, следуя дословно за изложением, беря из переписанного отрывка текста названия реалий и целые выражения для передачи содержания миниатюры (даже сатана скрежещет зубами «яко дикий козел», согласно тексту).

Не так ли и читатели, глядя на миниатюры подлинной лицевой рукописи, повторяли и запоминали по ним основные моменты хронографического повествования в тех именно выражениях, которые они только что перед этим прочли на строках книги?

В рукописи БАН 21.6.5 мы насчитали 1542 вставки с описаниями миниатюр. Уже одно это количество вызвало у нас предположение: не имеет ли наша рукопись какое-либо отношение к Лицевому летописному своду второй половины XVI в.? Ведь только Лицевой летописный свод, которому нет равного по торжественной монументальности исполнения, насыщен многими тысячами миниатюр.

Само размещение миниатюр в оригинале нашей рукописи, выбор содержания для каждого изображения аналогичны той разметке текста, какая была сделана при подготовке «Истории Иудейской войны» для включения ее в Лицевой летописный свод.⁴ К тому же и сюжеты и элементы миниатюр, которые можно восстановить по пересказам писцов рукописи БАН (в первую очередь их многоэпизодность), очень сходны с особенностями произведений миниатюристов Лицевого летописного свода.⁵

В рукописи БАН 21.6.5, как упомянуто выше, находится устойчивый текст первой половины Хронографа редакции 1512 г., т. е. изложение событий всемирной истории от сотворения мира до царствования императора Августа в Риме. Описание первой миниатюры, «Святой Феодорит народ учит на восток кланяться», относится к вводной статье Хронографа; последний же пересказ — к истории о кесаре Августе и мудреце Афинодоре, находящейся в середине 113-й главы Хронографа (по нумерации других списков глава 110): «Кесарь Август сидит на судиши; Миникий поверже пред ним хартию запечатав. Кесарь прочет встал с судища; Афинодор кесарю глаголет во ухо. || Афинодор тешит боярина, плачуща о жене. И внесен Афинодор к кесарю запечатан (в «носиле», вместо жены этого вельможи, — В. П.), и вышел с мечем глаголет кесарю. || Афинодор умирает, кесарь тужит; и вельможа умирает и глаголет».

⁴ В. Ф. Покровская. Из истории создания Лицевого летописного свода, стр. 5—19.

⁵ О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей, стр. 159—314.

При чтении рукописи пропуска рисунков мы нигде не ощутили, но возможно, что писцы соединяли иногда несколько миниатюр вместе и пересказывали их в одном общем описании. Поэтому в последней приведенной нами цитате мы разделили вставку писца вертикальными черточками на три части, которые могут оказаться описаниями отдельных миниатюр.

Хронологические рамки изложения дают возможность для сопоставления рукописи БАН 21.6.5 с двумя первыми томами Лицевого летописного свода, но не в полном их объеме (т. I — сборник Музейского собрания № 358, хранящийся в Государственном Историческом музее в Москве; в нем 1031 л., 1677 рис.;⁶ т. II — Хронографический сборник Библиотеки Академии наук СССР, шифр 17.17.9; в нем 1469 лл. и 2439 рис.).⁷

Вспомним, что в Лицевой летописный свод включен не Хронограф редакции 1512 г., а особая и, по-видимому, специально для этого свода составленная компиляция библейских текстов с выдержками из других источников (в том числе и из хроник и хронографов), дополненная апокрифическими и историческими сказаниями и повестями.

Следовательно, устанавливая придется не прямую зависимость и непосредственное переписывание частей Лицевого летописного свода, а более отдаленную связь и влияние традиций миниатюристов свода на художников неизвестного нам лицевого Хронографа, с которого в 1730-х годах сделан список БАН 21.6.5.

⁶ В. Н. Щепкин. 1) Два лицевых сборника Исторического музея. — Археологические известия и заметки, год V, № 4, М., 1897, стр. 97—128; 2) Лицевой сборник Российского Исторического музея. — ИОРЯС, т. IV (1899), кн. 4, СПб., 1900, стр. 1345—1385.

⁷ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 2. М.—Л., 1965, стр. 14—24; А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI в. — ИОРЯС, т. V (1900), кн. 3, стр. 824—876.

Б. В. САПУНОВ

Народные основы иконы «Чудо Георгия о змие» XVI в. из Олонца

В иконографии Георгия Победоносца В. Н. Лазарев устанавливает три достаточно четких этапа:

1) в XI—XII вв. культ Георгия распространен в великокняжеской среде и сохраняет византийский характер;

2) в конце XII—XV в. из патрона князей св. Георгий становится покровителем земледельцев;

3) с конца XV в. культ Георгия отрывается от народных корней и быстро утрачивает полнокровность, которой он обладал в памятниках XIII—XV вв.; при этом композиция все более и более усложняется.¹

Изображение Георгия на вздыбленном коне, поражающего копьём змея, в русском искусстве стало особенно популярным в XIV—XV вв. М. В. Алпатов и В. Н. Лазарев утверждают, что культ и изображения Георгия были особенно распространены в Новгороде, где этот образ живет весь XV в., а на Новгородском Севере как пережиток он сохраняется еще лет сто.

XVI век принес изменение композиции. Фигура Георгия становится более утонченной, более стройной, более изящной. Усложняется иконография, в ней заметно усиливаются элементы церковности. Широкое распространение получает фигура парящего ангела, увенчивающего главу Георгия короной; расширяется трактовка эпизода с царевной, вместе с ее родителями изображается толпа людей, появляются палаты и т. д. Все эти усложнения вполне отвечали духу XVI в.

В декабре 1962 г. Карельская экспедиция Государственного Эрмитажа привезла из Олонецкого района КАССР икону «Чудо Георгия о змие».² Из какой церкви она происходила, установить не удалось, ибо икона была обнаружена среди большого количества памятников станкового и декоративно-прикладного искусства, свезенных в Олонец из закрытых церковей района. Написана она на тонкой (2,2 см) сосновой доске, склеенной из двух частей. Шпонки сквозные, видимо вторичные. Размер иконы 67,5 × 49,5 см. Живопись была покрыта олифой; незначительные участки, в частности золотой фон и поля, были переписаны. Нижняя часть иконы

¹ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. - Византийский временник, т. VI, М., 1953, стр. 222.

² В состав экспедиции, кроме автора настоящей статьи, входил старший реставратор живописи - С. Ф. Коненков, который производил укрепление и расчистку иконы в реставрационных мастерских Эрмитажа.

и нижнее поле, покрытые ранее басмой, находились в плохом состоянии. Форма доски, характер лузги и ковчега, пропорции полей характерны для XVI в. Палеографические особенности надписи, и в частности буквы «е», также позволяют утверждать, что икону следует отнести к памятникам XVI столетия.³

Иконографический тип нашей иконы вполне соответствует изображению Георгия, отнесенному В. Н. Лазаревым ко второму этапу. Георгий выступает в традиционном для новгородской школы XV в. облике — воин со вздыбленного коня копьём поражает змея. В правом верхнем углу благословляющая десница. Фигура воина крепкая, сильная, в ней нет изящества, характерного для более поздних вариантов этого типа. Композиция ясная и четкая. Формальные признаки иконы, позволяющие отнести ее к памятникам XVI в., согласуются, однако, с иконографическим типом, говорящим о XV в. Учитывая северное происхождение, следует сказать, что привезенный нами памятник станковой живописи должен быть отнесен к типичным произведениям Новгородского Севера XVI в., где развитие художественных вкусов, естественно, шло значительно медленнее, чем в культурных и политических центрах страны.

Иконы «Чудо Георгия о змие» относятся к самым примечательным созданиям древнерусского искусства. Как отмечает В. Н. Лазарев, композиция икон второго этапа, сложившаяся в демократических слоях Новгорода, является наиболее крестьянской и наименее религиозной.⁴ Формирование данной композиции совершилось на русской почве, в ней отразилась русская действительность. Прототипы этого сюжета бесполезно искать за рубежом, в Византии или на Востоке. В. Н. Лазарев категорически утверждает, что в искусстве Византии образ Георгия на коне, победителя змея, крайне редок.⁵

Как отмечали почти все исследователи этого вопроса, среди многочисленных русских икон с изображением Георгия почти совсем нет точных повторений. Бесконечное многообразие вариантов также говорит о том, что данный тип сложился на месте, а не является развитием какого-то одного, византийского или иного, прототипа. Последнее обстоятельство чрезвычайно интересно в плане выявления многочисленных отклонений от более или менее устоявшейся иконографии, в которых проявлялись индивидуальные особенности художника.

Приведенные выше соображения выдвигают иконы с изображением Георгия XIV—XVI вв. в число ценных исторических памятников. При внимательном историческом подходе за относительно-условным художественным образом видны элементы конкретной действительности, реалии, запечатленные мастером черточки быта своей эпохи.

За спиной Георгия развевается красный плащ, концы которого закреплены на груди. Если отбросить декоративность изображения, то придется признать, что художник имел перед собой вполне конкретный образ. Хорошо известно, что плащи составляли необходимую часть одежды феодальных верхов древней Руси. В домонгольское время такие нарядные плащи назывались «корзно». Не случаен также выбор цвета, который нельзя объяснить одним колористическим замыслом. Красный цвет всегда

³ Крупнейший знаток древнерусской живописи Ф. А. Каликин относит икону к середине XVI в.

⁴ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи. . . , стр. 207. Демократический вариант происхождения имени Георгия, запечатленный на нашей иконе, — «Егоре» — является убедительным доказательством происхождения иконы в народной среде.

⁵ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи. . . , стр. 207.

считался на Руси нарядным и красивым. Красный плащ — это не художественный трафарет, идущий от византийских образцов. Корзно не было византийской одеждой.⁶ Красные плащи на иконах Георгия — это устойчивая деталь, порожденная жизнью.

Весьма характерной является обувь Георгия. На ногах предводителя небесного воинства и патрона земных ратников и полководцев хорошо видны никак не соответствующие его званию крестьянские онучи и поршни. Онучи были распространены по всей России, а поршни говорят о северном происхождении иконы. Не случайно и отсутствие шпор; как правило, на иконах с изображением Георгия шпоры обнаружить не удастся. Объяснить это можно, по-видимому, тем, что высокая русская посадка и полусогнутые в коленях, охватывающие бока коня ноги позволяли всаднику обходиться без шпор. Обувая своего Георгия в мягкую крестьянскую обувь, художник не забыл изобразить стремя, соответствующее этой обуви.

В древней Руси, судя по данным археологии и языка, параллельно существовали два вида оборонительных доспехов — «кольчуга» и «дошатая бронь».⁷

Для домонгольского времени более характерной была кольчужная бронь. Интересно отметить, что единственное дошедшее до нас изображение Георгия на коне, выполненное в конце XII в. (фреска в Старой Ладобе), передает кольчугу, а не дошатую бронь. Где-то на рубеже XV—XVI вв. дошатая бронь начала выходить из употребления, ее заменяет комбинированная броня, состоящая из кольчуги, наиболее уязвимые места которой покрывают крупными металлическими пластинками. В зависимости от формы и размера пластин создаются «куяки», «бехтерцы», «юшманы», «зеркала» и т. д. Учитывая, что XVI век дал многообразие форм таких защитных одежд, можно думать, что доспехи этого типа начали формироваться уже в XV в.⁸ Обычно утверждают, что доспехи на русских иконах повторяют византийские образцы, которые в свою очередь восходят к античным прототипам. Такое утверждение представляется совершенно неубедительным. Почему русские иконописцы должны были упорно повторять прорисовки доспехов с византийских икон, которых в России были единицы, когда в течение нескольких столетий тысячи русских воинов носили дошатые брони?⁹

Для иконы XVI в. дошатая бронь была архаикой, вполне понятной при общем отставании темпа жизни и художественных представлений Новгородского Севера той эпохи.

В правой поднятой руке Георгия копье. По форме наконечника его можно отнести к пику с длинным и довольно толстым пером. Художник как бы подчеркивает, что противник Георгия покрыт мощным косяным панцирем, пробить который может только бронебойная пика. Хорошо видны

⁶ Там же, стр. 208.

⁷ А. Ф. Медведев, К истории пластинчатого доспеха на Руси. — Советская археология, М., 1959, № 2, стр. 119—134.

⁸ На постоянной выставке «Московская Русь» в Государственном Эрмитаже экспонируется прекрасный юшман двоюродного брата Ивана Грозного — князя Владимира Андреевича Старицкого (1533—1569). Юшман датирован 1552 г. (инв. № З.О. — 7919).

⁹ На выставке Отдела истории русской культуры в Государственном Эрмитаже, в зале № 150, посвященном древнему Пскову, выставлена дошатая бронь XIV—XV вв., обнаруженная при раскопках в Довмонтове городе. В соседнем новгородском зале, № 149, можно увидеть дошатую бронь XIV в., собранную из пластин, найденных в Новгороде при раскопках А. В. Архиповского. Оба доспеха весьма близки к изображенному на иконе.

железные полосы, идущие от втулки наконечника по древку. Эта деталь конструкции копья появилась только с XVI в. Можно определить примерную длину древка копья. Учитывая сравнительные размеры коня, всадника и копья, длину прототипа изображенного на иконе копья следует считать равной 2—2.5 м. Копье-пика, изображенное на иконе, вполне соответствует современному иконе виду этого оружия ближнего боя.

Очень тщательно на иконе выписано седло. Рисунок настолько натуралистичен, что не представляет большого труда восстановить конструкцию седла. Это тип легкого, восточного седла, которое с небольшими изменениями сохранилось в казачьих войсках до XX в. Седло, изображенное на иконе, образовано из двух «полок», или «лавиц», соединенных вместе. В результате получается «ленчик» с высоко поднятыми передними и задними луками (арками). Хорошо видны чепрак, покрышка седла, крылья, две подпруги, относительно короткое путлище со стременами, небольшая подушка.¹⁰

Русские воины, вынужденные вести многовековую борьбу с легкой и подвижной конницей степняков (половцев, затем татар), выработали свою тактику боя и соответствующее ей оружие, снаряжение и посадку всадника. В Радзивилловской летописи имеются сотни миниатюр, отражающие различные этапы конных сражений и внешний вид русских конных воинов XIII—XV вв. Всадник свободно сидит в седле, его ноги слегка согнуты в коленях, удар копьем наносится движением руки и корпуса. Если цель находилась низко, кололи ударом сверху вниз, держа копье почти за конец. Именно такой прием показан на нашей и других, подобных ей иконах. Конь вздыбился перед змеем, Георгий ударом копья, который направлен движением плеча и корпуса, поражает змея в наиболее уязвимое место — в открытый рот.

Все приведенные выше соображения говорят о том, что изображение Георгия является не только трафаретным художественным образом. Иконописец запечатлел отдельные детали снаряжения и оружия, особенности посадки, некоторые приемы боя конного воина XV—XVI вв.

¹⁰ На выставке «Московская Русь» в Государственном Эрмитаже представлены два седла середины XVII в. из собрания Государственной оружейной палаты, инв. №№ 9495 и 9613 (седло-арчик № 9495, принадлежавшее царю Алексею Михайловичу, сохранило подушку). Конструкция обоих седел до мелочей повторяет конструкцию седла, изображенного на иконе. Рисунки седел на миниатюрах Радзивилловской летописи (лл. 8 об., 9 об., 10, 10 об. и др.) также убедительно говорят о том, что художник точно передал на иконе облик русского седла XV—XVI вв.

Чудо Георгия о Змие. Икона XVI в.
(Краеведческий музей, г. Олопец КАСР, 67,5×49,5 см).

В. В. КУСКОВ

Дионисий — «читатель» жития Алексия

Житийная икона митрополита Алексия, созданная замечательным древнерусским художником Дионисием, по достоинству оценена нашими искусствоведами.¹ Но в каком соотношении находится эта икона с житием Алексия, какой редакцией этого жития пользовался художник, как он «прочитал» текст, был ли он просто иллюстратором-повествователем или интерпретатором текста — вот вопросы, ответы на которые и попытается дать автор настоящего этюда.²

Предварительно необходимо уточнить время появления иконы, тем более что среди искусствоведов здесь нет единого мнения.³

Кульτ русских митрополитов Петра, Алексия и Ионы, активно содействовавших при своей жизни упрочению власти великих князей московских и возвышению «царствующего града Москвы», во второй половине XV столетия приобретает большое политическое значение. С 24 по 28 августа 1479 г. разыгрывается торжественная церемония перезахоронения останков митрополитов Петра, Киприана, Фотия и Ионы в новом Успенском соборе Московского Кремля.⁴ Заступничеством «чюдотворецъ Петра и Алексия и прочих» летописец объясняет бескровную победу, одержанную Иваном III над «безбожными Агаряны» — татарами на Угре.⁵

Праха Алексия покоился в Чудовом монастыре, где в 1483 г. архимандритом Геннадием Гонозовым была заложена каменная церковь во имя святителя,⁶ куда затем и были перенесены мощи Алексия из Благовещенского придела церкви Чуда архангела Михаила. В связи с этими событиями, очевидно, и была создана новая, третья редакция жития Алексия,⁷ а Дионисию заказана житийная икона.

В основу третьей редакции был положен текст жития, написанный Пахомием Логофетом и дополненный рассказом об исцелении хромоногого

¹ Г. Недошивин. Дионисий. М.—Л., 1947; В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа. — В кн.: История русского искусства, т. III. М.—Л., 1955, стр. 482—541; М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955, стр. 239—246; В. И. Антонова, Н. Е. Мисва. Каталог древнерусской живописи, т. 1. М., 1963, табл. 224—225, схема на стр. 337 (здесь же на стр. 341 см. подробную библиографию).

² Эти вопросы поставлены Д. С. Лихачевым в книге «Поэтика древнерусской литературы» (Л., 1967, стр. 2—28).

³ В. И. Антонова относит появление иконы к началу XVI в. (В. И. Антонова, Н. Е. Мисва. Каталог древнерусской живописи, т. 1, стр. 340), В. Н. Лазарев — к периоду 1462—1483 гг. (В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа, стр. 508).

⁴ ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 324—325.

⁵ ПСРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1959, стр. 274.

⁶ ПСРЛ, т. XXV, стр. 330.

⁷ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 132—133.

чудовского чернеца Наума. Сопоставление третьей редакции с клеймами иконы показывает, что художник во время своей работы пользовался только этим текстом: и Дионисий, и автор жития заканчивают свое повествование чудесным исцелением инока Наума; и Дионисий, и житие отмечают, что Алексей дважды ходил в Орду, сначала для «утоления гнева» Бердибека, вторично — для исцеления слепой ханши Тайдулы.

Перед художником, так же как и перед составителем новой, третьей редакции жития, стояла задача прославить «скорого помощника и заступника земли нашей Русьей и присному граду нашему Москве стену необоримую»⁸ и подчеркнуть значение Чудова монастыря, где покоились «цельбоносная мощи» святителя. Только один выполнил эту задачу словом, а другой — кистью.

Читая житие Алексея, художник отбирал из его текста самое основное, главное, подчеркивая красоту «богоугодных деяний» Алексея, которые художник изображал в строгом соответствии с требованиями этикета.⁹

Дионисий расчленяет текст жития на 20 эпизодов, которым соответствуют двадцать клейм, обрамляющих стоящую в центре фигуру митрополита: 1. Рождение; 2. Приведение во учение; 3. Сон Елевергия; 4. Пострижение в монахи; 5. Поставление в епископы; 6. Утоление гнева царя Бердибека; 7. Прощение к Сергию отпустить Андроника на игуменство в Спасский монастырь; 8. Поставление Андроника игуменом Спасского монастыря; 9. Моление Алексея у гроба митрополита Петра перед уходом в Орду; 10. Встреча Алексея в Орде; 11. Исцеление Тайдулы; 12. Возвращение из Орды и встреча в Москве; 13. Приготовление себе гробницы в Чудовом монастыре;¹⁰ 14. Беседа с Сергием перед кончиной (Алексий просит Сергия стать его преемником на митрополичьем престоле); 15. Погребение Алексея в Чудовом монастыре; 16. Обретение мощей; 17—18. Чудо о воскрешении младенца; 19. Чудо об исцелении слепой жены;¹¹ 20. Чудо об исцелении хромого черноризца Наума.

Художник сознательно опускает такой важный момент жития, как поставление Алексея на митрополию в Царьграде, поскольку ко времени создания иконы русская церковь обрела свою полную самостоятельность. Поэтому Дионисий и стремится подчеркнуть, что Феогност, посвящая Алексея в сан епископа владимирского, тем самым уже избирает себе преемника, а Алексей со своей стороны заботится о том же перед смертью, уговаривая троицкого игумена Сергия занять митрополичий престол.

Дионисий не интересуется деятельностью Алексея в Нижнем Новгороде и Владимире, основное внимание он уделяет «деяниям» митрополита, связанным с «царствующим градом Москвой» и Чудовым монастырем. Как

⁸ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, СПб., 1908, стр. 336.

⁹ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 84—108.

¹⁰ В. И. Антонова считает это клеймо 14-м (см.: В. И. Антонова, Н. Е. Мневина. Каталог древнерусской живописи, т. 1, стр. 338), однако в тексте жития этот эпизод предшествует «беседованию» Алексея с Сергием (см.: Великие Миннеи Честии (Успенские), 12 февраля. ГИМ, Синод., № 991, л. 421); Дионисий же не нарушает последовательности текста.

¹¹ В. И. Антонова объединяет клейма 17—19-е, рассматривая их как иллюстрацию чуда о воскрешении младенца (В. И. Антонова, Н. Е. Мневина. Каталог древнерусской живописи, т. 1, стр. 338), однако на 19-м клейме изображено исцеление слепой жены, которая принесла в церковь образ Алексея, что соответствует подробному рассказу жития (см.: Великие Миннеи Честии (Успенские), 20 мая. ГИМ, Синод., № 994, л. 580; здесь читаем об исцелении слепой купеческой жены Матрены: «...и верою великою уязвивши си сердце, повеле написати си икону, подобна образа святого Алексея, и яко же совершени бывши, принесс я в церковь святого и поставльши я, ту помолися у честныя его раки, и абие исцеление получив, отиде в дом свой»).

и составитель жития, художник рассматривает чудеса в качестве непреложного доказательства святости Алексия, его посмертной славы и жизни нетленной (ведь чудеса — например, исцеление слепой Тайдулы, — которые Алексей творил при жизни, он продолжает совершать и после своей смерти). Из 9 чудес, описанных в житии, Дионисий избирает только три, мысленно как бы соглашаясь с автором текста: «несть бо мощно его исписати святого сего чудодействия».¹²

Изображая чудо о воскрешении мертвого младенца, прозрении слепой жены и выздоровлении хромого чернеца, художник «материализует» словесную агиографическую формулу: святой — «око слепым, нога хромым».

Клейма 1-е, 2-е, 4-е и 5-е исполнены в традиционной манере житийных икон, изображающих рождение, «приведение во учение», пострижение в монахи и поставление в епископы. Подобные эпизоды широко представлены в житийных иконах Николы. Однако Дионисий предельно упрощает и обобщает свои композиции, не перегружая их ни фигурами, ни деталями.

Вот рождение Елевферия — Алексия: на овальном ложе, слегка наклонившись, сидит мать, служанка подает ей сосуд; сидящая в правом углу женщина держит на коленях новорожденного и, готовясь купать его в рядом стоящей купели, пробует правой рукой воду. Центром композиции художник делает сосуд, который держит служанка, и вся сцена приобретает символическое значение, смысл которого раскрывает текст более поздней похвалы: «О великий во святых святителю Христов Алексие, и же из чрева материя освященный божий сосуде (разрядка моя, — В. К.)».¹³ Так бытовой эпизод рождения ребенка приобретает сразу же панегирическое звучание. В то же время естественный жест правой руки женщины, пробующей, горяча ли вода, придает этой сцене глубокую человечность.

Весьма сложная задача встает перед художником в 3-м клейме — изобразить пророческий сон отца, услышавшего божественный глас: «Алексие! что всеу труждаешися? се отसेле будещи человеки лоя!».¹⁴ Этого эпизода жития, предопределившего дальнейшую судьбу героя, Дионисий, естественно, не мог опустить, и он перевел его на язык художественных символов. Художник изобразил спящего мальчика перед шалашом, стоящим среди гор (горы — символ возвышения духа); за шалашом — птицы, попавшиеся в силки; птицы бродят по горам и сидят в кустах (птицы — символ человеческих душ).

Большой простор художнику давал текст жития, сообщавший о том, как Алексей «утолил гнев» злостивого царя Бердибека, который «покушашеся на христианство ити». Алексей же «много спону приим от безбожных татар, но божиею помощию и пречистыя его богоматере покровом гнев смилив, яко и темь поганым дивитися премудрости его и похвалити разум мужа».¹⁵ Этот маловыразительный текст Дионисий превращает в весьма интересный эпизод: в скромных иноческих одеждах, с книгой в руках предстоит Алексей перед тронном всемогущего хана, окруженного стражей; сопровождающие митрополита бояре держат в руках дары — узорчатые одежды. Ярко-красные одежды хана контрастируют со скромным одеянием митрополита, — это контраст гордости и смирения. Художник утверждает моральную победу смирения над гордостью, наделяя «не-

¹² Великие Минеи Четии (Успенские), 20 мая. ГИМ, Синод., № 994, л. 581.

¹³ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 364.

¹⁴ Великие Минеи Четии (Успенские), 12 февраля. ГИМ, Синод., № 991, л. 419 об.

¹⁵ Там же, л. 420.

честивого» царя весьма выразительным жестом: он указывает святителю на место, приготовленное рядом с собой.

Следует отметить, что Дионисий не подвергает текст жития критической проверке и помещает сцену «утоления гнева» Бердибека ранее клейма с исцелением царицы Тайдулы. Как свидетельствуют летописи, Алексей был в Орде только в 1357 г., когда исцелил царицу Тайдулу, жену Чанибека; Бердибек же занял ханский престол после Чанибека.¹⁶

Идея торжества христианства над мусульманством, торжества и победы Москвы над Ордой раскрывается Дионисием в 10-м и 11-м клеймах иконы. Текст жития: «... и абис царь сретает его с великою честью и дароношением»¹⁷ — толкает Дионисия на создание сцены торжественной встречи. Теперь уже хан, сняв с себя символы царской власти (корону и меч), обнажив голову, смиренно стоит на коленях в молитвенной позе перед святителем. Он умоляет Алексея исцелить Тайдулу, он признает нравственное превосходство святителя. Колонопреклоненная фигура хана контрастирует с фигурой московского князя Дмитрия Ивановича, встречающего Алексея у стен Москвы в 12-м клейме. Князь подходит к митрополиту и целует крест, лишь слегка наклонив голову. Этим контрастом художник подчеркивал мысль о величии православного Московского царства. При этом Алексей в эпизоде встречи с ханом изображен художником в своих будничных одеждах, в то время как в эпизоде встречи с великим князем московским он предстает в парадном облачении.

И автор жития, и художник показывают, что свою миссию в Орде Алексей выполнил благодаря заступничеству и покровительству митрополита Петра. Перед отправлением в далекий путь Алексей совершает торжественный молебен у гроба святого (клеймо 9-е) и получает добрый знак: свеча, поставленная у гроба Петра, самовозгорается.¹⁸ С помощью этой свечи и святой воды Алексей и исцеляет слепую ханшу (11-е клеймо). В этой сцене художник показывает Алексея во всем его святительском величии: он и сопровождающий его клир облачены в белоснежные одежды (символ нравственной чистоты); окропив глаза больной, Алексей спокойно взирает на прозревшую ханшу, в то время как клирики выражают свое удивление, правда весьма сдержанно, соблюдая благопристойность.

Все действующие лица в изображении Дионисия ведут себя в строгом соответствии с этикетом, каждый эпизод жития художник превращает в ритуально-торжественную сцену: пострижения в монахи, поставления в епископы, благочестивой беседы, приема, встречи, благословения, исцеления, погребения, обретения мощей.

Спокойные позы, неторопливые торжественные жесты, ритмическая повторяемость параболических линий, очерчивающих удлинненные, изящные силуэты человеческих фигур, контрастное сочетание белых, ярко-красных, светло-зеленых, светло-коричневых и желтых тонов придают иконе то торжественное, праздничное настроение, которое выражено в тексте жития при помощи «удобренного» слова.

Дионисий изображает Алексея как «земного ангела и небесного человека», покорившего страсти телесные, украсившего себя «венцом бесстрастия». Вероятно, этим и следует объяснить «утомительную повторяемость типов, с маленькими носицами и глазами, с округлым очерком головы. И столь же стандартны вытянутые пропорции фигур и мало разнообразные

¹⁶ ПСРЛ, т. XXV, стр. 180.

¹⁷ Великие Минеи Чети (Успенские), 12 февраля. ГИМ, Синод., № 991, л. 421.

¹⁸ К сожалению, эта весьма важная деталь была утрачена после реставрации иконы, так же как и древние надписи.

мотивы движения».¹⁹ Нельзя видеть в этом недостаток художника, поскольку здесь проявляется одна из особенностей средневекового художественного взгляда на святого — как на человека, украсившего себя «венцом бесстрастия».

Помещая в среднике стоящую в полный рост фигуру Алексия в торжественном ярком облачении, с книгой в левой руке и благословляющим жестом правой руки, Дионисий несколько варьирует тему оранты, прославляя «стража и утверждение земли Русей», который «прииде от смерти в живот, от труда в покой, от тля в нетление».²⁰ Строя свою икону в строгом соответствии с текстом жития, Дионисий превращает ее в своеобразное «торжественное слово» — похвалу, выраженную средствами живописи.

---

¹⁹ История русского искусства, т. III. М.—Л., 1955, стр. 497.

²⁰ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 384.

В. Д. КУЗЬМИНА

**Из истории хорватско-русских литературных связей
в XVI—XVII столетиях (русские редакции повести о Бове
и хорватский текст «Королевичей Франции»)**

Изучая происхождение восточнославянских редакций повести о Бове, А. Н. Веселовский обратил внимание на одну деталь русской фольклоризованной редакции XVII в. (III восточнославянская редакция по нашей классификации¹): при встрече с Симбалдой после возвращения на родину Бова называет себя вымышленным именем — Август. А. Н. Веселовский поставил этот эпизод в связь с тосканской версией романа о Бове д'Антоне,² указав одновременно, что к этой же тосканской версии восходит компилятивный роман итальянского писателя Андреа да Барберино де Маньяботти (родился примерно в 1370 г., умер ок. 1431 г.)³ — «I Reali di Francia» («Королевичи Франции»). Как известно, четвертая книга этого романа посвящена описанию подвигов Бово д'Антоне.⁴ А. Н. Веселовскому было известно о существовании неизданного хорватского перевода романа. Сведения о нем имелись в каталоге собрания И. Чулича, составленном И. А. Казначичем (1860),⁵ и в заметке И. В. Ягича (1886).⁶ Отмечая сербизмы белорусской редакции (Познанский список), А. Н. Веселовский писал, что вопрос о промежуточном сербохорватском звене между итальянскими и восточнославянскими версиями остается открытым: «Сербский подлинник белорусской повести не найден; романтическая история Бовы проникла к южным славянам, сколько пока известно, лишь в хорватском (пока не изданном) переводе соответствующего отдела Reali di Francia».⁷ В своей монографии А. Н. Веселовский, не видевший рукописи хорватского перевода «Королевичей Франции» (как и ныне, она хранилась тогда в составе коллекции И. Чулича в библиотеке францисканского монастыря в Дубровнике), не касался вопроса о датировке хорватского пере-

¹ В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых ключей. М., 1964, стр. 36—48, 247—248.

² А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести. Материалы и исследование, вып. 2. Славяно-романский отдел. — СОРЯС, т. XLIV, № 3, СПб., 1888, стр. 244, 246, 255, 287, 301.

³ Об Андреа да Барберино см.: Storia della letteratura italiana di Luigi Russo, vol. I. Firenze, 1957, стр. 486—490; E. Gennarini. Lineamenti di storia della letteratura d'Italia dalle origini al novecento. Torino, 1952, стр. 141; U. Renda e P. Operti. Dizionario storico della letteratura italiana. Nuova edizione riveduta e aggiornata sul testo originale di Vittorio Turri. 4 ed. Torino, 1959, стр. 99—100.

⁴ Научное издание этого романа см.: Andrea da Barberino. I Reali di Francia. A cura di Giuseppe Vandelli e Giovanni Gambarin. Bari, 1947, стр. 291—426.

⁵ Catalogo della biblioteca del P. Innocenzo Ciulich detto P. Sordo nella libreria de RR. PP. Franceskani di Ragusa redatta da Giovanni Augusto dr. Casznacich (Supplemento all'Osservatore Dalmato); см отдельное издание: Zaga, 1860, № 186.

⁶ V. J[ag]ić. Eine illyrische (serbisch-kroatische) Uebersetzung der Reali di Francia. — ArfsIPh, 1886, Bd. IX, H. 4, стр. 699—701.

⁷ А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести. . . , стр. 246.

вода. Можно думать, что причиной этого были отсутствие даты перевода у И. А. Казначича (описавшего рукопись *de visu*) и датировка И. Б. Ягича по копии начала рукописи, сделанной по его просьбе проф. Цоре в Дубровнике. И. В. Ягич считал рукопись перевода относительно поздней, полагая, что по языку она едва ли не XVIII столетия («*etwa aus dem XVIII Jahrhundert*»)⁸.

В 1940-е годы ученый хранитель библиотеки францисканского монастыря в Дубровнике д-р Мийо Брлек предпринял научное описание рукописей и старопечатных книг этой замечательной библиотеки, включающей одних рукописей до 30 000 томов. К 1952 г., когда вышел первый том описания д-ра М. Брлека под редакцией проф. И. М. Бадалича, крупного знатока старохорватской рукописной и печатной традиции,⁹ д-р М. Брлек каталогизировал 22 000 томов рукописей.

Д-р М. Брлек приложил к описанию историю библиотеки, где мы находим некоторые сведения об интересующей нас рукописи и ее научное описание.¹⁰ Хорватский текст романа Андреа да Барберино «Королевичи Франции» входит в состав коллекции Иннокентия Чулича. Ученый монах-францисканец, уроженец Сплита (умер в 1852 г.), он был генеральным лектором философии и в течение 40 лет скупал рукописи и книги, изданные и напечатанные в старину в славянских землях или содержавшие сведения о них. И. Чулич пожертвовал свое собрание в библиотеку францисканского монастыря в Дубровнике (где он жил до самой смерти) и начал описывать свое собрание, в чем ему стал помогать И. А. Казначич. Изданный после смерти И. Чулича каталог И. А. Казначича снабжен введением Джуро Пулича и содержит описание 1132 рукописей и 1904 печатных книг.¹¹ Годом ранее хорватские рукописи собрания Чулича И. А. Казначич описал в «Архиве» Кукулевича.¹² Д-р М. Брлек дает следующие сведения о хорватском рукописном переводе романа Андреа да Барберино: «№ 134. Андреа да Барберино. Королевичи Франции. Размер: 20,7 × 14,5 см, [3] + 232 листа; некоторые листы пустые; л. 56 на треть оборван. В картонном переплете, корешок из пергамента, на нем: „I Reali di Francia tradotti“. Кое-где изъедено, недостает начала и конца. Начинается заглавием 3-й главы первой книги (недостает затем глав 6-й, 7-й, 11-й), а завершается началом 6-й главы шестой книги». В конце дается указание на итальянское издание «Reali» 1947 г. и приводится старый номер этой книги, входившей в коллекцию И. Чулича под № 186 по каталогу И. А. Казначича.¹³ Четвертая книга романа с описанием подвигов Бово д'Антоня занимает в рукописи лл. 162а—226 об. (л. 163 ошибочно помечен два раза).

Работая в 1958—1963 гг. над монографией о рыцарском романе на Руси, я не имела возможности ознакомиться в оригинале с хорватским текстом «Королевичей Франции». Благодаря любезному содействию проф. И. М. Бадалича и д-ра В. Форетича я получила в 1963 г. микрофильм рукописи. Он мог дать лишь сведения о лексике и почерке, в котором много лигатур, не типичных для XVIII в.; вопрос же о происхождении и дате бумаги не мог быть мною проверен, тем более что в описании

⁸ V. J[ag]ić. Eine illyrische (serbisch-kroatische) Uebersetzung... стр. 699.

⁹ Dr. Mijo Brlek. Rukopisi knjižnice Male braće u Dubrovniku, knj. 1. Urednik Josip Badalić. Zagreb, 1952 (Hrvatska bibliografija, knj. 3), стр. 16, 20—21.

¹⁰ Там же, стр. 129, № 134.

¹¹ Там же, стр. 16.

¹² Rukopisi hrvatski koji se nalaze u knjižnici oo. frančeskanah u Dubrovniku. Popisao Ivan Augusto dr. Kaznačić.— Arkiv za povjesnicu jugoslavensku, knj. V. Uvedio Ivan Kukuljević Sakcinski. Zagreb, 1859, стр. 139—163.

¹³ Dr. Mijo Brlek. Rukopisi knjižnice Male braće... стр. 129.

М. Брлека сведения о филигранях отсутствовали. Впрочем, я считала вполне заслуживающей доверия датировку рукописи XVI в., общепринятую историками хорватской литературы.¹⁴

Между тем в 1963 г. в западногерманском журнале «Славянский мир» появилась статья Георга Майера (Вюрцбург) «Этюды о Бове», в которой он отвергал какое-либо значение хорватского текста «Realī» для восточнославянских редакций Повести о Бове, безоговорочно отнеся его на основе заметки И. В. Ягича (без знакомства с рукописью) к XVIII в.¹⁵

Во время командировки в Югославию в феврале этого года мне удалось побывать в Дубровнике и благодаря дружескому содействию Югославянской Академии наук и искусств, а также Института истории Югославянской Академии (Дубровник) получить разрешение ознакомиться с интересовавшей меня рукописью.

Основной филигранью в ней является изображение якоря в кругу со звездой над ним (лл. 160—161, 163—164 и др.). Данная филигрань была многократно отмечена Н. П. Лихачевым в южнославянских рукописях XVI в., имеющих в Москве и Ленинграде, например:

№ 1490 — лист из Хиландарского Евангелия, 1520 г. (ГПБ, Ф. 1, № 596);¹⁶

№ 1739 — Пролог за сентябрь—февраль, сербское правописание, 1551 г. (ГИМ, собр. Хлудова, № 192);¹⁷

№№ 1857 и 1858 — «Диоптра» инока Филиппа, южнославянская рукопись 1563 г. (ГИМ, собр. Хлудова, № 66);¹⁸

№ 1935 — служебная Минея, сербская, 1571 г. (ГИМ, собр. Хлудова, № 148).¹⁹

При этом Н. П. Лихачев отметил, что «Диоптра» инока Филиппа 1563 г. и сербская служебная Минея 1571 г. из собрания А. И. Хлудова писаны на бумаге итальянского происхождения.²⁰

Таким образом, филигрань рукописи показывает, что, подобно другим южнославянским рукописям, перевод на хорватский язык «Realī di Francīa» писан на итальянской бумаге XVI в. Этой дате соответствует и почерк рукописи, близкий по типу почеркам XVI столетия, воспроизведенным в книге М. Брлека.²¹

Таким образом, палеографические признаки заставляют отбросить гипотезу И. В. Ягича. Весьма возможно, что список хорватского текста «Королевицей Франции», подобный тексту, сохранившемуся в собрании И. Чулича, в XVI—начале XVII в. был куплен в Дубровнике кем-нибудь из русских людей. Эта книга попала на Русь и оказала затем воздействие в отмеченной А. Н. Веселовским детали (Бова—Августин) на русскую фольклоризованную редакцию повести о Бове, известную в рукописях в XVII столетии.

¹⁴ M. Medini. Poviest hrvatske književnosti u Dalmaciji i Dubrovniku, kn. I. XVI stoljeće U Zagrebu, 1902, стр. 65; Н. Банашевич. Циклус Марка Краљевића и одједи француско-талианске витшке књижевности. Скопље, 1935, стр. 11—13; M. Komboš. Poviest hrvatske književnosti do narodnoga prepovoda. Zagreb, 1945, стр. 39.

¹⁵ Georg Mayer. Bova-Studien. — Welt der Slaven, Wiesbaden, 1963, № 3, стр. 281.

¹⁶ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. II. СПб., 1899, стр. 422

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Ср. А. Н. Попов. Описание рукописей библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, стр. XXI.

²⁰ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I. СПб., 1899, стр. 174—175, 180.

²¹ Dr. Mijo Brlek. Rukopisi knjižnice Male braće..., tab. V, XII

БОНЮ СТ. АНГЕЛОВ

«Хождения» в южнославянских литературах до XVII в.¹
(К постановке вопроса)

«Хождения», как один из жанров древних южнославянских литератур, расширяли историко-географические познания средневекового читателя, свидетельствуя о его интересе к близким и далеким землям, к жизни и обычаям разных народов. Особенно велик был интерес к Византии и к так называемым «святым местам», связанным с начальной историей христианства. Сведения об этом литературном жанре представляются особенно ценными, если помнить, что на славянском юге описание путешествий — явление довольно редкое и представлено небольшим количеством произведений. Тем более удивляет тот факт, что даже небольшие разрозненные сведения об этом литературном роде до сих пор не систематизированы и не изучены. Но и имеющиеся сведения позволяют уделить больше внимания «хождениям» в литературной истории болгар и сербов. Ждут своего разрешения вопросы о времени их написания, о причинах возникновения, содержании и их соотношениях, а также о связи с литературной традицией этого жанра в Византии и на Руси.

Единственное большое и ценное исследование по этому вопросу в болгарской литературе принадлежит проф. И. С. Дуйчеву.²

Сдержанное отношение к этому важному литературному жанру обусловлено существующим предубеждением, что для южнославянских литератур данный жанр не характерен. Конечно, южнославянская традиция «хождений», как мне известно, не может сравниться с традицией того же жанра в древнерусской литературе. Однако не следует забывать, что знания исторические, географические и этнографические средневековый читатель получал не только из «хождений», но и из различных житий и повестей, из некоторых философско-богословских трактатов (например, «Небеса» и «Шестоднев» Иоанна Экзарха), а также и из довольно распространенных в то время космографических сочинений.³

Вслед за этими более общими соображениями возникает вопрос: как представлены в южнославянских литературах «хождения» до XVII в.? Каково количество этих сочинений, какие имеются списки, от какого времени, опубликованы ли они?

¹ Перевод с болгарского Г. И. Сафронова (Ред.).

² И. С. Дуйчев. Географски описания в средновековната българска книжнина. Към историята на българската наука. — Сборник в чест на академик Н. В. Михов. София, 1959, стр. 157—170.

³ Подробно см.: там же, стр. 157—170.

В настоящее время нам известны следующие южнославянские «хождения», относящиеся к периоду до XVII в.

1. «Слово о местехъ святыхъ яже в Иерусалиме», известное по списку 1360 г. в составе так называемого Видинского сборника (лл. 457—473), писанного в Видине, столице болгарского царя Ивана Срацимира, и изданного Мартыновым.⁴ Это самое раннее из известных в настоящее время «хождений» в древних литературах сербов и болгар. Восходит оно, вероятно, к византийской литературе. Но мы не знаем, переведено ли оно было в 1360 г. или данный список восходит к другому, более раннему списку.

2. «Хождение» Арсения Солунского, южнославянского писателя XIV в., родом из города Солуни (Салоники), посетившего «святые места» в Палестине. Его «хождение» было впервые издано Сахаровым в «Сказаниях русского народа» в 1849 г. Хотя памятник представляет значительный интерес и для русской науки, вторично он был издан лишь в 1913 г. В. П. Адриановой-Перетц, работа которой «Хождение Арсения Селунского» до сих пор остается единственным полным исследованием, посвященным этому писателю, и представляет хорошую основу для новых изысканий.⁵

Для исследователя южнославянских литератур важное значение имеет следующая мысль В. П. Адриановой-Перетц: «А. И. Платонов в цитированной выше статье⁶ относит Арсения к числу русских паломников XIV века. Однако хождение, представляющее единственный источник наших сведений об Арсении, не дает основания причислять его к русским писателям: он сам указывает на Солунь, как на место своего служения. Опыраясь на его слова, мы можем допустить только два предположения — или он грек, или болгарин. . .

Вопрос о национальности Арсения, а вместе с тем о языке, на котором появилось в свет его описание палестинских святынь, приходится оставить открытым».⁷

Тридцатью годами позже об Арсении писал проф. И. С. Дуйчев, считавший, в частности, что Арсений «был македонским болгаринцем из Солуни, который, по-видимому, ушел в Палестину во второй половине XIV века, во время бурных событий турецкого завоевания, и, как сам сообщает, провел там целых 17 лет». И. С. Дуйчев находит, что «во всем изложении нет следа влияния греческой литературы или простонародной речи. По своей форме и содержанию „хождение“ Арсения является самостоятельным памятником древней болгарской литературы».⁸

В. П. Адрианова-Перетц сообщает о следующих десяти списках «хождения» Арсения Солунского: 1) ГПБ, Софийское собрание, № 1464, XVI в.; 2) там же, № 1465, XVI в.; 3) ГПБ, собрание Погодина, № 1570, XVII в.; 4) там же, № 1572, XVII в.; 5) там же, № 1615, XVII в.; 6) там же, № 1944, XVII в.; 7) собрание церковно-археологического музея Киевской духовной академии, № 334 (37), XVII в.; 8) собрание Петрушевича во Львове, № 148, XVII в.; 9) ГБЛ, собрание Н. С. Тихонравова, № 18, XVII в.; 10) там же, № 658, XVIII в.

⁴ И. Мартынов. Бдинский сборник. Рукопись Гентской библиотеки. СПб, 1882 (ПДП, т. XIV).

⁵ В. П. Адрианова. Хождение Арсения Селунского. — ИОРЯС, т. XVIII, 1913, кн. 3, стр. 195—224.

⁶ А. И. Платонов. Древнерусские паломники из духовенства и мирян. — Сообщения имп. Православного палестинского общества, 1906, вып. 4, стр. 521—547. (Прим. наше, — Б. А.).

⁷ В. П. Адрианова. Хождение Арсения Селунского, стр. 203.

⁸ И. С. Дуйчев. Географски описания. . . , стр. 169.

К упомянутым спискам прибавлю следующие, до сих оставшиеся неизвестными науке: 1) список в сборнике XVI в. собрания Царского, № 373; ныне: ГИМ, собрание Уварова, № 1794 (351), лл. 97—100;⁹ 2) список в сборнике XVII в. — ГИМ, собрание Уварова, № 1897 (859), лл. 482—495;¹⁰ 3) рукопись ГБЛ, собрание В. М. Ундольского, № 584, л. 31 и сл.¹¹ (в настоящее время я не располагаю текстом этого списка и поэтому не могу сказать ничего определенного о его соотношении с другими памятниками). Более тщательное обследование древнеславянских рукописей и различных их описей безусловно указало бы и на другие списки «хождения» Арсения.

3. «Хождение» в Палестину — «Съмотрение въселенние». Известно по трем южнославянским спискам XVI в.: Виссарионов сборник (ныне находится в Скопле), сборник Божишича (находится в собрании В. Божишича, город Цавтата, Югославия) и Ловчанский сборник (ныне в Музее города Ловеч в Болгарии). Текст был издан еще в 1884 г. Стояном Новаковичем в хорватском журнале «Starine» (т. XVI, стр. 54—55). Недавно проф. И. С. Дуйчев убедительно показал, что это по существу «не что иное, как перевод и опубликование греческого оригинала, а именно *ἰδοῦσι τὸν τοῦ αἰῶνος ἀπὸ Ἐδέμ τοῦ παραδείσου ἀφ' ἑρῶν τῶν Ῥωμαίων*».¹²

Сочинение было переведено в начале XV в. болгарским писателем Константином Костенчским, известным теоретиком в области южнославянской орфографии, оказавшим заметное влияние на последующих писателей.

4. Описание «святых мест». Сохранилось лишь во фрагментах в упомянутом уже Ловчанском сборнике XVI в. Его перевод связан также с именем Константина Костенчского. Первая публикация текста осуществлена акад. Юрданом Трифоновым в статье «Живот и дейност на Константин Костенечки».¹³

5. Географическое описание Димитрия Кантакузина. Находилось в рукописной «Синтагме» (Номоканон) Матвея Властара. Два листа этой рукописи, содержащие описание, являются собственностью проф. Д. С. Радойичича (Югославия, г. Нови Сад). Частично опубликовано мною.¹⁴ Желательно появление в ближайшее время полной публикации текста.

6. Хождение Никона Ерусалимца. Сохранилось в сборнике 40-х годов XV в. Грек по происхождению, Никон Ерусалимец некоторое время жил в Сербии. Он посетил Иерусалим, Синай и Египет. В новосербском переводе хождение напечатано проф. Д. С. Радойичичем: «Antologija stare srpske književnosti (XI—XVIII veka)» (Beograd, 1960, стр. 184—187).

7. «Хождение» в сербском рукописном сборнике XVII в., № 497, Народной библиотеки в Белграде. Сочинение представлено как произведение Козьмы Индикоплова (VI в.), что видно из его заголовка: «Светаго

⁹ Леонид, арх. Систематическое описание ... славяно-русских рукописей графа А. С. Уварова, ч. IV, М., 1894, стр. 68—69.

¹⁰ Там же, ч. IV, стр. 282.

¹¹ А. Е. Викторов. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе. — В кн.: Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и владельцем собрания. М., 1870, Приложения, стр. 39.

¹² И. С. Дуйчев. За книжовното творчество на Константин Костенечки. — Известия на Института за българска литература, кн. II, София, 1954, стр. 227. Наконец, неизвестный до сих пор греческий список этого сочинения (ГПБ, № 252) опубликовала Н. Пигулевская в книге «Византия на путях в Индию» (М.—Л., 1951, стр. 408—410).

¹³ Ю. Трифонов. Живот и дейност на Константин Костенечки. — Списание на Българската академия на науките, кн. LXVI, 1943, стр. 289—290.

¹⁴ Б. Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература, кн. II. София, 1967, стр. 242—243.

Козми Индикоплова проуведение въселенней». Оно начинается так: «От Едема до Драхмана обители 70 пута, реки глаголемые Фисонь».¹⁵ К сожалению, из этого сочинения нам известны только заголовок и начальная фраза, так как рукопись уже не существует (она погибла во время второй мировой войны). Но и из начальной фразы ясно, что здесь речь идет о «хождении», восходящем к текстам, известным по Виссарионовому, Богищечеву и Ловчанскому спискам XVI в. Я просмотрел фототипическое издание «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, но и в нем такого сочинения не оказалось.¹⁶

Следовало бы произвести поиски других списков этого сочинения, так как не исключена возможность, что в них, может быть, окажется, хотя бы и в качестве добавления, сочинение, которое приписывается Козьме Индикоплову.

Исходя из состояния изучения «хождений» в южнославянских литературах, мы выдвигаем следующие задачи:

- 1) необходимо приложить максимум усилия для поисков и публикации неизвестных до сих пор «хождений»;
- 2) необходимо опубликовать «хождения», известные лишь по описаниям;
- 3) надо установить, какие из сочинений этого жанра являются оригинальными, а какие компилятивными или переводными;
- 4) необходимо исследовать связи южнославянских «хождений» с греческой и русской традициями этого литературного жанра;
- 5) следует показать значение «хождений» в развитии южнославянских литератур, их роль в расширении географических представлений читателей, в обогащении их историческими знаниями.

¹⁵ Д. Стојановић. Каталог Народне библиотеке у Београду, IV. Рукописи и старе штампане књиге. Београд, 1903, стр. 375.

¹⁶ Книга глаголемая Козьмы Индикоплова. Памятники Общества любителей письменности. СПб., 1886, № 86 (по рукописи XVI в.: ЦГАДА СССР (Москва), собрание М. А. Оболенского, № 159).

Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Новый список «Повести о Ерше Ершовиче»

Недавно в собрание ИРЛИ АН СССР поступил новый список «Повести о Ерше Ершовиче» (ИРЛИ, оп. 25, № 112). Сопоставление его с другими списками 1-й и 2-й редакций памятника, исследованными В. П. Адриановой-Перетц,¹ показывает, что рассматриваемый список сохранил некоторые архетипные чтения повести и тем самым дает интересный материал для суждения о соотношении текстов разных редакций и вариантов «Повести о Ерше Ершовиче».

Список этот представляет собой 6 листов в 4-ку, вынутых из книжного переплета и значительно поврежденных. Почерк — скоропись середины XVIII в. Водяной знак *pro patria*. На лл. 1—4 текст «Повести о Ерше Ершовиче», без начала. Л. 1 об. испорчен. На л. 5 владельческая запись 1760 г. На л. 6 рапорт Угличской провинциальной канцелярии 1756 г. Помета свидетельствует о ярославском происхождении списка. Список и найден был в селе Чурьяково, в 4 км от г. Углича Ярославской области, сотрудником газеты г. Мышкина В. А. Гречухиным. Факт ярославского происхождения списка важно отметить, так как территория, на которой развертывается действие повести, — Волжский водный бассейн (Волга, Ростовское озеро, река Которосль).

В результате текстологического сопоставления с другими списками повести удалось установить, что текст «Повести о Ерше Ершовиче» во вновь найденном Угличском списке относится ко 2-й редакции по классификации В. П. Адриановой-Перетц² и наиболее близок к списку ГПБ из собрания Титова, № 2776, XVIII в. (далее: список Т), указанному в текстологическом комментарии к изданию текста «Повести о Ерше Ершовиче», но специально в книге В. П. Адриановой-Перетц не характеризовавшемся.³

Вместе с тем Угличский список имеет сходство с утерянным списком из собрания Ляликова, второй четверти XVIII в., опубликованным в «Московском телеграфе».⁴ И в том и в другом списках текст разбит по пунктам в соответствии с новой формой составления деловых бумаг, введенной указом Петра в 1723 г.⁵ Однако на этом сходство этих списков и исчерпывается.

¹ В. П. Адрианова-Перетц. 1) Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937; 2) Русская демократическая сатира XVIII века. М.—Л., 1954.

² В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира... стр. 191.

³ Там же.

⁴ Московский телеграф, 1832, № 18, стр. 291—293.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории... стр. 127.

Оба близких друг к другу списка — список *Т* и Угличский — смягчают сатирический тон повести, менее конкретны в описаниях. Если в большинстве списков 2-й редакции Лещ назван крестьянином или холопом, а о Ерше говорится, что знают его на Москве «бразники, голыши кобацкие, всякие нищие и убогие люди», то в Угличском и списке *Т* Лещ живет у Ерша «в соседях», а Ерш известен на Москве «одним лишь небогатым людям» (отметим, что по списку 2-й редакции БАН, 19.2.38 Лещ также живет у Ерша «в сусетстве»)⁶. Во многих списках 2-й редакции пристав Окунь отпускает понятого Мня оттого, что «пался на его великие посулы». В Угличском списке Окунь делает это просто «по дружбе».

И в Угличском и в списке *Т* чувствуется вторичная, иногда чисто механическая правка повести, которая привела к выпадению некоторых деталей, восстанавливающихся по другим спискам 2-й редакции. Так, в Угличском списке свидетели Ерша Сиг и Лодуга оказываются жителями Новгородского уезда, тогда как в других списках этой редакции Лодуга обитает в Ладожском озере. Однако в Угличском списке в нескольких местах текст сильно испорчен. Отдельные, плохо сохранившиеся слова можно восстановить по списку *Т*.

Угличскому списку присущи некоторые — очевидно, поздние — сокращения. Так, Лещ в нем говорит судьям о том, что «знают Ерша на Москве князи и бояря и всякие люди», а по списку *Т* Ерш известен еще дьякам, подьячим и гостям-сурожанам. Древний термин «сурожане», который, по свидетельству Н. А. Баклановой,⁷ исчез в XVII в., сохранился лишь в двух списках 2-й редакции: в списке ГИМ, собр. Забелина, № 546 и в списке *Т*.

Вместе с тем новый, Угличский список имеет общие черты и с текстом 1-й редакции, которая наиболее близка архетипу повести. В этом списке понятой Сом (а в большинстве других списков 1-й и 2-й редакций — Мень) обращается к приставу со словами «братец Окунь». То же читаем и в древнейшем списке 1-й редакции — списке ИРЛИ, 1.27.105,⁸ в то время как в большинстве остальных списков понятой называет пристава «господин Окунь». После отказа Сомы быть понятым пристав Окунь, по тексту Угличского списка, берет в понятия «Язя да Саблю да с пригоршни Молю». Только лишь в двух древнейших списках 1-й редакции — в том же списке ИРЛИ, 1.27.105 и в списке БАН, собр. Тимофеева, № 5 — фигурируют эти же персонажи (отметим, что в одном из списков 1-й редакции — ГИМ, собр. Уварова, № 1926 (135) — этот текст также читается в несколько измененном виде: «Язя да Саблю да пригоршни мелкой рыбы»). В большинстве остальных списков первых двух редакций «Повести о Ерше Ершовиче» упоминается или Язь, или Головль.

Так же как и во всех списках 1-й редакции, в Угличском списке истец Лещ призывает в свидетели Сига и Лодугу, но Ерш не верит им потому, что «Сиг да Лодуга — рыба велика и прожиточна, а мы, господа, люди малы...». В списке *Т* эта фраза отсутствует.

С древнейшими списками 1-й редакции Угличский список сближается и в конце повествования. В списках 2-й редакции рассказ Осетра ведется от первого лица, и возникает недоразумение, о котором писала Бакланова:⁹ одно и то же лицо выступает на суде и в роли пострадавшего, и в роли

⁶ Список БАН, 19.2.38, относящийся ко 2-й редакции повести, очень близок Забелинскому, изданному А. Н. Афанасьевым в книге «Народные русские сказки» (т. I, Изд. 3-е, М., 1897, стр. 61—62).

⁷ Н. А. Бакланова. О датировке «Повести о Ерше Ершовиче». — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 310.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира..., стр. 10.

⁹ Н. А. Бакланова. О датировке «Повести о Ерше Ершовиче», стр. 312.

судьи одновременно. По мнению Баклановой, мы сталкиваемся здесь с более поздней переделкой текста, которая привела к этой путанице. В двух списках 1-й редакции — списке ИРЛИ, 1.27.105 и списке БАН, собр. Тимофеева, № 5 — Ерша обличает на суде Сом. В одном случае речь идет о том, что Ерш обманул брата Сомы (список ИРЛИ, 1.27.105), в другом — Ерш обманул дедушку Сомы (БАН, собр. Тимофеева, № 5). В списке ГИМ, собр. Забелина, № 546 (вторая половина XVIII в.), относящемся к 3-й редакции, Ерша вначале обвиняет Осетр, а далее обвинительную речь произносит Сом, который жалуется на Ерша, обманом завлекшего в невод его «меньшого брата». В Угличском списке об обмане Ерша рассказывает также судья Осетр, но повествование идет в третьем лице: Осетр рассказывает не о себе, а о старом Осетре, очевидно своем предке. Таким образом, сохраняется дистанция между судьей и пострадавшим, и это сближает Угличский список с древнейшими списками 1-й редакции, хотя рыбы здесь фигурируют другие. Повесть оканчивается тем, что Ерш после вынесения приговора обращается к судьям с обвинительной речью и, вильнув хвостом, «уходит в хворост». В этом эпизоде Угличский список примыкает к ряду списков 2-й редакции (Забелинскому списку, изданному Ровинским,¹⁰ и двум спискам БАН — из собр. Пауса, 17.7.12 (осн. 526) и списку 19.2.38), которые выразили, по характеристике В. П. Адриановой-Перетц,¹¹ симпатию читателей к хитрому и увертливому Ершу. «Ловкий Ерш, заманивающий Осетра в невод, смело отвечающий судьям, отводящий всех свидетелей, был расценен не только как достойный порицания „вор, обманщик и ябедник“, но он понравился именно своею смелостью».¹²

Ниже публикуется текст нового списка повести по правилам, принятым в ТОДРА.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Повесть о Ерше Ершовиче»

«...» не умеем, тягатца и бранитца не хотим, а хотим быть оборонены а. ⁷ всеми праведными судьями».

2. И судии спросили ответчика Ерша: «Ты, Ерш, отвечаеш ли исцу Лещу?» И Ерш сказал: «Отвечаю-де, господа, в том, что то Ростовское озеро — старинные вотчины дедов, отцов Ершев с товарищи, а тот Ерш жил в соседях на дне Ростовского озера и на свет нигде не выхаживал. И в том я, господа, стану безчестья искать, что тот Лещ называл Ерша лихим человеком. А я, господа, отца своего ⁶ благословением и материею человек доброй, живу своею силою, и знают Ерша на Москве князи и бояря и всякия люди, и покупают Ерша дорогою ценою, и варят в ухах с перцом, и ставят перед собою, и многие люди с похмелья валяются и Ершем отправляются».

3. И судии спросили и исца Леща: «Ты-де, истец Лещ, чем того Ерша уличаешь?». И Лещ сказал: «Уличаю того Ерша божией правдой. Да есть у мня человек доброй, живет он в Новгородском уезде, в реке Волхове,

¹⁰ Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I. СПб., 1881, стр. 402–405.

¹¹ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира..., стр. 130–131.

¹² Там же

^а Начало отсутствует. ⁶ Испр. по списку Т; в ркп. сво.

а зовут его Сиг да Лодуга. На те сошлюся^г потому, что оне знают чье то^г Ростовское озеро: старых дедов^а и отцов Лещев с товарищи...^с спросили ответчика Ерша: «Ты-де...^ж шлесься ли на Сяга да на Лодугу?». И Ерш сказал: «Господа мои судии, Сиг да Лодуга — рыба велика и прожиточна, а мы, господа, люди малы. А Сиг да Лодуга с ним Лещем съезжаютца и едят заодно: то-то на них слатца не смею, что оне правды не скажут»

5. И судья спросили исца Леща с товарищи: «Ты-де, истец Лещ, а. 2 об. сверж того чем Ерша уличаешь?». И Лещ сказал: «Уличаю || де, господа, того Ерша божию правдою. Есть у меня человек доброй, а живет он в Переславском озере, а зовут — рыба Селдь переславская. Она, господа, знает, чье то Ростовское озеро».

6. И судии спросили ответчика Ерша: «...^д Ерш шлесься ли на общую ссы...^н переславскую?». И Ерш сказал: «Господа...^к судии, Селдь переславская о...^а племянница, потому на нее сла...^м что она правды не скажет».

7. И судии спросили и приговорили по...^н общую правду и приставили пристава^о Окуня. И Окунь пошел и взял в понятия^н Сома. И Сом з большим усом почал говорить и посул давать: «Братец пристав Окунь, не пригужь я в понятия: брюхо велико, ходить не могу, глазами вдаль не вижу, губы велики — перед добрыми людьми говорить не умею». а. 3 И пристав Окунь Сома по дружбе отпустил || и взял в понятия Язя да Саблю да пригоршни^р Молю и поставили Селдь переславскую перед судьями.

8. И судии спросили Селдь переславскую: «Скажи ты нам правду, что ведаешь меж Лещем и Ершем и чье то Ростовское озеро: старинные вотчины дедов и отцов Ерша ли с товарищи? И знают ли того Ерша на Москве князи и бояря и всякого чина люди, и покупают ли того Ерша дорого цною, и варят ли в ухах с перцом, и ставят ли перед собою честно, и добрые люди с похмелья валяютца^с и Ершем отправляютца ли?».

И общая правда Селдь переславская сказала, что то Ростовское озеро — старинные вотчины Леща с товарищи, а тот Ерш жил у них в соседях и лишился своих старинных жиров, и расплодился по рекам и || по истокам, и знают того Ерша на Москве и в иных городах всякого чина небогатые люди, у кого есть одна полушка, и на тое много Ершев купят, да только не съест, сколько расплюет. Да где тот Ерш ни попроситца начевать, и кто не знаючи его пустит, и он хочет и хозяина из дому вон выжить.

10. И встал сам судья Осетр из стула и почел говорить: «Скажу я, братцы, и сам вам про того Ерша, как обманул старого Осетра, назвал его братом: „Пошли де, братец, из Волги в Ростовское озеро жировать, тамо мелкой рыбы много“. И он его послушал и с ним пошел и в мелкой || а. 4 рыбе бока свои протер, хребет и хвост и глаза истер. А глаза его были полные, как хлебные чаши, а бока и хребет и хвост, как большей судовой парус. И как привел его в Ростовское озеро, а одно рыбаки неводы тащат. И тот Ерш вскочил в невод, и Осетр за ним же ввалился и запутался. И Ерш в заннюю ечею выскочил и ему насмеялся: „Ужели Осетр мелкой рыбы наелся ли?“ . И как того Осетра потащили из озера вон, тот Ерш молвил: „Прости, братец Осетр, не поминай лихом!“ . И как того Осетра

^г Испр. по списку Т; в ркп. люся. ^г Испр. по списку Т; в ркп. о. ^а Испр по списку Т; в ркп. дефект. ^с В ркп. дефект. ^ж В ркп. дефект. ^д В ркп. дефект. ^н В ркп. дефект. ^к В ркп. дефект. ^а В ркп. дефект. ^м В ркп. дефект. ^с Испр. по списку Т; в ркп. попя. ^р Испр. по списку Т; в ркп. неразборчиво ^с Испр. по списку Т; в ркп. ляютца.

почели бить чекушеми, и тот Ерш закричал: „Слушайте, малые и большие рыбы, чю, нашего Осетра рыбаки побивают!“».

11. И судии приговорили исца Леща с товарищи || ...^т Солнца разве- л. 4 об. шивать^у ... то. И как того Ерша повели из приказу вон, и он оборотися и судьям почел говорить: «Вы-де, судьи, день судились, а два дни бегали домов своих н...^ф али металися на мзду Леща с товарищи». И вильнул хвостом и ушел в хворост. Так то^х Ерша и видали.

Суд же скончался и руку приложить подщился рак заннею клещею. А у печати сидели Вапдыш переславской да Сиг и утов скончал сибирской, а Щука^ц трепеснула и руку приложила, пристав^н Окунь.

(ИРЛИ, оп. 25, № 112).

^т Начало л. 4 об. испорчено. ^у Испр. по списку Т; в ркп. разве. ^ф Далее текст испорчен. ^х Испр. по списку Т; в ркп. о. ^ц Испр. по списку Т; в ркп. неразборчиво. ^н Испр. по списку Т; в ркп. при.

М. А. САЛМИНА

Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным

В сборниках ГИМ, собр. Муз., № 3996, собр. Забелина, № 263, и ГПБ Q.XVII.252 находится небольшая повесть, в которой рассказывается о взятии Иваном Грозным Смоленска (см. Приложение, стр. 194—195). Царь и великий князь Иван Васильевич, сообщается в ней, стоял под «градом Смоленском» в течение трех лет. На третий год осады к царю прибыл посланник от тверского архиепископа Евфимия и привез ему замок и ключ. Архиепископ благословляя царя и предлагал ему замыкать «тем замком и отмыкать ключом Смоленск-град». Царь воспринял послание и дар как насмешку и хотел казнить архиепископа, но «божнюю мощию... люди поседельцы град отворили и эдалися царю гладные ради великие нужы». И тогда царь «той вины тверскому архиепископу отдаша».

Первый список повести находится в сборнике ГИМ, собр. Муз., № 3996, в 4°, на лл. 258 об.—259 об., в составе краткого летописца, который по почерку и водяным знакам датируется концом первой половины—серединой XVII в. Летописец производит впечатление неофициального; в нем по преимуществу собраны легендарные известия и повествования.¹

Второй список находится в сборнике ГПБ, Q.XVII.252, в 4°, на л. 282 об., также в составе летописца, датируемого концом XVII—началом XVIII в. Известия его носят полуполегендарный характер и во многом повторяют известия предыдущего летописца.²

Третий список повести находится в сборнике ГИМ, собр. Забелина, № 263, в 4°, на л. 186, в составе так называемой Латухинской степенной книги, датируемой концом XVII—началом XVIII в.

Из всех трех списков повести старшим и наиболее цельным, несмотря на отдельные дефекты, представляется текст в сборнике ГИМ, собр. Муз., № 3996, являющийся одновременно и самым древним списком. Канва повести сохранена во всех трех списках, но список ГПБ, Q.XVII.252 передает ее содержание в сокращенном виде, а список ГИМ, собр. Забелина, № 263, напротив, несколько развивает текст, внося в него новые детали.

Как и сама повесть, даты, под которыми она помещена в летописцах, легендарны: в первом—7063 (1455) г., во втором—7101 (1593) г., в третьем—7084 (1576) г.; но повсюду она находится среди известий, относящихся к царствованию Грозного. Присоединение же Смоленска к Русскому государству произошло не при Иване IV, а при его отце Василии III в 1514 г. При этом Василию III, чтобы овладеть городом,

¹ В летописце находятся сказочно-историческая повесть «Сказание об убийнии Даниила Суздальского и о начале Москвы», Повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина и другие известия сказочно-легендарного характера.

² См.: Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964, стр. 114.

пришлось предпринять три похода и три приступа.³ Можно допустить, что упоминание трех лет, проведенных царем и великим князем Иваном Васильевичем «под градом», является воспоминанием о трех походах Василия III, но возможно видеть здесь лишь фольклорный прием, так как число три фигурирует в повести и еще раз: Смоленск пал на третий день.

Для датировки повести существенно указать, что архиепископами тверские владыки стали именоваться только после 1589 г., с учреждением в этом году на Руси патриаршества.⁴ Таким образом, повесть написана после 1589 г. Летописец, в котором дошел древнейший текст повести, датируется концом первой половины—серединой XVII в.⁵ В этот промежуток времени повесть и могла быть сложена. Можно высказать предположение и о более точной дате ее написания. Не создана ли она в 20—30-е годы XVII в., когда Смоленск, «ключ государства Московского» на западной границе России, становится ареной борьбы Русского государства с польским королем Сигизмундом III? В 1611 г. Сигизмунд III берет Смоленск, в 1613—1615 гг. русские пытаются вернуть город, в 1632—1634 гг. Смоленск осаждают войска боярина М. Б. Шеина.⁶ В эти тревожные годы борьбы за Смоленск могла возникнуть мысль напомнить читателю о тех временах, когда Смоленск был успешно отвоеван русскими у великого князя литовского и короля польского, также носившего имя Сигизмунд. Но героем своего рассказа автор повести сделал не Василия III, настоящего завоевателя Смоленска, а Ивана IV,⁷ нарисовав его образ в соответствии со сложившимися уже к этому времени фольклорными и литературными традициями, согласно которым наиболее характерной чертой царя считалась его гневливость. Наряду с этим в повести можно усматривать и тему сбывшегося пророчества: слова архиепископа, которые на первый взгляд звучали как насмешка, в конце концов оказываются истиной (в сб. ГИМ, собр. Забелина, № 263 этот момент прямо подчеркнут). Изобразить Ивана IV воюющим с «королем литовским» автор мог по той причине, что Иван Грозный действительно вел войны с польско-литовским государством. В его царствование литовцы приходили и под стены Смоленска в надежде отобрать город (в 1564 и 1579 гг.).

В повести рассказывается, как разгневался царь, когда сорванная с церкви Спаса Преображения «пушечным ядром» «маковица» упала у его шатра. Интересно, что в XVII в. смоленская церковь Спаса Преображения существовала и находилась в городском Спасском монастыре, который в 1609 г. служил стоянкой войск Сигизмунда III, а в 1634 г. недалеко от него располагался один из станов армии М. Б. Шеина.⁸

³ См., например: Устюжский летописный свод. Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 103—104. Интересно, что именно в этой летописи день взятия Смоленска — 29 июля — совпадает с указанным в списке ГИМ, собр. Муз., № 3996.

⁴ К. Чередеев. Биографии тверских иерархов. Тверь, 1859, стр. 67—68.

⁵ Текст повести в этом летописце не является первоначальным, в нем имеются искажения, явно принадлежащие переписчику.

⁶ В 1632 г. Сигизмунд III умирает; в 1633 г. войсками поляков под Смоленском предводительствует его сын Владислав.

⁷ Нужно сказать, между прочим, что в сочинениях иностранцев о России времени Грозного военные успехи Василия III иногда ошибочно приписывали Ивану IV. См., например: Дж. Горсей. Записки о Московии XVI века. СПб., 1909, стр. 21. Возможно, что Горсей, упоминая, в частности, о взятии Смоленска Иваном IV, зафиксировал бытовавшую на Руси устную легенду.

⁸ С. П. Писарев. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, стр. 161. Во время осады Смоленска в 1611 г. Сигизмундом монастырь очень пострадал и после уже не восстанавливался (Н. В. Андреев и Д. П. Маковский. Достоинственные и исторические памятники города Смоленска и его окрестностей. Смоленск, 1948, стр. 95—96).

Остается неясным намек на конфликт Ивана Васильевича с тверским епископом. Может быть, в нем следует видеть лишь отголосок имевших место в прошлом враждебных отношений Твери к московскому государству и, напротив, дружеских по отношению к Литве? Во всяком случае ни один тверской владыка не носил имени Евфимия ни при Иване IV, ни при Василии III, но небезынтересно отметить, что архиепископ тверской назывался Евфимием в 1627—1641 гг.

Любопытно упоминание в повести «града древяного». Не является ли это рассчитанным приемом автора для создания колорита древности, ибо с 1602 г. Смоленск был окружен уже каменными стенами?

Что касается сюжета повести, то это излюбленный в XVII в. псевдо-исторический сюжет, и не случайно повесть находилась в окружении подобных ей произведений (см. прим. 1). Перед автором стояла задача не столько воссоздать действительные исторические факты, сколько рассказать занимательную повесть, содержащую некоторые реалии, что придает ей облик исторического предания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

В лето 7063 году месяца июля в 29 день на память святого мученика Калинника царь и великий князь Иван Васильевич всеа России своими рускими воеводами взял Смоленск-град. А стоял под градом три годы, занеже крепок град древяной бысть и острог. Не домысляше, како — приступом или подкопы — взят. И бысть Смоленска-града из болшей пушки стрелили, и прииде пушечное ядро и сорва маковицу от церкви Преображенья Спасова, и поставив маковицу зле шатер царевь, да едва в шатре царя маковицей и не убило. Царь же рѣзгневался и заповеда в той церкви не служить до скончания. И на утрии же другаго дни приехал посланник от тверскаго архиепископа Еуфимия, привезе замок и ключ и писание от архиепископа написано: «Благословляю тя, царю, и замыкай тем замком и отмыкай ключем Смоленск-град». Царь же воспалился и ярости наполни и повеле того посланника казнить и придать его смерти. А по архиепископа тверскаго скоро послал немилостива гонца и повеле его скована привести и злой смерти предати, занеже под градом три годы стоя и много крови пролье, рускаго воинства паде и казны истощив, а не можаху никакого града взять. «А он, архиепископ, мне, царю, посмеявся, велит град замыкать». И божию помощию Смоленска-града в третий день людие поседельцы град отворили и здалися царю гладные ради великие нужы. И государевы воеводы во град ехав, град взяли. Царь же той вины тверскому архиепископу отдаша, слава бога и причистую его богоматерь.

(ГИМ, собр. Муз., № 3996, лл. 258 об.—259 об.).

II

В лето 7101-го года государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа России взял у короля литовского град Смоленск. А стоял под градом три годы, зане крепок бе, и много царския казны истощи и войска много паде. И из города шло ядро и сшибло маковицу у церкви, и пала маковица у царева шатра, и немного царя в шатре маковицею не убило, и царь не

повелед в той церкви вечно служить. И на третьей год стояния царева под Смоленском из града Твери тверской архиепископ Евфимей присла ко царю под Смоленск благословение и замок и ключь и писа: «Буди здрав».

(ГПБ, Q.XVII.252, л. 282 об.).

III

В лето 7084 царь и великий князь Иван Васильевич взял у короля литовского Смоленск-град, а стоял под ним 3 годы, понеже крепок зело, и много царьския казны истощи, тако же и войска его паде. Во един же от дней стрелиша из града и зшибе ядром с церкви Спасовы главу, и паде глава она подле шатра царева и едва царя не уби. Царь же в церкви той служить не повеле, дондеже обветшает. Исходящу же третьему лету из Твери архиепископ Евфимий посла царю благословение под Смоленск, также замок с ключем, и писа сице: «Здравствуй, государь, со градом Смоленцем! Замыкай замком и отмыкай ключем». Царь же гнева и ярости наполнися, глаголя в себе: «Сей чернец глумится и посмехается мне, что аз многое время под градом стою». И посла по него немилостива посланника, сице рече: «В чем того владыку застанеш, в том его и постави пред нами, еже казни предати». Божию же милостию и молитвами московских чудотворцев в третий день по отписанию владычню поручи бог царю град Смоленск. И возрадовася царь, яко збыться пророчество тверскаго владыки. Посланник же той привезе владыку во единой келейной свитке и без обувения. Царь же виде его тако обругана, и изпроси от него прощения, и прием благословение. Святитель же одарен бысть от царя многими дары за его пророчество, еже збыться на граде Смоленце. Святитель же отиде во свой град честно велми.

(ГИМ, собр. Забелина, л. 186).

IV⁹

Лето 7095 царь и великий князь Иван Васильевич взя Смоленец-град у короля литовского, а стоя под Смоленцом 3 годы, занеже крепок бе, и много царьской казны истощи и войска падоша. И шла из града пушка, и сшибо маковницу у церкви Спаского монастыря, и пала маковица эле шатерь царев, едва в шатре царя маковицею не убило. И царь не повеле в той церкви служить до скончания. И на третьей год из Твери-града архиепископ Еуфимий посла ко царю под Смоленец замок и ключ. А писал: «Буди здрав царю со Смоленцом-городом! Замыкай замком, отмыкай ключем Смоленец-град». И царь гнева наполнися: «Калугир посмехает мне, что под городом стою много время». Посла по него немилостивого гонца: «В чем владыку застанеш, в том без милости взяв, пред себя поставит и на казнь предат». И погна гонец. И 3 град Смоленец бог поручил царю Ивану, и збыться пророчество тверскаго владыки. Гонец же владыку привезь во единой келейной свите и без пояса, и боса. Царь же благославися у него, прося прощения, и пожалова, и удари его царскими дары, и отпусти его честно, и проводи до пути.

(ИРЛИ, Пин. собр. № 440, лл 70 об.—72).

⁹ Этот текст XVII в. поступил в Отдел рукописей ИРЛИ во время печатания тома.

В. А. КУЧКИН

Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны

Киево-Печерский патерик в редакции Иосифа Тризны известен в единственном списке — ГБЛ, ф. 304, № 714. Редактор патерика Иосиф Тризна был архимандритом Киево-Печерского монастыря в 1647—1655 гг.¹ Сама рукопись имеет запись от февраля 1656 г. о принадлежности ее известному писателю XVII в. Симону Азарьину.² Таким образом, конец 40-х—первая половина 50-х годов XVII столетия — время составления данной редакции патерика и примерное время написания сохранившегося ее списка.

Исследователи уделяли мало внимания изучению рукописи № 714, содержащей позднюю редакцию Киево-Печерского патерика. Составные части памятника, объем и характер редакторской работы изучены лишь в самых общих чертах.³ Но даже при беглом анализе патерика Иосифа Тризны бросалось в глаза наличие в нем летописных текстов, происхождение которых исследователи определять отказывались или затруднялись.⁴ Между тем такое определение не только позволяет составить ясное представление о литературной работе в Киево-Печерском монастыре в середине XVII в., но имеет известное значение и для истории русского летописания.

Оставляя на будущее подробную аргументацию вывода относительно всех летописных источников патерика Иосифа Тризны, приводим ниже основные результаты работы по их выявлению и характеристику одного из них, а именно южнорусского летописного источника.

Как показало обследование рукописи № 714, летописными источниками Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны явились так называемый Тверской сборник (именно его первая часть, представляющая собой Ростовский свод 1534 г., выписки из которого весьма обильны и доходят до статьи 6756 г. — рассказа «О убиении Батыеве» включительно),⁵ Ипатьевская летопись, а также Никоновская или близкая ей летопись.

Из указанных источников, бесспорно, наибольшего внимания заслуживает Ипатьевская летопись. В рукописи № 714 имеются обширные дословные выписки из нее, например рассказ 6706—6708 гг. о строительстве

¹ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, табл. 13.

² ГБЛ, ф. 304, № 714, лл. 11—13.

³ В. Яковлев. Древнекиевские религиозные сказания. Варшава, 1875, стр. 61—62; Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, стр. 98—109.

⁴ В. Яковлев. Древнекиевские религиозные сказания, стр. 61; Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике... стр. 99—100.

⁵ Ср.: ПСРА, т. XV, СПб., 1863, табл. 395.

в Киевском Михайловском Выдубицком монастыре, в рукописи начинающийся словами: «В лето 6706. Великому князю Рюрику Ростиславичю княжашу в Киеве...», от слов «месяца декабря въ 6 день...» (л. 366) до слов «месяца генваря въ 1 день» (л. 366 об.) точно соответствует тексту Ипатьевской летописи на стлб. 706—707,⁶ а далее от слов «в то же время...» (л. 366 об.) до слов «ныне и присно...» (л. 369 об.) — тексту Ипатьевской летописи на стлб. 708—715; рассказ 6709—6711 гг. о событиях в Галиче по смерти Романа Мстиславича (лл. 300 об.—302) совпадает с текстом Ипатьевской летописи на стлб. 715—719, и т. д.

Кроме того, отдельные небольшие фрагменты из Ипатьевской летописи включались в различные главы патерики. Так, в главе о митрополите Константине (лл. 284—286) имеются дословные мелкие совпадения с текстом статьи 6655 г. Ипатьевской летописи (ср. л. 284 об. и стлб. 341); в главу «О блаженнемъ Поликарпе архимандрите святыя великия царския лавры Печерския Киевския и о преставлении его» (лл. 293—297 об.) оказались включенными фрагменты из статей 6676 г. (л. 294—294 об. и стлб. 529—530), 6677 г. (л. 295 и стлб. 535), 6678 г. (л. 296 и стлб. 544) и 6679 г. (л. 296—296 об. и стлб. 544—545) той же летописи.

Наконец, из Ипатьевской летописи были заимствованы некоторые исторические данные, например точная дата смерти (15 апреля 6641 г.) князя Мстислава Владимировича и указание о захоронении его в церкви св. Федора (л. 371 и стлб. 294).

В целом текстовой и фактический материал был извлечен составителем (или составителями) рассматриваемой редакции патерики из статей Ипатьевской летописи под следующими годами:⁷ 6542*, 6545*, 6562, 6582*, 6586*, 6594, 6596*, 6598*, 6599, 6601*, 6604*, 6614*, 6616*, 6617*, 6619, 6620*, 6621*, 6622*, 6623*, 6627, 6634, 6637, 6639, 6641, 6647*, 6649, 6655*, 6658*, 6662*, 6663*, 6666*, 6672*, 6676*, 6677*, 6678*, 6679*, 6680*, 6682, 6690*, 6695*, 6698*, 6702*, 6703*, 6704, 6706* и 6709*—6711*. Перечень статей Ипатьевской летописи, использованных в патерике Иосифа Тризны, свидетельствует о том, что в середине XVII в. в Киево-Печерском монастыре имелся список Киевского свода 1199 г., по крайней мере с галицким продолжением (статьи 6709—6711 гг.). Анализ сохранившихся в патерике текстовых фрагментов Ипатьевской летописи показывает, что эти фрагменты наиболее близки Хлебниковскому (далее: X) и Погодинскому (далее: П) спискам Ипатьевской летописи, украинское происхождение которых бесспорно. Не перечисляя всех многочисленных случаев совпадения отрывков в патерике со списками X и П Ипатьевской летописи, ограничимся основными.

Так, в рассказе о галицких событиях, последовавших за смертью Романа Мстиславича, в патерике после слов «а Василько 2 летъ» читается: «Собравшу же ся Рюрику Половцы и Руси много» (л. 301), т. е. пропущено указание на 6710 г., как и в списках X, П (стлб. 717, вар. 6—6). Далее, в том же рассказе после слов «и зазор имея любви его» в патерике следует: «В то же лета Данила посла Лестко во Угры» (л. 302), т. е. не приведена дата «въ лето 6711», как и в списках X и П Ипатьевской летописи (стлб. 719, вар. 19—19). Отсутствие указаний на годы в галицко-волинской части является характерной чертой списков X и П. С чтениями этих списков совпадают также следующие чтения летописных фрагментов в па-

⁶ Здесь и далее ссылки на Ипатьевскую летопись приводятся в тексте по изданию ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, СПб., 1908.

⁷ Звездочкой отмечены статьи, из которых сделаны выписки или текст которых передан в патерике в несколько перефразированном виде.

терике Иосифа Тризны: «в Русни» (л. 158 об. и стлб. 139, вар. 22); «великий князь» (л. 158 об. и стлб. 140, вар. 40); «и учитель» (л. 137 об. и стлб. 176, вар. 59); «мнози падоша» (л. 247 и стлб. 222, вар. 46); «взя его» (л. 247 и стлб. 222, вар. 49); «жировича» (л. 296 и стлб. 544, вар. 57); после слов «окова раце серебромъ» в патерике читается «и позлати, тако же и комаре покова серебромъ» (л. 170 и стлб. 282, вар. 41 и 42—42); на л. 295 об. патерика, где иногда цитируется, а иногда пересказывается статья 6677 г. Ипатьевской летописи, указано, что князя Мстислав Изяславич и Владимир Мстиславич «крестнымъ целованиемъ утвердившеся», — фраза эта соответствует тексту, сохраненному лишь списками *X* и *П* (стлб. 536, вар. 43).

В некоторых случаях текст фрагментов соответствует чтением только Погодинского списка или правленного Хлебниковского. Так, в одном из фрагментов имеется чтение «Ярослав сынъ Володимеровъ» (л. 158 об.), совпадающее с чтением только списка *П* (стлб. 140, вар. 41). На л. 159 патерика читается «ищущим у мене», что совпадает с правленным чтением списка *X* (стлб. 140, вар. 59). То же самое можно сказать относительно чтения «дни сего дети» (л. 367), соответствующее чтению списка *X* (стлб. 709, вар. 37). Во всех списках Ипатьевской летописи число лет княжения в Киеве Ростислава Мстиславича указано неверно: 50 без месяца (стлб. 532, вар. 49). В тексте патерика вместо 50 правильно стоит 8 (л. 371), что совпадает с переделанной позже цифрой в списке *X* (стлб. 532, вар. 49).

Однако список Ипатьевской летописи, бывший в руках у Иосифа Тризны или его сотрудников, нельзя отождествить ни с Хлебниковским, ни с Погодинским списками Ипатьевской летописи, поскольку ряд чтений фрагментов совпадает именно с чтениями основного списка этой летописи. Ср. «бо некто» патерика (л. 159) вместо «бо се некто» списков *X* и *П* (стлб. 140, вар. 32); «дая имсня» (л. 159 об.) вместо «дая им имения» (стлб. 141, вар. 13). В статье 6620 г. в списках *X* и *П* пропуск по сравнению с Ипатьевским списком (стлб. 274, вар. 38—38); текст патерика совпадает здесь с текстом основного списка (л. 150 об.). С последним совпадают и другие чтения фрагментов патерика: «по всему граду» (л. 287; ср. стлб. 552, вар. 47); «сель изнебыша» (л. 287; ср. стлб. 552, вар. 64); «прия ятровь» (л. 302) — как в списках основном и *X*, до правки в последнем (стлб. 719, вар. 9). Весьма характерно чтение фрагментов «изыде дырею вонъ из града» (л. 302); «дырею» (что верно) читается только в основном списке Ипатьевской летописи; в *X* — «дерою», а в *П* — «верою» (стлб. 719 и вар. 4).

Чтения, совпадающие главным образом с чтениями списков *X* и *П* и в более редких случаях с чтением основного списка Ипатьевской летописи, встречаются во всех текстах фрагментов. Отсюда можно сделать вывод, что фрагменты извлечены из особого списка Ипатьевской летописи или сходного с нею памятника, близкого, но не тождественного бытовавшим в Юго-Западной России Хлебниковскому и Погодинскому спискам.

А. А. НАЗАРОВСКИЙ

К изучению «Повести о Горе-Злочастии»

Как всякое истинно художественное произведение, полное глубокого значения, связанное со «злобами дня» своей эпохи и пытающееся не только изобразить, но и осмыслить их, «Повесть о Горе-Злочастии» является памятником идейно насыщенным, многоплановым, сложным. Отсюда неослабевающий интерес к нему на протяжении более ста лет.¹ Отсюда различные, порой противоречивые определения его общей идеи, отдельных сторон, художественных приемов. Среди ряда спорных вопросов, связанных с изучением «Повести о Горе-Злочастии», особенно важен один: что является главной темой повести — борьба «отцов и детей», происходившая в XVII в., или злая доля всего человечества, безотрадная жизнь человека вообще. Давним и последовательным сторонником второго решения вопроса является Д. С. Лихачев, посвятивший рассматриваемой повести ряд ценных статей.² Многое в этих статьях интересно, убедительно и приемлемо. Многое, но не все. И прежде всего не вполне приемлемым представляется основной тезис.

Я более склоняюсь к традиционной точке зрения на «Повесть о Горе-Злочастии» — как на отражение конфликта «отцов и детей». Конечно, не все в повести покрывается такой трактовкой. Переходные (переломные) эпохи — исторический процесс длительный, сложный, многосторонний, связанный с переоценкой ценностей во всех областях жизни, и борьба «отцов и детей» лишь одна из граней этого процесса. Но наличие такой борьбы в переломные эпохи неизбежно, как неизбежно и ее отражение в литературе. Литература переходного XVII в., «нового периода русской истории»,³ знает и другие произведения, откликнувшиеся на отношения двух поколений. Это — «Повесть о Савве Грудцыне», во многом очень близкая к «Повести о Горе», и «Повесть о Фроле Скобееве», резко отличающаяся от первых двух идейной позицией автора и активностью главного героя, типичного «приобретателя» XVII в. Кстати, в этом произведении столкновение двух поколений выходит за узкие рамки семьи, оно соединяется с борьбой рядового дворянства с крупными феодалами за

¹ См.: В. Л. Виноградова. Повесть о Горе-Злочастии. (Библиография). — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956.

² Д. С. Лихачев. 1) Повесть о Горе-Злочастии. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948; 2) Иносказание «жизни человеческой» в «Повести о Горе-Злочастии». — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.—Л., 1958; 3) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958 (главы 8 и 10); 4) Культура русского народа X—XVII вв. М.—Л., 1961, стр. 98—103.

³ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 153.

место в жизни, что придает повести более острое социальное звучание. То обстоятельство, что в трех основных повестях XVII в. главными героями являются именно представители молодежи, конечно, не случайно и уже само по себе говорит, что их нельзя отрывать от проблемы взаимоотношения двух поколений. Рассматривая «Повесть о Горе-Злочастии» как отклик на борьбу «отцов и детей», я в то же время считаю, что ее морально-философское введение органически связано со всем последующим текстом и составляет с ним одно идейно-художественное целое. Так, молодец рассказывает на пиру «про свое ослушание родительское» почти теми же словами, какими введение говорит о последствиях нарушения прародителями божьей заповеди; в «книжном» введении постоянны дактилические окончания строк, есть свойственные народной речи повторения предлогов. Близость введения с остальным содержанием повести очевидна и без привлечения особой «притчи о бедственной судьбе человека», опубликованной в одной из статей Д. С. Лихачевым.⁴ Я бы сказал даже, что эта притча сама нуждается в дополнительном изучении (содержание ее искусственно, прием «толкований» ведет к средневековым нравоучительным сборникам и т. д.).

По мнению Д. С. Лихачева, вводная часть «Повести о Горе-Злочастии» и является «главной опорой той точки зрения, что в повести основная тема — изображение жизни человека», она «прямо характеризует „племя человеческое“ теми же самыми словами, которыми характеризуется в повести и сам „молодец“». ⁵ Считая слова повести «Тако рождение человеческое от отца и от матери» началом рассказа о молодце, он рассматривает рождение молодца «как обобщенный образ „рождения человеческого“, а всю дальнейшую жизнь молодца определяет «как „жизнь человеческую“ вообще, подобно тому, как та же тема определяется и в основе известной евангельской притчи о блудном сыне».⁶

Мне кажется возможным и иное понимание введения. Автор повести, отстаивая позиции «отцов», исходил из положения, что всякое нарушение заветов старины, всякое непослушание влечет за собой суровую кару. Для него это была аксиома. Естественно было опереться при этом на авторитет Библии, взяв из нее классический пример — нарушение Адамом и Евою заповеди, изгнание из рая и дальнейшую трудную жизнь на земле. От них пошло племя «непокорливо», не слушавшее отца-матери. Потомки Адама «прямое смирение отринули» и вызвали новую кару разгневанного бога: он насылал «напасти великие», нашествия врагов, «злую, немерную наготу и босоту» и т. д., и все это «смиряючи нас» и «приводя нас на спасенный путь». В таком именно направлении, по понятиям автора, и развивалась вся история рода человеческого. И как общий вывод звучат заключительные слова введения: «Тако рождение человеческое от отца и от матери», т. е. так будет всегда — кто бы ни родился у своих родителей, каждого ждет кара за ослушание. А за этим суровым предостерегающим прологом, напоминающим об извечном законе возмездия, идет наглядная иллюстрация — история молодца, образ которого, взятый из действительности, обобщен до предела. Это, конечно, не «борец против опеки семьи над личностью»,⁷ он просто ищет другой жизни, вне заветов старины, хочет жить «как ему любо». Его, как «ослушника», преследуют

⁴ Д. С. Лихачев. Иносказание «жизни человеческой»... стр. 26.

⁵ Там же, стр. 25.

⁶ Там же, стр. 26. Но ведь и притча о блудном сыне — ярчайшая иллюстрация того, кто ждет детей, стремящихся выйти из-под родительской опеки. В этом причина ее исключительной популярности в литературе и искусстве средневековья.

⁷ Д. С. Лихачев. Повесть о Горе-Злочастии, стр. 208.

беды, карает злая судьба, и опыт самостоятельной жизни кончается крахом, отказом от «своей воли», уходом в монастырь. Осуждение молодца, его плачевный удел полностью соответствуют замыслу повести, раскрытому уже во введении.

В книге Д. С. Лихачева «Человек в литературе древней Руси»⁸ этот мотив «ослушничества», имеющий первостепенную важность, почти совершенно выпал. Единственный раз, в начале рассказа о молодце, автор книги вскользь замечает: «Он не слушает своих родителей», — и только (стр. 155). Подчеркнув, что в образе молодца повесть должна была показать судьбу всего человечества, Д. С. Лихачев оговаривается, что на деле, объективно она «с необыкновенной силой нарисовала несчастную жизнь обездоленных людей своего времени»,⁹ и для характеристики жизни обездоленных приводит данные не столько из «Повести о Горе-Злочастии», сколько из сатирических произведений XVII в. Новый герой демократических произведений — «просто страдающий человек, страдающий от голода, холода, от общественной несправедливости» (стр. 152), «сегодня он богат, завтра беден», «он питается подаванием ... погряз в пьянстве, играет в кости» (стр. 154); «при этом новый герой окружен горячим сочувствием автора и читателей» (стр. 153). И хотя молодец нашей повести далек от такого героя, исследователь сближает и уравнивает их. «Особенно поразителен, — говорит он, — образ безвестного молодца в „Повести о Горе-Злочастии“». Здесь сочувствием читателей (откуда это видно? — А. Н.) пользуется человек, нарушивший житейскую мораль общества ... погрязший в пьянстве и в азартной игре, сведший дружбу с ... костарями» (стр. 154).¹⁰ В конце повести Д. С. Лихачев видит «оправдание человека, который с церковной точки зрения не мог не считаться „грешником“» (стр. 157). В «Истории русской литературы» эта мысль выражена им еще отчетливее: «не осуждение неудачливого молодца ... а теплое сочувствие его судьбе выражается в повести».¹¹ С этим нельзя согласиться, как нельзя согласиться и с позднейшими, еще более решительными высказываниями в этом же смысле в научно-популярном издании «Культура русского народа X—XVII вв.».¹² Мне кажется, что в книге «Человек в литературе древней Руси» с «Повестью о Горе-Злочастии» произошла существенная метаморфоза: она оторвана от проблемы «отцов и детей» и сближена с демократической сатирической литературой, где в основном отражена иная, чисто социальная, антифеодалная позиция авторов, представителей социальных низов. Наш молодец — из другой социальной среды, его несогласие с «отцами» иного порядка. Вообще текст «Повести о Горе-Злочастии» не подтверждает трактовки, данной ей в книге «Человек в литературе древней Руси», и не оправдывает замену конфликта «отцов и детей» конфликтом личности «со средой, с богатыми и знатными» (стр. 152). С другой стороны, мне кажутся убедительными замечания Д. С. Лихачева о широко, обобщающем значении образа молодца, героя повести, хотя и тут мы несколько расходимся в самом применении понятия «общение».

Мне кажется, и основную идею «Повести о Горе-Злочастии», и ее художественные особенности можно лучше разглядеть, если сопоставить ее

⁸ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Дальнейшие ссылки на страницы этого издания даются в тексте в скобках.

⁹ Д. С. Лихачев. Иносказание «жизни человеческой»... стр. 27.

¹⁰ Хотя один раз молодец «упился», понадеявшись на «брата названного», а потом по наущению Горя «пропил свои животы», я бы не сказал, что он «погряз в пьянстве». Повесть не говорит также, что герой «погряз в азартной игре» и «свел дружбу с кабацкими костарями», — от этого его только предостерегают родители.

¹¹ Д. С. Лихачев. Повесть о Горе-Злочастии, стр. 216.

¹² Д. С. Лихачев. Культура русского народа X—XVII вв., стр. 102—103.

с другой социально-бытовой повестью на ту же тему — с «Повестью о Савве Грудцыне». В идейном отношении обе повести очень близки: обе отстаивают интересы «отцов», показывают «детям» рискованность их попытки жить без опеки старших, заставляя своих героев, совершавших необдуманные, неосторожные поступки, кончать жизнь в монастыре. Такой приговор выносят авторы своим героям, такой «наглядный урок» они дают молодому поколению. В борьбе «отцов и детей» своего времени они в одном лагере. У них одна и та же нравоучительная цель, но к этой цели они идут разными художественными путями.

«Повесть о Савве» стремится к конкретности во всем, даже в мелочах: указаны эпоха, хронология событий, их участники — исторические лица, даны имена второстепенных персонажей, названы реки, города, даже улицы. Фамилия героя известна из документов. Мне кажется, эта конкретность (отчасти, может быть, мнимая, условная) — результат воздействия исторических повестей начала XVII в., эпохи «смуты», с упоминания о которой автор и начинает свой рассказ, — ведь историко-публицистическая повесть начала XVII в. оказала бесспорное влияние на последующее развитие повествовательной литературы. Перед нами единственный конкретный случай, как бы взятый из действительной жизни.¹³ Автор идет от частного к общему, он пытается решить проблему взаимоотношения «отцов и детей» на частном примере, на одном случае, которым он иллюстрирует свое решение вопроса, прямо здесь не раскрытое.

«Повесть о Горе-Злочастии» этой конкретности, историчности лишена. В ней нет ни одного имени, ни одного названия местности или события, и надо гадать, из какой среды и эпохи взят герой, где и когда развивается действие. Это своего рода алгебраическая формула, где вместо конкретных цифр стоят условные буквенные обозначения. И как в такой формуле вместо букв можно подставить различные цифры, так и в нашей повести на место отсутствующих конкретных данных можно подставить любые имена, названия, даты, так как, по сути, это ничего не меняет: при любых конкретных данных неизменно остается закон возмездия заслушанье. Автор повести идет от общего к частному, он ставит вопрос об отношениях двух поколений не в связи с историей одного какого-нибудь определенного лица, а вообще, «в мировом масштабе», на фоне судьбы всего человечества, основываясь на своем понимании хода всемирной истории. Решение вопроса дано уже в прологе, и автор еще раз подчеркивает его в центральной части повести: «А хто родителей своих на добро учения не слушает, того выучю я, горе злочастное». Этот прием обобщения через обезличение, безыменность, конечно, связан с фольклором; именно в народных лирических песнях и сказках действуют безыменные герои и героини вне определенного времени и пространства, молодцы и девицы вообще.

¹³ П. Н. Сакулин (Русская литература, ч. II, М., 1926) и Н. К. Гудзий считали, что в основе данной повести лежит реальный факт из жизни какого-то Грудцына. Такие же предположения вызывала и «Повесть о Фроле Скобееве». И Е. Забелин прямо говорил: «история эта, без всякого сомнения, истинное происшествие» (Отечественные записки, 1853, май, отд. V). П. К. Гудзий на основании фамилий повести (Нащокин, Ловчиков) тоже допускал «возможность реальной подкладки для ее написания». Совсем недавно обнаружилось, что в XVII в. существовали не только Ловчиковы, но и Скобеевы, мелкопоместные дворяне Бежецкого верха (см.: Ю. К. Бегунов. Бежецкие отрывки «Повести о Фроле Скобееве». — ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 355—356). И хотя Н. К. Гудзий, начиная с 5-го издания курса лекций (История древней русской литературы Изд. 5—7-е. М., 1953—1966), снял свои предположения о реальной основе обеих повестей, мне она кажется возможной. Думаю, что все-таки есть основания ставить вопрос о реальных прототипах литературных героев с историческими именами, а не видеть в них всегда только литературный прием.

Нельзя не отметить талантливости авторов обеих повестей (особенно «Повести о Горе-Злочасти»). Один на житейно-легендарной основе создал подлинно реалистическое произведение, в котором история героя «сплетается с ходом военных действий (как в «Капитанской дочке» Пушкина)». ¹⁴ Колорит эпохи, местный колорит, бытовой элемент подчиняют себе и затушевывают легендарную основу настолько, что «Повесть о Савве Грудцыне» «входит в ряд ярчайших памятников русского бытового реализма XVII века». ¹⁵ Другой, используя идейно-художественные средства фольклора, создал замечательное произведение огромного обобщающего значения, в котором историю «непокорливого» молодца выводит из истории всего человеческого рода от самого его начала. Это мог сделать только человек глубокого ума и выдающегося поэтического дарования. Свою «Повесть о Горе-Злочасти» он не только щедро насытил богатствами устной поэзии, но и не побоялся внести в нее народно-песенный стих, отойдя от старой книжной традиции. Еще одно крупное художественное преимущество этой повести — логичность и стройность композиции, что было показано уже В. Ф. Ржигой. ¹⁶ Композиция «Повести о Савве Грудцыне» намного сложнее, причем основной сюжет осложняется рядом привходящих сюжетных линий. Так, в повести играет существенную роль любовный эпизод, ¹⁷ нужный для развития сюжета и психологической обрисовки героя, а с ним тесно связан важный мотив продажи души дьяволу. Но вот эпизод посещения Саввой «царства сатаны» совершенно выпадает из общего плана и только замедляет развитие действия. Вообще автор не справился с обилием привлеченного материала, перегрузил им свое произведение, и композиция повести получилась громоздкой и рыхлой.

Конечно, нельзя пройти мимо несомненной связи «Повести о Горе-Злочасти» со сборником стихов «покаянных, слезных и умильных», особенно с группой так называемых «прибыльных» стихов, относящихся к 30-м годам XVII в. Эти стихи открывают перед нами еще один уголок литературной обстановки, которая окружала автора повести и помогала ему в разработке избранной темы. Небольшая статья В. И. Малышева «Стихотворная параллель к Повести о Горе-Злочасти» убедительно показывает, что автору повести были хорошо известны покаянные стихи и именно знакомство с ними и «ввело в стиль автора ... те книжные черты, которые заметно выделяются на общем фоне устно-поэтического стиля». ¹⁸ Опубликованный тут (по рукописи середины XVII в.) покаянный стих о пьянстве напоминает широко известную притчу о блудном сыне, которую не мог не знать и автор повести: образ «отрока библии, безумного расточителя», конечно, не раз вставал в его творческом сознании. Кроме опубликованного

¹⁴ П. Н. Сакулин. Русская литература, ч. II, стр. 35.

¹⁵ Б. Михайловский, Б. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи. Л., 1941, стр. 90.

¹⁶ В. Ф. Ржига. Повесть о Горе и Злочасти и песни о Горе. «Slavia», гоф. X, seš 1, Praha, 1931.

¹⁷ В «Повести о Горе» любовный элемент совершенно отсутствует, ее герой «споткнулся» о другой «грех»: «вкусал плода виноградного». Слабый намек на возможность любовной интриги, может быть, кроется в совете родителей: «не прельщайся, чадо, на добрых, красных жеп». В зачаточном состоянии любовный эпизод встречается в некоторых народных песнях (см. эпизод с «женщиной кабацкой» в издании: А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895, №№ 438, 439, 440); в песне, записанной в 1888 г. в Псковском уезде, молодец ходил к молодой вдове, «сам себя очень выхвалявал» (Труды Псковского археологического общества за 1907—1908 гг., Псков, 1909, стр. 136—138).

¹⁸ ТОДРА, т. V, 1947, стр. 146.

текста, В. И. Малышев использовал в вариантах и назвал еще 10 списков покаянных стихов; были и позднейшие находки.¹⁹ Думаю, что все эти списки заслуживают серьезного внимания.

В заключение укажу еще одно немаловажное обстоятельство, которое надо учитывать при рассмотрении спорного вопроса об основной идее повести. Горе, которое «довело молодца во иноческий чин», не прирожденная «злая доля» героя: оно привязывается к нему как наказание, кара за «похвальбу» и за то, что он «родителей своих ... учения не слушает» (слова Горя).

---

¹⁹ См., например: В. И. Малышев. 1) Отчет о командировке на Печору в 1956 г. — ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 405; 2) Древнерусские рукописи Пушкинского дома. М.—Л., 1965 (по указателю).

Л. А. ДМИТРИЕВ

Первоначальный вид и время возникновения Сказания о молодде и девице

В настоящее время известно пять текстов Сказания о молодде и девице. Один из них (хранится в БАН, 33.15.138, начало XIX в.) — отрывок начала произведения. Самый ранний список Сказания находится в составном сборнике XVII—XVIII вв. (БАН, 33.4.32). Тетрадь сборника с текстом Сказания (лл. 258—265 об.) по почерку и водяным знакам бумаги («шут») датируется последней четвертью XVII в. Текст этот (С) был издан В. И. Срезневским.¹ Следующий по времени список (Л) — в сборнике начала XVIII в. (ГПБ, собр. ОЛДП, № О. СХХХII); он был опубликован Хр. Лопаревым.² Четвертый текст (Г) — в сборнике XIX в. (ГПБ, Q.XV.107). Список пятого текста (Е) неизвестен, но имеется его публикация в издании П. Е. Ефименко «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии».³

Сказание — эротический диалог юноши и девицы — относится к тому виду произведений, которые при переписке подвергались особо значительной переработке, что объясняется как диалогической формой Сказания, так и близостью его к устному народному творчеству. Поэтому каждый из списков — это не только самостоятельная редакция, но подчас почти совершенно новый текст. Однако бесспорно их восхождение — через промежуточные, не сохранившиеся тексты — к общему источнику.

Текст Е — переработка произведения в духе переводных повестей и романов XVIII в., что нашло отражение в обилии варваризмов, в упоминании Франции, «Гишпаний», Италии, в сравнениях девицы с Еленой Троянской, Венерой и Семирамидой.⁴ Позднего происхождения и текст Г,

¹ В. И. Срезневский. Сказание о молодде и о девице по сп. XVII в. Библиотеки Академии наук. — ИОРЯС, т. XI, кн. 4, СПб., 1906, стр. 79—90.

² Сказание о молодде и девице. Вновь найденная эротическая повесть народной литературы. Сообщение Хрисанфа Лопарева. Изд. ОЛДП, 1894 (далее: Хр. Лопарев).

³ Труды Этнографического отдела имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, кн. V, вып. 2, М., 1878, стр. 225—226.

⁴ Эти особенности Е дали основание А. Маркову утверждать, что оригиналом Сказания было какое-то иноязычное сочинение и что в Е перед нами ранняя редакция Сказания. См.: А. Марков. К вопросу о национализации иноземных поэтических сюжетов (Сказание о молодде и девице). — Этнографическое обозрение, 1904, № 2, М., стр. 167—169. Однако уже А. А. Назаревский, считавший, что в основе Сказания лежит заимствованный сюжет, возражал А. Маркову, объясняя все «иноземные» особенности Е стилизацией русского книжника XVIII в.; см.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсиях Семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 года. Киев, 1912, стр. 5—8.

о чем свидетельствует не только время этого списка, но и его язык и весь стиль. Источником этого списка был поздний, уже дефектный текст — переписчик в конце сообщает «Сия кретрять (т е. тетрадь, — Л. Д.) Слово о добром молодцу ко окончанию не приведена, понеже не ис чево было дописать». Таким образом, решающее значение при определении первоначального вида Сказания имеют списки Л и С. Эти списки (в С отсутствует самое начало) близки друг другу в своей первой части и значительно различаются во второй половине и окончании.

В С после слов девицы, разрешающей молодцу остаться (когда он, отчаявшись в своих любовных домоганиях, заявляет, что ему придется уйти в чужие края), после того как счастливый молодец сравнивает свою возлюбленную с «великими женами», говорится, что девица обратилась за советом к «нянюшкам и мамушкам» — принимать ей молодца или нет. В. И. Срезневский считал, что этот список более полно и точно передает первоначальный вид памятника, чем Л. А. А. Назаревский также полагал, что С наиболее близок к первоначальному тексту.

В. И. Срезневский писал, что С «исправляет логическую непоследовательность» Л, где «девица отдается молодцу, ничем не объясняя своего поступка».⁵ Но если мы внимательно присмотримся к развитию сюжета в С, то увидим, что как раз здесь налицо логическая непоследовательность, которая могла возникнуть как результат того, что весь эпизод с «нянюшками и мамушками» — поздняя вставка. Девица обращается за советом — гнать ей молодца или оставить его — уже после того, как она сказала ему «и ты живи у нас», после слов молодца «ты меня утетила своими умильными словесы последними», и после фразы автора: «И ту красная девица умолкла, не могла против дворянина отвечать». Именно поэтому Н. К. Пиксанов, издавая текст Сказания по списку С (с добавлением начала из Л), внес — правда, никак не мотивируя этого, — изменение в текст. Обращение девицы за советом и ответ ей «мамушек и нянюшек» он поместил после слов молодца о том, что он уедет, и перед словами девицы, говорящей молодцу, чтобы тот оставался.⁶

Язык списка Л более книжный, чем С. В Л девица всюду называется «прекрасной», в С — «красной»; в Л «неизреченная красота», в С «девичья красота», в Л «глаголеши», в С «говориши»; в Л во всех случаях «сиче рече», в С «и рече». Большую книжность Л по сравнению с С нельзя считать индивидуальной, вторичной чертой этого списка — это отражение чтений источника. Дело в том, что в списке Г, в целом по языку ближе стоящем к С, встречаются парные чтения с Л, отличающиеся от С. В Г, как и в Л, эпитет девицы «прекрасная»; в обоих этих списках — «красота неизреченная». Книжная лексика Сказания — черта, присущая первоначальному тексту произведения; усиление же фольклорности — явление дальнейшей литературной жизни произведения. Этому способствовала изначальная яркая фольклорная окраска памятника.

Все сказанное дает право утверждать, что в Л, а не в С текст наиболее близок к первоначальному, авторскому. Однако и в Л мы уже имеем текст с изменениями и искажениями. Так, например, в Л девица, сжалившись над молодцем, говорит: «Веть мне холопа купить, а без другога не быть .. и ты живи у нас». Хр. Лопарев, которому был известен только список Л, высказал догадку: не следует ли читать вместо «другова» — «друга». И действительно, в С мы читаем: « холопа мне не купить, а без

В. И. Срезневский. Сказание о молодце и девице, стр. 82.
 Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть М.-Пг., 1923, стр. 81—84.

холопа мне не жить, а без друга не быть . . . и ты живи у нас». Подобного рода примеры довольно многочисленны.

Таким образом, при реконструкции первоначального текста Сказания о молодце и девице, беря за основу список Л, мы должны вносить исправления в этот текст по списку С, учитывая, разумеется, данные и остальных списков.

Хр. Лопарев высказал ряд соображений о времени возникновения Сказания. С одной стороны, он отмечал, что «все данные народной литературы говорят в пользу принадлежности ее (повести, — Л. Д.) к XVII и даже XVIII веку».⁷ Вместе с тем отдельные архаизмы языка и упоминание в произведении имен Даниила, которого Хр. Лопарев считал Даниилом Борисовичем Нижегородским, жившим в начале XV в., и Семена Карамышева — по его мнению, боярина и воеводы князя Даниила Нижегородского, — свидетельствуют, как полагал исследователь, о ранних источниках Сказания. Не высказывая окончательного мнения, Хр. Лопарев выставляет два предположения: «или 1) это памятник, быть может, XVII века, но автор его пользовался старым лексическим материалом, или 2) это памятник вообще древний, но подвергшийся обработке и переделке в XVIII веке, причем он уже во многом утратил чистоту языка оригинала».⁸

Немногочисленные лексические архаизмы, отмеченные Хр. Лопаревым, прежде всего не обязательно должны расцениваться как таковые. Отнесенные им к архаизмам слова «примольвь» (приголубь, приласкай), «горазный мастер» (искусный, опытный мастер), «щеколчеши» (щелкаешь (о соловье), при этом в рукописи вообще искаженное чтение — «щеволчеши») нет никаких оснований расценивать как архаизмы: все они встречаются и в поздних текстах, причем скорее в разговорной речи, а не в письменной, о чем можно судить по словарю Даля.⁹ Употребление же в препозитивном положении возвратной частицы «ся» в предложении пословичного характера («глупых не орют, не сеют, сами ся родят от глупых отцов, от безумных матерей»), как и оборот «деяше беседы» и слово «гудец» (музыкант, гудошник), могут свидетельствовать лишь о книжном характере произведения, а отнюдь не о том, что эти слова — отголоски раннего источника.¹⁰ Таким образом, лексические показатели не дают материала для отнесения возникновения Сказания к более раннему периоду, чем об этом свидетельствует весь характер произведения, т. е. к периоду ранее XVII в.

В тексте Л мы читаем такую фразу: «Высота твоя (девицы, — Л. Д.) уподобится аки первых жен настоить Даниловы жены, смирение твое великое аки Евдокеи Семеновы жены Карамышева, любовь твоя великая аки Раксаны, царицы царя Александра Макидоньскаго». Хр. Лопарев, пред-

⁷ Хр. Лопарев, стр. 9.

⁸ Там же, стр. 7.

⁹ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. III, стр. 426; т. I, стр. 377 и т. II, стр. 303; т. IV, стр. 653.

¹⁰ В сборнике пословиц XVII в мы встречаем употребление «ся» в препозиции в одной из пословиц: «Беден часто ся озирает, хотя и не ево кличют» (см.: П. Симонов. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, вып. I. СПб., 1899, стр. 81). Хр. Лопарев считает препозитивным и возвратным «ся» и во фразе «отколя ся на меня напасть нашла?». Однако здесь это «ся» либо указательное местоимение — «эта напасть», либо усилительная частица, часто встречающаяся в речи девицы, типа — «А, се познаю, дворянин. . .» (пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить В. П. Адрианову-Перетц, указавшую мне, во время моей работы над Сказанием, что «ся» в этой фразе не является возвратной частицей). Слово «гудец» — «музыкант» приведено в «Лексиконе» Поликарпова (1704 г.) и зафиксировано у Даля

полагая, не является ли слово «настойть» испорченным вместо «Настасья», пишет об этом отрывке Сказания: «Из истории известно, что Семен Карамышев был боярином и воеводою нижегородского князя Даниила Борисовича, — по всей вероятности, автор Сказания разумеет этих именно лиц, говорит о их именно женах».¹¹ А Даниил Нижегородский, как уже отмечено выше, жил в начале XV столетия. Следовательно, если Сказание имеет в виду этих лиц, есть все основания относить время возникновения его к XV в. Однако текст С, исправляя и дополняя чтение Л, дает основание утверждать, что в данном случае перед нами сравнение, восходящее к эпическим и литературным образам, и исторические детали XV в. пикаеского отношения к этому пассажи Сказания не имеют.

В С мы читаем: «И ты, государыни, первым женам угодобися — Настасии Даниловы жены Вовчева, а смирение твое аки Овдотьи Семеновы жены Коромышева, а мудрость твоя аки Василисты Ставровы жены Годунова, а любовь твоя и решанье аки Александра царя Макидонскаго». Перед нами хотя и испорченный в отдельных чтениях текст, но абсолютно понятный, Молодец сравнивает свою возлюбленную с такими героинями, которые явились олицетворением женской доблести и супружеской верности, и все эти героини литературно-эпического происхождения.

Настасья, Данилова жена, — это героиня былины о Даниле Ловчанине (в Л прозвище опущено, в С дано искаженно — Вовчев). У богатыря Даниила красавица жена. Приближенные князя Владимира подстрекают князя погубить Данилу и взять Данилову жену себе в жены. Данилу коварно убивают. Жена Даниила (в разных вариантах былины она называется по-разному, в том числе и Настасьей), обманув Владимира, закалывается пад телом своего мужа.

Семен Константинович Карамышев — эпический персонаж казачьих песен. В известных нам текстах, посвященных Семену Карамышеву, его жена не фигурирует. По-видимому, в Сказании отголосок какой-то песни о Карамышеве и его жене, до нас не дошедшей.

Фраза «мудрость твоя аки Василисты Ставровы жены Годунова» имеет в виду былину о Ставре Годиновиче. В этой былине жена богатыря Ставра Годиновича Василиса Микулична, славящаяся своей красотой, умом и смелостью, обманывает князя Владимира и спасает от беды своего мужа.

Наконец, последняя из названных в этом ряду жен, Роксана, — героиня Сербской Александрии, жена Александра Македонского, которая, согласно этой версии Александрии, кончает жизнь самоубийством пад телом умершего мужа.

Былина о Даниле Ловчанине позднего времени. В. Я. Пропп относит ее возникновение к периоду образования централизованного Русского государства. Он считает, что она создала после былины о Сухмане, а последняя весьма поздняя.¹² Семен Константинович Карамышев фигурирует в исторических песнях, посвященных событиям XVI—XVII вв. Как предполагает Б. Н. Путилов, прототипом этого имени в исторических песнях был воевода Волока Ламского — Иван Константинович Карамышев, державший воеводство в городе в начале XVII в., во время осады Волока Ламского Сигизмундом. Из исторической песни о защите Волока Ламского начала XVII в. это имя попало в другие песни, посвященные событиям XVI—XVII вв.¹³ Сербская Александрия проникла на Русь в XV в., но

¹¹ Хр. Лошарев, стр. 7

¹² В. Я. Пропп. Русский героический эпос Л, 1955, стр. 384—393

¹³ Народные исторические песни. М—Л, 1962 (Библиотека поэта Большая серия. Второе издание), стр. 328—329

XVII век для этого произведения «оказался особенно счастливым временем. Роман об Александре Македонском становится в этот период одним из наиболее популярных произведений светской письменности».¹⁴

Таким образом, рассмотренный отрывок Сказания свидетельствует о том, что это произведение прежде всего книжного характера, а не запись устного текста, как полагали некоторые исследователи: только в литературном памятнике могло быть употреблено такое сложное сравнение с героями разнообразных эпических и письменных памятников. Во-вторых, круг привлеченных для сравнений текстов указывает, что Сказание о молодце и девице возникло не ранее XVII столетия.

Самый ранний список Сказания (С) датируется последней четвертью XVII в. Текст здесь уже подвергся значительной переработке, дает немало испорченных чтений, т. е. к этому времени Сказание прожило уже определенную литературную жизнь. Можно думать поэтому, что Сказание о молодце и девице было создано в середине—второй половине XVII в.

---

¹⁴ Я. С. Лурье. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. — В кн.: Александрия. М.—Л., 1965 (серия «Литературные памятники»), стр. 151

Р. П. ДМИТРИЕВА

Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии

Во всех исследованиях Повести о Тверском Отроче монастыре, начиная с Н. М. Карамзина, отмечается, что автор произведения пренебрежительно относится к историческим фактам. Вслед за Карамзиным, охарактеризовавшим повесть как баснословную,¹ неизвестный автор статьи в «Тверских губернских ведомостях» отметил, что повесть «не имеет никакого исторического достоинства». Он привел примеры отступлений от летописных данных и грубые нарушения хронологии.² Наиболее наглядной ошибкой в хронологии является упоминание о том, что при князе Ярославе Ярославиче в монастыре был выстроен придел в честь митрополита Петра: Петр жил в XIV в., а князь Ярослав Ярославич умер в 1271 г.

В последних исследованиях произведения также подчеркивается, что главное внимание автора сосредоточено на литературном замысле и что «с историческими фактами он обращался весьма произвольно».³

Однако автор рассказывает историю создания монастыря и свою тему он осознает как историческую. Это подчеркнуто тем, что начинается рассказ с упоминания конкретной даты основания монастыря: «Лета мироздания 6773 составлен бысть Отрочь монастырь тщанием и рачением великаго князя Ярослава Ярославича Тверского».⁴ Этой же цели, видимо, служит сообщение в конце повести об охранный грамоте, данной монастырю тверскими великими князьями; среди этих князей первым назван Василий Михайлович (ум. в 1368 г.), а последним — Михаил Васильевич (должен быть Борисович, княжил с 1461 по 1486 г.).⁵ Из сказанного следует, что автор повести внимателен к историческим сторонам своего повествования. Поэтому правомерно остановиться на вопросе об отношении автора к передаваемому им сюжету как исторически достоверному, выяснить принципы подбора в повести исторических деталей и попытаться объяснить, чем обусловлены исторические неточности и ошибки.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1892, прим. 118.

² Тверские губернские ведомости, 1865, № 38, Неофиц. часть, стр. 211—213.

³ С. К. Шамбинаго. Повесть о Тверском Отроче монастыре. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 252. Ср.: История русской литературы, т. I. М.—Л., 1958, стр. 348.

⁴ Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Составил Н. К. Гудзий. Изд. 5-е. М., 1952, стр. 441. Далее цитаты из текста даются по этому изданию.

⁵ В. Ржигала. Из истории повести. — Известия Тверского педагогического института, вып. IV, Тверь, 1928, стр. 103.

Проследив на протяжении всей повести упоминания фактических сведений, можно убедиться, что автор не пренебрегает фактами, а, наоборот, стремится придать историзм и достоверность всему рассказу, хотя в основном внимание его сосредоточено на душевной драме юноши Григория и его взаимоотношениях с окружающими людьми. Ошибки появились в повести не в результате невнимания автора к историческим фактам, а из-за отсутствия у него под руками точных документов. За исключением единственного случая автор, по всей видимости, не пользовался письменными источниками. Исключение составляет обозначение в произведении даты основания монастыря. Эта дата настолько близка году второй женитьбы князя Ярослава Ярославича, что дает основание думать о влиянии каких-то летописных данных. В начале повести говорится, что монастырь был основан через три года после женитьбы Ярослава Ярославича на Ксении. По данным летописей, Ярослав Ярославич второй раз женился в 1263 или 1264 г.⁶ В повести создание монастыря отнесено к 1265 г.; следовательно, описываемые в ней события должны были происходить в 1262 г., т. е. почти совпадают с реальной датой женитьбы Ярослава Ярославича.

Историко-архитектурные и топографические детали, упоминаемые в повести, скорее говорят о том, что повесть писал человек, хорошо знакомый с Тверью и ее окрестностями XVII столетия,⁷ а не о том, что в ней использованы какие-то письменные или документальные данные. Как убедимся ниже, автор повести для своего рассказа старался отобрать те историко-архитектурные детали, которые, по его мнению, уже были в Твери XIII в. И в отборе этих деталей он допускал ошибки, так как основывался на памяти своих современников, а не на документах.

Отметим одну принципиально важную сторону в отборе исторического материала для повести. Стремление автора к исторической достоверности в ходе изложения самой повести служит не политическим или историческим задачам, а подчинено художественным целям произведения. Историко-архитектурные и топографические названия включены в повесть только для того, чтобы дать конкретно-осязаемый реальный фон в передаче драматических событий повести; они являются одним из подсобных средств художника и никак не влияют на развитие сюжета. Сосредоточив внимание на переживаниях влюбленного юноши, автор рассказ об этом ведет как о событии, происходившем в конкретных историко-бытовых условиях. События приурочены к определенным географическим пунктам и к определенному историческому времени. Для того чтобы читатель в это поверил, в повести упоминаются конкретные топографические названия в окрестностях Твери и архитектурные постройки, которые, как считал автор, существовали уже в XIII столетии.

Рассказывая об Отроче монастыре, автор упоминает о том, что сначала в нем была выстроена деревянная церковь в честь Успения Богородицы, затем, через несколько лет после смерти отрока, великий князь Ярослав Ярославич «изволи в том монастыре создати церковь каменную во имя пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея успения с приделом Петра митрополита, московского чудотворца». В Отроче монастыре в XVII в. действительно был каменный собор Успения Богоматери. В начале XVIII в. за ветхостью он был разобран и на его месте вновь была отстро-

⁶ ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1856, стр. 164; т. XXVIII, М.—Л., 1963, стр. 58.

⁷ На это обратил внимание В. Ф. Ржига, см.: В. Ржига. Из истории повести, стр. 110.

ена церковь в честь Успения Богоматери.⁸ Не случайным является и упоминание в повести имени Петра митрополита. Правда, письменные источники говорят не о приделе, а о церкви Петра митрополита, которая была выстроена в XVI в. и имела два престола — во имя Петра митрополита и Филиппа митрополита.⁹ Переписная книга 1625—1626 гг. упоминает и эту церковь, и храм во имя Успения Богоматери.¹⁰ В конце XVII в. церковь, посвященная Петру митрополиту, была заново отстроена.¹¹

В повести рассказывается о том, что жители Твери торжественно встречают прибывшую на судах по Волге княгиню «на брезу у церкви архангела Михаила». Имеется в виду Михайло-Архангельский монастырь, известный с начала XIV в.¹² и упраздненный к концу XVII в.¹³ Он стоял на берегу Волги в Загородском посаде, на значительном расстоянии от кремля, в котором находилась княжеская резиденция. Торжественные встречи прибывающих по реке именно в этом месте, видимо, были традиционными. Эту подробность наш автор мог включить в свою повесть как возможную и в XIII в., так как знал исторические примеры торжественных встреч, происходивших именно в указанном месте. Об этом говорится в житиях Михаила Ярославича и Александра Михайловича.¹⁴

В Повести о Тверском Отроче монастыре дважды упомянут княжеский двор: бояре, встретившие княгиню при въезде в кремль, проводили ее на «двор великого князя»; князь принимает отрока в верхних палатах («князь же повеле ввести его в верхния полаты»). Каменные дворцовые палаты были выстроены в тверском кремле в конце XIV в., при князе Михаиле Александровиче. В конце XVI в. палаты еще были целы. После пожара в кремле в 1626 г. от этих палат остались лишь руины. В конце XVII в. еще помнили о существовавших когда-то княжеских палатах. В писцовой книге 1685—1686 гг. говорится: «Да позади тех дворов, против соборной церкви, место пусто, что бывал двор и палаты великих князей...».¹⁵ Великокняжеские палаты были высокими и, как предполагает Н. Н. Воронин, двухэтажные.¹⁶ Это предположение подтверждает рассматриваемая повесть, упоминая «верхния полаты».

Так же конкретны и достоверны упоминания в повести топографических названий. Говоря о том, что в село Едимоново великий князь решил прибыть на следующий день после отрока и поэтому заночевал на лове, автор замечает: «Бяше бо село то от града Твери четыредесять поприщ». Действительно, село Едимоново находится в 40 верстах от Твери на левом берегу Волги.¹⁷ О том месте, где Григорий сначала хотел основать монастырь, в повести сказано: «Той отрок прииде на реку, зовомую Тверцу, от града Твери пять на десять поприщ, на место боровое». В рукописи

⁸ В. Владиславлев. Краткие исторические сведения о монастырях и более значительных церквях города Твери. — В кн.: Памятная книжка Тверской губернии на 1863 г. Тверь, 1863, стр. 75.

⁹ Там же.

¹⁰ Н. Н. Овсянников. Тверь в XVII веке. Исторический и археологический путеводитель по городу Твери. Тверь, 1889, стр. 83.

¹¹ См.: М. В. Рубцов. Тверь в 1674 году по Пальмквисту. Тверь, 1902, стр. 44.

¹² Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. II. XIII—XV столетия. М., 1962, стр. 397.

¹³ Н. Н. Овсянников. Тверь в XVII веке, стр. 59.

¹⁴ О встрече в Твери тела Михаила Ярославича говорится в летописи под 1320 г.: «сретоша его у Архангела Михаила на брезу...» (ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 187).

¹⁵ Н. Н. Овсянников. Тверь в XVII веке, стр. 26.

¹⁶ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. II. стр. 391, 395.

¹⁷ В. И. Покровский. Историко-статистическое описание Тверской губернии, т. I. Тверь, 1879, стр. 31.

XVIII в. ГИМ, собр. Музейское, № 2563 на полях против процитированной фразы приписано: «Ныне село, именуемое Бор». На самом деле, в 15 верстах от Твери, на левом берегу Тверцы, находится село Пречистый Бор.¹⁸ Вероятнее всего, автор повести для усложнения сюжета, описывая скитания юноши в лесу, ввел этот эпизод, приурочив его для убедительности к конкретному топографическому месту.

Таким образом, включение в повесть перечисленных историко-архитектурных и топографических подробностей проведено по одному и тому же принципу и преследует одну и ту же цель — дать конкретную обстановку, в которой происходят описываемые события. Эта черта рассматриваемого произведения наглядно видна при сравнении его с памятниками того же времени — повестями о Москве, в которых широко использованы исторические и историко-топографические материалы.¹⁹ В цикле этих повестей наблюдается иной принцип отбора исторических деталей.

В Повести о начале Москвы и в Сказании об убиении Даниила Суздальского использованы летописные материалы; следовательно, реалии в них взяты из исторических документов. Кроме того, надо отметить, что, в отличие от Повести о Тверском Отроче монастыре, в этих повестях данные, заимствованные из летописей, занимают значительное место в построении сюжета произведений. Автор Сказания о зачатии Москвы и Крутицкой епископии, как доказывает М. А. Салмина,²⁰ не привлекал какие-либо документы и источники раннего времени, повесть построена на вымысле. Однако назначение исторических деталей в ней принципиально отличается от использования исторических деталей в Повести о Тверском Отроче монастыре. В Сказании исторические детали являются одним из важнейших элементов сюжета произведения, они служат доказательством основной политической идеи памятника: Крутицкая епархия была основана не на окраине, а около самой Москвы, при участии и содействии великого князя. В Повести же о Тверском Отроче монастыре историко-топографические упоминания служат как одно из средств художественного изображения.

В заключение следует отметить, что упоминания в Повести о Тверском Отроче монастыре архитектурных памятников служит подтверждением датировки повести не позже второй половины XVII в. Большинство названных архитектурных построек было перестроено или разрушено в XVII в. Так, церковь, посвященная Петру митрополиту, в XVII в. была перестроена заново, Михайло-Архангельский монастырь был упразднен в конце XVII в., от каменных великокняжеских палат в XVII в. осталась только часть погребов.

¹⁸ В. Р ж и г а. Из истории повести, стр. 110.

¹⁹ См.: Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964.

²⁰ Там же, стр. 154—166.

Л. Н. ПУШКАРЕВ

«Восточная» редакция Повести о Еруслане Лазаревиче

Среди более чем полутора десятков списков Повести о Еруслане Лазаревиче есть один, который вот уже более ста лет привлекает к себе пристальное внимание многих исследователей и публикаторов повести. Речь идет о списке из собрания Ундольского № 930 (ГБЛ. Отдел рукописей, ф. 310, № 930), 40-х годов XVII в., писанном скорописью одним почерком на бумаге в четверку (18×13 см), на 52 листах. Переплет — картон, поздний, корешок и углы кожаные.¹

Эта рукопись составляла когда-то часть сборника повестей, расплетенного Ундольским. В сборник входили рукописи №№ 620, 705, 736, 915, 919, 923, 930, 933, 942, 943, 947 его собрания.² Рукопись Ундольского № 676 указана Викторovým ошибочно: ни по формату, ни по времени (конец XVIII в.) она к этому сборнику принадлежать не может. Установить тот порядок, в котором рукописи следовали одна за другой, в настоящее время невозможно, так как старой пагинации страниц не сохранилось. Состав сборника следующий: 1) Послание А. И. Ищеина в Царьград; Послание князя Э. И. Югорского к императору Максимилиану; Лаодикийское послание; Грамматика Иоанна Дамаскина; О двенадцати знаках зодиака; Сказание о сивиллах; Александрия (Унд. 620); 2) Космография (Унд. 705); 3) Троянская история (Унд. 736); 4) Сказание об Акире Премудром (Унд. 915); 5) Сказание о Бове-королевиче (Унд. 919); 6) Слово о купце Димитрии Басарге (Унд. 923); 7) Сказание о Еруслане Лазаревиче (Унд. 930); 8) Слово о животе и смерти (Унд. 933); 9, 10) Слово о благочестивом царе Михаиле (Унд. 942 и 943); 11) Повесть о семи мудрецах (Унд. 947). По характеру почерка, вязи, заглавных букв все эти 11 рукописей схожи между собой. Они имеют также общие водяные знаки, в основном относящиеся к концу 30-х годов XVII в., близкие к №№ 1135, 1136, 1158 (1638 г.) у Тромонина.

¹ Текст повести по этому списку впервые был опубликован Н. С. Тихонравовым в «Летописях русской литературы в древности» (т. II, ч. 2, М., 1859, стр. 100—128). В отрывках этот текст был перепечатан Н. К. Гудзием в «Хрестоматии по древней русской литературе XI—XVII веков» (изд. 3-е, М., 1938, стр. 296—308; см. также следующие издания).

² А. Викторov. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе. — В кн.: Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, приложение, стр. 46.

Сборник имел многочисленные записи XVII—XIX вв., что свидетельствует о длительном интересе к нему читателей. В настоящее время записи эти относятся уже к отдельным рукописям. Приведем их.

Унд. 620. Скрепа на лл. 1—6: «Сия книга столника Ивана Никифоровича Кологри[вова]» (оборвано). На задней крышке переплета: «Книга елецкого купца Ивана Васильева сына Расихина. Конец».

Унд. 705. Л. I: «Сия книга столника Ивана Никифоровича Кологривова». Л. I об.: «Великому государю великому государю Петру Алексевичу вся великия и малыя беды...». Л. II: «да он же, Ивашка, говорит де Алешке: „Кому быть на царстве?“. И молвил...».

Унд. 736. Л. I об.: «Сия книга елецкого купца Ивана Автомонова сына Филатова». Л. II: «Книга сия елецкого купца Никиты Иванова сына Филатова» и «Книга сия елецкого купца Ивана Восилова». Л. III: «Читал и рассмотрел ей непорядки писаны и советовав печеть бросить».

Унд. 919. Скрепа по лл. 1—38: «Ся повесть Розбойного приказу подьячего Ивана Яковлева, писал своею рукою». Л. II: «Ся повесть Розбойного приказу подьячего Ивана Яковлева писал своима рукама. Ся повесть Розбойного приказу подьячего...».

Унд. 923. Скрепа по лл. 1—8: «дьячего Яковлева писал своею рукою».

Унд. 930. Л. 52 об.: «Сия книга глаголемая собрание историев Вознесенского девича монастыря монахини Любви Степановой, которую подарил Чудова монастыря монах из грек Карион Истомина».

Унд. 933. Скрепа по лл. 1—6: «...Ивана Яковлева писал...» (можно думать, что эта скрепа есть продолжение скрепы Унд. 919, см. выше, — Л. II). Л. 4 об.: «Конец и богу слава». Л. 5: «Книга шенкурца Герасима Васильева сына Едемского». Лл. 5—6 об.: «1710 августа в 25 день Муромского...». Л. 6: «Книга глаголемая собрание историев монахини Любве Степановой, которая пострижена в Вознесенском девиче монастыре».

Унд. 942. Л. I: «Книга [шен]курца Герасима Васильева Едемского».

Унд. 947. Л. I: «Книга о семи мудрецах» (почерком XVII в.) и «Государь мой Никита Иванович, желаю вам много лет здравствовать» (карандашом, почерком XIX в.). Л. I об.: «206 году сентября 21 в костромской...». Л. III об.: «Зри прилежно, внимай разумно, пиши неспешно, прочитай неложно».

Судя по вышеприведенным записям, сборник этот последовательно принадлежал подьячему Разбойного приказа Ивану Яковлеву, затем стольнику Ивану Никифорову Кологринову, потом известному русскому общественно-политическому и культурному деятелю, поэту Кариону Истомину, который подарил его монахине Вознесенского девичьего монастыря Любви Степановой. Позднее, в XVIII в., его владельцами были шенкурец Г. В. Едемский и елецкие купцы И. В. Расихин, И. А. и Н. И. Филатовы. По имени К. Истомина этот сборник вошел в научную литературу под названием Истоминского.

Этот один из самых ранних списков Повести о Еруслане Лазаревиче отличается от остальных значительным своеобразием. Только в одном этом списке мы встречаемся с такими, например, мотивами, как разговор братьев-коней под хозяевами-врагами, превращение птицы-хохотуньи в девицу, волшебное перенесение из одного царства в другое и т. д. Всего насчитывается 26 (из 200) таких, только для данного списка характерных мотивов.

Значительное сюжетное своеобразие списка сопровождается такими различными и языковыми особенностями, на которых в основном и базировались все теории о восточном происхождении Повести о Еруслане. Все

эти особенности перечислены акад. А. С. Орловым,³ но им же и многими другими исследователями отмечена, с одной стороны, близость повести к русскому сказочному фольклору, а с другой — своеобразный «рыцарский» характер рассказа. Нельзя ли попытаться как-то объяснить такой сложный и порою взаимоисключающий характер этого списка?

При решении этого вопроса надо исходить из того, что подьячий Иван Яковлев был не только владельцем, но и составителем данного сборника. Это он «своима руками» переписал в сборник повести о Бове, Еруслане, Басарге, Акире Премудром и другие занимательные повести, подтвердив тем самым еще раз тяготение демократических приказных слоев к развлекательному чтению. Поэтому правильнее было бы называть этот сборник не Истоминским, не по имени его более позднего владельца, а Яковлевским — по имени его составителя. Видимо, по роду своей службы (Разбойный приказ ведал уголовным судопроизводством — убийствами, разбоями, кражами — на всей территории Русского государства, кроме столицы — Москвы) И. Яковлев мог быть связан и с определенными кругами, близкими к восточным делам, знал специфическую восточную терминологию; отсюда в этом списке «кутас», «саадак», «тегилай», «тебеньки», — термины, известные русскому языку, но в других списках Повести о Еруслане не встречающиеся.

И фольклорные русские элементы, и мотивы рыцарства в этом списке также могут быть объяснены личностью составителя сборника. Известно, как много образованных и даровитых людей выдвинула в XVII в. приказная среда. Подьячие были авторами исторических и публицистических трудов, нередко обладали литературным талантом.⁴ И. Яковлев был, конечно, знаком с устным народным творчеством — недаром в его сборнике так много повестей, основанных на устной сказке и легенде; характерны для этого сборника и повести рыцарского характера. Видимо, подобное несколько механическое соединение в одном списке таких разнородных компонентов, как восточные мотивы, рыцарские элементы и элементы русского сказочного эпоса, является индивидуальной особенностью вкуса составителя сборника.

Список Унд. 930 представляет собой литературную обработку (или копию с нее) такого устного сказания, в котором отдельные его элементы не слились еще в единое целое. Доказательством этому, помимо механического соединения различных лексических особенностей, служит и композиция повести. Например, Еруслан освобождает город от осады еще до того, как он совершил свой первый подвиг (бой с князем Иваном); образ Индийского царя, у которого был могучий сторож Ивашка Белая епанча, в данном списке объединен с образом царя Вахрамея; отсюда явная нелогичность: у царя есть такой богатырь, что «кто его увидит, тот не может жив быть», а царь страдает от притеснения чудовища о трех главах и даже собирается отдать ему свою единственную дочь; девиц в шатре Еруслан встречает только двух, а не трех, как в других списках; побитых ратей он встречает две, а не три, и т. д. Список этот далеко уже ушел от простой народной сказки: это — сложное литературное произведение с самостоятельной идейной оценкой образов, сложной фабулой, стремлением к психологической мотивировке событий. Этот список стоит особняком среди всех других рукописных вариантов повести; он не имеет продолжения в рукописной, лубочной и устной традиции; такое своеобразие

³ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. М., 1934, стр. 78—79.

⁴ Н. В. Устюгов. Центральное управление. Приказы. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 381.

дает право на выделение его в самостоятельную «восточную» редакцию рукописной повести, характерную наличием восточных мотивов в сюжете и языке, не распространяющихся, однако, на идейную оценку образов.

В чем причины непопулярности этой редакции? Их несколько. Восточные (пусть даже и фольклорные!) мотивы были чужды русской как фольклорной, так и литературной традиции. Восточные пышные образы (ср., например, прозвище конюха: «старой конюх, сивой конь, алые тебенки, сыдавной саадак, крепкой лук, гораздой стрелец, в полку богатырь») были непонятны читателю; так, словосочетание «алый тегилей» (т. е. кафтан) в более поздних списках превратился в собственное имя Алокти-Гирей. Механичность объединения в одном списке восточных мотивов с рыцарскими, сочетание усиленной христианизации языка и речи персонажей (характерной, надо сказать, для всех повестей Яковлевского сборника!) с русскими фольклорными элементами — все это было свидетельством того, что устная сказка о Еруслане подвергалась в XVII в. литературной обработке и становилась типичной сказочной рукописной повестью. Список Унд. 930 и запечатлел начальный этап сложной литературной эволюции повести на пути превращения устной (а затем рукописной) сказки в волшебно-рыцарский роман.

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

«Повесть о Димитрии Римском»

«Повесть о Димитрии Римском», принадлежащая к числу памятников переходного периода — от древнерусской литературы к литературе нового времени, — почти неизвестна в нашей науке. Единственное сообщение о ней было сделано М. И. Соколовым на заседании Московского археологического общества в 1900 г.; тогда же им был опубликован текст повести по рукописи XVIII в., принадлежащей Е. Барсову.¹ Уже в сообщении М. И. Соколова были отмечены существенные черты, характеризующие памятник: его явно русское происхождение и связь с циклом сказаний о гордом царе. К сожалению, при этом М. И. Соколов не использовал вариант повести из собрания Общества любителей древней письменности (ОЛДП, Q. 155), указанный Х. М. Лопаревым.²

Других списков современные библиографии древнерусской повести не указывают,³ и лишь недавно в коллекции рукописей Института русской литературы (собр. Богословского, № 28) был обнаружен В. И. Малышевым новый, ранее неизвестный текст повести. Таким образом, теперь можно исследовать повесть по трем спискам, что позволит более детально представить ее литературную историю.

«Повесть о Димитрии Римском» по своему сюжету связана с циклом сказаний о гордом царе, но иначе разрабатывает тему наказания за неверие в тексты священного писания. Димитрий Римский, услышав в церкви слова «единым днем царь богат и убог», не поверил в их истинность и приказал вырезать их из текста Евангелия. Затем царь отправился на охоту, где явившийся в виде вепря ангел заманил его в чащу; царя ограбили разбойники, пустившие его в «раздранных ризах»; он с трудом добрался до деревни и нанялся в работники к накормившему его крестьянину. Димитрий работает у крестьянина в течение года, до следующего «Дмитриева дня», поражая всех своей удачливостью в труде; соседи крестьянина переманивают его к себе в работники, но безрезультатно. В урочный день царь Димитрий просит расчет у хозяина, но тот ударяет его по щеке и велит

¹ Протокол 46-го заседания Славянской комиссии имп. Московского археологического общества (31 октября 1900 г.). — Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. III, М., 1902, стр. 28—29; текст повести — стр. 57—58. Шифр Барсовской рукописи неизвестен, и в дальнейшем мы цитируем текст этого списка по публикации М. И. Соколова.

² Х. М. Лопарев. Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. II. СПб., 1893, стр. 226.

³ В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, вып. 1. М.—Л., 1940, стр. 249; ср.: А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955.

идти вместе с ним в город к обедне в честь царских именин, обещая расчет по возвращении. В церкви Димитрий узнает воевод, ранее служивших ему, и пытается разглядеть царя, сидящего на престоле. Царем оказывается ангел, который возвращает Димитрию его прежнюю власть, объяснив все случившееся наказанием божим.

Для повести характерно сочетание книжных и фольклорных традиций в развитии сюжета. По-видимому, объединение этих противоречивых тенденций произошло уже в архетипе памятника, так как сочетание книжного и фольклорного планов можно отметить в каждом из известных в настоящее время списков повести. Абсолютно для всех вариантов характерно использование таких чисто сказочных мотивов, как заманивание зверем героя в чашу леса; троекратное испытание героя в работе у крестьянина; сказочная удача царя-работника, который пашет «единою шкапою аки десятию», а хлеб у него родится «в семь седмицею». О фольклорной традиции свидетельствует и употребление чисел 3 и 7 в оборотах типа «в семь седмицею», «три дня и три ночи» и т. п.

Книжный характер повести выражается прежде всего в самой «привязанности» сюжета к цитате из священного писания; вся повесть создается с целью раскрытия, конкретизации общего положения, обозначенного цитатой, и в связи с этим усиливаются элементы назидания и поучительности, характерные для древнерусских дидактических сочинений.

Однако ни нравоучительная, ни фольклорная, сказочная тенденции по отдельности не определяют характера произведения в целом, хотя иногда можно отметить преобладание одной из них. Главной особенностью памятника является его занимательность, и для ее достижения автор в равной мере использует и книжные, и фольклорные мотивы; своеобразная экзотика повести достигается перенесением места действия в Рим и изображением героя «цесарем Римским», несмотря на несомненно русские реалии (описание крестьянских работ, система наема батрака на год, термины «великий князь», «Дмитриев день» и т. п.). Герой повести не соотносится ни с одним конкретным историческим лицом, и это связано с характерным явлением литературы переходного периода — рождением вымышленного героя.⁴ Свободное отношение автора к книжной традиции, занимательность памятника, его близость к устному творчеству позволяют поставить «Повесть о Димитрии Римском» в один ряд с теми повестями «нового типа», новеллами в чисто литературном смысле, о которых писал М. Н. Сперанский в статье «Эволюция русской повести в XVII веке»;⁵ их сближают не только указанные общие черты, но и своеобразная «маскировка» под историческое сочинение — беллетристическая повесть в момент своего рождения еще не смеет отказаться от старых, привычных форм.

Вопрос о времени создания «Повести о Димитрии Римском» может быть разрешен лишь приблизительно. Самым ранним из известных списков является список ОЛДП. Q. 155 (в дальнейшем: О), датируемый первой четвертью XVIII в.; список собрания Барсова (в дальнейшем: Б), изданный М. И. Соколовым, датируется XVIII в.; список ИРЛИ, собр. Богословского, № 28 (в дальнейшем: И) относится к первой четверти XIX в. Ни один из списков повести нельзя считать ее оригиналом, так как каждый из них содержит явные пропуски и ошибки переписчиков.

⁴ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 119—140.

⁵ М. Н. Сперанский. Эволюция русской повести в XVII веке. — ТОДРА. т. I, Л., 1934, стр. 351—359.

Например, рассказ о начале работы Димитрия у крестьянина имеет в списках *О* и *И* явные пропуски, восполняемые по списку *Б*:

Б
 Благоверный же князь Димитрей рад бысть и рече ему: «Рад, господине, у тебя тружидатися». И тако зимнюю пору работаше всякую домашнюю работу. Приспевшу бо новому лету, благоверный князь взя шкапу, сиречь жребя, поехаша на поле и нача землю пахать единою шкапою аки десятью (стр. 57).

О
 Князь же великий Димитрий рад бысть и нача работати всякую домашнюю работу. Поехаша на поле землю пахать единою шкапою аки десятью (л. 182).

И
 Князь же Димитрий рад бысть, нача работати зимою всякую домашнюю работу. Приспевшу же убо новому лету, князь же Димитрий поехаше на поле землю пахать единою шкапою десятью (л. 196 об.).

Как можно видеть, в списке *О* пропущено упоминание о работе Димитрия в «зимнюю пору» и о начале нового лета, что соответствует всему содержанию повести, таким ее деталям, как наем работника на год, до «Дмитриева дня» (26 октября). В списке *И* пропущен союз «аки», вследствие чего теряется сравнение одной клячи («шкапы») с десятью; попытка исправить «десятью» на «десятою» приводит к бессмыслице. Явный пропуск в списке *И* можно указать также в рассказе об урожае Димитрия:

О
 Уроди же ся хлеб на земли в седьмь седмицю, лутчи иных земель, никто такова хлеба не помнит. Христианин же убра хлеб и не весть, где ево спрятать (л. 182).

И
 Уродиша иже ся хлеб в седьмь седмицю, лучше иных мест, где его спрягает (л. 196 об.).

Таким образом, время создания повести должно быть отнесено к более раннему периоду, чем тот, которым датируется старший список (*О*); скорее всего, повесть была создана на рубеже XVII—XVIII вв.

Близость «Повести о Димитрии Римском» к циклу сказаний о гордом царе, отмеченная М. И. Соколовым, определяется общей сюжетной схемой: неверие в Евангелие — кощунство — охота — подмена царя — возвращение его на царство после продолжительных скитаний. Однако наша повесть отличается от близких произведений, таких как «Повесть о царе Аггее»⁶ и «Приклад о гордом цесаре Иовениане» из «Римских деяний»,⁷ конкретной разработкой буквально каждого эпизода. Различны тексты писания, служащие основой для повествования: в «Повести о Димитрии Римском» — «единым днем царь богат, и нищ, и убог», в «Повести о царе Аггее» — «богат обнищаша и взалкаша, а нищии обогатеша». В «Прикладе о цесаре Иовениане» совсем нет кощунства в церкви: Иовениан наказан за мысленное сравнение себя с богом, поэтому здесь нет и эпизода с вырезанием слов из Евангелия.

Подмена царя во время охоты в «Повести о царе Аггее» и в «Прикладе о цесаре Иовениане» связана с купанием; на основе этого мотива, в частности, объединял ряд сказаний А. Н. Веселовский.⁸ «Повесть о Димитрии Римском» не имеет мотива купания и сохраняет лишь его элемент (потеря одежды), иначе решенный. Приключения героев, следующие за потерей одежды, совершенно различны.

⁶ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов. — Записки Академии наук, т. 40, приложение 4, СПб., 1881, стр. 147—150.

⁷ Римские деяния, вып. I. СПб., 1878, стр. 69—85.

⁸ А. Н. Веселовский. Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.

Явное влияние «Повести о царе Аггее» можно отметить лишь в самом позднем списке (И). К тексту «единым днем царь богат, и нищ, и убог», лежащему в основе «Повести о Димитрии Римском», присоединяется цитата из псалтыри, определяющая основное поучение «Повести о царе Аггее»: «богати обнищаша и взалкаша». О том, что такое соединение было сознательным, свидетельствует авторская отсылка «инде глаголет»: «глас услыша во Евангелии глаголет: „Единым днем царь богат и убог“, а инде глаголет: „богати обнищаша и взалкаша“» (л. 193 об.). Эпизод списка И о явлении ангела вельможам в образе царя при возвращении с охоты («вельможам ангел преобразился ликом благоверного князя Димитрия, поехав с ними в Рим» — л. 194) также очень близок соответствующему эпизоду «Повести о царе Аггее» и отсутствует в списках О и Б.

Явная связь позднего списка «Повести о Димитрии Римском» с «Повестью о царе Аггее» заставляет задуматься о необходимости сочетать текстологическое исследование отдельных повестей о гордом царе с изучением всего цикла в целом. Интересно отметить, что в первой четверти XIX в., т. е. в то же время, каким датируется список И, появляются списки «Повести о царе Аггее», в которых четко прослеживается влияние другого близкого по сюжету памятника — «Приклада о гордом цесаре Иовениане».⁹ По-видимому, необходимо предпринять параллельное изучение литературной истории всех трех повестей — только таким путем можно конкретно выявить точки их соприкосновения и моменты взаимовлияния и, следовательно, проверить и конкретизировать гипотезу А. Н. Веселовского о путях распространения бродячего сюжета о гордом царе.

Каждый из известных списков «Повести о Димитрии Римском» представляет особый вариант, отличный от остальных и позволяющий представить детали литературной истории памятника. Текст О отличается книжным характером. Кратко повествуя о похождениях Димитрия, автор в нескольких местах вставляет поучения и назидания, неизвестные по другим спискам. Таковы упоминание о молитве Димитрия в лесу («нача молитися богу, глаголя: „Господи, согреших пред тобою, направи мя на стезю мою“» — л. 181), назидательное отступление при рассказе о пашне («аще бы еси Димитрии творил заповеди божия, то не бы тако страдал, сам себе размышляя, плакаше» — л. 182), покаяние Димитрия после побоев крестьянина. Несмотря на ряд поучений в тексте повести, заключительная мораль отсутствует: «Он же поиде в дом свой и нача веселитися, славя Христа бога нашего» (л. 183).

Список Б отличается использованием приемов устного рассказа, например: «А благоверный князь Димитрей заблудился на лесу, не ведает, куды выехать, и выехав на некую поляну» (стр. 57), и последовательным объяснением книжных и малопонятных для автора слов: «шкапу, сиречь жребя», «ударisha его по ланиде, сиречь по щеце» (стр. 58). Только в этом списке имеется чисто сказочная концовка повести, по которой царь после возвращения на престол «крестьянина прия к своему княжеству и к своему двору» (стр. 58). Вместе с тем оттенок поучительности и книжности сохраняется в списке Б благодаря употреблению устойчивых эпитетов: «душеполезна» повесть, «благоверный» князь Димитрий, и т. п.

Список И читается в сборнике старообрядческого происхождения, что повлияло на усиление поучительности в этом варианте. Здесь нет назидательных отступлений, характерных для списка О, но более последовательно, чем в варианте Б, употребляются эпитеты, создающие общую атмосферу поучительного повествования. В концовке повести к тексту,

⁹ См. рукопись ГБЛ, ф. 178, Музейное собр., № 3436, лл. 24 об.—31 об.

общему для всех трех списков («пойдох в дом свой, нача веселитися»), добавлено: «божие слово исполних и начат жить постническим житием» (л. 199 об.). Сочетание противоречивых действий — «нача веселитися» и «начат жить постническим житием» — свидетельствует о позднейшей вставке назидательного элемента.

Список *И* отличается и рассказом о блуждании царя в лесу. Вместо краткого упоминания («И не вкусив хлеба 3 дни и 3 нощи, и тако гладен бысть велми» — см. список *О*, л. 181) автор развертывает целую картину: царь «хождаше в лесу месяц и дней шесть, питахся былием и травюю, и гнилою колодою, моляся о согрешении своем» (л. 194 об.). Видоизменение и конкретизация чисто фольклорного оборота «3 дня и 3 нощи» носят в данном случае книжный характер: автор явно стремится подчеркнуть «ужасы» этого испытания, приближаясь к рассказам о жизни святых отшельников.

Многочисленные расхождения текстов, имеющих общую основу, можно объяснить, по-видимому, лишь тем, что повесть не только переписывалась, но и бытовала в устном пересказе. Более детальное решение вопроса о ее литературной истории требует дальнейшего исследования.

**«Выдание о добронравии» — древнерусская переработка
сочинения Яна Жабчыца «Polityka dworskie»
(из истории русско-польских литературных связей XVII в.)**

Когда в 1903 г. А. И. Соболевский опубликовал свой фундаментальный обзор переводных памятников XIV—XVII вв.,¹ оказалось, что значительная часть этого вдохновляющего перечня — переводы с польского, появившиеся в XVII в. Факты, уже известные, в частности, по работам А. Н. Пыпина и И. А. Шляпкина,² теперь были систематизированы и по крайней мере предварительно обработаны, так что получилась внушительная библиографически-фактографическая картина. А. И. Соболевский наглядно, хотя и эскизно, обрисовал размеры и значение переводческой деятельности для древнерусской письменности последних двух столетий ее существования; кроме того, определились роль и место польских текстов. При этом выяснилось (результаты исследования А. И. Соболевского в части, касающейся Польши, изложил в популярной форме, прокомментировал и иногда дополнил А. Брюкнер),³ что среди многочисленных польских памятников — как оригинальных, так и иноязычных в польских версиях, — попавших в XVII в. в русскую среду главным образом благодаря анонимным переводчикам, были не только литературные в собственном смысле слова произведения, но также сочинения научные, исторические, книги по домоводству, земледелию, астрономии, этике, религиозные тексты, справочники, словари и т. д. Наряду с повествовательно-беллетристической прозой особый интерес нового потребителя вызывали труды историков и мемуары, дидактические сочинения, в частности «прикладная этика» в таких текстах, как «Speculum magnum exemplorum», «Апофегмата» Беняша Будного и «Monita politico-moralia» Фредры.

В этой тематической группе нашлось место и для произведений Яна Жабчыца, писателя XVII в., автора стихотворных панегириков и прозанка-моралиста. Два его произведения вызвали живой интерес на Руси: «Czwartak nowy, w którym się wyrażają obyczaje ludziom rozmaitego stanu» (Краков, 1629) и «Polityka dworskie» (Краков, 1616). Их заглавия в рус-

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. — СОРЯС, т. LXXIV, № 1, СПб., 1903.

² А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. — Ученые записки Второго отделения Академии наук, кн. 4, СПб., 1858; И. А. Шляпкин. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891.

³ А. Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzystu. Szkic literacki. Lwów—Warszawa, 1906, стр. 40—70.

ском переводе переданы следующим образом: «Четвертак старый польский, или Зерцало, в нем же человек может прозреться» и «Выдание о добронравии».⁴

Обе книги представляют собой сборники морально-дидактических сентенций, афоризмов и максим, среди которых встречаются меткие, иногда остроумные бытовые зарисовки; здесь пропагандируются общеизвестные истины и «здоровая житейская философия». Ян Жабчыц, пользовавшийся в XVII в., как свидетельствуют многочисленные перепечатки, переработки и списки его сочинений, а также заимствования из них, большим успехом, опираясь на более ранние тексты этого рода. Не будучи особенно оригинальным, он тем не менее умел придать свежесть ходячим истинам — с помощью введения бытовых реалий, использования доступных и броских форм (стихотворных или ритмизованных афоризмов, эпиграмм, крылатых слов).⁵ Эти особенности писательской манеры Яна Жабчыца и обеспечили ему популярность. И названные книги, и другие его сочинения в глазах читателя примыкали к излюбленной традиции таких жанров, как «адагиум», пословица и поговорка. Автор обильно черпал из сокровищницы устного творчества; в свою очередь он дал материал для собирателей пословиц и составителей словарей.

Оказывается, и в России «прикладная этика» Яна Жабчыца усваивалась аналогичным образом. Большой интерес вызвала его книга «Polityka dworskie», древнерусская версия которой, получившая вполне уместное заглавие «Выдание о добронравии», заслуживает специального внимания историка древнерусской и древнепольской литературы. О популярности книги говорит тот факт, что известно пять ее списков конца XVII—начала XVIII в., отличающихся притом названиями.⁶ Работа исследователя облегчается тем, что «Выдание о добронравии» опубликовано (по одному списку) и проанализировано, хотя бы только в предварительном порядке.⁷ Оказалось, что ритмизованные афоризмы Яна Жабчыца попали между прочим в обширный морально-дидактический сборник, составленный между 1676 и 1695 гг., где они не только соседствуют, но и должным образом соотносятся с такими текстами, как статьи из «Римских деяний», различные притчи и поучения, религиозные и дидактические стихотворения, а также — и это для нас гораздо важнее — с баснями и биографией Эзопа, с оригинальными русскими пословицами, подобранными тщательно и со знанием дела.

Ученые, занимавшиеся сборником (И. Снегирев, Ф. Буслаев, П. Симо-ни), приписывали его составление либо Симеону Полоцкому и Кариону Истомину, либо известному противнику Симеона — чудовскому инокку Евфимию. Вопрос об атрибуции перевода «Polityk dworskich» (автор-компи-

⁴ А. И. Соболевский. Переводная литература..., стр. 177—178; A. Brückner. O literaturze gosijskiej..., стр. 65—68, 83; И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962, стр. 45, 365.

⁵ M. Piščzkowski. Pisma Jana Zabczyca. — Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie, dział I, t. V, z. 3, Lwów, 1937, стр. 62 и сл.

⁶ А. И. Соболевский. Переводная литература..., стр. 178, прим. 1. Один из списков озаглавлен «Перевод с польского письма с печатной тетради, именуемой „Политика дворска“ Яна Заптыцы о добронравии», другой — «Книга, глаголемая обычаев человеческих. Выписано из книги Яна Затина о добронравии человечестем, краткими речениями сладостне и zelo изящно изображено».

⁷ Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симо-ни. I—II. — СОРЯС, т. LXVI, № 7, СПб., 1898, стр. 21—47. Здесь опубликован текст, читающийся в сборнике Московского архива Министерства иностранных дел № 250, по старому каталогу № 455 («Выдание о добронравии» на лл. 314—320).

лятор сборника безусловно пользовался готовым переводом) остается открытым. Не ясны также отношения списков русской версии друг к другу и к польскому оригиналу. Цель предлагаемой статьи — сопоставление анонимного «Выдания о добронравии» с польским текстом; это облегчается тем обстоятельством, что П. Симони дал параллельную публикацию — и русской версии, и краковского издания 1630 г.

Древнерусский текст — не буквальная передача, но переработка оригинала. Первое издание книги Яна Жабчыца 1616 г. (экземпляр Библиотеки Чарторыйских, 38003₁) содержит только 126 афоризмов.⁸ Следовательно, если русский переводчик пользовался им, он перевел почти весь текст с незначительными сокращениями. Кроме того, в ряде случаев он произвел — более или менее удачно — контаминацию некоторых соседних афоризмов; в результате в русской версии их число сократилось до 118. Достаточно свободно обращаясь с оригиналом,⁹ переводчик тем не менее стремится сохранить столь характерную для Жабчыца форму «трехчленной аксиомы», которая складывается из трех особых элементов-посылок и обобщающего вывода — моральной сентенции, или «нравоописательной заметки»; нередко остроумная главная мысль выражается в афористической форме. Однако этот обобщающий вывод, в оригинале закрепляющий трехчленную исходную посылку, в русской версии трактуется как исходный постулат, который иллюстрируется трехчленным определением. Так, афоризму Жабчыца

Pan nie datny Gniewliwy Marny	}	Nie długo sługi zachowa
-------------------------------------	---	-------------------------

соответствует в переводе текст:

Слуга бегает:
от господина немилостиваго, сердитаго и скуднаго (стр. 32—33).¹⁰

Другой пример: у Жабчыца

Z klechy pleban Z chłopa pan Z niedołęgi żołnierz	}	Radzi góry wybijają.
---	---	----------------------

в переводе:

Непристойность:
Неученный попом; мужик господином; дурак воином (стр. 24—25).

Стремление сохранить афористическую форму оригинала поставило перед переводчиком трудную задачу. Обычные при всяком переводе затруднения в толковании текста, в передаче иноземных реалий, терминологии и идиоматики усугубляются здесь необходимостью сохранить ритмическую структуру, лаконизм и остроумие. Не раз переводчик был вынужден капитулировать перед трудностями, отказываться от перевода, изменить либо опускать наиболее сложные пассажи (см. польские афоризмы

⁸ Лишь более поздние издания были дополнены и расширены. П. Симони предложил ошибочную классификацию польского текста, искусственно выделив несколько новых афоризмов. На самом же деле тот комплекс, который был в руках русского переводчика, насчитывал всего 126 афоризмов. Для удобства мы, однако, оставляем нумерацию издателя.

⁹ Отметим, например, что в тексте «Выдания о добронравии», опубликованном П. Симони, некоторые фрагменты носят явные следы редактуры, в частности в промежутках между отдельными стихами и на полях. Возможно, это поправки и дополнения составителя сборника (ср. в издании П. Симони: Старинные сборники... стр. 38, 42, 44).

¹⁰ В скобках указаны страницы по изданию П. Симони.

под №№ 3, 36, 40—44, 104, 119); некоторые места он вообще не понял, так что отдельные афоризмы либо изменили смысл, либо вообще его утратили (ср. №№ 9, 20, 26, 27, 65, 68, 72, 78, 83, 84, 91 русской версии). Ошибки заметны и в передаче терминологии и реалий. Например, польское слово «fochu» переведено как «ествы» (№ 9), «gospada» — как «домостроительство» (№ 72), «uroda bez choty» — как «дорожный без искусства» (№ 94), «z czerstwości» — как «от изрядных слов» (№ 69). Следует, однако, подчеркнуть, что в русском тексте для передачи реалий и терминологии почти не используются полонизмы. Выражения типа «боронити» (№ 109), «чинитяся» (№ 81), «дгачь» (№ 96), «полевание» (№ 57) для языка той эпохи в разряд полонизмов зачислены быть не могут. К этой стилистической категории следует отнести слова «пивничий» (№ 106, «szafarz»), «належит» (№ 112), «финдриганция» (№ 118), «делен», «дельность» (№№ 5, 37), но их сравнительно немного.

Таким образом, древнерусская версия в основном сохраняет содержательно-тематические моменты афористики Жабчыца; в то же время — и это очень важно — переводчик пытается придать ей национальный колорит. Один из принципов его работы — устранение инонациональных реалий. «Ptusak w gadzie» превращается у него в «дурня» (№ 11), «Łotr masztelelagz» — в «конюха пьяницу» (№ 20); слово «gušnica» передано как «пищаль» (№ 62), «urzędnik» — как «прикащик» (№ 79), «hetman» — как «воевода» (№ 37); выражению «chować żyto na targ do Wisły» в русском тексте соответствует фраза «хлеб осмотрясь перед новым продавай» (№ 88). Лишь один раз переводчик проявляет непоследовательность, говоря о «жителе Речи Посполитой» (№ 53).

Стоит упомянуть также, что он выбрасывает ссылки и намеки на «девушек и женщин» («panien i białogłów»); «dobra myśl bez panien» у него переведено как «беседа без людей» (№ 10), «panna ochędostwem» — как «старик в красном наряде» (№ 12), «białogłowa nabożna» — как «человек молящийся» (№ 90). Афоризм 41—42 оригинала, содержащий не совсем пристойную параллель «białogłowa» — «koń» и проникнутый грубоватым юмором, в переводе вообще искажен. Зато в одном случае переводчик не только сохраняет, но и усиливает аналогичный афоризм, заменяя слово «żak» («школяр») в выражении «żaka do żony nie przutykaj» словом «чернец», который «у мудрой жены честь, у ласковой денег, у глупой что хочет выпросить может» (№ 74).

Главное достижение переводчика в том, что он, несмотря на отмеченные ошибки и трудности, сумел для большинства афоризмов найти или создать русские адекваты, переадресовав текст Жабчыца иной культурной среде, со своими обычаями и нравами. Можно умножить примеры и добросовестного, даже буквального перевода, и оригинальной творческой адаптации, когда, сохраняя основной смысл оригинала, переводчик предлагает иную словесную форму, которая в некоторых случаях создает больший эффект, чем польский текст (см. №№ 23, 24, 27, 35, 58, 62, 66—67, 70, 73, 76, 85, 87, 89, 99, 116 в издании Симони). Приведем для иллюстрации хотя бы два примера (№№ 89 и 99):

Должен всяк быти:

В церкви богобоязлив, в совете мудр, на коне яко воин, в беседе
как трезвал дева (стр. 40).

Путь продолжает:

Воз неисправной, возница пьяной, выезд с вечера (стр. 42).

Если учесть различные аспекты работы анонимного переводчика, то общая оценка его труда должна быть положительной. Ценность этого пере-

вода повышается также за счет его стиля — живого, пластичного, образного, отмеченного лапидарностью и чувством меры; это в особенности относится к афоризмам №№ 39, 70, 73, 79, 85, 89, 99. Следует отметить, что язык перевода — разговорный язык той поры, свободный от церковнославянизмов как в лексике, так и в грамматике. А. Брюкнер, который после поверхностного просмотра обратил внимание лишь на ошибки и неточности и объявил перевод убогой карикатурой,¹¹ был совершенно неправ.

По нашему мнению, древнерусская версия книги «*Polityka dworskie*» должна занять достойное место как в изучении литературного языка XVII в., так и в исследовании русско-польских литературных отношений этой эпохи.

---

¹¹ А. Брюкнер. *O literaturze rosyjskiej*. . . , стр. 68

Н. С. ДЕМКОВА

К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума

Автобиографическое повествование в Житии Аввакума возникает на стыке различных литературных явлений и процессов: отмечена связь Жития с традицией апостольских Деяний и Посланий,¹ с традицией автобиографического повествования в самой житийной литературе,² с тенденциями современного Житию литературного процесса — с открытием ценности человеческой личности, личностным характером литературы XVII в.,³ наконец, со специфическими условиями возникновения литературы старообрядчества.⁴

Для изучения истоков автобиографического повествования в Житии Аввакума важным является и вопрос об автобиографических элементах в сочинениях самого Аввакума до Жития, о возникновении идеи автобиографического повествования в его творчестве.

Обычно в качестве основных подготовительных этапов автобиографического повествования в Житии Аввакума упоминаются его устные беседы с друзьями, письма и челобитные, из большого числа которых в этом плане анализируется лишь первая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу 1664 г.⁵ Из поля зрения исследователей выпал целый жанр автобиографических записок Аввакума, хронологически предшествующих Житию и частично им в Житии использованных: это записка о жестокостях воеводы Пашкова, приложенная Аввакумом к первой челобитной 1664 г., записка об увещаниях Аввакума в Чудовом монастыре в 1667 г., записка о «первой» казни попа Лазаря, инока Елифания, дьяка Стефана

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Старообрядческая литература. — В кн.: История русской литературы под ред. В. А. Дегницкого и др., т. I, ч. 1. М., 1941, стр. 299.

² Serge A. Zenkovsky. Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie. — Die Welt der slaven, Jahrg. I. N. 3. Wiesbaden, 1956, стр. 276—290; см. также: Serge A. Zenkovsky. The confessor of Epiphany, a Muscovite visionary. — In: Studies in Russian and Polish Literature in Honour of Waclaw Lednicki. Gravenhage, 1962, стр. 46—71.

³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 157—161; В. Е. Гусев. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII в. — В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М., 1960, стр. 43—49; В. Кожин. Происхождение романа. М., 1963, стр. 229—252.

⁴ Serge A. Zenkovsky. Der Mönch Epifanij..., стр. 290—292; А. Н. Робинсон. Творчество Аввакума и Елифания, русских писателей XVII века. — В кн.: А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аввакума и Елифания. М., 1963, стр. 43—44.

⁵ В. Е. Гусев. Протопоп Аввакум Петров..., стр. 23, 31—32; А. П. Робинсон. Творчество Аввакума и Елифания..., стр. 50.

в Москве в том же 1667 г., записка о «второй» казни Лазаря, Феодора, Епифания в Пустозерске в 1670 г. и об исцелениях казненных (почти идентичная тексту Жития), записка о том, как постились пустозерские узники в 1671 г.; отметим, что некоторые из записок находятся в Пустозерском сборнике, рядом с автографом Жития (в частности, записка о посте).⁶

Записки Аввакума — особый тип повествования, возникший в силу тяготения старообрядческой литературы к документальности. Записки Аввакума о казнях и увещаниях по структуре напоминают ранний христианский мартирий, а по стилю — летописные записи: сообщаются точные даты, называются имена, последовательно описываются сами события. Например: «Июля в 5 день привезли в ночи от Николы с Угреши, и приезжали 3 архимарита дважды уговаривать. И во 8 день пригезждал (так!) в ночи Дементей Башмаков, уговаривати же» (стр. 703); или: «179-го году в великий пост протопоп Аввакум да поп Лазарь пищи не принимали» (стр. 719). Тот же тип изложения событий встречаем в записке «очевидца» о Пустозерской казни, частично использовавшего текст записки Аввакума: «178-го году, апреля в 14 день, на Фомины недели, в четверг, в Пустозерском остроге, по указу цареву, полуголова Иван Елагин взял ис тюрем. . .» (стр. 713). Цель этих записок — документально свидетельствовать о происшедших событиях, о жестокости «никониан» и мучениях приверженцев «старой веры». Отсюда точность, физиологический натурализм описаний: «Привели в тюрьму, и я, протопоп, щупал и гладил во рте: и не болит, и ныне гладко, и струпу не было. . .» (стр. 715). Такую же строгую документальность стиля обнаруживаем и в повествовании Жития о казнях, где эти отрывки выполняют подобную функцию — функцию свидетельства очевидца: «Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла. . . Посем взяли соловежьаго пустытника, инока схимника, Епифания старца, и язык вырезали весь же. . . Посем взяли дьякона Феодора, язык вырезали весь же, оставили кусочик небольшой во рте, в горле накость резан. . .» (стр. 63—64).

Документальность автобиографических записок Аввакума находит многочисленные соответствия в старообрядческой литературе записок, челобитных, «прений». Самая яркая параллель к аввакумовским текстам — «Вопрос и ответ» инока Авраамия (1670 г.), где богословский спор с властями («прение») обрамлен автобиографическим повествованием о заключении инока Авраамия под стражу и об учиненных допросах.⁷

Автобиографизм этой части старообрядческой литературы преследовал не только эмоциональную цель — вызвать сочувствие,⁸ но и цель историографическую: автор был очевидцем событий, мог точно зафиксировать происшедшее. Документальность автобиографических записок Аввакума и других деятелей старообрядчества — проявление своеобразного историзма этой литературы, и в стилистическом строе этих сочинений явно выступают черты летописного способа изложения (отрывки, приведенные

⁶ Записки изданы в кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. Л., 1927 (РИБ, т. 39), стр. 701—722 (далее страницы этого издания указываются в скобках в тексте). Цель настоящей заметки — лишь охарактеризовать этот вид автобиографического повествования Аввакума; вопрос о соотношении текста записок и Жития рассматривается в другой, подготавливаемой мною работе.

⁷ См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. И. Субботина Т. VII. М., 1885, стр. 386—416. См. также и другие подобные тексты, в частности «Прение верного инока с отступником» (издано мной, см.: ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 281—289) и письмо неизвестного старообрядца из заточения (1685 г.) (издано мной, см.: ТОДРА, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 481—483).

⁸ Serge A. Z e n k o v s k y. Der Mönch Epifanij. . ., стр. 290.

выше, напоминают фрагменты летописи). Идеи историзма, свойственные автобиографическому повествованию, в какой-то мере выражены и в формулировке Епифания, предпосланной Житию Аввакума: «Да не забвению предано будет дело божие» (стр. 1).⁹

Автобиографические записки Аввакума очень разнообразны по типам повествования. Одна часть их тяготеет к строго документальному изложению, отмеченному выше. В числе записок этого типа должна быть особо рассмотрена записка о том, как постились пустозерские узники в 1671 г. Специфическая тема записки развивается как подробное описание, как скрупулезный анализ состояния и поведения героя-автора: «В четверток же пятых недели поста начал трубу закрывать и упал на землю. Полежав, очюхнулся, встать не могу, а правило говорить время. Помыслив, воздохня, отмерил три ложки кваса и пять ложек воды, соединя вместо, выхлебал...» (стр. 721—722). Мельчайшие детали быта описываются с пристальным вниманием; в сознании человека, мир которого замкнут тесными границами земляной тюрьмы, они вырастают в события почти исторического значения.

Другая часть записок Аввакума — записка о «первой» казни и записка о последних увещаниях Аввакума в Чудовом монастыре (1667 г.) — свободна от суровой фактографичности документа и напоминает динамичные рассказы Жития. Причиной изменения типа автобиографического повествования является не эволюция стиля, как можно было бы подумать, а использование самой стихии устной речи героев в качестве сюжетного материала («Старец мне говорил: острота, острота телесного ума, да лихо упрямство! А се не умеет науки!» — стр. 704; «И ему стыдно стало, и противу тово всквозь зубов молвил: нам, де, с тобою не сообщно» — стр. 706; ср. стр. 707).

Записка Аввакума об Афанасии Пашкове, приложенная им к первой челобитной Алексею Михайловичу, казалось бы, несколько выпадает из ряда автобиографических фрагментов: содержанием ее является лишь перечень актов жестокости и произвола сибирского воеводы. Однако именно эта записка помогает лучше понять основные идеи и замысел автобиографической первой челобитной. Челобитная 1664 г. написана человеком, четко осознавшим свое место в развернувшейся церковной борьбе («А душа моя прияти ево новых законов беззаконных не хочет... мерзок он пред богом, Никон» — стр. 728). Своеобразие этой челобитной, требующей от царя «отложить... Никоновы затейки дурные» (стр. 729), заключается в том, что Аввакум включил в несомненно публицистический текст автобиографический материал — перечень своих «бед» и «напастей». Возможно, что непосредственным поводом к написанию автобиографических фрагментов в этой челобитной послужило чисто практическое требование рассказа о самом себе — челобитная Аввакума кончается просьбой о лич-

⁹ Известно, что начальный период возникновения старообрядчества выдвинул и своих «историографов». Так, деятель раннего старообрядчества игумен Феоктист собирал оригиналы и копии многочисленных старообрядческих сочинений; им была составлена «Записка о жизни протопопы Ивана Неронова с 1653 по 1659 год» — описание ссылки и бегства Ивана Неронова, созданное на основании автобиографических рассказов последнего (см.: *Материалы для истории раскола...*, т. I. М., 1874, стр. 134—166). Впоследствии, по-видимому, эту роль «историографа» стал выполнять инок Авраамий, собирая и систематизируя документы и сочинения первых лет старообрядчества в «Христианоопасном щите веры» (см.: *Материалы для истории раскола...*, т. VII. М., 1855, стр. 1—258). Специальные «исторические» описания казней старообрядцев и других событий, связанных с их деятельностью, принадлежат дьякону Федору, одному из пустозерских узников (см. его «Сказание об Аввакуме, Лазаре, Епифании», «Послание из Пустозерска сыну Максиму» и др.).

ном свидании с царем: «Свет-государь, пред человеки не могу тебе ничтож проговорити, но желаю на еди не светлоносное лице твое зрети и священполепных уст твоих глагол некий слышати мне на ползу, как мне жити» (стр. 730).¹⁰

Однако для анализа истоков автобиографизма у Аввакума важна не только эта внешняя, рассчитанная на адресата мотивировка. Аввакум выступает в своем рассказе как защитник «церкви божия» и государственных интересов. Аввакум не жалуется царю («не челобитьем тебе, государю . . . глаголю»), но «возвещает» ему, «како строится» в его «державе», «возвещает» о злоупотреблениях воеводы Пашкова, о тяготах «государевых служивых людей». Его личная судьба, судьба его семьи осознаются Аввакумом как часть и проявление общих процессов, происходящих в государстве, и это дает право Аввакуму на рассказ о самом себе, превращает автобиографическую, личную тему в факт общественного значения.

Именно этот общественный характер обращения Аввакума к царю поддерживается и усиливается его запиской об Афанасии Пашкове: записка Аввакума — перечень не личных обид Аввакума, а фактов антигосударственной деятельности воеводы, от которой «государеве казне напрасная проторь» (стр. 702), «государевым служивым людям» — «мўка» и напрасные казни.

Важно отметить и другое: челобитная и записка об Афанасии Пашкове составляли в автографе единый текст, и в композиции обращения к царю перечень «злодейств» Афанасия Пашкова дополнял и структурно уравновешивал рассказ о бедах Аввакума и мытарствах его семьи, придавая тем самым рассказу о личной судьбе Аввакума значение и силу бесспорного аргумента.

Таким образом, автобиографические записки Аввакума весьма интересны как существенный этап в формировании самой идеи автобиографического повествования, идеи общественной значимости автобиографической темы. По ним можно судить и о различных типах автобиографического повествования у Аввакума (один непосредственно связан со стилем документа, второй ориентируется на живую устную речь).

Автобиографическое повествование Аввакума связано и с другой линией его самовыражения — с кропотливым психологическим самоанализом. В этом отношении очень существенным сочинением Аввакума, к тому же хронологически непосредственно предшествующим Житию, является его «Послание братии на всем лице земном». Послание датируется началом 1670 г.,¹¹ это одно из первых «открытых» посланий Аввакума, обращенных к широкой аудитории единомышленников. В этом послании нет рассказов Аввакума о событиях из своей жизни, встречаются только отдельные бытовые детали, припоминания (например, Аввакум вспоминает о голубях: «Я их смолада держал, попович я, голубятник был» — стр. 775; и др.). Но тем не менее послание это непосредственно связано с развитием автобиографического повествования: большое место уделено в нем изображению личности Аввакума. Аввакум здесь, пользуясь его выражением, «обнажается душой» («А еще во мне такой нрав есть: как меня кто вели-

¹⁰ Именно так, например, поступил в свое время Афанасий Филиппович, добываясь в 1638 г. аудиенции у русского правительства: в форме послания царю Михаилу Федоровичу он описал историю и цели своего путешествия в Москву, и «после этого послания царю Филипповича приветливо и гостеприимно приняли в Посольской избе» (А. Коршунов. Афанасий Филиппович. Жизнь и творчество. Минск, 1965, стр. 41).

¹¹ П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. — В кн.: РИБ, т. 39, стр. LI.

чает и блажит, так я тово и люблю, а как меня кто обезчестил словом каким, так и любить ево не захотел» — стр. 777).

Если в принципе можно проследить возникновение и формирование идеи автобиографического повествования у Аввакума, потребности его самовыражения (здесь обращено внимание лишь на самые существенные факты), то сложнее обстоит дело с изучением художественной формы этого самовыражения. Первая челобитная лишь отдаленно, по фактическим сюжетам отдельных эпизодов напоминает Житие. Изложение ее сухоовато, концептивно.¹²

Иначе описывал Аввакум факты своего многотрудного бытия в письмах единомышленникам — Ивану Неронову (1653 г.), иноку Авраамию (1666 г.), Настасье Марковне (1666 г.). Здесь текст динамичный, экспрессивный, почти адекватный Житию: «У Николы на Угреше сежю в темной палате, весь обран и пояс снят со всяцем утверждением, и блюстители пред дверьми и внутрь полаты — полуголова со стрельцами. Иногда есть дают хлеб, а иногда и щи. Дети, бедные, к монастырю приезжают, а получить меня не могут: всяко крепко от страха, насилиу и домой уедут».¹³

Адресат Аввакума как будто определял собой тон, стиль и саму структуру авторского повествования. Нельзя сказать, что в письмах и посланиях Аввакума выработался именно тот художественный стиль, который он впоследствии использует в Житии. По самому типу художественного отражения действительности Житие отличается от эпистолярных произведений Аввакума. По-видимому, решающее воздействие на создание особой манеры автобиографического повествования в Житии Аввакума оказал не письменный опыт, а его собственные устные рассказы — материал, почти недоступный современному исследователю, и в этом главная трудность изучения истоков художественной формы Аввакумовой биографии. Но письма и послания Аввакума как раз и представляют интерес в этом плане частичным отражением его устной речи, отдельными элементами сказовой манеры, углубленным психоанализом, необычайной гибкостью формы. Именно эти приемы Аввакум использует впоследствии в автобиографическом повествовании Жития.

¹² Ср.: А. Н. Робинсон. Творчество Аввакума и Елифания..., стр. 59.

¹³ Письмо семье (1666 г.), цит. по кн.: Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960, стр. 218.

А. С. ДЕМИН

Для чего Аввакум написал первую челобитную?

Известно, что в первой челобитной, написанной в 1664 г., Аввакум пытался убедить царя Алексея Михайловича отменить никоновские реформы: «... время отложит служебники новые и все ево, Никоновы, затейки дурные! ... Потщися, государь, исторгнути злое ево и пагубное учение...»¹ После работ П. С. Смирнова и А. К. Бороздина это мнение о первой челобитной Аввакума общепринято в науке. Однако до сих пор не было обращено внимания на то, что не все в первой челобитной можно объяснить с этой точки зрения.

Только стремлением убедить царя вернуться к «прежнему благочестию» нельзя объяснить тот факт, что Аввакум включил в челобитную пространный рассказ «о своих бедах и напастях» — повествование о двадцатилетнем периоде своей жизни, примерно с 1644 г., когда молодого Аввакума поставили в попы в Нижегородском уезде, и до 1664 г., когда по царскому указу его вернули в Москву из сибирской ссылки. Большой рассказ Аввакума о его страданиях за «истинную веру», о том, как его били и истязали, как он с семьей мерз и голодал в Сибири, — рассказ, конечно, осуждающий Никона за жестокость, все-таки не имеет, на наш взгляд, прямого, непосредственного отношения к главной теме челобитной — убедить царя отказаться от церковных реформ Никона.

То, что рассказ Аввакума о своих бедах и напастях непосредственно не связан с главной целью челобитной, подтверждает сопоставление первой челобитной с другими старообрядческими челобитными 1600-х годов, авторы которых — Иван Неронов, Никита Пустосвят, Федор Иванов, соловецкие монахи, расколоучители Лазарь, Авраамий и др. — тоже старались, как и Аввакум, убедить царя отречься от никониан. Все они опираются в основном на догматические и богословские доводы, на разбор новопечатных книг, нововведений в церковной службе, — это делает и Аввакум, — но о себе и своих мучениях за веру они в отличие от Аввакума говорят очень мало или вообще не упоминают, обходясь без биографических сведений.

Между тем рассказ Аввакума о своих бедах и напастях занимает важное место в первой челобитной. Прежде всего, повествование о бедах необычно велико, охватывая больше половины текста всей челобитной. Аввакум, понимая, что рассказ непомерно велик, сопровождал его извинениями и оговорками. В начале рассказа Аввакум просит царя о долготерпеливом слушании: «Изволишь, государь, с долготерпением послушать, —

¹ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. Л., 1927 (РИБ, т. 39), столб. 729 (в дальнейшем тексте столбцы указываются в скобках).

пишет он, — и я тебе, свету, о своих бедах и напастях возведу немного» (стлб. 724—725). А в конце Аввакум снова напоминает о пространности своего рассказа, извиняясь за «долгоглаголение»: «Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю» (стлб. 728). Но понимая, что он «много глаголет», Аввакум предпочел лишний раз извиниться перед царем, но не сократить свой автобиографический рассказ.

Более того. Во вступительной части челобитной, где челобитчики обычно указывают основную тему изложения, Аввакум намечает не одну, а две самостоятельные темы своей челобитной, как бы колеблясь, с какой темы начать: «Государь наш свет! что ти возглаголю... свое ли смертносное житие возведу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?» (стлб. 723). Таким образом, свое «житие» Аввакум мыслил как самостоятельную тему наравне с темой церковного раскола; при этом автобиографическое повествование о бедах и напастях Аввакум сделал центральной частью, к которой все остальные, относительно небольшие части челобитной примыкают скорее в качестве вступления и заключения.

Итак, Аввакум, очевидно, придавал важное значение рассказу о своих бедах и напастях, но цель этого рассказа, к сожалению, остается для нас неясной.

Если обратиться к челобитным и посланиям царям XVII в., то видно, что авторы рассказывают о себе, как правило, в связи с какой-нибудь просьбой личного характера. Послания и челобитные царю, содержащие биографические сведения за более или менее крупный период жизни автора, можно разделить на две группы. В первую группу входят те послания и челобитные, главная тема которых не государственная, не общественная, а личная, даже узко личная, и связь между такой целью и приведением автобиографических данных очевидна.

Типичным является, например, случай, когда автор хочет быть пожалованным за многие свои тяготы на государственной службе и поэтому рассказывает о себе.² Довольно подробные биографические сведения могут приводиться в посланиях и челобитных царю, авторы которых хотят оправдаться в клевете, на них возведенной, или по какой-то причине желают изменить сложившееся о них мнение.³ Наконец, биографические данные приводятся в посланиях заключенных и ссыльных, просящих об освобождении из заточения, смягчении тюремного режима и пр.⁴ Отли-

² Ср., например, челобитные Федора Максимова 1657 г. о его службах на Амуре (ДАИ, т. 4, стр. 94—95), служилых людей Василия Бугра и Евсевия Павлова 1655 г. (там же, стр. 8—9), Г. И. Пустошкина после 1659 г. об отставке от службы (Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 3. СПб., 1884, стр. 479—480), соловецкого чернеца Матвея 1669 г. о мучениях, которые он претерпел от соловецких мятежников (Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 136). Ср. также письмо бывшего патриарха Никона, который в 1667 г., будучи сослан в Ферапонтов монастырь, описывал свою тяжелую жизнь и заключал: «И ныне се ли мне твое воздояние вместо моея работы? Яко пса состаревшаяся отрину и заключи, и подохну я, пищи лишен» (там же, стр. 102).

³ Ср., например, большой рассказ о своей жизни за 40-летний период в челобитной приказчика Ал. Фролова 1644 г., приведенный для опровержения клеветы, якобы он «поставлен в приказчики из пашенных крестьян»: «... а я, — пишет Фролов, — поставлен, холоп твой, из пуикарей» (ЧОИДР, 1909, кн. 4, отд. IV, стр. 7). Ср. также челобитную муромского архимандрита Антония середины 1660-х годов, который отвергает подозрение, будто он писал подметную челобитную царю (Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VIII. М., 1887, стр. 120—121).

⁴ Ср., например, жалобы заточенного строителя Воскресенского монастыря Аарона в челобитной 1663 г. (Н. Гиббене. Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. 2. СПб., 1884, стр. 636), а также письмо бывшего патриарха Никона о смягчении режима в Ферапонтовом монастыре 1671 г. (Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества, стр. 109, 115).

чительной особенностью всей этой группы челобитных, посланий и писем царям XVII в. является преобладание личной темы.

Но, по-видимому, в XVII в. возникает и новая разновидность посланий царям, в которых эта тема сочетается с более важной общественной, государственной темой. Особенно характерно это для старообрядческих челобитных и посланий царю, в которых вопросы о вере подавляют все остальное, и поэтому не всегда ясна роль вкрапленных сведений и рассказов авторов о себе.

Например, справщик Сенька Васильев в челобитной царю самого начала 1600-х годов подробно разбирает нововведения в печатных книгах. Эти разборы перемежаются автобиографическими замечаниями и отступлениями: «С сорок лет есьми убогой аз был у ваших государевых дел...», «а как был на вашей государеве службе в Сибири в Тобольску з бояры и воеводы, дьячишком две перемены 6 лет, и тамо будучи, не мало вам, великому государю, добра делал...» и т. п.⁵ Оказывается, перед нами знакомая ситуация: Сенька, осуждая никоневские изменения в церковных книгах, не забывает и о себе лично, стремясь опровергнуть возведенную на него клевету, что он недобросовестен и «грамматического учения будто не умеючи».⁶

То же сочетание общественной и личной тем наблюдается в челобитной Лазаря, посланной царю из Пустозерска в 1668 г. Кроме общественной, главной цели — обличить никониан, Лазарь имел и личную цель — оправдаться перед царем, так как он считал, что его оклеветали: «... меня ко тебе, царь, и в мир ложью огласили», «клеветаша на мя всяко ложно». Поэтому излагаются эпизоды из его жизни, показывающие его стойкость и правоту: «А мы держим святая книги и закон прародителей твоих... и аще мы таковыя держаще, и того ради мучимы есмы всяко и казними, в тесных темницах затворены, а хлеба дают нам по полутора фунта на сутки, да квасу нужна, — ей, ей, и псом болши сего метають! — а соли не дают; а одежишка нет же, ходим срамно и наго...» и пр.⁷ Интересно, что в дословно сходной челобитной Лазаря того же года, посланной патриарху Иосафу и посвященной только обличению никониан, но не личным оправданиям, биографических фактов уже нет.

Личная цель заметна и в челобитной Авраамия 1670 г. Хотя челобитная посвящена обличению никоневских реформ и содержит призывы к царю об «умирении» церкви, сюда вставлен живой эпизод о том, как митрополит Павел избивал Авраамия: «И Павел митрополит сего ради моего малого речения, яко зверь распыхался, и не усидел на месте своем, и пришед близ мене, взял мя левою своею рукою за бороду, правую же нача мя по ланитам бити, и збивши с меня на пол клобук, и камилавку, и мантию, и простовласа водя мя за бороду по полате».⁸ Введение подобного рода эпизодов в челобитную на общественную тему объясняется тем, что Авраамий, отличавшийся, как известно, крайним самомнением, намеревался представить себя перед царем страдальцем за веру, новым мучеником. Недаром в заглавии челобитной Авраамий так и назван: «Нового исповедника и страдальца Христова инока Авраамия» челобитная.⁹

⁵ Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862, стр. 34, 51—52.

⁶ Там же, стр. 13.

⁷ Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. IV. М., 1878, стр. 233, 264—265.

⁸ Там же, т. VII, 1885, стр. 267.

⁹ Там же, стр. 259, 261—262.

Аналогии, приведенные нами, позволяют думать, что и в первой челобитной Аввакума сплетаются две темы и что рассказ о бедах и напастях связан с какой-то личной целью Аввакума.

Однако обращение к самой челобитной Аввакума приводит нас к противоположному выводу. Между первой челобитной и посланиями и челобитными царю XVII в., содержащими биографические сведения, наблюдается важное для нас различие. Если авторы посланий и челобитных не скрывают, для чего они рассказывают о себе, не раз напоминают о причине этого, то Аввакум о цели своего необычно большого автобиографического рассказа упоминает довольно глухо.

Мы можем указать лишь на одну фразу в челобитной, в которой Аввакум, как можно предполагать, формулирует свою цель. В середине повествования о бедах и напастях Аввакум делает небольшое отступление: «Не челобитьем тебе, государю, ниже похвалою глаголю, — пишет протопоп, — да не буду безумен, истинну бо, по Апостолу, реку. Яко ты наш государь, благочестивый царь, а мы твои богомолцы: некому нам возвещат, како строится во твоей державе» (стлб. 726).

Итак, Аввакум считает, что, правдиво рассказывая о себе, каждый «государев богомолец», а в данном случае сам протопоп, «возвещает, како строится» в державе Алексея Михайловича. Рассказ о судьбе одного человека рассматривается как пример биографии, имеющей общественный интерес. Следовательно, в отличие от множества авторов челобитных и посланий царю Аввакум открыто не связывает автобиографический рассказ с какими-либо личными целями. Отсюда понятно, почему повествование о бедах и напастях, да и вся первая челобитная в целом, не содержит просьб личного характера.

К сожалению, повествование о бедах и напастях не дает ясных подтверждений и того, что Аввакум, рассказывая царю о себе, думал о биографии-примере, биографии общественно-типичной. Подобное отношение к своей биографии, новое для того времени, Аввакум открыто проявляет 8—9 годами позже, в знаменитом Житии. Что же касается одного из ранних дошедших произведений протопопа, первой челобитной, то цель рассказа Аввакума о себе — личная или общественная — остается неясно выраженной, в известной мере даже загадочной. Прояснению этого вопроса не способствуют и последующие редакции первой челобитной. В них опущены все высказывания и замечания, позволяющие судить о собственном отношении Аввакума к автобиографической теме в челобитной. Поэтому ответ на вопрос, для чего же Аввакум написал первую челобитную, мы пока не можем считать полностью выясненным.

Необходимо изучить литературные представления, порожденные расколом, в частности представления о толпе и личности, отразившиеся в писаниях раскольников. Ведь наряду с идеологическими и лично-жизненными мотивами, литературные, образные представления о мире были важным фактором в писательской деятельности раскольников, проявлялись у них более непосредственно и живо, чем, например, у «настоящих» писателей, вроде Симеона Полоцкого. В этом, быть может, и заключается основное значение русской старообрядческой литературы XVII в.

А. И. МАЗУНИН

Из комментария к Повести о боярыне Морозовой

Повесть о боярыне Морозовой — любопытное литературное произведение и важный исторический источник о событиях XVII в. Однако в Повести некоторые вопросы, связанные с биографией Морозовой, не получили достаточного освещения. Настоящая заметка является попыткой ответить на два вопроса, обойденные в Повести.

1. О годе рождения Ф. П. Морозовой

Феодосия (в иночестве Феодора) Прокопьевна Морозова, дочь московского дворянина П. Ф. Соковнина, была женой боярина Г. И. Морозова. Известно, что Г. И. Морозов уже в преклонном возрасте женился на Феодосии Прокопьевне вторым браком — его первой супругой была Авдотья Алексеевна, дочь князя Алексея Юрьевича Сицкого.¹ Это произошло, как установлено И. Е. Забелиным, в период между 1648 и 1654 гг.: в январе 1648 г. на свадьбе Алексея Михайловича с М. И. Милославской посаженной матерью у царя была еще Авдотья Алексеевна, а 12 февраля 1654 г. на родинном столе царевича Алексея Алексеевича женой Г. И. Морозова уже упоминается Феодосия Прокопьевна.² Автор Повести о Морозовой сообщает, что Феодосия Прокопьевна была выдана замуж 17 лет.³ А. Б. Лобанов-Ростовский, на основании неизвестных нам источников, годом выхода Морозовой замуж указывает 1649 г.,⁴ причем эта дата никем из исследователей не оспаривалась.

Следовательно, если принять дату А. Б. Лобанова-Ростовского, а она, на мой взгляд, близка к истине, и если принять во внимание, что Ф. П. Морозова была выдана замуж 17 лет в 1649 г., то годом ее рождения можно считать 1632 г.

Косвенное указание на возраст Ф. П. Морозовой можно встретить в сочинениях протопопа Аввакума. Хорошо знавший боярыню, Аввакум

¹ Н. Мятлев. О первой жене боярина Глеба Морозова. — Известия Русского генеалогического общества, вып. 2, СПб., 1903, стр. 85—88; РИБ, т. XXI, СПб., 1903, стр. 135.

² И. Е. Забелин. Домашний быт русских царств в XVI и XVII столетии. М., 1872, стр. 108—109.

³ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. И. Субботина. Т. VIII. М., 1887, стр. 145.

⁴ А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. II. Изд. 2-е. СПб., 1895, стр. 399.

приводит слова Морозовой, которая сама говорила ему: «Вдова-де я молодая после мужа своего, государя, осталась».⁵ Овдовела же Морозова, как известно, в 1662 г., т. е. в возрасте 30 лет.

2. Когда произошло знакомство Ф. П. Морозовой с протопопом Аввакумом?

Открытое выступление Ф. П. Морозовой в защиту идей старообрядчества относится ко времени вдовства боярыни, т. е. после 1662 г. Общественное и служебное положение мужа Морозовой боярина Глеба Ивановича Морозова, не позволяло допускать каких-либо проявлений открытого протеста против властей, даже если Морозова и при жизни мужа тайно сочувствовала старообрядчеству. Между тем автор Повести о Морозовой прямо связывает начало раскольнической активности боярыни с влиянием на нее Аввакума. В пространной, первоначальной редакции Повести о Морозовой прямо говорится о том, что Морозова «научена же бысть добродетельному житию и правым догматом . . . Аввакумом протопопом».⁶

Мы не располагаем данными, свидетельствующими о том, что Морозова была знакома с Аввакумом до его сибирской ссылки. Учить боярыню «добродетельному житию и правым догматом» Аввакум мог лишь после того, как она стала его духовной дочерью, что произошло после возвращения Аввакума из Сибири летом 1664 г. Об этом с полной определенностью можно говорить на основании свидетельства самого Аввакума. В письме к Ф. П. Морозовой Аввакум пишет: «Я детем своим велю Феодора любить — доброй он человек: прежде тебя я его знаю и давно мне сын духовной».⁷ С Федором-юродивым, о котором идет речь в письме, жившим одно время в доме Ф. П. Морозовой,⁸ Аввакум познакомился в Великом Устюге, по пути из Сибири в Москву весной 1664 г.⁹ Летом 1664 г. Аввакум живет в доме Морозовой в Москве: «понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна, дочь же моя».¹⁰

Таким образом, можно предполагать, что личное знакомство Аввакума с боярыней Морозовой произошло уже после сибирской ссылки протопопа. Конечно, Морозова была наслышана о нем гораздо раньше, бывая при царском дворе. Сестра царя Ирина Михайловна очень сочувствовала Аввакуму, посылала ему в Сибирь ризы, писала туда, хотя ее письма сибирского периода пока не найдены. Свидетельство Повести, что Морозова «научена добродетельному житию и правым догматом», следует отнести именно к лету 1664 г. К этому же периоду относятся и открытые выступления Морозовой против духовных и светских властей, вызвавшие сначала недовольство, а затем и репрессии против непокорной боярыни.

⁵ О трех исповедниках слово плачевное. — В кн.: Житие протопопа Аввакума. М., 1960, стр. 296

⁶ Материалы для истории раскола. . . , т. VIII, стр. 146.

⁷ Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества, СПб., 1912, стр. 39.

⁸ О трех исповедниках слово плачевное, стр. 297—298

⁹ Житие протопопа Аввакума. М., 1960, стр. 369.

¹⁰ Там же, стр. 92.

Н. А. ДВОРЕЦКАЯ

Из истории позднего сибирского летописания

И. И. Тыжнов, автор исследования о сибирском летописном своде конца XVII—начала XVIII в., писал: «... видно, что и на последней части труда нисколько не отразилась личность составителя. Правда, иногда можно заметить субъективное отношение составителя к событиям, но для ближайшего определения личности составителя нет никаких данных».¹

И. И. Тыжнов исследовал четыре списка этого свода, вошедшего в научную литературу под названием «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее». Только один список был известен И. И. Тыжнову в рукописи.² Остальные изучались им по изданию, оригиналы этих списков не обнаружены до сих пор. Автор статьи имел возможность убедиться, что, вопреки мнению Н. Я. Новомбергского,³ рукопись из коллекции Е. Ф. Аша (Геттингенский университет),⁴ не тождественна с изданным в «Древней российской вивлиофике» списком «Описания о поставлении...».⁵ Тем самым подтверждается мнение А. И. Андреева, считавшего Геттингенский список копией Академического (БАН, 16.8.6).⁶

В настоящее время известно около тридцати списков «Описания». А. И. Андреев, посвятивший этому памятнику две главы своей монографии по источниковедению Сибири XVII—XVIII вв., установил наличие нескольких его редакций (Академической, Головинской и Карамзинской). А. И. Андреев отметил, однако, что «сравнительное изучение списков — задача специального исследования».⁷

¹ И. И. Тыжнов. Заметки о городских летописях Сибири. СПб., 1898, стр. 77.

² «Книга записная» — самая ранняя по времени (1687 г.) редакция «Описания о поставлении...» — в настоящее время находится в научной библиотеке Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. К сожалению, автор статьи мог ознакомиться лишь с копией рукописи, снятой в XIX в. Н. А. Абрамовым и хранящейся в Тобольском государственном историко-архивном музее-заповеднике. Автор приносит глубокую благодарность директору музея В. Н. Трофимовой, предоставившей возможность изучить рукопись, и Е. И. Дергачевой-Скоп, указавшей ее местонахождение.

³ Н. Я. Новомбергский. В поисках за материалами по истории Сибири. СПб., 1906, стр. 2—7.

⁴ Геттингенская университетская библиотека, собр. Аша, № 164. См.: W. Meuser. Verzeichniss der Handschriften in Preussischen Staate, Bd. III. Berlin, 1893, стр. 60. В 1965 г. мы имели возможность ознакомиться с микрофильмом Геттингенского списка.

⁵ Древняя российская вивлиофика, ч. III. М., 1788, стр. 104—279.

⁶ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII век. М.—Л., 1960, стр. 235.

⁷ Там же, стр. 239.

Проделанное нами изучение ряда списков позволило раскрыть имена лиц, причастных к появлению некоторых редакций рассматриваемого летописного свода. Остановимся на одном из списков Головинской редакции.

При издании «Сибирских летописей»⁸ В. В. Майков обратил внимание на рукопись, принадлежавшую (по записи на ее первом листе) видному боярину XVII в. Михаилу Петровичу Головину.⁹ В. В. Майков предположил, что рукопись написана была по желанию брата М. П. Головина тобольского воеводы Алексея Петровича.¹⁰ Однако издатели из всей рукописи использовали при издании лишь краткую повесть о взятии Сибири, и в дальнейшем этот любопытный сборник выпал из поля зрения исследователей Сибирских летописей. Рукопись, относящаяся к концу XVII в., состоит из целого комплекса источников по истории Сибири, причем каждый из них представляет особый вариант. Здесь мы находим следующие произведения: особый вид краткой повести о взятии Сибири,¹¹ особую редакцию росписи к чертежу Сибири 1667 г.,¹² особую редакцию Есиповской распространенной летописи,¹³ наконец, особую редакцию «Описания» под названием «Книга, сколько в Сибири в Тобольском и во всех сибирских городех и острогах с начала взятия атамана Ермака Тимофеева, в котором году и кто имяны бояр и окольных и стольников и стряпчих и воевод и дьяков и письменных голов и с приписью подьячих бывало».¹⁴ «Описание» окапчивается 1689 г.¹⁵ — годом смерти М. П. Головина.¹⁶ Существует определенная связь между появлением этой редакции «Описания» и деятельностью тобольского воеводы А. П. Головина. Именно события 1686—1689 гг. (т. е. период пребывания Алексея Петровича на воеводстве¹⁷) изложены с подробностью, которой мы не найдем больше ни в одной из других редакций «Описания». Деятельности воеводы по управлению Сибирью и строительству Тобольска уделено самое большое внимание. Так, в тексте упоминается несколько царских грамот А. П. Головину, с указами о наказании воевод сибирских городов, не выполнявших распоряжений тобольского воеводы и его сына — «великого полномочного посла в Дауры» Ф. А. Головина.¹⁸ Отмечена не одна, как во всех прочих редакциях, а две «милостивые» грамоты с похвалою «великих государей» А. П. и Ф. А. Головиным за «многую радетьельную службу».¹⁹

В тексте упомянуты многие мелкие подробности. Так, гонец приезжает с грамотой «марта в 10 день, в третьем часу ночи в первой четверти»; после сведений о подаче грамоты воеводе в приказной палате приедем

⁸ Отметим, что «Описание», наиболее ярко выраженная «летопись» из всех других летописных сибирских произведений, не вошло в это издание.

⁹ ГБЛ, собрание Московской духовной академии, № 141 (далее: МДА, № 141).

¹⁰ Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. XXX—XXXIV.

¹¹ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, стр. 243.

¹² Б. П. Полевой. О печатном чертеже Сибири 1667 г. — В кн.: Сибирский географический сборник. М., 1963, стр. 255—257. Автор рассматривает копию рукописи Головина, находящуюся в ГПБ, в Эрмитажном собрании.

¹³ Н. А. Дворецкая. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. — ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 475.

¹⁴ МДА, № 141, л. 60.

¹⁵ В Головинском списке указан 7198 г.; следует считать, что речь идет о событиях сентября—декабря 1689 г. В 1690 г. А. П. Головин был на воеводстве менее двух месяцев, так как уже в начале февраля выехал в Москву.

¹⁶ П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. III. СПб., 1856, стр. 107.

¹⁷ С. У. Ремезов в «Служебной чертежной книге» определяет даты воеводства А. П. Головина с 21 мая 1686 г. по 20 февраля 1690 г. (ГПБ, Эрмитажное собрание, № 237, л. 9).

¹⁸ МДА, № 141, лл. 157, 158, 159 об., 175

¹⁹ Там же, л. 173 об.

из Москвы полковником Иваном Исаевым, сыном Скрипицыным, добавлено, что А. П. Головин «на государской милости бил челом и ево Ивана дарил».²⁰ Под 1688 г. рассказывается о постройке воеводой церкви Петра и Павла на месте сгоревшей. «И в той церкви . . . и пелены и покровы праздничные и повсядневные и всякую церковную утварь приложил он же, боярин и воевода Алексей Петрович».²¹ Под этим же годом помещено известие о строительстве в Тобольске по приказу воеводы трех мостов через реку Курдюмку (отметит любопытное добавление — один из мостов шел к церкви, «а строил тое церковь отставной пеший казак Иван Родионов»)²² Немаловажное значение имеет вставленное в текст летописи подробное описание строительства земляного вала вокруг Тобольска в 1688 г. Это описание, обнаруженное нами сначала в Эрмитажном списке,²³ стало уже достоянием науки. Оно дало возможность исследователю истории архитектуры в Сибири В. И. Кочедамову выяснить остававшиеся ранее неизвестными подробности строительства города Тобольска.²⁴

Работа составителя видна также в сокращении ряда известий, касающихся церковной жизни Сибири; даже в заглавии «Описания» нет обычного для всех прочих редакций упоминания тобольских архиепископов и митрополитов.

Итак, перед нами редакция «Описания», возникающая при воеводе А. П. Головине. Это не единственный случай участия воевод в летописании Сибири. О том же свидетельствует список ГПБ из собрания Погодина № 1491. Из шести списков «Описания», имеющего, по определению А. И. Андреева, томское происхождение,²⁵ Погодинский список самый ранний по времени. На л. 1 он имеет запись 1708 г. о принадлежности рукописи Лаврентию: «Libre Lawrentiu (!)». На нижней крышке переплета имеется другая запись: «Сия книга Василия Лаврентьева сына Петрово-Соловова. . .». Следовательно, рукопись принадлежала Лаврентию Петрово-Соловова, сыну и «товарищу» томского воеводы 1699—1707 гг. Григория Михайловича. Сопоставив тот факт, что все списки «Описания» этой редакции оканчиваются 1705 г. и что во всех них есть послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. и перечень томских воевод по 1699 г., с владельческими записями на рукописи собрания Погодина № 1491, можно предположить, что к созданию этой редакции «Описания» были причастны томские воеводы Г. М. и Л. Г. Петрово-Соловова.

²⁰ Там же, л. 177.

²¹ Там же, л. 171—171 об.

²² Там же, л. 176.

²³ Список «Описания» из Эрмитажного собрания № 376 является копией списка ГБЛ, МДА, № 141, сделанной в 1791 г. для Екатерины II.

²⁴ В. И. Кочедамов. Тобольск. (Как рос и строился город). Тюмень, 1963, стр. 21—24.

²⁵ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, стр. 239.

И. А. ИВАНОВА

Летописные сведения об иконе «Богоматерь Тихвинская»

В истории древнерусского искусства часто встречается иконографический тип Богоматери Тихвинской, ставший особо почитаемой иконой как в северных и центральных районах России, так и в Грузии. Исследование исторического материала об этой иконе, летописных сведений о ее явлении даст возможность ближе подойти к совсем еще мало изученной теме, связанной с возникновением иконографии этого своеобразного типа Богоматери Одигитрии и его утверждения в древнерусском искусстве. Развитие культа Богоматери Тихвинской, периоды его подъема и спада позволят увидеть, насколько тесно переплетался интерес к этой теме с историческими, общественными вопросами своего времени.

Летописных записей о явлении Тихвинской иконы сохранилось немного.

Наиболее подробный рассказ встречаем в Патриаршей, или Никоновской, и в Воскресенской летописях.¹ Они относят появление иконы Богоматери Тихвинской к 1383 г. Тексты Патриаршей и Воскресенской летописей тождественны. Оба они помещены под 1383 г. и заканчиваются событиями 1390 г. Различия чисто литературного характера не меняют основного смысла содержания. В обеих записях Тихвинская икона именуется «Одигитрией» и о ней говорится как о хорошо и давно известной иконе, «иже есть ныне на Тихвине». Ее первое явление связывается с рекою Оятью, с селением Выченицы, затем с местностью Кожел и с Куковой горой, после чего она уже появляется на Тихвине над рекою. Этот краткий путь перемещения иконы весьма отличается от того усложненного пути, который впоследствии представится в сказаниях о Тихвинской иконе, где многими подробностями будет сопровождаться ее «светозарное шествие».

Ни в один летописный текст не вошли те сведения о Тихвинской иконе, которые появляются уже в ранних сказаниях первой половины XVI в., где сообщается о постройке после пожара в 1395 г. третьей деревянной церкви на Тихвине.² Это дает возможность определить время, когда могла появиться в древней летописи запись о явлении иконы на Тихвине. По всей вероятности, это был период между 1390 и 1395 гг. Появление этой записи в летописях можно связать с усилившимся во второй половине XIV в. интересом к иконам «Одигитрии», которые получают большое распространение и по-своему осмысляются иконописцами. Именно в этот период ярко проявляется глубоконациональное понимание этого образа «Одигитрии, сиречь наставницы», композиции строгой и торжественной, в которой в сложном единстве предстают чувства безграничной материн-

¹ ПСРА, т. XI—XII, М., 1965, стр. 83; т. VII, СПб., 1859, стр. 48.

² ГБЛ, ф. 304, № 188, лл. 242—244.

ской любви, подчинившейся идее долга, и высокого нравственного служения.

Русские паломники, посещавшие Византию в XIV в., проявляют самое пристальное внимание к этой цареградской святыне. Здесь нельзя не вспомнить красочный рассказ Стефана Новгородца, подробно описавшего икону «Одигитрии», написанную, по преданию, Лукою. И как наиболее действенное свидетельство особого почитания этого образа является заказ Дионисия Суздальского в Царьграде двух икон «Одигитрии» «в ту же меру и в должину и в ширину» — для Нижнего Новгорода и для города Суздаля. Можно в связи с этим предположить, что внимание Дионисия Суздальского к Новгороду и его приезд в 1382 г. не прошли бесследно для данного края. Вполне возможно, что сам акт явления образа «Одигитрии» в Обонежской пятине связан именно с этим. Епископ Дионисий прибыл в Новгород «от преосвященного патриарха Нила вселенского с благословением и с грамотами»,³ предполагая остаться при архиепископе Алексее Новгородском.⁴ Известно также по Никоновской летописи, что епископом Дионисием были привезены на Русь «кресты и иконы чудны зело с мощми».⁵ Поскольку в Древний Летописец, составляющий часть Патриаршей летописи, входит материал XV в., можно предположить, что именно в такой общей форме сохранялись сведения о Тихвинской иконе на протяжении всего XV в., не получая особого развития. И только с началом деятельности архиепископа Серапиона Новгородского, с 1506 г., они начинают приобретать иное значение.

Едва ли икона Богоматери Тихвинской была бы так возвеличена, если бы не активная роль в утверждении ее культа Серапиона Новгородского. Непосредственное участие Серапиона в закладке первой каменной церкви на Тихвине,⁶ его внимание к культу Богоматери вообще и стремление украсить иконами новгородские церкви,⁷ а также историческая широта «Сказаний о Тихвинской иконе», которые появляются в это время, позволяют видеть в лице Серапиона деятеля, способствовавшего проявлению интереса к местным, новгородским святыням. Таким образом, предположение Ф. И. Буслаева находит все более историческое подтверждение и обоснование.⁸ Здесь также хочется напомнить, что в Троице-Сергиевском монастыре, где Серапион был игуменом до 1506 г., находился список сказания XIV в. о Лидской богородице, культ которой на Руси был впоследствии вытеснен культом Тихвинской иконы, а день почитания Лидской богородицы (26 июня) совпал с днем празднования Тихвинской Одигитрии.⁹ По всей вероятности, Серапионом Новгородским было учтено это сказание при разработке культа Тихвинской иконы. То, что жило в устных рассказах, преданиях, те сведения, которые сохранили летописи, — все обрело теперь законченность и вышло в своей ориентации далеко за пределы этого края.

Период с 1506 по 1509 г. — это время утверждения культа Тихвинской Одигитрии, которая именно с этого времени и стала называться Тихвинской. То, что культ Тихвинской богородицы начинает утверждаться только в начале XVI в., подтверждается также и изобразительным материалом.

³ ПСРА, т. XI- XII, стр. 70.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 71.

⁶ ПСРА, т. IV, ч. 1, вып. III, Л., 1929, стр. 612.

⁷ ПСРА, т. III, СПб., 1841, стр. 244—245.

⁸ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, СПб., 1861, стр. 276—277.

⁹ С. Кулаковский. Состав сказания о чудесах иконы богородицы «Римляныни». — Сборник в честь А. И. Соболевского, Л., 1928, стр. 470.

Здесь имеются в виду две иконы «Одигитрии», которые находятся в собрании Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева.¹⁰ При реставрации их обнаружены на фоне первоначальные надписи, в обоих случаях называющие изображенную Богоматерь «Тихвинской». Однако по иконографии эти образы еще не могут быть отнесены к Тихвинской иконе, имеющей определенные особенности не только в позе Богоматери, но и в посадке младенца Христа, представленном так, что одна его нога (правая) обращена подошвой к зрителю.¹¹ Эта путаница иконографических типов является следствием неопределенности типа Тихвинской Богоматери во второй половине XV в. Существенно то, что зеленофонная «Богоматерь Тихвинская»,¹² являющаяся точной копией с прославленного образа XIV в., не имеет надписи, обозначающей, что она Тихвинская. Это еще больше подтверждает, что появившаяся в 1383 г. близ города Тихвина икона стала широко известна только к началу XVI в.

Историческая конкретность, с какой повествуется о Тихвинской иконе в летописях, появление и развитие ее культа с конца XIV по начало XVI в. свидетельствуют о том, что при дальнейшем исследовании этого вопроса появятся новые данные, в которых найдут отражение многие стороны общественной и культурной жизни русского народа.

¹⁰ Две иконы «Одигитрии» из г. Дмитрова — второй половины XV в., инв. № 170, и конца XV в., инв. № 284.

¹¹ И. А. Иванова. Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери». — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 419.

¹² Богоматерь Тихвинская конца XV в. из г. Дмитрова. Музей им. Андрея Рублева, инв. № 285.

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ

Басня Эзопа «О леве и волке» в русских переделках XVII в

Басни Эзопа, переведенные на Руси с греческого в начале XVII в. переводчиком Посольского приказа Федором Гозвинским, обрели русскую рукописную традицию в сборниках XVII—XVIII вв. Некоторые из них, получив самостоятельное существование, встречаются в рукописях вне корпуса перевода Гозвинского, включаются в тексты других произведений, подвергаются переделкам.¹ Отрываясь от дидактического корпуса, они теряют правоучительный характер и приобретают социальное значение.

В ряду фабул, получивших самостоятельную жизнь, любопытна история басни о леве, волке и лисице, три переделки которой известны по рукописям XVII—XVIII вв. Басня эта претерпела изменения еще в составе списков перевода Гозвинского. Третья ее редакция приспособляется к русским повествовательным вкусам² — появляются повтор и традиционный мотив послания. Две переделки из трех сохраняют эти элементы, восходя к 3-й редакции басни. Одна из переделок, более лаконичная, ближе к старшим редакциям перевода Гозвинского.

В рукописи XVII в. из Новоспасского собрания эта переделка находится после отрывков из Физиолога. Вот текст переделки:

«О звери лве. Царь всем зверем лев и разболелся. Приидоша к нему все звери посети его. Волк же клеветаше на лисицу, поносящи ся за прежния обиды, оманки ея.

В той час приид лисица. Лев же гневно рече лисице: „Где еси была, не пришла семо преже сего?“. Она же рече: „По врачам, господине, ходила и спрашивала о тебе. И рскоша ми врачи: аще еси с живаго волка кожа одрати и воздети на лва, ъ будет здрав, не имать умрети“.

Лев же повеле медведю волка одрати и воздети на ся кожу его. Лисица ж скакаше, смеяся волку, глаголя: „Волче, зри же, лутчи было о себе переговаривати, а не о друге“.

Тако ж творят лицемерни челоvenceы: на друга зло думает, сам в то зло впадает».³

¹ См.: Р. Б. Тарковский. Басня в России XVII—начала XVIII века. — Научные доклады высшей школы, Филологические науки, М., 1966, № 3, стр. 103; М. А. Салмина. «О причинах гибели царств» — сочинение начала XVII века. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 348—349.

² О переводе Гозвинского и его повествовательно-стилистическом приспособлении в последующих редакциях см.: Р. Б. Тарковский. «Притчи или баснословие Эзопа Фриги» в списках XVII—начала XVIII века, Л., 1969.

³ ГИМ, Новоспасское собр., № XVIII, лл. 229 об—230. См.: И. Попов. Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, вып. I. Новоспасское собрание. М., 6 г., стр. 111. Копия этого текста мне любезно прислана Л. М. Костюхиной.

В басню вводится новый персонаж — медведь, что сближает ее с русскими сказками о животных; однако сохраняются еще жанровая форма басни и ее традиционная мораль.

В русском сборнике, созданном в 1676 г. в монастыре Саввы Звенигородского, также вместе с притчами типа Физиолога находится вторая переделка басни:

«Слово от вадящих ко князю на друга. Разболелся лютый зверь, и придоша вси зверие земнии. Токмо одна лисица не пришла посетити царя своего. И навади на ю волк, на лисицу, к лютому зверю. И посла по ю царь лютого слугу, да привлечет ю, бия без милости. Хотя волк лисици зло сотворити, а над собою не ведает, что самому будет тогда.

Посла царь по лисицу лютого слугу, и привлекоша ю ко царю, бьюше лисицу без милости. Рече к ней царь лютый зверь: „Ты, лукавая лисица. Все зверие тешючи пришли посетити мене, токмо ты одна не пришла, кого ся иного боишь. А яз вижу ныне на собе люту казнь“. И рече лисица царю: „Господине царю, того ради есми умедляла, рыскала есми по всей земли, ищучи зелия, абы чим тебе, царю, помочи, от болезни тебе избавити, и не обрела есми нигде же. Токмо обретох едину бабу. Того ся доворожила: у жива волка кожу одрати и обвити главу болящего, в тот час будет здрав больной“.

И начаша у живого волка кожу драти, распенши. И волк вопия глаголет: „О горе, братия. Не примолвлийтесь друг на друга князю. Видите на мне лютую казнь, а потом злую смерть“.

Тако ж и тем есть уготовано, кто примолвляет друг на друга ко князю, zde погибнет без наследка, душа его по смерти во аде будет во веки веком, аминь».⁴

Текст носит явные следы монастырской обработки. Царь-лев заменен более абстрактным «лютым зверем», за лисицей посылают «лютого слугу», а не какого-то определенного зверя; заметно и религиозное звучание морали, главное внимание которой обращено на гибель души, уготованную доносчикам. Эти черты, как и стоящие в заглавии «Слово» и заключительное «аминь», сближают вторую переделку с жанром проповеди. В то же время в ней появляется и политический мотив: нельзя «шаводить» «друг на друга ко князю».

Наиболее интересна из всех переделок третья, известная по списку из сборника Ф. И. Буслаева. Сборник этот, подаренный в 1859 г. Ф. И. Буслаеву студентом Московского университета П. Ф. Истриным, замечателен по своему содержанию.⁵ Переделка эзоповской басни окружена в нем произведениями, принадлежащими к жанру русской демократической сатиры, помещена рядом с «Повестью о Ерше Ершовиче», со «Списком с челобитной судье-свинье», с «Росписью о приданом».

Под непосредственным влиянием, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, формы судебного делопроизводства Ерша Ершовича переделка эта получила название: «Список суднаго дела, как тягался волк с лисицею». Ниже приводим ее текст:

⁴ И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Еще два сборника старого русского письма в Копенгагенской библиотеке. — Записки имп. Академии наук, т. 24, 1874, № 4, Приложение, стр. 367—368.

⁵ Характеристику сборника см.: И. А. Бычков. Каталог собраний рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897. № 92, стр. 291—298; Русские былины старой и новой записи. М., 1894, стр. 71—72; М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963, стр. 30—31.

«Бысть в некоторой Палестине у лва заболит голова великою болезнию. Тогда вси зверие стекошася ко лву на посещение. Одна лисица не притекла на болезнь лву, понеже бо лев пишетца царь всем зверям.

И во сто девяностом 7 году, генваря в 21 день бысть у волка с лисицею великая недружба. И нача волк царю своему лву наносити на лисицу, как бы ему недружба своя отомстити. И рече волк: „Пречестнейши зверю царю лве, услыши мою болезнь, — вси звери стекошася, одна лисица не притекла на посещение“. Царь-лев, не зная недружбы волка с лисицею, и повеле лисицу перед себя поставить, и послал пристава косова заца.

Заец пошел по лисицу и обрете лисицу. Лисица же ему взмолища и дает ему откуп велик. Заец рече: „Милая моя жена лисица, не бойся волка исца, поди ты скажи, будто ходила за врачами“. И лисица заца послушала и поиде пред царя своего.

Царь же лев на нее гневен ста. И рече ему лисица пред лицом ево: „Я ходила за врачами, уведав твою великую болезнь“. И рече царь лев к лисице: „Что врачеве сказаша о моей болезни?“. И рече ему лисица с великою лихостию и лукавством: „Врачеве сказаша, что жива волка убить и кожу с него снять и главу твою кожею обвить, и то будет главе твоей здравие“.

И царь-лев убил волька, и сня с него кожу, и главу свою обвил, облечения не бысть. И тако бысть лисица рада, что избьыла недруга своего волка. Конец тетърати сей».

На соседнем листе приписка: «Лисица лукавая зверь».⁶

В «Судном деле» басенные черты утрачиваются, в нем нет сентенции, и это допускает произвольное толкование сюжета. Как видим, в читательском комментарии вместо осуждения волка упрек сделан лисице. Это характерно не для басни с ее четкой определенностью сентенции, а для произведений демократической сатиры, в которых «отношение автора к герою иногда становится двойственным, противоречивым».⁷

Из всех произведений демократической сатиры «Список суднаго дела, как тягался волк с лисицею» ближе всего к «Повести о Ерше Ершовиче». В него включена дата, рассказ ведется в виде суднаго дела, за лисицей посылают пристава зайца, волк назван истцом. Однако этими деталями соприкосновение «Суднаго дела» с судебной практикой и формой делового документа ограничивается, в то время как в «Повести о Ерше Ершовиче» форма и формулы документа воспроизведены несравненно полнее. Возможно, форма делового документа пришла к басне не прямо из деловой практики, а через использование ее в произведениях жанра демократической сатиры. И все-таки сближение еще одного произведения с деловой письменностью не случайно. На протяжении XVII в. идет широкая беллетризация документа, деловая письменность проникает в литературу, создаются произведения в форме делового документа, и, наконец, эта форма отчасти захватывает и исконно беллетристические жанры.

Античная басня, появившись в русской литературе XVII в., была на Руси новым жанром и так или иначе приспособлялась к русским повествовательно-стилистическим традициям. В нашем случае она преобразуется в произведение, близкое к демократической сатире (также новому для русской литературы жанру). Жанровая метаморфоза сюжетов как

⁶ ГПБ, собр. Бусласва, № 92 (О.ХVII.57), лл. 283—286. Список опубликован В. П. Адриановой-Перетц в «Комментариях» к «Повести о Ерше Ершовиче» (Русская демократическая сатира XVII в. М.—Л., 1954, стр. 225).

⁷ Русская демократическая сатира XVII в., стр. 174.

«Судного дела», так и «Повести о Ерше Ершовиче» на этом не останавливается. Оба сюжета известны и в сказке.⁸

Дата, имеющаяся в «Списке судного дела, как тягался волк с лисицею» в том виде, как она написана в рукописи («во сто девяносто МЗ году»), прочитана быть не может. Предположив здесь опisku, предлагаем прочесть ее «во сто девяностом 7-м году», что дает нам 1689 год, известный бурными событиями внутривосточной борьбы, падением правления Софьи и началом самостоятельного царствования Петра I. Приуроченная к этому году, полному политических заговоров и интриг, ознаменованному гибелью крупных политических деятелей, переделка эзоповской басни приобретает особое социальное звучание.

---

⁸ См.: Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, стр. 17, № 50; стр. 24, № 254.

Р. Б. ТАРКОВСКИЙ

«Зрелище жития человеческого»

«Зрелище»¹ перевел Андрей Андреевич Виниус (1641—1717). Перевод выполнен по возвращении Виниуса из посольства во Францию, Испанию и Англию, куда он был послан с предложением союза против турок, напавших на польскую Украину. Возможно, что тогда же Виниус и приобрел тот иноязычный оригинал «Зрелища», о котором сообщает лишь, что он был немецким.

Поиски оригинала приводят к интереснейшему пражскому изданию П. Сессе — «Theatrum Morum»,² составленному и великолепно гравированному Саделером (G. Sadeleer, 1570—1629) и включавшему 139 стихотворных басен с сентенциями и прозаическими примерами, или «прилогами», как называет их Виниус.

Сюжеты басен традиционны, две трети из них принадлежат Эзопу. Их стихотворный пересказ обобщен, лаконически сжат, и не стихи, а истолкование фабул и особенно прилоги определяют «Theatrum Morum».

При нескольких притчах прилоги почерпнуты из книг Библии. В остальных случаях это свидетельства или сообщения античных и средневековых писателей и анналистов, от V в. до н. э. до половины XVI в. Впрочем, памятники собственно литературного порядка (Марциал, Сенека) или сборники полусторических анекдотов (Валерий Максим, Атеней, Клавдий Элиан, Диоген Лаэртский) используются не часто. Основная же масса примеров соотносит басенные ситуации с фактами социальной и политической истории, черпая их у Геродота, Целия Антипатра, Цицерона, Саллустия Криспа, Диодора Сицилийского, Тита Ливия, Иосифа Флавия, Курция Руфа, Юстина, Плутарха, Светония Транквилла, Диона Кассия; из более поздних — у Свиды, Ксифилина, Зонары и затем Лоренцо Валлы, Николая Халкокондиллы, Иоанна Куспиниана, Лаврентия Сурия, Матфея Радеуса и ряда других, менее известных.

Понятно, что подобное издание не могло быть дидактическим предприятием, хотя отвлеченно дидактическая интерпретация и сопровождала здесь около половины басен. Но и в этих случаях почти весь реестр обличаемых пороков — от мелкого тщеславия до необузданной жестокости —

---

¹ Полное заглавие: «Зрелище жития человеческого, в нем же изъяснены суть дивныя беседы животных со истинными к тому приличными новостями в научение всякаго чина и сана человеком, нынче новопреведено из немецкаго языка всем в общую пользу трудолюбием А. А. с. В., в царствующем граде в Москве, в лето от воплощения бога слова 1674».

² Theatrum Morum, artliche gesprach der thier mit wahren historien den menschen zur lehr. Prag, 1608 (278 стр., in 4°).

иллюстрируется прежде всего деяниями правителей и монархов — персидских, иудейских, египетских, греческих, римских, византийских, турецких и пр. Более того, предисловие Саделера без обиняков напоминало читателям, что деяния и современных властителей, «пожалуй, так же и даже подчас лучше, могли бы подойти к этим басням, нежели древние историки», и что только «по известным причинам» он брал все-таки древние, предоставляя новые применения находить каждому по его разумению.³

Множество прилогов связано с событиями политической и вооруженной борьбы с Востоком — походами Александра Македонского, римскими завоеваниями в Передней Азии и Северной Африке, крестовыми походами в Палестину, борьбой Византии и балканских государств с турками-османами, вплоть до нашествия турок на центральную Европу при Солимане Великолепном.

Рядом с внешнеполитической тематикой подняты вопросы и внутренней политики: проблемы взаимоотношений монарха и подданных, государственной власти, экономического и политического положения сословий, суда и социальной справедливости и др. В обстановке кануна Тридцатилетней войны нельзя не отметить и антигерманской направленности сборника (басня «Vom Indianischen und Teutschen Han»).

Таким образом, тематика «Театра нравов» близка была Виниусу уже по его государственной службе, а частью привлекала его и прежде, в его компилятивном «Избрании от святых, божественных и царственных книг памяти ради» (1667).⁴ Вместе с тем расхождения «Зрелища» с «Театром» столь значительны, что уверенная атрибуция их русскому переводчику и оценка его работы до обследования истории самого пражского сборника в его источниках⁵ или редакциях и перепечатках (если таковые существовали)⁶ преждевременны.

Возможность использования тут какого-то иного издания допускается не составом текстов (среди 134 басен «Зрелища» нет ни одной, которой не было бы в «Театре»), но совершенно несходным их размещением: в переводе Виниуса редко встретишь две басни рядом, последовательность которых совпадала бы и в издании Саделера. В 49 случаях отличаются также заглавия басен, осложненные в «Зрелище» либо упоминанием других участников фабульного конфликта, либо сюжетными характеристиками персонажей (ср.: «Vom Berr» — «О Медведе и Пчелах», № 107; «Vom Han» — «О Петеле, обретшем камень драгий», № 115, и т. п.). Но попадаются и непонятные превращения: «Vom Fuchs und Raben» — «О Попугае и Лисице» (№ 31); «Vom Raben und Scorpion» — «О Орле и Скорпии» (№ 58).

К неизбежным различиям должна была привести передача стихотворного немецкого текста книжно-славянской прозой; в результате повествовательно-фразовое развертывание фабул в «Зрелище» нередко подобно не переводу, а несколько более пространному, параллельному их пересказу.

³ Theatrum Morum... An den freundlicher Leser.

⁴ См.: Б. Федоров. Беседа русского старца с сыном своим. — Отечественные записки, ч. XVIII, кн. I, СПб., 1824, июнь, стр. 337—345.

⁵ В предисловии к «Театру нравов» сам Саделер уверял, что аналогичного издания, с подобными рисунками либо примерами, никогда прежде в свет не выходило. Однако, по ряду свидетельств, 124 из 140 гравюр «Театра» — зеркальные копии работ М. Герертца (Marcus Gheeraerts) из «De warachtighe fabulen der dieren» (Brugghe, 1567), что предполагает уже и какую-то сюжетную преемственность пражского сборника, обязывая к текстуальному сличению обоих изданий.

⁶ Так, в каталоге Британского музея (British Museum General Catalogue of Printed Books, vol. 210. London, 1963, стр. 898) «Theatrum Morum» помечен (в редакторских скобках) 1609 г., но действительно ли так датируется какая-то часть тиража (или даже переиздание) «Театра» или это ошибка составителей каталога, судить не берусь.

Что же касается стихов, то рифмованные фразы свыше 40 раз встречаются и в «Зрелище», обычно в заключительных ситуациях басен или в нравоведении: «Тогда Юпитер посла к ним начальника Жаравля. и сей еще и суд благ между има творяше, обаче многия от них снадаше» (№ 45); «Юроде, почто беснуеши? Не веси ли, яко... еще не будем работати, учнут нас бити и к тому не кормити?» (№ 88), и др. Понятно, что композиционная приуроченность и сюжетная мобилизованность таких рифм исключают их морфологическое объяснение.

Порой лишь отдаленное сходство обнаруживают и сентенции «Зрелища» и «Театра», не говоря уже, сколь часто разнятся они категоричностью и остротой суждения, и там, где у Саделера гнома, у Виниуса — филиппика.

Конечно, насыщенность беллетризованными историческими сюжетами придавала «Зрелищу» немалую познавательную ценность даже при узко дидактической их интерпретации. Однако на первом плане тут все же идеологические мотивы.

Политическим идеалом представляется правление «тихого» государя, «иже правяше люди своя во блазе, со всякою тихостию и кийждому суд творяше праведный» (№ 11). Это и в интересах монарха, ибо «благое состояние князей и государей состоится во благоденствии подданных их» (№ 3). Но та же идея выдвигается и в более экспансивной форме: «Сице яростию правящим реку, яко не толикую силу имут, яко тии, иже тихостию и разсуждением управляют своя люди» (№ 11).

Многokrатно повторяется тема «малых подданных», которые «могут во время подобно, яко же и великия, помощь государем своим сотворити» (№ 10), так как «во общую пользу и последнии угодны быти могут в службу против силы своей» (№ 37). Однако тщетно надеяться на монаршью благодарность: «Аще кто время свое туне изживет во дворех великих и службы служит великия, ожидая себе воздаяния, — таковии состареются, воздаяния же немногия получают» (№ 86). И вообще «близость царская — яко близость огня» (№ 75).

Но приведу хотя бы одну полную басню — «О Пифике и Коте»:

«Некогда Пифик виде при огне каштаны лежащия, зело я възжеле ясти, — взем Кота за лапу и тою оныя каштаны из огня взимаше. Кот же аще и зело вопияше, яко лапу его сожже (не бяше бо железная), глаголаше, чесо ради мучительство такое ему творит? Но обезьяна ругающийся Коту рече: „Что вопиеши? аз бо не слышу“.

Сице немощи и властелие руками подданных своих достизают многие земли и грады от огня лютыя брани» (№ 51).

Эмоциональная взволнованность отличает текст Виниуса, когда предметом его оказывается социальная несправедливость: «Сице бысть в мире: многия люди, иже тяжчайшия работы подемяют, таковии вящший глад терпят, — и рукоделный человек егда хлеб свой во изобилии получитьи может? — А тунеядцы выну во изобилии пребывают. Того ради глаголется: иде же в работе вящшая тяготá, ту глад, оскорбление и большая нагота» (№ 116); «Горе рабам, над ними же мучитель господствует, зане люди своя к тяжкой работе понуждает, еще же и биет» (№ 1); «Сице мнозии человецы обыкоша жити трудами и потом кровавым иных человек, — таковыя самую плоть от костей ближних своих потребляют и снадаяют» (№ 53), и др.

Но перевод Виниуса далек от оправдания социального бунта и тем более от побуждения к нему (см. басни №№ 28, 45, 122, 125). Отсюда извечная утешающая проповедь социального смирения, на что находятся и подходящие резоны, ибо «човецы в санах великих падению подлежат,

малии же выну стоят» (№ 14), «велиции никогда известны живота своего» (№ 57) и др. (№№ 26, 48, 119). Мотивы народного возмущения и постигающего тиранию возмездия являются не в программных сентенциях, а лишь в прилогах и только как уроки истории (№№ 71, 98, 108, 132). Однако минимальная детализация повествования была тут даже удобнее для сближения с современностью, и рассказ о восстании античных рабов не мог не напоминать о недавней разинщине: «Сице сотвориша раби и поселяне в Скифии оставльшиися, понеже егда господа их брань творяху со женами амазонами и во брани той пребыша семь лет, тогда оныя рабы все имение господ своих себе похитиша и сами себе господами сотвориша, и возвращающихся от брани господей своих изгнаша. И тако оные господие с раби своими многую брань творяще, но выну от рабов побеждени бяху...» (№ 4).

В напряженной обстановке последней трети XVII в., на фоне непрекращающихся народных волнений, войн с Турцией и складывающейся абсолютистской монархии, перевод Винуса неизбежно порождал ассоциации с русскими событиями, и последующая судьба памятника, равно как и количество распространившихся его списков свидетельствуют о самом живом внимании к нему современников.

Предварительное обследование 30 (из 60 отмеченных) рукописей «Зрелища» выявляет существование не менее четырех текстологических групп списков (отличающихся главным образом систематически направленными лексическими заменами и, реже, мелкими интерполяциями),⁷ а также ряда сводных текстов (ГПБ, Q.XVII.7; ГПБ, Q.XVII.153; ГПБ, Софийское собр., № 1495; ГБЛ, собр. Ундольского, № 686).

Но почти не видоизменяя текста самих басен, переписчики «Зрелища» остро реагировали на политические идеи сентенций, а также исторических прилогов, оттеняя одни, видоизменяя другие и решительно устраняя третьи, что создавало многочисленные идеологические расхождения между списками одной и той же повествовательно-речевой редакции. Встречаются (и кстати, независимо друг от друга) попытки выборочного, чисто дидактического употребления перевода, из которого удалялось до половины фабул и все прилоги (Софийское собр., № 1428, затем БАН, 28.6.38).

Особая страница в истории «Зрелища» принадлежит его печатному изданию 1712 г., включавшему 125 басен (из 134 переведенных Винусом) с прилогами и столько же гравированных иллюстраций. Ни одного экземпляра этого издания не уцелело, и, несмотря на значительный тираж (500 экз.), оно уже в XIX в. практически было неизвестно библиофилам. Однако сохранившиеся с него списки и оттиски гравюр дают возможность представить печатное «Зрелище» почти во всех деталях и частностях.⁸ Дошла и рукопись, по которой готовилось издание (ГПБ, собр. Титова, № 4851). А то, что для издания «Зрелища» из ряда уже обращавшихся редакций оказалась выбранной основная редакция самого переводчика, наводит на мысль, не причастен ли как-то к его подготовке и Винус, в то время вновь заседавший по указанию царя за переводы.

Предпринятое едва ли не по желанию самого Петра I, это издание, как

⁷ Первая (возможно, даже предварительная) повествовательно-речевая редакция перевода — типа ГПБ, Q.XV.103; вторая (основная) — типа ГПБ, собр. Михайловского, № 445 (более поздний вариант — ГПБ, Q.XV.42); третья — БАН, 16.6.21 и четвертая — ГПБ, собр. Михайловского, № 120.

⁸ См.: Т. А. Быкова. Затерянное издание «Зрелища жития человеческого». — В кн.: Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725. М.—Л., 1955, стр. 504—514.

показывают архивные материалы, поначалу готовилось в более полном объеме. Однако толкование ряда фабул (к тому же дублируемых одновременным печатанием «Эсоповых притчей»),⁹ а всего более их прилоги явно противостояли государственным и реформаторским устремлениям самодержца, либо даже предосуждающе ассоциировались с обстоятельствами его семейной жизни, и 8 притч (№№ 13, 30, 54, 74, 75, 101, 106 и 108) по необходимости были исключены из набора. Приведу из них хотя бы прилог к басне «О Лисице безхвостой», для которой была изготовлена уже и гравюра:

«Такий Лис бяше воевода Адалгерий, иже за некое преступление ят бысть и к Северию кесарю приведен, иже в поругание власы главы его и браду отрезати повеле и отпустити. Егда же прииде во страну свою, рече всем людем рода своего, яко при дворе кесарском обычай новый бысть — всем власы и браду остригати. И тако всех прельсти, ибо вси такожде сотвориша» (№ 54).

Что же касается девятой из устранных басен — «О птице Финиксе» (№ 133), «Эсоповыми притчами» не дублируемой и к которой также была заготовлена гравюра, — то и сам сюжет, и его интерпретация тут поневоле представлялись прямым апофеозом начавшихся самосожжений старообрядцев.

Последующая судьба печатного «Зрелища» — появление вскоре многих рукописных (подчас иллюстрированных и даже роскошных) его копий и полная зачитанность самого издания, проникновение его текстов в лубок, а также установление десятков декоративных скульптурных групп и фонтанов на сюжеты и с текстами этого издания в Летнем саду и в Петергофе и, наконец, то, что «Зрелище» немало послужило еще и сумароковской притче, — достаточно свидетельствует, что переводу Винуса выпало стать одним из интереснейших общественно-литературных фактов предпетровского, а затем и Петровского времени, когда, в зависимости от социальной среды и ситуации, прилоги и басни «Зрелища» находили актуальное и даже неожиданное применение и часто весьма различное социальное истолкование и проекцию.

⁹ См.: «Эсоповы притчи. Повелением царского величества напечатаны в Москве лета господня 1712, в марте» (№№ 4, 9, 15, 18, 21, 27, 29, 38).

И. Ф. ГОЛУБЕВ

Забывшие вирши Симеона Полоцкого

Публикуемый список виршей Симеона Полоцкого на рождение Петра I обнаружен нами в рукописном сборнике, хранящемся в Государственном архиве Калининской области (ГАКО) под № 1752.¹ Сборник составлен из печатного Синописа Иннокентия Гизеля, издания 1674 г., и тетрадок, писанных полууставом и скорописью разными писцами в конце XVII и в XVIII в.

Впервые вирши Симеона Полоцкого на рождение Петра I были опубликованы архимандритом Ново-Иерусалимского монастыря Леонидом в сборнике «Древняя и Новая Россия» в 1876 г., в заметке «К биографии Симеона Полоцкого».² Ссылаясь на записку Крекшина «Сказание о зачатии и рождении государя императора Петра Первого и о прочем», в которой сообщается, что Симеон Полоцкий 1 ноября 1671 г. говорил царю Алексею Михайловичу «о своих занятиях астрологией», архимандрит Леонид предположил, что Полоцкий составил «гороскоп» царевича Петра. И эти предсказания отразились в виршах, поднесенных Полоцким царю в день крещения царевича Петра — 29 июня 1672 г. Свое сообщение архимандрит Леонид заканчивает указанием, что вирши эти «заимствованы из принадлежащего нам рукописного летописца, составленного учеником и другом Полоцкого Симеоном Медведевым по повелению царевны Софии Алексеевны и продолженного до 1705 года».

Печатаемый архимандритом Леонидом текст виршей Симеона Полоцкого не имеет особого заглавия; он содержит 48 тринадцатисложных стихов, объединенных парной женской рифмой.

Позднее И. Татарский привел в своем исследовании 32 стиха этих виршей, опустив (по тексту ГАКО) стихи 21—26 и конечные стихи 37—46. Татарский тоже рассматривает эти вирши как предсказания «относительно будущей судьбы новорожденного младенца, впоследствии великого императора»³ и отмечает «некоторую вероятность» рассказа Крекшина о беседе Симеона Полоцкого с царем Алексеем Михайловичем об астрологии.⁴ Татарский указывает, что Полоцкий еще до приезда в Москву был

¹ Приношу глубокую благодарность А. В. Поздневу и Н. Н. Розову за помощь в разыскании списков и публикаций этих виршей Симеона Полоцкого.

² Леонид, архимандрит. К биографии Симеона Полоцкого. — Древняя и Новая Россия, т. I, СПб., 1876, № 4, стр. 398.

³ И. Татарский. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования по истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII в. М., 1886, стр. 126—127.

⁴ В записке Крекшина говорится, что Полоцкий еще 29 августа 1671 г. предсказал царю на основании астрологических наблюдений час рождения Петра, сколько лет он проживет и каковым будет его царствование (рукопись ГАКО, № 98, лл. 1—3).

знаком с астрологией. В одном из своих ранних стихотворений, написанных на польском языке, Полоцкий называет в числе «семи наук» и астрологию.⁵

Вполне вероятно, что Полоцкий наблюдал за движением небесных светил еще будучи учеником Киево-Могилянской коллегии, в которой изучались «семь свободных художеств», включая астрологию, и тогда, когда сделался «дидаскалом» в Полоцком братском (духовном) училище. Поэтому возможно, что и в Москве он продолжал вести такие наблюдения и учил любознательных москвичей обращению с распространенным в XVII в. в Москве астрономическим инструментом — подзорной трубой.⁶ В свои «приветства» на разные события из жизни царской семьи и всего двора Полоцкий вставляет статью «Беседы со планиты», а во 2-м «Приветстве» царю Федору он подробно разъясняет названия знаков зодиака и их значение для царя.⁷

Но ни архимандрит Леонид, ни И. Татарский не касаются поэтических особенностей приводимых ими виршей Полоцкого. На эту их сторону обращает внимание Н. К. Гудзий: цитируя в «Истории древней русской литературе» первые 10 стихов данных виршей Симеона Полоцкого (по тексту, сообщенному архимандритом Леонидом), он не только отмечает, что Полоцкий, приветствуя рождение Петра I, видит в нем будущего освободителя Константинополя от власти турок, но и обращает внимание на графическую их художественной формы, объясняя ее соответствием поэтическим канонам классицизма.⁸

Напомним также краткое сообщение Л. Н. Майкова о том, что данные вирши были прочитаны Полоцким «на торжественном столе» по случаю крещения царевича Петра 29 июня 1672 г.⁹

Однако И. П. Еремин, подготовивший издание избранных сочинений Симеона Полоцкого и напечатавший две специальные статьи о его жизни и творчестве, даже не упоминает рассматриваемые вирши.¹⁰ Это, возможно, объясняется тем, что И. П. Еремин пользовался рукописями Полоцкого, в которых (включая «Рифмологий») этих виршей нет.

Не встретились нам списки данных виршей в рукописных сборниках конца XVII и всего XVIII в.¹¹

Таким образом, вирши Симеона Полоцкого на рождение Петра I относятся к забытым произведениям этого писателя XVII в., чем и оправдывается предлагаемая их публикация по списку ГАКО. При этом отметим, что в списке ГАКО к виршам дается заглавие, которого вовсе нет в тексте, напечатанном архимандритом Леонидом:

⁵ И. Татарский. Симеон Полоцкий... стр. 36.

⁶ Очерки по истории СССР. XVII век. М., 1955, стр. 578.

⁷ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 124—125.

⁸ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1950, стр. 467—468.

⁹ Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII—XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 40.

¹⁰ И. П. Еремин. 1) Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 125—153; 2) Симеон Полоцкий — поэт и драматург. — В кн.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 223—260.

¹¹ Нами просмотрены были следующие описания собраний рукописей: Музейное собрание рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, т. 1. М., 1961; Древнерусские рукописи Пушкинского дома (обзор фондов). Составил В. И. Малышев. М.—Л., 1965. Кроме того, просмотрены описания рукописных собраний в городах Ярославле, Костроме и др. Не упоминаются эти вирши и в труде М. Н. Сперанского «Рукописные сборники XVIII в. Материалы для истории русской литературы XVIII в.» (М., 1963).

Написание стихом новорожденного
и по крещении святым духом просвещенного
Великаго государя нашего царевича
и великаго князя Петра Алексеевича
Всеа Великия и Малыя и Белья России,
и ныне будет и самодержца.

Честными и премудрыми иеромонахи издадесея Полоцким Симеоном и Епифанием Греком на день рождения его.

Яко ныне в лето осмыа тысящи сто осмьдесеятаго мая месяца дни тридесеятаго.¹²

Упомянутый в этом заглавии Епифаний Грек, без сомнения, является Епифанием Славинецким. Он назван «Греком», по-видимому, потому, что хорошо знал греческий язык, занимался в Москве исправлением богослужебных книг, сличая их с греческими оригиналами, сам переводил с греческого языка на славянский сочинения отцов церкви и был наставником в патриаршей школе при Чудовом монастыре, где преподавался греческий язык.¹³

Но почему в виршах по списку ГАКО Епифаний Славинецкий упоминается как соавтор Симеона Полоцкого? Известно, что Епифаний занимался духовным песнотворчеством. В перечне трудов Епифания, составленном после его смерти монахом Чудова монастыря Евфимием, указываются сочиненные им каноны святым, стихи «мерные» (очевидно, силлабические духовные песни). А. В. Позднеев, анализируя содержащиеся в рукописных песенниках второй половины XVII в. панегирические духовные песни, приходит к выводу, что их автором мог быть только Епифаний Славинецкий.¹⁴

Однако невозможно указать, что же принадлежит в данных виршах Епифанию Славинецкому? Остается предположить, что и наш переписчик, а быть может, и тот, у которого он списывал эти вирши, назвали имена обоих иеромонахов лишь из уважения к их памяти и зная взаимные близкие между ними отношения.¹⁵

На наш взгляд, вирши на рождение Петра I относятся к панегирическим поздравительным стихотворениям Симеона Полоцкого. В них нашли себе применение основные приемы поэтической манеры Полоцкого. В патетических призывах к Царьграду, церкви св. Софии подчеркивается, что новорожденный царевич Петр — будущий освободитель их от власти турок и сокрушитель «всей бусурманской ереси». Как нам кажется, в противопоставлении того, что было «вчера» с Царьградом, и того, что «явилось ныне», можно видеть не только поэтический оборот, но и отражение действительных событий, с которыми совпало рождение Петра I: 1672 год — год его рождения — был и годом нападения Турции на Польшу. Турция захватила г. Каменец и всю Подолию, а затем заявила свои притязания на всю Украину, стала готовиться к войне с Россией, которая и началась через пять лет.¹⁶

На Руси еще со времени «пленения» турками Царьграда жила мысль об освобождении его от власти «бусурман», многократно отразившаяся в древнерусских повестях и в народном творчестве. Симеон Полоцкий

¹² ГАКО, № 1752, л. 218 об. Слово «издадесея» в заглавии писано над строкой.

¹³ Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII—XVIII столетий, стр. 52—53.

¹⁴ А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). — Ученые записки Московского гос. заочного педагогического института, т. I, М., 1958, стр. 20—25.

¹⁵ К сожалению, не известно, в каком виде эти вирши были внесены в тот «лептописец», о котором упоминает архимандрит Леонид. На наш запрос в ГИМ в Москве, не хранится ли там эта рукопись, Музей не прислал ответа.

¹⁶ Очерки по истории СССР. XVII век, стр. 518—521.

в своих виршах часто затрагивает вопрос о сокрушении «агарян». Несомненно, что и Епифаний Славинецкий разделял это чаяние русского народа. Ему, как уроженцу Западной Украины, особенно больно было переживать захват турками его родины.

Далее в виршах следует такое же патетическое обращение к Москве, с предсказанием, что «стены» ее укрепит «багрянородный царск сын». Симеон Полоцкий использует здесь уже привычный ему поэтический оборот — употребление буквального значения имени Петр (Петр — по-гречески «камень») с добавлением еще к этому значению эпитетов: «камень счастья, камень бесценный». Впоследствии Полоцкий использовал почти буквально тот же оборот в «Рифмологоне», в стихотворениях «Желания благая», в поздравлении от имени царевича Петра царя Федора Алексеевича по случаю его воцарения.¹⁷ Нашла свое место в виршах также обычная для С. Полоцкого аналогия — сравнение семьи царя Алексея с семейством библейского Иакова. Содержится в виршах и «беседа со планеты», т. е. обращение к планетам Марс (греч. Арес, или Арис, по византийскому произношению) и Юпитер и восхваление Земли, как лучшей из всех семи планет. Выражение «четвероугольный аспект (аспект)» — по-видимому, указание на астрологический четырехугольник, образованный планетами, а выражение «четвероколенный знамя» — поэтическое обозначение фигуры креста.¹⁸

Заканчивается стихотворение трафаретным у Симеона Полоцкого поздравлением и прославлением царя и всего его семейства.

Можно довольно точно определить время списка ГАКО. Из заглавия к виршам в этом списке явствует, что он был сделан во время царствования Петра I. Это видно, во-первых, из добавления в заглавии к имени Петра слов «и ныне будет и самодержца» с полным царским титулом. Во-вторых, обращает внимание группа статей в сборнике ГАКО, сопровождающих данные вирши. Здесь в начале приводится «объявление» о переговорах думного советника Емельяна Украинцева по поводу заключения мира с Турцией 3 июля 1700 г. (лл. 177—206 об.). Затем следуют выписки из газеты «С.-Петербургские ведомости», среди которых последней дается выписка с сообщением от 20 мая 1712 г. о новом соглашении с Турцией о возобновлении заключенного в 1711 г. перемирия (лл. 214 об.—215). Список виршей Симеона Полоцкого помещен между двумя следующими статьями, писанными одним почерком с выписками из газеты: 1) «Список с надписания» на камне над гробом царя Константина с предсказанием о победе России над турками и освобождении Царьграда («седмихолмика») под руководством «мужа прирожденного и юнного и крепкого» (лл. 217—218) и 2) Повесть о султанах Мураде и астрологе Мустаэддине, предсказавшем падение Турецкой империи в войне с Польшей и Россией (от «союза народа от полунощи, идеже восходит колесница небесная», с народом, «к востоку живущим»). Под второй статьей стоит дата: «1712 год Июля 3» (лл. 220 об.—232 об., вирши на лл. 218 об.—220 об.).

¹⁷ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 115.

¹⁸ Ср. в «Приветстве 5» царю Федору стихи:

В четырех странах мира пресвятыя,
яж создал есть небесный владыка,
Восток, Запад, Юг, Север являют
крест, да ты знают.

(Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. . . стр. 136)

Отсюда следует, что появление в рукописи ГАКО всех указанных статей и виршей Симеона Полоцкого связано с войной России в союзе с Польшей против Турции в начале XVIII в., непосредственно — с Прутским походом Петра I. Таким образом, список виршей в рукописи ГАКО сделан между 20 мая и 3 июля 1712 г.¹⁹

Одной из особенностей нашего списка виршей является нарушение в нем правильной силлабической формы: стихи в нем содержат не только по 13 или 11 слогов, но и больше.

При передаче текста виршей сохранены все особенности языка и правописания, титла раскрыты, вынесенные буквы внесены в строку, буква ъ в конце слов опущена, буквы ъ, і, Ѧ, Ѣ, Ѡ заменены соответственно буквами е, и, я, о. Пунктуация современная. Разночтения приводятся по списку, опубликованному архимандритом Леонидом.

Вирши на рожденис Петра I

Написание стихом новорожденного
и по крещении святым духом просвещенного
Великаго государя нашего царевича
и великаго князя Петра Алексеевича
Всея Великия и Малыя и Белья России,
и ныне будет и самодержца.

Честными и премудрыми иеромонахи издадеся Полоцким Симеоном и Елифанем Греком на день рождения его.

Яко ныне в лето осмыя тысящи сто осмьдесятаго мая месяца дни тридесятаго.

Радость велию сей¹ месяц май² явил есть,
³а преславный царь Алексей царевича Петра⁴ родил есть.

Вчера преславный Царьград от турок⁵ пленися,
ныне избавление^а преславно явися.⁶

О, Константине граде, зело веселися,
и святая София соборная⁷ церкви⁸ просветися.

Преславный⁹ родися ныне нам царевич,
великий князь московский Петр Алексеевичь.

Тщится благочестием вас¹⁰ укрепити¹¹
и всю¹² бусурманскую ересь¹³ низложити.

И ты, царствующий граде Москво, просветися,
ибо радость велия в тя вселися.

Оукрепит¹⁴ твоя стены окрест огражденный,¹⁵
багрянородный царск сын, богом вождеденный.¹⁶

Петр бо нарицается камень оутвержденный,
оутвердит¹⁷ врата царевичь новорожденный.¹⁸

Храбрый¹⁹ и страшны²⁰ явится врагом сопротивным,
окаменован в вере именем предивным.

Украшние царско и²¹ сутеха родися,
родителем²² похвала вечно оутвердися.

Возлюблен²³ от отца сын²⁴ Иосиф малейший,²⁵
и сей отцом любим есть царевичь юнейший.²⁶

Малейший²⁷ Вениамин брату²⁸ возлюбися,
Петр²⁹ юнейший братом³⁰ любезен явися.

¹⁹ Отметим, что под виршами (л. 220 об.) помещено следующее четверостишие:

Всегда предкове наши собранием на волка ходили,
его же так оудобне ловили.

Сим образом христиане вкупе на турка идите,
аще вы жити мирно хотите.

^а Испр., в ркп. изъявление

¹ Нет.

² Доб. ныне.

³⁻⁴ Яко нам царевич Петр яве ся родил есть.

⁵ турков.

⁶ Доб. два стиха: Победитель прииде и хочет отмстити, Царствующий

оний град

ныне свободити.

⁷ Нет.

⁸ церкви.

⁹ Православный.

¹⁰ нас.

¹¹ украсити.

¹²⁻¹³ бусурманскую мерзость.

¹⁴ Укрпси.

¹⁵ ограждены.

¹⁶ воз-

желанный.

¹⁷ утврдити.

¹⁸ нарожденный.

¹⁹ храбр.

²⁰ страшен.

²¹ Нет.

²² родителям.

²³ Доб. быв.

²⁴ Нет.

²⁵ юнейший.

²⁶ малейший.

²⁷ И малей-

ший.

²⁸ братин.

²⁹ А Петр.

³⁰ братама.

Петр есть камень счастья и камень бесценный,
 во оутвержение³¹ церкви богом водруженный.³²
 И ты, плането Аррис³³ и Зевес, веселся,
 во³⁴ наше бо сияние царевич родися,
³⁵Четвероугольный⁶ аспект³⁶ произыде,
 царевич царствовать во вся³⁷ прииде.
 Четвероконачный³⁸ знамя проявляет,
 яко четырьми³⁹ частями мира обладает.
 От бога "сей планете естество" г дадеся,
 лучши бо прочих планет в действе обретеся. л. 220
 Храбрость, богатство, слава на ней поживает,
 и на главу⁴⁰ царский⁴¹ венец полагает.
 Радуйся днесь, царь православный,
 зане родися тебе сын преславный.
 Купно со царицею многолетен буди,
 и с чады своими⁴² здрав всегда пресбуди.
 И со своим царевичем нарощенным,⁴³
⁴⁴Петром Алексеевичем с новопросвещенным,⁴⁵
 Яко да покориши⁴⁶ бусурманскую главу,⁴⁷
 вся страны же и царства под твою державу.
 Да род третий и четвертый даст⁴⁸ бог тебе⁴⁹ зрети
 и престол непоколсбим во веки смотрети. Аминь.⁵⁰ л. 220 об.

(ГАКО, № 1752, лл. 218 об.—220 об.).

⁶ Испр.: в ркп. четвероугоный. ³¹ Испр.: в ркп. семь планет естественно.
³¹ утверждение. ³² украшенный. ³³ Арес. ³⁴ в. ³⁵⁻³⁶ Во четвертоугольный
аспект. ³⁷ своя. ³⁸ четвероконачное. ³⁹ четырма. ⁴⁰ главе. ⁴¹ царской.
⁴² твоими. ⁴³ новорожденным. ⁴⁴⁻⁴⁵ с Петром Алексеевичем ныне просвещенным.
⁴⁶⁻⁴⁷ всю иноплемennую силу. ⁴⁸⁻⁴⁹ тебе бог. ⁵⁰ Нет.

П. Н. БЕРКОВ

Книга в поэзии Симеона Полоцкого

О том, что этот ранний русский просветитель был книголюбом и владельцем значительной по тем временам библиотеки, было известно уже давно.¹ Однако во всех публикациях его призывений, начиная с «Исторической хрестоматии церковно-славянского и древне-русского языков» Ф. И. Буслаева (М., 1861) и кончая «Избранными сочинениями» Симеона Полоцкого под ред. И. П. Еремина (М.—Л., 1953), отсутствовали стихи, специально посвященные «книге», «чтению» и т. д., т. е. отсутствовали материалы, непосредственно характеризующие позицию его как библиофила. Часть таких стихотворений Симеона Полоцкого — в совершенно другой связи — опубликована В. М. Пузиковым в недавно изданном Институтом философии Академии наук Белорусской ССР сборнике «Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI—начала XIX в.» (Минск, 1962). Эти данные и положены в основу настоящей статьи. К ним добавлены тексты, извлеченные мною из рукописи Симеона Полоцкого.

У Симеона Полоцкого как автора произведений, посвященных «книге», «чтению», «писанию», «читателю», были предшественники и на славяно-русском, и польском, и латинском, и греческом языках, т. е. на языках, которыми он владел. Большая часть произведений такого рода была написана прозой. Заслугой Симеона является то, что он первый на русской почве писал на «книжные» темы в стихах. Однако это только одна и как раз менее существенная сторона вопроса. Главное — то, что «книга», «чтение», «мудрость», «философия» и прочее является для Симеона средством просвещения человека, «понеже человек нѣсть звѣрь дивый, но содружный».²

Конечно, свою просветительскую миссию Симеон Полоцкий, в соответствии с идеологическими требованиями эпохи, облакает в религиозные формы, но основное — просветительское — начало при этом сохраняет всю свою силу. Приобретенные знания он не считает возможным сохранить только для одного себя, он находит необходимым поделиться ими с другими людьми. «Наставлением десницы правителя вселенныя, возрачительствовавшу ми трудолюбное вести житие во взыскании божественных пи-

---

¹ У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России, ч. II. СПб., 1912, стр. 43.

² Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 205. «Дивый» (дикий) Симеон воспринимает здесь, очевидно, как «асоциальный», тогда как «содружный» несомненно представляет перевод слова «Sociabilis» или, может быть, даже аристотелевского выражения «Zoon politikon».

саний глубочайшего разума и в них умных сокровищ, тайно положенных, — писал Симеон во втором предисловии к «Псалтыри рифмотворной», — не еже теми мысленными богатствы единому ми красоватися и богатѣти, но да и церкви православно-кафолическѣй изнесу от них полезная ... написах...»,³ и далее он перечислил заглавия подготовленных им к тому времени четырех книг.

Теми же просветительскими соображениями продиктованы и стихи Симеона Полоцкого на «книжные» темы. Понятно, что такие стихотворения имеют не самостоятельный характер, а подчинены общей, основной задаче, которую он ставил себе, — создания просвещенного человека. Единственный способ достигнуть этого идеала — чтение:

Ходяй при водах, всяко омочится,
присѣдай огню тепла исполнится.
Тако читай книги божественны
аки по нуждѣ будет умудренный.⁴

Что же понимает Симеон Полоцкий под словом «умудренный», явствует из стихотворения, озаглавленного «Мудрый»: это — такой человек, который «во ползу могл [бы] в мирѣ жити».⁵ В стихотворении «Мудрость» Симеон писал:

Егда дождь землю тихий напояет,
плоды родити ону устрояет.
Елма же мудрость в ум иѣкий вселится,
ко правым дѣлом муж богом строится.⁶

Развивая мысль о «неправости» тех образованных людей, которые не делятся с другими своими знаниями, Симеон пишет:

Мудрость имѣяй, аще утаят,
чистое злато во землю копает.
* * *
Что раздаянием в скудость не приходит,
но умножение дѣятелю родит?
Мудрость: елма бо та иным ся общает,
в уме учится множенна бывает.⁷

Прямая противоположность «мудрому», «невежда» вызывает такие стихи Симеона:

Невѣжда пути вожд да не бывает,
книг неискусный да не поучает.
Невѣжда мудраго елма поучает —
слѣпец считаго провождает.
Сова о лучах солнца разсуждает,
егда невѣглас о мудрых вѣщает.⁸

«Невежда» всегда, по мнению поэта, злой человек. В стихотворении «Слова неслушание» Симеон пишет, что у безобразного слона и горбатого

³ Там же, стр. 212. Ср. в предисловии к «Вертограду многоцветному»: «Тѣмже аз, многогрѣшный раб божий» и т. д. (там же, стр. 206)

⁴ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962, стр. 258. Я без оговорок исправляю ряд опечаток или неверных чтений в цитатах.

⁵ Там же, стр. 260. Ср. также стихотворение «Философия. 3»:

Естество дает токмо еже жити,
философия учит благо жити.
Ово со скоты общѣ нам бывает.
сие аггелом нас уподобляет.
(Там же, стр. 256).

⁶ Там же, стр. 260.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 266; Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 75.

верблюда есть привычка при входе в чистую воду, до того как они начнут пить,

первѣе ногами ону возмутити.

Делают они это, чтобы не видеть в воде своего «нелѣпия». «Подобнѣ, — продолжает Симеон, —

... людие злие препинати
слова обыкоша и книг не читати».⁹

Придавая такое большое значение чтению книг, Симеон Полоцкий при удобном случае напоминает о нем. «Кто есть царь и кто тиран, хощеши ли знати?», — спрашивает он в стихотворении «Разнствие» и отвечает:

Аристотеля книги потщися читати.¹⁰

Подбирая в своем «Вертограде многоцветном», некоем подобии стихотворной энциклопедии, «по чину алфавита славенского диалекта»,¹¹ стихотворения с заглавием на букву «Ч», Симеон под словом «Частость» пишет:

Не сила капли камень пробивает,
но яко часто на того падает;
Тако читай часто научитися,
аще и не остр умом си родитися.¹²

В соответствии с передовыми педагогическими взглядами своего времени Симеон Полоцкий стремится внушить идеи просветительства своим читателям с самого раннего их возраста. В «Букваре», составленном Симеоном и изданном в 1679 г., в предисловии «К юношам учиться хотящим» он писал:

Отроче юный, от дѣтства учися,
писмена знати и разум потщися.
.....
Наипаче иже книгам научитися,
о трудѣх честных превозвеселитися.
Дар писание великий от бога,
тайна писмены является многа.
Что сердце мыслит и ум разсуждает,
то писание удобѣ извѣщает.
Безгласно убо, но зѣло явственно,
далѣе гласа бывает нессенно.
Глас близ сущему слово возвѣщает,
писание же далеким являет.
Что кто далече сый напишет тебѣ,
то познаеши о всячѣй потребѣ.
Писмсны воля всѣх царя явися,
во писании мудрость заключися.
Юже аще кто имѣти жаелает,
писании мудрых да употребляет.¹³

Не забывает Симеон напомнить своим читателям, что «писание» — «глубоко», надо уметь его понимать:

Зряй на рѣку текушу, верх вод созерцает,
а тайн во глубинѣ сухих не выдает;
Подобнѣ писание писменно читай,
внѣшня токмо его есть муж разсуждай.
Внутренних пак не видит, еже суть глубока,
преходяще зрѣние неискусна ока.

⁹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 79.

¹⁰ Там же, стр. 15.

¹¹ Там же, стр. 212.

¹² Там же, стр. 74. Здесь несомненно реминисценция овидиевского стиха «Gutta cavat lapidem...».

¹³ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, стр. 267—269.

На сей глубинѣ агнец смиренный плаваег,
а слон великий удоб потоплен бывает.¹⁴

Обращаясь к царю Федору Алексеевичу, только что вступившему на престол, Симеон Полоцкий напоминает своему ученику:

Книги историй возлюби читати,
от них бо мощно, что бѣ в мирѣ знати
И по примѣру живот свой правити,
дабы спасенно и преславно жити.
Само чтение многи умудряет,
яко бо свѣцу во тмѣ возжигает.¹⁵

Из приведенных материалов с несомненностью явствует, что у Симеона Полоцкого было глубоко продуманное понимание просветительской роли книги и чтения. Может показаться поэтому удивительным, что приводя отрывки из стихотворений «Чтение», «Писание», «Мудрость», «Философия» и т. д., я до сих пор не цитировал его стихотворений, специально посвященных книге. Такие стихотворения у Симеона Полоцкого есть, и они представляют особый интерес.

В ленинградской рукописи «Вертограда многоцветного» 1678 г. под словом «Книга» помещены три стихотворения, образующие как бы некую трилогию.¹⁶

Первое повествует о сне, привидевшемся блаженному Иерониму и рассказанном им позднее в одном из своих многочисленных сочинений. Во время болезни Иерониму, в бреду, привиделось, будто он умер и предстал на суд. На вопрос судьи, кто он, Иероним ответил: «Христианин», но судья возразил: «Ты лжешь, ты — кикеронианин, потому что читаешь книги Кикеронские больше, чем христианские; за это ты примешь казнь».

И велѣ его бичми добрѣ наказати,
дабы на тѣлѣ язвы возможно считати.

Когда Иероним проснулся, у него на спине оказались полосы от полученных им ударов бича. Симеон продолжает:

Оттолѣ преста книги еллински читати,
и ятя христианским тошно прлжати.
Сам о себѣ святой муж сия извещает,
да никто паче святых книг, ины читает.

Затем Симеон делает, казалось бы, решительный вывод:

О аще толь святой муж тако наказася,
чесо грѣшный человек имать ждати на ся.

Но сознание просветителя заставляет его найти выход:

Лучше убо братие святым прилжати,
а ины книги, развѣ с потребы читати.

Таким образом, первое стихотворение в цикле «Книга» в конечном счете проводит мысль, что чтение языческих книг все же допустимо, хотя и «с потребы», однако решение того, что такое «потреба», оставляется, очевидно, на усмотрение читателя.

Второе стихотворение в данном цикле начинается словами:

Различны книги нам суть богом предложены,
да благонравно жити будем наученны.

¹⁴ Там же, стр. 261 («Писание»).

¹⁵ Там же, стр. 252.

¹⁶ БАН, отдел рукописей, I.A.54 (31.7.3), лл. 234 об.—235 об. Стихотворения «Книга жизни» и «Книга и молитва», рассматриваемые ниже, находятся там же, лл. 235 об.—236.

И далее Симеон Полоцкий перечисляет: первая книга — «мир сей», вторая — закон, написанный перстом Божиим и переданный через Моисея, третья книга — Иисус Христос, четвертая — дева Мария, пятая — совесть каждого человека, шестая книга — та, которую бог тайно читает, церковь называет ее «книгой живота», —

Пишут бо ся имена в ней богом избранных .

От поведения каждого человека, — говорит Симеон, — зависит, будет ли он вписан в эту книгу, и прибавляет:

Мы, братие, потщимся совершенно жити,
да можем совершенно написани быти. .

Итак, главная мысль второго стихотворения: какие книги бог ни создал, все делается для того, чтобы научить людей «благоправно жити».

В третьем стихотворении цикла поэт вспоминает слова пророка Иезекииля о том, что ангел заставил его съесть книгу, от которой у него сначала на устах был мед (Иезекиль, III, 3), а затем — прибавляет от себя Симеон, — во чреве горечь. Так, заключает поэт, происходит и с нами: читая евангельские книги, мы сперва ощущаем сотоподобную сладость, но затем, видя, как несправедливо мы живем, мы начинаем огорчаться и предаемся покаянию:

Но в слѣд тоя горести, вѣчна идет сладость,
по временной печали, безконечна радость

Следовательно, третье стихотворение как бы подводит итог всему циклу: чтение должно вести людей к «совершенному житию».

Мысль, положенную в основу части второго стихотворения, посвященной «шестой книге», которую «сам ту бог читает», Симеон дополнил в двустишии «Книга жизни»:

В книзѣ животнѣй кто нѣсть написанны,
в езеро огненно той будет посланны.

Стихи «Книга» и «Книга жизни» завершаются очень показательным для позиции Симеона Полоцкого стихотворением «Книга и молитва»:

Негли нѣкто жслает, что есть лучше знати,
молитися господу, ли книги читати,
Аугустин отвѣщаст' чрез молитву многу
мы благоговѣйную, бесѣдуем к богу.
А егда писание святое читаем,
Бога к нам глаголюща быти познаваем.
Благо уубо молитву к богу възсылати,
Добро и писание священно читати

Подобно тому как двустишие «Книга жизни» дополняет сказанное Симеоном во втором стихотворении рассмотренного выше цикла о «шестой книге», созданной богом, так в стихотворении «Мир есть книга» он развил мысль о «первой книге», «предложенной нам» богом:

Мир сей преукрашенный книга есть велика,
яже словом написа всяческих владыка.
Пять листов препространных в неися обрѣтают,
яже чюдна писмена в себѣ заключают.

Эти пять листов — небо, «огнь стихийный», «преширокий аер», «сонм водный» и земля со всем, что есть на ней и в ней.¹⁷

Нас не должно удивлять, что приведенное стихотворение представляет

¹⁷ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, стр. 257—258.

более подробную разработку двух последних строк предыдущего стихотворения «Книга»: из цитированных выше текстов Симеона Полоцкого видно, что его творческой манере писателя-просветителя, писателя-педагога свойственно повторное обращение к теме, однажды изложенной кратко, как бы конспективно. Впрочем, эта черта встречается и у более поздних русских поэтов. Гораздо интереснее в стихотворениях «Книга» и «Мир есть книга» то, как самостоятельно разработана в них тема. Следует напомнить, что идея их принадлежит не Симеону Полоцкому, а взята им, как и многие другие темы его поэтического творчества, из западноевропейских источников.¹⁸ В книге одного из наиболее начитанных европейских литературоведов XX в. покойного проф. Э. Р. Курциуса (Бонн) «Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter», в главе «Das Buch als Symbol», сделаны тщательные разыскания о том, как в средневековой латинской литературе возник образ «мир как книга». Автор приходит к выводу, что «представление о мире или о природе как „книге“ появляется в церковном красноречии, затем воспринимается мистико-философскими созерцателями средневековья и, в конце концов, становится достоянием общего языкового употребления».¹⁹ И как это ни странно для такого пунктуального автора, как проф. Курциус, он не приводит ни одного раннего текста, в котором бы прямо содержалась формула «мир есть книга».

Другой образованнейший литературовед нашего времени, проф. Д. И. Чижевский (Гейдельберг), в статье «Das Buch als Symbol des Kosmos», написанной в дополнение к соответствующей главе книги проф. Курциуса, утверждает, что «книгу как символ мира мы встречаем у Оригена, Афанасия, Григория Назианзина, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Блаженного Августина, в средние века — у Винченца из Бовэ, Бонавентуры, Бертольда Регенбургского, Вильгельма Коншского и т. д.».²⁰ Ряд этих авторов — как учителей церкви, так и средневековых — безусловно был известен Симеону Полоцкому, так что едва ли возможно утверждать, что идею «мир есть книга» он взял у какого-то одного из своих предшественников. Однако развитие этого образа — перечисление «пяти листов пространных», из которых состоит «мир — книга», а именно неба и четырех стихий (огня, воздуха, воды и земли), — по-видимому, принадлежит самому Симеону Полоцкому. Во всяком случае так можно предполагать, пока не будут проверены те источники, которые перечислены в приведенной выше цитате из Д. И. Чижевского и в других местах его статьи.

Если несомненный интерес представляют стихотворения Симеона, идея которых только развита им или просто переложена им в стихи, то естественно, что не менее интересны для нас его самостоятельные произведения, в частности те, в которых Симеон опять-таки обращается к теме книги. В этом отношении следует выделить заключительное стихотворение к своеобразной «поэме» Симеона Полоцкого «Гусли доброгозвучная» (1676), озаглавленное «Желание творца». В комментарии к этому произведению И. П. Еремин первый отметил, что это — «одно из наиболее замечательных „программных“ стихотворений Симеона».²¹ К сожалению, «программность» «Желания творца» была настолько опасна в те времена, что автор не рискнул включить это стихотворение в подносный экземпляр

¹⁸ Об источниках Симеона Полоцкого см.: О. І. Білецький. Зібрання праць у п'яти томах, т. І. Давня українська і давня російська літератури. Київ, 1965, стр. 371—449.

¹⁹ E. R. Curtius. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 2. Aufl. Bern, Francke, 1954, стр. 325.

²⁰ D. Čiževskij. Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen. S. Gravenhage, Mouton, 1956, стр. 89.

²¹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 264.

«Гусли доброгласной», изготовленный для царя Федора Алексеевича, — на полях полного текста «поэмы», перебеленной копиистом, рукой Симеона прибавлено: «Сие в книзѣ врученной нѣсть писано».²²
Вот текст этого стихотворения.

Желание творца

Желах сим гусльм печатаным быти,
да бы им царску славу возгласити
По всей России и гдѣ суть словяне,
в чюждых далече странах христяне
Да в книгах идет слава во вся страны
царя пресвѣтла, иже богом данны
И род российский да ся прославляет,
что стихотворцы свойственны питаест
Ничто бо тако славу разширяет,
яко же печать, та бо разношает
Вездѣ и вѣком являет будущим
во книгах многих и заморем сущим
Мало словенских стих досѣлѣ бяше,
поне да явит тыя время ваше
В вашу же славу Но отчаеваю,
рачителей бо тоя мало знаю
Аще возмнит кто се быти убыток,
аз общаю славу и прибыток
Прибыток мимо, слава же есть благо,
паче сокровищ честно же и драго,
Тою Александр и днесь животствует,
кто ону сяжа, во вѣк бышествует,
За ню же и Павел хотя умираити,
иже все злато вѣдѣ обругати, —
Ту же тип носит Убо подобает,
да и Россия славу разширяет
Не мечем токмо, но и скоротечным
типом, чрез книги сущым многовѣчным
Но увы нравов! Иже истребляют,
яже честныи трудове раждают
Не хотим с солнцем мирови сияти,
в тѣх незнания любим пребывати²³

Грустные размышления Симеона о горестных судьбах русского просвещения и русского стихотворства в его время, содержащиеся в заключительных стихах «Желания творца», не ослабляют оптимистического и патриотического звучания основной части стихотворения; впрочем, и в последних строках Симеон высказывает свою любимую, высокую мысль, что Россия, русская культура должна «с солнцем мирови сияти».

И если через триста лет после того как были написаны эти стихи, Советская Страна, советский народ, советская культура «с солнцем мирови сияют», несомненная заслуга в этом принадлежит и скромному зачинателю русского стихотворства, панегиристу книги и чтения, Симеону Петровскому-Ситниановичу из Полоцка.²⁴

²² Там же

²³ Там же, стр 158—159 В стихе 23, по-видимому, надо читать «За ню ж »

²⁴ В книге В. Т. Георгиевского «Флорищева пустынь Историко-археологическое описание» (Вязники, 1896, стр 249) приведено стихотворение, начинающееся так

Книги содержат, тыя прочитати
Человску треба, введут бо и в небо
и т д

Исходя из того что в рукописном сборнике, в котором помещено данное произведение, находятся также стихи Симеона Полоцкого — «Благодарствие усердное» царю Федору Алексеевичу за создание новой келии (1674), В. Т. Георгиевский высказывает предположение, что и это стихотворение, и сборник, в который оно включено, принадлежат перу Симеона Полоцкого (стр 251) Думаю, что оно скорее принадлежит перу Сильвестра Медведева, ученика Симеона Полоцкого

А. М. ПАНЧЕНКО

О русском литературном быте рубежа XVII—XVIII вв.

Для XVII в., как эпохи переходной, трудно выделить преобладающее литературное течение или жанровую группу. В эту пору сосуществовало несколько литературных потоков, которые соприкасались лишь изредка. Культурная многослойность определяла и различные писательские типы. Я хочу сказать о том из них, который оказался перспективным и, претерпев изменения, порою принципиальные, сохранил господствующее положение и в XVIII в. Это тип поэта-профессионала, репрезентированный Симеоном Полоцким, затем Сильвестром Медведевым, Карионом Истоминым, Мардарием Хониковым, Дмитрием Ростовским, новгородским митрополитом Иовом, макарьевским архимандритом Тихоном, Стефаном Яворским, отчасти Андреем Белобоцким, Федором Поликарповым и братьями Денисовыми.

Никогда прежде в русской культурной жизни не являлась группа интеллигенции, связанная столь тесными личными отношениями. Медведев был любимым учеником, душеприказчиком и наследником Симеона, жил с ним в ближайшем соседстве в Заиконоспасском монастыре, редактировал его сочинения. Карион, бывший с Медведевым в свойстве, его соавтор по известным «Запискам о стрелецком бунте», поддерживал неизменно дружеские отношения с Дмитрием Ростовским и Стефаном Яворским, вместе с Медведевым, Мардарием Хониковым и Поликарповым служил в Книжной справе московского Печатного двора.

В бурную эпоху стрелецких мятежей, антагонизма между Софьей и Нарышкиными, брожения и бунтов при Петре I людям трудно было остаться нейтральными. Медведев, земляк и приятель Ф. Л. Шакловитого, фактум Софьи и В. В. Голицына, сложил голову на плахе. «Пестрый» Карион за связи с партией Милославских тоже мог угодить в 1689 г. в Троице-Сергиеву лавру, где Борис Голицын, Лев Нарышкин и Тихон Стрешнев чинили розыск. Он спасся только потому, что был близок к патриарху Иоакиму, еще раньше доносил ему на «дядюшку Селиверста», а во время розыска прямо его предал. Сам Медведев, впрочем, восемью годами ранее в своем доносе на Андрея Белобоцкого, поданном через Павла Негребецкого, обвинял в еретичестве и требовал сурово покарать этого поляка (он приехал в Россию в феврале 1681 г.), своего конкурента по руководству академией, которую собирались создать в Москве и которая в конце концов оказалась в руках братьев Лихудов.

Высшему иерарху русской церкви Стефану Яворскому, произнесшему 17 марта 1712 г. поучение «О хранении заповедей господних», в котором царевич Алексей объявлялся «единой надеждой» России, Петр I на три года запретил публичную проповедь. За несколько месяцев до смерти, ле-

том 1722 г., больного Стефана на дому допрашивали Сенат и формально подчиненный ему Синод по делу еретика Левина, утверждавшего, что Петр — антихрист. Стефану грозило лишение сана, может быть, и казнь. Его заместитель и непримиримый враг Феофан Прокопович, типичный петровский делец, нувориш и эпикуреец, талантливый, энергичный, неразборчивый в средствах, едва уцелел при Петре II. Ему грозила судьба Меншикова, и только помощь Анне Иоанновне против «верховников» снова дала в руки власть.

Невзгоды, выпавшие на долю тогдашнего писательского круга, требуют некоторых пояснений. Это был и круг придворных — либо царских, либо патриарших. Симеон Полоцкий исправлял должность учителя детей Алексея Михайловича. После смерти Симеона Медведев сохранял расположение Федора Алексеевича и Софьи. Карион также пользовался милостями последней, при патриархах Иоакиме и Адриане был чем-то вроде секретаря, писал буквари для царевича Алексея. Стефан Яворский, посвященный в 1700 г. в сан митрополита рязанского и муромского, вскоре стал местоблюстителем патриаршего престола и президентом Синода. Св. Дмитрий занимал ростовскую митрополичью кафедру, Иов — новгородскую; Федор Полкарпов сумел снискать приязнь Петра, а Феофан Прокопович был его любимцем.

Впрочем, близость к власти, как правило, объяснялась не стремлением сделать придворную карьеру. Современники этого понять не могли и, наблюдая «сикилийский огонь» спора о пресуществлении святых даров, в котором столкнулись Иоаким и западник Медведев, решили, что последний ищет патриаршего престола. Между тем вопрос о внелитературной деятельности Медведев решал так же, как его учитель Симеон Полоцкий, как Стефан Яворский и Дмитрий Ростовский, как Карион Истомир. Хотя Симеон Полоцкий не только принимал гонорары — царские пожалования за писанные по случаю тезоименитств, двенадцатых праздников и т. п. «приветства», но и не стеснялся напоминать о неуплате Алексею Михайловичу, впрочем всегда щедрому к своему любимцу, хотя деньги за то же охотно брали и Сильвестр, и Карион, — все-таки в ту пору никто и не помышлял, что можно прожить на этот нерегулярный и неопределенный заработок.

Все профессионалы, о которых идет речь, вышли из низов. Ни вотчин, ни поместий у них не было. Сильвестр начал службу в приказе Тайных дел — личной канцелярии царя, ведавшей, помимо Думы, секретной его перепиской. Медведева и поместили в Заиконоспасскую школу для усовершенствования в языках — без них трудно было вести «тайные дела». Подьячие приказа направлялись в качестве «царского ока» в походы и посольства. По свидетельству Григория Котошихина, послы и воеводы всячески перед ними заискивали. Какую карьеру мог сделать подьячий приказа, видно на примере Ф. Л. Шакловитого. Не говорю о 1689 г. — ни сам Ф. Л. Шакловитый, ни кто-либо другой такого конца после блистательного взлета не мог предвидеть. Конечно, Ф. Л. Шакловитый — исключение, однако начало служебного пути Медведева сулило если не спокойное, то безбедное существование. Уже после учебы в Заиконоспасском монастыре Сильвестр успешно продолжал службу. Он, в частности, стажировался при А. Л. Ордине-Нащокине при заключении Андрусовского мира. Тем не менее он предпочел монашество. Монахами были Симеон, Карион, Хоников, Яворский, св. Дмитрий, Иов, Феофан Прокопович. Но они с этого, так сказать, начали, поэтому нам нелегко в каждом случае установить причины ухода от мира. А Сильвестр долго колебался, прежде чем надеть клобук.

Дело в том, что его учитель Симеон Полоцкий считал монашество непременным условием литературной деятельности:

... Не будет мощно с книгами сидети, —
удалит от них жена, удалят и дети.
Ей, неудобно книги довольно читати
и хотение жены в доме исполняти.

Для него бессемейное одиночество (известно, что друзья отговорили от женитьбы и Кариона Истомина) было если не определяющим, то все же важным свойством писателя-профессионала. Это был один из непременных ингредиентов писательского типа — типа человека, которому не нужно думать о насущном хлебе, который может без оглядки отдаться просветительской деятельности.

Поэтому Сильвестр Медведев внял совету учителя и 14 марта 1672 г. прибыл в Молченскую Путивльскую пустынь, где спустя два года постригся, став из Сеньки Сильвестром (после победы Нарышкиных ему, пытанному на дыбе, битому кнутом и расстриженному, пришлось пережить обратную метаморфозу). Вообще у профессионалов конца века заметно некоторое стремление к «духовной тишине». Андрей Белобочкий по приезде приобрел покровительство П. М. Апраксина, брата царицы Марфы Матвеевны (жена, а с 1682 г. вдова царя Федора), который в 1686 г. стал стольником Петра, потом окольным, боярином, с 1715 г. графом, сенатором и президентом Юстиц-коллегии. Но донос Медведева—Негребецкого, неудачный публичный диспут с Лихудами, очевидно, убедили Белобочкого, что Москва — мало подходящее для него место. Женившись на дочери попа Предтеченской церкви под Новодевичьим монастырем, он оставил честолюбивые замыслы. Будучи причислен 12 января 1686 г. к посольству Ф. А. Головина в Китай, он хотел уклониться от поездки и несколько дней — в то время как дома у него устроили «мышеловку» — прятался у тещи, вдовой попадья Екатерины. Уже 16 января, правда, он явился в Посольский приказ. Тяготившийся двусмысленным положением Стефан Яворский упорно подумывал о схиме, так что глава Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин, племянник покойного Иоакима, в 1710 г. посылал к нему нарочного отговорить от этого намерения, а всему клиру прямо запретил постригать Стефана, который два года спустя снова просил у Петра позволения схимиться. Покой, необходимый для литературных занятий, больше всего ценил и автор «Миней Четых».

Я уверен, что эти стремления были вполне искренними. Добровольная близость ко двору не дает повода в них усомниться. Сама научно-литературная программа профессионалов порождала неразрешимое противоречие между стремлением удалиться от мирской суеты и борьбой за «свободу рук» при дворе. Для Симеона и его последователей Московское государство было страной, где «в простоте богу угождают», не зная и поэтому не ценя «грамматических и риторических хитростей». В смысле культуры Россия представлялась им глухой провинцией. К сожалению, им не дано было понять, что с европоцентристских позиций их собственное просветительство было тоже провинциальным — украинно-польская барочная эстетика, «новая» наука, сосредоточившаяся на исторических анекдотах, богословие — ортодоксальным, хотя и с наносными латинскими элементами и забвением некоторых православных этических достижений. С другой стороны, их бы поразила сегодняшняя высокая оценка прозы Аввакума, «Горя-Злочастия» и демократической сатиры: эти самые выдающиеся памятники XVII в. стояли для них за рамками литературы.

Та группа писателей, о которой идет речь, ставила перед собой задачу создания новой культуры. Отсюда их энциклопедизм и плодовитость. Симеон Полоцкий выступал как богослов-полемист («Жезл правления»), как проповедник («Обед душевный» и «Вечеря душевная»), как драматург и переводчик. По подсчетам И. П. Еремина, его колоссальное поэтическое наследие достигает 50 000 стихотворных строк, причем в последнее время отыскиваются новые тексты. «Вертоград многоцветный» по композиции — тот же энциклопедический словарь, где стихотворения расположены по алфавиту, причем автор не заботился ни о жанровом, ни о тематическом единстве: он искал «многоцветия», хотел сгруппировать информацию, которой должен владеть просвещенный человек. Сильвестр Медведев, умерший, как и его учитель, на 51-м году, оставил меньшее литературное наследство. Он начал писать довольно поздно, прекратил же свои занятия года за два до «главосечения», еще прежде заключения «в твердое хранило» Троице-Сергиевой лавры. Патриарх безусловно запретил читать и распространять его сочинения, и все же до нас дошло — в современном пересчете — несколько томов, принадлежащих Медведеву — поэту, богослову, историку, не говоря о его переводческой и редакторско-издательской деятельности. Поражает продуктивность Кариона Истомина, Дмитрия Ростовского, Андрея Белобожского и др. Симеон, по словам Медведева, каждый день заполнял «в полдесть по полутетради» «зело мелко и уписисто».

Эта плодовитость — не графоманство, а следствие установки на тематическую широту. Бесспорно, однако, что в силлабике, которая была призвана в слове оформить новую культуру, поэтический момент учитывался слабо. «Виршеписатели» вслед за Кириллом Транвилионом исповедовали идею, что «сладкая мова под метри» украшает мысль — и ничего больше. Эта идея привела впоследствии к настоящему стихотворному наводнению, от которого «тошнило» Феофана Прокоповича. Из авторов нашей группы только последний да еще, пожалуй, Стефан Яворский сознавали разницу между поэзией и стихотворством. Стефан, который в Киеве был увенчан званием «poeta laureatus», — скорее, впрочем, новолатинский поэт, чем русский. Его блестящая «Элегия к библиотеке», от которой, по мнению Филарета (Гумилевского), не отказался бы и Вергилий, написана по-латыни; ее многочисленные переводы XVIII в. показывают, насколько трудно было тогда создать адекватное художественное переложение.

Чтобы сделать новую культуру доступной, требовался печатный станок. Россия не знала частных типографий; искали содействия у властей, другого выхода не было. Многие из профессиональных писателей служили в Книжной справе, но патриарх, распорядившийся ею, предпочитал почти исключительно богослужебные книги. Симеон Полоцкий добился заведения «верхней» типографии, но всего за два года до кончины. Кое-что печаталось privately за границей, например известные гравюры со стихотворной подписью Медведева, прославляющие Софию. В общем, средства к распространению новой культуры оказались ничтожными, и поэтому сборники, циклы и отдельные стихотворения поэтов-силлабистов часто оставались в одном-двух списках.

Просветители пытались подготовить и восприятие новой культуры, создать в Москве прослойку интеллигенции. Заметим, что все они были педагогами. Симеон Полоцкий, руководивший еще в Полоцке Богоявленской школой, устроил небольшую школу в Заиконоспасском монастыре; старостой в ней был Медведев, возобновивший предприятие своего учителя в 1682 г. В 1686 г. у Медведева было 23 ученика. Андрей Белобожский давал в Москве частные уроки латыни. Число учеников Ростовской школы Дмитрия Туптало простиралось до 200. Карион Истомин сочинял изве-

стные буквари для царевича Алексея Петровича. Митрополит Иов завел училище в Новгороде. Стефан Яворский исполнял должность протектора Московской академии, которая до него оставалась оплотом грекофильской партии.

По недостатку места я не буду характеризовать их педагогические приемы. Замечу лишь, что все они придерживались одной системы, «латинской», — именно той, которая принята была в Киево-Могилянской академии. В ней учились Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, учились и преподавали Стефан Яворский и Феофан Прокопович, лекции которого, может быть, тайком слушал Андрей Денисов, который в свою очередь завел училище у себя на Выге. Медведев усвоил эту систему от Полоцкого, и при этом столь успешно, что французский резидент Невиль в отчете о московских смутах, приготовленном для Людовика XIV, называл его поляком греческого вероисповедания. Укратиофильство Медведева явствует из доноса на Белобоцкого, где в будущие преподаватели Академии намечаются сплошь малороссы, между прочим Иннокентий Монастырский, друг и предшественник Дмитрия Туптало на игуменстве киевского Кирилловского монастыря. Впоследствии Иннокентий горячо поддерживал Медведева в споре о евхаристии, призывая москвичей — согласно барочной моде на этимологии — толковать имя Сильвестр как «sol vester» — «солнце ваше»; грекофилы, напротив, производили имя своего врага от «silva», именуя его «диким, или лешим, медведем». Обязательное владение латынью, польским и отчасти греческим языком, стихотворной техникой и ораторским искусством, углубленное знание всеобщей истории и богословия, библиофильство — таковы неперенные качества писателей-профессионалов рубежа XVII—XVIII вв.

Петр I придерживался других взглядов на культуру. И грекофилы, и западники оказались для него неприемлемыми потому, что они — если пользоваться современным термином — были гуманистами. Петр предпочитал практические науки; он обратился к протестантским странам, где к тому же церковь подчинялась государству. Хотя Россия и не приняла тот путь, который предлагали ей Симеон Полоцкий и его ученики, однако они успели сформировать тип писателя-профессионала, придворного просветителя, многие черты которого видны в Тредиаковском, Ломоносове, Державине.

О. А. ДЕРЖАВИНА

Пьеса о царе Навуходоносоре на европейской и русской сцене XVII в.

Рассказ о царе Навуходоносоре, пытавшемся сжечь трех еврейских юношей «в печи, огнем горящей» за то, что они отказались поклониться «телу златому», поставленному царем, является одной из наиболее драматических и ярких страниц Библии (3-я глава Книги Даниила). Он рано привлек внимание создателей церковной драмы: инсценировки сюжета во французской драматической литературе известны уже в конце XI—начале XII в.¹ В греческих церквах обряд, воспроизводящий ту же историю, совершался в XV в. В истории русской церкви он известен под названием «Пешного действия», которое разыгрывалось обычно перед праздником рождества. В середине XVI в. оно исполнялось в Новгороде, в XVII в. — в Вологде и в Москве.²

Популярный библейский рассказ послужил материалом и для пьес школьного иезуитского театра. В западной литературе известна трагедия, написанная на этот сюжет французским иезуитом Николаем Коссеном (1580—1651), духовником Людовика XIII, талантливым преподавателем риторики и проповедником.³ Трагедия «Навуходоносор» вошла в сборник Коссена «Священные трагедии», вышедший в 1620 г. в Париже и включающий в себя четыре драмы и одну ораторию. Трагедия написана звучными латинскими стихами. Действующими лицами ее являются Навуходоносор, его сын Бальтазар, сановники Малазар и Артибазан, халдей Арбогаст, посол, юноши-евреи Анания, Азария и Мисаил, пророк Даниил, ангел и хор.

В построении драмы Коссен следует правилам, изложенным в популярной в его время «Поэтике» Юлия Скалигера, опиравшегося на Аристотеля, Горация и Сенеку. В пьесе пять актов; каждый акт заканчивается выступлением хора — непрямого участника античной трагедии. Действующие лица резко делятся на положительных и отрицательных; порок в конце пьесы наказывается, добродетель торжествует.

Содержание пьесы сводится к следующему. Навуходоносор хвастается своими успехами и воинским счастьем. Напрасно трое еврейских юношей напоминают ему о страхе божием: он только смеется им в ответ, так как

---

¹ П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 40.

² Там же, стр. 37—39. См.: А. Дмитриевский. «Чин пешного действия». — Византийский временник, т. I, вып. 3—4, СПб., 1894, стр. 553—600.

³ В. И. Резанов. Эскурс в область театра иезуитов. К истории русской драмы. Нежин, 1910, стр. 27.

посол приносит ему весть о новых победах его войска. Во втором акте обеспокоенный вещим сном царь призывает жрецов и снотолкователей, но они бессильны разъяснить ему значение сна. Это делает пророк Даниил. Савновник Малазар, возмущенный суеверием царя, задумывается погубить евреев: он рассказывает Навуходоносору о казнях, которым был подвергнут Египет по воле Моисея, и намекает, что евреи — люди опасные, так как не воздают царю должных почестей. Царь в гневе приказывает выставить для поклонения свое золотое изображение, перед которым первыми должны пасть ниц евреи. Но Анания, Азария и Мисаил отказываются выполнить приказание Навуходоносора. После жестоких пыток царь приказывает бросить ослушников в тюрьму.

4-й акт — кульминация драмы: после вторичного допроса и спора с царем юноши, оставшиеся непреклонными, осуждены на страшную казнь — их бросают в разожженную печь. Наблюдающий за казнью Малазар приказывает ликтору усилить огонь, но, к удивлению палачей, он не касается осужденных. Юноши поют гимн богу. Выйдя невредимыми из печи, они убеждают пораженного чудом царя признать могущество израильского бога. В 5-м акте Навуходоносор наказывается за свою гордость и жестокость: он впадает в безумие и воображает себя быком. Даниил разъясняет Балтазару, что все это происходит по воле неба и что через семь лет рассудок вернется к его отцу.

Как видно из содержания пьесы, Коссен свободно использует библейский сюжет, дополняя его материалом из других глав Библии, а некоторые подробности вводит от себя. В Библии «тело золотое» не статуя Навуходоносора, а, по-видимому, изображение какого-то ассирийского божества, которому должен был поклоняться весь народ. Не желая кланяться идолу, юноши говорят царю, что они «богом его не служат», а поэтому «телу золотому» не кланяются, за что их сразу же и бросают в печь. В пьесе Коссена юношам предлагается поклониться золотой статуе царя, чем они должны доказать ему свою верность, свою «политическую благонадежность». Царя интересует именно этот вопрос, хотя юноши и здесь отказываются кланяться статуе потому, что это им запрещает их вера.

Таким образом, события в пьесе осложнены, им придан несколько иной смысл. Диалог между царем и непокорными евреями развернут в продолжительный спор, где юноши доказывают, что вера в истинного бога, которому они служат, не мешает им почитать царя. Виновные сначала брошены в тюрьму, преданы мучениям; только после второй беседы с царем их ведут на казнь. У Коссена они выглядят христианскими мучениками, страдальцами за веру. Самая сцена допроса строится так, что напоминает многочисленные рассказы житийной литературы о допросах, чинимых мучителями христианам. Юноши называют Навуходоносора «императором», он обвиняет их в неблагонадежности и в поклонении «ослиной голове» — обвинение, часто возводимое на христианских мучеников. Во время второго допроса царь обращается к Мисаилу — самому молодому и красивому, уговаривая его пощадить свою молодость и красоту, — прием, также часто встречающийся в житийной литературе. Как и христианские мученики в подобной ситуации, Мисаил остается верен своим убеждениям. Юноши бросаются в разожженную печь с фанатическими криками: «Святый боже! Святый боже! Великий боже! Великий боже!», которые действовали на зрителей возбуждающим образом. Герои пьесы должны были служить для них образцом твердости в вере, не ослабевающей среди пыток и мучений. Такое освещение событий в драме Коссена вполне понятно: в том же сборнике им помещены две драмы, уже непосредственно посвященные христианским мученикам («Фелицитас» и «Теодорик»).

Несмотря на отступление от источника и несоблюдение исторической достоверности, пьеса французского драматурга отличается четкостью построения, выразительностью диалогов, драматичностью. Гордому и жестокому царю и его коварному сановнику противопоставлены еврейские юноши — мученики за веру, являющиеся воплощением внешней и внутренней красоты, мужества и верности своим убеждениям.

* * *

В конце XVII в., когда старинное русское «Пещное действо» уже было запрещено, на популярный сюжет, а также, возможно, и на его блестящие западноевропейские обработки обратил внимание один из образованнейших русских людей того времени — проповедник, поэт и драматург Симеон Полоцкий. Взамен запрещенного «Пещного действа» он предложил русским зрителям свою драму «О царе Навуходоносоре, теле злате и триех отроцех, в пещи не сожженных».⁴ История грех еврейских юношей была обработана Полоцким в драму по правилам латино-польских пиитик и предназначалась для исполнения не в церкви и даже не на школьной сцене, а в придворном театре царя Алексея Михайловича.

Симеон Полоцкий следует библейскому тексту значительно точнее, чем Коссен. Действующими лицами его пьесы являются Навуходоносор, его казначей, вельможи Зардан, Навусор и Амир, музыканты, слуги, воины, три отрока — Седрах, Мисах и Авденаго и ангел. Даниил в пьесе не появляется. Пьеса состоит из одного действия, пролога и эпилога и написана 11-сложными силлабическими стихами с парной женской рифмой.

Начало пьесы очень близко к началу пьесы Коссена: как и там, это монолог Навуходоносора, который кичится своими победами. Хотя у Полоцкого монолог много короче и лишен той пышности, которую придал ему французский драматург, смысл слов царя тот же. Более того, Навуходоносор у Полоцкого называет себя «богом богов», чего нет у Коссена. Это самообожествление царя — крайняя степень гордости. Он приказывает отлить из золота свое изображение, как нового божества, и поставить его на поле Деире для всеобщего поклонения. Таким образом, у Полоцкого, как и у Коссена, «тело златое» — это статуя царя, но у французского драматурга золотое изображение Навуходоносора выставлено для поклонения после клеветы сановника на еврейских юношей с целью испытать их верность царю, в пьесе же Полоцкого золотой истукан отливается и выставляется на «превысоком столпе» для всеобщего поклонения новому боже ст в у. В то же время, как и у Коссена, царь хочет таким путем проверить и верность своих подданных: он тут же приказывает изготовить пещь, в которую «всяк вовернется, им же наш образ честный не почтется».

Как и в трагедии Коссена, в пьесе Полоцкого поклонение «телу златому» или отказ от поклонения в понимании царя означают верность или неверность ему; но в русской пьесе дело осложнено тем, что золотой истукан не просто изображение царя, а образ нового божества, — политический смысл поклонения сочетается с религиозным и приближается к тому, что мы читаем в Библии, а отказ юношей выполнить приказание царя становится еще более оправданным.

Далее действие пьесы развивается очень близко к библейскому тексту. Царь требует, чтобы играли «трубы, органы и свирели», чтобы пещь была

⁴ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Ерсмينا. М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 189—202.

«в седmero раскаленна». Имена юношей те же, что и в библейском рассказе: Седрах, Мисах и Авденаго. Гневная речь к ним Навуходоносора заканчивается словами: «Кто бог есть могущ вас мук свободити, от рук всесильных паших исхитити?». Это не что иное, как перефразировка библейского текста: «и тогда какой бог избавит вас от руки моей?».

Диалог юношей с царем в пьесе Полоцкого очень краток, каждый из них говорит только один раз, реплики их коротки и слова первого (Седраха) точно воспроизводят 16-й и 17-й стихи 3-й главы книги пророка Даниила. Отроков тут же бросают в печь. Речь воинов при этом несколько напоминают речи «халдеев» из «Пещного действия», произносимые при том же моменте представления. Действие быстро идет к развязке: огонь, пощадивший отроков, опаляет слуг царя, Навуходоносор и его сановники поражены этим чудом, царь раскаивается в своем поступке, призывает юношей выйти из печи и приказывает чтить бога свреев. Юношей он приглашает в свои палаты. Ремарка поясняет: «И отыдут за завесы. По сих эпилог». Пьеса заканчивалась «игранием», т. е. музыкой.

В пьесе Полоцкого Навуходоносор не несет наказания за свое злодеяние, он раскаивается, и действие заканчивается общим примирением, но все же царь, возомнивший себя богом, получает суровый урок: он оказался бессильным перед иной высшей силой и должен был признать эту силу и покориться ей. Юноши Полоцкого не христианские мученики, как у Коссена, а еврейские отроки — верные слуги и поклонники Иеговы.

То, что пьеса Полоцкого одноактная, не портит ее; наоборот, она даже выигрывает благодаря своей компактности и краткости. В библейском рассказе большую роль играет музыка. Полоцкий сохраняет эту красочную деталь: в его пьесе Навуходоносор слушает «ликовствования мусийки» в то время, когда по его приказу отливают из золота изображение его особы. Музыкой, как и в Библии, подается знак, что настало время поклоняться «телу златому».

Никаких упоминаний и сведений о постановке пьесы не сохранилось, в то же время эта постановка должна была быть очень яркой и красочной: обилие музыки, драматический эффект с пылающей печью и чудесным спасением юношей — все это вместе с легко воспринимающимся стихотворным текстом должно было увлекать зрителей и сильно действовать на их воображение.

Хотя в прологе добродетели царя Алексея Михайловича противопоставлялись нечестию Навуходоносора, пьеса заключала в себе и урок царю: он должен был понять из ее содержания, что только вера в истинного бога и смирение перед ним являются залогом счастливого царствования и успеха в делах.

В работе над пьесой о Навуходоносоре Полоцкий обнаружил недюжинные способности драматурга: близко следуя за источником, он сохраняет достаточную самостоятельность, умело строит действие, создает живые диалоги и использует все доступные сценические эффекты, чтобы произвести на зрителей наиболее сильное впечатление. Его пьеса — выдающееся произведение русской драматургии на заре возникновения русского театра.

П. ЛЕВИН

К вопросу о соотношении восточнославянских интермедий и фольклора

Исследователи восточнославянских интермедий — этих небольших, преимущественно стихотворных, комических бытовых пьесок, которые ставились на украинских, белорусских и русских школьных и публичных (демократических) сценах с конца XVI в. по 60-е годы XVIII в., между действиями иных драматических произведений, а быть может, и отдельно, — писали неоднократно о родстве этого жанра с устным народным творчеством. Выводы свои они основывали прежде всего на обнаруженных ими прямых заимствованиях из устной словесности, таких как пословицы и поговорки, песни, сказочные мотивы, пародии народных обрядов или своеобразный ритмический строй речи. В предлагаемом здесь сообщении мы хотим обратить внимание на соотношение интермедий и фольклора в несколько иной плоскости, в плоскости народного понимания драматического и всяческого другого художественного творчества.

Народное творчество всегда анонимно. Научные исследования могут с большей или меньшей степенью вероятности определить имя автора или литературный источник произведения народной словесности, но в сознании народа не существует понятия авторской собственности, представления об одном авторе. Исполнение художественного произведения воспринимается всякий раз народным исполнителем и его слушателями как совершенно новый творческий акт, в котором ранее услышанное используется не как что-то законченное, неизменное, а как материал эластичный, легко поддающийся различным изменениям. Поэтому каждое произведение народной словесности может выступать в многочисленных вариантах, в которых находят отражение животрепещущие вопросы дня, местные обычаи и происшествия, а также художественный вкус, талант и другие индивидуальные особенности исполнителя.

Анонимность — эта кардинальная черта фольклора — является также жанровой особенностью интермедий. Научные споры об авторах интермедий не дают никаких положительных результатов именно потому, что они беспредметны. Создатели интермедий черпали полной горстью из разных источников и со своей стороны признавали за исполнителями право всесторонне изменять каждый раз текст и его сценическое воплощение. Поэтому-то интермедии бытовали и сохранялись без имен авторов.

Одним из последствий анонимного характера народного творчества является свободное контаминирование. Контаминация мотивов или целых кусков разных произведений — это также творческий принцип создателей интермедий. Не всегда при этом соблюдена логическая связь между «сши-

тыми» кусками, потому что создатель сценического варианта интермедии стремится чаще всего не столько передать последовательно события, сколько увеличить число действующих лиц, их передвижений, перипетий, динамизировать постановку, увеличить суматоху на сцене. Увидеть это можно хотя бы на примере двух украинских интермедий, записанных в рукописи конца XVII—начала XVIII в., найденной Ярославом Гордынским в селе Дернове Львовской области.¹

В пятой дерновской интермедии сконтаминированы две сценки, которые могли ставиться, а может быть, когда-то и ставились на сцене порознь. Их совмещение способствовало созданию постановки, в которой много движения. Под конец первой сценки, в которой ссорятся и дерутся Мужик и лавочник — Еврей, на сцене появляется Студент, хочет наказать того и другого, но Мужик убегает, а на сцене остаются Студент и лавочник. Теперь они начинают ссориться. Студент бьет посуду лавочника, разливает его вино, колотит его и уходит искать своих друзей. Лавочник остается один, жалуется зрителям на свою судьбу и, убогая, просит их не выдавать его приближающимся студентам. После этого на сцену вбегают три Студента и начинают искать лавочника. Монолог одного из них ловко заканчивает интермедию: лучше прекратить поиски, не делать столько шума, не беспокоить людей (т. е. зрителей) и не терять попусту времени, а вежливо поклониться и всех поздравить с праздником (дерновские интермедии ставились во время пасхи).

В следующей по счету, шестой, дерновской интермедии сценка торга, в которой выступают лавочник, зазывающий покупателей, и его покупатель — Цыган и Баба, примеряющая наряды, сконтаминирована с инсценировкой популярного анекдотического мотива о лекаре-шарлатане. Лекарем притворяется появившийся на сцене примерно в середине представления Дьявол, его пациентами становятся герои первой части этого представления, т. е. Баба и Еврей, помощником — Цыган.

На творческом использовании принципа контаминации построены многие интермедии к драмам Митрофана Довгалевского, которые ставились в Киево-Могилянской академии в 1736 и 1737 гг.² Приведем только два примера. В четвертой интермедии к рождественской драме Довгалевского соединены два не связанные друг с другом диалога (или фрагменты двух диалогов): Мужика с Евреем и трех Ксендзов с Москалем. Действующие лица первого диалога не принимают участия во второй части этой интермедии, но ни в заглавной ремарке, схематически излагающей все содержание (так называемое *argumentum*), ни в последующем тексте нет указаний на то, что персонажи эти должны были сойти со сцены. Это обстоятельство является не только доказательством контаминации, но позволяет предполагать, что постановщик сознательно мог оставить на сцене до конца всех действующих лиц и что во второй части интермедии Мужик и Еврей могли исполнять мимические роли и увеличивать суматоху.

О том, что контаминация была творческим принципом слагателей интермедий, свидетельствует также первая интермедия к пасхальной драме Довгалевского. Приведем *argumentum* этой интермедии, ставя разделительный знак (||) для отграничения составных частей содержания, очень свободно сращенных в последующем за заглавной ремаркой сценическом тексте и восходящих, по нашему мнению, к разным (по крайней мере к трем) текстовым источникам (письменным или устным):

¹ Тексты см.: Українські інтермедії XVII—XVIII ст. Київ, 1960.

² Тексты см.: там же.

«Виходять два мужики заставляти тенета, до которых виходить третій для поради; оставивши тенета, скріються. Потом виходить литвин и упадет в тенета, и, напавши, мужики литвина убють. || Потом виходять синки, шукаючи батка, и, знайшовшы, воскресять. || Еще к ним виходить ксонз питагися, що на том свѣтѣ дѣється, и литвин ксонза прожене».

Одна из семи интермедий, которые ставились в русском школьном театре в начале XVIII в.,³ а именно четвертая, возникла как контаминация инсценировки популярного анекдота о разделе найденных денег между нашедшим и мнимым хозяином-плутом с таким же популярным анекдотическим мотивом о продаже кота в мешке. Здесь контаминация помогает акцентировать мораль об обманутом обманщике.

В русской демократической драматургии XVIII в. интересующий нас прием контаминации мы находим, например, в интермедии Титовского сборника⁴ о Раскольнике, Греке и Сотских (лл. 15 об.—16 об.). Здесь монолог Раскольника является контаминацией характерного для этого персонажа русской сатирической литературы монолога о спасении душ и о страданиях за старую веру, написанного пародированным церковнославянским языком, и не менее часто встречающегося в демократической литературе того времени прибаутчного зазыва разносчика. В. Д. Кузьмина показала точный источник одного из двух фрагментов монолога Раскольника — монолог разоренного купца в другой интермедии этой же рукописи.⁵

Другой особенностью, органически связывающей поэтику интермедии с народным пониманием художественного творчества, является своеобразная условность художественной фикции, когда в интермедии все происходит не совсем так, как в жизни, но так, как хотелось бы, чтобы произошло. Условность эта является, вероятно, рефлексом магических обрядовых заклятий, веры в силу пожелания, благодаря которой можно осуществить даже невозможное. В интермедиях некоторые персонажи появляются на сцене перед персонажем, высказывающим какое-то пожелание, как бы вдруг, без каких-либо логически обоснованных реальных причин, а только по счастливому случаю. Это специфически народное художественное восприятие действительности выступает в интермедиях — произведениях комических и часто сатирических — также в функции реверсивной. В этом последнем случае персонаж, появляющийся вдруг перед лицом, которое высказало мечту, и изъявляющий готовность эту мечту (пожелание) исполнить, оказывается плутом, шутником или разоблачителем. Покажем это на нескольких примерах.

Во второй интермедии к драме профессора Киево-Могилянской академии Георгия Конисского «Воскресение мертвых» (1747 г.)⁶ Мужик, которого польские паны принуждают к преступлению, обращаясь к зрителям, молит о спасении и громко мечтает о мстителе. Во исполнение этой мечты в наиболее критический момент на сцене появляется Москаль, который, узнав у Мужика в чем дело, прогоняет панов.

В одной из русских интермедий с Гаером, опубликованных Тихонравовым,⁷ Шляхта поет жалостную песенку о своем одиночестве. И тут же

³ Опубликованы Н. С. Тихонравовым в кн.: Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. I. СПб., 1874.

⁴ Сборник хранится в ГПБ, собрание Титова, № 1627. Машинописные копии интермедий этого сборника см. во II томе диссертации В. Д. Кузьминой «Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII века». (Отдел рукописей Института мировой литературы АН СССР).

⁵ В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII в. М., 1958, стр. 114.

⁶ Текст интермедии см.: Українські інтермедії XVII—XVIII ст.

⁷ Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. II. СПб., 1874.

перед ним является Старуха-сводня, которая услужливо приводит ему продажную Молодку.

В первой интермедии Титовского сборника (лл. 17—19) Жена, попросившись с Мужем-купцом, жалуется на ожидающие ее одиночество и скуку. Перед ней также является Старуха-сводня и приводит Любителя.

В другой интермедии этого же сборника («явление 2-е») ⁸ Шляхта желает говорить с Женой только по-немецки, но она его не понимает. Перед ними является вдруг Гаер, который готов Жену «немецкому языку обучати». Но в конце оказывается, что он жестоко подшутил над дворянской слабостью к иностранщине — откусил Жене язык, и она стала неразборчиво «лепетать».

В интермедии о Ярыге, Греке и Мошеннике (лл. 118 об. и 25 Титовского сборника) Ярыга хочет кого-либо обыграть и ждет на майдане «грешника матроса» «или иной земли какова Грека раскоса». После этих слов сейчас же является перед ним Грек.

Интермедии с фольклором роднит и сходная поэтика художественного времени ⁹ и пространства. В интермедиях, так же как и в народном театре, в народной игре, события происходят, как правило, здесь и теперь. Сценические события полностью совпадают с их исполнением и во времени, и в пространстве. Зрители и *dramatis personae* находятся в одинаковом, замкнутом месте и времени, что, вероятнее всего, является реминисценцией амбивалентной роли участников народных обрядов и игрищ. ¹⁰ Степень участия зрителя в спектакле, в создании сценической фикции, потенциальная возможность его вмешательства в сценические события определяет эмоциональные и занимательные достоинства постановки как в народном театре, так и в театре интермедии.

Все вышеизложенное, документированное, правда, всего лишь несколькими примерами, убедительно, как нам кажется, доказывает, что близость интермедий к фольклору выражается прежде всего в общности некоторых черт поэтики этого жанра письменной драматургии с поэтикой народного творчества.

⁸ Опубликовано, см.: В. Д. Кузьмина. Из истории русского демократического театра XVIII века. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 424—426.

⁹ Ср.: Д. С. Лихачев. Художественное время в фольклоре. — В кн.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.

¹⁰ Ср.: М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965.

В. Е. ГУСЕВ

О фольклоризме русской литературы XVII в.

Фольклор вливался в русскую литературу XVII в. широким потоком. Факт этот, неоднократно отмеченный исследователями, не получил еще, думается, удовлетворительного объяснения, а самый процесс взаимодействия фольклора и литературы во всей его полноте и сложности не был еще предметом специального анализа. Вместе с тем всякий, кто пожелал бы сказать в этой области новое слово, должен будет признать, что основные особенности фольклоризма переломного периода в истории русской литературы проницательно охарактеризованы В. П. Адриановой-Перетц.¹ Ею же содержательно сформулирована сущность взаимоотношения фольклора и древнерусской литературы в целом как «проблема соотнесения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости».² Эта формулировка применительно к XVII в. могла бы быть конкретизирована с учетом изменений, происшедших в социальной структуре русского общества, а соответственно — изменений в идеологической структуре литературы и фольклора. Теперь речь может идти уже не о двух противоположных методах и двух противоположных мировоззрениях, а о более сложном соотнесении мировоззрения разных социальных слоев, по-своему выражаемого в фольклоре и в литературе. Вряд ли можно говорить о едином художественном методе для всей литературы XVII в., и во всяком случае — о едином художественном методе для всего фольклора XVII в.³ Не точнее ли было бы сказать, что литературу и фольклор XVII в. характеризуют различные системы художественных методов и что суть проблемы взаимоотношений между литературой и фольклором той эпохи составляет характер взаимодействия этих двух систем?

Бесспорно, обращение писателей XVII в. к фольклору обусловлено прежде всего общим процессом демократизации древней русской литературы. Именно в эту пору в письменности непосредственно выражается

---

¹ В. П. Адрианова-Перетц. 1) Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. Л., 1937; 2) Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статьи и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»); 3) Исторические повести XVII века и устное народное творчество. — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 67—96; В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев. Русская демократическая поэзия XVII века. — В кн.: Демократическая поэзия XVII века. М.—Л., 1962 (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание).

² В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы). — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 5.

³ См. об этом: В. Е. Гусев. Эстетика фольклора. М.—Л., 1967, стр. 238—246.

идеология определенных слоев русского общества, которая ранее находила непосредственный выход лишь в устной поэзии. Естественно, что писатели демократического направления черпают в фольклоре темы, сюжеты, образы, средства художественной изобразительности. Но знаменательно, что к фольклору охотно обращаются не только авторы, связанные с городским посадом, но и писатели, принадлежавшие к боярской и дворянской среде, — от Авраамия Палицына до Г. А. Квашнина-Самарина (особенно характерно в этом отношении «Послание дворянина к дворянину» И. Фуникова).⁴ При этом, в отличие от преимущественно стихийного фольклоризма средневековой письменности, в XVII в., по наблюдению Д. С. Лихачева, имеет место «вполне сознательное обращение к фольклору, к фольклорным произведениям как к определенному стилю».⁵ Изменяется, следовательно, идеологическая и эстетическая функция фольклора в литературном процессе. С расширением и демократизацией самой аудитории, к которой теперь апеллирует писатель, в сознании последнего возрастает значение фольклора как средства воздействия на не слишком искусленного в книжной премудрости читателя.

Проникновение фольклора в русскую литературу XVII в. приобретало самую различную направленность и самые различные формы. В одних случаях переносилась сама идеология народных масс, в других — фольклорные элементы эклектически включались в чуждую массам идеологическую систему. В одних случаях элементы устнопоэтического стиля инкрустировались в инородную стилистическую структуру, в других — достигался органический сплав фольклорной и книжной традиций. В одних случаях писатель использовал какой-нибудь один фольклорный жанр, в других — синтезировал элементы разных жанров, создавая сложное по жанровой природе произведение («Повесть о Горе и Злочастии»). Сама жанровая система литературы XVII в. находится в определенной зависимости от процесса ее фольклоризации. Появление новых жанров Д. С. Лихачев объясняет отчасти «вакуумом, созданным отступлением фольклора из повседневног быта русского общества».⁶ Но характерно, что такое «отступление» имело своим следствием своеобразное «наступление», вторжение фольклора как раз в сферу этих новых жанров — и в области сатирической повести, и в области авантюрной повести, и в области любовной лирики, и даже в области театрального искусства (интермедии, во многом обязанные фольклору — польскому, украинскому, белорусскому, русскому).⁷

Необыкновенная популярность переводного рыцарского романа и одновременно нарастающий интерес к русскому народному эпосу, побуждающий знатоков былин и сказок не только их фиксировать, но и пересказывать, — эти, казалось бы, столь разные тенденции в литературном процессе — составляют в сущности два встречных потока. Рыцарский роман

⁴ В П. Адрианова-Перетц. Исторические повести XVII века и устное народное творчество, стр. 74—76; О. А. Державина. К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести XVII века. — Ученые записки Московск. гос. пед. инст. им. Покровского, т. LXVII, вып. VI, 1957, стр. 77—91; А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958, стр. 14—21; В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев. Русская демократическая поэзия XVII века, стр. 20—23.

⁵ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, стр. 79.

⁶ Там же, стр. 64.

⁷ См., например, вступительную статью Н. К. Гудзия в сб.: Українські інтермедії XVII—XVIII ст. Київ, 1960, стр. 29; Паулина Левин. Восточнославянские интермедии. — В сб.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 194—205; Paulina Lewin. Intermedia wschodnio-słowińska XVI—XVII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967.

в итоге приобретает черты богатырского и сказочного эпоса,⁸ а пересказы былин и отчасти сказок приближаются по своей манере к воинской или авантюрной повести.⁹ Принципиальный интерес в связи с последней тенденцией представляют наблюдения и выводы А. М. Астаховой и В. В. Митрофановой, основанные на анализе рукописных материалов XVII—XVIII вв.: «...встречаются тексты, в которых ясно ощущаются следы сознательной литературной обработки. В некоторых текстах она настолько значительна, что их можно рассматривать как повести в подлинном смысле этого наименования».¹⁰ Исследователи убедительно выделили два основных повествовательных типа — «героическую богатырскую повесть» (переработки былин об Илье Муромце, Алеше Поповиче, Михаиле Даниловиче, Сухане) и повествования социально-бытового характера (переработки былин о Потоке, Ставре, Иване Гоудиновиче).¹¹

Фольклоризация русской литературы XVII в. отнюдь не может рассматриваться как однородный в идеологическом отношении процесс. Даже для демократической литературы — идеологически сложной и противоречивой — характерны различные тенденции в использовании фольклора и обращение к различным идейным элементам фольклора. Известно, что неразвитость, незрелость новых общественных отношений, только складывающихся на Руси XVII в., привносила много утопизма в социальные устремления демократических слоев, определяла косность народного быта, консерватизм моральных идеалов. В самом фольклоре отразились противоречия в мировоззрении народных масс той эпохи: их недовольство существующими общественными отношениями, протест, стихийное бунтарство, с одной стороны, и царистские иллюзии, религиозные предрассудки, идеализация патриархального быта — с другой. Это обусловило сложное взаимодействие демократической литературы XVII в. с фольклором; наряду с прогрессивными устремлениями и настроениями в фольклоризме той эпохи явно ощущаются и консервативные, а подчас и реакционные элементы. Зачастую и те и другие тенденции, усилённые в результате взаимодействия фольклора и литературы, оказываются в одних и тех же литературных произведениях неразрывно связанными. Сложный идейный замысел «Повести о Горе и Злочастии» побуждал ее автора ориентироваться не только на былинный эпос и народную лирику, но и на духовные стихи.¹² В Житии протопопа Аввакума, с характерной для него установкой на устный бытовой сказ, в соответствии с противоречивым идейным содержанием этого произведения и общей религиозно-дидактической его направленностью, автор обильно использовал также религиозные и демоно-

⁸ В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова. Петр Златых ключей. М., 1964. См. также замечание А. И. Шляпкина о близости к фольклору повести о Василии Златовласом (ПДП, вып. 31, СПб., 1882, стр. [I—II]).

⁹ В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956. Особой проблемой остается определение природы «Сказания о семи богатырях, ходивших в Царьград», однако мне все же представляется более убедительной в данном случае аргументация В. Ф. Миллера, М. Н. Сперанского, В. Я. Проша и других исследователей, считающих его литературным памятником, созданным на основе нескольких былин. О пересказах сказки см.: М. О. Скрипиль. Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII—начала XVIII века. — ТОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 308—325.

¹⁰ А. М. Астахова и В. В. Митрофанова. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII—XVIII веков. — В кн.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.—Л., 1960 (серия «Памятники русского фольклора»), стр. 14.

¹¹ Там же, стр. 69—71.

¹² Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности, т. I. СПб., 1861, стр. 595—597.

логические легенды. Явно ощутима устная демонологическая традиция и в «Повести о Савве Грудцыне» (полеты по воздуху из города в город, посещение царства Сатаны и т. п.); явно фольклорного происхождения в повести и поединок Саввы Грудцына и польского богатыря, над которым герою одерживает победу с помощью беса.¹³

Вместе с тем демократическая литература XVII в. знает случаи смелого обращения к антиклерикальному фольклору и вообще использования устнопоэтической традиции в произведениях социально-обличительного содержания. В этом отношении русская сатира XVII в. остается ярким образцом прогрессивного фольклоризма («Повесть о Шемякином суде», «Повесть о куре и о лисице», «Сказание о попе Савве», «Повесть о Карпе Сутулове», «Сказание о крестьянском сыне» и др.).

В настоящих заметках лишь пунктиром намечен широкий круг разнообразных проявлений фольклоризма XVII в. Не упомянуты многие замечательные произведения, в которых так или иначе обнаруживается общая закономерность — усиление воздействия фольклора на литературный процесс: Повесть об Азовском осажденном сидении донских казаков, Повесть об основании Тверского отрока монастыря, Повесть о Еруслане Лазаревиче, эротические новеллы. Остался в стороне интересный факт своеобразного «оживления» в XVII в. старых литературных памятников с помощью привнесения в них фольклорных элементов — «Александрии», повести о Дракуле, повестей о Николе Заразском.¹⁴ Впрочем, эти заметки и не претендуют на сколько-нибудь полное освещение проблемы — они продиктованы как раз убеждением, что сама тема, которая на первый взгляд может показаться исчерпанной, заслуживает специального синтетического исследования. Такое исследование систематизировало бы и обобщило соответствующие наблюдения, рассеянные в многочисленных работах медиевистов, истолковало бы еще не учтенные факты фольклоризма в литературе XVII в. и объяснило бы то исключительное положение, какое в этом смысле занимает последняя во всем нашем историко-литературном процессе.

---

¹³ Ср. соответствующие бродячие мотивы, по-своему отраженные в народных книгах о Фаусте: Легенда о докторе Фаусте. Издание подготовил В. М. Жирмунский. М.—Л., 1958, стр. 81—84, 88—97 и др. Любопытно, что и эпизод со старцем, пытавшимся вернуть Савву Грудцына на путь праведный, также находит параллель в народной книге о Фаусте (там же, стр. 121—123). Все это, разумеется, не дает оснований видеть в нашем герое «русского Фауста».

¹⁴ См. об этом, например: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 260. Не находится ли в этом же ряду и судьба произведений о событиях отдаленной исторической эпохи, например эволюция повестей о начале Москвы, обогащаемых мотивами местных легенд и преданий. (см.: Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964, стр. 133—138).

А. М. АСТАХОВА

Один из старейших вариантов хороводной игры в женитьбу

Среди игровых хороводных песен в группе семейно-бытовых в записях XVIII—XIX вв. выделяется по насыщенности действием песня о выборе невесты и новой родни. Записи ее известны из разных мест средней России, Сибири, Русского Севера. Песня во всех вариантах распадается на два основных драматических эпизода: 1) выбор семьи и приглашение народа на свадьбу; 2) разгон выбранной родни со свадебного пира и отмена свадьбы. Первая часть по содержанию в основном устойчива, но встречается в вариантах двух типов — распространенных и кратких. В первом случае жених выбирает из хоровода последовательно тестя, тещу, шурина, свояченицу, иногда еще сваху и других поезжан и, наконец, невесту; во втором — только тещу и невесту. Заканчивается эта часть песни везде одинаково — обращением к народу с предложением пожаловать на свадьбу.

Вторая часть известна в многообразных версиях. По-разному сообщается, по каким причинам «рассохлась» свадьба: то люди наговаривают будущей родне, будто жених — пьяница-пропойца,¹ то самому жениху хулят невесту и ее родных.² В некоторых распространенных вариантах этому еще предшествует показ женихом народу будущей родни, а также самого себя — своего «платья цветного», своих «ног скорых», «сапог козловых», «рук белых», «кудрей русых», «лица белого», «бровей черных». Поиному дается и развязка: то изображается расправа жениха с родней во время самой свадьбы, в той последовательности, в какой в первой части изображен выбор родни: тестя — «в рыло», тещу — «в толчки» или «по щечке» и «по шее»; шурина жених велит ехать домой, свояченице подносит плеть; то просто он отказывает всем по очереди, оставляя лишь невесту и припевая: «Весел я весел, что один остался со своей ладой милой» или «с молодой хозяйкой». В некоторых вариантах жених отказывается и от невесты, прогнав которую веселится, «что один остался».³

В преобладающем числе вариантов, и распространенных, и кратких, в конце дано новое обращение к народу с отменой приглашения на свадьбу:

А вы, добры люди, незачем на свадьбу,
Пива-вина исту, хлеба-соли не бывало.⁴

¹ Например, см.: А. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII. СПб., 1902, № 517.

² Там же, №№ 519, 521, 522.

³ Песни, собранные П. В. Киреевским Новая серия, вып. II. М., 1929, № 2933.

⁴ А. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII, № 518.

Лишь в отдельных вариантах нет разгона родни и отмены свадьбы и в конце выражена признательность соседям, «что женили молодца».⁵

Распространенные варианты формально отличаются от кратких еще тем, что в них отдельные строфы в большинстве случаев имеют припевы: «розочка алая», «вот розочка, вот белая» и «зайнька беленький». Последний припев наиболее распространен и, быть может, подсказан заключительными словами песни: «Волен я волен, как зайнька в поле».⁶

В кратких вариантах припева не имеется, а герой песни — жених — устойчиво именуется Бóрисом.⁷

Как во всех драматизированных хороводных играх, текст и этой игры пелся хором попеременно с солистом, изображавшим молодца-жениха, причем парень или девушка (последнее в XIX в. бывало чаще), выполнявшие эту роль, проделывали все, о чем пелось: кланялись избранным персонажам игры, выводили их из круга, прохаживались с ними за пределами хоровода или в самом кругу, кланялись народу, приглашая на свадьбу, прогоняли членов новой семьи, целовали невесту и плясали с ней; если же отказывались и от нее, то плясали одни.⁸

Обзор вариантов (нами отмечены лишь основные ведущие мотивы) ставит перед исследователями ряд вопросов. Главный из них — вопрос хронологического приурочения песни.

Игровые хороводные песни изучены слабо. Общее мнение исследователей, касавшихся этого вида народной песни, что возникновение его уходит далеко вглубь.⁹ Разумеется, отдельные группы игровых хороводных песен формировались на разных ступенях общественного развития русского народа, одни раньше, другие позднее. Так, игровые песни с производственной и промысловой тематикой, связанные в своей основе еще с древними магическими представлениями, представляют более старый слой. Из семейно-бытовых и любовных на тему добывания невесты и заключения брака более древними можно, очевидно, считать песни, отразившие пережитки старинных форм брака — похищение девушки и ее добывание путем выкупа или обмена.¹⁰ Рассматриваемые здесь песни хороводной игры в женитьбу, рисующие сватовство, основанное на свободном выборе и обоюдном согласии сторон, несомненно относятся уже к более поздней эпохе.

В середине и второй половине XIX в., когда было сделано большинство записей рассматриваемой нами песни, она уже самими исполнителями песенных текстов признавалась старинной. Записать ее можно было только от знатоков фольклорной традиции старого времени. Многие собиратели свидетельствовали, что песни уже «не играется», что текст ее живет лишь в памяти немногих. Интересный случай реставрации песни на новой почве зафиксирован нами в 1932 г. в Поморье. В селе Лапино Беломорского района записан был хороший полный текст песни распространенного типа с наиболее типичной развязкой: жених прогоняет новую родню и остается со своей любимой невестой. А. Ф. Филатова, родом с Выгозера, привезла, по ее словам, оттуда эту песню, и ее стали играть в Лапине.

⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. I. М., 1911, № 1152; вып. II, № 2906.

⁶ Там же, вып. II, № 2933. Характерно, что в некоторых местах сама хороводная песня именуется песней о зайньке.

⁷ А. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII, №№ 517—520.

⁸ Описание игры дано в книге: Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ., собранные П. С. Ефименком, ч. II. М., 1878, стр. 126.

⁹ Н. П. Колпакова. Русская народная бытовая песня. М.—Л., 1962, стр. 60 и сл.

¹⁰ Там же, стр. 63—64.

В XVIII в. песня в ее кратком варианте встречается в песенниках, в том числе у Чулкова.¹¹ Возможно, что она была уже и в XVII в., а может быть, тогда и оформилась. Внимание в литературе и фольклоре этого времени к семейно-бытовой проблематике, к взаимным отношениям внутри семьи, к семейным конфликтам, увлечение вместе с тем пародиями и сатирической шуткой — вот та атмосфера литературных и фольклорных веяний, которая могла дать жизнь хороводной игре в неудавшуюся женитьбу с ироническим освещением доброго молодца, которому по проискам лукавых «добрых людей» так и не пришлось справить свадьбу.

Второй вопрос, который возникает при обзоре вариантов данной песни, это генетическое соотношение текстов кратких и распространенных. Произошло ли в процессе бытования сокращение более полных и подробных текстов, или, наоборот, последние возникли позднее в порядке развития текста и драматического действия, поскольку игра открывала большие возможности для импровизации? Вопрос этот можно решить только при глубоком изучении всех имеющихся вариантов. Возможно и другое решение: оба типа песни возникли параллельно.

При решении вопросов о происхождении той или иной песни и ее дальнейшем историческом развитии каждый новый вариант имеет значение. Поэтому мы и решили опубликовать текст, записанный нами в 1932 г. в Поморье, в Сумском посаде от Н. А. Ростовцевой, большого знатока старинного фольклора.¹² Это довольно близкий вариант текста, помещенного А. Соболевским (т. VII, № 517) и взятого им из песенника 1788 г.¹³ Но публикуемый нами вариант имеет свои особенности, которые сообщают ему очень старинный отпечаток.

Бóриса женили

Мостик, мостик,	Будь ты мне невеста.
Ай да не рано,	Добрая жóна,
Ходит наш Бóрис	Вот тебе кунья шуба,
Ай по хороводу,	Красна девица,
Ай по девичью,	Вот тебе злáчен перстень.
Ай по молодичью.	А добрые люди,
Ищет наш Бóрис	К Бóрису на свадьбу
Ласковой тещи,	Хлеба-соли кушать,
Приветливой невесты:	Вина-пива пити,
«Добрая жóна,	Вина-пива пити
Будь ты мне теща,	Да Бóриса жени!».
Красная девица,	

Во время пения в круг входит девушка, исполняющая роль Бóриса, проделывает все, о чем поется: выбирает тещу, дает шубу, выбирает невесту, дает перстень. Кланяется всем, приглашая на свадьбу.

Прижавши ручки	Да Бóрису жениться.
К рéживому сердцу,	«Добрая жóна,
Пóтупивши очи	Ты мне не теща,
Вó сыру мать землю:	Отдай кунью шубу!
«Охти мне тошно,	А красная девица
Да охти мне больно».	Пусть мне не невеста,
Досюльные бесы	Отдай злáчен перстень!
А вынешние люди,	Добрые люди,
Смолоду лукавы,	Не ходите на свадьбу —
А под старость манливы,	Хлеба-соли негу,
Ай расхулили,	Вина-пива не стало».
Ай разговорили	

¹¹ М. Д. Чулков. Собрание разных песен, ч. I—III с Прибавлениями (1770—1773). Под ред. П. К. Симони. СПб., 1913, стр. 769, № 80.

¹² О ней см. в книге: Былины Севера, т. II. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951, стр. 654—655.

¹³ М. Д. Чулков. Собрание разных песен, ч. III, Прибавление, стр. 49.

Следуя тексту песни, Борис отбирает подарки.

Н. А. Ростовцева отметила, что это «старинная игра на полях: наберется много народу, большой круг, держатся платками».

В начале второй части обращает на себя внимание выразительный образ молодца, которого «разговорили» жениться. Такой образ огорченного и пристыженного жениха не встретился ни в одном из ставших нам известными вариантов. В драматическом действии, вытекающем из текста, выделяется эпизод одаривания выбранных тещи и невесты и затем отбирания молодцем этих подарков — эпизод, тоже пока не встречавшийся.

Заслуживает внимания и лексика текста, накладывающая особый колорит. В 1932 г. в Сумском посаде эту хороводную игру помнили очень многие. В 1928 г. по просьбе приехавшего в Сумский посад ленинградского музыковеда-фольклориста Т. А. Вилькорейской песня была разыграна в старинных костюмах. Указания, как исполнять отдельные роли, были даны Н. А. Ростовцевой.

Б. Н. ПУТИЛОВ

«Сказка» «Про Мамаю безбожного» и эпическая традиция

Текст «Про Мамаю безбожного», опубликованный в сборнике А. Н. Афанасьева, был записан А. Харитоновым в Шенкурском уезде Архангельской губернии от неизвестного нам лица.¹ И Афанасьев, и позднейшие исследователи считали, что источником этого произведения было «Сказание о Мамаевом побоище», известное народному читателю и по старым рукописям, и по лубочному изданию. Это предположение полностью подтвердилось в результате обстоятельного текстологического анализа, произведенного Л. А. Дмитриевым. «Про Мамаю безбожного» — произведение, обязанное основным своим содержанием, развитием сюжета, составом персонажей и их именами «Сказанию о Мамаевом побоище». В то же время оно не является простым пересказом или фольклорным переложением «Сказания», оно развивает — подчас независимо от древнерусского памятника — его тему, оно значительно осложнено фольклорной образностью и стилистикой, непосредственно идущими от живой фольклорной традиции.

Л. А. Дмитриев имел все основания предположить, что произведение «Про Мамаю безбожного» было создано как устный рассказ («историческая сказка») тем лицом, от которого сделал свою запись А. Харитонов.² Другими словами, произведение это принадлежит позднему фольклорному творчеству. Ничто не доказывает, что оно прошло более или менее долгий путь устной передачи от поколения к поколению. Вся стилистическая система рассказа отмечена печатью яркой индивидуальности — в тех границах, конечно, какие свойственны фольклорному творчеству. Система эта включает по крайней мере четыре слоя: эпический, сказочный, книжный, разговорный. Перед нами именно система, потому что различные стилистические элементы непрерывно взаимопроникают и взаимодействуют. В разных частях текста такое взаимодействие неравно, и рядом с удачными местами есть места, отмеченные художественным эклектизмом и явной стилизацией.

Изучение эпического стилистического слоя заставляет предположить, что автор-рассказчик был одновременно и сказителем. Чтобы так легко и свободно, в столь различном повествовательном контексте применять былинные выражения и формулы, он должен был не просто хорошо знать

---

¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. В трех томах, т. III. [М.], 1940, стр. 39—46, № 317.

² Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953, стр. 304—313. (Машинопись. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР).

былину, но и владеть искусством ее воспроизведения, искусством своеобразной эпической импровизации.

Былинные формулы — эта первооснова былинной стилистики и опорный элемент творчества певца — характеризуются некоторыми важными особенностями. Они не универсальны и не безличны. Соответствующие формулы появляются всякий раз «для выражения данной существенной идеи».³ Некоторые формулы более или менее определенно привязаны к ситуациям, повторяющимся не часто и характерным для одной или нескольких былин. По формулам, вырванным из контекста, можно в ряде случаев узнать, какой былине они принадлежали или какую ситуацию выражали.

Ныне установлено, что формулы стилистически локальны и даже больше того — индивидуальны. Стилистика эпических формул в их конкретности отражает более или менее устойчивую практику отдельных былинных школ или исполнителей. Недавно была выдвинута идея о том, что формулы могут служить надежным средством паспортизации былин.⁴

С точки зрения этих общих соображений эпическая стилистика «сказки» «Про Мамаю безбожного» подлежит специальному изучению. В «сказке», по моим подсчетам, около 25 (не считая повторений) былинных реминисценций. Большинство былинных выражений и формул применено к месту: соответствующие ситуации в «сказке» представляют собой аналогии к былинам. Например, в «сказке» читаем: «Разъярился собака-татарин, рвал свои черные кудри, метал их наземь — по застолью». «Рвал свои черные кудри. . .» — это формула, которая в былинах передает гнев и ярость чужеземного (чаще всего) царя. «Да и те уразиной испроломаны, кушаками головы завязаны» — такими предстают в «сказке» татарские богатыри после того, как Захар Тютрин, избив их, отпускает назад к Мамаю. Аналогичная формула чаще всего появляется в былине о Чуриле Пленковиче, когда речь заходит о княжеских слугах, возвращающихся после злополучной для них встречи с Чурилой.

В «Сказке» князь наказывает, «чтоб собирали рать — силу несметную по городам с пригородками, по сёлам и присёлкам и по всем дальним печищам». В былинах сходная формула применяется обычно в эпизоде пожалования богатыря князем. В «сказке» устойчивое эпическое выражение попадает в совсем иной контекст.

Поскольку автор-рассказчик в «сказке» никак не был связан метрическими условиями, былинные формулы у него носят более свободный характер, они прозаизированы, дополнены иногда деталями, для эпоса не характерными, и включены естественно в общий поток повествования. Тем не менее сказительский навык ясно проявляется в том, что формулы эти ритмически более организованы и более завершены внутри контекста, сравнительно с другими частями повествования. Иными словами, автор-рассказчик время от времени как бы превращался в сказителя, хотя и не полностью. Перед нами очень любопытный случай творческой работы мастера фольклора — из тех, что не часто встречаются исследователям.

Есть некоторые материалы, позволяющие рассмотреть эпический слой «сказки» на фоне ближайшей к нему былинной традиции.

А. Харитонов, записавший «сказку», известен также записями ряда других сказок и былин, сделанными в том же Шенкурском уезде Архан-

³ A. Lord. *The Singer of Tales*. Cambridge, 1960, стр. 4.

⁴ См. об этом: П. Д. Ухов. Типические места (*loci communes*) как средство паспортизации былин. — В кн.: *Русский фольклор. Материалы и исследования*, II. М.—Л., 1957.

гельской губернии. Былины напечатаны во II—IV выпусках «Песен, собранных П. В. Киреевским». Всего здесь 12 текстов на 10 сюжетов. Кроме того, в собрании Киреевского находится еще несколько былин, записанных в Шенкурском же уезде другими лицами. Никакими сведениями о певцах мы не располагаем и ничего не знаем о том круге исполнителей, какой стоит за известными нам записями. Однако некоторые заключения и предположения по этому вопросу можно сделать. Несомненно, например, что две былины («Илья Муромец и Сокольник» и «Добрыня и Василий Казимирович») записаны дважды от одних певцов — Харитоновым и Кузмищевым.⁵ Несомненно также, что две версии былины «Илья Муромец и Сокольник» и две версии былины «Илья Муромец и Идолище» записаны Харитоновым от разных певцов.⁶

Относительно остальных былинных текстов можно заметить пока следующее: степень стилистической и иной общности в них такова, что у нас нет каких-либо оснований относить их к одному певцу или группировать вокруг нескольких певцов.

Некоторый дополнительный материал для изучения эпического окружения «сказки» «Про Мамаю безбожного» дает записанная Харитоновым в том же уезде бывальщина «Алеша Попович»: в ней очень хорошо сохранилась былинная стилистика.⁷

Текстологическое изучение «сказки» «Про Мамаю безбожного» на фоне шенкурских былинных записей позволяет прийти к выводу, что эпический слой в ней по своему стилистическому оформлению и по характеру применения эпических элементов принадлежит местной былинной традиции. Другими словами, автор-рассказчик должен был принадлежать к шенкурской школе певцов. Не удовлетворившись этим наблюдением, я попытался выяснить более конкретные связи между «сказкой» и отдельными шенкурскими былинами.

Вот как изображается богатырский поединок в «сказке»: «Палицами ударились — палицы по чъвья поломались; копыями стокнулись — копыа извернулись; саблями махнулись — сабли исщербилась; скакали они со добрых коней и билась они рукопашным боем, и билась они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, билась не едаючи; на четвертой день оба тут и успокоились».⁸ Буквальное совпадение с частью этого текста дает бывальщина об Алеше Поповиче: «Палицами ударились — палицы по чъвьям поломались, копыями соткнулися — копыа чъвьям извернулися, саблями махнулися — сабли исщербилася». Далее текст побывальщины иной, так как по-иному строится повествование.⁹

Общность формулы поединка в двух текстах полностью подпадает под правило, установленное П. Д. Уховым: «Если типические формулы одного произведения совпадают с типическими формулами другого произведения, то принадлежность их одному автору (сказителю) бесспорна».¹⁰

В одной былине об Илье Муромце и Сокольнике формула поединка хотя и близка к приведенной выше, но все же не совпадает с нею:

⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1. М., 1860, стр. 46—52; вып. 4. М., 1862, стр. 6—12 (ср. прим. на стр. 6); вып. 2. М., 1861, стр. 83—87 и подстрочные разночтения к тексту.

⁶ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 6—12 и 12—18; стр. 18—21 и 22—38.

⁷ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 18—20, № 312.

⁸ Там же, стр. 43, № 317.

⁹ Там же, стр. 20, № 312.

¹⁰ П. Д. Ухов. Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин, стр. 137.

Вперьвые палками ударились —
 У палок цевья отломались,
 Друг дружку не ранили;
 Саблями острыми ударились —
 Остры сабли приломались,
 Друг дружку не ранили;
 Острыми копьями кололись —
 Друг дружку не ранили;
 Бились, дрались рукопашным боем,
 Бились, дрались день до вечера,
 С вечера бьются до полуночи,
 С полуночи бьются до бела света...¹¹

Еще дальше формула поединка в другой былине об Илье Муромце и Сокольнике, хотя и относительно ее можно сказать, что она принадлежит той же школе.¹²

Формуле в «сказке» — «И бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, бились не едаючи» — соответствует описание боя в былине о нашествии Батыя:

Бьются-рубятся двенадцать дней.
 Не пиваючи, не едаючи.
 Добрым копям вдохам не даваючи.¹³

Былина о нашествии Батыя вообще дает основной набор аналогий к эпическому слою в «сказке», и не только чисто стилистических. Прежде всего в сюжетном плане как целое она представляет собой параллель к «сказке» «Про Мамаю безбожного». В «сказке» Мамай «писал свои ярлыки скорописчатые», в которых заявлял о решимости воевать «с святой Русью».¹⁴ В былине Батый «писал ярлыки скорописчатые», посылал татарина в Киев с угрозой взять в плен князя с княгиней, победить богатырей и т. д.¹⁵

В «сказке» большую роль в решении князя Дмитрия организовать отпор Мамаю играет «калика перехожая — сумка переметная»: он склоняет Дмитрия отвергнуть советы бояр.¹⁶ В былине калика перехожая появляется в самый критический для Владимира момент: князь, получив ультиматум от татар, идет в церковь, навстречу ему переодетый богатырь:

— Не зови меня нищей каликой перехожею,
 Назови меня старым казаком Ильей Муромцем¹⁷

И в «сказке», и в былине есть мотив посольства — хотя и в разном контексте; есть мотив собирания русской силы для отпора татарам, мотив распределения сил, мотив бегства татар. На этих двух последних стоит задержаться. В «сказке»: «Собрали со всех концов Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москве белокаменной, расклали силу по жеребьям... Разделили ту силу несметную на три полка: первый полк взял Задонской князь Дмитрий Иванович, другой — русской посол Захарий Тютрин, третий полк взяли: Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев. Учали они кидать жеребьи: кому первому на татаровой поганых итти?» и т. д.¹⁸

¹¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1, стр. 50; ср.: вып. 4, стр. 11.

¹² Там же, вып. 4, стр. 15.

¹³ Там же, стр. 44.

¹⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 39.

¹⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 39.

¹⁶ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 41—42.

¹⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 42.

¹⁸ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 42.

В былине (после того как Илья Муромец отправился «созывать сильных богатырей» и они приехали к Киеву):

Метали жеребей промеж себя:
Кому из них ехать в руку правую,
Кому из них ехать в руку левую,
Кого поставить в сердку силы, в матицу;
Доставалась Самсону рука правая,
Никите с Алешей рука левая,
Ильйке доставалась середка силы, матица.¹⁹

В «сказке»: «Побежали поганые татары по чисту полю, прибежали поганые татары в зыбкую орду, в этой орде поганые татары и живот скончали».²⁰

В былине:

Убирался Батый царь с большими убытками,
С большими убытками, с малыми прибытками,
С малыми прибытками, со страмотою вечною,
На мелких судах, на павозках.²¹

Всего этого еще недостаточно, чтобы идентифицировать исполнителя «сказки» и былины о нашествии Батыя как одно лицо. Но предположить, что оба произведения записаны от одного сказителя-сказочника, у нас есть достаточно оснований.

Выше отмечалось одно совпадение в формулах «сказки» и бывальщины «Алеша Попович». Вот еще один пример такого совпадения. В «сказке»: «Седлал он своего доброго коня, подтягивал двенадцатима подпругима шелковыми не ради басы, ради крепости».²² В бывальщине: «Выводил Алеша своего доброго коня, оседлал во черкаское седло, подтянул двенадцатью подпругами шелковыми — не ради басы, ради крепости».²³

Если учесть, что сюжеты «сказки» и бывальщины имеют очень мало общих ситуаций, то два совпадения в формулах сами по себе весьма значительны.

Аналогичная формула седлания коня в шенкурских былинах встречается дважды. В первом случае — в былине о нашествии Батыя:

Видели, как молодец коня седлал,
Двенадцать подпруг со подпругою натягал,
Ис для басы ты молодецкий, а для крепости богатырский.²⁴

Во-вторых — в былине об Илье Муромце и Сокольнике:

Походил Илья на конюший двор,
Седлал своего коня доброго,
Тянул двенадцать подпруг шелковых,
Белого шелка Шемаханского,
Тринадцатую тянул через хребетную кость:
Не ради красы — ради крепости,
Чтоб не оставил добрый конь во чистом поле.²⁵

Обе формулы довольно близки к приведенным выше, но совпадения все же нет.

Былина о нашествии Батыя и бывальщина об Алеше Поповиче очень выразительно демонстрируют ту эпическую атмосферу, в которой создана «сказка», тот арсенал эпических мотивов и стилистических средств, которыми был вооружен ее создатель.

¹⁹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 44.

²⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 45.

²¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 46.

²² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 43.

²³ Там же, стр. 20.

²⁴ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 40.

²⁵ Там же, стр. 14.

Е. А. ТУДОРОВСКАЯ

К вопросу о воздействии старинной литературы на русскую народную сказку

В русских народных сказках встречаются мотивы и сюжеты, возникшие, вероятно, не без книжного влияния. На это указывали многие исследователи. «В народном сказочном эпосе ... можно заметить некоторые частные подробности, появление которых объясняется или вообще произведениями письменности, или ... старинными переводными повестями».¹ Проводниками такого влияния были рукописные сборники, которые обращались в самой демократической среде, включая крестьянство. В особенности большую роль в распространении книжных влияний сыграл лубок. «Лубочная картинка с подписью в несколько строк, лубочная книжка с иллюстрациями стала простонародной и вступила в тесную связь ... с рукописными сборниками XVIII века, в общем представляя то же содержание».²

В русской сказке можно обнаружить сюжеты и эпизоды, пришедшие прямо из старинной переводной повести, составлявшей «популярное чтение старого времени, очень любимое и распространенное»,³ — такие как «Сказка о царице и львице» (порожденная «Сказанием о кесаре Оттоне») или эпизод «Битва между львом и змеем» (проникший в русскую сказку из чешской «Повести о короле Брунцвике»).

Через лубок пришли в русский фольклор сказки «Бова», «Петр — Златые ключи», «Остров вечного веселья».

Но не всегда можно говорить о прямой связи, о заимствовании. В народной сказке можно встретить фольклорные сюжеты и эпизоды, которые тем не менее явно возникли под воздействием книжной литературы, ее представлений и идей. Таков, в частности, эпизод «Сила хмеля».⁴

Назидательные сочинения о вреде пьянства были широко распространены издавна, как в русских рукописных сборниках, так и в лубочной литературе.⁵ Проникновение этих мотивов в фольклор несомненно, хотя исконному сказочному фольклору они несвойственны: герой сказки (солдат, бедняк) мог быть «горьким пьяницей», но пьянство здесь рассматривалось скорее в аспекте социальном (бедняки пьют с горя), чем мораль-

¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857 («Положения»).

² М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963, стр. 81.

³ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории... стр. 2.

⁴ См.: Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, стр. 37—38, № *485.

⁵ Ф. Буслев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1 Русская народная поэзия. СПб., 1861, стр. 556.

ном. Нравоучительные обличения пьянства в старинной литературе имели «христианско-апокрифический источник», но такой источник преданий, по словам А. Веселовского, «вовсе не умаляет для нас их народного значения».⁶

Мотивы о дьявольской природе вина, о демонической силе хмеля в нашей литературе восходят еще к «Откровению» Мефодия Патарского (появившемуся у нас до XII в.), вернее — к «Интерполированной редакции» «Откровения», самостоятельной русской редакции источника. Составление ее относится к XV в., но распространение она получила начиная с XVII в. (со времени появления раскола).⁷ В «Интерполированную редакцию» «Откровения» и вошел апокриф о Ное и Евге, где, в частности, повествуется, как дьявол научил людей делать водку. Апокриф этот был хорошо известен в народе, вошел в так называемую Лицевую Библию, известную по собранию А. С. Уварова. Ф. И. Буслаев считал, что именно этот текст стал источником фольклорной легенды.⁸ Он же приводит фольклорный рассказ из собрания П. И. Якушкина (а стало быть, записанный в XIX в.), отличающийся несомненной народностью от языка и стиля апокрифа. Народную версию апокрифического сказания о Ное и Евге приводит также А. Н. Афанасьев в «Русских народных легендах».⁹

Представления о дьявольской силе пьянства отражены и в некоторых произведениях старинной сатирической литературы (как, например, в «Повести о высокоумном хмеле»); эти материалы были широко представлены в рукописных сборниках, вошли и в лубок.¹⁰ В «Повести о высокоумном хмеле» хмель выступает как некоторое одушевленное существо — «олицетворение злого демона пьянства», по выражению Ф. Буслаева. Хмель говорит о себе: «Голову имею высокоумную, а ртом я несовершен. Язык имею многоглаголив...». Хмель повествует, как он овладевает пьяницей: «И довольство его отниму от него, и вложу его в пьянство безмерное, и сотворю его смела и буйна, горда и величава, суемудрена и тщеславна, многоречива и самохвальна».¹¹

В. Н. Перетц, приводя различные материалы из старинной сатирической литературы, говорит, что в этих произведениях пьянство выступает как «роковая сила, с которою борьба порою невозможна человеку всякого чина».¹²

Все эти представления нашли свое отражение в фольклоре, и не только в легенде, но даже в волшебной сказке, которая, вообще говоря, сопротивляется прямому морализированию. Именно так возник эпизод «Сила хмеля». Большой частью ему предшествует другой эпизод книжного происхождения, о котором упоминалось выше. Герой сказки, блуждая вдалеке от родной страны, встречает льва, дерущегося со змеем; герой помогает льву победить змея; благодарный лев отвозит героя на себе домой, но, расставаясь, запрещает ему хвастаться этой поездкой. Однако герой, напившись и захмелев, не утерпел и похвастался перед земляками своей поездкой на льве. Перед ним появляется разгневанный лев, но герой убеж-

⁶ А. Веселовский. Опыты по истории развития христианской легенды. ЖМНП, 1875, № 5—6, стр. 48.

⁷ В. Истрин. Откровение Мефодия Патарского, М., 1897, стр. 233.

⁸ Ф. Буслаев. Исторические очерки... стр. 440.

⁹ А. Н. Афанасьев. Русские народные легенды, т. I. Казань, 1914, стр. 98, № 14.

¹⁰ В. Перетц. Из старинной сатирической литературы о пьянстве и пьяницах. — В кн.: Сборник в честь проф. С. Ф. Платонова. СПб., 1911.

¹¹ Ф. Буслаев. Исторические очерки... стр. 566.

¹² В. Перетц. Из старинной сатирической литературы о пьянстве и пьяницах, стр. 432.

дает его, что виной всему хмель, и обещает льву показать силу хмеля. Герой напоил льва вином, а когда тот, опьянев, после буйства заснул, то был связан и очнулся наутро в цепях. Так лев убедился, что хмель делает «смелым и буйным, многоречивым и самохвальным», что человек «во хмелю всё скажет», даже то, что ему запрещено говорить (как говорит лев в одной из сказок: «Тут не только на кого скажешь, и на себя нанесешь!»¹³). Лев познает, что «хмель — роковая сила, борьба с которою невозможна», и прощает героя. Самое олицетворение хмеля в виде некоего персонажа (как это внушает герой простодушному льву) также коренится в многочисленных рассказах о хмеле — литературных, лубочных, народных.

В соединении с эпизодом битвы между львом и змеем мотив «сила хмеля» вошел в сказку о Вавилонском царстве, сказку позднего происхождения, также сложенную под влиянием книжной традиции. Кроме того, тот же мотив участвует и в сказке «Соль» (помещенной еще А. Н. Афанасьевым в его «Собрании сказок»), которая тоже заканчивается эпизодом с «силой хмеля». Нравоучительность этого эпизода сказалась в том, что он существовал даже в виде отдельной сказки-басни.¹⁴ Как сказочный эпизод, этот мотив просуществовал до Октябрьской революции. Существуют, однако, и записи 1920—1930-х годов сказки типа «Соль», но, возможно, они восходят непосредственно к сборнику Афанасьева. По существу мотив «силы хмеля» в старинном понимании — как демонской, враждебной человеку силы — утратил в наше время интерес для фольклора, сохранив лишь чисто историческое значение — как доказательство влияния старинной литературы на народное творчество.

¹³ Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 22.

¹⁴ Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, № 161.

Д. М. МОЛДАВСКИЙ

О некоторых чертах русской лубочной картинки

К числу многих проблем, все отчетливее встающих перед учеными, относится проблема интернациональных связей русской культуры. Усилия советских ученых, и в большой степени В. П. Адриановой-Перетц, положили конец представлению о замкнутости и оторванности национальной литературы и искусства и одновременно представлению о возможности механического перенесения сюжетных и образных схем из страны в страну, из эпохи в эпоху.

Весьма наглядным примером творческого знакомства национальной культуры и культур иноземных, — примером, одновременно утверждающим и широкие интернациональные связи русских мастеров и их связь с глубинами родного фольклора, служат лубочные картинки.

Иногда близость русских лубочных картин конца XVII—середины XVIII в. к картинам зарубежным представляется столь очевидной, что можно говорить о прямом и непосредственном влиянии. Но, как всегда, в решении этого вопроса надо быть крайне осторожным. Совпадения, даже весьма полные, не всегда являются утверждением заимствования как такового.

Помнится, какое впечатление произвело на нас в Музее народного искусства Тироля (Инсбрук, Австрия) знакомство с тирольской лубочной картинкой, изображающей журавля; вместо туловища его была нарисована человеческая голова, за нос которой этот журавль держался клювом; на заднем плане виднелись холмы и горы. Нам вспомнилась известная русская лубочная картинка, представляющая гордеца, который, «ходя журавлем, щиплет сам себя за нос».¹ Сходство было очевидным, если не считать, что русская картинка была дана как бы в зеркальном отражении, да еще в русском варианте горы были заменены многоэтажными теремами; кроме того, здесь появились деревья, кусты и цветы; во рту гордеца возникла трубочка, а борода исчезла.

Можно было бы сразу допустить непосредственное заимствование у австрийских мастеров; можно — и, вероятно, не без основания — предположить в русской картинке сатиру на молодое поколение людей Петровской эпохи с их пренебрежением ко многим чертам обрядов и быта Руси.

Но в этом вопросе следует быть осторожным. Мы не знаем промежуточных звеньев предполагаемого заимствования и можем лишь констатировать сюжетную параллельность.

Доказательством того, что вопрос о заимствовании решается не столь прямолинейно и просто, может служить другая лубочная картинка —

¹ Д. Ровинский. Русские народные картинки, г. I. СПб., 1900, стлб. 234

«Бык не захотел быть быком, да и сделался мясником», известная по десяткам публикаций.²

Сюжет этой картинки таков: в центре изображен бык, который повесил тушу мясника и старательно потрошит ее. Вокруг на отдельных клеймах эпизоды из жизни животных, восторжествовавших над людьми. Таких картинок четырнадцать. На них изображены попугай, посадивший мужика в клетку, овца, стригущая пастуха, олень и кабан, преследующие охотника; также нарисованы ученик, бьющий мастера, нищий, подающий милостыню барину, мужик в роли судьи, и т. д. Подпись под основной картинкой гласит: «Бык не захотел быть быком, да и сделался мясником; когда мясник стал бить в лоб, то, не стерпя его удара, ткнул рогами в бок, а мясник с ног долой свалился, — то бык выхватить топор у него потщился; отрубимши ему руку, повесил его вверх ногами и стал таскать кишки с потрохами».

Характерно, что эта лубочная картинка «подверглась строгому запрещению со стороны полиции еще в сороковых годах: господа цензоры видели в ней аллегорическую расправу крепостных крестьян со своими господами „за жестокое обращение“».³

Картинка эта была создана, по-видимому, в тридцатых годах XVIII в. Но задолго до ее создания голландский живописец Паулюс Поттер написал картину «Наказание охотника», находящуюся ныне в Эрмитаже. Картина эта — целая серия отдельных эпизодов (как и в русской лубочной картинке, их четырнадцать). Два из них, побольше, расположены в центре картины, а остальные вокруг. На верхней из центральных картин изображена сцена суда зверей. На пригорке восседает царь звериного государства — лев; по бокам его леопард и слон — царская свита. Медведи и волки тащат охотника к грозному царю. На нем охотничьи сапоги и измятый кафтанишко. Лиса-прокурор держит в лапах обвинительную речь.

По-видимому, сцены вокруг — это то, о чем говорит прокурор. Лиса ссылается на сцену наказания охотника Актеона, который подглядывал за купающейся богиней Дианой, а также на христианские легенды, в частности на легенду о святом Губерте, которому явился олень с крестом между рогами (возможно, впрочем на легенду о св. Евстафии Плакиде, где также фигурирует олень с крестом); далее идут сцены, изображающие злодеяния охотника: то он держит в руках убитого зайца, то охотится на дикую козу, на медведя, на кабана, на льва и т. п. Все хитрые уловки человека — от огнестрельного оружия до зеркала, которое должно привлечь леопарда в западню, — изображены здесь.

На второй большой картинке изображен приведенный в исполнение приговор суда. Кабан и козел поджаривают охотника; собаки вздернуты на сук, а звери лихо отплясывают, празднуя победу.

Композиция картины голландского художника и русской лубочной картинки, целый ряд сюжетных совпадений могут говорить о влиянии П. Поттера на русский лубок. Но здесь встает проблема, усложняющая вывод об этом влиянии. Дело в том, что в живописном творчестве многих народов есть серия картинок, изображающих «перевернутый мир».

Есть такая, например, картинка в испанском художественном фольклоре. Она состоит из 48 отдельных кадров и изображает также мясника, которого потрошит бык; лошадь, бьющую кнутом седока; мужика с косой, преследующего смерть; барана, поджаривающего на вертеле человека; летающих рыб и плывущих зверей.

² См., новейшую: Русский лубок XVII—XIX веков. Авторы-составители В. Бахтин, Д. Молдавский. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1962, № 8.

³ Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, стлб. 241.

И. Левина, опубликовавшая эту картину, утверждает, что подобный сюжет широко известен и в немецком лубке, и в западноевропейской графике и живописи XVI в. Говорит она и о влиянии подобных сюжетов на творчество Ф. Гойи.⁴

Можно добавить, что сюжет «перевернутого мира» использовал и Пабло Пикассо в своей знаменитой работе «Война и мир», где также есть парящий конь и плавающие птицы; попутно скажем, что факт влияния народного творчества на этого живописца — не дискуссионный.

Итак, кроме русского лубка и голландской картины имеются еще лубки других стран. Все они дают возможность говорить не о прямом и непосредственном влиянии; целесообразнее поставить другой вопрос: как появился в творчестве народов разных стран мотив «перевернутого мира». Мы знаем в русском устном фольклоре — от скоморошин сборника Кириши Данилова до записей современных частушек — произведения, выворачивающие действительность наизнанку, пародирующие ее и превращающие реальные соотношения явлений в фантастические. Что это? Просто ли народная шутка? Или, может быть, черты каких-то оберегов или заговоров? Или, может быть, элементы народной сатиры, перемешанной с народной утопией о мире, где бедный будет богатым, зло побеждено добром и т. п.?

На эти вопросы предстоит ответить и фольклористам-словесникам, и исследователям народного лубка.

Здесь же мы можем лишь указать на некоторые элементы сходства лубочных картинок разных народов, предположив, что первоначальные мотивы их возникли в соответствующих близких социально-экономических условиях независимо друг от друга (как и явления устнопоэтического творчества). В последующих вариантах, в результате общения народов, сюжеты и художнические решения их приобрели черты конкретной близости.

---

⁴ И. Левина. Ф. Гойя. Л., 1958, стр. 147.

М. П. АЛЕКСЕЕВ

Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной слободы

Выдающийся хорватский писатель Юрий Крижанич, как известно, около пятнадцати лет провел в Сибири, сосланный туда из Москвы. Живя в Тобольске, Крижанич между 1663 и 1666 гг. написал большое сочинение энциклопедического характера, известное в настоящее время под заглавиями «Политика» или «Разговоры о владательству» (т. е. «Беседы о правлении»), в котором он подробно рассуждает и о русском государстве и о будущем славянства вообще. Одной из важнейших публицистических задач этого обширного, сложного, не до конца обработанного труда было желание автора оказать противодействие «немецкому зазору», с его «посторами и скаредными хулами». Внимательный наблюдатель политической карты современной ему Европы, один из провозвестников идеи всеславянского единства, Крижанич считал, что главными виновниками упадка славянских земель являются «немцы» (*Germanos*), «самые гордые и нетерпимые презиратели прочих народов», которые «ухватили королевскую высоту во Вуграх, Чехах, Ляхах, в Литве и инде» и одарены, по его наблюдениям, способностью «клеветать, дразнить, хулить, желчно остричь, по-змеинному шипеть».¹ Подтверждающие это общее наблюдение примеры рассыпаны по всей книге, потому что к доказательству этого излюбленного им тезиса Крижанич возвращается неоднократно и по различным поводам.

Очень красноречивыми и, как увидим ниже, имеющими особый интерес для фольклористов представляются те примеры, которые собраны Крижаничем в разделе его труда, написанном по-латыни и озаглавленном «О характере германцев» (*Articulus de Natura Germanorum*).² Здесь, между про-

¹ В. И. Пичета. Юрий Крижанич и его отношения к русскому государству. — Славянский сборник, М., 1947, стр. 207, 215—218; А. Л. Гольдберг. 1) Историческая наука о Крижаниче. — Ученые записки Ленингр. гос. ун-ва, 1949, № 117, стр. 84—119; 2) Крижанич о русском обществе XVII в. — История СССР, 1966, № 6, стр. 71—84; 3) Идея «славянского единства» в сочинениях Крижанича. — ТОДРА, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 373—390; М. А. Алпатов. Историческая концепция Юрия Крижанича. — Советское славяноведение, 1966, вып. 3, стр. 31—44.

² Так как этот раздел не вошел в новейшее московское издание «Политики» (Юрий Крижанич. Политика. Подготовил к печати В. В. Зеленин. Перевод и комментарии А. Л. Гольдберга. Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1965; см. здесь описание рукописи этого труда, стр. 695—700), цитирую его по изданию П. А. Бессонова, первому и единственному (если не считать его переиздания в 1860 г.), в котором находится интересующий нас текст: Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов. Ч. II. М., 1859 (прилож. к № 6 «Русской беседы»), стр. 252—254 (здесь приведен латинский оригинал интересующего нас места и его русский перевод П. А. Бессонова).

чим, идет речь о различных шуточных прозвищах, которыми немцы награждают не только прочие народы, но даже своих соотечественников: «Нет у них области или народности, которую по обычаю не клеймили бы они и не дразнили какой-нибудь известною шуткою. Иных зовут *Putenträger* (*Aliquos appellant Putentrageros*), других *Kokskem* — „петушки гребешки“, как людей слишком прихотливых, для которых нет жизни без блюда, приготовленного из петушьях гребешков (*quasi nimis uoluptuosos, ut qui putent se non posse uiuere sine cibo ex pectinibus gallinarum facto*). Об иных рассказывают, что они сожрали осла (*De aliis narrant, quod asinus deuorant*), другим подсмеиваются, что солнечные часы устроили под крышкою (*alios derident quod Horologium solare sub tecto fabricarint*); третьи будто бы сбежались бить одного зайца семеро, схватившись за одно копые (*quod septem uiri unam hastem tenentes ad unum leporem occidentum assurgerint*). Иных называют *Tölpel*, т. е. „пнями“ (*Alios appellant Telpellos, id est rapices, de tali oppido*). «Таким образом, — замечает Крижанич далее, — немцы распускают вымышленные шутки, часто хулы о своих собственных братьях и за подобные ругательства горячо, даже насмерть дерутся». Он прибавляет: «Недавно видели этому пример в Москве, когда из-за прозвища *Putenträger* солдаты в немецкой слободе публично отстегали одного торговца и подняли большие тяжбы (*Sicut non pridem uisum fuit exemplum Mosquae: quando propter uocabulum Putenträger milites in Sloboda Germanica unum mercatorem publice fustibus percusserunt: et magnas lites excitarunt*)». Не удивительно, что и другим народам немцы дают самые обидные прозвища.

Не все ясно в приведенном тексте. Так, прозвище *Putenträger*, очевидно считавшееся в то время столь оскорбительным, что оно могло даже вызвать волнения в московской иноземной слободе, ныне представляется недостаточно понятным; смутило оно и первого издателя рукописи Крижанича — П. А. Бессонова, предположившего, что его не разобрал и сам автор «Политики» и что вместо *Putenträger*, может быть, следует читать *Rosentreiber* — «проказник, шут, скоморох». Идя по тому же пути этимологии, вероятнее было бы предположить, что *Putenträger* заменило первоначальное *Pupentreiber* или *Pupenträger*, т. е. «актер-кукольник», «кукольных дел мастер», какими являлись тогда те же бродячие скоморохи. Но указанное немецкое слово Крижанич в одинаковой форме употребляет дважды на протяжении всего лишь нескольких латинских строк; поэтому, если оно правильно прочтено в рукописи, для него следует подыскать более правдоподобное объяснение. В словарь немецкого языка бр. Гриммов занесено диалектное слово *Pute* (нижненемецк. *pûte*, англ. *rowt*), означающее то «индейский петух, индюк» (*Truthahn, Puuthahn*), то «тетерев» или «тетеря» (*Birkhahn, türkisches-welsches Huhn*); существенно, что слово *Pute* (или *Puter*) имело также значение бранной клички, приравняемой в том же словаре к оскорбительному прозвищу «гусак», т. е. «дурак», «глупая башка» (= *dumme Gans, dumme Huhn*).³ Поэтому и двусложное *Putenträger* могло означать нечто оскорбительное, что-либо вроде «индюшатника».

Загадочным представляется и другое прозвище — *Kokskem*, в котором П. А. Бессонов видит *Kokskämme* (множественное число от *Kokskamm* — «петушки гребешки»). Правда, основания для такого истолкования дает сам Крижанич, в тексте которого находится не только латинский перевод неясного слова (*pectines gallinarum*), но даже бытовое объяснение его про-

³ J. Grimm und W. Grimm. Deutsches Wörterbuch, Bd. VII. Leipzig, 1889, стр. 2279.

исхождения; непонятно только, почему у Крижанича стоит *Kokskamm*, а не привычное *Наһпеп-камт*,⁴ если первую основу данного слова мы не объясним как звукоподражательную (ср. франц. *соқ* — «петух»); впрочем, от нее образованы многочисленные производные, как *Kockelmann* (от *köskeln*, *kokeln* и т. д.), совр. *Saukler*⁵ — «фигляр, фокусник, площадной шут, скоморох». Третье из воспроизведенных Крижаничем бранных слов сомнений не вызывает: *Tölpel* действительно означает «чурбан, болван, пентюх, вахлак» и возникло из средненижнемецкого *Döpre* — «деревенщина».⁶

Зато в остальных примерах, приведенных Крижаничем для доказательства будто бы особенно свойственного немцам злоречия и недружелюбия даже к единоплеменникам, нетрудно узнать эпизоды из немецких шванков, народных книг или летучих листов лубочной печати. Так, упомянутый им сатирический сказочный мотив об осле, съеденном по глупости деревенскими жителями, заменяемом иногда собакой («*Hund Hopf*»), встречается в рассказах о похождениях Тиля Эйленшпигеля («*Eulenspiegel*», сар. 47), в шванке Г. Сакса и других произведениях сатирической литературы.⁷ Анекдот о семи глупцах, испугавшихся зайца и схватившихся за одно длинное копые в тревоге, как бы не съел их этот страшный зверь, — это знаменитое приключение из цикла народных рассказов о «семерых швабах», известных уже в XV в.; рассказ о зайце имеется у Кирхофа («*Wendenmut*», 1563), в одной из «*Meisterlieder*» Ганса Сакса и т. д. Любопытно, что в этих ранних обработках швабов девять, а не семь, как впоследствии. В редакциях этого анекдотического цикла, распространявшихся после 1600 г. (например: *Eyering, Proverbium coria*, 1601—1604), число швабов устанавливается окончательно. На немецкой картинке XVII в. изображены семь храбрецов, судорожно уцепившихся за одно длинное копые; здесь они названы по именам, повторяющимся затем в стихотворной «*Historia von dem sieben frommen und redlichen Schwaben mit dem Hasen*».⁸ Ниже Крижанич рассказывает эпизод из народной книги о шильтбюргерах, нелепые причуды и дурачества которых доводят их родной город Шильду до того, что он погибает в пламени, превращаясь в кучу золы. Все эти анекдотические повестушки Крижанич слышал в устной передаче, едва ли зная об их книжном источнике. Примечательно, что они ведут нас в ту же немецкую слободу в Москве. Сообщая их, Крижанич не подозревал не только о сатирических и дидактических целях, с какими они обрабатывались в XVI—XVII вв. в стихах и прозе, но и о том, что, восходя к фольклорным источникам, они имели широкое и даже порою международное распространение. Но это и делает свидетельство Крижанича особенно интересными с исторической и литературной точек зрения.

Исследователи Крижанича всегда охотнее подчеркивали книжный характер его образования, широкую эрудицию, уважение к ученым авто-

⁴ Там же, т. IV, 2, 1877, стр. 168

⁵ Там же, т. V, 1873, стр. 1566.

⁶ O. Reinsberg-Düringsfeld. Internationale Titulaturen, Bd. I. Leipzig, 1863, стр. 97. Эта книга представляет собой занимательное собрание прозвищ, которыми народы Европы награждают друг друга; немало внимание автор уделил тому, как немцы забавляются на свой собственный счет (стр. 55—112).

⁷ J. Bolte und J. Polivka. Anmerkungen zu der Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd. I. Leipzig, 1913, стр. 112; Bd. II, Leipzig, 1915, стр. 560 («*Eselfresser*»).

⁸ J. Bolte und J. Polivka. Anmerkungen... Bd. II, стр. 556—560 (со ссылкой на издание: J. Bolte. Zwei Flugblätter von der sieben Schwaben. Zeitschrift für Volkskunde, Bd. 4, стр. 435); A. Keller. Die Schwaben in der Geschichte des Volkshumor. 1907.

ритетам, отразившиеся в его «Политике»,⁹ чем чисто житейские, реально бытовые источники этого труда, на котором явственную печать оставили также длительные и многотрудные скитания его автора по свету и встречи с людьми интересной или непривычной судьбы.¹⁰ Среди последних был, в частности, полковник Филипп фон Зейц — один из «немцев Шведской земли», сосланных в Тобольск одновременно с Крижаничем.¹¹ Это был бывалый человек, много видевший и слышавший на своем веку, беседы с которым услаждали ученого хорвата во время сибирской ссылки. На Зейца Крижанич ссылался в своей «Политике» несколько раз,¹² в частности как на то именно лицо, от которого он записал анекдоты о немцах, ходившие по московской слободе.

Особо занимательный рассказ, приписанный Крижаничем также по-латыни сбоку на полях его рукописи (в том месте, откуда уже были приведены цитаты), очевидно со слов того же Зейца, пополнил собранную им любопытную коллекцию сатирических свидетельств о немецких нравах еще одним разительным примером. «О некоторых рассказывают, — пишет Крижанич, — будто у них некогда царем был пес, т. е. якобы избиратели (electores) долго не могли согласиться в выборе царя и, наконец, заключили: кто первый войдет к ним, тот пусть и будет царем, кто бы он ни был, лишь бы только был живой. Вошел ловчий пес, и они его короновали царем (et illi hunc coronarunt regem), говоря: „Коронуем его, будет восседать на своем месте, а мы будем править“. Таким образом пес тот царствовал в течение года, сидел будто бы на привязи на престоле, кормили его царскими яствами и проч. Жителей городка ... дразнят тем, что они сожрали собаку или ногу жареной собаки: из-за этого (один рассказывал), я знаю, до 50 человек было убито; и наконец, сам город, по тому же поводу, взялся за оружие и был сожжен, как рассказывал тот же Зейц».¹³ Что касается города, сожженного его скудоумными обитателями, то, как уже указано выше, это, по-видимому, заключительные эпизоды немецкой народной книги о шильтбюргерах.¹⁴ Рассказ же о «царе-собаке» находит себе полное соответствие в знаменитой книге французского проповедника конца XV—начала XVI в. Иоганнеса Паула «Смех и дело» («Schimpf und Ernst», 1522), где пример 427-й так и озаглавлен: «Датчане имели собаку

⁹ А. Л. Гольдберг. 1) Сочинения Юрия Крижанича и их источники - Вестник истории мировой культуры, 1960, № 6, стр. 117—130; 2) Юрий Крижанич и Шимон Старовольский. — Slavia, 1965, гошп. XXXIV, seš. 1, стр. 28—40.

¹⁰ Сергей Марков. Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходцах. М., 1966, стр. 416—418. В интересной заметке о Крижаниче автор подчеркнул, что этот «пламенный противник Адама Олеария и разоблачитель „чужебесия“ иноземцев на Руси» знал сибирского воеводу Петра Годунова, бывалого Ульяна Ремезова, виделся с протопопом Аввакумом и т. д.

¹¹ С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903, стр. 197.

¹² Свидетельство того же Зейца Крижанич привел, например, в том месте своей книги, где рассказывается о снисходительном отношении немцев к палачам. См. Юрий Крижанич. Политика, стр. 545, 720.

¹³ Русское государство в половине XVII века, ч. II, стр. 253—254 (латинский оригинал и русский перевод).

¹⁴ На пути перехода некоторых рассказов о шильтбюргерах и других немецких народных книг в славянские страны, и в частности на Русь, давно уже указывалось, см.: Н. Ф. Сумцов. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах. Харьков, 1898; I. Franko. Woina żydowska. Przysizinek do studijów porównawczych nad literaturą ludową. — Wisła, 1892, t. VI, seš. 3, стр. 263—278. В новейшее время этому вопросу уделил несколько страниц И. Матль (Josef Matl Europa und die Slaven. Wiesbaden, 1964, стр. 101, 113—114), но дальнейшая его разработка на русском материале крайне желательна.

вместо короля» (Denmarker heten ein hund zû einem künig).¹⁵ Книга Паули выдержала много переизданий и переработок, долгие столетия щедро снабжая материалами последующих писателей; сам же Паули, рассказывая эту свою историю, ссылался на письменный источник («Man liszt wie die in Dennemarck nit kunten eins werden in der erweilung eines Königs...»); это указание ведет нас в средневековые скандинавские страны, где подобный рассказ встречался неоднократно в сагах, хрониках, исторических сочинениях. Саксон Грамматик в своей «Датской истории» (кн. VII, гл. 240) повествует о храбром шведе Гуннаре, ведшем кровопролитную войну с норвежцами, который в наказание непокорным поставил на севере вместо князя специально присланного им для этой цели пса.¹⁶ У Снорре Стурлусона то же рассказывается о норвежце Эйстейне (Eysteinn), который будто бы предложил покоренным им жителям Трондхема выбрать себе во властители либо своего раба, либо своего пса; последние предпочли пса, которого звали Saurг или Sорг, а холм, на котором он сидел, как на престоле, именовался Saurshaugг; ¹⁷ по шведским же версиям (в «Chronicon Erici Regis» или «Annales Lundenses» и др.) пса звали Rakki, а королем, который навязывал его датчанам, являлся Адиль.¹⁸ Все эти версии сопоставил между собой А. Крапп, указавший также на параллели у Плиния, Плутарха, Элиана и в египетских источниках, из чего он вывел заключение о мифологическом, культовом значении этого рассказа,¹⁹ превратившегося позднее в политический анекдот.

В связи с этим стоит отметить неволью возникающий в памяти и все еще недостаточно объясненный мотив одной замечательной «скоморошьей» русской былины. В этой былине о «Вавиле и скоморохах» есть эпизод, как приходят к Вавиле

Веселые люди, не простые,
Не простые люди, скоморохи,

которые направлялись

На инишьшее царство
Персигрывать царя-собаку.

Вавила идет вместе с ними в это царство «царя-собаки» и «переигрывает» его. Тогда

Загорелось инишьшее царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царство²⁰

¹⁵ «Schimpf und Ernst» von Johannes Pauli, hrsg. von H. Oesterley, Stuttgart, 1866 (Bibliothek der Literarisch. Vereins, Bd. XXXV), стр. 257. В примечании редактор издания ссылается на сходный рассказ Плиния и книгу: J. H. Ursianus. Aeterna philologica. Francof., 1670, 2, стр. 53.

¹⁶ Saxo Grammaticus. Die ersten neun Bücher der dänischen Geschichte. Übersetzt und erläutert von H. Jantzen. Berlin, 1900, стр. 373—374; P. Hermann. Erläuterungen zu den ersten neun Büchern der dänischen Geschichte des Saxo Grammaticus, T. I. Leipzig, 1901, стр. 318—319.

¹⁷ Скандинавские саги, в которых имеется этот рассказ (Hakons saga goda, cap. 13; Olafs saga helga, cap. 148), перечислены в статье: K. Lehmann. Grabs-hügel und Königshügel in nordischer Heidenzeit. — Zeitschrift für Deutsche Philologie, Bd. XLII, 1910, стр. 8.

¹⁸ А. Н. Кгарре. The Dog King. — Scandinavian Studies, vol. 17, 1942, № 4, стр. 148—153.

¹⁹ Добавим здесь указание на римский обряд коронавания собак на празднествах в честь Дианы, на который ссылается вслед за Дж. Фрейзером В. В. Иванов, см.: В. В. Иванов. Происхождение имени Кухулина. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сб. к 70-летию В. М. Жирмунского. М.—Л., 1964, стр. 458.

²⁰ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым, т. I. М., 1904, стр. 376—381; Б. М. Соколов. О житейных и апокрифических мотивах в былинах. — Русский филологический вестник, 1916, № 3, стр. 113—118; Русское народное поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, стр. 342—343.

Необычный в русском эпосе персонаж «царя-собаки» был, с моей точки зрения, крайне неудачно истолкован как образ «царя-тирана» Ивана Грозного.²¹ Приведенные выше скандинавские исторические рассказы и обработка их у И. Паули могут служить более оправданной к ним параллелью. При дальнейшем их сопоставлении, может быть, и загадочное «инишьшее царство» получит реальное приуроченье на том скандинавском севере, о котором должны были знать и русские скomorохи; для изучения их репертуара могут пригодиться и те устные рассказы, запись которых оставил нам Юрий Крижанич.

---

²¹ А. А. Зими н. Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI в. — В сб.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX вв. М.—Л., 1959, стр. 342. Образ другого былинного цикла «Собаки Калина царя» сюда не относится; в специальной работе Р. О. Якобсона весьма убедительно доказывается, что это прозвание калькирует имя хана Ногай и превращает его в бранное прозвище (см.: О. Jensen. Собака Калин-царь. — Slavia, 1939, гош. XVII, себ. 1—2, стр. 82—98).

К. Н. ГРИГОРЬЯН

Об одной из последних работ Богдана Салтанова

Весьма скудные и отрывочные сведения дошли до нас о последних годах деятельности царского живописца и иконописца XVII в., «иноземца армянской веры» Богдана Иевлевича Салтанова, прибывшего в Россию из «Шаховой области» (Персии) и проработавшего в Московской оружейной палате более тридцати пяти лет.¹

Одно, во всяком случае, очевидно, что не только при Алексее Михайловиче, но и в конце века, в начальный период царствования Петра I, Салтанов принимал деятельное участие во всех больших, значительных начинаниях, где нужен был опытный живописец, не только как исполнитель и руководитель художественных работ, но и как авторитетный эксперт, мнением которого очень дорожили. Так, например, в 1694 г. Салтанов со своими учениками «писал царю Петру Алексеевичу двадцать три картины — бои полевые, разные образцы».² Одна из его последних работ также связана с военными походами Петра I, победой русских войск над турками при штурме крепости Азов 19 июля 1696 г. Эту блистательную победу Петр решил «для возбуждения любви к военной славе в Россиянах»,³ для того чтобы «поселить в сердцах народа своего любовь к славе и трудам», отметить «торжественным вшествием в столицу по образцу древних римских триумфаторов».⁴

В честь этого события была задумана постройка Триумфальных ворот в Москве. В своем «повелении» из Черкаска Петр писал дьяку Виниусу: «Понеже писано есть, достоин делатель мэды своея, того для мню, яко удобно к восприятию господина генералиссима (боярин Алексей Семенович Шейн, — К. Г.) и протчих господ, чрез два времени в толиках потах трудившихся, триумфальными портами почтити; место же мню к сему удобное на мосту, чрез Москву реку устроенном, или где лутче».⁵

Виниус в ответ сообщал, что он немедленно приступит к осуществлению замысла Петра, но вместе с тем предупреждал, что, по словам мастера

¹ О Богдане Салтанове см.: А. И. Успенский. 1) Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. III. М., 1914, стр. 375—386; 2) Царский живописец и дворянин Иван Иевлевич Салтанов. — Старые годы, 1907, март, стр. 75—86; К. Григорьян. Живописец Богдан Салтанов в Московской оружейной палате. — Известия АН Арм. ССР, Общественные науки, 1948, № 4, стр. 47—60.

² И. Забелин. Домашний быт русских царей, ч. I. М., 1862, стр. 166.

³ Жизнь Петра Великого, описанная Г. Галеном. Пер. с немецкого. Ч. I. СПб., 1812, стр. 70.

⁴ Историческое изображение жизни и всех дел славного женева, Франца Яковлевича Лефорта ... М., 1800, стр. 104.

⁵ Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. I. СПб., 1889, стр. 109.

Салтанова, строительство может быть окончено не раньше 18 сентября. В оправдание этого срока приводились размеры работ: «ибо дело не малое, высота около 5 сажень, ширина от 7 до 8 сажень». Со своей стороны Виниус предлагал, если «будет великого государя позволение», при торжественном шествии «стрелять из пушек или дать ружейный залп, а на воротах поставить трубачей с литаврами».⁶

Триумфальные ворота по чертежам Виниуса были построены Салтановым и его товарищами при въезде из Замоскворечья на Каменный мост.

«Двуглавый орел под тремя коронами возвышался над фронтоном среди знамен, прапоров, копей и протазанов; под ним нарисованы были пушки, ядра, бомбы и морские суда. На фронтоне находилась надпись: „Бог с нами, никто же на ны. Никогда же бываемое“. Парящая слава в одной руке держала лавровый венок, в другой масличную ветвь. Под нею была надпись: „Достоин делатель мзды своя“. В середине ворот висел зеленый венок. От него спускались златотканые шпалеры... Фронтон опирался на две колоссальные статуи: одна представляла богатыря, с палицею в правой руке и с зеленою ветвю в левой; другая — воина в доспехах, с обнаженным мечом. Над ними были надписи: „Геркулесовою крепостью“ и „Марсовою храбростью“. На пьедесталах находились изображения: под Геркулесом — Азовского паши в чалме и двух скованных турок; под Марсом — татарского мурзы с двумя скованными татарами. Над тем и другим были надписи в стихах:

Над пашою:

Ах, Азов мы потеряли,
И тем бегство себе достали.

Над мурзою:

Прежде на степях мы ратовались,
Ныне же от Москвы бегством едва спасались.

Подле Геркулеса и Марса стояли пирамиды, перевитые зелеными ветвями с надписями, на одной: „В похвалу прехрабрых воев морских“; на другой: „в похвалу прехрабрых воев полевых“. Пространство между пирамидами и перилами моста занято было двумя картинами на полотне... Картины оканчивались изображением двух голов на коле: Азовского паши и Дулак мурзы. Перила моста были увешаны персидскими коврами».⁷

Это был, по существу, первый в России военный парад, организованный Петром I, который придавал ему особо важное значение. По его замыслу, победное шествие русских войск должно было представлять «такое зрелище, какого он (т. е. русский народ, — К. Г.) и вообразить тогда не умел».⁸

От «государева потешного двора Коломенского» двигалась к Триумфальным воротам вереница всех родов войск, офицеры разных чинов, позолоченные кареты и коляски знатных лиц, военных, духовных и приказных служителей, всадники в панцирях, богато убранные лошади, карлики при них, боярские люди, музыканты (певчие, суровщики, трубачи и др.). За музыкантами несли «государево знамя, на котором написан Спасов

⁶ Там же, стр. 603—604.

⁷ Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. II. СПб., 1858, стр. 300—301. Описание Триумфальных ворот Н. Устряловым составлено на основе сведений, содержащихся в книге Василия Рубана «Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика-города и торжественное оттуда с победоносным воинством возвращение в Москву, с подробным описанием всех военных и торжественных происшествий...» (СПб., 1773, стр. 179—183).

⁸ Историческое изображение жизни и всех дел славного женева, Франца Яковлевича Лефорта... стр. 104.

образ, около того знамени шли солдаты с колья». Петр шел «наряду с другими офицерами пред бомбардирскою ротою в мундире, ничем не отличавшемся от других».⁹ При появлении высокопоставленных лиц «из мелкого ружья и пушек была стрельба», залпы из всей артиллерии, поставленной на площади. Затем пел хор певчих, трубили в трубы, били в литавры, накры и барабаны, «звонили колокола во всей Москве». А при подходе к Триумфальным воротам «была речь в стихах, через трубу».¹⁰ «Труба сия содержала полторы сажени, и так была устроена, что все слова, чрез нее произнесенные, всем, народу были ясно и внятно слышны».¹¹ Солдаты тащили по земле трофейные турецкие знамена, за которыми шли «татарский принц и множество полоненных турок и татаров в оковах, которые железными цепями великий шум творили».¹² За ними шла телега, на которой везли «вора, крестопреступника и изменника Якушку». Телега намощена тесом и поставлены рели, а на релях по столам воткнуто по обе стороны два топора, два ножа повешены, два хомута, десять плетей, двое клещи, два ремня, а Якушка в турецком платье, голова в чалме обвита по-турецки, руки и около поясницы окован цепями, на шее петля, на перекладе веревка петлею и ложена на шею. А на груди медная доска, на коей вырезано было великими литерами: „Сей злодей переменял четырёхжды свой закон и изменил богу и всему народу“.¹³ У столпов приставлено два человека заплочных мастеров стрелецкого приказа: Алешка Иванов, Терешка Андреев. Позади их рота солдат, везли Якушку в другие ворота, что подле Триумфальных ворот... для того, что он за многое свое воровство и измену в Триумфальные ворота весть недостоин».¹⁴

Торжественное шествие русских войск через нарядные, богато разукрашенные картинами, коврами и зелеными ветвями Триумфальные ворота; звук барабанов, литавр, игра на трубах и других инструментах, шум шагающих полков, почти непрерывные ружейные залпы, стрельба из пушек, колокольный звон по всей столице, пышность шествия, блеск золота и серебра, картины, изображающие эпизоды блистательной победы над турками, — представлялись зрелищем до того времени «невиданным и неслыханным».¹⁵

В параде русских войск было уделено немало внимания внешнему оформлению, живописным работам. Даже по тем скудным сведениям, которые сохранились в печатных источниках, нетрудно представить грандиозность замысла и исполнения: «Все улицы, по коим быть шествию, всевозможно были украшены. Вдоль мосту поставлены огромные живописные картины, украшенные вместо рам лаврами. На первой представлялись сражения с татарами и приступ к Азову с надписью: „Москва Агарян побеждает, на многие версты прехрабро прогоняет“. На другой изображался

⁹ Там же, стр. 108.

¹⁰ Образцы этих хвалесбных виршей см.: Дополнения к деяниям Петра Великого, т. IV. М., 1790, стр. 199—200. См. также в брошюре, изданной Ильёй Копиевским: Слава торжеств и знамен побед... Амстердам, 1700.

¹¹ Дополнения к деяниям Петра Великого, т. IV, стр. 199.

¹² Журнал государя Петра I с 1695 по 1709, сочиненный бароном Гизелем. Половина первая. — В кн.: Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях... Петра Великого, ч. III. СПб., 1787, стр. 20.

¹³ Речь идет о Якове Янсене, изменнике и предателе, который сначала был католиком, потом стал протестантом, потом православным и в конце магомстанином. Через три дня после торжеств он был «колесом ломан и казнен, а голова его на коле поставлена» (там же, стр. 21).

¹⁴ Василий Рубан. Поход боярина... Шеина к Азову... стр. 192—195

¹⁵ Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. II, стр. 298.

приступ к Азову и морские сражения галер и фуркатов с надписью: „На море турки поражены, оставя Москве добычу, корабли их сожжены“. На море виден Нептун с трезубцем и веслом, сидящий на морском чудовище, с надписью: „Се и аз поздравляю взятием Азова, и вам покоряюсь“.

Стены внутренности ворот обиты были богатыми шелковыми обоями, на которых вытканы были прежних российских государей победы и казанское взятие». ¹⁶

Это было время, когда русская батальная живопись делала свои первые шаги, и приходится сожалеть, что ни одна из этих живописных работ не дошла до нас.

Все художественные работы были выполнены Салтановым, его товарищами и учениками.

Триумфальные ворота в Москве были одной из последних работ Салтанова. После 1702 г. имя его исчезает в документах Оружейной палаты. Что стало после с ним, где кончил свою жизнь художник-«иноземец», ничего не известно.

Деятельность Богдана Салтанова получила высокую оценку в трудах А. И. Успенского. «Салтанов, — писал он, — громадную пользу принес русскому искусству, внося в него новую, свежую и живительную струю. Он дольше всех остальных художников-иностранцев работал в Оружейной палате, научил многих русских живописи. Было время, когда наши дворцы в числе своих драгоценнейших украшений имели именно картины Салтанова. Пожар 1737 года и другие пожары беспощадно уничтожили значительную часть художественных произведений XVII века.

Немного из произведений Салтанова дошло до нас, но они показывают, что это был, действительно, первоклассный художник... Мы добрым именем, с глубокой благодарностью и уважением помянем художника, оставившего „прародительские пожитки“ ради воссоздания и насаждения в России русской живописи». ¹⁷

Салтанов не был одиноким. С ним вместе или рядом с ним работали в России и другие армянские художники, каменщики, миниатюристы, золотописцы, гранильщики, алмазники-резцы, чеканных дел мастера.

Многогранная, богатая творческая деятельность Богдана Салтанова — одна из интереснейших страниц в истории русско-армянских культурных связей XVII в.

¹⁶ Дополнения к деяниям Петра Великого, т. IV, стр. 194—196.

¹⁷ А. И. Успенский. Царский живописец и дворянин Иван Исавлевич Салтанов, стр. 86.

В. А. МОШИН

Из переписки самозванца Тимошки Акундинова

В первой половине XVII в., когда новая русская династия Романовых, опиравшаяся на служилый класс, не удовлетворила желаний низших общественных слоев, в разных областях России, а особенно на казацкой Украине, много раз поднимались революционные движения, возглавляемые самозванцами, сулившими народным массам возможность социального переворота.

Последним из девятнадцати самозванцев этого периода был Тимошка Акундинов. Он родился в Вологде в октябре 1617 г. Его отец, стрелец Демидка, сначала торговал холстами, а потом жил у вологодского архиепископа Варлаама. Тимошка провел детство в хоромах этого архиерея, который очень любил талантливого мальчика и называл его «княжеским рождением и царевою палатою», что, по признанию Тимошки, внушило ему мысль о самозванстве. Получив здесь первое образование и научившись держаться среди знатных людей, Тимошка служил потом подьячим у известного московского дьяка и дипломата Ивана Патрикеева, а после его падения в 1645 г. бежал вместе с товарищем Косткой Конюховским в Литву, где выдавал себя за Ивана Каразейского, воеводу вологодского и наместника великопермского. Потом через Молдавию и Болгарию он пробрался в Константинополь, где объявил себя сыном царя Василия Шуйского; там он оставался три года и был вынужден «побусурманиться»; спасшись с помощью сербов, добрался до Рима, где перешел в католичество; скитался затем по Австрии, Трансильвании, Украине, Швеции (где принял лютеранство), Пруссии и Голштинии. Выданный Москве голштинским герцогом, Тимошка в 1653 г. был четвертован.

В историческом «досье» этого международного афериста, несомненно незаурядного человека, в течение семи лет умевшего внушать к себе доверие европейских государей и дипломатов, сохранилось несколько писем, небезынтересных с литературной точки зрения. В живом языке подьяческого пера привлекают внимание отдельные украинизмы («нехай» в письме Костке и др.), которые Тимошка мог вынести из обихода Демидкиной семьи или приобрести за время пребывания в Польше, а может быть, они вошли уже в речь Москвы, в период живых связей с киевлянами. «Высокий» официальный стиль московской дипломатии и администрации — в послании князю Милютину — несомненно идет из школы дьяка Патрикеева, который, по словам Тимошки, дал ему образование, был ему «друг и оберегатель», «обо всем советовался» с ним и был даже посвящен в его самозванческие планы.

Особенно интересны в переписке Акундинова послание сербского церковного собора из Морачи в Рим по поводу унии, в составлении которого русский самозванец несомненно принимал личное участие (что видно по многочисленным русизмам наряду с хорватизмами миссионера Джованни Паскуале), послание князю Милютину вместе с рекомендательным пись-

мом сербского князя Тома из Старого Влаха и письмо Костке из Рима.¹ Первый из этих документов хранится в архиве Конгрегации пропаганды в Ватикане; в труде Е. Ф. Шмурло из него помещен только отрывок, относящийся к самозванцу, который приводим ниже:²

«Светому отчьскому и апостольскому събору Великие божие цркъве Римские намесником и правителю и гръденалом наивше над всеми епискупи епискупа главнаго римскаго папы, а нашего великаго господина, о господи дльжное поклонение до лица земли.

Волею бежиею патриарх сръбскы и поморьскы отъцъ Паисей представи се. И нарекосмо на патриаръство от братъи наших епискупов еднога вреднога редовника именем Гавриила, коега с вьсем събором нашим на уреченни дан изсвръшито учинити и посветити, ако бог да, хотим.

С коим наречением патриарха Гавриилом, све колико старога умрѣлаго патриарха Паисея движиме и недвижиме ствари, добависмо на наше руке, между коима и найдосмо свету и почтовану книгу римскаго папы, коя е писана реченому старому патриарху, кою он беше знал един келеине, а не саборне. И они дар от светые цркъви римские, то ест благословлена коруна епискупска не се могла съкрити, и не сакрила се в невидимости блата: оно благословлено сребро и золото, и веча милость папежьска, кою ми видети своими очима свы колици власти и митрополити стиснусмо рамена свои чудити се и дивити се. А то каючи се, в свое срдьца ачищаючи прах незнаемости. Що смо не знали и забыли главу от цркъви старога отца и пастира пресветога папу. И сви колици възведосмо свои очи к сиянию негову, како то от свега света светилу, наредисмо и одабрасмо послати поклицара в Рим к негово светыне еднога вреднога от свега нашего събору сръбскога поглавита, митрополита будимланскога и от все арбанашке земле, даючи нему моч за укрепити любов и задати послушаньство главе от цркъви, единому отцу и пастору нашему папе, не новим начинном али старим, како и други земли, Малая и Белая Русия, тако и мы.

И тако смо укрепили и постановили све то за извршити речением нашим великим поклицаром митрополитом будимланским и арбанашким, коега хтели бисмо и саде в Рим послати, за що доидоше нам великы тугы и неволи отоманьскы за нашъ грех и непослушанство пред неговои светыни, али не могосмо то учинити докле посветым нашего патриарха; да к тому же умислили смо пръве изскати тестир от негови светыни, да допустит доч в Рим нашему великому поклицару реченому. И даде нам бог добротив згуду за испунити нашу мисл. Чудним начинном вьсемогучия божия сила из рук отоманьских ослободила пресветлога господина московскаго царевича Иоана Василиевича Шуйскаго, великаго кнеза великопермскаго, кои имаючи пут завратити са ва свое владане, имал волю и в Риму бити и светым мощем се поклонити; а бивши он одавна наш господин и патрун и от цркъви ктитор, припоручисмо у skut негова величанства от вьсега сабора нашего избраннаго брата великие лаври Богородице строе-

¹ Об Акундинове см.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V, т. 10. М., 1961, стр. 464—467, 564—567, 569—571, 607—611; Е. Ф. Шмурло. Римская курия на русском православном Востоке в 1609—1654 гг. Прага, 1929, стр. 174—180; см. также примечания во II части, стр. 204—210, где приведен весь материал из архива Конгрегации пропаганды и цитирована предшествующая литература. Южнославянский материал см. в статье: В. Мошин. Руски самозванец и Дубровник. — Хисторијск зборник, V, № 1—2, Загреб, 1952, стр. 71—84. О роли Акундинова в истории сношений сербов с Римской курией см.: В. Мошин. Из истории сношений Римской курии, России и южных славян в середине XVII в. — В кн.: Международные связи России до XVII века. Под ред. А. А. Зимина и В. Т. Пашуто, М., 1961, стр. 491—511.

² Публикуемые далее тексты воспроизведены с некоторыми упрощениями орфографии (по правилам ТОДРА).

ние царьско от Морачи из примориа сръбскаго, великого логофета и еписарха Феодосия ради лемозини с царьскимъ русоволем, коему дадосмо ову книгу нашу, да има предати до пресветлога и превисокога светого сабору римскаго нашу понижену молитву, за кою молимо вашу ведрину: допустите нам от негови светыни приведрои власти и честитости папиной имати благослов и тестира за нашего нареченаго поклисара ради утврѣждения више реченой нашей потреби. Ово ми упадаеми на землю пред неговои светыни и любимо нему ноги и подѣшожие неговех ног, нека нам заповеди: божи смо и негови послушници и раби вековни.

Писано в земли Сръбсцей великой лаври царьской на саборе морачком лета от създаниа мира 7156, спасение же 1648 фервара 1 дан.

И в место других митрополитов и епискуп и в место игумена Григориа са братиею и всего сабора руку приложил Смирени Паисен божиею милостию митрополит будимланский и абранашкы в свое место».

Под текстом печать и около нея подпись: «Смирений печатник иеромонах Осиф».

Из Морачи Тимошка проехал к католическому епископу в Котор, а оттуда через Венецию в середине апреля прибыл в Рим. Предполагая сначала из Морачи ехать в Дубровник, он заручился рекомендательным письмом князя Томы из Старого Влаха к какому-то князю Милютину. Не воспользовавшись им своевременно, Тимошка переслал письмо Томы Милютину вместе со своим посланием позднее из Рима. Письма чрезвычайно интересны, поскольку в связи с авантюрой самозванца говорят о тогдашних важнейших проблемах — роли России в освобождении славян от турецкого ига и борьбе за православие против католической пропаганды. Князь Тома пишет князю Милютину:

«Си лист да се преда под печатом кнезу Милютину.

Благоверному и Христом възлюбленному приателу нашему, зело възлюбленому господару кнезу Милутину: смерено и любовно метание сътворяю блаженству твоему кнезе Фомо с братиами од Старого Влаха. По сих да веси. Той господар христиански с своими служители, благоволившу богу, свободи се од нечастивих език, и доиде к нами всаку милость и любовь показа, а поиде с богом на Дубровник до честитого властела. А ми се надеемо на бога, паки на вас приателе верне — применете сего яко господара по достоинству въместо нашего образа. Буди сему приател и сьродник, и щогое поищет от вас, не моите сему възбранити, и тайну егову съблюдите, тако вас молимо усръдие. А много писат за малохартие за велика господара не может и наш разум постигнути, еже сами ваше благородие очима узриши. Нам же он зело достоверен Христу раб, тои же тебе и маздовъздател, и нам хоче бити приател вечни, ако бог даст мир и здравие и многа ви лета в животе и здравии и спасени».

В конце письма подпись и приписка с приветами родственникам. Письмо не датировано.

Тимошкино письмо из Рима 6 июня 1648 г. адресовано: «В Сербскую землю, в Дубровницкой уезд, достойному Милутину князю». Текст его следующий:

«Иоан Тимофей изо Владимира, Владимирский и Шуйский господар иже несъм доволен нареци се княз за отлучение от местнаго нашего княжества Велико-Пермьскаго и за отлучение от исконнаго нашего прародительнаго и отечскаго достоаниа от великаго царствия Московскаго, зане бых во пленении у нечестивих и гнусних Тартар и у Турков, них же помощию божиею и промыслом праведних и благочастивих друзей наших сьрбов избавль се, и путшасвуя ко своему достоанию странствую ныне во странах латинских, благодатию божию не нищеско, ни пленничаско, ни

странничаско, но свободно и откровенно и славно, от славних царских свидетельств и ясных праведних указаний яко наследник и последнее славнаго великаго Василиа Ивановича изо Владимира, Владимирскаго и Шуйскаго князя и великаго царя от великаго и високопрестолнаго царствия Московскаго и всеа благочестивые Росие и всеа северниа и полунощниа страны и варварьских езиков и прочя, еще же есмь княз земли Велико-Пермьския и блюститель и назирател праведних и благочастивих скипетра сродников наших стародавних блаженна память деспот и князей и воевод сьрбьских и прочя.

В Сербьскую землю в Дубровницкой уезд обще всем поселяном, особно же избранному князю Милутину всякоя части и хвалы достойному божественнаго благословения и благообразнаго здравия любительно желаю.

Не диви се, Милютине кнеже, да те толико любим и узвишуем. Не ми тебе узвишуем, господин бог те узвишуе, зашто си верен и почтен и вреден, и твоя вредность усилова ме тебя прославити и поздравити из далеких места, из Рима, добре тебе хоте быти, да имаши нас приетеля себе по приятельства достоинново кнеза Фомы ис Старога Влаха, от коега не сужено мне было тебе припоручену быти, зашто не приидох у Дубровник, но приидох на Котор и у Венецию. Али Томину препоручену книгу сокровенно ныне к тебе посылаем, да знаеш, колико может православных любовь и приятельство, коему я свако добро вековно желаем.

По сих разумей. Како доиде к тебе сия наша почтована книга, дозови вси колици кметовы разумни и праведни, и прочати им книгу нашу на утешение и на любовен разговор, како мы велику имама к ним любовь, и с помощию божиею в малых летех учиним их от Турков свободити се: аще уповают и веруют, ниека се молят господину богу, и да живут благочастивно, любяще друг друга. Се уже милость божиа близу их — мудрому довлеет — тайна сия велика есть. Тебе же подобает царьску и княжеску тайну таити, а божиа дела проповедати между православными, а Латинцов отбегати и везде ся от них отлучать, по апостолу Павлу: еретика человека по первом и втором наказании отлучай се. И тако видите и разумейте, да суть Латинны престелници, отлучайте се их.

Ожидайте от нас другой книги полезной вскоре. А ко ову книгу вам донесет, молимо вас за любовь божию учините им велику часть и велику любовь; и што им учините — мне учините. И знайте: труждающих се и помогающих нам наших превожделенных отцов и богомольцов и схимников обители пресветые Богородицы Успения иже на Морачу, яко истинно есть кралевскаго строения их монастырь, коега мы славим, и што дале то вече, и от отечества нашего славити будем; еще же и сам бог обитель ону светую высоце прославити благоволил и дарова им примити храму мощи угодника...³ яко о том сами носители книги сея возвестят вам... правую любовь и веру ко светой морачевской обители... милостыню по силе послать им не щадите, да и вас пощадит... и свободит и сотворит вас Турком и Латинком страшных, и всякаго озлобления вышших. Аминь. Писано в Риме лета 7156 (т. е. 1648 г., — В. М.) июня в 6 день у среду».

Под этим письмом подпись и восковая печать, сделанная для Тимошки в Риме.

Не останавливаемся на двух письмах, посланных в Котор 4 и 14 июля (писаны по-славянски латинским письмом Тимошкиным секретарем доминиканцем Габриэлем Корреисом). В первом «Иоанн с Владимир Шуйски палатинус Пермие» сообщает генеральному викарию Джованни Паскуале, что был принят папой; во втором он рекомендует доктору и поэту Николо

³ Здесь и далее текст закрыт печатью.

Вракиери своего секретаря отца Габриэля Корреиса и коморника Константина со своими «секретами» и просит принять их «весело и добровольно».

12 июля Тимошка послал из Рима большое письмо «коморнику нашему Константину» в Анкону (адрес написан латинскими буквами). Самозванец пишет:

«Иван благодатию божиею сам еже есмы.

Вернемилому и креплему страдальцу за мой живот Константину Евдокимовичу милость божия и благословение божественное и утешение полезное, а затем ласка наша и любовь княжеская. Писал к тебе три грамотки: знаем, что тебе мимо уши не пойдет, али писамцо сердцу дойдет, и ништо мимо дело учинити не можешь и не похочешь для себя а и за нас з готовово (?) составляти по времени смотря, што оставлено на твоей воли. А указу к тебе не посылаю, потому што скорбию великою за тебя, за великую скудость и недостатки твои на ныне многострадальном пути, и за дело нам зрю на кое тебя послах, али за тебя и за твое здоровье мышляю, како писах, толь сердечно и толь горячо, да мышляю сам и готовлюсь для тебя итти в Якинью. Чаю тебя тамо найти, только подлинно не знаю, и кабы знал не бы и писал: воистину бы уже ишел теперь на путь. Для того, сын мой, отпиши ко мне, где сидишь теперь? А ежели даст бог, да не в Якинью сидишь, а дошел в Дубровник, старайся же ты тоже не за себя самого, потому што я за тебя стараюсь и моя голова за твою голову; али старайся ты за мое дело забывь себя, потому што я в том деле сам есмы, и нехай твоя голова за мою голову, а бог благи бы за всех нас, иже от нас не отстует, а всегда сохраняет, на него же надемся яко и еще сохранит по божескому и православному делу. А ты же смисли, коль далеко от главы до главы, толь далеко от моей ласки до твоей любви. Итак, будет тебе явно пред очима, коль велика ласка наша княжеская тебе верному рицалу и ближнему человеку. Такой тебе разговор посылаю и то все подкрепляю, да милостью божиею есть и будет во истину и в правду путь добрый и счасливый в Москву и на Астрахань и на Казань. Чти в преждеписанной грамотке, имейся добре, а пиши нам о всем подлинно. И вторицею приказываю: не дремли и отвори очи, чувайся по-латинску, а не по-московску; не забывай писат ко мне и часто учащай грамотки писать. Здоровь сын мой буди и терпи и стражди яко мой верный ближний служебник, а призывай в помощь аггела божия Рафаила, ему же тебя богомь вручаю. Аминь. А ежели живешь в Якинью, знаи же: я писах Иерониму Перони о помочи, и сам вскоре буду. Не кручинься, стой весело, и меня ожидай вскоре, а вам буду писать пространнее в другой грамотке. Теперь мало пишу, а много скорблю, да радость приобретаю божиею помощию. Аминь.

156, июля въ 12 день, в вторник в Риме».

Второе письмо, посланное «верненаимильшему страдальцу» в Дубровник через четыре дня после первого, сообщает о переписке с дубровницким консулом в Анконе Л. Сторани и дубровчанами М. Бобали и И. Перони, находившимися тогда в Анконе. Имеются еще три письма — от 20 и 24 июля и 1 августа — доминиканцу Габриэлю, написанные по-итальянски, с сообщением о ходе разных хлопот.

Полагаем, что Тимошкина переписка заслуживает внимания как памятник московской эпистолярной литературы XVII в., своеобразный по языку и по стилю, и представляет интерес как исторический источник, комментирующий вопросы, особенно занимавшие тогдашнюю общественность: проблему самозванцев, связанную с критикой государственного и общественного строя, борьбу православия против экспансии католицизма и идеологию освободительной миссии России на православном Востоке, в частности на славянских Балканах.

Н. И. ПРАШКОВИЧ

«Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» — новый этап в истории белорусской литературы

До настоящего времени в белорусском литературоведении распространено мнение, что новая белорусская литература совсем не связана с литературой древней, что свойства новой литературы, ее специфические качества формировались на совсем иной эстетической основе и между литературой XVI—XVII вв. и новой литературой — XIX в. лежит XVIII век, который обычно называют периодом упадка. В большинстве исследований подчеркивается не то, что связывает новую литературу со старой, а, наоборот, то, что разъединяет, и это приводит к не совсем обоснованным выводам.

При беглом знакомстве с историей белорусской литературы XVII—XIX вв. может сложиться впечатление, что литературный процесс протекал именно так, что старая белорусская литература имела одни задачи и эстетические функции, а новая — совсем иные, что действительно после бурного литературного развития XVI—XVII вв. в XVIII в. был полный застой.

Все это далеко не так, и сам литературный процесс не был таким простым, как может показаться на первый взгляд.

Каждое явление в литературе, как известно, продукт своей эпохи, отражение в той или иной степени жизненных потребностей времени. Это общее правило, способы же выражения этих принципов и идеалов бывают самые разнообразные.

С этой точки зрения представляют большой интерес два своеобразных памятника древней белорусской литературы — «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча». Оба произведения в какой-то степени стоят особняком среди произведений XVII в.

«Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» в свое время не были напечатаны, они бытовали в рукописях. Впервые «Прамова Мялешкі» была напечатана в 1819 г. в переводе на польский язык Немцевичем;¹ рукопись, с которой делался перевод, позже погибла. В 1851 г. М. Вишневецкий напечатал это произведение по рукописи библиотеки Хребтовичей;² в 1862 г. П. Кулиш перепечатал его в переводе на украинский язык.³ В 1865 г. «Прамову Мялешкі» напечатал Н. И. Костомаров, введя в текст ряд

¹ J. Niemcewicz. Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce, t. II. Warszawa, 1819, стр. 341—344.

² M. Wiszniewski. Historia literatury polskiej, t. VII. Kraków, 1851, стр. 480—484.

³ См.: «Основа», кн. 6, СПб., 1862, стр. 13—16.

украинизмов;⁴ он не указал, с какого источника делалась публикация, а позже этот источник не был обнаружен. В 1926 г. новую, наиболее полную редакцию напечатал известный белорусский ученый В. Ластовский.⁵

«Ліст да Абуховіча» известен в трех списках. Впервые его исследовал и напечатал в 1910 г. В. Ластовский по копии рукописи Краковской библиотеки.⁶ В 1926 г. он напечатал произведение по рукописи, которая в то время хранилась в Вильне в музее Ивана Луцкевича.⁷ В 1927 г. Д. Давгяло напечатал так называемый одесский список.⁸

«Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» открывают качественно новую страницу в истории белорусской литературы. Именно они убедительно говорят о том, что литература в это время начинает терять свои чисто служебные функции и в большей степени приобретает функции эстетические.

Известно, что вся литература восточных славян до XVII в. в той или иной степени имела практическое применение. Либо это был поучительный рассказ из жизни христианского подвижника («житие»), либо описание «святых мест», рассчитанное не столько на любознательного, сколько на благочестивого читателя («хождение»), либо изложение истории государства, используемое для обоснования политических доктрин или прославления государственных деятелей (летопись), либо защита различных религиозных догм (полемика литература) и т. д. Соответственно и авторы указанных произведений были очень привязаны к схеме, по которой создавался соответствующий жанр, к фактическому материалу, которым они оперировали, к религиозным догмам и церковным обрядам, которые они защищали или отвергали.

Совсем в ином плане написаны «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча». Для обоих произведений в значительной степени присущи приемы художественной типизации. Оба автора стремятся подать материал обобщенно, показать то, что является характерным, проникнуть в сложные и противоречивые жизненные ситуации. Произведения, по существу, нельзя отнести ни к одному известному тогда жанру. По своему же содержанию это политическая сатира. Критика существующих порядков в произведениях ведется очень своеобразно.

«Прамову Мялешкі» долгое время считали действительным выступлением мстиславского каштеляна Ивана Мялешки на Варшавском сейме. Только в 1894 г. было доказано, что это — литературное произведение, не имеющее непосредственного отношения к реальному Ивану Мелешке и его участию в работе сейма.⁹

Главный герой произведения одновременно и рассказчик: речь ведется от имени Мелешки. Но, безусловно, автора и героя произведения нельзя отождествлять. Из «Прамовы Мялешкі» видно, что ее автор был образованным человеком, хорошо понимал то тяжелое, по существу безысходное, положение, в котором очутилось Великое княжество Литовское после Люблинской унии, понимал, что под напором польских феодалов начинают

⁴ Акты, относящиеся к истории южной и западной России, т. 2. СПб., 1865, № 158.

⁵ В. Ластоўскі. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна, 1926, стр. 446—449.

⁶ В. Ластоўскі. Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня, 1910, стр. 72—75.

⁷ В. Ластоўскі. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі, стр. 446—449.

⁸ Д. І. Даўгяла. З беларускага пісьменства XVII в.—Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. У. Леніна, Мінск, 1927, № 16, стр. 169—211.

⁹ Н. Ф. Сумцов. Речь Ивана Мелешки как литературный памятник.—Киевская старина, 1894, май, стр. 195—213.

рушиться национальные устои, народные традиции. Подобные взгляды характерны и для главного героя, но он имеет и значительные отличия. Автор наделяет его такими чертами, которые ему самому не были присущи. Так, главный герой иногда предстает перед читателем в достаточно смешном виде, кажется «недалеким» провинциалом. Его рассуждения тогда наивны и комичны (например, тирада против часов, ибо петухи, по его мнению, показывают время лучше, чем всякие часы).

Авторский прием наделения героя комическими чертами оправдал себя. Критика общественных пороков Речи Посполитой ведется в произведении остро и тонко, в чем выявился большой талант автора, писателя-публициста.

По этому же принципу, но несколько в ином плане написан «Ліст да Абуховіча». Если первое произведение является «подложным» выступлением в семье, то другое — «подложным» посланием, где форма послания — лишь способ выражения авторской мысли.

Автор произведения Цыпрыян Камуняка пишет письмо Абуховичу после того, как тот сдал Смоленск русским войскам 24 сентября 1655 г. В то время начало распространяться мнение, что Абухович, начальник Смоленского гарнизона, был подкуплен командующим русскими войсками.¹⁰ Автор произведения придерживается этого же мнения. В лице Абуховича он критикует польские феодальные порядки, представителей польских властей на белорусских землях, их хищничество и жадность. «Подымного (подати, — Н. П.) никто не быв прычыною, только вошмосць, которым выкурыл наших мужыков, як воробьев з веников».

Способ подачи материала в обоих произведениях также своеобразен. Герои в них в известной мере являются типическими. И автор «Прамовы Мялешкі», и Камуняка, написавший «Ліст да Абуховіча», не следовали никакой схеме, не стремились писать по установленному шаблону. Их герои — не канонические герои житий, не безликие герои «хождений», не этикетно-схематические князья из многих летописей, а живые, полнокровные люди. Более того, авторы стремятся в какой-то степени раскрыть причины, породившие те или иные качества характера героев. Например, Камуняка говорит о привилегированном положении крупной польской шляхты на белорусских землях, отмечает, что еще дед и отец Абуховича были известными взяточниками, что вся польская шляхта ведет себя на белорусских землях подобным образом. Отсюда он делает естественный вывод, что и сам Абухович не мог пойти иным путем.

Критика порядков, существующих в те времена на белорусских землях, ведется также новыми средствами и приемами. Вся предыдущая литература критиковала то или иное явление как факт сам по себе, не стремилась раскрыть внутренние причины, его породившие. «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» выделяют новым подходом к событиям и фактам. Они противопоставляют современность прошлому, в значительной степени идеализируя последнее. Но главное в том, что эти произведения показывают, как постепенно, под влиянием известных сил «идиллические» нравы уступают иным порядкам, которые и являются объектом критики. Авторы прослеживают процесс укрепления экономического и политического могущества польских феодалов на землях Белоруссии и Литвы, даже пытаются найти какие-то пути выхода из подобного положения.

Таким образом, человек, главный объект изображения литературы, теперь показан не схематично, а во всей его сложности, что присуще

¹⁰ В самом деле гарнизон Смоленска был очень немногочисленным и состоял чуть ли не наполовину из наемников, что и обусловило его слабость.

именно поздним произведениям, таким как «Камедыя» Марашевского; как «гутаркі» XIX в. и т. д.

Со стороны языка и стиля «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» также коренным образом отличаются от предшествующей белорусской литературы. Известно, что в древней литературе тот или иной жанр требовал определенных стилевых средств, — иначе говоря, каждый жанр имел свой, присущий именно ему стиль. Конечно, от этого правила могли быть некоторые отступления. Но в целом этот принцип оставался неизменным. «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» и в этом отношении стоят особняком. Они написаны так образно и лаконично, как только умеет говорить народ. Авторы пользуются живым народным языком, значительно развивают те языковые традиции, которые были заложены в юридических памятниках, продолжены позже в белорусских летописях, в творческой практике Ф. Скорины, В. Цяпинского и др. Произведения пересыпаны народными пословицами и поговорками, яркими сравнениями, например: «увалявся есь у великую славу, як свиня у грась», «хотя з рогатиною на варте стой, в живые очы такого беса не упилнуеш», «а тые копы пострыгут не одного в хлопы», «сивизна в бороде и чорт в лідвах за поесом», «в рот правдою, як солею в очы, кидывали», «а подолок рухаеця, а коло подолка чепляеця» и т. д.

Своеобразна композиция произведений. На первый взгляд может показаться, что в них отсутствует внутренняя логическая последовательность. Так, «Прамова Мялешкі» начинается с обращения к «милостивому» королю, с сообщения, что герой счастливо приехал на сейм «радिति». Вслед за тем герой сообщает, что ранее на таких сеймах никогда не бывал, тем самым будто бы извиняясь за свою неосведомленность. Но уже следующая фраза, в которой утверждается, что «бывало правым сердцем просто говорыли, политики не знали, а в рот правдою, як солею в очы, кидывали», отвергает предыдущее мнение. Из нее хорошо видно, что герой не такой уже и простак, каким себя показывает. Это человек принципиальный и мужественный, который может в любое время «солею в очы» бросить. В дальнейшем повествовании автор много внимания уделяет Сигизмунду III, сравнивает его с Сигизмундом I, высказывая попутно свое отношение и к польским шляхтичам, и к тем людям, в которых «наша костка, аднак собычим мясом обросла и воняет».

Но только при первом знакомстве с «Прамовай Мялешкі» ее композиция кажется такой хаотической. В действительности же «отступления» от главной линии рассуждений не разрушают его композиционного единства. Все в нем подчинено замыслу автора: противопоставить Великое княжество Литовское Польше, белорусский уклад жизни — польскому укладу, вообще все свое — всему иноземному.

«Ліст да Абуховіча» более прост по своему композиционному построению, но и в нем имеется целый ряд отступлений от основной сюжетной линии. Эти отступления связаны главным образом с воспоминаниями о «добром» старом времени, с рассказом о смерти Остика, наказанного за свою шпионскую деятельность, и т. д.

Особенностью «Ліста да Абуховіча» является и то, что он написан в значительной своей части рифмованной прозой. Во многих местах произведения отчетливо чувствуется рифма, например: «Смоленск оддали, то и титул продали», «Москва соболи продовала, всю Русь з людзьми одобрала», «кто заживает, тот ничего не дбаец» и т. д.

Сходно выражение авторских взглядов в обоих произведениях. Во всей предыдущей литературе идея как бы «лежала на поверхности», многие из них заключались дидактической сентенцией. Идея в «Прамове Мялешкі» и

«Лісте да Абуховіча» вытекает из всего хода рассуждений: стремление к независимости белорусско-литовского государства — Великого княжества Литовского, защита белорусского национального уклада жизни, белорусских нравов и обычаев. Исходя из защиты национальных интересов, авторы и обрушивают весь свой гнев против польских феодалов. Не сторонники они и Русского государства, особенно усилившего свою захватническую политику в XVII в. в отношении белорусских, украинских и литовских земель.

Начиная с «Прамовы Мялешкі» и «Ліста да Абуховіча» качества, присущие новой литературе и впервые так отчетливо выявившиеся в указанных произведениях, в дальнейшем становятся обычным явлением. Правда, эти новые качества впервые появились уже в некоторых белорусских летописях, например в «Хроніцы Быхаўца»; позже они нашли яркое воплощение во многих стихотворениях С. Полоцкого, «Камедыі» Марашевского, интермедиях; наконец, эти традиции в XIX в. будут развиты в стихотворных «гутарках».

Таким образом, новая белорусская литература возникла не изолированно от старой, а постепенно развивала те черты, которые появились в ней еще в XVII в. Поэтому нет оснований говорить о перерыве в развитии белорусской литературы, о полной изолированности новой литературы от старой.

М. В. КУКУШКИНА

Новая повесть о Леопольде и его сестре Маргарите

В 1953 г. П. Н. Берков и В. И. Малышев опубликовали «Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века»,¹ которое они озаглавили «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии». Сюжет этой повести, как отмечают авторы, связан с «Народными русскими сказками» А. Н. Афанасьева №№ 336 и 337, а действие ее и имена героев переносят читателя во Францию и Испанию. В исследовании, предпосланном повести, авторы приходят к определенному выводу, что повесть «не является переводом, а представляет русскую разработку этого сюжета», который мог быть подсказан «некоторыми придворными событиями второй четверти XVIII века».²

Найденная нами повесть по сюжету примыкает к опубликованной П. Н. Берковым и В. И. Малышевым, однако это совершенно иное произведение, более раннее по времени создания, сюжетная интрига которого могла стать первоосновой для текста «Повести о гишпанском дворянине...», а также для сказок Афанасьева. Повесть найдена нами в сборной рукописи, принадлежащей БАН СССР (собрание Археологического института, № 69). Эта рукопись в 4°, на 60 листах, состоит из двух самостоятельных рукописей и точно датируется по филиграммам серединой XVIII в. В БАН СССР она поступила в 1934 г. из Ленинградского историко-филологического института, куда в свою очередь была передана из библиотеки И. Е. Андреевского. Интересующая нас повесть занимает в ней полностью вторую рукопись, листы 55—60, и, к сожалению, так же как и повесть, опубликованная П. Н. Берковым и В. И. Малышевым, не имеет начала. Ее текст из-за утери листов начинается с половины фразы. Первая рукопись состоит из памятников, не связанных с нашей повестью по содержанию, но близких ей по времени своего создания.

Так же как и в «Повести о гишпанском дворянине...», в найденной нами повести сюжетную канву составляют взаимоотношения четырех основных действующих лиц, но имеющих другие имена: Леопольда, его сестры Маргариты, короля и королевского фельдмаршала. Место действия в тексте повести не указано, однако автор несомненно заимствует имена из источников немецкой традиции. Сравнение содержания текста публикуемой повести с текстом «Повести о гишпанском дворянине...» и сказок А. Н. Афанасьева позволяет сделать следующие наблюдения. Для удобства изложения обозначим в дальнейшем наш текст как текст А, опубликованный П. Н. Берковым и В. И. Малышевым — текст Б.

¹ П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века. — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 408—426.

² Там же, стр. 408.

Главная сюжетная канва во всех текстах в основном схожа: некий человек (в тексте *А* — сын умершего министра, в *Б* — дворянин, впрочем тоже сын «гишпанского министра», в сказках — купеческий сын) имел сестру-красавицу, в которую влюбился король (в сказках — царь), увидев ее портрет. Решение короля жениться на ней и одаривание им ее брата, только что появившегося при дворе, разными милостями вызвали недовольство и зависть близких к королю чиновных лиц, которые с помощью королевского фельдмаршала (в сказках — генерала) решили расстроить предполагаемую женитьбу.

Примечательно, что в *Б* фельдмаршал, затеяв интригу, подкупает камер-пажа за 1000 «червонных», а в *А* его самого подкупают «во мзду труда» (л. 56) за 10 000 «червонных». Король, усомнившись в наговорах фельдмаршала, обвинявшего его невесту в недостойном поведении, для приведения доказательства дает ему определенный срок: в *А* — «время до утра» (л. 57), в *Б* — 4 месяца, в сказках — отпуск на неопределенное время. Далее интрига развивается не идентично, но более сходно в *А* и *Б*. Фельдмаршал разными путями (в *А*, *Б*, сказках) узнает через «мамку» примету невесты. Эта примета совпадает в *А* и *Б*. Под правой грудью у Маргариты «пятно черное величеством в маковое зерно» (л. 57 об.); у Софии «черное пятно под правую титкою, которое бородавке подобно».³ В сказке № 336 такой приметой является «золотой волосок под левою мышкою».⁴

Сходно в текстах *А* и *Б* развиваются и последующие события. Осужденному на казнь дворянину король разрешает повидать сестру. Маргарита, увидев приехавшего брата, «выбежала к нему и хотя его поцеловать», Леопольд же «сильно ударил ее по щеке», говоря: «Ведай, сестра, что я тебя ради умираю» (л. 58 об.). Так же вели себя при встрече София и Карл, который «ударил сестру свою по щеке и сказал: „Ты мне не сестра, но б...“».⁵ Однако в сказках нет и тени недоверия брата по отношению к сестре, она его выручает немедленно.

Сюжетная и в отдельных случаях текстологическая близость двух повестей свидетельствует о знакомстве автора младшего по времени создания текста с текстом старшим. Два существенных момента в повести *Б* доказывают ее безусловно более позднее происхождение по сравнению с текстом *А*. Это прежде всего осложняющий фабулу добавочный сюжет о борьбе короля Максимилиана с идолопоклонничеством, более современный язык, а также более образный стиль. В повести *А* сохранилось больше старинных языковых форм: «пришет» (л. 55), «паче» (л. 56), «не хоцещи» (л. 59 об.), «моги» (л. 56 об.), «отрицался» (л. 59 об.), «женился» (л. 60) и т. д. В нескольких случаях союз «к» заменен буквой «х», а в окончаниях возвратного глагола вместо «ся» пишется «тца», что позволяет предполагать о белорусском происхождении данного списка.

Наш список 40-х годов XVIII в., происхождение же повести несомненно можно отнести к более раннему времени, включив ее в круг петровских повестей. Убеждение в этом складывается не только из выше приведенного сопоставления двух текстов, последний из которых создан, по предположению П. Н. Беркова и В. И. Малышева, в середине XVIII в., но и из самого сюжета. Повесть реалистична, в ней отсутствует даже сказочный момент с перчаткой, объединяющий повесть *Б* и сказки Афанасьева. Зато особенно подчеркивается взаимозависимость общественного

³ Там же, стр. 421.

⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III. М., 1958, стр. 74.

⁵ П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века, стр. 422.

положения героев от их личных достоинств, что было характерно для Петровского времени. Если в повести Б фельдмаршал решает расстроить женитьбу короля на Софии из личных побуждений (он уже названный тесть короля), то в повести А все министры объединились «зависти ради» против будущего шурина короля Леопольда, который, «не показав еще никаких своих заслуг, в милости паче всех превосходит», да и сестра его, «паче прискорбнее будет», станет «повелительницею» (л. 56).

Однако смелость, предприимчивость, сообразительность и честность обоих героев помогают им одолеть врагов и занять высокое общественное положение.

Комментируя сюжетную интригу в повести Б, П. Н. Берков и В. И. Малышев предположительно связывают ее с событиями при русском дворе во времена правления малолетнего Петра II. Авторская же трактовка схожей фабулы в повести А, на наш взгляд, отразила новые веяния начала века, а возможно, в завуалированной форме и придворные события. Поэтому вполне основательно предположение, что Повесть о Леопольде и его сестре Маргарите создана в дворянской среде Петровского времени и является оригинальной разработкой сюжета, который послужил основой для позднейших произведений.

Публикуемый ниже текст повести дается нами с сохранением орфографии и стилистических особенностей списка, в соответствии с существующими правилами издания литературных памятников.

ПРИЛОЖЕНИЕ

.. Стал просить совету от тех министров, которые были приятели л. 55
отцу ево, чтоб улуча время просить королевское величество о посещении
дому их, которой ево совет многие от приятелей похвалили. И в одно
время, приехав во дворец с министрами, которые ему были добрыя па-
троны, и придет х королю, стал ево просить: «Королевское величество,
всемиловитивейший государь, с покорностию прошу вашего величества, не
презри моей бедной прозбы, хотя и не по заслугам моим столько дерзнул
трудить ваше величество, однако ж ежели милостиво напомниме услугу
к вам родителя нашего, чтоб посетил убогой мой домишко и притом с ми-
нистрами вашими повеселитьца». На что и король поизволил, и предло-
жили день, когда быть веселию в доме ево, понеже оной король и сам во
младых летех и оные весели всегда видеть желал.

И в назначенной день веселия приехал король со всеми министрами, и
по окончании обеда стали танцовать и веселитца. Посем король возжелал
видеть все ево покои и богатства. И пришел в ту полату, где спальна
Леопольдова, и немало подивился убранству кровати ево, ибо у самого
короля такой не имелось. И увидел дамской патрет, которой был постав-
лен в ногах под балдахинном кровати его, долго, изумевся, смотрел при-
лежно и немало сумневался о красоте оно(й) девицы, и спросил об ней
Леопольда, откуда он такой || патрет достал.

л. 55 об.

Он стал ево величеству доносить, что тот патрет сестры ево родной
Маргариты. И то королю весьма стало быть удивительно и думал, что
человеку таковою красотою никак можно родитися. На что оной Леопольд
сказал: «Я вашему величеству приношу истинную, что тот мастер, кото-
рой писал сей патрет, и еще написан не прямым существом». Посем
король сказал, что: «Могу верить и твоим словам, и хотя такова персоною,
как и написана, верь мне, что я ей жених, а она мне невеста, и смотреть
не желаю». И взяв оного Леопольда руку, привел в полату, где министры

веселятца, и начали пить все за здравие его величества намеренной невесты и несколько раз палено из города ис пушек. И по окончании веселия поехал король в дом свой, министры все разъехались. А король при отъезде своем приказал Леопольду, что он при его величестве всякой день был. И от того времени стал его король принимать не так, как протчих министров, но яко присного свойственника своего, и в доме королевском ни в чем ему не возбранно. Что видевше к нему высокую и особливую милость, ибо прежде брачного совокупления и превосходит всех первых министров, того ради все министры и генералитеты стали быть завистию л. 56 надменны, искали подобного времени злобы своей, || како бы его величеству намерение брачное путь пресечь и той девицы честное имя обругать.

И в некоторое время съехались на совет к некоторому министру, имели притчину разсуждать немалое время и зависти ради, что намеренной шуриин Леопольд, не показав еще никаких своих заслуг, в милости паче всех превосходит, к тому ж и сестра ево «хочет быти нашею государынею, и коль нашему сердцу паче прискорбнее будет, что увидим ея повелительницею». И между оными разговорами приехал в ту кампанию его королевской фельтмаршел, которой за свои знатныя услуги первой находитца в королевской милости, и, веда их в таком сумнительном умышлении и совету, стал им говорить: «Что мне хотите дать за труд мой, то я государя нашего от сего намерения могу отвести». Тогда оныя министры и генералитет сказали ему: «Ежели сие учинишь, то во мзду труда твоего даруем 10 000 червонных». И сими словами утвердил их мнение, и они остались в той надежде, что король и прежде всем ево представлениям не спорил, исполнял по ево предложениям. И потом несколько разъехались по своим квартирам.

Поутру рано приехал фельтмаршел к королю якобы для отдания поклона, и между некоторыми разговорами стал королю следующее говорить: л. 56 об. «Ваше королевское величество, || всемилостивейши государь, сами известны о моих верных заслугах как государю родителю вашему, тако и вам по се время беспорочен, и совет мой от вас во всем был приемлем. Ныне вас прошу всепокорнейшее, хотя прежде и не мог улучшить времени, чтоб о нижереченном подробно донести вашему величеству, понеже вижу ваше неотменное намерение к сочетанию в супружество на сестре господина Леопольда госпоже Маргарите, что немало могли оскорбить сердце мое, которого никак мог скрыть за собой, от чего бы после не произошло вашему монаршеству какова укоризненна поношения того ради, что я знаю об ней прямо, которому хреху сам я виновен, что она блудница, неподобная невеста вашему величеству». Королю сии слова стали быть весьма сумнительные, стал ево спрашивать: «Почему ты подлинно о ней ведаешь?». И он ему донес: «Я де сам с нею жил блудно два годы и, видя ея непостоянство, оставил».

Король велел вскорости призвать к себе нареченного своего шурина и стал ему говорить с великим гневом: «Как ты, ни к чему годной человек, ведав о своей сестре, что она блудница, желал сочетать с нами в супружество? И о сем ныне донес мой фельтмаршел, что он сам с нею жил блудно два года». То оно(й) Леопольд приносил свое оправдание, что «не токмо л. 57 де с сестрою моею || жить кому блудно, но знаю о том подлинно, что господин фельтмаршел и не видал, какова сестра моя. Однако ж я прошу вашего величества, ежили он жил блудно с сестрою моею, знает ли он на ней какие приметы или другие какие имеет доказательства». Король же, одумався, рече: «Может быть, что и по злости какой или по зависти наносит». И сказал господину фельтмаршелу: «Ежели вам и тому подлинно частности, чрез такое время можно вам знать приметы ея». На что оной

фельтмаршел стал доносить: «Королевское величество, я как пред богом душою моею грешен, так и пред вами, моим государем, приношу вину мою. Как лишился жены моей, подобных ей блудниц более ста имел и, не справясь з запискам о приметах ея, донести вам не могу, а я о сих приметах имею записку». То король дал ему время до утра, ежели прямо не объявит о ея приметах, то лишен будет живота, а ежели прямо докажет, то Леопольду смерть. И приказал Леопольда отдать под крепкий караул, чтоб и сестре его не учинить ведомости.

И как оног фельтмаршела отпустил, то он, приехав на свою квартиру, и велел себе заложить небогатую коляску и, дождавса вечера, поехал ко двору Леопольдову. И приехав к задним воротам, приказал выслать к себе мамку, которая || всегда при Маргарите, стал ей говорить: «Госпожа, ты известна сама, что прежней господин ваш мне был великой друг. Дети его вручены тебе на сохранение, которые несмотрением твоим не по природной своей чести в великой воли пребывают. Вчерашнего же числа попала мне встречу на дороге госпожа ваша в велим весма шумстве, что благородным девицам непристойно, к тому ж и глаза подбиты». Тогда оная мамка стала ему приносить, что: «Госпожа наша от роду ничево не пивала и з двора своево никуда не еажала, разве вы изволили опознатца». И напротив того фельмаршел стал говорить, что: «Я госпожу Маргариту знаю и приметы на ней: на лице знак красной, на груди две бородавки». На что мамка ответствовала, что: «У госпожи нашей таких примет нету, токмо имеетца у ней под правую грудью пятно черное величеством в маковое зерно». И фельтмаршел говорил: «Я де прошу прощения и признаваю, что подлинно я опознался, и тако прошу, чтоб сие тобою скрытно было, а я для того тебя и призывал и чтоб тебе не было какого гнева от королевскаго величества». И поехал в дом свой с великим веселием, надеясь, что желаемое получил нечаянно.

Поутру же, приехав в дом королевски, и стал приносить о тех приметах доказательство, как ему сказала мамка. || Тогда король велел пред себя призвать Леопольда и стал у него спрашивать, что у сестры его приметы есть ли такия. Леопольд сказал, что истинно так. И фельтмаршел стал говорить, что: «Я вашему величеству как и прежде, так и ныне неверности ни в чем не показал и затеять мне напрасно не для чево». Тогда король приказал, чтоб Леопольд чрез пять дней готов был к смерти и велел ево держать под крепким караулом.

Маргарита же об оном ни об чем неизвесна и непрестанно сокрушаетца, что брата своего не видит, однако ж великодушно разсуждает, может быть, что король от себя не отпускает. А Леопольд только едино мыслит, как бы видетца с сестрою и объявить ей настоящее, что он ея ради умирает, и стал просить у караульных афицеров, чтоб ево уволили под караулом сходить к сестре и с нею проститца. На что ему и поизволено, и послали с ним капрала и шесть человек салдат, обнажа шпаги.

И как пришел на двор свой, тогда Маргарита, не видев брата своего многие дни, || а узрив его в таком злом заключени, в великое изумление пришла и не знает, какая над ним притчина учинилась, и от великое любительной горячности выбежала к нему и хотя его поцеловать и спрашивать о той притчине. Леопольд же егда увидел сестру свою, наполнил сердце его горести и очи слез, не могущи в печали что говорить ей, сильно ударил ее по щеке, что она бес памяти на землю упала, и, поворотясь, сам з двора пошел и говорил: «Ведай, сестра, что я тебя ради умираю». Маргарита же, придет в свои покои, нача неутешно плакати, что она незнанием озлобила брата своего и что он объявил, что ея ради умирает. Однако ж все оное великодушно понесла и тогда послала служителей

своих ко двору королевскому и велела подлинно осведомитца, какой ради притчины брат ея под таким караулом содержитца. Посланные же, о том о всем уведомясь, пространно Маргарите донесли. Маргарита же пришла в немалое разсуждение и мыслила, како бы невинность свою оказать и брата своего от смерти спасти. И приказала чрез одну ночь на всех лакеев своих, не щадя своего богатства, сделать новую богатую либирею, како и в королевском доме не бывало. || И поутру велела убрата и убраться себе пребогатую позлащенную корету и сама убрався, яко же обычай есть девам благородным красоту красоте прилагать, и приехала в дом королевской.

Тогда король, увидев, весьма изумися о красоте ея и мыслил, кто она такова и какой ради притчины до него приехала, и рассуждал, что герцогиня или владетельного князя жена или сестра. И сам, вышет ис полат, встретил ея и, взяв за руку, повел в полаты и стал ея спрашивать, и какую до него имеет нужду. Маргарита же, отводя свой стыт и вменя честь свою на бещестие, говорила тако: «Приехала я просить вашего величества на вашего фельтмаршала, которой со мною жил два годы и обещал меня взять за себя в законную жену и тем временем забрал у меня всяких алмазных вещей с лишком на восемьсот тысяч червонных. А ныне меня взять не хочет и вещей моих не отдает. На что вашего величества прошу милостиваго разсуждения, или прикажите забранные им от меня вещи возвратить, или ему взять меня в жену».

Король же приказал призвать к себе фельтмаршела своего || и говорит ему: «Господин фельтмаршал, сия госпожа просит на вас о обиде своей, яко вы на несколько сот тысяч богатства ея себе взяли и обещали ей взять себе в законную жену. А ныне взять ее не хочешь и богатство ея не возвращаешь». Фельтмаршел же от того всего отрицался, что он не токмо с нею жить или такое богатство забрать, но первой раз и особу ея видит. Она же вторично нача его укорять, что: «Тогда де вам весьма было угодно, как мною изволил веселитца и богатством моим довольствоватца». На что фельтмаршел с великою клятвою завещался, что он ея не знает.

Маргарита же более вытерпеть не могла, и от великого стыда и горести наполнились очи ея слез, пад пред ногами королевскими, нача обличать живое наношение и говорила: «Королевское величество, наш всемилостивейший государь, хотя сие девице чинить было непростойно и пред вашим величеством таких слов распространять, однако я, бедная вашего величества нижайшая раба, видя себя в таких злоключенных брата моего терпениях и слыша порицание на бедное имя мое, приехала сама пред вашим величеством оправдать невинность || свою. Как о всем и ваше величество изволите явно видеть, что он пред вами и сам отрицатца, не токмо жить со мною, но первый раз и меня видит. А я покорнейше доношу, что я державы вашего величества дочь министерская, сестра Леопольдова, и обнесена была вашему величеству от оного фельтмаршала ложно. Ныне прошу учинить со мной довольной сут и дать сатисфакцию, а брата моего вашу милостию от злаго заключения свободить».

Тогда король вскоре повеле к себе Леопольда привести и спросил ево: «То ль твоя сестра, которую фельтмаршел напрасно оклеветал?». И Леопольд сказал, что то его сестра. Король же приказал у фельтмаршела отнять честь, и благородство отдать Леопольду, а самого, помня его заслуги, от смерти свободить. А некоторых его советников смертию казни, а фельтмаршела с публикою из государства вон изгнав.

Сам же король на Маргарите женився и поживе в веселии немалое время.

В. В. ВИНОГРАДОВ

Историко-этимологические заметки

1. И живота весьма лишить

В «Воинском артикуле» (1714 г.) императора Петра I типичной формулой наказания за военные преступления была фраза: «весьма живота лишить».

У А. С. Пушкина есть наброски неоконченного стихотворения (1825 г.):

И дабы впредь не смел чудесить,
Поймавши истинно повесить
И живота весьма лишить.¹

У А. А. Марлинского в рассказе «Латник» характерны слова аудитора о Наполеоне: «Я как раз подведу законце, чтобы его, яко не имеющего дворянского звания, прогнать за побег сквозь строй шпицрутеном, а за мятеж весьма лишить живота».²

У И. И. Лажечникова в романе «Последний Новик»: «Секретарь начал читать дело о порублении Андреем Мертвым татарина саблею, и приговор, коим он, согласно двадцать шестому артикулу Воинского устава, должен бы быть живота лишен и отсечением головы казнен».³

В «Воспоминаниях московского кадета» читаем: «Раз в неделю, именно в тот день, когда нас водили в баню, при сборе роты читали нам Артикул Петра Великого — так называли воинский устав или военно-уголовные законы этого государя, обнародованные им в 1714 году; читали его без всяких объяснений, что это за устав, когда написан и какое имел значение в тридцатых годах XIX столетия. Большая часть нас слушали его, ничего не понимая, и не удивлялись даже, отчего это за все про все по уставу определялось „весьма живота лишить“».⁴

У А. В. Амфитеатрова в сборнике «Издали»: «Чуть задумал фельетонную серию, — глядь, издание, в котором начал помещать ее, уже аркебузировано и весьма живота лишено».⁵

Таким образом, грозная фраза из петровского Воинского артикула 1714 г. уже с ироническим оттенком блуждала в русской литературе вплоть

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, ч. 1, М.—Л., 1947, стр. 445.

² А. Марлинский. Русские повести и рассказы, ч. IV, СПб., 1838, стр. 8.

³ И. И. Лажечников. Последний Новик. М., 1962, стр. 155.

⁴ А. К. Воспоминания московского кадета (1833—1834). — Русский архив, М., 1880, кн. I, стр. 459.

⁵ А. В. Амфитеатров. Издали. Наброски эмигранта. М., 1908, стр. 5—6.

до начала XX в. и вспоминалась не только в исторических произведениях, но и в сочинениях публицистического характера.

II. Ум, любя простор, теснит

В восьмой главе «Евгения Онегина» неожиданное — с точки зрения Татьяны — появление Онегина на петербургской великосветской сцене служит поводом к авторскому диалогу о нем с читателем:

Зачем же так неблагосклонно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,
Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры,
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?

Из цепи включенных в эту строфу афоризмов особенно выделяется один: «ум, любя простор, теснит. . .». Этот стих — ходячая, хотя и несколько видоизмененная цитата. Ее исторические корни раскрываются у И. С. Аксакова: «Говорить снова о перевороте Петра, нарушившем правильность нашего органического развития, было бы излишним повторением. Мы могли бы кстати, говоря об уме, припомнить слово, приписываемое Кикину и хорошо характеризующее наше умственное развитие. Предание рассказывает, что Кикин на вопрос Петра, отчего Кикин его не любит, отвечал: „Русский ум любит простор, а от тебя ему тесно“».⁶

⁶ И. С. Аксаков. Отчего безлюдье в России? — В кн.: Сочинения И. С. Аксакова, т. II. Славянофильство и западничество. М., 1886, стр. 161.

Л. С. КОВТУН

Планида—фуртуна—счастное колесо (к истории русской идиоматики)

Известно просторечное выражение «у каждого своя планида». Смысл его ясен, а характер применения легко показать на примерах из русской литературы нового времени. Вот два из них: «Уж ежели вам назначено жениться на эфтой самой барышне, своей участи не минете... У всякого, Прохор Ильич, своя планида» (Н. Успенский. При своем деле); «У каждого человека своя планида. И ежели, примерно, сидеть тебе, милый человек, сегодня в чести, так ты хоть за сто верст от нее убеги, все к ней воротись» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадурсы и помпадурши).¹ Добавим к этому другие фразеологизмы: колесо счастья (фортуны), родиться под счастливой звездой, на роду написано, фортуна улыбнулась кому-нибудь и т. д. Идиомы с подобными значениями распространены и в иных славянских и неславянских языках. Однако в какое время началась их русская история? О начальном этапе, когда нет еще ни отвлеченных значений, ни его переносности, ни постоянства формы (для многих из них), находим сведения в азбуковниках XVI—XVII вв. Астрологическая тема занимает в них видное место.² Это вызвано распространением в XV—XVII вв. звездочетства.³ Под воздействием астрологических идей и складывались те понятия, которые станут затем основой фразеологизации некоторых выражений, оставшихся в литературном языке до наших дней.

Среди астрологических терминов в азбуковниках встречаем и такие, которые не имели в русском языке долгой судьбы. Однако для языка XVI—XVII вв. характерны и их большое число, и тесная семантическая связь друг с другом. Вместе с тем трактовка их в словарях говорит о борьбе с идеями звездочетцев.

Значения слов и фразеологизмов, о которых идет речь, сформировались на основе языческих представлений.

«Многобожие на три роды разделяется: на халдеяны, и на еллины, и на египтяны. Сии быша и прочих язык начальницы многобожию», — сказано в одном из пространных (довольно ранних, судя по тексту) азбуковников. Говорится и о каждом из трех видов многобожия: «Халдеяны

¹ Словарь русского литературного языка, т. IX. М.—Л., 1959, стлб. 1309.

² А. Карпов. Азбуковники, или алфавиты, иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877, стр. 198

³ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. — СОРЯС, т. 74, СПб., 1903, стр. 124—148, 409—433; В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 260—360, и др.

боги себе нарекоша стихии небесныя и земныя. Богами себе зовут небо, и солнце, и луну, и звезды, и землю, и воды, и огонь». Но эллины еще безумнее халдеев, так как нарекли себе богами людей («многи боги мужска полу и женска»). «Египтяне же и тех безумнейше, боги бо себе нарекоша волю, и козлы, змии, и звери, и каменья, и прочая».⁴

Итак, астрология — это халдейская прелесть. Но борьба, в сущности, ведется против еллинов и латынян, воспринявших астрологические идеи.

Ссылаясь на Козьму Индикоплова, азбуковник в статье на слово «планиты»⁵ рассказывает: «есть седмь звезд, иже на аерных седми поясах, каяждо на особном поясе». Эти звезды перечислены: Арис, Ермис, Зевес, Солнце, Афродита, Крон, Луна. «Сими звездами окаяннии звездословцы мнятся угадывати человеческия нравы и счастья, а не хотят разумети, яко не звездным движением, но божиим промыслом все житие человеческое строится».⁶ И краткие и пространные азбуковники в том же духе толкуют имена каждой из звезд. Ср.: «Ермис есть звезда тако наричема едина от седми планит. Ея же аки бога почитаху древле несмысленнии еллини».⁷

Кроме названий звезд, азбуковники приводят и другие астрологические термины. При слове «фуртуна» упоминается «о счастлиом (или звездном) колесе»: «фуртуна — звездное колесо, им же безумнии звездочетцы мнятся угадывати счастья человека».⁸ Слово «мармениа»⁹ истолковано: «планиты, или счастлиое колесо звездное, иже латины наричють фатун или фуртуну; мармениискаа — звезднаа; мармениа — счастье».¹⁰

Добавим еще две статьи из словарного свода при Лествице Иоанна Си-найского: «генефлялоги»¹¹ — родословцы; сице именует планитников, или фуртуников». В том же своде: «генефлялоги — родословцы, мнящеися астрологию учитати счастья и доброднства человеком».¹² Некоторые из пространных азбуковников соотносят со словом «планита» еще и слова «род» и «рожаница»: «рожаницами еллинстии звездословцы наричють седмь звезд, глаголемых планиты. . .».¹³ Слова «родословцы», «родословие» служат в азбуковниках переводом греческих «генефлялоги»; слова «рожаница» и «род» сами истолкованы в них наряду с иноземными. Эти исконно славянские слова встречаются в древних текстах с тем же значением 'судьба', что и греческое «планида» и латинское «фатум» или «фортуна». Ср.: «Иже в получаи верують и в родословие, рекъше в рожаница и в обаяния» (Рязанская кормчая 1284 г.).¹⁴

Астрологические идеи порицаются в азбуковниках, наконец, и при перечислении «мафиматикииских» книг. Одни из них называют эти книги

⁴ ГПБ, Погод. 1145, XVII в., лл. 128, 129.

⁵ Новогреч. *πλανήτης, ὁ* (из более раннего *ὁ ἀστήρ πλανήτης*).

⁶ ГПБ, Погод. 1145, л. 127, 127 об.

⁷ ГПБ, Погод. 1143, конец XVI в., л. 31 об.

⁸ Там же, л. 53.

⁹ Греч. *εἰμαρμένη, ἡ* 'судьба, рок', позднее *μερομένον, τό*, причастие *εἰμαρμένος* 'определенный судьбою' (от глаг. *μείραμαι* 'получать по жребию, принимать в удел'). Ср. в «Словаре» Срезневского в статье на слово «родословие»: «часть, и (и) мармению, и родословью (*τύχην καὶ εἰμαρμένην, καὶ γενεαλογία*), fortunam, ac fatum et genealogiam). Никон. Панд.» (Материалы, т. III, стлб. 134, 135). В цитате восстановлена утраченная часть греческого слова (приращение *εἰ*, в произношении «и»). Предполагается случайная описка из-за стоящего рядом союза «и». Однако в азбуковниках «мармениа», «мармениискаа» всюду даны без начальной гласной.

¹⁰ ГПБ, Погод. 1143, л. 41.

¹¹ От греч. *γενεθλιαλογία, ἡ* 'составление гороскопов'.

¹² ГПБ, Сол. 213 (302), лл. 249, 257.

¹³ ГПБ, Погод. 1145, л. 140.

¹⁴ Срезневский. Материалы, т. III, стлб. 134, 135. Приводя при слове «рожаница» тот же текст по Новгородской кормчей 1280 г., словарь определяет его словом «судьба» (там же, т. III, стлб. 141).

черными, т. е. колдовскими: «мафиматикиискиа книги — черныа книги, их же суть четыре: арфиматикии, мусикии, гиометрии, астрономии».¹⁵ В других, более поздних, добавлено, что книги эти «суть планиты, в них же пишеть, яко планитным движением вся, яже на земли, строятся». Слово «астрономия» здесь переведено как «звездозаконие».¹⁶

Мы видим, как вся группа астрологических терминов тесно переплетается в словарных определениях, перекрещиваясь и совпадая в значениях. Так, слова «планита» и «мармениа» одинаково значат 'звезда, планета' и 'счастье', имеют еще и третье общее значение — 'книга по астрологии'. Ср.: «мармениа — отреченная книга, еже есть счастное колесо, еже латина фатуи и фуртуною нарицают».¹⁷

Основной литературный источник сведений по астрологии в азбучовниках — полемические Слова Максима Грека.¹⁸ «Баснословное имя счастия» Максим Грек называет латинскими словами *fortuna* и *fatum*.¹⁹ Он дает описание символического облика фортуны и истолкование символа: «Ея же слепу именует некий мудрец еллинский именем Кевис и на камене сядящу оболом (глосса: круглом). И слепу, убо наричет ея во своих прелестех, аки бесчинно и безсловесно (т. е. неразумно, — Л. К.) и неравне подающе человеком имениа же и саны властителныя; на оболом же камене сядящу ея являет, за еже дарованием ея не бывати твердым, но удобь препадающим и ко иным преходящим». Порицаются и латыняне, изображающие фортуну, направляемую Христом: «чепию тонкою от руки святыя его висящую правяща ея и писанною пред нею коло». Таким путем верующие «прельщаеми бывають богомерскою прелестию звездочетскою».²⁰

В другом своем Слове Максим Грек дает описание символа «колесо счастья (фортуны)». Теперь уже счастье выступает «во образе старья жены, овех убо колесом возводящая на высоту славы земския, иных же паки отуду низводящая в последнее безславие».²¹

Итак, уже и из русских источников XVI столетия очевидно, что в основе фразеологизма «колесо счастья (фортуны)» лежит символ. Более того, оборот этот, видимо, и тогда обладал известной степенью устойчивости. В послании «к некому иноку, бывшему во игуменех, о немецкой прелести, глаголеми фуртуне и о колесе ея» и в других Словах Максима Грека не раз употребляется сочетание слов «колесо счастия» или «счастное колесо». Ср.: «Вижу тя вослед идуща еллинскаго и халдейскаго и латинскаго бесыобретенаго учительства. Глаголю о нем же мудръствуеши сам и иных увещеваеш колесом счастия, глаголемыя по латынски фортуну».²² Почти всегда рядом с ним другое астрологическое понятие, выражаемое свободной связью слов: «звездное снитие», «звездное движение», «звездодвижное обношение», «схождение планитное».²³ Испод-

¹⁵ ГПБ, Погод. 1143, л. 41.

¹⁶ ГПБ, Погод. 1145, л. 110—110 об.

¹⁷ ГПБ, Погод. 1642, 1596 г., л. 95.

¹⁸ Взгляды на астрологию М. Грека возводят к идеям раннего итальянского гуманизма, в частности к трактату Салютати (род. в 1331 г.) «De Fato et Fortuna» и другим его сочинениям. См.: В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 145.

¹⁹ Слово *фуртуба*, *т* в значении 'буря, шторм' и 'несчастье, беда' есть и в новогреческом. Эти значения также описаны азбучовниками. Ср.: «фуртуна — облакъ дождевный, латыня же по звездословию фуртуною нарицают счастное колесо и паки фуртуна нарицается бурно» (ГПБ, Погод. 1642, л. 153 об.).

²⁰ ГПБ, Сол. 310 (495), л. 480—480 об.

²¹ Там же, л. 472.

²² Там же, л. 497 об.

²³ Там же, лл. 152 об.—153 об.

воль литературный процесс готовил почву и для оборота «у каждого своя планида». Ср. в Планиднике: «который человек в коем месяце родится и под которою планидою»;²⁴ в сборнике астрологических статей: «тоже аче хоцещи ведати коего человека планиду».²⁵ И все же употребление подобных оборотов для русского языка тогда еще не было идиоматичным. Они еще слишком тесно были связаны с темой звездочетства. Потребовались два века и все новые и новые восприятия при контактах с другими народами, чтобы они получили такую широту употребления и такое обобщение значения, которые характерны для фразеологизмов. Ср., например, образные вариации идиомы «колесо счастья (фортуны)» у писателей XVIII и XIX вв.:²⁶

«Каким-то образом фортуна, вертясь на курьей ножке, приголубила его» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву).

Повтов хвалят все; питают лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо.
(А. С. Пушкин. К другу стихотворцу).

На глазах с повязкой,
Стало быть слепая,
Едет где попало, день и ночь зевая,
Глупая фортуна.
Ею прихоть правит, —
На одних наедет — колесом раздавит,
На других наткнется — вдруг начнет бросаться
Золотом, чтоб только поскорей убраться.
(Полонский. Кузнечик-музыкант).

При идиоматизации обороты развили и другой тип синтаксических связей. Ср.: «Колесо счастья по службе... повернулось в его пользу» (Л. Толстой. Война и мир).

Что касается символа, лежащего в основе выражения «колесо счастья», то к нашему времени он стал уже фактом истории идиоматики.²⁷

²⁴ ГПБ, Q.XVII.27, конец XVII в., лл. 157, 162.

²⁵ ГПБ, Q.XVII.56, XVII в., л. 1. Оба сочинения отмечены у А. И. Соболевского (Переводная литература..., стр. 133, 141).

²⁶ Использованы материалы картотек Института русского языка АН СССР.

²⁷ Ср. истолкование фразеологизма «колесо счастья», «колесо фортуны» в последнем академическом словаре: «О судьбе, ее превратностях (от изображения фортуны, стоящей на шаре или колесе)» (Словарь современного русского литературного языка, т. V, 1956, столб. 1153).

Б. Л. БОГОРОДСКИЙ

К истории фразеологизма «бросать (бросить) якорь»¹

Образность светской литературы сразу пошла по пути, открытому живым русским языком и устнопоэтической традицией.

(В. П. Адрианова-Перетц)

I

Без полного фразеологического словаря, особенно исторического, трудно изучать вопросы происхождения и развития устойчивых словосочетаний, бытующих в литературном языке и живой народной речи. Новый академический словарь в 17 томах, раскрывая богатства лексических запасов современного языка, нередко проходит мимо тех фразеологизмов, которые имеются в словарной картотеке, служившей ему базой при составлении. К таким незамеченным фразеологизмам и относится переосмысленное словосочетание «бросать (бросить) якорь» 'обосноваться, остаться жить на выбранном месте'.²

Нетрудно догадаться, что анализируемое словосочетание в его прямом значении бытовало раньше всего в речи водников, ведь «якорь» — их профессиональный термин, а «бросать якорь» 'стать на якорь' — название самой обычной операции в их судоходной практике. Вот примеры из живой речи моряков, записанные на юге и севере: «Бросали заводный якорь». Керчь, 1939 г.; «Шли буксиром, а потом бросили якорь». Ленинград, 1962 г. В речи профессионала-моряка бытует и гораздо более специальное «отдавать (отдать) якорь»: «Пришел как-то „Ташкент“ в бухту Тикси. Встал у острова Брусинова. Отдали якорь». Газ. «Водн. транспорт», 1 VI 1967, № 65 (5197). Ср. в живой речи: «Отдаем якорья». Керчь, 1939 г. Старые и новые морские словари регулярно отмечают оба выражения как однозначные: «Отдай или бросай якорь!». Трехязычный морской словарь А. Шишкова, 1795 г., стр. 41; «Бросать якорь —

¹ Материалом статьи послужили иллюстрации из Картотеки Древнерусского словаря, составленной под руководством проф. Б. А. Ларина (Москва, Институт русского языка АН СССР), Картотеки XVIII в. и Картотеки Словаря современного русского языка (Ленинград), а также записи живой речи водников Черноморского и Балтийского флота, сделанные в течение ряда лет автором статьи.

² В вышедшем из печати «Фразеологическом словаре русского языка» (Под ред. А. И. Молоткова, М., 1967, стр. 30) «бросить якорь» хотя и зарегистрировано, но, к сожалению, осталось без иллюстраций; оба примера, приведенные словарем, указывают употребление синонимичного «кинуть якорь».

опускать его на дно; то же, что и отдать якорь». Краткий морской словарь М. и Д. Сулержицких, 1965 г., стр. 39. Оба словосочетания охотно отмечаются толковыми словарями литературного языка, что свидетельствует о широком употреблении выражений за пределами профессиональной речи.³ Операцию эту называют еще и иначе: «кидать (кинуть) якорь». Ср. укр.: «кидати якір». Вот пример из русского языка XVIII в.: «Когда Адмирал пожелает, дабы во флоте другой якорь кинули, надлежит выстрелить един выстрел...». Устав мор., 403, 1720 г. Бытовало и еще одно словосочетание, теперь вышедшее из профессионального употребления, — «метать якорь»: «А якоря в море в том месте не метали, опасались великой фортуны». Дн. Толст., I, 507, 1697 г.; «Прибежали карабли под славной Киев град, якори метали в Непр реку, сходни бросали на крут бережек». Кирша Дан., 2, XVIII в. В языке допетровского времени употреблялось также книжное «свергнути (звергнути, вергнути) якорь»: «И глаголя [старейшина] корабленником: сверзите якори на землю, привяжите корабль наш». Ж. и чуд. Николы, 50, XIV в. ~ XI в.; «В вергохом якорь и, седши в карбус, часа 22-го к Кандии приплыхом». Похожд. Рад., 19, 1695 г. ~ 1584 г. Однако из всех синонимических словосочетаний наиболее широким в употреблении оказалось разговорное «бросать (бросить) якорь». В письменных памятниках, начиная с Петровского времени, легко найти этот профессионализм: «Егда начальник каравана похочет якорь бросить в день, тогда 3 ис пушки выстрелит вскоре один по одному». Птр. I, 64, 1696 г.; «Наконец принесло их к Камчатским берегам близ Курильской лопатки, где они от берегу верстах в пяти, брося остальные свои якори, остановились и начали свозить нужные вещи на берег». Краш. Опис. Камчатки, ч. IV, 1755 г., стр. 223.

В языке письменности более раннего времени вопреки ожиданиям не встретилось словосочетания «бросать (бросить) якорь». В иллюстрациях с термином «якорь» недостатка нет. Самое раннее употребление слова — в Договоре Олега с греками 907 г. И с тех пор вплоть до нашего времени «якорь», вместе с другими греческими заимствованиями, как «парус», «корабль», «лимень» (позже «лиман»), продолжает свидетельствовать о давней высокой мореходной культуре русских. Греческое «якорь» вытеснило у нас общеславянское «котва».⁴ Нам известно отразившееся в поздних письменных памятниках, а на самом деле очень старое «вметати котву»: «Котвы или якори вметающе во глубину, потопляхуся». Ж. Нифонта, 531, XVII—XVIII вв. «Котва» упоминается в «Словаре» Поликарпова 1704 г., но в XVIII и XIX вв. постепенно выходит из употребления. В. И. Даль характеризует его как «старое».⁵

История слова «бросать (бросить)» в противоположность термину «якорь» все еще остается загадочной.⁶ Ни украинский словарь Б. Д. Гринченко, ни белорусский И. И. Носовича, ни древнерусский И. И. Срезневского не указывают этого слова. «Бросать» 'кидать' удалось обнаружить в языке перевода хорошо известной в России польской «Хроники» Мартина Бельского (Kronika, to jest historya świata, 1580): «И дикие люди метались за

³ См., например, в «Толковом словаре русского языка»: «бросить якорь — стать на якорь» (т. IV, М., 1940, стр. 1461), «отдать якорь — опустить якорь» (т. II, М., 1938, стр. 915).

⁴ Русскому «бросать якорь» соответствуют: болг. «пускам кѳтва»; серб.-хорв. *baciti sidro*, ср. *ukŏtviti se*; польск. *zarzucić kotwicę*.

⁵ Сейчас в языке водников остались «котѳвка» 'якорек о трех, четырех лапах' да не указанное В. И. Далем «подкотѳвить» 'найти с помощью котѳвки оторвавшийся канат, якорь в воде'.

⁶ О происхождении слова нет единого мнения. См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964, стр. 218.

ними (людьми Хр. Колумба, — Б. Б.) в воду и выныряли по пояс, бросали на корабли поленье и корабль у них один и с людьми ухватили, а иные едва ушли».⁷ Очевидно, «бросать» в XVI в. уже входило в лексический состав русского литературного языка. Несколько позже оно отразилось в записях Ричарда Джемса 1618—1619 гг., при этом в повелительной форме, указывающей на употребление слова в широкой разговорной речи: «брусáи суды».⁸ Еще позднее мы видим его в языке сибирских документов: «И тем ветром бросило коч на берег на сухой, и коча де снять с мели не могли». Распросные речи тобольского сына боярского Дм. Черкасова с товарищами, 1644 г.⁹ Во второй половине XVII в. слово уже широко бытует в деловой письменности: «Князя Ивана Семеновича Прозоровского бросил с роскату». Указ ратным людям... 1670 г.;¹⁰ входит в язык художественной литературы: «И Бова взял злата и сребра и покрывал камками и бархаты да и бросил рыболову в подъездок». Бова, 31, XVII в. В Петровское время слово выступает в языке «Походных журналов», «Разговоре у адмирала с капитаном о команде...» 1724 г. Начинает отмечаться словарями: «Бросание, бросаю, брошен». Лекс. треяз., 1704 г. Быстрый и широкий подъем в употреблении слова «бросать» 'кидать' в XVII—XVIII вв., известность в языке самых различных жанров — все это свидетельствует о том, что и для XVI в. оно не было новым. Давность слова с этим значением подтверждается также отражением его в языке фольклора: «Чем чорт не играет, а ощепками бросает». Сим. посл., 210, XVII—XVIII вв.; «Якоря бросали булатные». Онеж. был. Гильф., I, 518. О том же свидетельствуют однокоренные слова: «выбросило на берег...» ДАИ, IV, 26, 1655 г.; «девиц в море побросали». Гист. Вас. Кор., нач. XVIII в., и др. Примечательно, что «бросать» 'кидать' чаще всего встречается в текстах, где речь идет о воде, реке, море. Вероятнее всего, слово издавна бытовало в языке населения, занимавшегося рыбным промыслом на северных реках. Немало слов, неизвестных письменности, хранится в живой разговорной речи. Открытие новых источников и более тщательная выборка лексики из старых известных памятников перенесут дату употребления слова с XVI в. в глубь истории.¹¹

Давним следует считать и разговорное «бросать (бросить) якорь». Вначале оно было обычным свободным оборотом с прямым значением слов. Но в истории языка в нем наметился переход от конкретного значения к метафорическому, слабели первичные значения слов, рождался второй смысловой план, хотя никаких грамматических изменений в словосоче-

⁷ Цит. по: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал Андрей Полов. М., 1869, стр. 177.

⁸ Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959, стр. 10.

⁹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М., 1951, стр. 80.

¹⁰ Крестьянская война под предводительством Ст. Разина, т. II. М., 1957, стр. 23.

¹¹ Уже устаревшим оказалось утверждение П. Я. Черных о том, что «бросать» 'кидать' известно лишь «со времен смуты». Найденная им цитата из речи арзамасца Болтина «бросали с башен» из так называемого Карамзинского хронографа не является самой ранней, как, вероятно, и наша иллюстрация из «Хроники» Бельского не первая по времени. Полисемантичность слова сама по себе говорит о его давности. См.: П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 186—188.

тании, в сущности, не произошло, если не считать, что в образовавшейся метафоре до самого последнего времени в употреблении был главным образом совершенный вид глагола.¹²

II

Семантический сдвиг в словосочетании наметился не в книжной речи и даже не в широком общенародном языке, а в той самой профессиональной среде, где словосочетание бытовало в своем первичном значении. Не случайно, что фразеологизм «бросать (бросить) якорь» (добавочное значение и сделало его фразеологизмом в собственном смысле слова), а также его фразеологические синонимы встречаются в речи как южных, так и северных мореходов. Рассказывая автобиографию, один из черноморских боцманов заметил: «В пятом году положил якорья в Феодосии». Феодосия, 1939 г. Смысл реплики старого моряка совершенно ясен: «остался на постоянное жительство в Феодосии». Ср. «класть якорья» в собственном значении, где нет никакого переосмысления: «Во время шторма паруса берем в рифы и текаем в порт или кладем якорья». Керчь, 1939 г. И надо было слышать, как феодосийский моряк с особой интонацией подчеркнул свое профессиональное «положить якорья», обратив тем самым внимание на то, что для него это выражение хорошо известно и в прямом и в переносном значениях. Таким образом, мы, в сущности, присутствуем при самом образовании фразеологизма.

Для моряка «бросить якорь» означает не только «опустить якорь на дно», а и «стать на якорь», т. е. задержать судно на месте, остановиться. А дальше естествен был смысловой переход от остановки на воде к остановке на суше. Так оно и было в действительности. Вот пример с образовавшимся дополнительным значением из речи матроса с балтийского судна: «Дело — труба, кинул море, бросил якорь на сушу». Ленинград, 1967 г. «Что значит бросить якорь на сушу?», — спросил я у другого моряка. «На судне бросают якорь только в воду», — ответил он. Ему не пришлось сразу на память переносное значение словосочетания. Заметим, что сначала метафора выражалась более широкоим «бросить якорь на сушу», а потом это выражение несколько сократилось. Иначе реагировал на наш вопрос капитан судна: «„Бросить якорёк“ — это литературно приукрашено; у нас — „отдать якорь“, но „бросить якорёк“ — остаться жить на данном месте — имеет место», т. е., пояснили бы мы, известно в языке моряков. Характерно, что вместо «якорь» в речи капитана оказалось «якорёк». Это свидетельствует о некотором отходе от точного профессионального «бросить якорь» и о расширении сферы употребления фразеологизма. Очевидно, словосочетание к нашим дням «проторило уже себе дорогу» из узкой профессиональной среды в широкую общенародную.

Но когда же родился данный фразеологизм? А лучше спросить: когда и как он утвердился в языке? Письменные памятники, в том числе и делового характера, скупо отражают устойчивые словосочетания в их переносном значении. Иногда можно определить хронологию фразеологизма,

¹² Словосочетания со словом «якорь» легко поддавались метафоризации не только в русском, но и в других языках. Например, франц. *tenir sur ses ancres* — не только «держаться на якорё», но и «быть в добром здравье»; *s'affourcher sur ses ancres* — «стать на якорь» и «уйти на покой» (Французско-русский фразеологический словарь под ред. Я. И. Рецкера. М., 1963, стр. 56). Ср. англ. *cast (или drop) anchor* «бросить якорь», «остепениться», а также «найти тихую пристань» (А. В. Кунин. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967, стр. 40).

зная даты заимствования тех слов, которые входят в его состав. Так, «взягь на буксир» ни в первичном 'подать трос на другое судно, чтобы тянуть его за собой', ни в переносном 'помогать кому-либо в работе' не могло возникнуть ранее XVIII в., когда русский язык заимствовал слово «буксир». Словарь под ред. Д. Н. Ушакова указанный фразеологизм считает совсем новым, употребительным в языке современной газеты.

По формальным языковым признакам нельзя точно определить время образования анализируемого нами фразеологизма. В нем нет ни архаизмов, ни грамматических аномалий. Могут помочь соображения историко-культурного характера. Фразеологизм, вероятно, появился после того, как произошло учреждение института регулярной армии и флота (нач. XVIII в.), когда после долгой службы на флоте моряк должен был выбрать себе место для постоянного жительства. Именно в Петровскую эпоху, когда широко развивалось морское дело, когда часто стало встречаться в употреблении терминологическое «бросать (бросить) якорь», могла возникнуть метафоризация привычного морского словосочетания.

Известны и другие метафорические словосочетания со словом «якорь», образовавшиеся в ту же, может быть несколько раннюю пору: «...паче в писание разум прилагати, зане ухищренный мужь не имать противитися нещастию, но парусы свои опустивше, стояти до времени потребна, дабы возмогл после выправить якори». Ремез. лет., 363, XVII—XVIII вв. Речь идет о прилежании к изучению военного искусства. «Опустить парусы» и «выправить якори» — два образных выражения, указывающих сначала на пассивное, а потом активное поведение опытного воина, встретившегося с временной неудачей в бою. Интересна пословица, образовавшаяся, по всей вероятности, в языке речников: «Сколько лодзе они рыскать, да у якоря бытъ». Сим. посл., 195, XVII—XVIII вв. Пословица сложилась, конечно, не в XVII в., а гораздо раньше.¹³ А вот еще образное использование трех терминов — «корабль», «ветер» и «щегла» 'мачта': «Кораблю пучинопловну, душе, уподобилася еси, всяческими ветры обуреваема лютыми... Внемли убо, да всегда управляема бываеши хлады, глаголю же всесвятаго духа наставлении ... оным утвержаючи непреклонну щоглу сердца своего». М. Грек, II, 23, конец XVI в. Такого рода метафоры входят в большую группу поэтических образов, тематически связанных с морем и мореходством, например: море 'жизнь', волны 'бедствия', корабль 'судьба человека' — и находят отражение в языке различных жанров древнерусской литературы, а позднее они перенесены были в украшенный исторический стиль XV—XVI вв.¹⁴ Но в противоположность традиционным книжным метафорам типа корабль 'душа', словосочетание живого, разговорного языка «бросать (бросить) якорь» свободно от дидактической символики средневековья, носит светский характер, поэтому и может быть отнесено предположительно к Петровской эпохе.

III

Широкое стилистическое использование метафорического словосочетания началось с конца XVIII в. и продолжается вплоть до наших дней. Фразеологизм проник в разные жанры художественной литературы; значение его сделалось более емким, тесно связанным с тем контекстом, где

¹³ Ср.: «Где лодья ни рыщет, а у якоря будет» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. СПб.—М., 1909, стр. 1571).

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 45—53.

он употреблялся; не мог не изменяться при этом и лексический состав фразеологизма. Намечается, как будет показано ниже, два стилистических плана в использовании фразеологизма. Первый преимущественно в текстах поэтического характера. Морская лексика употребляется здесь не ради того, чтобы создать реалистический морской пейзаж или нарисовать образ моряка в обычной для него трудовой корабельной жизни. «Бросить якорь» не значит здесь «остаться жить на данном месте». Сочетаясь со словами книжными, отвлеченными, «бросить якорь» переосмысливается, помогает характеристике внутреннего мира человека, при этом человека, необязательно связанного с морской профессией. Позже возникает другой стилистический план. «Бросить якорь» употребляется без обычной морской лексики и попадает в тексты с конкретной, живой, разговорной речью; здесь фразеологизм уже не является элементом внутренней характеристики человека, а говорит о перемене условий его жизни, означает «осесть, остаться на постоянное местожительство»; при этом он может относиться не только к моряку, но и к любому другому персонажу; значение фразеологизма становится более конкретным. Смена одного стилистического плана другим приходится на середину XIX в., когда реалистическая художественная литература достигает полного развития.

Трудно найти употребление разговорного «бросать (бросить) якорь» с бытовым значением в языке высокой поэзии XVIII в. Г. Р. Державин предпочел использовать «стать на якоре», т. е., в сущности, взял значение терминологического «бросить якорь», но расширил словосочетание, наделив его новой семантикой: «Но тот блаженнее, кто в тихом Заливе совести почив, Не загружен добром, ни лихом, Страстей ветрила опустив, Ума на якоре глубоком Стал в чолне и спокойным оком На суету мирскую зрит». Г. Р. Державин. На новый 1798 год. Соч., ч. II, 1808, стр. 63. Залив, ветрила (паруса), челн, якорь — вся эта конкретная лексика смело перемешана с абстрактной: залив совести, ветрила страстей, якорь ума. Все подчинено задаче характеризовать внутренний мир человека. Текст насыщен инверсиями, переведен в интеллектуальный план; трудно и определить, что собственно означает риторическое «ума на якоре глубоком стал в чолне». Все метафоры, сменяющие одна другую, предлагают человеку, вступающему в новый год жизни, утвердиться в поведении, отвечающем правилам добродетельной морали. Державинское «на якоре стать» мало чем напоминает семантику разговорного «бросить якорь».

Иная переосмысленность наблюдается в языке Н. М. Карамзина. По-видимому, именно он первым использовал фразеологизм «бросить якорь» в языке художественной литературы. Метафора встретилась в «Письмах русского путешественника»: «Зависть воздвигала бури против моего славного и добродетельного супруга, но он с чистою душою смело стоял на корме, крепко держался за руль совести, рассекал волны, спасся от кораблекрушения, в глубокую осень жизни своей бросил якорь и вышел на тихий берег уединения». Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, ч. VI. М., 1801, стр. 311—312. «Бросить якорь» у Н. М. Карамзина поставлено среди других названий: буря, волны, корма, руль, кораблекрушение; вся эта лексика служит художественной обрисовке характера честного и смелого капитана, до конца выполнившего свой высокий долг. Характеристика моряка дана его супругой. Текст почти без всяких инверсий, однако абстракция совсем не исчезла: руль совести, берег уединения. Но «в глубокую осень жизни своей бросить якорь» приобретает совершенно ясный смысл: «оставить морскую службу в глубокой старости».

Несколько позже не без влияния фразеологизма «бросить якорь» возникает его синоним, при этом снова в поэтическом языке: «Нет где бы взору отдохнуть, Где б мысли якорь свой воткнуть: В безбрежной бездне пустоты Теряются глаза, мечты». П. А. Вяземский. Прогулка в степи. Полн. собр. соч., т. IV, СПб., 1880, стр. 107. «Бросить» заменяется словом «воткнуть» 'вонзить'; «где б мысли якорь свой воткнуть» означает 'где бы остановить, задержать течение своей мысли'. П. А. Вяземский не дает перечня привычных переосмысленных морских слов или словосочетаний, и это ново. Но фразеологизм, как и раньше, применяется к сфере интеллектуальной жизни.

«Бросить якорь» встречается в языке А. И. Герцена, при этом вне окружающей мореходной лексики; значение объяснено самим автором и полярно противоположно обычному 'остаться жить на данном месте': «В самом деле, человек, наконец, находится вынужденным бросить якорь в собственной груди или перестать жить». А. И. Герцен. Письмо Т. Н. Грановскому 21—26 (9—14) сентября 1849 г. Собр. соч., т. XXIII, М., 1961, стр. 183.

Новую страницу в жизни фразеологизма открывает И. А. Гончаров: «Повыситься из статских в действительные статские, а под конец, за долговременную и полезную службу и „неусыпные труды“ как по службе, так и в картах, — в тайные советники, и бросить якорь в порте, в какой-нибудь нетленной комиссии или в комитете с сохранением окладов, — а там, волнуясь себе человеческий океан, меняйся век, лети в пучину судьба народов, царств...». И. А. Гончаров. Обрыв, ч. I, 1. Собр. соч., т. V, М., 1953, стр. 10. Весь текст окрашен здесь иронией; «бросить якорь» выступает в непривычной для него среде, рядом с названиями чинов, комиссий, комитетов, и имеет значение «пристроиться на берегу, бросив морскую службу». В таком смысле и с такой именно стилистической окраской фразеологизм встречался, очевидно, в разговорной речи моряков того времени. Ср. в современном языке: «Болтался, болтался, да и зацепился на берегу, бросил якорь на сушу». Ленинград, 1967 г.

Фразеологизм активно продолжал использоваться в текстах реалистических произведений. Метафора обнаруживается в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», но не в речи автора, а в языке Мити Карамазова, в его беседе с Алешей, в главе «Исповедь горячего сердца»: «Почему рвался к тебе, жаждал сейчас тебя, все эти дни, и сейчас? (Я здесь уже пять дней, как бросил якорь). Все эти дни? Потому что тебе одному все скажу, потому что нужно, потому что ты нужен, потому что завтра лечу с облаков, потому что завтра жизнь кончится и начнется». Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы, ч. I, кн. III, 3. Собр. соч., т. 9, М., 1958, стр. 134. Достоевский использует фразеологизм в самом обычном его смысле — 'остановиться, стать жить на этом месте'. Метафора заключена в скобки, как будто автор не придает ей особого значения, однако введение этого краткого, но выразительного фразеологизма подчеркивает вынужденный приезд Мити в родной город и длительное мучительное в нем пребывание. «Бросить якорь» в речи Мити, таким образом, имеет глубокую связь с образом героя.

По-своему, но тоже в реалистическом плане использует фразеологизм М. Горький: «Ребенок родился крупный, тяжелый, но через 5 месяцев умер от угара, мать тоже едва не умерла, угорев вместе с ним: „Ну что ж! — утешал отец Петра на кладбище. — Родит еще. А у нас теперь своя могила здесь будет, значит — якорь брошен глубоко. С тобой — твое, под тобой — твое, на земле — твое и под землей — твое, — вот что крепко ста-

вит человека». М. Горький. Дело Артамоновых. Собр. соч., т. 16, М., 1952, стр. 367. Так рассуждает Илья Артамонов, старший в их роде, о растущей силе и власти своей фамилии. Фразеологизм подчеркивает одну из самых центральных идей социального романа Горького.

В. Маяковский («Хорошо», 13. Полн. собр. соч., т. VI, 1934, стр. 165—166) возвращает фразеологизм языку поэзии:

За гладь
за розовую
бросать якоря,
туда,
где березовые
дрова
горят.

Поэт вспоминает годы гражданской войны, годы разрухи и мечтает о теплой стране, где можно было бы выбирать местожительство одно лучше другого, но кончается поэма иными словами: «землю, с которой вместе мерз, вовек разлюбить нельзя». После приподнятых, романтизированных образов — «розовая даль моря», «гладь розовая» — традиционное значение фразеологизма переводит текст в разговорно-бытовой план. Нельзя не отметить, что В. В. Маяковский значительно обновил и формы фразеологизма; глагол взял в несовершенном виде, а существительное дал во множественном числе.

О широте распространения метафоры «бросить якорь» в языке советской литературы говорит и употребление словосочетания в повести В. Воровского «Корабль-скиталец», рассказывающей о революционном подвиге броненосца «Потемкин»: «В тот момент, когда под напором народной волны рухнет подгнившее здание насилия ... корабль-скиталец русской революции бросит якорь у берега свободной страны». В. В. Воровский. Избр. произведения о первой русской революции. М., 1955, стр. 12. «Бросить якорь» не теряет своего прямого значения, но революционно-символический контекст придает ему более глубокий смысл.¹⁵

Получив широкий доступ в язык поэзии и прозы, фразеологизм и в наши дни остается широко употребительным в разговорном языке моряков и в их профессиональной печати, напоминая о той социальной среде, откуда он вышел: «И все же по-человечески понятна озабоченность некоторых офицеров и их семей тем, где им лучше бросить якорь, чем заняться, чтобы дальнейшая жизнь была радостной и счастливой». Газ. «Советский флот», 29 IV 1960, № 102 (6123).

«Бросить якорь» сделало фразеологизмом другое сугубо профессиональное, терминологическое словосочетание — «отдать якорь», передав ему свое метафорическое значение вместе с иронической окраской: «Отправимся в сухопутный рейс ... попутно отдадим якоря в рыбных магазинах Москвы, не в центре столицы, на окраинах». Известия, 27 VII 1967, № 175 (15569). Однако иллюстраций с переносным «отдать якорь» пока еще очень мало. Утвердится ли этот вариант в речевой практике, сказать трудно.

Само собой разумеется, что анализируемое словосочетание не перестает употребляться и в собственном терминологическом первичном значении:

¹⁵ Вот еще иллюстрация из языка того же произведения с введением в словосочетание переносно-выразительного определения «заржавевший»: «Так боролись и страдали они (революционеры, — Б. Б.) долгие годы ... и гибли с глубокой верой, что придет день, когда корабль-скиталец при радостных криках народа войдет в гавань и бросит, наконец, свой заржавевший якорь» (стр. 10).

«Пароходы „Победа“ и „Память Гурьянова“ ... бросили якорь у берегов Камы». Известия, 23 VI 1967, № 146 (15540).

Подведем итоги. Словосочетание «бросать (бросить) якорь» издавна означает самую привычную для водников операцию, каждое слово в нем имеет свое обычное прямое значение. Но в истории языка словосочетание подверглось переосмыслению, ослабло конкретное значение компонентов, возникло вторичное метафорическое значение — «обосноваться, остаться постоянно жить на выбранном месте». При этом переосмысление произошло все в том же профессиональном языке моряков.

Позднее, выйдя за пределы узкого обращения, метафорическое словосочетание вошло в литературный язык, приобрело разностороннюю семантическую емкость, стало широко употребляться в языке разных жанров художественной литературы, коротко и выразительно указывая либо какую-нибудь черту характера персонажа, либо перемену условий жизни, подчеркивая идейную сторону произведения, принимая при этом разные стилистические краски.

Словосочетание прочно вошло в фонд фразеологизмов русского литературного языка, сохраняясь в то же самое время и в языке моряков, устном и письменном, где издавна бытовало в обоих значениях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Бова — Сказание про храброго витязя про Бову Королевича. В кн.: В. И. Дуняев. Библиотека старорусских повестей. М., 1915.
- Гист. Вас. Кор. — История о российском матросе Василии Кариотском... В кн.: В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., I. СПб., 1905.
- ДАИ IV — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археографической комиссией, т. IV, СПб., 1851.
- Дн. Толст. — Путешествие стольника П. А. Толстого 1697—1699 гг. Русский архив, М., кн. 1, 1888.
- Ж. и чуд. Николы — Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. Исследование двух памятников древней русской письменности XI в. арх. Леонида. СПб., 1881 (ПДП, XXXIV).
- Ж. Нифонта — Житие Нифонта. Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. Підготував до друку А. В. Ристенко. Одеса, 1928.
- Кириша Дан. — Сборник Кириши Данилова. Изд. Публ. библ. Под ред. Л. Н. Шеффера. СПб., 1901.
- Краш. Опис. Камчатки — С. Крашенинников. Описание земли Камчатки. СПб., 1755.
- Лекс. трезяз. — Лексикон трезязичный Федора Поликарпова. М., 1704.
- М. Грек — Сочинения преподоби. Максима Грека, т. II. Изд. при Казанск. дух. акад., Казань, 1860.
- Онеж. был. Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.
- Похожд. Рад. — Похождение в землю святую князя Радивила Сиротки 1582—1584. Приготовил к печати и объяснил П. А. Гильтебрандт (Прил. к XV т. Изв. РГО, СПб., 1879).
- Птр. I — Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I. СПб., 1887.
- Ремез. лет. — Ремезовская летопись. В кн.: Сибирские летописи. СПб., 1907.
- Сим. посл. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати П. Симони. Чч. I, II. СПб., 1899 (сб. ОРЯС, т. 66, № 7).
- Устав мор. — Книга устав морской... СПб., 1720.

Н. Н. РОЗОВ

Иллюстрации Киевской псалтыри 1397 г. на полях старопечатной книги

Знаменитая лицевая Псалтырь, написанная в 1397 г. протодиаконом Спиридоном в Киеве, не осталась одинокой в истории русской рукописной книжности: известны еще 11 Псалтырей той же системы иллюстраций. Одна была написана в 1485 г. Федором Шараповым в Угличе, десять были сделаны в 1594 г. по заказу боярина Д. И. Годунова в Москве. Особенностью иллюстраций всех этих Псалтырей является расположение изображений исключительно на полях рукописей.¹ Такая система, появившаяся в Византии еще в IX в. и связанная с определенной редакцией текста Псалтыри,² придавала изображениям максимальную иллюстративность: художник помогал читателю осмыслить текст, почти не отрывая глаз от строки. Однако это замечательное качество, особенно ярко выраженное в Киевской псалтыри,³ за неполные двести лет в значительной степени утрачивается: в Годуновских псалтырях далеко не все изображения являются иллюстрациями и нет уже их привязки к тексту, как в Киевской и Угличской. Поэтому совершенно неожиданным является возрождение указанного свойства в печатных Псалтырях XVII в.

Если о Киевской, Угличской и Годуновских псалтырях писалось и пишется довольно часто, то о старопечатных Псалтырях с иллюстрациями, выполненными вручную, вспоминают редко, в частности о той, которой посвящена предлагаемая статья.⁴

¹ См.: Н. Н. Розов. О генеалогии русских лицевых Псалтырей XIV—XVI веков с иллюстрациями на полях. — В кн.: Древнерусское искусство. Искусство возвышающейся Москвы. XIV—XVI вв. Изд. «Наука», М., 1969, стр. 226—257.

² М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV в. М., 1963, стр. 103.

³ Н. Н. Розов. Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтыри. — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 65—82. Пользуюсь случаем исправить одну опечатку и одну неточность на предпоследней странице названной статьи: Годуновские псалтыри относятся к концу не XVII, а XVI в. и при ближайшем рассмотрении их оказалось не «свыше двух десятков», а только десять. Некоторые другие лицевые Псалтыри, в том числе Годуновская 1591 г. (о ней см.: Н. Покровский. Ипатьвская лицевая Псалтырь 1591 года. — Христианское чтение, 1883, № 9—10, СПб., 1883, стр. 594—628), иллюстрированы не на полях, а среди текста и на отдельных страницах.

⁴ Первое описание ее было сделано в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1891 г.» (СПб., 1894, стр. 131—134). В ГПБ ей был присвоен шифр: QI № 1129 (в известном исследовании лицевых Псалтырей И. Тикканена он назван неверно). Другая старопечатная Псалтырь с рукописными вставками и иллюстрациями описана И. А. Бычковым в «Каталоге собрания рукописей Ф. И. Буслаева» (СПб., 1897, стр. 102—105); иллюстраций на полях в ней гораздо меньше, а те, что сделаны на вшитых листах, совпадают с иллюстрациями в Годуновской псалтыри 1594 г., хра-

Уже внешний вид этой книги примечателен: у нее огромные поля, явно оставленные специально для иллюстраций. В иллюстрированной части (таковой является часть, содержащая псалмы и «песни» Псалтыри; следующие за ними «чины» и «последования» иллюстраций не имеют) текст обведен по линейке киноварными линиями. Киноварными или чернильными линиями ограничены на полях и иллюстрации, а иногда — места для них, оставшиеся незаполненными. Так была сделана «заготовка» для иллюстрирования текста. Сами иллюстрации, по определению автора их первого описания, разновременного происхождения и разных художников. Древнейшими признаются наименьшие по размерам, с четко очерченными контурами, с тщательно вырисованными деталями. Эти особенности роднят их с иллюстрациями Киевской псалтыри, да и большинство сюжетов те же самые. Однако изображения в данном случае несут большую нагрузку: они иллюстрируют не только текст, но и его толкования, написанные от руки тут же, на полях. Последнее обстоятельство резко отличает эту Псалтырь от 12 ее предшественниц, в которых иллюстрации раскрывают лишь основной текст, а не его толкования (в Годуновских псалтырях последние вынесены в заголовки псалмов, а в Киевской и Угличской вообще отсутствуют). Кроме этой «многослойности», в иконографии рассматриваемых изображений в какой-то степени отразилась и эволюция иллюстраций Киевской псалтыри в ее «потомках» — Угличской и Годуновских. Все сказанное затрудняет анализ иллюстраций данной Псалтыри, но и сулит интересные, быть может неожиданные, результаты. Этот анализ должен стать предметом специального исследования; в предлагаемой же краткой статье автор ограничивается лишь несколькими примерами.

В качестве первого примера возьмем иллюстрацию стиха 57-го псалма: «Яко аспид глухий и затыкаяй уши своя, яже не слышать гласа обаваящих». В Киевской псалтыри к нему привязана лаконичная двухфигурная композиция: перед человеком в восточном одеянии, играющим на длинной дудке, изогнулся «аспид», затыкающий ухо кончиком хвоста. В рассматриваемой же Псалтыри все гораздо сложнее. На поле написано сначала: «толкование: аспид убо егда слышит обавника и он едино ухо положит на земли, а другое заткнет хоботом своим . . . тако же и жидове учащу их Спасу — они же не внимаху учения Спасова зависти ради» (л. 91 об.).⁵ Ниже все это иллюстрировано: изображены два музыканта в русских костюмах (один играет на дуде, другой бьет в барабан) над крылатым «змием» (так он надписан), сидящим в пещере; еще ниже — Христос с апостолом Петром перед толпой «жидов». Эта сложная, трехъярусная композиция в своем стремлении проиллюстрировать не только текст, но и его толкование, утратила не только лаконичность, но и саму иллюстративность изображения Киевской псалтыри — его соответствие тексту: нет «обавника» (чародея, колдуна — этим словом надписаны музыканты) и «аспид» не только не «затыкает уши своя» описанным в толковании способом, но вообще превратился в другое существо («змей»). Превращение это, вероятно, отражает эволюцию иллюстраций Киевской псалтыри в Годуновских, где в этом месте нарисован летящий над «Адом» (человеческой фигурой) «змей».

ныщей ныне в Государственной Третьяковской галерее. Третья аналогичная Псалтырь хранится в настоящее время в Отделе редких книг ГБЛ; ее отдельные иллюстрации воспроизведены Ф. И. Буслаевым (Сочинения, т. 2, СПб., 1910, стр. 21, 297, 401—402). По словам О. А. Белобровой, на полях этой Псалтыри до 966 первых рисунков.

⁵ Номера листов указываются первоначальные, печатные, так же как в «Отчете имп. Публичной библиотеки», а не позднейшие, рукописные.

Интересны случаи, когда толкование было проиллюстрировано раньше, чем самый текст, например около стиха 65-го псалма «Пройдохом сквозе огонь и воду и извел еси ны в покой». В Киевской псалтыри ему соответствует сложная многофигурная композиция на сюжет истории сорока мучеников Севастийских. В рассматриваемой Псалтыри к этому стиху дано (на поле): «толкование: сиречь сквозе огонь духовный и воду крещения приходяще вернии»; это «толкование» иллюстрировано ниже первым рисовальщиком — «ерей» опускает в купель горящую свечу (очень древняя и редкая деталь обряда крещения), рядом стоят «кум» и «кума» с младенцем. А на нижнем поле, во всю ширину этой и следующей страницы, другой рисовальщик (для него свойственны больший размер иллюстраций и густота красок при меньшей тщательности в деталях) изобразил историю сорока мучеников в полном соответствии с Киевской псалтырью, лишь более подробно прокомментировал детали в надписях.

Обилие подчас пространных надписей вообще является одной из отличительных особенностей иллюстраций рассматриваемой Псалтыри; они дают иногда возможность атрибутировать изображения Киевской псалтыри. Так, например, начало 76-го псалма иллюстрировано в Киевской псалтыри изображением «преподобного»; в старопечатной Псалтыри он подписан именем «Макарий», а ниже киноварью дана «биографическая справка»: «Преподобный Макарий бе в царство Феодосия Великаго в лето 5873, во дни 2-го собора; собеседник бе Великому Антонию, поживе же лет 97 и преставися с миром» (л. 122 об.).

Размер предлагаемой статьи не позволяет показать больше примеров отражения иллюстраций Киевской псалтыри на полях старопечатной книги, но еще один — загадочный и спорный пример — необходимо привести.

Это — последняя иллюстрация книги, у последнего стиха «Молитвы пророка Захарии», которой нет в Киевской псалтыри. Изображен Давид со своими обычными атрибутами — скипетром и гуслими: последними на всех иллюстрациях этой книги заменена трехструнная прямоугольная псалтырь, нарисованная в Киевской псалтыри. Рядом стоит архиерей (с нимбом), подписанный необычно — «Отец Михаил». Среди многочисленных святых с этим именем в «Полном месяцеслове Востока» есть лишь два архиерея — епископ Синадский, живший в начале IX в.,⁶ и первый киевский митрополит — «сомнительный» русский святой, о котором не сохранилось письменных свидетельств, а лишь одни предания. Скорее всего последний, а не первый — давно уже канонизированный, но еще вряд ли широко известный на Руси святой — мог быть назван «отцом», а не «святителем», как полагалось.

Но можно сделать и другое, более смелое предположение. Рядом с царем Давидом, изображением которого на фронтисписе открывается Киевская псалтырь, могли изобразить того, чьим именем она заканчивается, т. е. упомянутого в приписке заказчика рукописи — смоленского епископа Михаила. «Отец Михаил» изображен в традиционной позе донатора: он не держит одной левой рукой, как полагается «святителю», а как бы протягивает ее, держа двумя руками, Давиду (см. рисунок).⁷

⁶ Сергей, архимандрит. Полный месяцеслов Востока, т. 2. Владимир, 1901, стр. 192.

⁷ А может быть, и Христу, изображение которого, вероятно, находилось над Михаилом и Давидом (над ними сейчас небольшая квадратная «заплатка» из другого сорта бумаги).

Таким образом, две из трех предполагаемых атрибуций «отца Михаила» подкрепляют связь с памятником киевского книжного искусства XIV в. печатной книги середины XVII в.⁸

Однако не только иллюстрации, восходящие к Киевской псалтыри, должны стать предметом дальнейшего изучения рассматриваемой старопечатной Псалтыри. Другие иллюстрации, позднейшего происхождения и несомненно отразившие влияние современной им живописи, не менее интересны. Во множестве бытовых реалий, в costume, реквизите, пейзаже и архитектуре они запечатлели те перемены в идеологии и в быту наших далеких предков, которыми так богат бурный и мятежный XVII век. Таковы изображения сева и жатвы, строительства каменного дома — с лесами, подъемным блоком и другими «техническими» деталями (л. 216 и об.), множество рисунков диких и домашних животных, изображенных не в условной, а в реалистической манере. Например, хотя «прузи» нарисованы величиной почти с коров, изображенных рядом, все-таки это самая настоящая саранча, пожирающая посевы (л. 128 об.). Некоторые иллюстрации отразили и социальные контрасты: нищий в лаптях с плетеной котомкой (л. 164), русский боярин в роли «лихоимца», наущаемого дьяволом, который гонит другого, босоногого нищего (л. 185 об.), и некоторые другие. Отразились даже некоторые проблемы, издавна волновавшие умы русских писателей и публицистов, и не только отношение ко всяким «неверным» вообще, но и такие частности, как например симония: есть изображение «херотонии», где епископ «на серебре поставляет на священство» (л. 110 об.).

И все эти позднейшие наслоения, не находящие аналогий в иллюстрациях Киевской псалтыри, связаны с ней системой привязки изображений непосредственно к тексту. Но если в Киевской псалтыри это осуществляется просто — киноварными соединительными линиями, то «многослойность» иллюстраций старопечатной книги обусловила более сложную систему обозначения этих связей — с помощью целой серии разноцветных «корректорских» знаков — точек, крестиков, треугольников и некоторых других, в том числе напоминающих разделительные знаки рукописных книг. Так в общности большинства сюжетов и их иконографии, а главное в самом принципе иллюстрирования — в расположении изображений на полях с привязкой их непосредственно к тексту — возродились через триста лет в русском книгопечатании традиции одной из самых замечательных лицевых рукописных книг. Пусть этот факт пока единичный (хотя нельзя отрицать возможности находки аналогичных случаев в старопечатной русской книжности), он входит в ряд многочисленных фактов, свидетельствующих о связях между двумя периодами истории русской книги — рукописным и печатным. Он еще раз показывает, что нельзя изучать четырехсотлетнюю историю русского книгопечатания в отрыве от предшествующей ей пятисотлетней истории рукописной книжности.

---

⁸ В дополнение к достаточно убедительной аргументации датировки в «Отчете имп. Публичной библиотеки» («после 1658 г.») сошлюсь на филигрань большинства ее листов. В альбоме А. А. Гераклитова, где, по словам автора, «подавляющая масса образцов взята из печатных изданий... московской типографии» (А. А. Гераклитов. Филиграния XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, стр. 10), она датируется 1643 г. (№ 198).

И ТЫ О ТРОЧА ПРОРОКЪ ВЪШИИ
 ГВ НАРЧЕШИИА , ПРѢИДЕШИ
 ВО ПРѢДЛЕЦЕМЪ ГДНИМЪ
 ОУГОТОВАТИ ПЪТИ ЕГВ . ДА
 ТИ РАЗУМЪ СПАСЕНІА ЛЮДЕМЪ
 ЕГВ , ВО ѠСТАВЛЕНІЕ ГРѢХЪ
 НХЪ , МИЛОСЕРДІА РАДИ МН
 ЛОСТИ БГА НАШЕГВ .

Н . Ѧ .

ВЪ ННХЪЖЕ ПОУБѢТИ НАСЪ ВО
 СТОКЪ ІВНОТЫ , ІВНІТНІА ВО
 ТМѢ И ІВНИ СМѢРТНЕНІЕ СЕ
 ДАЩЫМЪ . НАПРАВІТИ НОГН
 НАША НА ПЪТЬ МНІЕНІА .

СЛАЗА , И КВІНІЕ .

† Излика себѣ тати и неразумише
 мѣ О троца тѣ доставише бо не тѣ
 шевати ѡно ево и фидио е рѣс
 стѣ Іоанна архидѣла е тѣ
 побѣдѣше о семомѣ въ тѣ
 шѣ а дочрѣ е тѣ а прѣиде прѣи
 та а фѣ поблеса а тѣ тѣно а рѣ
 рѣдѣ а ево фидио фѣ а пасно е
 а шѣ а о а е тѣ прѣсѣ тѣ а прѣ
 шѣ а шѣ а боретѣ прѣдлѣи е мѣ е тѣ
 оуло по па тѣ тѣ а е тѣ а рѣ
 шѣ а тѣ шѣ е тѣ а по а а а прѣ
 мѣ ни не мѣ а е тѣ а мѣ а тѣ а е тѣ а
 тѣ а мѣ а !

Отцо михаѣ

АВѢА

Последняя иллюстрация старопечатной Псалтыри (предполагаемое изображение Михаила, епископа Смоленского).

М. В. НИКОЛАЕВА

О некоторых источниках «Подробной летописи» («Синописис», «Сказание о граде Славенске»)

«Подробная летопись» — значительный и мало изученный памятник петровской и послепетровской историографии, составленный из разнородного исторического и литературного материала, относящегося к XVI—первой половине XVIII столетия. Изданная по случайному и неполному списку,¹ она известна теперь еще по 5 спискам 40—60-х годов XVIII в.²

Знакомство с рукописными текстами «Подробной летописи» показало, что они делятся на два вида. В списках первого вида изложение охватывает период от начала русской истории до 1700 г. (объявление Северной войны), в списках второго вида оно продолжено до 1725 г. (смерть Петра I). Такое деление списков отражало, должно быть, два последовательных и одновременных этапа в работе над составлением «Летописи».

Историческое и историко-литературное изучение «Подробной летописи» невозможно без установления тех источников, на основе которых она составлена, и без изучения самого характера использования готового исторического и литературного материала.

В ряду многочисленных русских и иностранных источников «Подробной летописи» важное место занимает «Синописис» И. Гизеля, явившийся своеобразной канвой для значительной части рассматриваемого произведения.

Известно, что в окончательной редакции «Синописис» был напечатан в 1680 г. в Киеве третьим изданием.³ Дважды он издавался при Петре I: в 1714 г. в Москве и в 1718 г. в Санкт-Петербурге, при этом издание 1718 г. было повторением издания 1714 г., без каких-либо исправлений,⁴ а издание 1714 г. в свою очередь было повторением киевского издания 1680 г., с той лишь разницей, что в нем, во-первых, появилось краткое «Предуветание», которое издатель предпослал главе «О приметах Димитрия Волинского»,⁵ и, во-вторых, в главе «О разорении... лавры печер-

¹ Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии, чч. I и II. СПб., 1798; чч. III и IV, СПб., 1799.

² М. В. Николаева. Малоизвестная петровская «История» России и ее рукописные копии. — Герценовские чтения, Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, Филологические науки, Л., 1966, стр. 67—68.

³ С. И. Маслов. К истории издания киевского «Синописиса». — Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского, Л., 1928, стр. 341.

⁴ Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати при Петре I. М.—Л., 1955, стр. 235—299.

⁵ Синописис, М., 1714 (БАН, 24.9.98), стр. 292. В «Предуветании» издатель разъясняет «любозному читателю» разницу между приметами, которые «ог искус-

ский киевский» имя «благополучно царствующаго» царя Федора Алексеевича⁶ заменено именем «всероссийскаго монарха Петра Перваго, благополучно царствующаго».⁷ На эти разночтения петровских изданий «Синописа» по сравнению с киевским важно указать не только в связи со специальными целями данной статьи, но и потому еще, что в научной литературе, в том числе и в работе С. И. Маслова, они ошибочно приписываются не первому петровскому, а первому академическому изданию 1735 г.⁸

В «Подробной летописи» воспроизведено петровское издание «Синописа». И поскольку составитель «Летописи» сохранил слова о «всероссийском монархе» Петре I, как о «благополучно царствующем»⁹ (л. 539), есть основание предположить, что и сама она составлялась еще при жизни царя Петра. Предположение это поддерживается также записью на одном из ее списков середины XVIII в., доводящем события до 1700 г., о принадлежности ее митрополиту Стефану Рязанскому, умершему в конце ноября 1722 г. Запись гласит: «Сия лествица из книг митрополита Стефана Рязанского и равно и вся история ево рукой писанная».¹⁰

И все же высказанное предположение не находит достаточного подкрепления в самом тексте «Летописи», поскольку во всех ее списках имеются такие разделы, которые могли быть написаны только после смерти Петра I.¹¹

В изданном тексте «Подробной летописи» и в трех ее (из четырех) ленинградских списках¹² «Синопис» представлен почти в полном своем объеме,¹³ с сохранением принципа деления на главы и самих наименований глав. Текстуальные изменения в виде сокращений и дополнений в целом незначительны. Так, в главе «О сем, когда в царствующем граде Москве патриаршеский престол устроися» опущены сведения о владении литовских князей Киевом с 1432 по 1470 г. Кроме того, в списках первого вида отсутствует глава «О превращении княжества Киевского в воеводство», наличествующая, однако, в списках второго вида. Из последней главы, повествующей «о приходе множественных сил царских и войск запорожских к Киеву» в 1679 г. и об укреплении ими степ Киево-Печерской лавры, составитель «Летописи» опустил слова, выражающие добрые пожелания печерян И. Самойловичу, позднее отрешенному от гетманства, «державе Российской», царю и «всему православному воинству».¹⁴ Опущены также,

ства человеку бывают», и «волшебством» (или «ворожбитством»), которое человек творит по наущению дьявола. Князь Димитрий Вольнский, доблестный воин и герой, предсказавший гибель Мамая и победу Дмитрия Ивановича на Куликовом поле, знал приметы «от искусства».

⁶ Синопис, Киев, 1680, л. 69 об.

⁷ Синопис, М., 1714, стр. 230.

⁸ С. И. Маслов. К истории издания киевского «Синописа».

⁹ Здесь и далее цитаты даются по списку БАН, 21.6.8 Листы (по новой пагинации) указываются в тексте в скобках.

¹⁰ БАН, собр. Строгановых, № 60, л. 482 об.

¹¹ Например, повествование о якобы предсказанном по звездам рождении Петра I и о продолжительности его жизни, которое связывают с именем Крекшина. См. М. В. Николаева. История об Азове и об азовских походах Петра I в составе «Подробной летописи». — Герценовские чтения. Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, Филологические науки, Л., 1967, стр. 424.

¹² БАН, 21.6.8, 1744 г.; БАН, 32.13.7, 60-е годы XVIII в.; БАН, 16.3.8, 60-е годы XVIII в.

¹³ В списке БАН, собр. Строгановых, № 60 середины XVIII в. имеются лишь некоторые главы из «Синописа», освещающие поздние события (XIV, XVII вв.), истории же Киевской Руси в нем нет.

¹⁴ Синопис, М., 1714, стр. 426—430, со слов «за толякое промышление и укрепление укрепит его господь...».

как не относящиеся к делу, стихотворное обращение «к читателю сего летописца от типографов» и послесловие-молитва, заключающие собой книгу.

Наряду с сокращениями сделано также несколько добавлений, из которых наиболее заметными являются следующие четыре.

Первое касается вопроса о времени появления письменности на Руси. По «Синописису», она возникла у «русов» в 790 г. Составитель «Летописи», сославшись на «скорописные летописцы», дополняет эти известия сведениями о «преложении книг с греческого языка на словенский» братьями Константином и Мефодием «в 6409 году» и о том, что у болгар, славян, сербов, «арбанасов, босан и руси» — «един язык» (л. 505 об.). Второе относится к рассказу о деятельности знаменитого князя «Олега вещего». Видимо, из патриотических побуждений составитель продолжил главу «О владении Олегом в Киеве и о смерти его» выразительными сказочными подробностями, известными по «Повести временных лет», — о завоевании Царьграда хитростью, сославшись и в этом случае на «скорописный летописец» (лл. 507 об.—508).¹⁵ Третье добавление — продолжение главы «О княжении Всеволода Ярославича в Киеве» рассказом о перенесении мощей игумена Феодосия Печерского в 1091 г. и о «чуде», якобы происшедшем «того же лета» («Спаде от небесе змей велик», л. 530). Четвертое дополнение внесено в главу «Второй промысл отмищения Ярополка над Болеславом». Как и предыдущее, оно касается «чуда» — «небесного знамения», сопровождавшего будто бы похороны перемышльского князя Андрея Владимировича в 1141 г. («три солнца сияюща и три столпы от земли до небеси», л. 534).

Как видим, сокращения или дополнения, внесенные в самый текст «Синописиса», в большинстве случаев продиктованы чувством национальной гордости, интересами престижа русского народа. Отсюда желание составителя «Летописи» дополнить готовый текст элементами сказочной и церковной фантастики, чудесами, знамениями, которые якобы исхони сопровождали деяния русских людей. Но ни привнесения, ни сокращения ни в какой мере не нарушали основной концепции «Синописиса», обосновывавшего идею преемственности власти киевских князей московскими князьями и царями и выдвигавшего мысль о единстве, кровном родстве между народами «Великой, Малой и Белой России».¹⁶

Эти идеи, определившие, по словам И. П. Еремина, и план книги, и отбор исторических фактов, подлежащих изложению, руководили не только автором «Синописиса». Их полностью разделял и составитель «Подробной летописи».

«Синописис» в составе «Пространной летописи» не составляет цельной самостоятельной композиционной единицы: его главы рассыпаны и рассредоточены между главами основного текста (лл. 407—560, 690 об.—691, 777—786). Это произошло не случайно. Дело в том, что «Синописис» не был полным и последовательным изложением событий русской истории в тех хронологических рамках, которые являются крайними границами книги.¹⁷ Ее автор и не стремился создать «учебное пособие» по общерусской истории. Задача его, как мы видели, была иная, и для ее решения

¹⁵ Под «скорописным летописцем» следует, видимо, иметь в виду «Хронограф» русской редакции, откуда и извлечены указанные дополнения. См.: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в «Хронограф» русской редакции. М., 1869, стр. 5, 138.

¹⁶ И. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 214—216.

¹⁷ См. об этом в статье: С. Л. Пештич. «Синописис» как историческое произведение. — ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 286.

ему было важно последовательно изложить лишь начальный этап развития российского государства — историю Киевской Руси. Что же касается истории XIII—XVII вв., то здесь выделены и поданы крупным планом всего-навсего два наиболее значительных события, важных для решения самого замысла книги: Куликовская битва, отраженная в виде «Сказания о Мамаевом побоище», и русско-турецкая война 1677—1678 гг., представленная обстоятельными рассказами, описаниями сражений, выполненными в стиле древнерусских воинских повестей.

В отличие от автора «Синописа», составитель «Подробной летописи» стремился к созданию полной истории «державы российской», отводя при этом главное место петровскому царствованию. Естественно поэтому, что события, по времени не попавшие в «Синописис», он излагал по другим источникам, вследствие чего главы из «Синописа» перемежались главами иного происхождения. Но и при этом все повествование было подчинено единому замыслу, который в общих чертах может быть определен как прославление России и ее храброго воинства, прославление выдающихся исторических деятелей, из которых на первое место неизменно выставлялся Петр I, величайший из героев всех времен и народов, создавший «новую Россию». Деяния Петра I освещались, объяснялись и оправдывались всем опытом русской истории. Прошлое было повернуто к настоящему и рассматривалось с точки зрения общественно-политических задач настоящего. Это придавало «Подробной летописи» известное единство и сугубо публицистический характер, которым было отмечено и повествование «Синописа». Основные идеи «Синописа» естественно вливались в русло идей, которыми руководствовался составитель «Подробной летописи».

Останавливает на себе внимание тот факт, что составителя «Подробной летописи», как и автора «Синописа», особенно заботила проблема происхождения и древнейших судеб славян — в докиевскую и доновгородскую пору. Поэтому он не ограничился сведениями по данному вопросу, которые содержались в книге И. Гизеля, но значительно расширил их, главным образом за счет «Сказания о граде Славенске», а также за счет выписок и пересказов соответствующих мест из «Историографии» Мавро Орбини¹⁸ и «Книги Квинта Курция».¹⁹

Баснословное «Сказание» о древнейшем городе славян — «Славенске», будто бы предшествовавшем Новгороду и имевшем длительную историю, содержит также сообщения «о начальных русских князьях» Славене, Русе, Болгаре, Романе, Истре и об их потомках, имена которых перешли в названия славянских племен и народов, рек и городов. Кроме этого в «Сказании» имеются замечания об исключительно высокой оценке славян со стороны Александра Македонского, безуспешно домогавшегося «под власть свою прияти» их. Убедившись якобы в непобедимости славянских племен, Александр Македонский отправил свое «послание» «к русским князем» с признанием за ними прав на вечное владение землями, на которых они расселились.

Поскольку «Сказание» освещало начальные истоки русской истории, о которых умалчивали летописи и даже «Синописис», составитель «Подробной летописи» именно им и открыл свою компиляцию,²⁰ искусно дополнив

¹⁸ Книга историография... Собрана через господина Мовроурбина. СПб., 1722.

¹⁹ Книга Квинта Курция о делах, содеянных Александра Великого царя Македонского. М., 1709; изд. 2-е, М., 1711; изд. 3-е, М., 1717; изд. 4-е, СПб., 1722; изд. 5-е, СПб., 1724.

²⁰ См. первые главы: «О начале Великого града Славенска, еже ныне Великий Новгород, о первых князех новгородских и их потомках», «О начале Старой Русы» (лл. 470—475), о послах русских к Александру Македонскому и «послание «Александра к русским князьям» (лл. 479—482 об.).

его сведениями, взятыми из «Историографии» Орбини и из «Книги Квинта Курция», а затем продолжив соответствующими главами «Синописиса».

Как полагают исследователи, «Сказание о граде Славенске» возникло в последней четверти XVII в.²¹ Оно содержится в составе «Хронографа» русской редакции по списку 1679 г., откуда было извлечено и напечатано А. Поповым,²² а затем Ф. Гиляровым — по тому же списку, но с вариантами по другим 22 спискам.²³ Следует указать также на исторический сборник XVII в., хранящийся в БАН, в котором помещено все то же «Сказание».²⁴

В научный оборот ввел это произведение П. Крекшин.²⁵ В 1735 г. он писал в Академию наук, что такое предание отсутствует в «печатных исторических книгах прошлых лет», а новгородцы «исстари друг другу об оном сказывают и истории имеют у себя».²⁶

Многочисленные упоминания и ссылки на «Сказание» встречаются затем у Татищева и Карамзина. Но наибольшее внимание уделил ему Ломоносов, вступивший в 40-х годах XVIII в. в полемику с Г. Ф. Миллером по вопросу о происхождении славянских племен и о возникновении русского государства.

Борясь против антинаучной норманской теории и утверждая концепцию автохтонности восточных славян и славянского происхождения русской государственности, Ломоносов привлекал и «Сказание о граде Славенске», в котором он видел отзвук исторической действительности, подтверждающий его теорию.²⁷ Но, указав на связь «Сказания» с исторической действительностью, Ломоносов проявил в то же время и определенный критицизм по отношению к содержащемуся в нем легендарному материалу.²⁸

Составитель же «Подробной летописи» пользовался «Сказанием о граде Славенске» — наряду с соответствующими, тоже баснословными материалами «Синописиса» о древнейшей истории славян — как документами достоверными и доказательными.

«Сказание о граде Славенске», начальные главы «Синописиса» и «Подробной летописи» — все они решали одну задачу и имели один смысл: история «россиян», княжеская власть на Руси уходит далеко в глубь веков, возникла задолго до прихода в Новгород «Рюрика с братиею». Не подлежит сомнению, что составителем «Подробной летописи» руководило в данном случае стремление поддержать и возвысить авторитет и славу «россиян», воспитанных на воинской славе далеких предков и обогащенных опытом Петровской эпохи.

²¹ С. Н. Азбелев. Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. — ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 289

²² А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронограф русской редакции, стр. 442—447

²³ Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи (по 969 г.) М., 1878, Приложения, стр. 15—22

²⁴ БАН, 4.7.7, лл. 241—249

²⁵ Краткое описание народа славенского... Собранное от разных древних историописателей во царствующем граде Санктпетербурге новгородским дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным В лето 1746-го декабря в 9 день (ЛОИИ, Коллекция рукописей Воронцовых, I, 675, лл. 41—46).

²⁶ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, М.—Л., 1952, «Примечание к работе 3», стр. 554—555

²⁷ См. в VI томе «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова «Замечания на диссертацию Миллера» (стр. 38, прим. 5), «Древняя российская история» (стр. 194—195), «Краткий российский летописец с родословием» (стр. 296).

²⁸ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX в. Изд. МГУ, М., 1957, стр. 199—200

С. Н. ВАЛК

«Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева

В 80-х годах прошлого века В. О. Ключевский прочел курс, посвященный «терминологии русской истории». ¹ Ни в тщательно составленном «алфавитном указателе терминов», имеющемся в литографированном издании этого курса, ни в разделе курса, отведенном «терминам политическим», мы не встретим термина «вельможи». Тем более нас должно было бы удивить, что в «Истории Российской» В. Н. Татищева это термин нередкий. Неизбежно поэтому перед нами должна встать задача, существенная при пользовании «Историей Российской» и как историческим источником, и как памятником истории общественно-политической мысли, а именно задача установить источник, из которого Татищев мог бы заимствовать этот в известных местах только у него встречающийся термин.

Одно из возможных решений этого вопроса могло бы быть сведено к предположению, что этот термин, отсутствующий в соответствующих местах других известных нам источников, все же мог бы быть обнаружен Татищевым в каком-либо другом, не дошедшем до нас источнике, а такие источники, конечно, в руках у Татищева были. Однако оказался и некоторый новый путь к разрешению только что поставленного вопроса, путь, по которому попытаемся пойти в нижеследующих строках.

Обнаружение в настоящее время многих татищевских рукописей позволило установить длительную и тщательную работу Татищева над выработкою им окончательного текста «Истории Российской». Это повело к неизбежному требованию: прежде чем говорить или рассуждать о том или ином мнении, слове или термине, встречающемся в «Истории Российской», считаться с тем, где, когда и в каком сочетании оно в ней употреблено Татищевым.

Действительно, ограничивая в настоящей заметке свои наблюдения хронологическими рамками Повести временных лет, мы обладаем — помимо единственного, ранее вошедшего в научный оборот и теперь потерявшего это свое значение миллеровского издания XVIII в. «Истории Российской», — также некоторыми рукописями второй части этого памятника, хронологически соответствующей Повести временных лет. Уже давно И. Сенигов указал на наличие двух редакций «Истории Российской». Для ранней, первой редакции в нашем распоряжении имеется ее беловая рукопись. Для второй же редакции, использованной также в только что упомянутом миллеровском издании, сохранилась черновая рукопись, в которой

---

¹ В. О. Ключевский, Сочинения, т. VI, М., 1959, стр. 129--275.

отразилась огромная работа Татищева над созданием ее текста.² Несколько наблюдений над этими рукописями помогут, полагаем, приблизиться и к решению вопроса о татищевских «вельможах».

В тексте первой редакции «Истории Российской» мы совсем не найдем «вельмож», которыми столь усеяна вторая редакция. Уже это может вызвать у нас сомнение в том, что «вельможи» заимствованы Татищевым из каких-либо неизвестных нам летописных памятников. Ведь иначе с гораздо большей вероятностью они должны были присутствовать именно в этой первой редакции, в которой Татищев стремился следовать и в порядке слов и в наречии самим летописям.

Как же «вельможи» появились во второй редакции «Истории Российской»? На это дает отчетливый ответ упомянутая только что черновая рукопись второй редакции. Так, например, в одном из эпизодов летописного рассказа о крещении Владимир советуется с «боярами и старцами». Ответу последних на обращенный к ним князем вопрос предпосланы слова: «реша бояре и старцы». Эта же летописная формула ответа перешла и в первую редакцию второй части «Истории Российской»; и здесь мы читаем: «реша бояре и старцы вси». В первоначальном тексте второй редакции мы обнаруживаем все ту же знакомую нам летописную формулу: «рекоша бояре и старцы вси». Однако здесь-то и происходит искомое нами превращение этой формулы в новый вид. Именно Татищев зачеркивает здесь «бояр и старцев» и поверх зачеркнутого пишет: «и рекли все вельможи и старейшины». Другой пример: такое же изменение претерпел эпизод награждения знаменитого усмаря, победившего в единоборстве «превеликого и страшного» печенега. В летописи он был «сотворен» за свой подвиг «великим мужем». Таким он оставался в первой редакции «Истории Российской», и только в рукописи второй редакции героический усмарь из «великого мужа» превратился под пером Татищева в «вельможу».³ Все остальные «вельможи» изучаемого отрезка «Истории Российской» имеют совершенно такое же происхождение. Таким образом, история появления в «Истории Российской» этого термина в качестве древнерусского термина для обозначения некоторой общественно-политической группы, существовавшей тогда в Киевской Руси, кажется ясной: термин этот принадлежит не каким-либо неизвестным нам рукописям, но обязан своим происхождением всецело перу Татищева.

Однако что же побудило Татищева ввести этот термин в «Историю Российскую» для обозначения определенного слоя в обществе Киевской Руси?

Прежде всего, конечно, необходимо определить, какие действительно древнерусские разряды населения были Татищевым подведены под разряд «вельмож». Это поможет нам установить И. Сенигов, который много лет тому назад в своем исследовании, посвященном «Истории Российской», хотя и бесплодном, по мнению А. А. Шахматова, но полезном для нас именно в силу этой бесплодности, сопоставил текст Лаврентьевской и других летописей с текстом татищевской «Истории». Он обнаружил 26 случаев, в которых татищевским «вельможам» в летописных чтениях соответствовали то «бояре» (10), то «дружина» (9), то «мужи» (6), то «передние мужи» (1).⁴ К наблюдениям И. Сенигова можно добавить, оставаясь

² Рукопись первой редакции теперь издана в четвертом томе «Истории Российской» (Л.—М., 1964), рукопись второй редакции — во II—III томах (1963—1964).

³ История Российская, т. IV, стр. 135, 139; т. II, стр. 59 и 381, вар. 78—79; стр. 66 и 282, вар. 191.

⁴ И. Сенигов. Историко-критическое исследование о Новгородских летописях и Российской истории В. Н. Татищева. М., 1887, стр. 400, 406, 414, 422.

в пределах Повести временных лет, разве еще один случай, когда «вельможи» заменили собою «ближнюю дружину»,⁵ что, впрочем, ничего существенно нового не добавит; возможно, что благодаря рукописям удалось бы несколько увеличить приводимые Сениговым цифры татищевских «вельмож», опять-таки без существенного значения для нижеследующих заключений.

Теперь попытаемся решить основной вопрос: может ли появление в «Истории Российской» «вельмож» вместо указанных только что летописных наименований иметь какое-либо значение для характеристики общественно-политических взглядов Татищева или же оно является только одной из черт редакционной работы Татищева, до сих пор еще столь мало изученной исследователями? Приходится с вероятностью ответить отрицательно на первое предположение и, наоборот, утвердительно на второе. Подтверждение вероятности этого второго предположения можно найти в некоторой аналогии, а затем и в некоторых других косвенных соображениях.

Татищев подготовил к изданию «Судебник царя Ивана Грозного», снабдив его своими подробными, сохранившимися в нескольких даже, все более пространных редакциях примечаниями. Однако, как и в данном случае, Татищев изменял в некоторых отношениях и сам текст «Судебника», к счастью объясняя, почему он это делает. В статье 1-й «Судебника» начало ее гласит: «Суд царя и великого князя судити бояром, и окольниковым, и дворецким, и казначеем, и дьяком. . .». Такие же перечисления отдельных имеющих право суда чинов оказались в статьях 2-й и 3-й. Когда такое их перечисление было вновь повторено в статье 6-й, Татищев в примечании написал, что оно «излишне» и что он «езде едино судья вместо всех положил». Объяснял же Татищев это тем, «чтоб плодотворностью непотребного не распространять». Действительно, и в статье 6-й и везде далее мы видим уже одного «судью» вместо перечня всех упомянутых выше отдельных категорий возможных судей.⁶ Как видим, совершенно аналогичное явление произошло, когда Татищев решил «вельможами» заменить в «Истории Российской» ряд тех категорий древнерусского общества, которые можно было, по его мнению, подвести под это понятие. Таким образом, как в «Судебнике» обобщенный термин «судья» был придуман для всех категорий судящих самим Татищевым, так же это случилось и в «Истории Российской» с «вельможами»; правда, этот термин встречается и в летописи, но нигде в ней не имеет того обобщающего значения, которое ему в данных примерах придал Татищев.

Это, как видим, общее явление в трудах Татищева имело в своей основе его желание, особенно в более поздних трудах, или, точнее, даже в позднейших редакциях одного и того же труда, сделать их возможно более доступными для читателя. Об этом Татищев и сам пишет в «Предъизвещении» к первому тому «Истории Российской», когда объясняет, почему он предпринял громаднейший труд по переработке своей «Истории» из древнего на новое наречие. Он объясняет, свою работу именно тем, что «приготовленная» им «История» на древнем наречии «не всякому вразумительна». С этой целью он переложил ее на новое, свойственное читателю XVIII в. наречие, а в тексте добавлял свои пояснения (как в «Истории Российской», так и в «Судебнике»).

⁵ История Российская, т. II, стр. 62 и 281, вар. 129—129.

⁶ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М., 1768, стр. 1—6.

Остается добавить, что термин «вельможи» был применен к древнерусскому общественному слою, считаясь со словоупотреблением читателя XVIII в., для которого этот термин был столь же обычен и понятен для обозначения высшего общественного слоя, как и термин «судья» для обозначения всякого лица, исполняющего соответствующую судебную деятельность.

Итак, приходится отнести появление введенного Татищевым термина «вельможи», имеющего определенный общественно-политический смысл, все же не к особенностям политической идеологии древнерусского общества, а к одной лишь редакционной работе автора «Истории Российской».

И. Э. СЕРМАН

Херасков и Курбский

«Россияда» (1779), стоившая Хераскову восьмилетнего напряженного труда, явилась итогом серьезного, продуманного использования данных истории, и в первую очередь литературных и исторических произведений XVI—XVII вв.

Семидесятые годы XVIII в. принесли среди ряда новых для русской литературы веяний (Юнг, мифология скандинавского Севера, Оссиан — пока еще во французских переводах) напряженный интерес к национальной истории. Предпринимается ряд изданий и систематических публикаций документов, летописей, мемуаров.¹

Документальность становится неоспоримым принципом при обращении к историческому материалу. Херасков в «Историческом предисловии» к «Россияде» указывал: «Повествовательное сие творение расположил я на исторической истине; сколько мог сыскать печатных и письменных известий, к моему намерению принадлежащих...».²

В литературе о Хераскове уже указывались некоторые из печатных «известий», какими пользовался Херасков в работе над «Россиядой». Наиболее обстоятельное исследование этих источников принадлежит Г. Э. Кунцевичу, установившему, что так называемая «Казанская история» — известный литературный памятник 60-х годов XVI в. — послужила Хераскову основным источником материалов для его эпопеи.³ Кунцевич считал также, что Херасков мог пользоваться и некоторыми печатными публикациями летописей и исторических исследований.⁴ Указал Кунцевич и на возможное знакомство Хераскова с сочинениями князя А. М. Курбского.⁵ Херасков выбрал для своей «иронической поэмы» важнейшее, как ему представлялось, событие допричинного периода царствования Грозного, чем и избавил себя от необходимости высказать свое отношение к последующим событиям эпохи: «Впрочем, безмерные царские строгости, по которым он Грозным проимянован, ни до намерения моего, ни до времени, содержащем в себе целый круг моего сочинения, вовсе не касаются».⁶

¹ См.: С. А. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. II. Л., 1965, стр. 15—18.

² М. Херасков. Россияда, ироническая поэма. М., 1779, стр. 4.

³ Г. Э. Кунцевич. «Россияда» Хераскова и «История о Казанском царстве». — ЖМНП, 1901, январь, стр. 1—15.

⁴ П. И. Рычков. Опыт Казанской истории древних и средних времен... СПб., 1767; Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича... СПб., 1769; Степенная книга, ч. II. СПб., 1775.

⁵ Г. Э. Кунцевич. «Россияда» Хераскова. — ЖМНП, 1901, ноябрь, стр. 175.

⁶ М. Херасков. Россияда... стр. 3 об.

Выбор этой эпохи в жизни Иоанна, в оценке которой единодушно сходились политики, поэты и историки XVIII в., был сделан Херасковым свободно и сознательно. Казанский поход представлялся ему событием такого рода, в котором с особенной силой и полнотой проявилось единство нации, сплотившейся вокруг царя, под эгидой самодержца, разумно понимающего свои права и обязанности: «Воспевая разрушение Казанского царства, со властью державцев Ордынских, я имею в виду успокоение, славу и торжественную победу *всего российского государства*, знаменитые подвиги не одного государя, но *всего российского воинства* и возвращенное благоденствие не одной особе, но *всему отечеству*, почему сие творение и названо „Россиядой“ (курсив наш, — И. С.)».⁷ Определив пафос поэмы в целом, Херасков формулирует свое отношение к тем, кто, по его мнению, является движущей силой событий: «Представляю младого монарха из мрака слабостей в сияние славы облекшегося... Прославляю совокупно с царем верность и любовь к отечеству служивших ему князей, его вельможей и всего российского воинства».⁸ Из этих слов поэта видно, что, по его мнению, «верность и любовь к отечеству» князей и вельмож, служивших Иоанну, является тем средостением, без которого невозможно было бы добиться единства нации и победы над Казанским царством.

Насколько совпадала точка зрения Хераскова с общей концепцией его источников? «Казанский летописец» насквозь проникнут идеей прославления самодержавной власти. Инициатива самого похода и благополучного в конце концов его завершения исходит только от царя. Князья или во всем ему покорны и всецело подчиняются, или, в самом крайнем случае, сетуют на трудности похода и советуют увести войска, но и тут Иоанну легко удается преодолеть их сопротивление.⁹ Самый характер отношений между царем и боярами для автора «Казанского летописца» не является проблемой; он считает, что самодержавный порядок, единовластие уже установилось прочно и незыблемо: царь предлагает — бояре одобряют и поддерживают. Никакого обсуждения, никакого раскола мнений среди боярства автор «Казанского летописца» не знает и о нем не говорит.

Между тем для Хераскова в русских сценах и эпизодах «Россияды» отношения между царем и вельможами определяют собой весь ход событий поэмы и представляются поэту самой важной политической проблемой русской истории вообще.¹⁰

В таком отношении к проблеме вельмож, советников царя, его ближайшего окружения, к фактическим вершителям власти русских царей после Петра Херасков — несомненный ученик и продолжатель Сумарокова, в трагедиях которого судьбы царей и царств определяются борьбой добродетельных и злых, коварных советников. Продолжая в этом смысле сумароковскую разработку и художественное изучение политических проблем русского самодержавия как особой политической системы, Херасков обратился к тому древнерусскому автору, у которого он мог найти и любопытную психологическую характеристику будущего героя «Россияды» — Иоанна, и талантливую, хотя и пристрастную оценку значения единства царя с боярами в допричинный период правления Грозного, — к князю Андрею Курбскому и его «Истории великого князя московского». Так, ни в одной из редакций «Казанского летописца» нет речи

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См.: В. Л. Комарович. Казанский летописец. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 465—466; Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 266—288.

¹⁰ Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 197—198.

о Сильвестре и Адашеве и их благотворительном влиянии на молодого царя. По Курбскому же, как известно, «перелом» к добропорядочному поведению у Ивана произошел именно под влиянием этих добродетельных советников. Херасков вводит в качестве действующего лица поэмы Адашева, и под влиянием беседы с ним, просветленный духом, Иоани видит разительную перемену в отношении к себе всего народа и воинства:

Любовью видит царь возженные сердца,
Зрит в подданных детей, они — в царе отца.

Казалось, новое он царство приобрел,
Избранной думе быть в чертоге повелел.¹¹

К последней строке Херасков делает примечание: «Избранная дума именовалась в то время вышнее правительство, что ныне Сенат».¹² Взяв у Курбского термин и слегка его изменив (вместо «рада» — «дума»), Херасков в своей поэме превратил его не столько в современный ему «сенат», сколько в своеобразный дворянско-аристократический парламент, ст мнения которого зависит решение царя.¹³

Ключевой сценой поэмы является обсуждение на избранной думе поставленного Иваном вопроса:

Отважиться ли нам с ордами к трудной брани,
Иль в страхе погребстись и им готовить дани?¹⁴

Речь Курбского на этом заседании избранной думы следует непосредственно за речью князя Ленского, в которой Херасков собрал все, что было для него неприемлемого и в современном ему характере русской самодержавной власти, и в русской истории. Ленский говорит Ивану:

... блюди твой царский сан.
Тебе для выгод он твоих и наших дан.
Тебе ли сетовать, тебе ли, царь, крушиться
И сладкой тишины для подданных лишиться;
Ты бог наш!¹⁵

Повторяя памятную всем тогда ломоносовскую формулу (Петр — бог), Ленский у Хераскова высказывает сервильно-эгоистическую точку зрения на права и обязанности царя, глубоко ненавистную Хераскову, стороннику ограничения царизма фундаментальными законами и дворянским общественным мнением.

Именно Курбский, главный герой Хераскова,¹⁶ высказывает в своей речи самую суть патриотизма и общественного долга в том его понимании, которое было всего ближе автору «Россияды»:

О царь мой! Властен ты мою пролити кровь,
Однако в ней почти к отечеству любовь,
Позволь мне говорить: оставь богатству неги;
Веди ты нам прейти пески, и зной, и снега;
Мы рады с молнией и с громом воевать,

¹¹ М. Херасков. Россияда. . . , стр. 18.

¹² Там же.

¹³ См.: Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938, стр. 240—241.

¹⁴ М. Херасков. Россияда. . . , стр. 21.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века, стр. 197. Нам кажется неубедительным утверждение А. Н. Соколова, что «полнее всего свой идеал национального героя Херасков воплощает в образе Ивана Грозного» (см.: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX веков. Изд. МГУ, 1955, стр. 160).

Имение и жен готовы забывать,
 . . . . .
 Отмстим за прадедов, за сродников несчастных,
 За них отмстим ордам до днесь подвластных.
 . . . . .
 Но если робостью себя мы обесславим
 И наших сил против ордынских не поставим,
 Пойду отсель на край вселенной обитать,
 Любовь к отечеству мне нечем здесь питать,
 Подавлена она и ограждена лестью,
 Чины приобретать хочу единой честью —
 Служить отечеству трудами и мечом;
 О правде я пекусь, а больше ни о чем.¹⁷

Текстуально эта речь не совпадает с сочинениями Курбского, но по существу она представляет собой изложение общественных позиций Курбского так, как понимал их Херасков, почерпнувший это представление из знакомства с «Историей о великом князе московском». Таким образом, в сложную историю восприятия сочинений Курбского следует включить и автора крупнейшей русской эпической поэмы XVIII в.

---

¹⁷ М. Херасков. Россияда... стр. 25.

Г. Н. МОИСЕЕВА

«Казанская история» в творчестве М. В. Ломоносова

«Сказание вкратце от начала царства Казанского и о бранех и о победах великих князей московских со цари казаньскими, и о взятии царства Казани, еже ново бысть»¹ справедливо названо самим автором «красной и новой повестью». В этом публицистическом произведении, пронизанном передовыми общественными идеями 50—60-х годов XVI в., удивительно талантливо сочегаются разные типы древнерусского повествовательного стиля. Автор умело чередует военные сцены, описанные в полном соответствии с поэтикой стиля воинских повестей, историческое сюжетное повествование, связанное и с жанром летописи, и с жанром хронографа, риторические отступления, генетически восходящие к византийской церковно-пагенирической литературе.²

Но особенно ярко талант автора «Казанской истории» сказался в умении раскрыть свойства действующих лиц произведения в их поступках. Он вникает в настроения участников событий, в мотивы их поведения, он стремится к разностороннему изображению человеческого характера. Именно эти черты «Казанской истории» вывели это произведение за пределы его первоначального идеологического задания — прославить заслуги Ивана IV, победителя Казанского царства.

В глазах читателей «красная и сладкая» повесть привлекала внимание как своим историческим содержанием (здесь рассказывалось о трехсотлетней истории Казанского ханства, о борьбе русского народа против поработителей и о конечной его победе), так и своими художественными свойствами. Неслучайно поэтому это произведение сохранилось в громадном количестве списков (более 250), переписанных и в начале XVII в., и в XVIII в., и даже в начале XIX в.

Как исторический источник «Казанская история» впервые была использована А. И. Лызловым, составившим в 1687 г. «Скифскую историю». В 30—40-е годы XVIII в., подготавливая материалы к «Российской истории», В. Н. Татищев обращается к повести «о достовании и взятии града Казани».³ Но наиболее полно «Казанская история» оказалась претворенной в творчестве М. В. Ломоносова.

¹ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954.

² О литературном этикете и взаимосвязи художественных стилей с жанром в древнерусской литературе см.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 84—108.

³ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 85.

Представляется вполне вероятным, что Ломоносов мог ознакомиться с этим произведением еще у себя на родине. В библиотеке Соловецкого монастыря, где, как теперь удалось установить, Ломоносов читал книги и рукописи,⁴ хранились списки «Казанской истории», один из которых, переписанный в середине XVII в.,⁵ относился к первой редакции, отражающей первоначальный вид этого произведения.

Во время обучения в Московской славяно-греко-латинской академии Ломоносов, по свидетельству ранних биографов, много времени проводил в библиотеке Заиконоспасского монастыря, изучая «древние летописи».⁶ Пожар 1747 г. уничтожил монастырскую библиотеку. Небольшая часть ее сохранилась в фондах Московской духовной академии,⁷ в том числе рукописный сборник, переписанный в начале XVII в. троицким монахом Исайей Печерским.⁸ На лл. 98—269 об. помещается «Сказание о взятии Казанском». На боковых полях рядом с текстом Ломоносов сделал несколько приписок.⁹ Он обратил внимание на рассказ о легендарном основании Казанского ханства, на повествование о деятельности Александра Ярославича, Георгия Всеволодовича, Ярослава Всеволодовича, подчеркнул сообщение о том, что новгородцы «в тая же горкая батыева времена отвергашася . . . работнаго ига». На полях против этой фразы приписано: «Новгородцы от Батыя не разбиты».¹⁰ Отмечен отрывок «Казанской истории», где автор сообщает о себе некоторые биографические сведения: «случи ми ся пленену быти варвари и сведенну быти в Казань. И даша мя царю казанскому в дарех Сапкирею. И взят мя царь с любовью к себе служить, во двор свои постави мя пред лицом своим стояти. И быв тамо 20 лет. Во взятие же казанское изыдох ис Казани на имя царево Московского. Царь же мя крести, вере Христове причте и мало земля ми уделом дасть. И нача служить ему верно». На поле против этого текста Ломоносов написал: «Писатель о себе».¹¹ Ниже мы покажем, как важны были эти автобиографические сведения автора «Казанской истории» — очевидца последних 20 лет правления казанских царей и цариц.

В 1739 г. Ломоносов прислал из Фрайберга в Петербургскую Академию наук оду, написанную им при получении известия о победе, одержанной русскими войсками под Ставучанами, у крепости Хотин. В этой оде Ломоносов вспоминает победы Петра I и Ивана IV. Интересующие нас строфы, относящиеся к победителю Казанского ханства, следующие:

⁴ Г. Н. Моисеева. Соловецкий сборник в творчестве М. В. Ломоносова. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». К 90-летию Н. К. Пиксанова. М.—Л., 1969, стр. 49—58.

⁵ ГПБ, собр. Соловецкое, № 1501/42, 4°, лл. 2—188 об.

⁶ М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, Составитель Г. Е. Павлова, М.—Л., 1962, стр. 43—44.

⁷ В 1814 г. Славяно-греко-латинская академия была преобразована в Московскую духовную академию.

⁸ ГБЛ, собр. Фундаментальное 173 (Библиотека духовной академии), № 196, 4°, лл. 1—277 об.

⁹ Атрибуция почерка М. В. Ломоносова произведена на основании сохранившихся автографов, относящихся к началу 30-х годов XVIII в. — времени обучения его в Славяно-греко-латинской академии: расписки 1734 г. на «допросных» бумагах в Ставучинском столе (ЦГАДА, ф. Московская синодальная контора, № 245, лл. 14 об.—17); курс риторики П. Крайского на латинском языке, переписанный между 1733 г. и 17 октября 1734 г. (ГБЛ, ф. 183, № 279, лл. 158—283). Результаты изучения почерка Ломоносова на протяжении всей его жизни изложены в главе «Формирование почерка Ломоносова» в подготавливаемой мною книге «Ломоносов и древнерусская литература».

¹⁰ ГБЛ, собр. Фундаментальное 173, № 196, лл. 99—99 об., 100 об., 101, 102, 103.

¹¹ Там же, л. 99 об.

Кто с ним (с Петром I, — Г. М.) толь грозно зрит на юг,
 Одеян страшным громом вокруг?
 Никак Смиритель стран Казанских?
 Каспийски воды, Сей при вас
 Селима гордого потряс,
 Наполнил степь голов поганских.¹²

Составители комментария к VIII тому собрания сочинений Ломоносова правы, когда говорят о том, что под Селимом он понимает «царствовавшего в то время в Турции султана Сулеймана II».¹³ Но из какого источника Ломоносов почерпнул известие о «потрясении» турецкого султана, узнавшего о торжестве московского государя? Ни в Никоновской летописи, ни в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» совсем не говорится о восприятии Сулейманом II известия о военных и дипломатических победах русских. В «Казанской истории» после описания отъезда из Казани последней казанской царицы Сумбеки помещена глава «О бывши вести турскаго царя о Казани и о царице и о послании з дары его к мурзам нагайским». Здесь рассказано о том, что после того как «дойде весть о Казани о царе до самого нечестиваго царя турскаго салтана во Царьград, и воспечалися о том велми турский царь Салтан, яко все свое золото египетцкое погубил, болши всех даней земных его, приносимых к нему, недоведав, кое пособие дати царьству Казанскому, далече от него отстоиму ему».¹⁴ Турецкие послы предложили ногайским мурзам отказаться от союза с Иваном IV и оказать помощь казанцам в их борьбе с Русским государством.

В оде о взятии Хотина 1739 г. мы видим использование Ломоносовым «Казанской истории», давшей ему материал, неизвестный по другим источникам. Ломоносов не без оснований мог считать, что в «Казанской истории» названная глава возникла на основании каких-то действительных фактов, известных автору (который жил при ханском дворе) через посредство царевны Сумбеки — дочери ногайского князя Юсуфа.

После возвращения в Петербург летом 1741 г. Ломоносов серьезно занимается русской историей. В числе литературных памятников древней Руси он снова внимательно изучает «Казанскую историю». В Библиотеке Петербургской Академии наук хранились два списка «Казанской истории», принадлежавшие сестре Петра I царевне Наталье Алексеевне.¹⁵ Этими ли списками пользовался Ломоносов или другими — нельзя сказать определенно, но важно то, что в своем большом историческом труде — «Российской истории» — он широко использовал «Казанскую историю». В 1760 г. вышел из печати подготовленный Ломоносовым «Краткий российский летописец с родословием», представляющий собой краткое изложение его «Российской истории». В этой работе можно видеть, как много материалов было отобрано Ломоносовым из «Казанской истории». Здесь и исторические факты, и оценка некоторых исторических деятелей, и отдельные литературные характеристики, очень метко и образно передающие замысел автора «Казанской истории». Так, например, Ломоносов говорит в «Кратком российском летописце» о том, как «изменник государев, царь казанский Махмет Аминь, раскаявшись пред смрадною смертию, послал

¹² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VIII, М.—Л., 1959, стр. 23.

¹³ Там же, стр. 876, прим. 17.

¹⁴ Казанская история, стр. 102—103.

¹⁵ БАН, 34.6.64 и БАН, 32.4.1. См.: М. Н. Мурзанова. Первые фонды рукописных книг академической библиотеки. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.—Л., 1956, стр. 43.

к нему (Василию III, — Г. М.) многоценные дары и повинную».¹⁶ В «Казанской истории» описанию предсмертного раскаяния казанского царя Махметина посвящена 10-я глава. Автор ее рассказывает, что казанский царь был поражен «язвою неисцелимою от главы и до ногу ... никтоже к нему вхождаше в ложницу посетити его ... смрада ради злаго, исходящая от него».¹⁷ Незадолго до смерти Махметин «воспомяну согрешение свое». В раскаянии он отправил «к Москве ... послы своя к великому князю Василию, а с ними же посла к нему царския дары своя».¹⁸

«Казанская история» дала Ломоносову материал для объяснения причин неудачного похода русских войск под Казань 1524 г.: «по Волге со всем тяжелым снарядам и припасами суда и войска российские в узких местах погружены бревнами от Казанской черемисы».¹⁹ В «Казанской истории» об этом походе сказано так: «От нечаемья нашия беды тоя рати в лоднях на Волге черемисы злыя казанския наших побии... И подсецаху великое древие, дубие, осокорие, и держакху на ужищах и на ладьях пуцаху с высоких гор и з брегов сюду же миновати, и погружатися от единого древа ладьям 5 и более с людми, и з запасом, и стенобитным нарядом».²⁰

Передавая в «Кратком российском летописце» события времени правления Ивана IV, Ломоносов широко черпает не только фактические сведения, но и отношение к фактам автора «Казанской истории». Благожелательная характеристика касимовского хана Шигалея несомненно подсказана «Казанской историей», равно как и упоминание «нечаянной смерти» казанского царя Сафакирея.²¹

Но наиболее ярко раскрывается воздействие «Казанской истории» на отображение исторических фактов и их художественное воплощение при описании Ломоносовым последней казанской царицы — Сумбеки.

Характеристика ногайской княжны Сююн-бике, ставшей женою казанского хана Сафакирея, содержится и в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». Но она значительно разнится от образа «прекрасной и вельми премудрой» казанской царицы Сумбеки, созданной автором «Казанской истории». Ломоносов полностью принимает концепцию автора — современника и очевидца событий, происходящих в Казанском ханстве в последнее двадцатилетие его существования. Поэтому показания автора «Казанской истории», касающиеся этого последнего периода, Ломоносову представляются более исторически достоверными, чем свидетельства официального «Летописца начала царства». В «Кратком российском летописце» Ломоносова упоминаются как исторические факты все рассказы о жизни Сумбеки, которые переданы в «Казанской истории». Здесь говорится и о том, что «в Казани царица Сумбек с сыном, вдова Сафакиреева, благосклонна была к царевичу Кошакху, которого казанцы не любили и хотели отдать российскому войску. Кошакх из Казани побегал, но пойман и приведен в Москву, где и казнен».²² В «Летописце начала царства» об улане Кошакхе говорится только в связи с сообщением о возникновении в Казани «междоусобной брани» казанцев и крымцев.²³ Но это никак не соотносено с биографией царицы Сумбеки.

¹⁶ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, М.—Л., 1952, стр. 321.

¹⁷ Казанская история, стр. 63.

¹⁸ Там же.

¹⁹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 321—322.

²⁰ Казанская история, стр. 67.

²¹ Там же, стр. 82.

²² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 324.

²³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, СПб., 1906, стр. 467—468.

В «Казанской истории» описанию отношений Сумбеки с уланом Кошаком посвящена отдельная глава — «О любви блудной со царицею улана Кошака, и о избежание его из Казани, и о ятие его, и о смерти». И именно сообщаемые в этой главе факты и дали Ломоносову материал, нашедший отражение в «Кратком российском летописце».

В 1763 г. И. И. Бецким было поручено Ломоносову, чтобы он «выбрал из российской истории знатные приключения для написания картины». В январе 1764 г. в письме к вице-канцлеру А. М. Голицыну Ломоносов дал описание сюжетов для картин на темы отечественной истории. Под 13-м номером Ломоносов поместил отображение встречи казанской царицы Сумбеки, привезенной в Москву, с царем Иваном IV: «Царица Сумбек, по смерти царя казанского Сафакирея, взята из Казани с сыном и с бесчисленным богатством в полон и приведена в Москву к царю Ивану Васильевичу . . . Царица казанская, упав на колена и прося прощения и милосердия, умиленным лицом и слезами чрезвычайную красоту свою возвышает».²⁴

Описанию необыкновенной красоты царицы Сумбеки посвящены наиболее проникновенные страницы «Казанской истории». В главе «О изведении царицы с сыном ея из Казани и о плачи ея» автор образно показывает сцену прощания Сумбеки с гробом покойного казанского царя Сафакирея. Два часа «причиташе царица и кричаше, лежаще у царева гроба на земли». «Повелением» московского воеводы «подняша ю от земли мертву исполу, видеша ту вси людие открыто лицо ея, кроваво все от многого драния, опухше от слез ея . . . Бе бо царица образом красна велми и в разуме премудра, яко не обрестися такой лепоте лица ея во всех в казанских женах и в девицах, но и во многих в руских на Москве, во дщерях и в женах в боярских и во княжнах».²⁵

Замечательный памятник XVI в., «Казанская история», в новую эпоху XVIII в. нашел широкое историко-литературное претворение в творчестве Ломоносова.

²⁴ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 370.

²⁵ Казанская история, стр. 99—100.

Г. М. ПРОХОРОВ

Еще одно мнение о происхождении «арабских» цифр

Первое упоминание счета с помощью девяти знаков относится к 662 г. и принадлежит ученому сирийскому монаху (настоятелю монастыря Кенешр на Евфрате) Северу Себокту, он пишет об этом способе счисления как об индийском Правда, контекст, где это говорится, резко тенденциозен: возмущенный высокомерием некоторых греческих ученых, Себокт стремится показать, что не все произошло из Греции, и доказать тем, «кто верит, что раз они говорят по-гречески, то достигли пределов науки», что «есть еще и другие люди, которые кое-что знают».¹

С начала IX в. используют новые цифры и признают их индийское происхождение багдадские математики. Около 820 г. библиотекарь халифа аль-Мамуна и один из наиболее выдающихся арабских ученых Мухаммед ибн Муса аль-Хорезми на основании греческих классических образцов написал учебник арифметики и элементарной алгебры, где использовал интересные нас знаки.² Будучи в XII столетии переведена на латынь и получив название «*Algoritmi de numero Indorum*», его книга способствовала распространению в Западной Европе новой системы счисления и одновременно мнения о ее индийском происхождении.

Между тем первый след знакомства индусов с этой системой принадлежит только середине IX в., когда математик Махавира описал, что такое ноль и как с ним следует обращаться.³ Индийские цифровые записи, сделанные с помощью десяти знаков в позиционной расстановке, не опережают по времени аналогичных арабских. Первые известные нам образцы и тех и других относятся к семидесятым годам того же IX в., когда ведущую роль в развитии математики играл Багдад. Там уже сто лет шло активное освоение греческого научного наследия (Птолемея, Эвклида, Архимеда, Аристарха, Автолика, Диофанта, Аполлония и др.).⁴ Видимо, даже в средние века убеждение в происхождении наших цифр из Индии не было прочным и на эту тему возникали споры, поскольку подделки «древних индийских» цифровых записей начали изготавливать уже в конце XI в.⁵ Примерно в это же время в Лотарингии была подделана рукопись

¹ M. F. Nau. La plus ancienne mention orientale des chiffres indiens — *Journal asiatique*, t. XVI, Paris, 1910, стр. 225—227, D. E. Smith. *History of Mathematics*, vol. I N. Y., 1958, стр. 166—167.

² D. E. Smith. *History of Mathematics*, стр. 170; R. Taton. *Histoire du calcul* Paris, 1961, стр. 20.

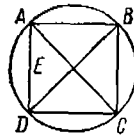
³ D. E. Smith. *History of Mathematics*, стр. 162.

⁴ Там же, стр. 167—168.

⁵ D. E. Smith and L. Ch. Karpinski. *The Hindu-Arabic Numerals* Boston and London, 1911, стр. 46.

геометрии Боэция с целью приписать изобретение цифр пифагорейцам; фальсификатор лгал «очень прилично, учено и даже правдоподобно».⁶ В XIII столетии на западе Европы индусов совсем перестали считать изобретателями цифири и заслугу ее создания отнесли к арабам (отчего и цифры получили название «арабских»). Но сами арабы никогда на это не претендовали. Их средневековые тексты заставили ученых вернуться к «индийской» теории и предпринять поиски в этом направлении. Однако результат исследований оказался негативным: подавляющее большинство древних индийских текстов, содержащих позиционные цифровые записи (пятнадцать из семнадцати),⁷ были признаны поддельными. Из остальных лучшим свидетельством древности использования позиционной системы и ноля в Индии долгое время признавалась берестяная рукопись, найденная в 1881 г. в Бакшали, в северо-западной Индии.⁸ Сначала ее относили к первым векам нашей эры, потом — к VIII—IX вв.; теперь ученые склонны датировать Бакшалийскую рукопись X в. и подвергают сомнению даже само ее индийское происхождение.⁹

Не удивительно, что много теорий и предположений возникло и относительно способа образования цифр, которыми сейчас пользуется весь мир. Цифровые знаки выводили: 1) из быстро и связно написанного соответствующего числа палочек; 2) из круга с двумя перпендикулярными диаметрами; 3) из квадрата с диагоналями; 4) из начальных букв соответствующих числительных в санскрите; 5) из латинских стенографических знаков, изобретенных или усовершенствованных Тироном, вольноотпущенником Цицерона; 6) из китайских числовых иероглифов; 7) из знаков пифагорейской символики; 8) из букв алфавитов: а) египетского иероглифического, б) индусского, в) греческого, г) персидского, д) бактрийского.¹⁰ Любопытно, что над этим вопросом задумывался и А. С. Пушкин. По его мнению (сходному с мнением арабского астронома XI в. Абен Рагеля), «форма цифров арабских составлена из следующей фигуры:

А
 | (1), ABDC (2), ABECD (3), ABD + AE (4), etc. Римские цифры со-
 D
 ставлены по тому же образцу».¹¹

Несмотря на все остроумные гипотезы, происхождение цифр 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0 до сих пор остается полностью неизвестным.¹² Лишь некоторые из гипотез построены с каким-то знанием палеографии, но среди

⁶ Н. М. Бубнов. Происхождение и история наших цифр. Киев, 1908, стр. 189.

⁷ И. Г. Башмакова и А. П. Юшкевич. Происхождение систем счисления. — В кн.: Энциклопедия элементарной математики, кн. I. М.—Л., 1951, стр. 44.

⁸ Е. Лефлер. Цифры и цифровые системы культурных народов. Одесса, 1913, стр. 80.

⁹ D. E. Smith. History of Mathematics, стр. 164—165.

¹⁰ Н. М. Бубнов. Происхождение и история наших цифр, стр. 13—14; D. E. Smith and L. Ch. Karpiński. The Hindu-arabic Numerals, стр. 29—37.

¹¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. VIII, М., 1958, стр. 90.

¹² Grand Larousse encyclopédie, t. III Paris, 1960, стр. 22.

них нет ни одной достаточно удовлетворительно обоснованной исторически.¹³ Нерешенность вопроса придает мне смелости выступить со своими мыслями в области, в которой я не являюсь специалистом.

Основными особенностями нашей системы счета являются зависимость порядка знака от его позиции и наличие ноля. Удобства позиционной оценки знаков были известны еще древним грекам, использовавшим для арифметических вычислений абак (или абаку) — ὁ ἀβάξ, τὸ ἀβάχιον — счетную доску, разделенную на десятичные полосы, в которых передвигались камешки, а затем сменившие их жетоны с цифрами. Сохранился на античной вазе рисунок грека, занятого вычислениями на абаке.¹⁴ При счете на абаке не было надобности в ноле: соответствующее место в полосе оставалось свободным либо на него клался чистый жетон. Для десятков, сотен и т. д. существовали особые знаки-буквы.

Интерес к греческой античной науке, который проявили арабы, завоевав земли средиземноморского побережья, дал новую жизнь этому древнему счетному приспособлению. От испанских арабов абак в X в. перешел в христианскую Западную Европу. Заслуживает внимания тот факт, что европейские абацисты X—XI вв. — первое место среди них принадлежит Герберту Аврилакскому, папе Сильвестру II (999—1033 гг.) — не делали различия между греческими буквами и арабскими цифрами, одинаково называя их *caracteres* или *potula*, *nota*, *figura*, *scema*.¹⁵ При этом и Герберт, и другие математика его времени для обозначения единицы часто использовали букву *i*, что встречало удивление и непонимание их современников.¹⁶ К помощи ноля они не прибегали, но от X в. сохранились свидетельства знакомства европейцев с нолем.¹⁷

Мысль о происхождении наших цифровых знаков от греческих буквенных цифр уже возникала в умах ученых.¹⁸ Единицу эти ученые сравнивали с альфой, обозначающей единицу у греков, двойку — с бетой, тройку — с гаммой, и т. д. Более или менее схожими при этом оказывались лишь семерка с дзетой, восьмерка с этой и девятка с тэтой. Однако этого было недостаточно, и данная гипотеза, как и все остальные, признания не получила.

При создании этой гипотезы не учитывалось одно существенное, на мой взгляд, условие: для того чтобы греческая алфавитная цифирь послужила основой для «арабских» цифр, в нее должен быть введен ноль.

Ноль, по мнению Н. М. Бубнова, есть не что иное, как изображение чистого жетона абацистов на писчем материале.¹⁹ Арабское название ноля (*as-sifr*) и индийское (*sunya*) значат «пустое». Арабское *as-sifr* дало *σίφρα* греков, латинское *siphra* (или *sufrā*) и наше слово «цифра». Каково бы ни было происхождение ноля, введение его в алфавитную цифирь неизбежно должно было вызвать в ней какие-то перемены. Какие же именно?

¹³ И. Г. Башмакова и А. П. Юшкевич. Происхождение систем счисления, стр. 52.

¹⁴ Воспроизведение см. И. Я. Демман. История арифметики М., 1965, стр. 80.
¹⁵ Н. М. Бубнов. Сборник писем Герберта как исторический источник (983—997). Критическая монография по рукописям, ч. II, отд. 1 СПб., 1889, стр. 968—969, прим. 4, 5. См. также D. E. Smith and L. Ch. Karpinski. The Hindu-Arabic Numerals, стр. 110—119. Воспроизведение восстановленного Н. М. Бубновым абака Герберта см.: И. Я. Демман. История арифметики, стр. 82.

¹⁶ Н. М. Бубнов. Сборник писем ..., стр. 969—972.

¹⁷ D. E. Smith and L. Ch. Karpinski. The Hindu-Arabic Numerals, стр. 137—138; И. Г. Башмакова и А. П. Юшкевич. Происхождение систем счисления, стр. 52.

¹⁸ Подробней об этом см. D. E. Smith and L. Ch. Karpinski. The Hindu-Arabic Numerals, стр. 33.

¹⁹ Н. М. Бубнов. Происхождение и история наших цифр, стр. 12, 17.

Для ответа на этот вопрос попробуем проделать эту операцию сами. Основная проблема, с которой мы сразу же сталкиваемся, это — как обозначить десятку: приписать ли ноль к альфе-единице или приписать его к йоте-десятке? В последнем случае единицей станет йота, т. е. вертикальная палочка (см. табл. 1).

Гораздо более естественным кажется этот второй вариант, т. е. избрать для единицы вертикальную палочку, как это принято в арабской буквенной цифири, в римских цифрах и в большинстве других цифирных систем.

Но если единицей становится йота, то знаков (греческих букв) оказывается больше, чем требуется: на девять «вакантных» мест (от единицы до девяти) — десять знаков (от альфы до йоты). Каким-то знаком надо пожертвовать. Каким?

Значок ς (стигма), служащий у греков для обозначения цифры 6, был когда-то, в глубокую древность, буквой (*вау*), но уже с очень давних пор он служил лишь лигатурой, способом слитного написания букв σ (сигма) и τ (тау). В алфавите его не было, в цифири же его удерживала лишь консервативная традиция. Естественно, что с вторжением в буквенную цифирь ноля стигма имела наименьшее количество шансов удержаться на месте. Как след такого именно рода перемен в греческой алфавитной цифири можно рассматривать особенности употребления буквенных значков в записи математических лекций в оксфордской греческой рукописи 888 г.: в качестве алгебраических обозначений здесь использованы все буквы от альфы до каппы включительно, за исключением стигмы и йоты.²⁰ Для автора лекций, очевидно, стигма и йота покинули свои места в ряду математических знаков.

Итак, допустим, что единицей стала йота, а стигма выпала. Буквы, обозначавшие цифры от единицы до пяти (альфа, бета, гамма, дельта, эпсилон) сдвигаются под давлением йоты-единицы на одно деление, причем последняя из них, эпсилон, занимает место стигмы, соответствующее цифре шесть (табл. 1). Такие перемены должен был произвести ноль, входя в греческую алфавитную цифирь. Размещенные по-новому греческие алфавитные знаки мы имеем право сравнивать с «индо-арабскими» цифрами. Обратимся теперь к данным палеографии.

Сразу заметим, что нас должен интересовать не унциальный вид греческих букв (давший форму современным заглавным) — он по чисто стилистическим свойствам (прямолинейность, геометрическая правильность, каждая буква вписывается в квадрат) не мог быть воспринят арабами, — а скорописный, курсивный. Это — деловое письмо, обычное для папируса и в интересующее нас время распространяющееся на пергамен.

В левой графе табл. 2 приведены обычные способы начертания девяти интересующих нас греческих курсивных букв в VII—XI вв.²¹ В остальных графах изображены наиболее характерные «арабские» цифры в средневековой Европе, в Индии и у западных арабов, а также восточноарабские цифры и цифры в санскрите.²²

²⁰ См.: K. Vogel. Buchstabenrechnung und indische Ziffern in Byzanz. — Akten des XI. internationalen Byzantinistenkongresses München 1958. München, 1960, стр. 661.

²¹ Однажды появившись, курсив, минускул, мало потом изменялся (почти неизменным он сохранился до сих пор в греческих типографских строчных буквах). Широкий диапазон времени здесь взят, чтобы дать большее разнообразие форм букв.

²² При изображении греческих букв я руководствовался следующими книгами: V. Gardthausen. Griechische Palaeographie. Zweite Auflage. Leipzig, 1911, Taf. 46, 7; E. Thompson. An Introduction to Greek and Latin Palaeography Oxford, 1912, стр. 194; André Bataille. Les papyrus. Paris, 1955, Appendice III. Для изображения цифр использованы данные, приводимые Смитом и Карпинским

Прокомментируем табл. 2.

1. Йота писалась как более или менее вертикальная палочка с одним или двумя (входным и выходным) соединительными хвостиками или без них; иногда входной соединительный хвостик заворачивался в колечко. Все эти варианты написания йоты мы находим среди «индо-арабских» единиц.

2. Альфа изображалась как петля с входным верхним и выходным нижним концами, обращенными направо, или иначе — похоже на то, как мы сейчас пишем от руки букву «а», иногда — похоже на «и» или на «я». Основой для цифры 2 мог послужить любой из этих способов написания альфы. Здесь уместно напомнить, что для вычислений на таблице-абаке цифры изображались на жетонах или из чего-либо вырезались (сам Герберт, к примеру, употреблял цифры в виде роговых фигурок); естественно, что и фигурка и жетон могли быть положены на бок или «вверх ногами», а фигурка — даже на другой бок (зеркальное отражение). Эти вариации отразились и в рукописях.

1	α	1
2	β	α
3	γ	β
4	δ	γ
5	ϵ	δ
6	ζ	ϵ
7	η	ζ
8	θ	η
9	ι	θ
10	1	10

Табл. 1.

3. Дукт (направление движения пера при написании) беты был тот же, что и при написании современной цифры 3, причем письмо могло начинаться с вертикальной линии, отличающей бету от цифры 3 (снизу вверх), или заканчиваться ею (тоже снизу вверх). Часто эта линия лишь намечалась. Кроме того, бета могла быть изображена совершенно как наша буква «и». Сохранились образцы средневековой цифры 3 и того и другого типа.

4. Все формы средневековой четверки (за исключением, разве, типа «В») прекрасно объясняются формами греческой гаммы. Комментарии здесь излишни.

5. В VI в. появился новый способ написания дельты — с хвостом вверх, несколько похоже на то, как мы пишем строчную «б». Однако еще в VII в. такая дельта сосуществовала в курсиве с дельтой старого, унциального, идущего от треугольника типа, изображавшейся как полукружие слева с наклонной прямой линией справа. Кстати сказать, новый облик дельты развился из этого старого: хвост появился вследствие безостановочного перехода пера от нижнего конца полукружия влево-вверх и затем возвращения рядом по прямой вниз-вправо; здесь линия либо обрывалась, либо несколько изгибалась для перехода в следующую букву. Средневековая цифра 5 отразила оба эти способа написания дельты, сосуществовавшие в VII в., причем первый тип — дуга с «крышкой» (крышка часто «съезжает») — сначала преобладал. От этого типа, по-видимому, произошла восточноарабская пятерка.

6. Эпсилон, схожий с шестеркой, появился в VI в. и, сосуществуя с эпсилоном старого типа (полукружие с горизонтальным «язычком»), широко был распространен в курсиве IX—XI вв. Примечательно, что цифра 6 изображалась иногда подобно нашей рукописной заглавной букве «Е».

7. Основной отличительный элемент дзеты — угол, образуемый верхней горизонтальной линией и идущей от ее правого конца вниз и влево

(D. E. Smith and L. Ch. Karpinski. The Hindu-arabic Numerals, стр. 48, 49, 88, 140—148) и Пру (M. Prou. Manuel de paléographie latine et française. Paris, 1910, стр. 289).

наклошной. Обе эти линии могут слегка изгибаться или даже плавно переходить одна в другую. У нижнего конца наклонной линии обычен хвост, очерк и длина которого бывают самыми разными. Чтобы стать цифрой 7, дзете нужно было только утратить хвост.

8. Скорописная буква эта несколько похожа на современную скорописную букву *h*. Петля сверху левой вертикальной линии может быть повернута в другую сторону, бывает не замкнута и может вовсе отсутствовать. Переход от вертикальной линии к наклонной бывает и острым (как в *h*), и плавным (как в *u*). В целом буква эта похожа на разомкнутую и

	Греческие буквы в VII-XI вв.	„Арабские“ цифры в Европе X-XV вв.	„Арабские“ цифры Индии X-XV вв.	Западноарабские цифры („зубар“)	Восточноарабские цифры	Цифры в санскрите
1	ϛϛϛιϛ	1 1 1 1 1 1 1	- 1 1 1 1 1 1 1	1 1 1	1	१
2	αααααα	2 2 2 2 2 2 2	2 2 2 2 2 2 2	2 2 2 2 2	2	२
3	ΒΒΒΒββ	3 3 3 3 3 3 3	3 3 3 3 3 3 3	3 3 3 3 3	3	३
4	γγγγγγ	4 4 4 4 4 4 4	4 4 4 4 4 4 4	4 4 4 4 4	4	४
5	ΔΔΔΔδδ	5 5 5 5 5 5 5	5 5 5 5 5 5 5	5 5 5 5 5	5	५
6	ϛϛϛϛϛϛ	6 6 6 6 6 6 6	6 6 6 6 6 6 6	6 6 6 6 6	6	६
7	ζζζζζζ	7 7 7 7 7 7 7	7 7 7 7 7 7 7	7 7 7 7 7	7	७
8	ηηηηηη	8 8 8 8 8 8 8	8 8 8 8 8 8 8	8 8 8 8 8	8	८
9	θθθθθθ	9 9 9 9 9 9 9	9 9 9 9 9 9 9	9 9 9 9 9	9	९
0		0 0 0 0 0 0 0	0 0 0 0 0 0 0	0 0 0 0 0	0	०

Табл. 2.

слегка наклоненную влево восьмерку. Цифрой 8 оказалась, на мой взгляд, эта типа *h* с петлей сверху с доведенной до конца графической тенденцией. Но некоторые средневековые разновидности этой цифры восходят, по-видимому, к эте типа *h* без петли (в санскрите, восточноарабского типа и некоторые индийские).

9. Способ написания тэты как девятки (причем направление письма идет снизу вверх) весьма и весьма обычен в греческой скорописи. С другой стороны, цифра 9 тоже долгое время писалась одним взмахом снизу вверх.

Никто не мог заботиться о сохранении подобия «индо-арабских» цифр греческим буквам, и потому сходство в начертании этих цифр и греческих букв может служить ярким примером живучести графических традиций. Дожившей до наших дней «памятью» о вертикальной линии беты объясняется, вероятно, тенденция или возможность ставить коротенькую вертикальную палочку у верхнего конца цифры 3, а «памятью» о хвосте дзеты — возможность перечеркнуть косую линию цифры 7.

В завоеванной арабами Передней Азии центрами греческой образованности оставались христианские монастыри, по большей части сирийские.

В столице халифата Омейядов, Дамаске, сильно было влияние сирийской интеллигенции, прекрасно знакомой с греческой культурой, — достаточно вспомнить знаменитого христианского богослова Иоанна Дамаскина, ведавшего до ухода в монастырь финансами арабского государства. Христиане-сирийцы со временем стали наиболее выдающимися переводчиками греческих математических сочинений на арабский язык. С другой стороны, сирийцам, для которых греческая алфавитная цифирь не была настолько привычной, настолько «своей», чтобы казаться неприкосновенной, легче было проделать над ней операцию введения ноля, чем самим грекам. Первое упоминание счета с помощью девяти знаков вышло, как мы видели, именно из сирийско-христианской среды и принадлежит второй половине VII в. Любопытно, что монофизит Север Себокт не представлял, что упоминаемые им девять знаков, о которых он слышал, кажется, лишь краем уха, могут восходить к начальным буквам языка тех самых греков, культурную монополию которых он старался оспорить.

Арабские отряды проникли к границам Индии уже в середине VII в. Вернувшиеся солдаты принесли рассказы о чудесах далекой восточной страны; вероятно, возникшей «модой» на Индию и можно объяснить то, что новую, едва появившуюся систему счисления, превосходящую удобствами все дотоле известные, сочли индийской. Но, по-видимому, она была создана каким-то христианином-сирийцем. Причины, по которым автор и место изобретения не обрели широкой известности, могло быть очень много (могла играть роль и монашеская скромность автора).

В начале VIII в. Синд, область нижнего Инда, был присоединен к халифату. Одновременно с этим мусульманские купцы стали хозяевами — и хозяевами очень энергичными (вспомним персонажей «Тысячи и одной ночи») — восточных сухопутных и морских торговых путей вплоть до Китая. Так что уже в это время ноль и девять новых цифр легко могли быть занесены в Индию.

В середине того же VIII в. правителей халифата, Омейядов, свергли, как известно, Аббасиды. Новая правящая династия покинула сирийский Дамаск и перенесла свою резиденцию на восток. В заново выстроенной на персидской земле столице, в Багдаде, место сирийской интеллигенции, естественно, начала занимать персидская. Багдадскими математиками и был выработан новый, восточноарабский, или персидский, способ написания тех же десяти цифровых знаков.

Арабская Испания при Омейядах была тесно связана с Сирией. Сразу же после династического переворота Испания отделилась от халифата. Приток на Пиренейский полуостров беглецов от Аббасидов усилил сирийские черты и даже создал особые «сирийские традиции» в культуре Испании. Таким образом, западные арабы, как и индусы, остались при старом, первоначальном, более близком к греческим буквам облике новых цифр (и этим разрешается недоумение, которое вызывает у ученых тот факт, что восточноарабские цифры дальше от индийских, чем западноарабские).

В конце X в. исмаилитские миссионеры, придя из Египта в Среднюю Азию, познакомили с восточноарабскими цифрами и научили счету с помощью ноля мальчика-бухарца Ибн-Сину (Авиценну), о чем тот и написал впоследствии в своей автобиографии.²³ «Без этой точной информации, — восклицает современный ученый, — никто бы не подумал, что индийское влияние достигло Бухары через Египет!».²⁴

²³ См.: альманах «Литературный Таджикистан», вып. V, Сталинабад, 1953.

²⁴ О. Нейгебауер. Точные науки в древности. Пер. с немецкого. М., 1968, стр. 39.

В том же X в., одновременно с переносом восточноарабских цифр с Ближнего Востока в Среднюю Азию, западноарабские цифры из Испании были перенесены в христианскую Западную Европу, откуда спустя века проникли и в Россию.

Таким образом, мне кажется, есть основания полагать, что обе системы счисления, со временем и разными путями одна за другой пришедшие на Русь (алфавитная «допетровская» и «послепетровская» «арабская»), восходят к одному и тому же источнику — к греческому алфавиту.

Что же касается самих греков, то, хотя новый способ счисления и новые цифры (с названием индийских, иногда персидских) были известны ученым Византии, сколько-нибудь широкого распространения они там не получили.²⁵

---

* ²⁵ См.: P. Tannery. 1) La scholie du moine Néophytos sur les chiffres hindous. — Mémoires scientifiques, IV. Sciences exactes chez les byzantines. Toulouse—Paris, 1920, стр 20—26; 2) Les chiffres arabes dans les manuscrits grecs. Там же, стр 199—205; K Vogel Buchstabenrechnung und indische Ziffern in Byzanz, стр 660—664

В. И. МАЛЫШЕВ

Возможны ли еще рукописные находки в Усть-Цилемском районе Коми АССР?

Усть-Цилемский район! Сколько раз за последние два десятилетия упоминался он в отчетах об археографических экспедициях. Поистине неисчерпаемым источником для собирателей оказался этот край. Можно без преувеличения сказать, что ни один район нашей страны не дал в наше время столько рукописных находок. Как неправ и поспешен был поэтому в выводах Н. Е. Ончуков, посетивший Усть-Цильму в 1901—1902 гг., когда он писал, что ценных в научном отношении рукописей на Печоре нет.¹ Между тем, как теперь стало ясно благодаря поискам советских археографов, Усть-Цилемский край во времена Ончукова представлял собой огромный кладезь письменной и печатной старины. В нем вовсю еще процветало книгописание, тогда как в большинстве других районов страны оно уже было на исходе.

На Усть-Цилемский край, как на богатейшее хранилище старинного рукописного материала, обратил внимание еще С. В. Максимов в 1856 г., отметивший, что рукописные книги здесь встречаются почти в каждом доме.² Однако отдаленность, труднодоступность края в то время отталкивали от него собирателей. Была и другая, главная причина долгой живучести местной рукописной книжной традиции и сохранения в районе письменной и печатной старины. Это сильный консерватизм местного старообрядчества, державший еще в начале XX в. сознание большинства жителей на уровне допетровской Руси. Отдаленность края помогала старообрядцам дольше и крепче цепляться за свои вековые устои.

Это обстоятельство и отчасти ошибочное заключение Н. Е. Ончукова надолго оторвали от данного края археографов. Но благодаря этому в нем сохранилось до наших дней так много письменной и печатной старины, частично нашедшей ныне место в Пушкинском доме. К сожалению, многие очень ценные рукописи, которые встречали на Печоре С. В. Максимов и Н. Е. Ончуков, не дошли до нас. Немало рукописного материала, и притом весьма интересного, погибло из-за невежества его владельцев и по другим причинам, даже в наше время.

Но не об этом пойдет здесь речь. Нас интересует сейчас другой вопрос. Возможны ли еще рукописные находки в Усть-Цилемском районе, не все ли отсюда уже вывезено?

¹ Н. Е. Ончуков. Печорская старина. — ИОРЯС, т. X, СПб., 1905, кн. 2, стр. 339.

² С. В. Максимов, Собрание сочинений, т. IX, СПб., 6 г., стр. 342; т. XX, стр. 148.

Ни один район нашей страны не подвергался за последние два десятилетия такому широкому и планомерному обследованию, как Усть-Цилемский. Систематическое собирание рукописей в нем началось по существу еще в конце 30-х годов. С 1949 г. он находится под пристальным вниманием Сектора древнерусской литературы Пушкинского дома. Начиная с этого года в нем побывало 12 секторских экспедиций. Были обследованы все селения, включая и маленькие деревушки и выселки, имеющие по 2—3 дома. Не была оставлена без внимания даже такая деревня, как Омелино, находящаяся в глухой тайге и уже более 40 лет покинутая населением: отсюда было доставлено более десятка рукописных книг XVI—XIX вв. Многие селения обследовались по нескольку раз.

В Усть-Цилемском районе было собрано свыше 600 рукописей XV—XX вв. и несколько десятков старопечатных книг XVI—XX вв. Сейчас эти рукописи составляют основу Печорского собрания (самого крупного в Институте). На 1 ноября 1969 г. оно насчитывало 792 рукописных книги. Найденные в районе разнообразные рукописные материалы (исторические и литературные произведения, крестьянские письма, дневники и т. д.) оказались очень ценными для историка русской культуры и в особенности для исследователей культуры и быта населения местного края. Они по-новому, в более благоприятном свете представили уровень знаний и интересы усть-цилемцев и дали возможность выдвинуть Усть-Цильму в число оригинальных культурных очагов прошлого Русского Севера, со своей, своеобразной книжной традицией.³

Как видим, Усть-Цилемскому району было уделено немалое внимание, немало было собрано в нем рукописных книг. После этого, казалось бы, рассчитывать на новые находки не приходится. Однако, как показали поездки автора в этот район в 1966—1968 гг., положение оказывается другим. Усть-Цилемский район еще раз продемонстрировал, что рукописные материалы в нем все еще есть, показал также, что нельзя никогда поручиться за то (даже после нескольких, старательно проведенных экспедиций), что все уже выявлено и вывезено. Да и как на это можно надеяться, если одни жители Усть-Цильмы (да и других районов страны) все еще читают эти рукописи, а другие их односельчане настолько равнодушны к ним, что часто не знают, где они у них хранятся, с трудом вспоминают о них.

Однако вернемся к результатам поездок 1966—1968 гг. Они весьма показательны. Оговоримся, что поиски в 1966 г. продолжались всего пять дней. Следовательно, можно считать, что было всего две командировки, продолжительностью по 25 дней (в 1967 — 20 дней, в 1968 г. — 25 дней).

Так вот, за это время было собрано 130 рукописных книг XVII—XX вв. в самой Усть-Цильме, в соседних с ней деревнях и в некоторых селениях по рекам Пижме и Цильме. Большинство найденных рукописей — это произведения литературного и исторического содержания.⁴ Большая часть их была получена от известных уже нам грамотеев, остальная часть — от совершенно новых для нас лиц. Первые, как теперь выяснилось, не показывали нам эти рукописи во время прошлых наших посещений их. К другим владельцам они поступили в недавнее время. Как и в прошлые поездки, наибольшее количество найденного рукописного

³ Характеристику усть-цилемской письменности, литературу о ней смотрите в работах: В. И. Малышев 1) Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; 2) Древнерусские рукописи Пушкинского дома. М.—Л., 1965, и др.

⁴ Краткие сведения об этих рукописях смотрите: В. И. Малышев, Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Русская литература, 1967, № 1, стр. 195; 1968, № 2, стр. 202; 1969, № 2, стр. 120—121.

материала падает на долю Усть-Цильмы. В ней были разысканы и самые интересные вещи (сборники начала XVII в. с русскими житиями, сборник сочинений Аввакума, Пролог начала XVII в. и др.).

Кроме того, в эти три поездки выявлено более двух десятков рукописей XVII—XIX вв., заслуживающих внимания, но владельцы которых не пожелали с ними расстаться. Вот наиболее интересные из этих рукописей:

Часовник, XVII в., в 8-ку, с интересными записями и пометами.

Сборник, XVIII в., в 4-ку, поморской работы. Содержит повести и сказания патеричного и проложного характера, слова и поучения отцов и учителей церкви, апокрифы и др.

Сборник, XVIII в., в 8-ку. Содержит Повесть (житие) о Григории папе, житие Филарета Милостивого, слова и поучения Иоанна Златоуста и др.

Житие (с чудесами) Андрея Юродивого (Царьградского), три списка XVIII—XIX вв., в 4-ку, два поморского письма, с заставками в красках и золоте.

Сборник, XVIII в. (конец), в 8-ку, поморского письма. Содержит отрывок из письма инока Авраамия боярыне Морозовой, отрывки (вступление и первая беседа) из Книги бесед протопопа Аввакума, челобитную (пятую) Аввакума царю Алексею Михайловичу и житие инока Корнилия.

Сборник, XVIII в., в 4-ку, поморского письма. Содержит житие и чудеса Александра Свирского, житие Иоанна Богослова, слова и поучения.

Сборник, XIX в. (первая четверть), в лист. Содержит слова, поучения, повести, сочинения Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Симеона Суздальца, память Кириллу Белозерскому и др.

Сборник, XIX в. (конец), в 4-ку, полуустав. Содержит повести из Патерика и Великого Зеркала, иллюстрированные 23 миниатюрами в красках.

Сборник, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, написан И. С. Мяндиным. Содержит повести об Аггее, Акире, повести и слова из Патерика, Великого Зеркала и других книг.

Сборник, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, полуустав. Содержит повесть о Григории папе, 12 снов Шахаиши (Мамера), слова и поучения отцов и учителей церкви и др.

Сборник, XIX в. (конец), в 4-ку, печорского письма. Содержит Иерусалимский свиток, Сон богородицы, Пчелу, стих о Борисе и Глебе и др.

Сборник, XIX в. (70—80-е годы), в 4-ку, написан И. С. Мяндиным. Содержит Повесть («Чудо») о царевне Персике (текст отличен от известных), повести о царице Динаре, Табаке, об образе-убрусце и о хитролюбивом купце, жития Антония Римлянина, Варлаама Хутынского, Иосифа Волоколамского, Кирилла Белозерского, апокрифы (Макариево видение, Павлова епистолия и др.), памяти, службы, слова на перенесение мощей (Зосимы и Савватия соловецких, Иоанна и Прокопия устюжских и др.), поучения Кирилла мниха, переводные жития и др.⁵

Помимо этого, нам известно еще около двух десятков рукописных книг XVIII—XIX вв. литературного и исторического содержания, обнаруженных в прошлые поездки, владельцы которых пока также держат их при себе. Названия этих рукописей сообщались в предыдущих наших отчетах. Далее, в Усть-Цилемском районе имеется значительное количество цер-

⁵ Умышленно не называем адреса владельцев рукописей, так как за последние годы Усть-Цилемский район непрерывно подвергается налетам «любителей» старины, сбিরующих в свои личные собрания рукописи, иконы и другие предметы древности.

ковно-служебной рукописной литературы, в основном в копиях XIX—XX вв. (списки XVI—XVIII вв. теперь редки, но могут встретиться). Многие из поздних рукописей переписаны И. С. Мяндиным, меньше — А. М. Бажуковым. Основным достоинством всей этой продукции является то, что почти вся она плод местной переписки, наследие широкой деятельности усть-цилемских писцов.

Наряду с рукописной книгой в районе сохранилось немало старопечатных книг, хотя и их за последние годы повывезли отсюда в хранилища Ленинграда. Это главным образом издания старообрядческих типографий 1906—1917 гг. Впрочем, нередко еще можно встретить книги почтаевской, гродненской, виленской и супрасльской типографий XVIII—XIX вв., а также даже «патриарший» книги XVII в. В 1968 г. Библиотека Ленинградского университета приобрела здесь более двадцати книг XVII в. и два издания Ивана Федорова (Львовский апостол 1574 г. и новый завет с псалтырью, Острог 1580 г.). У книголюбов Усть-Цильмы и Пижмы имеются Заблудовское Евангелие 1569 г. и Львовский апостол 1574 г. Ивана Федорова. Триодь 1592 г. и Апостол 1597 г. Таким образом, даже издания XVI в. еще можно найти в Усть-Цилемском районе.

Среди старообрядческой печатной продукции XX в. особый интерес представляют издания литературных и исторических произведений. В большинстве своем они выполнены по спискам, которые в настоящее время не сохранились. Поэтому эти издания ныне приобрели значение первоисточников. Да и сами по себе они ныне стали настолько редки, что отсутствуют даже в некоторых наших центральных книгохранилищах. Это лицевые повести о Петре и Февронии, боярыне Морозовой, о 12 снах Шахаиши (Мамера), Прения живота и смерти, Повесть о страданиях соловедских Семена Денисова, История Выговской пустыни Ивана Филиппова, сборники духовных стихов и др. Вся эта печатная и рукописная литература до сих пор еще в ходу у старообрядцев старшего поколения.

Таким образом, приведенные примеры показывают, что Усть-Цилемский район все еще богат письменной и печатной стариной, хотя уже и требуются некоторые уточнения о его богатствах.

В каких же местах района, на мой взгляд, еще возможны, а в каких уже не возможны интересные находки? Прошу, однако, полностью не полагаться на мои выводы, а проверять их, помня необычные условия хранения рукописей на местах. Не следует также забывать постоянную миграцию рукописей.

Так, уже не дадут, по-моему, хороших результатов поиски в таких селениях по реке Цильме, как Рочево и Трусово. Здесь уже давно не попадались интересные рукописи. Три других цилемских деревни — Филиппово, Мыла и Номбур — надо проверить еще раз. Нельзя уже совсем, по-видимому, рассчитывать на приобретения в селениях, находящихся вниз по Печоре от Усть-Цильмы — это Алехино, Высокая Гора, Кониных, Роштинский Ручей. Под вопросом оставляю Сергееву-Щелью. Более осторожно относиться ко всем нерецким деревушкам (в них бывали по одному разу), а также к селениям, расположенным вниз по Печоре от устья Неречи. Последние надо еще раз тщательно проверить, чтобы иметь о них более определенное суждение. Нет рукописного материала в деревнях Мыза и Уег, мало, почти нет надежд на находки в селениях Чукчино, Карахино и Коровий Ручей. Бесплезно искать на Замшевом заводе и в деревне на Бору. В таких пинежских деревнях, как Боровская, Верховская, Никонновская, Степановская, Чуркинская, ничего, пожалуй, уже не найдется интересного, разве случайно могут оказаться одна-две рукописи, попавшие сюда к местным грамотеям в последние годы.

Следует отметить, что во всех этих селениях имеются люди, читающие по-славянски. Отдельные из них исполняют роль наставников и совершают христианские обряды (крестят, исповедуют, причащают, отпевают и т. д.). У этих людей есть, конечно, старопечатные богослужебные книги (встречаются даже издания XVII в.) и рукописи (попадались дважды XVII в.), используемые ими в религиозно-служебной практике. Кроме того, у них встречаются учительные сборники XVIII—XIX вв., тетрадки с духовными стихами, чаще собственной переписки, но все это малоценное (сборники они читают, а стихи поют). Такие же рукописи и книги можно найти здесь и у рядовых старообрядцев пожилого возраста, знающих славянский язык. Ко всем этим лицам могут поступить рукописи и книги из самых разных мест района. На Печоре (да и не только на Печоре) среди старообрядцев существует такой обычай: после смерти владельца библиотеки книги раздаются или рассылаются по грамотным старикам и старушкам. Нам этот хороший обычай часто усложняет поиски нужных рукописей.

Где же в Усть-Цилемском районе, в каких местах еще можно рассчитывать на приобретение ценных рукописей?

Неплохие еще встречаются в пижемских селениях Замежное, Скитская и, возможно, еще найдутся в деревне Загрявочной. Два первых селения каждый раз радуют находками. В Замежном, в одном доме, есть, по-видимому, несколько очень хороших рукописей и старопечатных книг (не исключено, что и XVI в.), но владельцы не показывают свое собрание. В селе Карпушовке, близ Усть-Цильмы, находится более десятка рукописных книг XVII—XIX вв. литературного и исторического содержания, в том числе несколько лицевых (с иллюстрациями к повестям из Великого зеркала и к эсхатологическим сочинениям). В соседней деревне Гареве также имеются рукописи. Возможны находки в деревнях Хабариха и Крестовка.

Может еще порадовать и Усть-Цильма. У ее многочисленных грамотеев-старообрядцев хранится немало ценного и интересного. Село до сих пор сохраняет за собой значение центра всего печорского староверства. Замечено, что в руки ее старообрядческих наставников переходят нередко рукописи и старопечатные книги из верховья и низовья Печоры. Большая часть оставшихся ныне в районе рукописей и книг принадлежит усть-цилемцам.

И, наконец, неожиданные находки могут быть даже в тех селениях, которые я отнес к бесперспективным. Находясь возле них, не следует их оставлять без внимания. А вдруг и повезет! Так бывало здесь не раз.

Все сказанное приводит к выводу: рукописи и старопечатные книги в Усть-Цилемском районе есть и он заслуживает посылки в него в ближайшее время (не буду говорить — последней) археографической экспедиции. Однако и после нее работу нельзя будет считать законченной. Если уже будет нецелесообразно пользоваться экспедициями, то поиски следует продолжать в иной форме. Необходимо использовать фольклорные, диалектологические и иные экспедиции, едушие в район, прибегать к помощи местной интеллигенции и сочувствующих археографической работе грамотеев из старообрядцев. Возможны и другие формы связи с Печорой. Институт русской литературы имеет единственное в своем роде собрание печорских рукописей, и, чтобы это собрание стало еще более ценным и полным, оно должно прежде всего пополняться новыми материалами с мест.

А. П. ЖУКОВСКАЯ

Пергаменные рукописи Пушкинского дома

Среди древнерусских рукописей Пушкинского дома¹ имеется семь пергаменных. Все они, кроме одной, вошли в «Предварительный список» славяно-русских рукописей XI—XIV вв.,² где имеют №№ 683, 987, 1163, 1340, 1474, а одна упомянута в примечании 19 на стр. 183. Все рукописи русские.

В следующем далее описании пергаменные рукописи ИРЛИ располагаются в хронологическом порядке.

1 Пролог, XIII—XIV в. (фонд В. Г. Зыкина, оп. 4, № 31) — хорошо сохранившаяся нижняя половина листа (15 × 20,5 см) рукописи, имевшей некогда большой формат (примерно 30 × 22 см) и написанной в два столбца. Пергамен ее плотный, эластичный, не лощеный, а замшеподобный, что редко встречается среди наших пергаменных книг. Пергамен загрязнен, и текст в некоторых местах стерся. Отрывок содержит текст на 6 сентября о Давиде, бывшем предводителе разбойников, ставшем иноком. Предшествует ему конец текста о Фаусте пресвитере и Авиве дьяконе. Можно полагать, что пергаменный отрывок относился не к патерику, а к прологу, в котором патериковые повести располагаются по дням года.

Отрывок написан средним уставом, устойчивым, красивым почерком. Из начертаний букв отметим чащеобразное *ч*; букву *ж*, написанную хотя и в пять приемов, но в большинстве случаев с симметричной верхней частью, занимающей верхнюю треть высоты буквы; перекладыны в буквах горизонтальны (кроме косой у *н*) и расположены в верхней трети высоты букв; нижние петли в буквах нормального размера, округлые; мачта *ѣ* мало выступает из линии строки, коромысло на линии; омега в букве «от» (*Ѡ*) с невысокой серединой и разведенными петлями; *оу* пишется не только в начале слов и после гласных, но и в середине. Правописание архаическое: на месте сильных редуцированных, в том числе и в сочетании с плавными *р* и *л*, пишутся буквы *ѣ* и *ѵ*: льсть, шьдъ, пришьдъ, словесьмъ, тврдо, чьрноризьць, въздржаниѣ, -ѣмь, пьрвоѣ; сюда же, вероятно, надо отнести не уместившееся в столбце слово вьрь[сты]; ср. постановку *ѣ* в положении после плавного (крѣви), а также написание *ѣ* в союзе *нѣ*. На месте слабых редуцированных буквы *ѣ*, *ѵ* отсутствуют, кроме случаев на конце строки; отсутствует *ѣ* в суффиксе *-ѣш-* (*-вѣш-*): обличивше, ударившоу, не вѣровавшо. Отметим написание *избьѣмь*, однако рядом —

¹ См.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965.

² Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно»). — Археографический ежегодник за 1965 г., М., 1966, стр. 177—272.

издыхания. Буква *ѣ* употребляется этимологически правильно, но два раза написано «всьхъ». Имеется описка: хр(с)ти|аны (*н* вместо *и* или *ѣ*).

Отрывок можно датировать концом XIII—началом XIV в., но вероятнее более ранняя дата — конец XIII в.

2. Евангелие краткий апракос, XIII—XIV в. (фонд Отдельные поступления, оп. 25, № 3) — плохо сохранившийся небольшой лист (17 × 13 см), написанный в один столбец. Слева лист оборван, справа обрезан. Текст затек и слинял, читается с трудом. Судя по затемненной полосе, идущей по правому краю листа и вниз, он служил некоторое время обложкой. Отрывок содержит чтения из цикла от пятидесятницы до нового лета: 1) конец воскресенья 9-й недели (Матфей, XIV, 30—34), 2) суббота 10-й недели (Матфей, XVII, 24—XVIII, 4), 3) начало воскресенья 10-й недели (Матфей, XVII, 14—17).

Сохранился инициал *В* с плетением средней сложности. Он представляет собой чернильный контур, частично заполненный киноварью. О наличии других красок по современному состоянию листка судить трудно. Почерк устойчивый, устав. Сигнальная линия в начертаниях букв отсутствует: перекладыны в буквах *и* и *ю* прямые, в *ю* более завышена; в *ѣ* перекладка проходит посередине; нижняя часть буквы *ж* занимает почти всю высоту строки (от верхней сохранились небольшие уски); чаша в *ч* не вполне симметричная, занимает верхнюю треть высоты буквы; петли букв не набухли. Мачта *ѣ* слабо выдается за линию строки, коромысло лежит на уровне строки. Буквы *к* и *а* старых начертаний. Буква *ы* имеет *ѣ* в левой части. Из явлений графики отметим: только двубуквенное *оу*, только йотированное *ю* (якорное лишь в сокращении слова «евангелие», что известно уже древнейшим рукописям). В орфографии обращает внимание слово «кынсь» (Матфей, XVII, 25) с буквой *ы* вместо ожидаемого *и* (ср. «кинсь» в Остромировом евангелии, л. 726, и Мстиславовом, л. 506).

По совокупности палеографических и графических примет можно датировать фрагмент рубежом XIII—XIV вв. Для территориальной локализации рукописи данных недостаточно, но прочтение текста с помощью средств фотоанализа, возможно, позволит сказать о нем больше и точнее.

3. Евангелие полный апракос, XIV в. (фонд Отдельные поступления, оп. 25, № 30) — прекрасно сохранившаяся пергаменная книга объемом 148 лл. (26.5 × 20 см) и с добавленными десятью не имеющими древнего текста бумажными листами. Книга написана некрупным уставом, в два столбца. Переплет кожаный, поздний, XVIII или, возможно, XVII в. Текст написан двумя писцами. Граница работы их проходит между лл. 10 и 11 по современной нумерации. Имеется миниатюра (Иоани на острове Патмос с Прохором), пространные записи на которой принадлежат третьему писцу. На некоторых листах имеются светские приписки. Многочисленные примеры «нового *ѣ*», смещение *в* и *оу* в предлоге *въ* и в начале слов, единичные написания типа *ижченоуть* свидетельствуют о происхождении рукописи из юго-западных областей Руси.³

4. Апостол полный апракос, XIV в. (собр. И. М. Пухальского, оп. 28, № 1) — отрывок из 6 листов (28. 5 × 22 см), составляющих три двойных листа, написанных уставом в два столбца по 27 строк. Текст идет без перебоев, хорошо сохранился. Лишь на л. 2 внизу вырвана полоска пергамена, а на лл. 3—6 имеются круглые и овальные дыры естественного происхождения.

³ Подробнее см.: Л. П. Жуковская. Пергаменная рукопись XIV в. из собрания Пушкинского дома (новое приобретение). — ТОДРА, т. XXIII. М.—Л., 1968, стр. 305—311.

Редакция текста так называемая «древнерусская». Рукопись содержит конец чтения на среду 31-й недели (начинающийся текстом соборного послания Иакова, IV, 3—6), четверг 31-й недели (то же, IV, 7—V, 9), пятницу 31-й недели (I соборное послание Петра, I, 1—2, 10—II, 10, а не I, 1—2, 10—12, II, 6—10!), субботу 32-й недели (I послание Павла к фессалоникийцам, V, 14—23), воскресенье 32-й недели (I послание Павла к Тимофею, VI, 11—16, а не IV, 9—15, как указывается в синодальных изданиях XIX—XX вв.) и далее с понедельника 32-й по вторник 33-й недели, чтение которого обрывается текстом II соборного послания Петра, II, 9—10.

Названия дней, обозначения недель и краткие сведения об апостольских чтениях написаны киноварью. Чернила коричневые с красноватым оттенком. Контуры инициалов выполнены киноварью, обрамлены гребнями, просветы заполнены слабой охрой. Почерк — вытянутый некрупный устав XIV в. Буква *ѣ* с высоко выступающей в междустрочное пространство мачтой, коромысло ее на уровне строки. Перекладины у всех букв завышены. Буква *ж* симметричная, но с ничтожно малой головкой. Буква *ы* имеет *ѣ* в левой части. В середине слов пишется *у* (не *оу*). Все переносы оканчиваются буквами гласных. Диалектных черт не отмечено. На л. 66 ошибочно указана 83-я неделя вместо 33-й. Рукопись может быть датирована второй половиной XIV в.

5. Служебная (?) минея, XIV в. (собр. Пинежское, оп. 17, № 192) — отрывок (один двойной лист, размером 25,5 × 18 см каждый лист). Написан средним уставом, переходящим в полуустав. Буквы квадратные, широко расставлены. Почерк устойчивый. Выцветшие от сырости чернила слиняли, а лист потемнел. Хуже всего сохранилась лицевая сторона л. 1. Здесь читаем обозначающую число букву *к* и слова: *огньн. . пррка ильи*. На обороте помещен текст, который частично находим под 20 июля на л. 59—59 об. служебной минеи XIV в. из собр. Ундольского в ГБЛ (ф. 310, № 1205).

Сохранилась киноварь, которой выполнены малые инициалы и первые буквы в заголовках. Буква *ч* односторонняя; *з* с сильно вытянутым хвостом и *з*-образной головкой; *ж* несимметричное; перекладины у букв лежат в верхней трети высоты букв, причем перекладина в *ю* косая, не совпадает с язычком; хвосты в *ц* и *щ* не спускаются вертикально, а резко повернуты к началу строки. Правописание русское. Рукопись, возможно, конца XIV в., но еще без следов второго южнославянского влияния.

6. Составная рукопись, XIV—XV и XVIII вв. (собр. Карельское, оп. 7, № 476) — содержит 235 лл. пергамента и бумаги (21 × 16 см), из них лл. 1—13 и 223—235 чистые, бумажные, а лл. 14—104 пергаменные. В рукописи есть утраченные листы. Она очень стянута в корешке, на тетради по листам делится так: 14—21, 22—29, 30—35 (из середины тетради утрачен один двойной лист), 36—43, 44 и 45, 46—49, 50—55, 56—61, 62—69, 70—77, 78—85, 86—92, 93 и 94, 95 и 96, 97 и 98, 99—103, 104. Далее следует приплетенная бумажная рукопись XVIII в., занимающая лл. 105—222.

Часть рукописи, написанная на пергамене, состоит из трех не имеющих начала и конца богослужебных книг XIV—XV вв., причем вторая из них представляется менее древней. Первая (лл. 15—49), видимо, является окончанием следованной псалтыри, в которой лл. 37—49 содержат службы из часослова (ту же последовательность их находим, например, в часослове ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 351, но в последнем их больше, и по тексту и языку они принадлежат иной, более новой редакции). Вторая книга (лл. 50—98) может быть принята за праздничную

минею, однако по сравнению с более поздними минеями ГБЛ в ней содержится меньшее количество текстов на каждый праздник и иногда в иной последовательности (ср., например, службу на 6 августа и на 14 сентября в минеях ГБЛ: ф. 256, собр. Н. П. Румянцева, №№ 277 и 278, а также минею из ф. 304, собр. Троице-Сергиевской лавры, № 32). Однако то обстоятельство, что в описываемой рукописи службы на праздники августа (Преображение, Успение богородицы — лл. 72в—84б) предшествуют памятным датам сентября (и это не может быть объяснено неправильным переплетением листов: стык на л. 84—84 об.), а также наличие в ней служб не только астрономического, но и церковного года (служба на фомину неделю на л. 72в непосредственно предшествует службе 6 августа!), позволяют квалифицировать эту часть рукописи как своеобразный сборник избранных служб, составленный для какой-то бедной провинциальной церкви и включавший лишь самые необходимые тексты. Третья часть рукописи (лл. 99—104) когда-то была большего формата, ибо при обрезке верхнего поля листов местами почти полностью срезаны буквы первой строки. Содержит она канон «за упокой» (с л. 99) и «правил стго причащенья» (с л. 101).

В «Предварительном списке» рукопись обозначена как «сборник, состоящий из 5 богослужебных рукописей (в том числе псалтырь, евангелие, жития святых XIV—XV вв.).⁴ В действительности, в книге имеются лишь отдельные чтения из евангелия и апостола, входящие в состав соответствующих церковных служб и перемежающиеся различными песнопениями, а житий святых нет вообще.⁵

По почеркам рукопись делится, по крайней мере, так: 15—26в, 26в—27а, 27а—49в, 49г, 50—98, 99—103, 104. Возможно, что в написании лл. 50—98 принимал участие не один писец, так как лл. 50—55 и 86—98 разлинованы в один столбец, а лл. 56—85 — в два, но почерки и графические приемы здесь сходны.

Палеографический интерес представляет не типичная для древней Руси двойная разлиновка на лл. 22—49, где проведена не только нижняя, но и верхняя линия строки, ограничивающая высоту букв. Разлиновка выполнена неумело: расстояние между линиями колеблется (например, на л. 34 об. от 8 до 4 мм), но писец и в этих случаях точно заполняет расстояние между линиями, вследствие чего мелкие и крупные буквы сосуществуют в одном и том же типе текста на одном и том же столбце.

Составные части рукописи написаны, вероятно, в псковской языковой области или же несколько юго-западнее. В написаниях здесь широко отражены диалектные и общерусские языковые процессы, характеризующие живой язык писцов.

Так, во всех частях рукописи обильны случаи цоканья, причем примеры с ц вместо ч встречаются много чаще, чем с ч вместо ц. Буквы ъ и е смешиваются не только в морфологических формах, но и в корнях слов в разных позициях; единичные примеры смещения ъ и и допускают нефонетическое объяснение. Многочисленны написания *-ерь-*, *-ерь-*, *-оль-* между

⁴ См.: Археографический ежегодник за 1965 г., стр. 270. Отметим попутно, что дата «начало XVII в.» в применении к Опровержению Челобитной Никиты Пусто-свята, которая сама была написана в 1660-е годы, ошибочна.

⁵ Отметим, что ничего вполне адекватного по содержанию среди рукописей ГБЛ нам отыскать не удалось. Трудности, возникающие при определении типа книг такого рода и их составных частей, в значительной степени связаны с тем, что отсутствует полный алфавитный указатель церковных песнопений и служб. Эта трудоемкая работа была выполнена лишь частично около 1878 г. историком церковного пения, профессором Московской консерватории Д. В. Разумовским. В незавершенном виде она хранится в ГБЛ (ф. 380, картон 2, № 3).

согласными на месте старых сочетаний редуцированных перед плавными, что, видимо, следует отнести за счет второго полногласия; встретилось и слово «молонѣ» (л. 27б). Псковизмами (не сербизмами ли?) являются написания е вместо А: стежа (л. 21а), окаменетса (л. 21а), цвѣтъ не уведаючи (л. 36б). Часты примеры употребления ѣ вместо ъ после губных (преимущественно в суффиксах); встречается ѣ и перед j (кровью — л. 51). Эти примеры, а также написание «преобращемъ» (л. 50), «въдолжихъ» (л. 50) (вместо «оудолжихъ» — ?), возможно, являются ранними белорусизмами. Написание «оулавлаше» (л. 59г), — видимо, описка. Отметим случай перехода е в о: обишо|дъше (л. 19г). Написания типа кы и ки сосуществуют. Многочисленны написания, отражающие процессы ассимиляции согласных по твердости—мягкости и звонкости—глухости. Отметим также многочисленные переносы на согласный (даже ми|ою — л. 16аб, источни|и — л. 27в), что, видимо, из русских наиболее присуще псковским рукописям.

За счет второго южнославянского влияния можно отнести неэтимологическое употребление букв ъ и ѣ во второй части рукописи: всь мирь — л. 50, начатокъ — л. 50 об., оугасивъше — л. 50, от адъдовыхъ (!) вратъ — л. 50 об., младѣнць — л. 57в, заповѣдъ — л. 51, и др.; отметим также: во истин — л. 50.

По названию первой утренней песни — «пѣ(с) марѣмь|тны, сестры мосѣевы» (л. 20в), а не «первая утренняя песнь Моисея», как обычно в псалтырях, хранящихся в ГБЛ, — рукопись Пушкинского дома совпадает с толковой псалтырью № 331 из собрания Н. П. Румянцева (ГБЛ, ф. 256), о которой А. Х. Востоков писал: «Перевод сей толковой псалтыри сделан в самой глубокой древности, ибо оный имеется в пергаменных списках XI и XII века»,⁶ сопоставив ее с Евгеньевской псалтырью (ГПБ, Погод., 9). И действительно, лексико-текстологическая сторона рукописи заслуживает не менее пристального изучения, чем ее языковые особенности.⁷

7. Служебная минея на декабрь, видимо, первой половины XV в. — состоит из 9 листов (27. 5 × 19.75 см) и написана полууставом в два столбца по 30 строк (собр. В. Н. Перетца, оп. 13, № 2). Листы хорошо сохранились, но при нумерации были совершенно перепутаны. Последовательность их должна быть: 5, 6, 7, 2, 1, 4, 3, 8, 9 (см. нашу нумерацию карандашом на нижних полях листов). Таким образом, сохранились следовавшие подряд отдельный лист и целая тетрадь из четырех двойных листов.

Текст минеи представляет службу на неделю «святых отец» без начала и конца. По содержанию входящих отрывков и их композиции он близок не древним пергаменным минеям из собраний ГБЛ, а служебной минее XV в. на декабрь из собрания Троице-Сергиевой лавры (ГБЛ, ф. 304) № 32 (см. в ней лл. 1126—122в) и служебной минее XVI в. из собрания Н. П. Румянцева (ГБЛ, ф. 256) № 278 (см. лл. 162 об.—167 об.). В рукописи имеются небольшие киноварные инициалы с орнаментальными отростками, типичные для XV в. Правописание русское, с чертами второго южнославянского влияния. Исправленная на бумажной обложке дата — XIV в., а также дата в «Предварительном списке» — XIV—XV вв. (см. № 1340) неприемлемы.

⁶ А. Х. Востоков Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842, стр. 469.

⁷ Рукопись была кратко и не совсем точно описана в статье: А. П. Капусткин. Четыре рукописные книги из библиотеки Карельского педагогического института. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 628—629

О. В. ТВОРОГОВ

Притчи Варлаама в собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома

Библиографии древнерусских повестей, составленные В. П. Адриановой-Перетц, В. Ф. Покровской и А. А. Назаревским,¹ являются необходимыми пособиями при изучении древнерусской литературы. Но учтенные там материалы требуют постоянного дополнения: со времени выхода в свет названных библиографий в фонды государственных хранилищ поступили тысячи новых рукописей, собранных археографическими экспедициями или приобретенных у коллекционеров. Наша заметка сообщает о списках притч Варлаама (из повести о Варлааме и Иоасафе) в одном из крупнейших новых собраний древнерусских рукописей — собрании Пушкинского дома.

В обзоре этого собрания, составленном В. И. Малышевым, упомянуто 25 сборников, содержащих списки притч.² Кроме того, В. И. Малышев указал нам на два сборника, содержащих притчи, среди рукописей, поступивших в собрание в 1965—1967 гг.

Начиная с XII—XIII вв. притчи Варлаама переписываются отдельно от повести в составе прологов, измарагдов и четврых сборников. В библиографии, составленной В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, упоминается, например, 74 списка притчи «О трех друзьях», 59 списков притчи «О богатых» (или «О временном сем веце»), 14 списков притчи «О богатых и убогих», а также списки притч «О христианском житии», «О житии и смерти» и др.³ Десятки списков притч Варлаама указаны также в библиографии, составленной А. А. Назаревским.⁴

В собрании Пушкинского дома насчитывается 14 списков притчи «О временном сем веце» (или «О богатых»), 12 списков притчи «О трех друзьях», 7 списков притчи «О богатых и убогих», по три списка притч «О житии и смерти» и «О христианском житии» и два — притчи «О еретицех и о идолослужителях». Укажем эти списки.

¹ В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Библиография древнерусской повести, вып. 1. М.—Л., 1940; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955.

² В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965.

³ В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Библиография. . . стр. 50, 51, 60—69.

⁴ А. А. Назаревский. Библиография. . . стр. 70—80.

СПИСКИ ПРИТЧИ «О ВРЕМЕННОМ СЕМ ВЕЦЕ»

СПИСКИ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ⁵

1. «Притча святого Варлаама о временном сем веце». Начало: «Сего света житие человеческое маловременное подобно есть мужу, бегающе от лица беснующагося инорога...». — Собр. Перетца, № 183. Сборник нач. XVIII в., лл. 507 об. — 508.

2. Заглавие и начало как №1. — Собр. Карельское, № 59. Сборник втор. четв. XIX в., лл. 322—324.

3. Заглавие и начало сходно с № 1. — Собр. Перетца, № 637. Сборник XIX в., лл. 468—469 об.

Эта редакция входит в состав выписок из пролога под 19 ноября.

СПИСКИ ПЕРВОГО ВИДА ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ

1. «Слово о богатых, притча от болгарских книг». Начало: «Человек неки хожаше на поле чисте. И не бе на поле том ни леса, ни дебри. Узре грядуща к себе лва с вельбудом и абие печален бысть...». — Собр. Перетца, № 27. Сборник перв. пол. XVI в., лл. 199 об.—201 об.

2. «Притча о богатых от болгарских книг». Начало: «Человек неки хожаше на поле чисте. Бе на поле том ни дебре, ни села. Виде человек тои идуща к себе лва с верблюдом, и абие печален бысть...». — Собр. Перетца, № 75. Сборник кон. XVI в., лл. 190—193.

3. «Приповесть от болгарских книг о богатых». Начало: «Человек некоторый ходил по широкому полю, по которому полю не было ни гор, ни лесу...». — Собр. Перетца, № 143. Сборник 1698 г., лл. 128—130 об.

4. Заглавие как № 2. Начало сходно с № 1, но с перестановкой слов: «ни дебри, ни леса». — Собр. Перетца, № 149. Сборник кон. XVII—нач. XVIII в., лл. 181 об.—184.

5. Заглавие и начало сходно с № 3. — Собр. Перетца, № 163. Сборник XVIII в., лл. 332 об.—324 об.

6. «Притча о богатых и златолюбивых». Начало сходно с № 3. — Собр. Усть-Цилемское, № 67. Сборник третьей четв. XIX в., лл. 54—58 об. Текст притчи содержит ряд индивидуальных чтений.

7. Заглавие и начало сходно с № 3. — Собр. Мезенское, № 31. Цветник нач. XX в., лл. 144—147.

СПИСКИ ВТОРОГО ВИДА ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ⁶

1. «Слово о богатых человецех». Начало: «Бе некии человек богат и хождаше на поле чисте. И узре идуща к себе льва и вельбуда и нача ту печаловатися...». — Собр. Карельское, № 8. Сборник кон. XVII в., лл. 98 об.—101 об.

⁵ Отличие этой редакции от второй не только в «переносе функций с одного символа на другой», как считал А. Н. Всселовский в статье «О славянских редакциях одного аполлага Варлаама и Иоасафа» (СОРЯС, т. XX, СПб., 1879), а в коренном различии основных выводов. В первой редакции — аллегория судьбы всякого человека, не заботящегося о «спасении души»: человек, спасаясь от «инорога» (смерти), попадает на дерево, растущее на склоне рва, на дне которого — «злый и грозный змий» («чрево адово»); дерево грызут две мыши, черная и белая (день и ночь); когда дерево рухнет, гибель человека неминуема. Во второй редакции, спасаясь от льва и вельбуда (смерти и болезни), человек сам прыгает в колодезь (а не падает в ров). Он оказывается на дереве с серебряными листьями, которое также грызут две мыши. Но человек сам ускоряет свою гибель: пытается перепрыгнуть на растущее ниже дерево с золотыми листьями, он срывается и падает на дно, «во злыя оныя скорпия и аспиды». Здесь аллегория судьбы «сребролюбца», с чем связано и название второй редакции — «О богатых».

⁶ В тексте списков второго вида человек назван богатым; он прыгает в колодезь, находящийся на дне рва. Имеются и другие общие отличия от первого вида.

2. Заглавие и начало как № 1 — Собр. Усть-Цилемское, № 14. Сборная рукопись XVIII в., лл. 253 об.—256 об.

СПИСКИ СМЕШАННОГО ВИДА

1. «Слово о богатых человек». Начало: «Бе некто человек богат зело хожаше на поле чисте...». Далее текст сходен с первым видом второй редакции. — Собр. Перетца, № 117. Сборник XVII в., лл. 113—115 об.

2. «Притча о временном житии». Начало: «Человек некий богат бе зело изиде некогда на поле чисто и узре льва и единорога...». — Собр. Причудское, № 23. Сборник кон. XIX в., лл. 67 об.—69 об. Список содержит ряд индивидуальных чтений.

ПРИТЧА «О ТРЕХ ДРУЗЕХ»

СПИСКИ ПЕРВОГО ВИДА

1. «Притча Варлаама старца о трех друзех». После краткого обращения («Послушайте, братие, любящии жития сего красоту...») начало: «Человеку имевшу три други, от них же два убо велми почиташе...». — Собр. Перетца, № 149. Сборник кон. XVII—нач. XVIII в., лл. 177 об.—181 об.

2. Заглавие и начало как № 1. — Собр. Перетца, № 183. Сборник нач. XVIII в., лл. 402—403.

3. Заглавие как № 1. Вступление: «Подобни суть, рече старец, любящии жития сего красоту...». Начало как № 1. — Собр. Перетца, № 163. Сборник XVIII в., лл. 328—330.

СПИСКИ ВТОРОГО ВИДА⁷

1. «Притча святого Варлаама о трех друзех». Начало: «Человек некий имяше три други, двою же любляше и чтяше, а трет(ь)яго небрегоша велми...». — Собр. Перетца, № 47. Измарагд втор. пол. XVI в., лл. 119 об.—121 об.

2. «Слово святого Варлаама о печали житеистей и о милостине». Начало: «Человек некто имея три други, двою любляше и чтяше, а о третьем небрежение имяше велми...». — Собр. Перетца, № 75. Сборник кон. XVI в., лл. 231 об.—234.

3. «Притча святого Варлаама о печали житеистей и о суетном богатстве и о милостыни». Начало сходно с № 2. — Собр. Карельское, № 15. Сборник XVIII в., лл. 355—357 об.

4. Заглавие как № 3. Начало сходно с № 2. — Собр. Карельское, № 24. Сборник XVIII в., лл. 140—142 об.

5. Заглавие как № 3. Начало сходно с № 2. — Собр. Перетца, № 599. Измарагд перв. полов. XIX в., лл. 202 об.—204.

6. Заглавие как № 3. Начало сходно с № 2. — Собр. Карельское, № 67. Сборник XIX в., лл. 18 об.—23 об.

7. «Слово святого Иоанна Златоустаго о милостыни и о любви». Начало: «Человек некто имея три друга у себе, двух велми любляше, а о третьем не радя...». — Собр. Перетца, № 637. Сборник XIX в., лл. 252—258.

8. «Слово святого Варлаама. Притча о трех друзех». Начало сходно

⁷ Первый вид притчи чаще всего входит в проложную статью под 17 апреля, второй — в измарагд второй редакции

с № 1. — Собр. Мезенское, № 31. Цветник нач. XX в., лл. 147—149 об.
 9. Заглавие как № 3. Начало сходно с № 1. — Собр. Мезенское, № 34. Сборник нач. XX в., лл. 290—291 об.

СПИСКИ ПРИТЧИ «О БОГАТЫХ И УБОГИХ»

1. «Святого Варлаама о богатых и убогих». Начало: «Бе некто царь велии и славен...». — Собр. Перетца, № 27. Сборник перв. пол. XVI в., лл. 277—280 об.

2. «Притча святого Варлаама о богатых и убогих». Начало как № 1. — Собр. Перетца, № 183. Сборник нач. XVIII в., лл. 512—513.

3. Заглавие как № 2. Начало: «Бе некий царь велии и славен...». — Отдельные поступления, оп. 24, № 27. Сборник сер. XVIII в., лл. 102—104.

4. Заглавие и начало как № 2. — Собр. Перетца, № 257. Сборник сер. XVIII в., лл. 16 об.—18.

5. Без заглавия (на верхнем поле листа: «Притча святого Варлаама»). Начало: «... сотворити ковчеги четыре...». — Собр. Пинежское, № 187. Листки кон. XVIII в., притча на л. 3—3 об.

6. Заглавие как № 2, начало как № 3. — Собр. Карельское, № 75. Сборник XIX в., лл. 1—10 об.

7. «Повесть о некоем царе, како научи брата своего и вельможь боягися страха божия». Начало: «Бе некий царь вельми славен...». — Собр. Усть-Цилемское, № 67. Сборник третьей четв. XIX в., лл. 221—232 об. В тексте много индивидуальных чтений.

СПИСКИ ПРИТЧИ «О ЖИТИИ И СМЕРТИ»

1. «Притча того же святого Варлаама о житии и о смерти человека». Начало: «Град есть великий некий слышах...». — Собр. Перетца, № 149. Сборник кон. XVII—нач. XVIII в., лл. 231 об.—234 об.

2. «Поучение святого Варлаама о житии и о смерти человека». Начало сходно с № 1. — Собр. Перетца, № 123. Цветник XVII в., лл. 129—133.

3. Заглавие сходно с № 1. Начало как № 1. — Собр. Перетца, № 183. Сборник нач. XVIII в., л. 509—509 об.

СПИСКИ ПРИТЧИ «О ХРИСТИАНСКОМ ЖИТИИ»

1. «Повесть святого Варлаама ко Иоасафу о христианском житии, и о богатстве, и о нищете, и о небесном царствии, и о муце». Начало: «Слышах убо царя некоего бывша зело добресмотряща своего царствия...». — Собр. Перетца, № 149. Сборник кон. XVII—нач. XVIII в., лл. 359 об.—362.

2. Заглавие и начало как № 1. — Собр. Перетца, № 183. Сборник нач. XVIII в., лл. 509 об.—510.

3. Заглавие и начало как № 1. — Собр. Перетца, № 560. Сборник нач. XIX в., лл. 139 об.—142 об.

СПИСКИ ПРИТЧИ «О ЕРЕТИЦЕХ И О ИДОЛОСЛУЖИТЕЛЕХ»

1. «Притча святого Варлаама о еретицех и о идолослужителях». Начало: «Бе человек некий богат имея овец стадо много...». — Собр. Карельское, № 35. Сборник перв. четв. XVIII в., лл. 379—380.

2. Заглавие сходно с № 1. Начало как № 1. — Отдельные поступления, оп. 24, № 27. Сборник середины XVIII в., лл. 105—107.

О. А. БЕЛОБРОВА

Изображение Леонтия из Неаполиса Кипрского в древнерусском рукописном сборнике Пушкинского дома

Среди византийских писателей, чьи сочинения распространялись в древнерусских переводах, известен Леонтий из Неаполиса, иначе называемый Леонтием, епископом Неаполиса Кипрского (590—668 гг.).¹ С именем этого писателя связаны жития Иоанна Милостивого, Симеона юродивого, ряд похвальных и торжественных слов.² В древнерусских переводах указанных житий непременно называлось имя Леонтия как автора. Оно приводилось в единичных списках жития Иоанна Милостивого и Симеона юродивого, а также и в сводных минеях, в частности в макарьевских Великих Минеях четиях XVI в., в состав которых эти жития включались под соответствующей датой.³ Так проявлялось уважение к авторитету признанного греческого писателя. Но интерес к этому автору на Руси не ограничился только его упоминаниями. В одном из рукописных сборников конца XVII—начала XVIII в. собрания В. Н. Перетца мы находим перовой рисунок — попытку создать воображаемый портрет Леонтия из Неаполиса Кипрского.⁴ Это изображение примыкает непосредственно к концовке «Жития Симеона юродивого и Иоанна спостника его»: «Житие же обою (Симеона и Иоанна, — О. Б.), яко же святыми неложными усты Симеоновыми поведано бысть, емесинския църкве диакону Иоанну сиде от тогожде диакона, верно и истинно, поведая великому в отцех Леонтию святому, епископу Неаполя Кипрского. Той же писаную предаде, в ползу чтущих и послушающих, в славу Христа бога нашего, с отцем и святым духом, славимаго ныне и присно и вовеки веков. Аминь».⁵

Сборник № 200 из собрания В. Н. Перетца, в 4-ку, на 166 лл., на бумаге конца XVII в., написан разными почерками. Первые листы (2—13 об.) содержат молитвы и правила, выписанные крупным поздним полу-

¹ К. Кумбачер. *Geschichte der Byzantinischen Litteratur*. München, 1897, стр. 190—192; История Византии, т. I. М., 1967, стр. 433—434; Памятники византийской литературы IV—IX веков М., 1968, стр. 242—243.

² Сергий, архимандрит. *Полный месяцеслов Востока*, т. II. М., 1876, стр. 209—210, 357.

³ Так, под 12 ноября сообщалось про «сказание Леонтия епископа Аноля (Неаполя) Кипрського острова о останце житна святого Иоанна Милостиваго...». Ср.: ВМЧ, ноябрь, дни 1—12, СПб., 1897, столб. 812.

⁴ Впервые об этом изображении упоминает в печати В. И. Малышев. Ср.: В. И. Малышев. *Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов)*. М.—Л., 1965, стр. 173.

⁵ ИРЛИ, разр. IV, оп. 13 (собрание В. Н. Перетца), № 200, л. 104 об. Перовой рисунок с изображением Леонтия из Неаполиса Кипрского находится на л. 105.

уставом; далее следуют Житие Алексея человека божия (лл. 14—32) и «Слово от видения св. апостола Павла», написанные одним почерком — иеродиаконем Феодоритом (ср. запись на л. 32: «Сие житие Алексиа человека божия писано во обители живоначалныя Троицы и преподобнаго отца Александра Свирскаго чудотворца рукою грешною иеродиакона Феодорита 1707-го апреля в 4 де»). Переводное Житие Алексея человека божия отделено рядом мелких статей (в их числе молитвы и «Видение св. Пахомия мниха», на лл. 37 об.—40) от другого, также переводного Жития Симеона юродивого, принадлежащего Леонтию из Неаполиса Кипрского (лл. 41—104 об.). Промежуточные статьи написаны разными лицами, в то время как Житие Симеона, судя по почерку, переписывал тот же Феодорит. Сборник завершается списком жития Александра Свирского, не имеющим конца (лл. 107—165 об.). На л. 107 читается запись: «Книга глаголемая житие преподобнаго отца нашего Александра Свирскаго чудотворца. Трудился многогрешный раб божий некм ишапош 1706 г.». При публикации обзора фондов Пушкинского дома криптограмма этой записи была раскрыта как «писец Петр Иванов».⁶ Почерк писца здесь мелкий, убористый. Судя по различным филиграммам конца XVII в., встречающимся на протяжении всего сборника, в Александро-Свирском монастыре в Петровское время имелся запас разной бумаги.

Переписчик жития Александра Свирского пропустил лл. 126 об. и 127. На этих оставшихся чистыми листах появились рисунки пером с изображением всадников, не имеющие никакого отношения к тексту жития. Несколько раньше, на л. 106 об., читатель сборника впервые встречается с подобным изображением всадника. Эти рисунки сделаны не профессионалом-художником, а каким-то писцом-любителем. Несмотря на несоблюдение пропорций, всадник — например, замахнувшийся насаку саблей, — довольно выразителен; в рисунке много динамики. Две более мелкие фигуры подобных всадников находятся на л. 127, а на л. 126 об. всадник (солдат?) стоит на коне. Эти всадники напоминают народную деревянную резьбу типа богородской — фигуры «седочков», солдат, мужичков, с их обобщенной характеристикой, едва намеченной в деревянных цилиндрических чурках. Перовые рисунки пересечены вертикальными линиями, которыми были разграфлены пустые листы. На л. 106 читаются три разновременные записи, две — не позднее начала XVIII в., третья — владельческая с датой 1761 г., указывающая на то, что книга в середине XVIII в. находилась уже вне Александро-Свирского монастыря.

Рисунок с изображением Леонтия из Неаполиса Кипрского (как и записи на чистых листах, да и изображения всадников) мог быть сделан не сразу после переписки житий. Он появился на свободном от текста листе, но в отличие от фигур всадников был создан в дополнение к тексту жития, что уже отмечалось выше. Манера исполнения (перовой рисунок по жесткой графье) иная, чем в других рисунках данного сборника. Здесь представлен в рост, в профиль немолодой монах в полном облачении архиепископа: в мантии со скрижалями, в белом клобуке, с высоким посохом, с крестом. Рисунок явно принадлежит непрофессионалу: автор не справился с пропорциями при передаче рук, ног, корпуса. Непомерно высокий клобук будто стянул лоб в морщинах; ноги поставлены как у сидящего и т. д. Тем не менее Леонтий из Неаполиса Кипрского изображен в движении и по-своему выразительно. Этот рисунок принадлежит либо читателю сборника, либо переписчику, трудившемуся над новым списком жития. Искушенный художник непременно представил бы писателя с письменными

⁶ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома..., стр. 164.

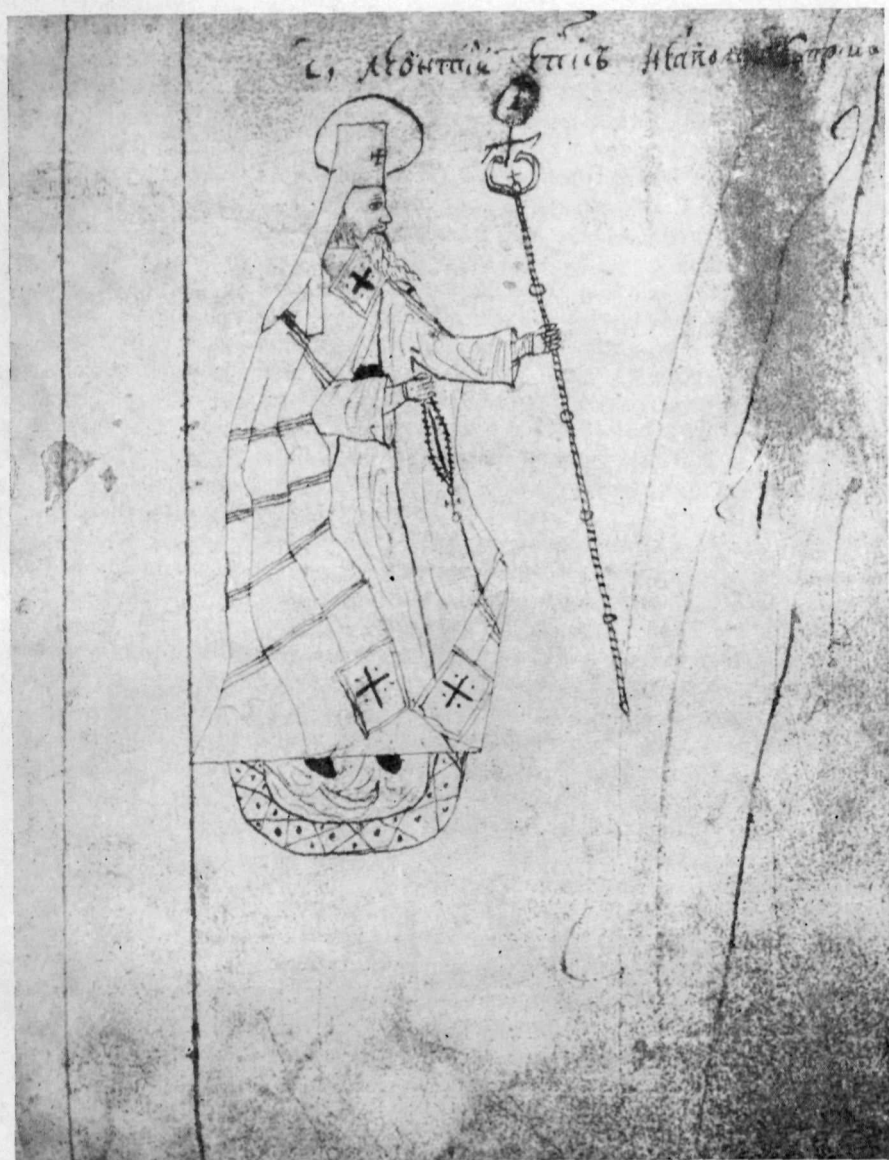

принадлежностями. На нашем рисунке облик Леонтия ограничен передачей его высокого духовного сана — своеобразного свидетельства его нравственного авторитета. Видно, что первоначально Леонтий был изображен без нимба. Но позднее другими, более черными чернилами и не очень твердой рукой клобук Леонтия окружили сиянием. Может быть, тогда же появились киноварная человеческая фигурка над посохом и киноварное пятно, частично закрывшее конец надписи: «с. Леонтий епископ Неаполя Кипрскаг(о)». ⁷ Любопытно, что изображение Леонтия из Неаполиса Кипрского как-то дополнялось, оно вызывало интерес у читателей сборника. Уместно вспомнить здесь, что «жития вместе с сопровождающими их миниатюрами накапливали опыт ... создания психологических портретов». ⁸ Желание воссоздать внешний облик названного в житии автора свидетельствует об интересе к личности писателя. Это вполне соответствует процессу осознания творческой воли автора, которым отмечены русская литература и книжность переходного периода — конца XVII—начала XVIII в.

---

⁷ Конец слова срезан при переплете сборника.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Задачи изучения «агиографического стиля» древней Руси. — ТОДРА, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 43.

Леонтий из Неаполиса Кипрского. Перовой рисунок. Начало XVIII в.
(ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 200, л. 104 об.).

А. И. КОПАНЕВ

Новые записи на древнерусских книгах

В 1912 г. В. П. Адрианова-Перетц напечатала работу по истории цен на книги в России XVI—XVIII вв., основанием для которой послужили главным образом записи на книгах, сделанные некогда при продаже — покупке их.¹ Более 500 оценок, собранных В. П. Адриановой-Перетц и относящихся к XVI—XVIII вв.,² позволили ей сделать важные выводы об условиях ценообразования и о движении цен на книги за три века. Отметила В. П. Адрианова-Перетц некоторые особенности торговли книгами в то время, а именно большую роль в ней «частных лиц» (т. е. не профессиональных торговцев), выступавших в качестве продавцов книг.³ Такое положение книжная торговля имела прежде всего в удаленных от центра районах Русского государства, где перепродажа книг «частными лицами», т. е. ранее купившими их или получившими по наследству, была основным путем книжного кругооборота.

В этом плане представляют интерес записи на книгах, собранных среди населения в Беломорье и Каргопольском районе Архангельской области археографическими экспедициями Библиотеки АН СССР в 1959—1967 гг. В этих районах старинной исторической жизни шесть последовательных экспедиций Библиотеки собрали 350 древнерусских книг (230 рукописей и 120 книг старопечатных), из которых на 31 книге имеются записи, вскрывающие историю экземпляра. Записи эти свидетельствуют: о продаже книг «частными лицами» (7 записей), о вкладе книг в различные церкви со стороны как «частных лиц» (11 записей), так и волостных миров (3 записи), о покупке и продаже книг монастырями (8 записей), о продаже книг самим писцом (1 запись). В 9 записях находим указания на цену книги.

Хотя количество записей и невелико, однако их группировка позволяет сделать вывод о живом обращении книги в XVI—XVII вв. Именно «частные лица» — крестьяне, горожане («москвитин», «дьяк»), духовные лица («поп», «сторец», «игумен») — выступают продавцами книг, лишь в двух записях отмечено, что книга куплена в монастыре. Судя по вкладчикам, среди покупателей книг (ведь чтобы ее вложить в ту или иную церковь, книгу надо было купить) было больше всего крестьян. Крестьяне покупали книги единолично, иногда соединившись по нескольку

¹ Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв. Собрала и обработала В. Адрианова. СПб., 1912.

² Там же, стр. 46—104 (записи, относящиеся к северо-восточной Руси), стр. 104—158 (записи, относящиеся к юго-западной Руси).

³ Там же, стр. 21—25.

человек (родственники), а иногда и коллективно — волостью. Коллективная покупка книг отмечена рядом записей. Так, на Минее общей, изданной в Москве в 1635 г., имеется запись от 6 ноября того же года о том, что эту книгу «положили в храм святого пророка Ильи и святого и великого чудотворца Николы прихожане миром». По упоминавшимся здесь церквам можно предположить, что это были крестьяне Сумской волости. Несколько позже, 8 октября 1637 г., «все крестьяне» волости Шалги Большой (Каргопольский уезд) «дали вкладом» в церковь Парасковьи рукописный Октоих (XV в.) «по своих родителей». Что крестьяне здесь действовали миром, подтверждает заключительная часть вкладной записи: «А вкладную подписал Шалги Большие церковный дьячей Оксенко по их мирскому велению». Крестьяне Вашпанской волости (Белозерский уезд) дали вкладом рукописную книгу Триодь цветную XVI в. в Кириллов-Новозерский монастырь 2 марта 1673 г. Соответствующую запись на Триоди сделал «по мирскому повелению Вашпанские волости преображенский поп Федор Дементьев». Из приведенных записей очевидно, что волость здесь выступает и вкладчиком, а следовательно, и коллективным покупателем книг. Другие источники позволяют предполагать, что покупка книг на волостные деньги была очень распространенным явлением на черносошном Севере. Волость, как установил М. Богословский, здесь почти всегда совпадала с церковным приходом и, следовательно, брала на себя все материальные расходы как по строительству церкви, так и по заведению церковной утвари, икон и книг.⁴ На это есть многочисленные указания в писцовых книгах, относящихся к северным уездам. Приведем несколько примеров. Так, в 1676—1677 гг. писцы Богдан Васильевич Яковлев и подьячий Авдей Карпов, описывая Воскресенский погост Важского уезда, перечислили в двух церквах 27 книг и отметили: «о по скаске тех церквей попа и старожилв церкви и в церквах иконы и книги и всякое церковное строение приходских людей тогоже Воскресенского прихода».⁵ Аналогичная формула употреблена писцами при описании Богоявленского прихода (здесь перечислено 39 книг)⁶ и Попонаволоцкой волости (здесь в церкви Никольской перечислено 19 книг).⁷

Итак, волостной мир, хлопоча о строительстве церкви, должен был закупать и книги для нее, заменять обветшавшие книги и т. д. Если учесть, что в 12 поморских уездах в XVII в. было около 350 сельских приходов (по материалам М. Богословского),⁸ то выйдет, что общее число книг, купленных волостными крестьянами Поморья, достигало примерно 10 тыс. Конечно, волость приобретала главным образом книги богослужебные (книги четьи, впрочем, указываются часто в церковных описаниях), однако наличие их в приходской церкви имело большое культурное значение. Ведь церковь была не только религиозным центром волости, но и центром политическим: здесь в трапезе при церкви собирались волостные сходы, хранился архив волости, находилась касса и т. д. Книги были собственностью волости и часто использовались для вполне мирских дел — как пособие для обучения грамоте. По Псалтыри и Часослову учились дети (эти книги обычно в каждой церкви есть в несколь-

⁴ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. II, М., 1912, стр. 19—21.

⁵ Рукописный отдел БАН СССР, Арханг., Д., № 629, л. 3.

⁶ Там же, л. 30.

⁷ Там же, л. 47.

⁸ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. II, стр. 19—20.

ких экземплярах), учились и по другим сугубо богослужебным книгам. Так, на одной Общей минее (М., 1635 г.) вкладчики записали следующие запрещения: «а из храма не выносить, не продать и не заложить и детей по ней не учить».

Как видим, записи на книгах в сочетании с данными писцовых книг о приходских церквях позволяют предполагать, что черносошная волость в XVII в. выступала как коллективный покупатель на книжном рынке. Конечно, крестьяне покупали книги и индивидуально (об этом свидетельствуют вкладные записи), но при дороговизне книги в XVI—XVII вв. это было доступно лишь деревенским богатым.

Сведения о ценах на книги, имеющиеся в наших записях, можно свести в следующую таблицу:

Название книги	Цена книги по нашим записям	Время записи	Цена книги по данным Адриановой-Перетц
1. Евангелие учительное, Вильна, 1595 г.	1 рубль 21 алт. 4 деньги.	Конец XVI в.	Нет.
2. Минея общая, Москва, 1609 г.	2 рубля.	XVII в.	"
3. Кононик, Москва, 1635 г.	Полтора рубля.	XVII в.	"
4. Маргарит, Москва, 1641 г.	6 рублей.	1667 г.	2 рубля (стр. 78).
5. Апостол, Москва, 1648 г.	Полтора рубля.	1652 г.	30 алтын (стр. 51).
6. Житийный сборник, рукопись XVII в., 404 лл., с одной заставкой и инициалами.	2 рубля.	XVII в.	Полтора рубля (стр. 69).
7. Евангелие учительное, рукопись XVI в., 480 лл.	2 рубля 20 алтын с гривною.	XVI в.	40 алт., 1 рубль, 3 рубля (стр. 47).
8. Житие Александра Ошевенского, рукопись, XVIII в.	3 рубля.	XVIII в.	Нет.
9. Маргарит, рукопись XVIII в., малый формат.	10 рублей.	XVIII в.	"

При рассмотрении таблицы мы видим, что наши данные в пяти случаях (№№ 1—3, 8, 9) дополняют «Материалы» В. П. Адриановой-Перетц, а в остальных четырех случаях дают другие варианты цен. Примечательно, что новые варианты цен подтверждают вывод В. П. Адриановой-Перетц о крайней неустойчивости цен на книги.⁹ Так, Маргарит 1641 г. по нашим данным стоит в 3 раза больше, чем по «Материалам» В. П. Адриановой-Перетц, Апостол 1648 г. — в полтора раза дороже, Житийный сборник XVII в. — дороже на полтину, Евангелие учительное — в полтора раза. Если разница в оценке рукописей может быть объяснена индивидуальными их особенностями, то разницу в оценке книг печатных этим объяснить нельзя. Вероятно, цена книги назначалась продавцами произвольно, в зависимости от условий спроса, места и т. д.

Подтверждается нашими данными и вывод В. П. Адриановой-Перетц о вздорожании рукописей в XVIII в.¹⁰ Это обстоятельство подчеркивает наивная запись на Маргарите XVIII в.: «Сей книги цена десять рублей. Еще и не большая, а вещи в ней добрые». В некотором противоречии с выводом В. П. Адриановой-Перетц¹¹ о более высоких ценах на печатные книги по сравнению с рукописями в XVI—XVII вв. стоит оценка

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Материалы для истории цен на книги... стр. 21.

¹⁰ Там же, стр. 27.

¹¹ Там же, стр. 27—28.

печатных книг и рукописей в нашей таблице. Так, рукописное Евангелие учительное в конце XVI в. стоило дороже почти на 1 рубль печатного Виленского издания 1591 г. При этом следует отметить, что цена рукописного Евангелия назначена самим писцом. Об этом можно заключить из записи писца по листам рукописи: «... продал сию книгу Евангелие толковое ... своего варавления и деньги за нея взял все сполна два рубля двадцать алтын з гривною, а подписал ... своею рукою». Принадлежность этой записи писцу очевидна не только из идентичности почерка основного текста рукописи и записи, но и из выражения «своего варавления», что означает «своего письма». Писец при назначении цены исходил, видимо, из своих трудовых затрат на изготовление рукописи.

Каково было реальное значение той цены, которую уплачивал покупатель XVI—XVII вв. за книгу? В. П. Адрианова-Перетц предприняла перевод древних книжных цен на деньги 80-х годов XIX в. (по Ключевскому), но, отметив изменчивость денежного курса, справедливо считает такое сравнение лишь приблизительным по точности.¹² Мы попытались сравнить цены на книги с ценами того времени на хлеб, скот и т. д. и получили следующие результаты. В книге А. Г. Манькова о ценах XVI в. указывается, что четверть ржи в 1600 г. в Москве стоила 40 денег (что составляет примерно среднюю цену ржи за 90-е годы XVI в.).¹³ Следовательно, на сумму, затраченную на покупку Евангелия учительного, изданного в Вильне в 1591 г., можно было купить 60 пудов ржи. Еще дороже стоило рукописное Евангелие XVI в. — писец за него взял, в переводе на рожь, 94 пуда. В XVII в. цена книг оставалась также очень высокой. В оценной книге крестьянских хозяйств Кемской волости 30-х годов XVII в. корова оценивалась одной ценой — полтона.¹⁴ Исходя из этой цены выйдет, что Миняя общая 1609 г. стоила столько же, сколько стоили 4 коровы, а Кононик 1635 г. и Апостол 1648 г. — 5 коров. Рекордная цена уплачена за Маргарит 1641 г. — 6 рублей, что равняется, по тому же расчету, стоимости 12 коров. Из этих сравнений видно, что приобретать книги могли лишь очень состоятельные люди — представители господствующего класса, духовенство и разбогатевшие посадские люди и крестьяне. Приобретение книг посадским приходом, волостями, т. е. коллективная закупка книг, было важным путем проникновения книги внутрь страны и свидетельствовало о тяге широких масс к знанию и книжной культуре.

Книга была, конечно, не только материально дорога, она становилась известной духовной ценностью для крестьянина. Об этом свидетельствует стремление отдельных семей хранить и беречь книгу столетиями. Книга как бы сопровождала сменяющиеся поколения и как символ передавалась от одного к другому. Приведем один интересный пример.

В 1960 г. экспедиция Библиотеки АН СССР получила в доме Балагуровых (с. Шуерцкое) книгу Ефрема Сирина и аввы Дорофея, изданную в Москве в 1652 г. На книге оказалось 5 последовательных записей: первая говорила, что книга куплена 1 января 1652 г. (т. е. в самый день выхода книги) попом Иваном Давыдовым; вторая — что сын попа Иван Иванов эту книгу продал (видимо, своему брату); третья — что внук попа Ивана Давыдова поп Григорий благословил этой книгой не-

¹² Там же, стр. 7.

¹³ А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 110—111.

¹⁴ А. И. Копанев. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.—Л., 1966, стр. 186—190.

кого Антона Степанова Глотова; четвертая, что книга в 1844 г. принадлежала крестьянину Шуерецкой волости Василию Никитину Балагурову; пятая — что в 1875 г. книга принадлежала сыну предыдущего Ивану Васильеву Балагурову. Если учесть, что в книге была найдена квитанция на порубку леса в 1907 г., выданная Шуерецким волостным правлением Татьяне Балагуровой, то выходит, что и в XX в. эта книга оставалась в этой семье. Так записи на книгах рассказывают историю книги, ходившей по рукам более чем 300 лет и попавшей, наконец, в Академическое хранилище.

У. РАЙАН

Об одной рукописи Космографии Публичной библиотеки в Ленинграде

А. И. Соболевский в своей работе «Из переводной литературы петровской эпохи»¹ описал одну, якобы переводную, космографическую (т. е. географическую) рукопись ГПБ F.IV.112 (Собр. Ф. А. Толстого, I, 223), но не мог установить оригинал перевода, констатируя только, что, судя по титульному листу, который мог бы не принадлежать остальному тексту, текст переведен с итальянского. В этом описании А. И. Соболевский почему-то не цитировал надпись на ярлыке, приклеенном к переплету, которая гласит: «Космография Коронелева». Однако именно эта надпись дает ключ к разъяснению происхождения титульного листа. На титульном листе написано на наклейке в центре листа гражданским шрифтом: «Епитомия космографичная, или Нетрудный вход до астрономии географичной и индрографии устроена для удобнаго уразумения Глиобов, Пляниферов, Астролябиов и карт географичных». Выше наклейки скорописью добавлено: «Сия книга переведена с италиянского языку Селивестром митрополитом Смоленским: αφθ (1709) г. от Рождества Христова». На лл. 1—4 подстрочная запись: «Князя Дмитрея Михайловича Голицына».

Текст титульного листа вместе с вышеуказанным добавлением и надпись на переплете указывают на то, что мы имеем дело с работой выдающегося итальянского монаха-ученого Коронелли (Vincenzo Maria Coronelli, 1650—1718), доктора богословия, математика, географа, картографа, энциклопедиста, изготовителя глобусов и эпонима международного общества истории глобусов «Coronelli-Weltbund der Globusfreunde». Полное название книги, с которой был переведен титульный русский лист, следующее: «Epitome cosmografica, o Compendiose introductione all'astronomia, geografia e idrografia, par l'uso dilucidatione a fabrica delle sfere, globi, planisferi, astrolabi, e tavole geografiche e particolarmente degli; stampati, e spiegati nelle publiche lettioni dal P. Maestro V. Coronelli. Colonia; ad istanza di Andrea Poletti in Venetia, 1693».

Нигде не упоминается о существовании русского перевода этой книги, хотя, наверное, ее экземпляры были в Польше, ибо одним из покровителей общества «Academia cosmografica degli Higonauti», с помощью которого была издана книга, был Ян Собеский. Существование этого титульного листа указывает на вероятность того, что переведена была вся книга. Такой перевод имел бы большое значение в России самого на-

¹ СОРЯС, т. LXXXIV, СПб., 1908, № 3.

чала XVIII в., ибо книга Коронелли была одной из самых научных книг этого периода, содержала руководство по пользованию научными инструментами, картами и глобусами и включала подробное описание гигантского глобуса Готторпа, который был привезен в Россию при Петре и который теперь стоит в переделанном виде в музее М. В. Ломоносова в Ленинграде.

К сожалению, замечание А. И. Соболевского, что титульный лист может не относиться к остальному тексту, оправдано. В самом деле, остальная часть рукописи содержит довольно длинный отрывок из Космографии 1670 г., опубликованной в серии ОЛДП.² Этот текст, по утверждению Н. Чарыкова, автора предисловия к этому изданию, существует в шести полных списках. Исследуемая рукопись содержит главы 26—76 из Космографии, перед которыми помещаются главы 72, 74 и 75, обозначенные как глава 25. Последняя подробность может быть причиной того, что А. И. Соболевский не узнал текста, когда делал описание.

Трудно объяснить, почему титульный лист потерянного перевода книги Коронелли был приклеен к отрывку совсем другого произведения, хотя, правда, обе работы имеют дело с космографией. Рукопись была, очевидно, переплетена после приклейки титульного листа, и нет первоначальной пагинации, которая помогла бы установить, является ли этот отрывок частью полного текста или нет.

---

² Космография 1670 г. Изд. ОЛДП, СПб., 1871—1881.

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири

Начатое в 1959 г. Археографической комиссией по инициативе акад. М. Н. Тихомирова археографическое обследование районов старообрядческих поселений Сибири¹ показало большую перспективность этой работы. В ходе полевых работ экспедиций Института истории, филологии и философии Сибирского отделения (далее СО) АН СССР в 1965—1967 гг. выяснилось, что эти районы представляют интерес для историков древней письменности и книгопечатания не только как резервуар, хранящий какое-то количество старых книг. В некоторых наиболее труднодоступных таежных и горных селах и заимках бассейна Оби и Енисея сохранилась еще рукописная традиция, кое-где даже действуют мастерские по переписке и ремонту старых книг (рис. 1), а полемика по догматическим и обрядовым вопросам все еще приводит, хотя и очень редко, к созданию новых оригинальных полемических произведений, трактующих о тех же вопросах, которые волновали старообрядческую литературу XVII—XVIII вв., — о порядке крещения без священника, о чине перекрещивания приходящих из других согласий и вер, о духовной и чувственной природе антихриста и т. д.² Вся эта исчезающая на глазах традиция ценна для исследователей тем, что позволяет дополнить полученные из источников прошлых веков сведения по палеографии, истории письменности и книжной традиции. Ниже приводятся некоторые материалы полевых наблюдений лета 1966 и 1967 гг., полный отчет о которых хранится вместе с дневниками в архиве ИИФиФ СО АН СССР.

Переписка древних книг производится в настоящее время на доступных переписчикам современных сортах бумаги, по возможности на более плотной, нелинованной белой бумаге; меловая бумага не употребляется. О наличии водяных знаков на старой бумаге переписчики обычно не догадываются. Для полемических выписок, духовных стихов, отдельных молитв и житий идет любая, оказавшаяся под рукой бумага, в том числе листы из ученических тетрадей и даже целые тетради. К бумаге для переписки служебных книг предъявляются более строгие требования, осо-

¹ В. Б. Павлов-Сильванский и А. И. Рогов. Рукописи и старопечатные книги, собранные в Бурятской АССР в 1959 г. — Археографический ежегодник за 1960 г., М., 1962, стр. 216—221.

² Архив Института истории, филологии и философии (ИИФиФ) Сибирского отделения АН СССР, Дневник археографической экспедиции 1967 г., стр. 27—30, 45—47, 170.

бенно к нотным (крюковым) рукописям, которые обычно пишутся на самой плотной бумаге, чаще в лист. Однако и здесь многое диктуется обстоятельствами; мы встречали и нотные рукописи, написанные на учебных тетрадях, разлинованных в клетку.

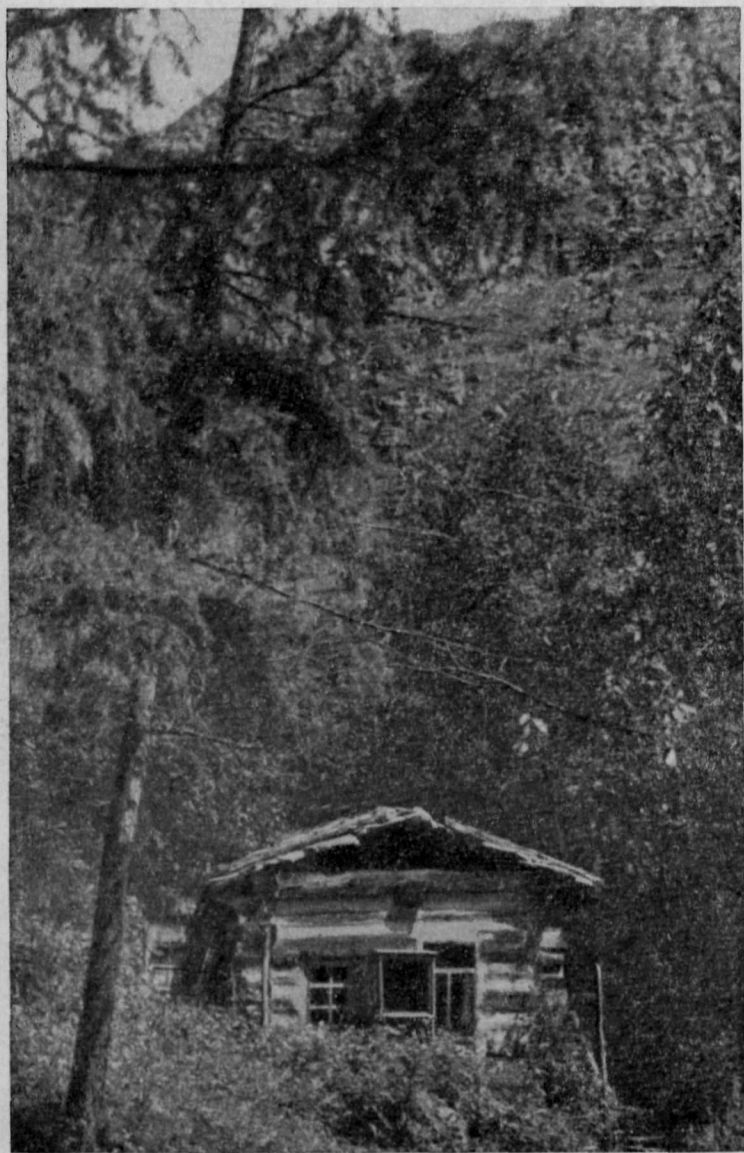
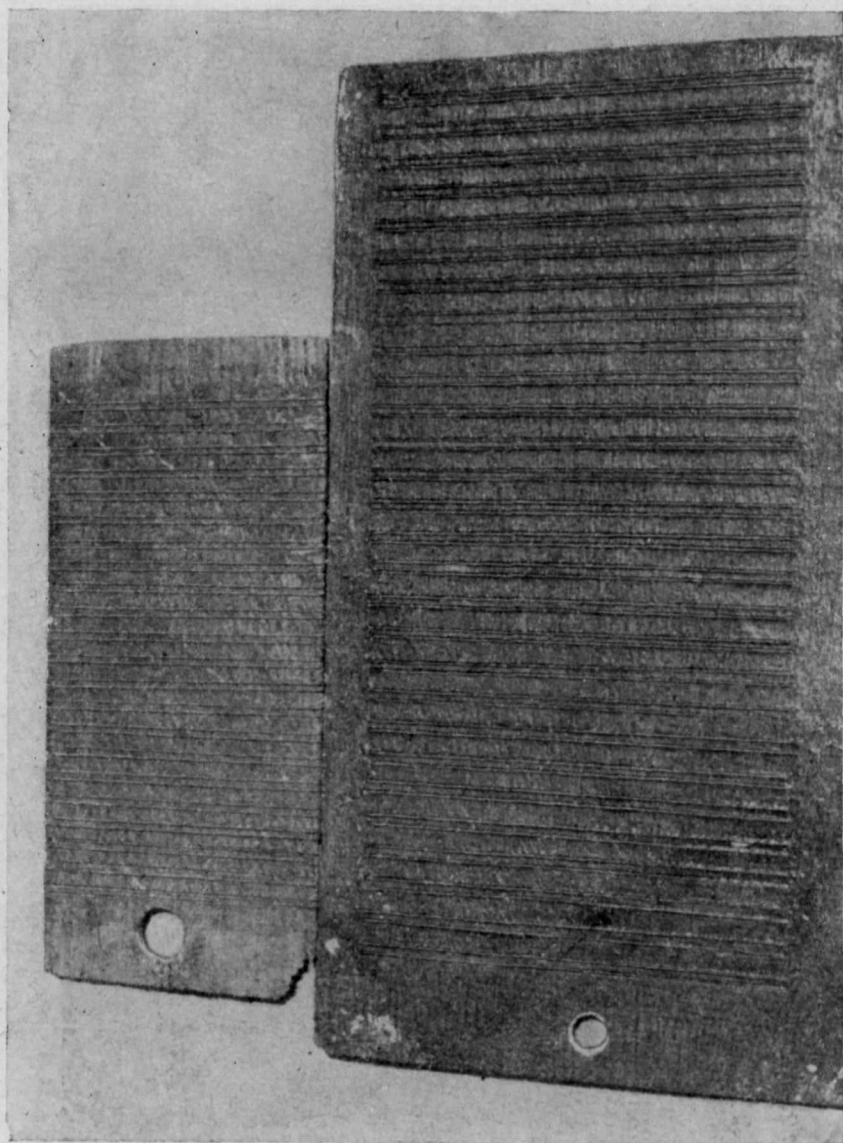

Рис. 1. Мастерская по переписке и ремонту книг.

Перед началом переписки обычно заготавливаются тетради по 8 листов (из четырех листов, каждый из которых сгибается вдвое); часто бумага сразу заготавливается таким образом на всю книгу. Сейчас предпочитают размеры в 4° и меньше; для небольших книг повседневного поль-

Неиннованная бумага графится с помощью доски-терексы (рис. 2). Она изготавливается следующим образом. Берется гладко выструганная доска толщиной 3—5 мм и в 1—3 см от конца длинных ее сторон тонким шилом делается по ряду парных отверстий. В отверстия протягиваются толстые нити, которые приклеиваются к доске; получаются парные и-

Рис. 2. Приспособление для парграфирования бумаги (терекса).

зования очень употребителен размер в 16°. Однако до сих пор пишутся и книги в лист; такой размер имеет, например, рукопись «Обиход крестовый», написанная четким крупным полууставом, с применением вязи и нинийялов.

нии, ограничивающие высоту каждой строки и расстояние между ними. Готовая доска покрывается обычно тонким слоем воска. Для того чтобы разлиновать лист бумаги, достаточно подложить под него терексу и провести несколько раз рукой по бумаге — линии слегка выдавятся на ней.

В более глухих и отдаленных районах еще хорошо помнят железистые чернила, хотя из-за отсутствия дубовых орешков эти чернила уже несколько десятков лет не изготавливаются. Для получения этих чернил брали дубовые орешки, железные опилки, кислый квас, камедь. В наиболее замкнутых скитах верхнего Енисея сейчас употребляются чернила

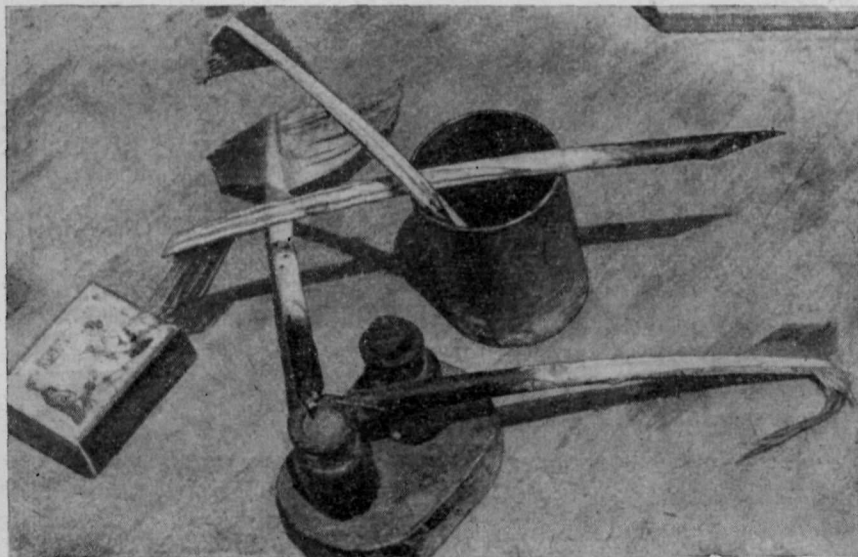

Рис. 3. Гусиные перья.

из березовой чаги: наплыв на березе очищается от коры, распиливается на небольшие пластины, которые вывариваются 2—3 дня, причем жидкость несколько раз охлаждается и опять кипятится с кусками дерева; в полученный буро-коричневый настой добавляется лиственничная камедь. Кроме того, изготавливают чернила на саже, также с добавлением камеди; сажистые чернила довольно широко распространены как в очень отдаленных районах, так и среди переписчиков в крупных селах и деревнях. Однако все больше и больше употребляются покупные фиолетовые, синие, черные, красные чернила. Известна также черная и красная тушь, хотя далеко не везде. В наиболее крупной мастерской верхнего Енисея черная и красная тушь считается сейчас особо ценным видом чернил, которые хранятся отдельно в маленьких стеклянных пузырьках, а чернила из чаги имеются в значительном количестве, их даже наливают в жестяную открытую банку. Еще в 20-х годах киноварь изготавливалась из покупного порошка, однако сейчас она целиком вытеснена красными тушью и чернилами. Кое-где для орнамента употребляются желтая, зеленая и коричневая акварельные краски.

В упомянутой енисейской мастерской до сих пор книги переписываются только гусиными перьями (рис. 3). Стальные перья известны и там; нам даже объясняли, как их следует затачивать, чтобы они да-

Рис. 4. Штампы из обожженной глины и алюминия.

Рис. 5. Штамп из обожженной глины — «книга глемая».

вали ровную и достаточно толстую линию полууставного почерка. Однако применение стальных перьев здесь осуждается как новшество, противное традиции. Нам рассказывали, что для крюковых рукописей с их особенно толстыми линиями употребляются и сейчас орлиные перья, однако повидать их нам не удалось. В менее отдаленных районах книги переписываются, как правило, особо заточенными стальными перьями или даже обычными стальными перьями, однако и здесь иногда применяют еще гусиные перья.

При копировании текста, чтобы не сбиться со строки, на оригинал накладывается небольшая медная линейка, один край которой слегка загнут; она передвигается по строкам по мере переписки.

Переписка книги в две-три сотни листов занимает обычно более двух месяцев; переписчик редко может посвящать этому каждый день. Один из наиболее опытных енисейских переписчиков говорил, что в день переписывает по 8—10 листов в 4°, если отводит на это несколько дневных часов; всего он переписал за свою жизнь более полусотни книг (сейчас ему 80 лет). Почерк его очень устойчив, и легко узнать книги, написанные его красивым полууставом 30—40 лет назад.³

Однако есть и противоположные примеры: одно из приобретенных нами полемических писем написано несколько лет назад; на двух листах в 8°, из которых оно состоит, чередуются три полууставных почерка и один скорописный, хотя письмо написано одним человеком.

Скоропись очень мало распространена в этой среде, это обычно современная гражданская скоропись с сильным влиянием школьных прописей. Скоропись XVII—XVIII вв. («кудрявое письмо») читают лишь единицы. Как правило, даже частные письма пишутся здесь полууставом кириллицей с буквенным обозначением чисел, с употреблением сокращений под титлами — сказывается привычка к переписке старых книг. Один и тот же переписчик пишет полууставом разных размеров. При нас несколько раз порицали тех, кто пишет слишком мелким полууставом: читатели — люди преклонного возраста и не всегда даже очки, тем более зацарапанные, в самодельной оправе, помогают разобрать мелкий почерк. Поэтому и старики, щеголявшие лет 30 назад бисерным полууставом, предпочитают сейчас писать более крупно.

Иногда применяется вязь и рукописи украшаются орнаментом; чаще это бывает не при переписывании книги целиком, а при дописывании утраченных частей рукописной или старопечатной книги во время починки ее. Вязь и орнамент являются в таких случаях примитивным, упрощенным подражанием оригиналу.

Переписанная книга брошюруется и переплетается обычным порядком, с употреблением материалов и инструментов, хорошо известных в пере-

Рис. 6. Бронзовый штамп «голубь».

³ Архив ИИФиФ. Дневник археографической экспедиции 1967 г., стр. 32.

При этом употребляется довольно значительный комплекс спейн-коств. При этом употребляется довольно значительный комплекс спейн-коств. При этом употребляется довольно значительный комплекс спейн-коств. Доски переплета в наши дни редко уже обтягиваются кожей, обычно ее заменяет паутная ткань. Такой переплет с досками, обтянутыми тканью, и с медными застежками стоит для рукописи в 8° 2—3 рубля, и некоторые мастера геральдико делают подобные работы на заказ. Изготовление переплета из досок, обтянутых кожей, однако еще не исчезло совсем: мы видели кожаные переплеты, изготовленные несколько лет назад, а в упомянутой мастерской есть не только полный набор соответствующих инструментов, но и кожаные заготовки для переплета. Инте-

Рис. 7. Бронзовый штамп «звездочка».

падном деле: суровых ниток, шпата, стального клея и мучного клея-стера, П-образного станка для сшивания тетрадей, прессы с деревянными винтами или клиньями, косого ножа для обрезки. Очень аккуратный вид, оторванная доска или застежка — бошшая ред-застежек. Этому уделяется особенное внимание; все книги поэтому имеют весьма специфичным является лишь изготовление досок переплета и

ресны инструменты для тиснения кожи, особенно штампы из обожженной глины (рис. 4). Эти шестиугольные, ромбовидные и треугольные штампы, изготовленные в самой мастерской, наиболее, так сказать, непосредственным образом связывают оформление книжных переплетов с древней традицией: надпись вязью «книга глаголемая» (рис. 5) и орнамент этих

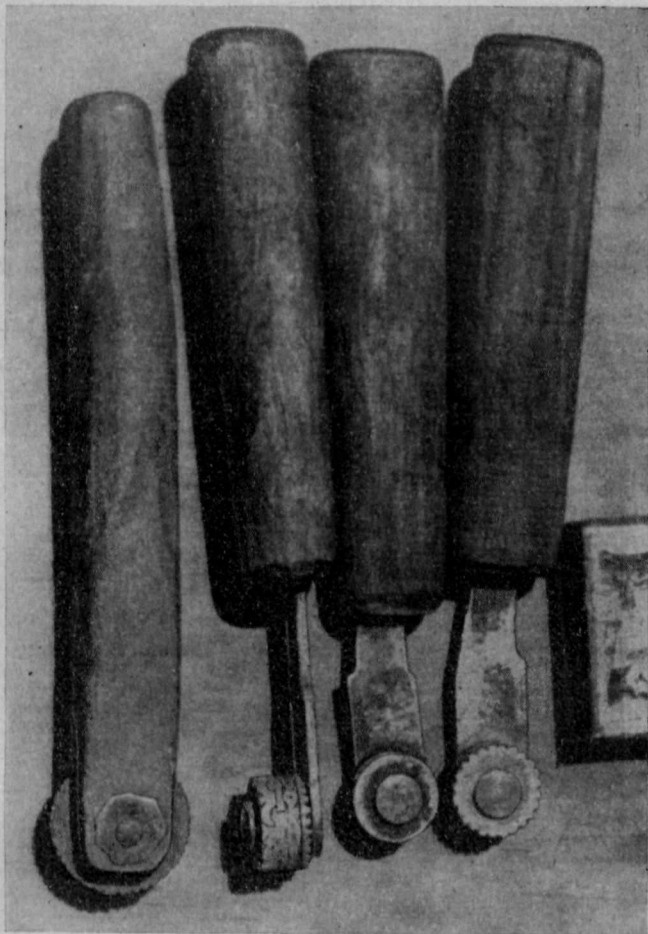

Рис. 8. Бронзовые и алюминиевые валики для тиснения кожи.

штампов были выдавлены на сырой глине, наложенной на соответствующие места подлинных старых переплетов; затем глина была обожжена. Другие штампы (из меди, алюминия и дерева) также стремятся подражать старым образцам, далеко не всегда точно повторяя их, это относится прежде всего к бронзовому штампу «голубь» (рис. 6) и деревянному — «цветок». Перед употреблением глиняные и металлические штампы нагревались, равно как и валики для нанесения на кожу различных непрерывных линий и орнаментальных полос. Мы видели кожаный переплет, изготовленный в этой мастерской с применением только

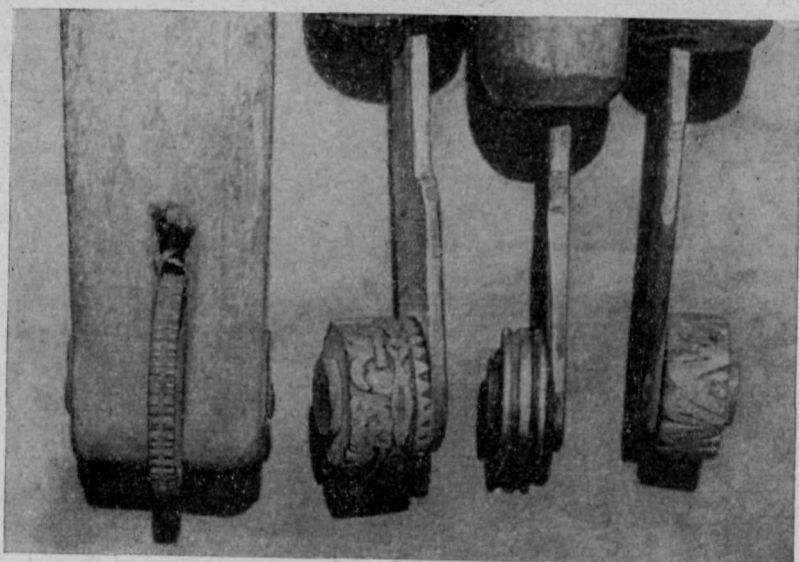

Рис. 9. Рабочая часть валиков.

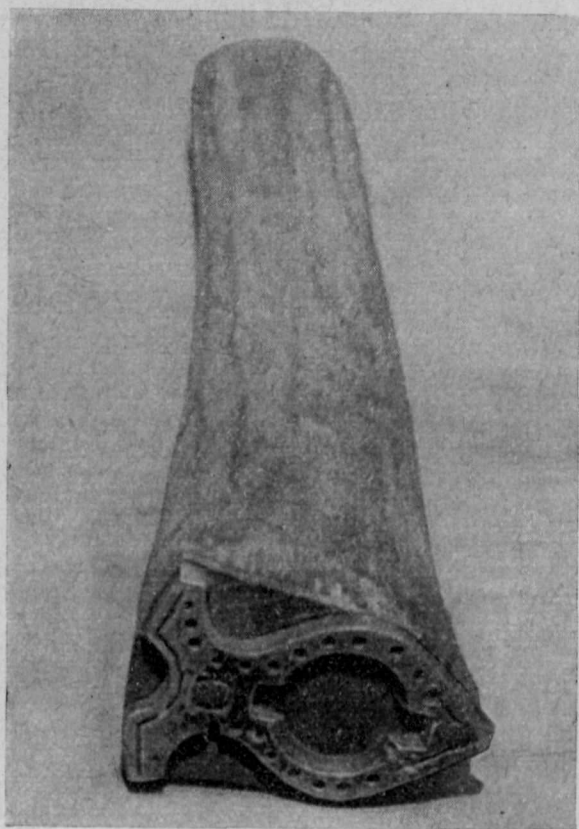

Рис. 10. Штамп для застежек.

этих валиков и штампа «звездочка» (рис. 7), однако чаще применяется более широкий набор штампов.

Среди других приемов украшения рукописи известны золочение и тиснение переплета (последнее — пунктирным колесом; рис. 8 и 9). Однако это очень редкие в наши дни способы.

Большое внимание неизменно уделяется застежкам книги. У хороших хозяев есть запасные медные или железные заготовки для застежек и книги всегда закрыты на все застежки; разрешая посмотреть книгу, хозяин не преминет напомнить слова проклятья тем, кто забывает застегнуть прочитанную книгу. Рисунок на медную заготовку застежки наносится специальным штампом (рис. 10).

Как уже говорилось, наряду с перепиской книг много кропотливого труда вкладывается в ремонт ветхих рукописей и старопечатных книг. Очень ветхую книгу всю разбирают по листам, каждый лист вклеивается в бумажную рамку, на которой дописывается недостающий текст, дописываются также целые листы и тетради, дорисовываются недостающие части заставки и т. д. Полученные таким образом листы склеиваются по двое, сброшюровываются в тетради, которые и перешлетаются обычным образом. Работа эта также часто выполняется на заказ. Нередки случаи, когда ценящие древнюю книгу переписчики в качестве платы за ремонт новой ветхой книги берут другую книгу — старую.⁴ Так составляются библиотеки старопечатных книг XVII в.; за каждой книгой такой библиотеки стоят многие и многие часы кропотливой работы, и хозяева неохотно расстаются с этими книгами. Книги в таких библиотеках находятся обыкновенно в идеальном порядке.

Дальнейшие археографические исследования в Сибири позволят ближе ознакомиться с этими небольшими, но очень ценными для исследователей древнерусской письменности и книги остатками вековых традиций.

---

⁴ Архив ИИФФ. Дневник археографической экспедиции 1966 г., стр. 63.

В. В. ЛУКЬЯНОВ

Новые поступления в рукописные собрания Ярославского и Ростовского музеев (краткий обзор)

Со времени опубликования сведений о рукописных собраниях Ярославского и Ростовского музеев¹ эти собрания пополнились новыми поступлениями, среди которых имеется немало заслуживающих внимания исследователей. Всего за это время поступило в оба музея² 156 рукописей, относящихся по времени написания к XIV—XX вв.

Многие рукописи XVIII—XIX вв. датированы и написаны в Ярославском крае; в некоторых рукописях указаны имена писцов. Часть рукописей была получена в дар и приобретена от местных жителей, — большинство же их было обнаружено в Ростовском музее среди неразобранных печатных книг и в архиве музея.

Во вновь поступивших рукописях представлены почти все виды рукописной книги, при некотором преобладании памятников литературы древней Руси и нового времени, — как русских, так и переводных. Ниже приводим перечень наиболее примечательных произведений из числа вновь поступивших.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ОРИГИНАЛЬНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ЛИТЕРАТУРЫ

Повесть о Ерше Ершовиче, XVII в. (77),³ столбец в 4 полосы;⁴ Повесть о семи мудрецах, Повесть о Казанском царстве и Повесть о Ни-

¹ В. В. Лукьянов. 1) Собрание рукописей Ярославского областного краеведческого музея — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 472—478; 2) Краеведческие материалы в рукописных собраниях Ярославля. — Краеведческие записки, вып. 1, Ярославль, 1956, стр. 251—257; 3) Рукописные собрания Ярославского краеведческого музея (краткий обзор). — Краеведческие записки, вып. 2, Ярославль, 1957, стр. 271—277; 4) Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. — Краеведческие записки, вып. 3, Ярославль, 1958, стр. 290; 5) Краткие сведения о рукописных собраниях городов Ростова, Рыбинска и Тутаева Ярославской области. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 514—517.

² В 1959 г. на базе Ярославского и Ростовского краеведческих музеев и музей-усадьбы Н. А. Некрасова в Карабихе был создан объединенный Ярославско-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

³ Цифры в скобках соответствуют номерам рукописей по составленной нами описи: рукописи №№ 1—86 находятся в Ростовском музее, а остальные — в Ярославском.

⁴ Текст повести написан полууставом и разделен на главы (пункты), помеченные славянскими цифрами. Начала недостает; текст начинается с XII главы. Флигрань бумаги — «голова шута» (А. А. Герасимов. Флигрань XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения, М., 1963, стр. 204.

коле Зарайском — в сборнике XVII—XVIII вв. (144); Звезда пресветлая,⁵ XVII—XVIII вв. (1); Сказание о ризе господней, XVII—XVIII вв. (1 и 144); Повести о богородичных иконах: Новгородской, XVII—XVIII вв. (87 и 144), Тихвинской и Владимирской, XVII—XVIII вв. (144), Толгской, XVII—XVIII вв. (1).

Апокрифы: Страсти Христовы, 1772 г. (3), 1780-е годы (146); Сон богородицы и Слово о почитании пятниц, XIX в. (57); Сказание Иеронима об Иуде предателе, 1780-е годы (146); Сказание о явлении ангела Макарию Египетскому, 1780-е годы (146), 1830-е годы (108); Слово Евсевия Самосадского о сошествии Иоанна Предтечи во ад и Слово Палладия мпиха о втором пришествии Христове, XVII—XVIII вв. (87); Слово о видении ангела пишуща входящих в церковь на молитву,⁶ 1830-е годы (108).

Творения отцов и учителей церкви: «Паренесис» Ефрема Сирина («слова» 13—21, 83—86), XIV в. (79); Поучения Иоанна Златоуста, XV—XVI вв. (142) и XIX в. (98); Избранные беседы Иоанна Златоуста, XVIII в. (84 и 85); его же «Слово о дворе и змие», XVII—XVIII вв. (87) и «Книга о священстве», XVIII в. (44); Св. Сильвестра и преподобн. Антония Истокование о св. Троице и о всей твари разумное изложение, 1894 г. (152);⁷ Поучения Ильи Мипятя, XVIII в. (81); Симеон Полоцкий, «Венцы веры», XVIII в. (88); Иоанникий Галятовский, «Небо новое», XVII—XVIII вв. (87); Феофан Прокопович, «Рассуждение о псудобоносимом законном иже», 1783 г. (48); Дмитрия Ростовского Поучения, XVIII в. (76) (автограф) и 1779 г. (74); его же «Проповедь, произнесенная в Московском Успенском соборе 22 авг. 1708 г.» (73 — автограф); его же «Летописец келейный», XVIII в. (28) и «Диариуш», 1836 г. (110).

Жития: Иоанна Новгородского, Филиппа митрополита Московского, Василия и Константина Ярославских, XVII—XVIII вв. (87); Дмитрия Ростовского и Иакова Ростовского, 1779 г. (74); Федора, Давида и Константина Ярославских, XVII—XVIII вв. (87), XVIII в. (58); патриарха Никона, 1782 г. (145).

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Прение диакона Федора Иванова с митрополитом Афанасием Иконийским о знамении крестном, еже бысть во 176-м году, 1830-е годы (108); О сложении перстов (с цветными изображениями благословляю-

№ 1374, 1678 г.). Рукопись была опубликована (с некоторыми пропусками текста и с ошибками в транскрипции) ее прежним владельцем Ф. Ляликовым в «Московском телеграфе» (1832, № 18, стр. 291—293).

⁵ В предисловии сказано, что книга переведена «с белоруссийского языка ... недостойным придежащем и иждивеннем грешного простолюдина Никиты...»; в конце книги летопись писца «Симсона, дячка церкви Григория Богослова». Филигрань — герб г. Амстердама.

⁶ Здесь же наставления иконописцу, как писать образ этого видения.

⁷ На лл. 265—266 запись писца: «Книга сия ... писана в деревне Кудашине крестьянином Иваном Гавриловым Башповым ... в лето 7402-е ... с замечательной древности книги в 4-ю долю листа, принадлежащей проживающему в селе Городце балахнинскому купцу Петру Алексеевичу Овчинникову. Его же книга, хотя и не имеет летописи когда писана, но по письму и знакам бумаги, полагать надо, писана во второй половине XV века... причем на одной книге ... на первых листах вкладная подпись: „Лета 7107, месяца декабря в 11 день сия книга Сильвестра домовая церковная соборного храма Благовещения ... у Соли в Вычегодкия на посаде положение Никиты Григорьева сына Строганова для своего поминания заздравного и для своих родителей за упокой...“. Всех листов в этой книге 177, а строк на страницах по 25 строк».

щих рук), XVIII в. (56); Семен Денисов, «Российский виноград», XIX в. (101); «О браках. Творение Спиридона Иваныча, бывшего во дни отца Андрея Дионисовича», XIX в. (102).

ЛИТЕРАТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ

История о Барбосе (о Евдоне и Берфе), 1734 г. (140); М. Херасков, «Синав и Трувор», и «Венецианская монахиня», 1760-е годы (38); Г. Р. Державин, Стихотворения, 1830-е годы (16); К. Ф. Рылсеев, «Войнаровский», 1830-е годы (55); А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», «Граф Нулин», «Братья разбойники», стихотворения, XIX в. (66); И. Козлов, «Веледа», поэма, 1830-е годы (23); Тарновский и Руднев, «Живчик», водевиль, XIX в. (33); «Деревенский поэт, или Любовь хитра на выдумки», комедия, XIX в. (34); Л. М. Мартынов, «Рассуждение о бытии божием, изложенное в стихах»,⁸ 1817 г. (127); К. А. Доводчиков, «Панорама Ярославля», XIX в. (118, 119);⁹ Песня, сложенная ратниками Ростовской дружины государственного ополчения (нач.: «Славься, славься град Ростов...»), 1855 г. (29); В. Хлопотинин, «Беглый очерк Исадской мельницы», поэма, 1888 г. (62); «Сын купца», повесть, глава 1, XIX в. (12);¹⁰ И. И. Пальмин, Разные стихотворения (автограф), XIX в. (116); Л. Н. Трефолев, Стихотворения и проза (автограф), XIX в. (117); С. Д. Дрожжин, Три стихотворения (автограф), XIX в. (114); С. Я. Дерунов, Два стихотворения (автограф), XIX в. (115).

Народные стихи: Без названия (нач.: «А и мы бы грешнии не в лишке, аще еще и в малем сем пребываем именишке...»); Без названия (нач.: «Ныне же что еще има к твае честности писати, чтобы тебе государю моему милость свою на нас излияти...»); «Рифмы плачевны, от жалости сотворены, на воспоминание от сына своей матери» (нач.: «Рыдания убо се настоят мне время...»), — в сборнике 1820-х годов (108).

МАСОНСКИЕ И АНТИМАСОНСКИЕ РУКОПИСИ

«Откровения, сделанныя Гр. К.»; «Некогорые исторические известия о С. К.»; «Выписка из пастырского послания к истинным С. К. древней системы 578 : 5»; «Плоды благодати, или Духовные мысли двух любителей премудрости», в сборнике XVIII в. (60); «Изъявление некоторых известных дел проклятых зборищев франкт масонского» (нач.: «Проявились в России франкт масоны, и творят почти явно демонские законы»), XVIII в. (63).

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Топографическое описание Ярославской губернии, 1797 г. (141);¹¹ Сборники исторических материалов ярославского купца С. Серебrenи-

⁸ На рукописи запись писца: «Сочинено и произнесено профессором философии и инспектором Ярославской семинарии Авксентьем Матфеичем г-ном Мартыновым при собрании оной семинарии 1817-го года, октября 21-го дня».

⁹ Сатирическая поэма на местную знать и высших чиновников Ярославля. Известно несколько списков; опубликована не была.

¹⁰ Произведение местного автора; действие происходит в Ростове и окружающих его селках.

¹¹ В книге, кроме текста, 25 листов карт и планов; на всех планах городов губернии указана пунктиром старая планировка до 1778 г.

кова, XIX в. (129, 131);¹² П. А. Соколов, «Исторические сведения о церкви Богоявления в с. Гвоздево Ростовского уезда», 1851 г. (8);¹³ Записи исторические и дневниковые угличского краеведа Н. Серебренникова, 1877—1882 гг. (106, 107);¹⁴ Крайкое описание жизни строителя Вознесенской церкви в с. Круглицах Рыбинского уезда купца А. П. Березина, 1863 г. (121);¹⁵ Дневник и воспоминания ярославского краеведа К. М. Дмитриева, 1920—1931 гг. (147).

К краеведческим материалам следует отнести также синодики местных церквей и монастырей и частных лиц: Ростовского Рождественского женского монастыря (лицевой), XVII в. (11); Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря, 1760-е годы (5); Ростовского Варницкого монастыря, XIX в. (50); Ярославской Пятницкой, что на Сполье, церкви, XIX в. (155); крестьянина Матвея Михайлова дер. Максимова, XVII в. (71); ростовского купца Василия Михайлова Хлебникова, XVIII в. (70).

Описи монастырского и церковного имущества: Ростовского Успенского собора, 1691 г. (22) и 1853 г. (61); Ростовского Спасского, что на Песках, монастыря, 1719 г. (18);¹⁶ Ростовского Зачатьевского Яковлевского монастыря, 1757 г. (83); Ростовской церкви Симеона Столпника, 1760 г. (10); ризницы Ростовского архиерейского дома, 1776 г. (20); Ростовской Спасской, что на площади, церкви, 1793 г. (13) и 1854 г. (22); Ростовской церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи, 1793 г. (7); деревянной Дмитриевской церкви в с. Пошикарпове Ростовского уезда, 1794 г. (9); Богоявленской церкви с. Угодичи Ростовского уезда, 1837 г. (139); Ярославской Спасопробойнской церкви, 1854 г. (89).

Церковные летописи («запись достопамятных событий»): Введенской церкви г. Ростова, 1792—1910 гг. (72); Предтеченской церкви с. Кодорово Любимского уезда, 1867—1886 гг. (134);¹⁷ Ростовской Всехсвятой церкви, 1877—1914 гг. (82).

УЧЕБНЫЕ КНИГИ И ПОСОБИЯ

Азбука российская, XVIII в. (54);¹⁸ «Арифметика» Леонтия Магницкого, XVIII в. (148, 149); Руководство к арифметике, 1790 г. (32);¹⁹ Учебные записи по навигации, геодезии и фортификации. XVIII в. (104); «Еммануил Кениг, или Разные химические записки, выбранные из разных авторов», 1791 г. г. Ярославль (112); Правило о диалектах греческого языка, XIX в. (35); Х. Баумстер, «Логика», XIX в. (36);

¹² Из собрания И. А. Вахрамеева, №№ 639, 640. Содержание сборников см.: А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. 2. М., 1892, стр. 432—436.

¹³ Здесь же акварельный рисунок: Вид села Гвоздева.

¹⁴ Здесь же акварельный рисунок: Вид Никольской церкви, что на Петухове, в Углич.

¹⁵ Здесь же рисунок пером: Вид церкви.

¹⁶ В описи приводится перечень всего монастырского имущества, включая церкви, ризницу, хозяйственные постройки и инвентарь, сельскохозяйственные орудия труда, крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, птиц и пр.

¹⁷ Приводятся сведения об экономическом положении крестьян прихода церкви за указанные годы.

¹⁸ Содержание рукописи: Азбука, с изречениями на данную букву; Образцы образцов в письмах к разным лицам; Четыре действия арифметики; Русско-немецкий словарь.

¹⁹ Записи на киши: «Писал сию арифметику Лальского народного училища второго класса ученик Федор Кузнецов 1790 года»; «Сей книгой пользовался города Кириллова купецкой сын Иван Булычев ... 1803 года...»; «Сей книгой пользовался Петр Аврамов ... 1805 г.»

«Определения из риторики Десколония» (на латинском языке), 1810-е годы, г. Ярославль (109); Иконописный подлинник, XVIII в. (45).

Кроме перечисленных выше рукописей, в Ростовском музее имеется большое количество документов XVII—XIX вв., в том числе столбцы XVII в. (несколько сот штук), грамоты и патенты XVII—XVIII вв., а также указы центральной и местной власти XVIII—XIX вв. На некоторые документы имеются старые описи, большинство же их не описано, и составление таких описей намечается провести в ближайшие два года.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

«Тресвѣтлое солнце» Плача Ярославны

В своей книге «Слово о полку Игореве и памятники русской литературы XI—XIII веков» (Л., 1968) в разделе, посвященном выражению Плача Ярославны «свѣтлое и тресвѣтлое слънце», В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что эпитет «тресвѣтлое» — точный перевод греческого *τρίλαμπής*, что употребляется этот эпитет в древнерусской литературе только в применении к божеству или к христианским подвижникам, однако в гимнографии отсутствует его сочетание с существительным «солнце» (стр. 174). Далее В. П. Адрианова-Перетц обосновывает возможность и естественность применения этого эпитета к солнцу.

В недавно опубликованном Боню Ст. Ангеловым по списку XV в. памятнике «Служба святым обща пророку», приписываемом им по весьма общим и шатким основаниям Клименту Охридскому,¹ имеется несколько эпитетов солнца: «мысльное слънце» (стр. 243, 246, 252), «пресвѣтлое слънце» (стр. 246), «златозарное свѣтило» (стр. 255) и среди них дважды — «трисвѣтлаго слънца» (стр. 246) и «трисвѣтлаго слънца» (стр. 247). Перед нами, следовательно, еще один случай, когда выражение «Слова о полку Игореве», считавшееся гапаксом, находит себе подтверждение в старом памятнике.

---

¹ Боню Ст. Ангелов. Климент Охридски — автор на общи служби. — В кн. Константин — Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му. София, 1949, стр. 237—259. «Служба» издана по рукописи Милена 1435 г., сербской редакции, Софийской народной библиотеки № 122.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград)
 Брике — С. М. Briquet. Les filligranes. Paris, 1907.
 ВМЧ — Великие Минеи четии, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБА — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВА — Галицко-Волынская летопись.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 ИпОРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 Клепиков, Филангр. и штемп. — С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Лихачев, Бум. мельн. — Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, Н5Л — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
 ПВА — Повесть временных лет.
 ПДП — Памятники древней письменности.
 ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
 П1Л, П2Л, П3Л — Псковские первая, вторая и третья летописи.
 ПСРА — Полное собрание русских летописей.
 РИБ — Русская историческая библиотека.
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
 СОЛЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 С1Л, С2Л — Софийские первая и вторая летописи.
 Срезневский, Материалы — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.

- ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
- Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.
-

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ,
ПРИСЫЛАЮЩИХ СВОИ СТАТЬИ
В «ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

1. Рукописи должны представляться в 3 экземплярах, отпечатанных на машинке через два интервала (в том числе и подстрочные примечания). Нумерация подстрочных примечаний должна быть сплошная по всей статье.
  2. Текст статьи должен представляться в окончательном виде. Изменения в корректуру могут вноситься только в исключительных случаях: когда они диктуются новыми данными в науке.
  3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.
  4. При библиографических ссылках в тексте и сносках необходимо давать следующие сведения: инициалы и фамилию автора, название работы, название и номер издания (для статьи), место издания (в том числе и для журнала), год издания, страницы.
  5. При повторном упоминании работы в тексте или сносках дается сокращенное ее название. Сокращение «ук. соч.» не допускается.
  6. В тексте статей необходимо придерживаться сокращений, список которых публикуется в конце каждого тома «Трудов Отдела древнерусской литературы», начиная с т. XIV.
  7. Представляемые тексты памятников должны быть тщательно выверены по оригиналу и оформлены согласно правилам, опубликованным в XI томе «Трудов Отдела древнерусской литературы» (стр. 494—498).
  8. Фотографии представляются в 2 экземплярах, отпечатанных на глянцевой бумаге с накатом. Они должны сопровождаться списком, в котором приводятся: подпись к каждой иллюстрации, местонахождение оригинала, его шифр, датировка, размер (для рукописей и изданий дополнительно номера листов).
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Юбилейная дата в жизни В. П. Адриановой-Перетц	3
Д. С. Лихачев (Ленинград). История древней русской литературы в трудах В. П. Адриановой-Перетц	5
Н. Ф. Дробленкова (Ленинград). Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц за 1957—1968 гг.	15
—Н. М. Дылевский (София). Выражение «копие приломити» в «Слове о полку Игореве» как отражение дружинной идеологии и как фразеологизм древнерусской лексики	21
А. П. Евгеньева (Ленинград). Несколько замечаний к истории и употреблению в русском литературном языке слов «рокотать» и «трепетать»	26
Р. Якобсон (Кембридж, Массачусетс). Композиция и космология плача Ярославны	32
—Е. И. Боброва (Ленинград). К новому истолкованию плача Ярославны	35
—И. Бадалич (Загреб). О югославских переводах «Слова о полку Игореве» (по случаю 125-летия первого югославского перевода «Слова»)	38
—Е. Накамура (Токио). «Слово о полку Игореве» в Японии	44
Э. Г. Зыков (Петрозаводск). Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источник	48
—А. В. Поппэ (Варшава). К чтению одного места в Повести временных лет	54
Б. А. Рыбаков (Москва). Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г.	58
М. В. Рождественская (Ленинград). «Слово о Лазаревом воскрссении» (характеристика редакций)	64
О. П. Лихачева (Ленинград). К изучению «Слова о твари и о дни, рекомем неделя»	68
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Греческий оригинал отреченной книги «Путник»	72
Г. К. Вагнер (Москва). Литература, апокрифы и фольклор в творчестве мастеров Всволода III	75
М. В. Алпатов (Москва). О мозаиках Михайловского монастыря	80
Н. Г. Порфиридов (Ленинград). О некоторых новых фактах параллелизма словесных и изобразительных памятников	85
Ив. Дуйчев (София). Эпизод из Киево-Печерского патерика	89
Р. Поп (Канада, Торонто). Древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу	93
А. Н. Егунов (Ленинград). Erotici scriptores в древнерусской «Пчеле»	101
Ю. К. Бегунов (Ленинград). Кирилло-белозерские отрывки Жития Александра Невского	105
М. И. Мулич (Загреб). Отражение «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия в древней сербской литературе	108
Т. Н. Копреева (Ленинград). Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа (опыт реконструкции)	112
К. М. Куев (София). Судьба сборника Ивана Александра 1348 г.	117
Н. А. Бакланова (Москва). Описание русской природы в Хождении митрополита Пимена в Царьград в 1389 г. и отображение этого описания в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в.	122
Н. Ф. Дробленкова (Ленинград). По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне»	129
О. Ф. Коновалова (Ленинград). Принцип отбора фактических сведений в «Житии Стефана Пермского»	136
Н. А. Казакова (Ленинград). О загадочном слове «птолок» новгородских и псковских летописей	139

Я. С. Лурье (Ленинград). К проблеме свода 1448 г.	142
А. Л. Гольдберг (Ленинград). У истоков московских историко-политических идей XV в.	147
Л. В. Черепнин (Москва). К вопросу о русской публицистике конца XV в.	151
А. В. Флоровский (Прага). Франциск Скорина и Москва	155
И. А. Кочетков (Москва). Слово и изображение в житийной иконе	159
С. О. Шмидт (Москва). О Послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса)	163
В. Ф. Покровская (Ленинград). Как читал древнерусский книжник миниатюры лицевых исторических рукописей	167
Б. В. Сапунов (Ленинград). Народные основы иконы «Чудо Георгия о змие» XVI в. из Олонца	171
В. В. Кусков (Москва). Дионисий — «читатель» жития Алексия	175
В. Д. Кузьмина (Москва). Из истории хорватско-русских литературных связей в XVI—XVII столетиях (русские редакции повести о Бове и хорватский текст «Королевицей Франции»)	180
Б. С. Ангелов (София). «Хождения» в южнославянских литературах до XVII в. (к постановке вопроса)	183
Т. В. Рождественская (Ленинград). Новый список «Повести о Ерше Ершовиче»	187
М. А. Салмина (Ленинград). Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным	192
В. А. Кучкин (Москва). Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны	196
А. А. Назаревский (Киев). К изучению «Повести о Горе-Злочастии»	199
Л. А. Дмитриев (Ленинград). Первоначальный вид и время возникновения Сказания о молодце и девице	205
Р. П. Дмитриева (Ленинград). Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии	210
Л. Н. Пушкарёв (Москва). «Восточная» редакция Повести о Еруслане Лазаревиче	214
Е. К. Ромодановская (Новосибирск). «Повесть о Дмитрии Римском»	218
Р. Лужный (Краков). «Выдание о добронравии» — древнерусская переработка сочинения Яна Жабчыца «Polityka dworskie» (из истории русско-польских литературных связей XVII в.)	223
Н. С. Демкова (Ленинград). К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума	228
А. С. Демин (Москва). Для чего Аввакум написал первую челобитную?	233
А. И. Мазунин (Ленинград). Из комментария к Повести о боярыне Морозовой	237
Н. А. Дворецкая (Ленинград). Из истории позднего сибирского летописания	239
И. А. Иванова (Москва). Летописные сведения об иконе «Богоматерь Тихвинская»	242
М. Д. Каган-Тарковская (Ленинград). Басня Эзопа «О льве и волке» в русских переделках XVII в.	245
Р. Б. Тарковский (Ленинград). «Зрелище жития человеческого»	249
И. Ф. Голубев (Калинин). Забытые вирши Симеона Полоцкого	254
П. Н. Берков (Ленинград). Книга в поэзии Симеона Полоцкого	260
А. М. Панченко (Ленинград). О русском литературном быте рубежа XVII—XVIII вв.	267
О. А. Державина (Москва). Пьеса о царе Навуходоносоре на европейской и русской сцене XVII в.	272
П. Левин (Варшава). К вопросу о соотношении восточнославянских интермедий и фольклора	276
В. Е. Гусев (Ленинград). О фольклоризме русской литературы XVII в.	280
А. М. Астахова (Ленинград). Один из старейших вариантов хороводной игры в женьтёбу	284
Б. Н. Путилов (Ленинград). «Сказка» «Про Мамаю безбожного» и эпическая традиция	288
Е. А. Тудоровская (Ленинград). К вопросу о воздействии старинной литературы на русскую народную сказку	293
Д. М. Молдавский (Ленинград). О некоторых чертах русской лубочной картинки	296
М. П. Алексеев (Ленинград). Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной слободы	299
К. Н. Григорьян (Ленинград). Об одной из последних работ Богдана Салтанова	305
В. А. Мошин (Загреб). Из переписки самозванца Тимошки Акундинова	309

Н. И. Прашкович (Минск). «Прамова Милешкі» и «Ліст да Абуховіча» — новый этап в истории белорусской литературы	314
М. В. Кукушкина (Ленинград). Новая повесть о Леопольде и его сестре Маргарите	319
В. В. Виноградов (Москва). Историко-этимологические заметки	325
Л. С. Ковтун (Ленинград). Планида—фуртуна—счастное колесо (к истории русской идиоматики)	327
Б. Л. Богородский (Ленинград). К истории фразеологизма «бросать (бросить) якорь»	331
Н. Н. Розов (Ленинград). Иллюстрации Киевской псалтыри 1397 г. на полях старопечатной книги	340
М. В. Николаева (Ленинград). О некоторых источниках «Подробной летописи» («Синописис», «Сказание о граде Славенске»)	344
С. Н. Валк (Ленинград). «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева	349
И. Э. Серман (Ленинград). Херасков и Курбский	353
Г. Н. Моисеева (Ленинград). «Казанская история» в творчестве М. В. Ломоносова	357
Г. М. Прохоров (Ленинград). Еще одно мнение о происхождении «арабских» цифр	362
В. И. Малышев (Ленинград). Возможны ли еще рукописные находки в Усть-Цилемском районе Коми АССР?	370
Л. П. Жуковская (Москва). Пергаменные рукописи Пушкинского дома	375
О. В. Творогов (Ленинград). Притчи Варлаама в собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома	380
О. А. Белоброва (Ленинград). Изображение Леонтия из Неаполиса Кипрского в древнерусском рукописном сборнике Пушкинского дома	384
А. И. Копанев (Ленинград). Новые записи на древнерусских книгах	387
У. Райан (Лондон). Об одной рукописи Космографии Публичной библиотеки в Ленинграде	392
Н. Н. Покровский (Новосибирск). О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири	394
В. В. Лукьянов (Ярославль). Новые поступления в рукописные собрания Ярославского и Ростовского музеев (краткий обзор)	404
С. Д. С. Лихачев (Ленинград). «Тресвѣтлое солнце» Плача Ярославны	409
Список сокращений	410
К сведению авторов, присылающих свои статьи в «Труды Отдела древнерусской литературы»	412